



· БЕЛЫЕ ВОИНЫ ·





Александр

Генерал
ГЕРУА

МОСКВА «БЕЛЫЕ ВОИНЫ» «ПОСЕВ» 2018

УДК 355.083(47+57)(092)

ББК 63.3(2)5

Г 34

Военно-историческая серия «Белые войны»

*Издается по благословению
митрофорного протоиерея Димитрия Смирнова*

Автор проекта серии — *А. Н. Алекаев*

Научные рецензенты:

С. Н. Базанов, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Центра военной истории России Института российской истории РАН;

Н. Д. Постников, кандидат исторических наук,
доцент Московского государственного областного университета

Научные редакторы:

П. А. Новиков, доктор исторических наук, заведующий кафедрой
истории и философии Иркутского национального исследовательского
технического университета

Г 34

Генерал Геруа: сб. / сост., прим. и коммент. К. А. Пахалюк; предисл.
А. Н. Алекаев. — М.: Информационное агентство «Белые войны»; Содру-
жество «Посев», 2018. — 528 с. : 8 п. цв. вкл. — (Белые войны)

ISBN 978–5–906569–17–2

Одиннадцатая книга серии «Белые войны» посвящена генералу Б. В. Геруа, Георгиевскому кавалеру, генерал-майору Генерального штаба, участнику Русско-японской войны и Великой войны. Основой книги стали «Воспоминания о моей жизни» Бориса Владимировича Геруа, изданные в Париже в 1960-е гг. Также в сборник вошли статьи по военному искусству, написанные самим Б. В. Геруа, и архивные документы.

Издание адресовано широкому кругу читателей, как профессиональным историкам, так и всем, интересующимся русской военной историей.

Книга иллюстрирована редкими фотографиями.

В оформлении книги использован портрет художника Д. А. Трофимова «Генерал Б. В. Геруа».

*Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и
массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012–2018 годы)»*

УДК 355.083(47+57)(092)

ББК 63.3(2)5

ISBN 978–5–906569–17–2

© Информационное агентство «Белые войны»;
Содружество «Посев», 2018

© А. Н. Алекаев, проект серии, 2018

© К. А. Пахалюк, прим. и коммент., 2018

© А. Н. Алекаев, предисл. издателя, 2018

© А. Н. Алекаев, предисл. издателя, 2018

© Е. Г. Клодт, А. А. Базилевич, оформление, 2018

Предисловие издателя

Приготовили сеть ногам моим; душа моя поникла; выкопали предо мною яму, и сами упали в нее... Воспрянь, слава моя, воспрянь, псалтирь и гусли!
Пс. 56:7,9

В год столетия со дня окончания Первой мировой (Великой) войны выходит в свет одиннадцатая книга военно-исторической серии «Белые войны» — «Генерал Геруа». Этот сборник в основном посвящен Русской Императорской армии, которая фактически прекратила свое существование после подписания большевистским Советом народных комиссаров позорного и предательского Брестского мира. Но еще долгие пять лет лучшие офицеры этой армии — не изменившие присяге и не снявшие погоны — продолжали воевать в рядах белых армий с красным интернационалом за Веру, честь и достоинство своего Отечества.

Хотя из двух братьев Геруа, служивших в начале XX столетия в Русской Императорской армии, более известен старший — Александр Владимирович Геруа (участвовавший позднее в Белом движении), новая книга серии посвящена младшему из братьев — Борису Владимировичу. Наш выбор обусловлен не только тем, что он был Георгиевским кавалером (награжден Золотым оружием за храбрость в 1914 г. за оборону города Ясло) и генерал-майором Генерального штаба. Б. В. Геруа важен для потомков еще и тем, что написал и опубликовал в Париже двухтомник «Воспоминания о моей жизни» — книгу не только интересную, но и востребованную сегодня, мемуары, на которые регулярно ссылаются современные исследователи, занимающиеся русской военной историей первых десятилетий XX века. Автор, запечатлевший на страницах своей работы множество интересных подробностей, был одним из последних командиров знаменитого лейб-гвардии Измайловского полка, традиции которого (наряду с Преображенским и Семеновским полками) возрождаются в современной России. Благодаря воспоминаниям Б. В. Геруа современный читатель получает возможность вместе с автором пройти весь путь русского офицера: начиная с обучения в 1-м кадетском и Пажеском корпусах, а затем Николаевской академии Генерального штаба и заканчивая участием в боевых действиях на фронтах Русско-японской и Первой мировой войн.

Отметим, что серия «Белые войны» изначально предполагала подробно рассказывать о жизненном пути не самых известных широкому кругу читателей офицеров русской армии, не занимавших ключевых должностей в военной иерархии. Не случайно первая книга серии была посвящена генерал-лейтенанту С. Л. Маркову. Обращение авторов проекта к фигуре Б. В. Геруа в этом отношении вполне закономерно и продолжает традиции серии. Показательно, что с первым героем серии «Белые войны» — генералом Марковым — Борис Геруа учился на одном курсе в Академии Генерального штаба (предвоенный выпуск 1904 г.). Командуя впоследствии 123-м пехотным Козловским и гвардейским Измайловским полками, проходя службу в должности генерал-квартирмейстера Особой армии, автор сталкивался со многими известными офицерами русской армии (В. М. Безобразов, барон А. Г. Винекен, М. К. Дитерихс и др.), большинству из которых он дал яркие и оригинальные характеристики. Важно и то, что Б. В. Геруа был не только очевидцем, но и непосредственным участником важнейших событий своей эпохи.

Книга «Воспоминания о моей жизни» впервые переиздается в полном объеме с момента выхода в 1960-х гг. в Париже. В современной России воспоминания Б. В. Геруа, вместе

с другими вошедшими в эту книгу материалами (в том числе и архивными, впервые вводимыми в научный оборот), безусловно, будут востребованы как профессиональными историками, так и широким кругом читателей (интересующимися русской военной историей).

Но наряду с вкладом в изучение истории русской армии не менее важна и другая цель, достижению которой мы стараемся способствовать выпуском этого сборника. В мае 2018 г. Святейший Патриарх Кирилл после многолетних восстановительных работ освятил Свято-Троицкий Измайловский собор в Санкт-Петербурге (храм был заложен императором Николаем I ровно 185 лет назад). Сегодня в нем вновь хранят и чтут традиции и историю родного гвардейского Измайловского полка. Мы надеемся, что новая книга станет нашим скромным вкладом в дело сохранения и преумножения исконных традиций русского православного воинства. А значит — и в укрепление духовного фундамента наших вооруженных сил.

Тесная связь генерала Геруа с Измайловским полком (в том числе и работа в Измайловском собрании в эмиграции) нашла свое отражение в оформлении книги: на корешке изображен погон с вензелем императрицы Анны Иоанновны, по указу которой и был в 1730 г. основан гвардейский Измайловский полк (на обложке книги размещен герб этого Гвардейского полка), а также погон другого важного для Б. В. Геруа полка — 123-го пехотного Козловского, во время командования которым Геруа был награжден Георгиевским оружием и с которым он прошел первые (самые тяжелые) месяцы Великой войны.

Убеждены, что правда и добро восторжествует над ложью и злом и новая книга, в которую вошли воспоминания русского офицера, займет достойное место в серии «Белые воины», а традиции и слава лейб-гвардии Измайловского полка будут продолжены нашими современниками.

И последнее. Двухтомник генерала Геруа попал ко мне в руки при помощи издательства «Посев» из Парижа. На каждом из томов стоит красивая печать Андрэ Шмемана (книги были из библиотеки Андрея Дмитриевича Шмемана). Как известно, его отец Дмитрий Шмеман был офицером лейб-гвардии Семеновского полка и в Гражданскую войну воевал на стороне белых. С войсками генерала Н. Н. Юденича молодой гвардейский офицер оказался в Ревеле (ныне — Таллинн), где и родились братья-близнецы — в последствии священник и богослов Александр Шмеман и последний подданный Российской империи Андрей Шмеман. Дело в том, что Андрей Дмитриевич всю свою жизнь прожил с так называемым нансеновским паспортом (единственный представитель эмиграции первой волны, не принявший французского гражданства), что сделало его пребывание за границей крайне сложным. В 2004 г. президент России Владимир Путин во время визита во Францию вручил ему российский паспорт, связав таким образом через гражданина-патриота, отказавшегося менять свое подданство, современную Россию с Российской империей.

Получив в руки двухтомник, который принадлежал до меня такой уникальной, по-настоящему православной семье (Андрей был старостой Знаменской церкви в духовном сане иподьякона), я еще больше укрепился в своем решении издать книгу о генерал-майоре Б. В. Геруа, включив в нее его мемуары «Воспоминания о моей жизни».

Редакция серии выражает признательность за помощь в подготовке книги доктору исторических наук Р. Г. Гагкуеву, Ф. А. Гуцину, начальнику канцелярии Свято-Троицкого Измайловского собора Д. Б. Леонтьеву и С. В. Решетникову.

А. Н. Алекаев, руководитель проекта «Белые воины»

СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ РУССКОГО ОФИЦЕРА Б. В. ГЕРУА

Борис Владимирович Геруа — представитель той части русского офицерства, которая сформировалась на службе Генерального штаба и была закалена в огне Первой мировой. Он был слишком молод для первых ролей в годы войны, но достаточно талантлив, чтобы стать причастным ко многим страницам боевой истории русской армии. Ученый-теоретик, хороший штабист, прекрасный боевой офицер и к тому же еще и художник — редко столько качеств совмещается в одном человеке. И, казалось бы, когда пройдено уже многое и начинается карьерный взлет (ему чуть более 40 лет — самый расцвет сил!), случилась революция, развал русской армии и Гражданская война. Геруа оказался в эмиграции: тот мир, к которому он принадлежал и с которым он связывал судьбу, разрушен, идеалы, которым он служил, оказались отвергнуты новой Россией. Это обрело его — как многих других соратников по несчастью — на ностальгию, обращенное к прошлому переживание одновременно славных и трагических лет жизни.

Возможно, именно это подтолкнуло Бориса Владимировича на создание прекраснейших воспоминаний, которые во многом схожи со многими другими ностальгирующими творениями «товарищей по несчастью», но есть и отличие. Речь идет о редком уровне анализа состояния русской армии, глубочайших психологических характеристиках сослуживцев и жестокой честности по отношению к себе. Безусловно, мемуары — это слово, сказанное *уже после*, призванное заклясть прошлое и подчинить его рациональному взгляду, объяснить и растолковать, рассказать о жизненном пути, но они же позволили имени Геруа закрепиться в памяти потомков, а нам — его глазами увидеть наиболее трагичную эпоху нашей страны. На протяжении повествования кажется, что в мемуаристе борются две идентичности: с одной стороны, он — русский офицер, представитель привилегированной корпорации, пытающийся на страницах возродить потерянную Россию, воздать должное тем, чьи имена в стране советов вычеркивались из истории. С другой стороны, перед нами Геруа-ученый, который стремится не столько

вспоминать о себе (упор на свое эго не характерен для эмигрантских офицерских мемуаров), сколько дать анализ произошедшему, выступить не просто как свидетель и участник, а как ученый.

Ранние годы

Кем был Борис Владимирович Геруа? Во многих моментах его можно назвать «средним», если, конечно, иметь в виду военную элиту империи. Он происходил из военной семьи с французскими корнями. Прадед Клавдий Геру переселился из Франции в Россию при Екатерине II, стал членом Академии художеств. Его сын Александр (дед нашего героя) пошел на военную службу, снискал славу в войнах против Наполеона и сыграл важную роль в спасении царской семьи во время декабристского восстания, чем заслужил благодарность молодого Николая I. Владимир Александрович Геруа сделал предсказуемую карьеру сына приближенного ко двору генерала: он не оставил своего имени в пантеоне военных героев, но прожил достаточно спокойную жизнь, под конец которой получил чин генерал-майора и Минскую местную бригаду в командование.

Первую часть жизни Б. В. Геруа можно назвать в какой-то степени типичной для тех многих офицеров, кто был немного «выше среднего» с точки зрения достатка и социального положения. Родился он 9 марта 1876 г. в далекой туркестанской Аулиеате (ныне Тараз, древнейший город Казахстана). Сначала обучался дома, потом в Первом кадетском корпусе в Санкт-Петербурге. Судя по мемуарам, здесь он был ни первым, ни последним, ни «тихоней», ни душой компании. На тот момент семью Геруа нельзя было назвать богатой, о стесненности в средствах автор пишет вплоть до момента поступления в Николаевскую академию Генерального штаба. Однако высокий чин деда позволил ему в 1884 г. быть зачисленным в пажи-кандидаты Высочайшего двора, т. е. стать кандидатом на поступление в элитный Пажеский корпус, куда его и перевели в 1890 г. [1].

Обращают внимание некоторые особенности повествования о ранних годах, а именно стремление не просто рассказать о жизненном пути, но и вплести его в историю этих учебных заведений. Наиболее отчетливо это чувствуется в описании традиций Пажеского корпуса — само ощущение принадлежности к сообществу пажей (а ведь поступить в корпус могли только дети и внуки обладателей высших трех чинов по Табели о рангах, а также представители титулованного и древнейшего дворянства) имело большое значение для мемуариста. Безусловно, Б. В. Геруа являлся носителем определенной корпоративной этики, ему было важно чувствовать себя частью элиты, опреде-

ленных «элитных корпораций» (сначала Пажецкий корпус, затем — служба в гвардии, потом — сообщество генштабистов), хотя в жизни это и не выливалось в снобизм. По крайней мере, мемуарист постоянно осуждает его проявления у сослуживцев (особенно генштабистов) и тем самым обозначает определенную дистанцию. Вероятно, она существовала и в реальности.

Кроме того, эти главы в большей степени содержат теплые воспоминания об офицерах-воспитателях и начальстве, нежели об учебных буднях. В будущем Геруа сам стал преподавателем, а потому, вероятно, оглядываясь в прошлое, начинал задумываться о тех воспитательных методах, которые испытал на себе. Возможно, это отражает особый склад мировоззрения человека, связавшего жизнь с иерархичной военной системой. А может, внимание к психологическим характеристикам начальства и их влиянию на полковую жизнь является результатом восприятия «социальной мифологии» того времени, когда социальные процессы интерпретировались сквозь призму психологического фактора. Тогда популярность имели представления о психологии масс и рассуждения об умении этими коллективными чувствами управлять.

Так, мы мало что узнаем о жизни в Первом кадетском корпусе, за исключением неприятной для мемуариста ученической традиции различных балаганов, где заправляли ученики старших курсов («подонки» кадетского общества). Сожаления о том, что этот «революционный институт» не выводился, дополнялись упоминанием, что, как правило, зачинщиков исключали. Любовь к дисциплине и строгости проявляется и в том, как автор дает весьма подробные и психологически многогранные характеристики двух наиболее запомнившихся офицеров-воспитателей — В. Г. Новоселова и Н. Ф. Карлштадта. Тепло отзываясь об обоих, Б. В. Геруа симпатизирует, скорее, первому из них, который «был молчалив и давил на нас спокойно, ровно и беспристрастно... руководил своими воспитанниками невидимо, достигая результатов разными педагогическими приемами, которые не бросались в глаза» (с. 61)*. Н. Ф. Карлштадт принадлежал к другому психологическому типу, он «задорно энергичен, подвижен, много и громко кричал, точно командуя, и раскатисто хохотал зычным басом. Перед назначением к нам Карлштадт управлял выпускным классом в строевой роте, где снискал себе известность своими популярными беседами и вульгарными анекдотами» (с. 62).

Любопытно, что сопоставление этих двух офицеров-воспитателей в определенной степени структурно схоже с тем, как Б. В. Геруа

* Здесь и далее в скобках после цитат приводятся страницы настоящего издания.

сравнивает двух директоров Пажеского корпуса, при которых ему довелось учиться, генералов Ф. К. Дитерихса и Ф. Э. Келлера. Несмотря на теплое и уважительное отношение к обоим, симпатии у Геруа лежали к первому, прежде всего за его строгость и эгалитарность: «Ф. К. Дитерихс поставил всех на одну доску. Учебные отметки, поведение и характер служили единственным мерилom для выдвижения. Раз навсегда, например, было установлено, что в старшем специальном классе после назначения фельдфебеля, который выбирался не только за учебу, но и за волевые и внешние качества, два (или три) камер-пажа назначались к Императрице (или Императрицам) строго по старшинству баллов. Никакая маменька и никакой папаша из светского Петербурга не могли заставить Дитерихса сделать исключение для их сыновей из этого твердого правила» (с. 66). В этом плане критика боевого генерала Ф. Э. Келлера была направлена на излишнюю фамильярность с кадетами и мягкость, например, баловство в рации или биде в умывальной. Эти меры мемуарист называет «либеральными» и «товарищескими». Не меньшая критика раздавалась в адрес того, что тот излишнее внимание обращал на светские манеры, отчего могли страдать в плане продвижения талантливые пажи. При этом Геруа признал, что сам выиграл от этой системы, однако «это не мешает мне усомниться в моральной пользе такого отказа» (с. 68).

Сложно сказать, каких из этих оценок придерживался Геруа непосредственно в годы учебы, но мы можем предположить, что на способ изложения повлияли последующие революционные события, хаос которых заставил еще более ценить дисциплину и порядок, а в начальстве — справедливость и требовательность. Отсюда, кстати, подробное описание различных практик дисциплинирования, включая и систему «подтяжек», когда ученики старших курсов занимались военным воспитанием младших товарищей. Оно заключалось в обучении строевому шагу, постоянных индивидуальных докладах и рапортах, где особое внимание уделялось выправке: «Малейшая неисправность в одежде, недостаточная отчетливость поворота, вялость шага, неумение рассчитать расстояние так, чтобы принимающий рапорт пажа мог подать ему руку — что было традицией, — вело к короткому окрику: “Явитесь еще раз!” с указанием ошибки» (с. 72). Подобная система, иррациональная с позиции «гражданских», на физическом, телесном уровне заставляла пажей впитывать особенности военной дисциплины и военного товарищества, ведь каждый из учеников младших классов знал, что через некоторое время сам будет на месте своих «воспитателей».

Существовали и другие правила, отделявшие «старших» от «младших» (обращение на «Вы», отдельные места в курилке, запрет проходить мимо кровати старших), однако все они вовсе не приводили

к возникновению таких негативных явлений как, например, раскол или дедовщина. Наоборот, перед нами очень точно обрисован особый социальный институт, нацеленный на воспитание подлинных отношений товарищества и очерчивающий пространство именно служебных отношений, которое именно отграничивалось от иных форм взаимодействия: «При встречах где-нибудь в обществе, в домашней обстановке, все эти искусственные грани стирались, и восстанавливалось дружеское “ты”. Служба была службой — дружба дружбой. Правило, знание которого оказывалось потом полезным при первых же шагах молодого офицера» (с. 73).

Впрочем, отмечая, что уровень образования в Пажевском корпусе был выше и более систематичным, нежели во многих других аналогичных учебных заведениях, Б. В. Геруа признавал многие недостатки, а именно: поверхностность военной подготовки, слабый уровень преподавания ряда предметов, особенно математики и истории. Причина — формализм преподавателей, неготовность (как в случае с преподавателем истории Р. Менжинским) подняться над посредственным учебником, ориентация учеников на зубрежку, нежели на понимание и самостоятельную работу. Несмотря на это выпускники Пажевского корпуса имели привилегии при последующем распределении. Неудивительно, что мемуарист подчеркивает именно эти недостатки, поскольку, уже спустя десять лет заняв должность профессора Николаевской академии Генерального штаба, он стал одним из борцов за обновление системы военного образования, где было бы меньше бумажного догматизма и больше практики.

Начало пути (строевого, боевого и научного)

Действительная военная служба Б. В. Геруа началась осенью 1893 г. с переводом в специальный младший класс. В 1895 г. он был выпущен из Пажевского корпуса и произведен в подпоручики лейб-гвардии Егерского полка. Воспоминания о первых годах в строю опять начинаются с характеристик командиров и опять с противопоставлений по линии требовательность vs формализм. Первый год он служил под началом графа П. Шувалова: «Это был человек умный, просвещенный, в высшей степени серьезный и дельный, в отношениях с офицерами доступный и внимательный. Образец командира. Работать с ним было легко, и никто не жаловался на его несомненную требовательность» (с. 96). В заслугу ему ставились повышение уровня подготовки в стрельбе и борьба с различными шулерскими приемами для «улучшения» отчетности. Его «антиподом» стал следующий командир полковник А. И. Чекмарев: «Службу Чекмарев, впрочем, знал, хотя

нес ее формально и без блеска, с добросовестностью заведенного на долгий срок исправного автомата. Сердце у него больше лежало к хозяйству, к полковой швальне». Отсюда и поразительное влияние командира на саму службу в полку: «Андрей Иванович боялся простуды и сквозняков, носил шарф на шее, не расставался с калошами и при малейшем дуновении ветра поднимал воротник пальто. Постепенно, с его приходом, и полк точно надел калоши и поднял, нахохлившись, воротник, закрывающий лицо. Таково влияние командира! Привитая графом Шуваловым строевая бодрость сменилась ровным и бледным исполнением служебного долга и уставов. Пробужденный было интерес к стрельбе заглох. Творчество и инициатива в гомеопатических дозах смели прорываться только в хозяйственной области» (с. 97).

Впрочем, как свидетельствовал Б. В. Геруа, истинными носителями полковых традиций являлись фельдфебели, причем фельдфебеля 1-й, «государевой», роты знал сам император: «Ротные командиры могли меняться, младшие офицеры — тем более, а фельдфебель оставался на своем посту бессменно, до глубокой старости, пока позволяли здоровье и силы» (с. 103). Конечно, критический анализ не пошел дальше, дабы поставить под вопрос собственно роль постоянно меняющихся и во многом не отличающихся рвением офицеров в воспроизводстве полковых традиций.

Рассказывая о службе в лейб-гвардии Егерском полку, Б. В. Геруа совмещает две вещи: с одной стороны, он представляет себя как часть элитарного сообщества «офицеров-егерей», что является предметом гордости, с другой — пытается дать и определенный критический взгляд, который бы при этом не дезавуировал то положительное, что было связано с «егерями». В первом случае мемуарист подробно останавливается на особенностях службы, взаимоотношениях между офицерами, представляя развернутую, но все же синхронную, обобщенную, картину полковой жизни. Во втором — прибегает к нарративному, т. е. повествовательному, изложению, рассказывая различного рода истории. Такая форма позволяет обозначить важные недостатки и избежать необходимости самостоятельно формулировать негативные оценки. Так, Б. В. Геруа упоминает, что на рубеже веков еще не были изжиты устаревшие тактические привычки эпохи русско-турецкой войны 1877—1878 гг. При этом относительно низкий уровень подготовки проявлялся на маневрах. Во время одних из них начальник штаба Петербургского военного округа генерал Г. Р. Васмундт устроил разнос многим генералам, однако командующий округом великий князь Владимир Александрович подытожил: «Я могу прибавить, что маневр разыгрался отлично: пехота наступала, кавалерия скакала, артиллерия стреляла. Благодарю вас, господа!» Эта формула действовала расхолаживающе на командный состав, как свидетельствовал Геруа:

«Командиры рысили к своим частям, думая о разносе Васмундта и похвале Великого князя. После шести слов его резюме длинная и мелочная критика начальника штаба казалась расплывчатой и ненужной...» (с. 123). Читателю предлагается самому сделать выводы.

Служба в лейб-гвардии Егерском полку длилась 6 лет. За это время Геруа несколько раз назначался батальонным адъютантом, командовал различными ротами, получил чин поручика, а в 1899 г. его назначили заведующим офицерской библиотекой. С этим периодом связано и другое примечательное событие, а именно участие в написании юбилейной истории полка*. Так началась карьера мемуариста как ученого. В 1901–1904 гг. Б. В. Геруа прошел курс военной академии Генерального штаба, проявив себя не только в постижении основ штабной деятельности, но и в военно-исторических исследованиях. Два курса он окончил «по 1-му разряду», получил чин штабс-капитана, затем дополнительный 3-й курс, награждение премией имени генерала А. Н. Леонтьева и годовым окладом жалования по чину за лучшую по исполнению стратегическую тему [2].

Из всех своих однокашников по «академической скамье» именно Б. В. Геруа сделал одну из наиболее блистательных карьер. Исключения составляют С. Л. Марков (герой Первой мировой войны, ближайший помощник А. И. Деникина, один из лидеров Белого движения) и генерал П. А. Половцев (в годы войны командир Татарского конного полка, затем начальник штаба «Дикой дивизии» при ее начальнике великом князе Михаиле Александровиче, в 1917 г. стал начальником Петроградского ВО, руководил разгоном июльской демонстрации большевиков). Значительное большинство в годы войны состояли командирами пехотных полков, не продвинувшись дальше начальников штабов дивизий или корпусов. «Карьерный пик» большинства из них пришелся на революционный 1917 г. Однако это были достойные люди: 18 человек (Е. О. Монфор, Н. С. Махров, Н. И. Левизов, Д. К. Лебедев, В. Г. Козаков, Л. В. Квитницкий, Н. С. Елизаров, А. В. Дорошкевич, В. Н. Полтавцев, С. Д. Прохоров, А. П. Ревшин, Н. Г. Семенов, В. Н. Сокира-Яхонтов, Л. И. Савченко-Маценко, А. А. Якимович, А. О. Штубендорф, И. Н. Шевцов, В. В. Чернавин) наряду с Б. В. Геруа стали кавалерами Георгиевского оружия. Четверо (К. А. Моровицкий, И. Н. Пионковский, П. А. Маркодеев и В. Е. Вязмитинов) получили орден Св. Георгия 4-й ст., причем последний — за успешное командование 136-й дивизией в боях под Ригой в августе 1917 г. А еще восемь (С. Л. Марков, П. А. Половцев, И. М. Белоусов, В. П. Бреслер,

* Речь идет об издании, составленном в 1896 г. по архивным документам и другим источникам офицерами лейб-гвардии Егерского полка (см.: История лейб-гвардии Егерского полка за 100 лет. 1796–1896. СПб, 1896).

Ф. И. Ростовцев, Я. В. Софонов, М. П. Чеглов, А. Н. Шуберский) удостоились обеих наград. Из тех, кому удалось сделать в определенном роде схожую карьеру, можно назвать Л. К. Александрова (в 1917 г. получил чин генерал-майора, в революционные годы став у красных начальником штаба Петроградского ВО), Н. В. Запольского (в 1917 г. некоторое время занимал должность начальника штаба 7-й армии) и Н. А. Берха (в 1916–1917 гг. — генерал-квартирмейстер Румынского фронта). Любопытной оказалась судьба В. М. Четкова: в годы войны командовал артиллерийской бригадой, дослужился до полковника. После войны — в РККА, известный ученый-артиллерист, удостоился двух орденов Ленина, а в 1944 г. ему было присвоено звание генерал-лейтенанта.

По выпуску Б. В. Геруа надел форму офицера-генштабиста, став частью сообщества, которое представляло, по его же словам, отдельную касту, обладавшую преимуществами в карьерном продвижении. Интересная деталь: описывая взаимную нелюбовь «строевиков» и «генштабистов», мемуарист признает многие недостатки, присущие тому сообществу, которому он принадлежал. Он называет генштабистов кастой, которая оберегает привилегии, включая занятия ключевых должностей в армии и военном министерстве. При этом на начальных должностях молодых генштабистов настолько загружали канцелярской работой, что это превращало их из «мозга армии» в простых канцеляристов. Непродолжительные цензовые командования различными частями и подразделениями не исправляли ситуации.

Однако неверно видеть в Геруа только военного интеллектуала — сразу по выпуску из академии весной 1904 г. он добровольно уехал в Маньчжурию на войну против Японии. В мемуарах он отмечал, что добровольцами вызвался весь курс, однако определены были в командировку только первые 30 по старшинству баллов. Это был его первый опыт нахождения на театре военных действий, правда, не на передовой, а сначала при штабе Маньчжурской армии (с 31 октября 1904 г. и. д. помощника старшего адъютанта управления генерал-квартирмейстера), а затем — Главнокомандующего (формально — с мая 1905 г., причем в июле занял должность обер-офицера для делопроизводства и поручений управления генерал-квартирмейстера при главнокомандующем). Здесь он работал по линии Генерального штаба, выполнял отдельные поручения главнокомандующего, затем получил назначение в разведывательное отделение, где систематизировал информацию о противнике. За одну осуществленную лично им разведку получил орден Св. Анны 4-й ст., «аннинское оружие». За участие в Мукденском сражении награжден Св. Станиславом 3-й ст. с мечами и бантом, а по итогам войны украсился еще и Св. Станис-

лавом 2-й ст. Два боевых ордена для штабного офицера и еще «зеленого» генштабиста было свидетельством, как минимум, благорасположения начальства, а также признанием зарождающихся штабных талантов.

Межвоенный период: между строем и кафедрой

Война для молодого генштабиста стала периодом получения первого практического опыта, апробирования той «теории», которую он получил на академической скамье. Неудивительно, что по окончании японской кампании, получив распределение в Киев, помощником по строевой части начальника штаба 42-й дивизии, Геруа пробыл здесь полгода, с радостью уйдя на год отбывать ценз командования ротой в 168-й пехотный Миргородский полк.

Мы уже отмечали, что фигура противопоставления, хоть и разбавленная детальными описаниями, является одной из любимых у Геруа. Именно она позволяет ему формулировать жизненный опыт, превращать воспоминания в увлекательный нарратив. В кадетские и пажеские годы учебы друг другу противостоят дисциплина и фамильярность, для последующих 15 лет службы характерна борьба «нового» и «старого», «мертвого» и «живого». Так, «живой и талантливый» Н. И. Сухотин выводит из спячки Академию Генерального штаба, которая впала в нее при Г. А. Леере. «Груз старого опыта» (турецкой войны 1877–1878 гг.) мешает воспринять изменения в военном деле, а в годы Русско-японской войны негативно довлеет над А. Н. Куропаткиным: бывший начальник штаба у гениального М. Д. Скобелева слишком сильно цепляется за изжитые шаблоны. Подобная метафорика не является случайной, по крайней мере, ее активно использует значительная часть общественности для описания и осмысления тех тектонических изменений в жизни России. В годы мировой войны именно она структурирует в публичном пространстве осмысление происходящих изменений, центральное же место занимает концептуальная метафора «освобождения»: освобождение славян из-под «немецкого ига» (что раскручивала официальная пропаганда) коррелирует с освобождением России от «немецкого засилья» (это придает легитимность мерам по переделу немецкой собственности), а параллельно и либеральные, и правые публицисты пишут об освобождении страны от «старых порядков». К началу 1917 г. это формирует основания для принятия самой идеи революции.

Конечно, мы далеки от того, чтобы обвинить Б. В. Геруа в восприятии революционной риторики. Как образованный человек сво-

его времени, он говорил на языке своей эпохи, языке модернизма. Возможно, причина здесь и в том, что, будучи человеком живым, творческим, хоть и лишенным харизмы (каковой отличался тот же П. Н. Врангель, блестяще окончивший академию Генерального штаба, но не пожелавший расстаться со строевой службой), Б. В. Геруа пошел по наиболее свойственному для его характера пути — пути штабиста, чем обрек себя нахождение долгое время на вторых ролях. И там, где ожидалась работа живой мысли, мозга армии, он зачастую встречал людей косных, ограниченных, склонных к бюрократии и канцеляршине, для которых «бумажка» приобретала «священное значение». Отсюда и попытки, хотя бы в мемуарах, отгородить себя от значительной части этого сообщества. Только так можно объяснить характеристику командира полка Н. Ф. фон Стааля: «В нем совершенно отсутствовали встречавшиеся иногда неприятные черты штабного офицера — академика: самомнение, заносчивость и фокусничество» (с. 213). Однако это общее разочарование вылилось не в слепое недовольство, а в постоянное стремление к живой работе, военному творчеству, а при невозможности — приводило к эскапизму, проявлявшемуся в уходе на научно-преподавательскую работу.

Обратите внимание, как схожи два этапа в его межвоенной карьере. В 1907 г. Геруа вернулся в штаб 42-й дивизии, однако уже через год он со скандалом (об этом чуть ниже) ушел на должность преподавателя Киевского военного училища. Об этом времени он не пишет многое, лишь отмечая: «Работа меня интересовала и мне удавалась. Культурная среда преподавателей была приятна. Не мешал и большой заработок, равнявшийся, примерно, содержанию бригадного командира» (с. 219). Спустя чуть больше года, в декабре 1909 г., он получил чин подполковника и назначение на должность помощника делопроизводителя в Главное управление Генерального штаба в отдел 2-го обер-квартирмейстера, который заведовал разведкой. Однако и здесь он прослужил два года, и, отказавшись от должности военного агента в Румынии, 1 февраля 1912 г. был назначен экстраординарным профессором Николаевской академии.

Обратим внимание, как борьба «старого» и «нового» структурирует память о службе в штабе 42-й дивизии в 1907–1908 гг. Ее начальник генерал Н. А. Епанчин пытался внедрить новые способы подготовки: он стал сначала требовать еженедельных выездов офицеров «в поле» и решений различных задач на месте, затем — еженедельных лекций на военную тематику. Геруа активно включился в данную работу, что не понравилось начальнику штаба дивизии генералу А. С. Лукомскому, который видел в этом необоснованное повышение роли и самостоятельности новоприбывшего капитана. Ситуация ухудшилась из-за скандала, когда Геруа дал одному сослуживцу из секретного шкафа

новое мобилизационное расписание для необходимой работы. Этот офицер потерял его и стал отрицать вообще, что брал его. В итоге в приказе по дивизии выговор объявили Б. В. Геруа. Все это послужило причиной ухода, по крайней мере, так мемуарист излагает эту историю.

Сам А. С. Лукомский изображает эту историю несколько иначе, дескать сам Н. А. Епанчин был недоволен Геруа, поскольку тот забыл исполнить его приказание личного свойства: рядом со штабом дивизии располагался монастырь с парком, в котором начальник дивизии получил разрешение совершать прогулки от настоятеля. Потому он распорядился сделать калитку, о чем Геруа забыл. Формальной же причиной стало небрежное исполнение служебного распоряжения Н. А. Епанчина: «Он поручил Геруа организовать маневры и расставить мишени, что выяснилось, что Геруа на местности не был, что кроки были составлены неверно, что мишени были расставлены отвратительно» [3]. Геруа объяснял это загруженностью по работе и тем, что доверил расстановку мишеней одному из офицеров, который и допустил оплошность. Сам Лукомский утверждает, что вообще спас Геруа от гнева начальника дивизии, который хотел добиться отчисления того вообще из Генерального штаба. Учитывая военный опыт и научные заслуги мемуариста, мы сомневаемся в его неспособности справиться с поручением. Более того, как показывает послужной список, Б. В. Геруа четырежды назначался временно исполняющим должность начальника штаба дивизии (дважды при начальнике Ф. В. Мартсоне, дважды при только что прибывшем Н. А. Епанчине) [4], замещая тем самым полковника А. П. Карцева*. В декабре 1907 г. начальником штаба стал А. С. Лукомский и назначения прекратились. Это дает основание предположить, что, скорее всего, речь шла о служебном конфликте, завязанном на привычке Геруа к автономии, самодурстве самого Епанчина (по свидетельству Лукомского, тот «считался блестящим офицером Генерального штаба, но человеком с отвратительным характером», а назначение на должность начальника дивизии было для него, бывшего директора Пажеского корпуса, опалой) [5] и стремлении самого Лукомского упрочить свою власть как начальника штаба.

* Можно добавить, что осенью 1914 г., командуя 3-м корпусом во время боев в Восточной Пруссии, генерал Н. А. Епанчин фактически «сгнобил» своего подчиненного талантливого начальника 27-й дивизии генерала К. М. Адарида, переложив на последнего ответственность за неудачный ноябрьский бой у Гериттена и обвинив его в самовольном отходе. Последовавшее судебное разбирательство в конечном итоге не нашло вины. См.: *Пахалюк К. А.* Генерал К. М. Адарида // Военно-исторический архив. 2013. № 3. С. 160–175.

К сожалению, Б. В. Геруа не написал много о работе в Генеральном штабе (может это связано с определенным разочарованием?), хотя и сделал немало интересных аналитических заключений о его устройстве. Замечаний, правда, скорее критического характера. Например, когда на должности начальника Генерального штаба оказывались фактически случайные люди, а основная работа держалась на обер-квартирмейстерах и начальниках отделов. Отметим, что одним из результатов деятельности Б. В. Геруа стало составление подробного справочника о вооруженных силах Болгарии, который, спустя несколько лет, дополненный, вышел отдельным изданием. Это было стандартизированное описание, сосредоточенное скорее на организационно-штатной структуре вооруженных сил, их устройстве, а также особенностях устава. Особый интерес к последним, вероятно, проистекал из того, что они опирались на французские аналоги, а сам Геруа выступал в то время за переход именно к французской системе организации армии [6].

В Главном управлении Генерального штаба мемуарист долго не задержался. Он отказался от должности военного агента в Румынии и в 1911 г. стал профессором Николаевской академии Генерального штаба. Здесь он провел 3,5 года, защитив диссертацию и став одним из тех реформаторов высшего военного образования России, которые объединились вокруг фигуры полковника Н. Н. Головина и получили максимальную поддержку со стороны нового начальника Академии генерала Д. Г. Щербачева (к слову, одного из лучших военачальников Первой мировой). Спустя год службы его перевели на должность экстраординарного профессора, а «за отличия» вне очереди присвоили чин полковника [7].

Во время преподавания в Академии Б. В. Геруа выпустил (помимо упомянутого обзора болгарской армии) две книги. Одна из них была посвящена тактике технических войск, а именно внедрению технических новинок в развитие вооруженных сил. Основой книги послужил соответствующий курс, который он читал младшему классу Николаевской академии. В частности, на основе сравнительного анализа опыта России, Франции, Германии, Австро-Венгрии и подробного изучения опыта последних войн (прежде всего Русско-японской) Геруа подробно анализирует тактику саперов, понтонер, железнодорожных войск, авиации и подразделений связи. Несмотря на определенный схематизм, анализ привлекает внимание рядом положений, которые оказались актуальны в годы мировой войны. Так, Геруа подчеркивает роль телеграфной связи, призывая к ее гибкой организации за счет рассредоточения технических средств между штабами так, чтобы обеспечивалась связь не только «сверху — вниз», но и «снизу — вверх» [8]. Для Геруа очевидна необходимость использовать связь во время ма-

невренных операций, чему необходимо учиться уже в мирное время, а также приводить полевые уставы в соответствие новым требованиям: «Имея в виду руководящую роль старшего штаба по распределению задач и средств связи, следует решительно признать практикующееся у нас бесхарактерное включение, в приказах, телеграфных отделений в состав колонн, без указания задач, совершенно бесполезным. Обдуманное распоряжение техническими средствами связи должны составлять особый пункт приказа или — еще лучше — отдельное приказание. Войскам же нужно знать только одно: где и когда будут открыты станции» [9].

Не меньший интерес представляют рассуждения о применении авиации. Конечно, некоторые моменты отдают наивностью, другие — предвоенной модой, например, пиетет перед большими дирижаблями. Так, Геруа подробно сравнивает характеристики самолетов и дирижаблей, пытаясь выделить специфику потенциальных боевых задач. Например, аэропланы он резервирует за тактической разведкой, а большие дирижабли рекомендует придавать штабам корпусов для ведения разведки стратегической [10]. Однако нужно учитывать, что авиация была абсолютно новым и малоизвестным родом войск, с которым русская армия только начинала знакомство. А потому представляется смелой уже сама постановка вопросов о полевой независимости самолетов и дирижаблей, стратегической разведке, особенно-сти постановки задач и воздушных боях [11].

Второй книгой Геруа стала его докторская диссертация «Маневр как средство достижения цели боя» (отрывки из нее публикуются в приложении к изданию). Во введении он указывает на критическую значимость стратегического и тактического маневра, способа его организации для исхода боя: «Масштаб расстояний со времени Наполеона раздвинулся в такой степени, что организация решающего маневра на самом поле сражения для значительных сил сделалась невыполнимой: необходимо заблаговременное, вне поля боя, нацеливание частей, и следовательно, создание такой группировки сил на марше, которая отвечала бы идее будущего боя» [12]. Здесь мы также сталкиваемся с той же философией, которую отмечали в мемуарах: боевой успех, подавление воли неприятеля достигается за счет приобретения «собственной свободы распоряжения войсками, местом и временем» посредством живой деятельности армии и активности [13]. Именно таким образом (как в рассматриваемых примерах из деятельности таких военных гениев, как Фридрих Великий и Наполеон) проявляется гениальность полководца, причем «правильное в основе своей решение, правильно обеспеченное и проведенное в жизни, понижает господство случая до минимума» [14]. Сравнивая особенности оперативной мысли Фридриха Великого (маневр

Мюхельн-Россбах) и Куропаткина под Шахе, Геруа особо выделяет стремление первого преодолевать господствующие шаблоны, в то время как второй «приближает нас к идеям ведения боя заурядными генералами XVIII века» [15].

Борьба за новые, более живые, практико-ориентированные методы преподавания была тяжелой (мемуарист подробно останавливается на ней, и нам нет смысла ее пересказывать) и окончилась, к сожалению, победой «консерваторов». Их оппоненты один за другим, пусть и с получением внеочередных чинов и переводом в строй, были удалены из столицы.

Великая война: начало

Начало Первой мировой для Б. В. Геруа началось с «курьеза», по крайней мере, именно так он представляет этот эпизод: планировавшееся назначение на высокую должность начальника оперативного отдела штаба Юго-Западного фронта сорвалось из-за того, что он запоздал с приездом на день, а потому получил назначение начальником цензурного отделения. В первый период войны, когда основные силы русской армии только мобилизовались и завязывались первые бои, дело цензуры действительно являлось второстепенным. В это время все усилия прилагались к тому, чтобы в первых сражениях нанести поражение противнику. 4 (17) августа* границу Восточной Пруссии перешли войска Северо-Западного фронта, а на следующий день наступление началось и против Австро-Венгрии. В эти знаменательные дни мемуарист «переквалифицировался» из цензора в пропагандиста, наладив выпуск фронтовой газеты «Армейский вестник».

Впрочем, на этой должности Б. В. Геруа задержался недолго: в один из своих визитов к линии фронта он встретил командира корпуса Р. Д. Радко-Дмитриева, с которым был знаком ранее. И вскоре получил предложение принять в командование 123-й пехотный Козловский полк (31-я пехотная дивизия). Несмотря на то, что Геруа был в чине полковника только 2,5 года (а потому «более законных претендентов» на эту должность было больше), его утвердили. К командованию он был допущен 23 сентября (6 октября), т. е. в период, когда две крупнейшие операции начала войны закончились: русские армии потерпели поражение в Восточной Пруссии, в то время как в Галиции войска Юго-Западного фронта одержали крупную победу над австрийцами, откинув их за р. Сан. В это время немцы уже перебросили значительные силы на Среднюю Вислу, начав со своими союзниками

* Здесь и далее в скобках приводится дата по новому стилю.

мощное наступление в общем направлении на Варшаву. Парированием занимался штаб Юго-Западного фронта, которому в то время были подчинены почти все русские армии. Его левый фланг, а именно 8-я, 3-я и Блокадная армии, 19 сентября (2 октября) был выделен в отдельную Галицийскую оперативную группу под командование генерала А. А. Брусилова. Задача состояла, во-первых, в обороне занятой Галиции, во-вторых, в блокаде крупной крепости Перемышль, в-третьих, в ведении операций против австрийцев и немцев на правом берегу Вислы, тем самым обеспечивая устойчивость основных наших войск севернее. Нашим силам в Галиции противостояли три австро-венгерские армии, которые в ходе наступления планировали одержать реванш за августовское поражение [16].

В боях за Галицию: 1914

Назначение Геруа на должность командира полка, т. е. 23 сентября, совпало по времени с неудачным штурмом крепости Перемышль и обозначившимся усилением противника южнее, что заставило думать Брусилова о том, что в скором времени он перейдет в общее наступление. Ведение оборонительных операций требовало занятия более удобных позиций, в связи с чем 25 сентября (8 октября) 3-я армия с арьбергاردными боями стала отходить за р. Сан. С 28 сентября (11 октября) началась упорная оборона его нижнего течения. 1(14) октября попытку форсирования в районе Сенявы — Ярослав (т. е. на фронте 11-го корпуса, чуть севернее 10-го корпуса) предприняли части 4-й австро-венгерской армии, однако русские войска выстояли. Части 3-й армии с 1 (14) по 4 (17) октября отражали попытки противника переправиться, и, хотя в некоторых местах (в частности, около Ярослава) ему и удалось закрепиться на созданном плацдарме, в целом план австро-венгров форсировать Сан потерпел неудачу, что заставило врага перейти к обороне.

Южнее, в районе 8-й армии, ситуация развивалась сложнее. 2-я австро-венгерская армия еще в конце сентября вела наступление, стремясь выбить русские войска с Карпат. Противник начал теснить наш левый фланг (24-й армейский корпус), однако встретил сильное сопротивление. Попытки охватить фланг и отрезать 8-ю армию от Львова также не удались. Тяжелые бои завязались и у Хырова в центре 8-й армии. К 1 (14) октября обстановка несколько стабилизировалась: ее правый фланг и центр с опорой на заранее подготовленные позиции вел активную оборону, на левом фланге также удалось укрепиться и переходить в чувствительные контратаки. Сам же Брусилов задумался о переходе в наступление. Его план активного маневра ле-

вым флангом современные исследователи считают авантюристичным: в условиях горной местности, наличия у противника резервов обходной маневр едва ли мог быть успешен. Однако он мог сорвать наступательные планы противника, что и произошло на самом деле.

Изначально планировалось перейти в наступление 3 (16) октября, однако 1 (14) октября выяснился успех 4-й стрелковой бригады генерала А. И. Деникина, которая в ходе стремительной атаки на левом фланге 8-й армии захватила господствующую высоту, а вместе с нею вражеских пленных. Хотя дальнейший успех развить не удалось, Брусилов решил начать наступление раньше на день, а для этого приказал усилить 8-ю армию за счет соседа справа, т. е. 3-й армии, а именно позаимствовав у нее две дивизии. Одной из них и была 31-я пехотная дивизия, которую двинули в д. Мосчиску, в район действий 12-го армейского корпуса генерала Л. Леша. Сам же Радко-Дмитриев решил перейти к более активным действиям в целях облегчить положение 8-й армии. Уже спустя три дня, к 7 (20) октября, наметился успех русских войск: были захвачены основные переправы через Сан.

Попытка наступления Брусилова своим левым флангом фактически провалилась, поскольку была парирована встречным наступлением. Угроза охвата с юга сохранялась. Вместе с тем правый фланг, а именно 12-й корпус генерала Леша, в ходе яростных атак 4–5 (17–18) октября продвинулся вперед. Положение австрийцев на этом участке фронта стало критическим. Противник перебросил сюда резервы и сам 5 (18) октября перешел в контратаку: из-за позднего подхода 121-го Пензенского полка австрийцы смяли позиции 75-го и 76-го полков из 19-й дивизии и заняли г. Магера. Утром 6 (19) октября австрийцы прорвали позиции 60-й дивизии у выс. 282 в направлении на дер. Гусаково. Для ликвидации прорыва был задействован резерв в виде двух батальонов 124-го Воронежского полка с батареей 31-й артбригады. В течение дня прорыв ликвидировали, а к вечеру воронежцы штыками отбросили австрийцев к д. Тышковице [17]. Завязались бои за гору Магеру, противник усиливал позиции, перебросив сюда бригаду пехоты и 7 артиллерийских батарей.

Значимость развернувшихся в этом районе боев объясняется тем, что здесь русские солдаты прикрывали общее направление на Львов и купировали попытки 3-й австро-венгерской армии прорваться дальше на восток. Особенность боевых действий со стороны русских частей заключалась в активной обороне, во время которой части 31-й дивизии были раздерганы и фактически перемешаны с войсками 19-й и 60-й пехотных дивизий. Заметим, что в мемуарах Б. В. Геруа весьма скупо описывает взаимодействие с соседями, что косвенно свидетельствует о том, что оно было организовано на достаточно невысоком уровне. Мемуарист отмечает: «Вообще в этот период действия козлов-

цев представляются мне оторванными и не связанными с работой своей дивизии в целом. Мы, правда, постоянно чувствовали руку и глаз А. С. Саввича, но можно было подозревать, что 31-я дивизия, попав в район и в подчинение чужого корпуса (12-го) в качестве гастролера, употреблялась новым начальством враздробь, по полкам, для так называемого “затыкания дыр” в боевой линии или для укрепления пошатнувшихся участков».

Как видно, пагубная практика эпохи Русско-японской войны не была изжита, внося сумятицу в общее управление боем. Ситуация в случае с 123-м полком осложнялась отсутствием инженерного оборудования позиций и слабой поддержкой артиллерии. Интерес к этому бою мы проявляем и потому, что именно за него Б. В. Геруа был награжден Георгиевским оружием. Оно было утверждено спустя более чем год, 16 декабря 1915 г.: «Командуя 123-м пехотным Козловским полком в боях с 8-го по 23 октября под крепостью Перемышль, отбил все настойчивые атаки значительно превосходящих сил противника и, будучи все время под сильным огнем легкой и тяжелой крепостной артиллерии, не только не уступил позицию, но и сам, переходя в контратаку, взял в плен трех офицеров и более 150 нижних чинов» [18]. Любопытно, что собственно на Георгиевском оружии, которое было преподнесено Б. В. Геруа его сослуживцами, значится иная надпись: «Командиру 123-го Козловского пехотного полка полковнику Генер[ального] шт[аба] Геруа Б. В. за оборону города Ясло 3—4 октября 1914 года». В воспоминаниях автор указывал на условность выбора события, за которое официально последовало награждение. Отличия в формулировках это прекрасно отражают, как и разница в определении ближайшего географического ориентира: Геруа сложно назвать участником как блокады Перемышля, так и боев у Ясло. Постараемся несколько подробнее описать те бои.

6 октября три полка 31-й дивизии, включая 123-й пехотный Козловский полк, сменили 19-ю дивизию и заняли позиции левого фланга 60-й дивизии до восточной окраины д. Хрузатице (левее был 73-й Крымский полк из 12-й дивизии). Весь день 7 (20) октября 123-й полк Геруа находился под обстрелом, а 1-му батальону вообще угрожал охват ввиду ситуации справа, на фронте 60-й дивизии. Еще утром противник сумел атакой через высоту 311 частично пленить, частично рассеять батальон 237-го Ветлужского полка. Дальнейшие атаки поставили 60-ю дивизию генерала П. М. Баранова в тяжелое положение, и только подошедшие резервы, а также содействие со стороны 31-й дивизии позволили спасти ситуацию. Однако вечером неожиданно выяснилось, что левый фланг 60-й дивизии отошел [19]. В этот район были срочно направлены полки 19-й пехотной дивизии, однако выяснилось, что отступление произошло по недоразумению и ошибоч-

ному приказу. По счастливому обстоятельству, противник не успел в полной мере воспользоваться этим замешательством, однако все же занял часть высоты 318.

Ситуация на фронте 60-й пехотной дивизии вызвала настороженность высшего начальства. Генерал М. Л. Матвеев, командир бригады, которая совершила незапланированный отход, был отстранен и отправлен под суд. Левый участок обороны принял подполковник И. К. Исаев, а правый — полковник Е. В. Энвальд, командир 124-го Воронежского полка, который укрепился на высоте 282 [20]. Более того, дивизию усилили 5-ю батальонами из 69-й дивизии [21]. Утром 8 (21) октября с прибытием полков из 19-й дивизии была предпринята попытка наступать, однако австрийцы отбили ее. Параллельно козловцы держали оборону от наседающего противника, причем попали в тяжелое положение ввиду отсутствия поддержки артиллерии. Только во второй половине дня зазвучали наши пушки, заставив противника залечь [22]. К концу дня на другом участке 60-й дивизии удалось добиться успеха и занять высоту 318 [23].

На следующий день 9 (22) октября атаки австрийцев продолжились. Корпуса 3-й австро-венгерской армии не оставляли попыток прорваться на Львовском направлении. Непосредственно в районе 12-го корпуса сражалась группа фельдмаршала-лейтенанта Х. фон Чученталера (пехотная дивизия ландвера и стрелковая бригада). Наш противник нес большие потери, но так и не смог сломить оборону. Однако неудачей окончились попытки и группы Исаева (один полк, три батальона и две роты из разных полков) прорвать положение противника. От тяжелого огня артиллерии сильно пострадал 1-й батальон 123-го Козловского полка: в окопах были засыпаны одна рота и пулеметная команда. Затем во фланг начали вести продольный огонь австрийские пулеметы, заставившие 1-й батальон отойти. Тогда Б. В. Герва бросил в контратаку 4-й батальон и две роты 122-го Тамбовского полка. У кладбища Мизинца завязался штыковой бой, атака противника была отбита [24], но австрийцы временно закрепились у кладбища. Согласно журналу военных действий 12-го корпуса, «были направлены часть Козловского и 1 б-н Тамбовского полков; к 4 ч. дня австрийцы выбиты из кладбища» [25].

Однако штаб дивизии обеспокоился тем, чтобы вернуть все утраченные позиции. Утром 10 (23) октября, по приказу начальника штаба 31-й дивизии, 3-й батальон козловцев капитана Яковлева и 4-й батальон 122-го пехотного Тамбовского полка капитана Лухонина перешли в атаку. Изначально она развивалась успешно, однако вскоре 3-й батальон потерпел неудачу. Ему на помощь направили 4-й батальон козловцев подполковника А. А. Пургасова, который пошел в штыки и без единого выстрела к 6 часа утра взял позицию, а вместе с нею

2 офицера и 105 солдат [26]. В ответ австрийцы открыли огонь и снова потеснили 1-й батальон 123-го полка. Он отошел к околице и только благодаря действиям Геруа сумел окопаться. Неудача была обусловлена отсутствием поддержки артиллерии. Только к вечеру позиции были усилены батальоном и 4-мя ротами 75-го пехотного Севастопольского полка. В журнале военных действий корпуса эти события описаны более кратко: «На фронте 31-й дивизии противник перешел утром в наступление на участок у с. Мизинец и оттеснил Козловский полк на высоты восточного берега ручья у с. Мизинец, но отход этот не ухудшил общего положения на фронте корпуса и последствием его было лишь некоторое отодвижение назад левого фланга 60 дивизии. В общем за весь день велся лишь артиллерийский и ружейный огонь на фронте всех частей корпуса» [27]. За эти дни 123-й полк потерял 1 офицера и 700 нижних чинов убитыми, 13 офицеров и 781 нижних чинов ранеными, 157 пропали без вести. Все пулеметы были подбиты [28].

11 (24) октября атаки противника продолжились, свежие силы севастопольцев держались, а козловцы под конец дня все же оставили фольварк Мизинец. Для укрепления обороны пришлось задействовать резервы [29]. Дальнейшие попытки австрийцев прорваться были отражены с большими для них потерями. Любопытно, что в журнале военных действий корпуса отмечался только сильный артогонь, в то время как о попытках переходить в наступление в этот день (11 октября) не говорилось [30]. 12 (25) на фронте дивизии шел артиллерийский дуэль, причем наша артиллерия помешала врагу установить три новые батареи [31]. Попытки же наступать ввиду высоких потерь во всех частях 12-го корпуса не привели к успеху, а потому даже и не были отражены в журнале военных действий [32]. 13–14 октября противник пытался вести наступление в стык между 31-й и 12-й дивизиями, но был отбит.

В конечном итоге бои на данном участке фронта решились благодаря общему развитию событий: под Варшавой немцы потерпели сокрушительное поражение, а южнее, в районе левого фланга 8-й армии, 2-я австро-венгерская армия генерала Бем-Ермоли также оказалась разбита и вынуждена отступать. Не вдаваясь в подробности, отметим, что здесь отличились части под начальством генералов В. А. Альфтанна, А. И. Деникина, Л. Г. Корнилова, А. А. Цурикова, Н. М. Баташева, а также полковника Г. Н. Вирановского. А 16 (29) октября последовала общая директива австро-венгерского командования об отходе. С 15 по 21 октября части 12-го корпуса оставались на прежних позициях, а 22 октября (4 ноября) начали преследование отходящего противника. Днем этого же дня ввиду прибытия пополнения пришел приказ о выводе 31-й дивизии с фронта и о направлении ее обратно в состав 3-й армии, в район Краковец [33].

В ноябре корпус участвовал в общем движении в сторону Кракова, а в начале декабря пришел приказ сменить части 24-го корпуса, что привело к удлинению позиций [34]. Последние серьезные столкновения 1914 г. произошли в середине декабря, когда 8 (21) войска Юго-Западного фронта предприняли очередную попытку наступать. В течение пяти дней 8-я и 3-я армии взяли около 25 000 пленных, укрепившись в Карпатах и выйдя к р. Дунаец [35]. 14 (27) декабря последовала директива штаба фронта, которая предписывала прочно занять линию рек Бяла и Дунаец, преследуя отходящего противника лишь авангардами.

31-я дивизия также участвовала в этих боях. 6 (19) декабря была проведена артподготовка, а 7 (20) декабря дивизия пыталась перейти в наступление в общее направление на Биеч. Успех сопутствовал 121-му полку, который сумел овладеть высотой 309 [36]. Однако попытка наступления 10 (23) декабря была сорвана контратакой противника, в ходе которой он чуть ли не захватил наши батареи. Здесь отличился 123-й Козловский полк, который в ходе героической атаки спас наши орудия и отбросил врага (более подробно описание боя дается в приложении). 11 (24) декабря дивизия продолжила наступление. К концу года 31-я дивизия, включая 123-й полк, расположилась по р. Дунаец, недалеко от города Тарнов.

Горлицкий прорыв

Не считая отдельных попыток противника (как, например, 23 февраля или 5 марта) [37] атаковать расположение дивизии, зимняя стоянка оказалась затишьем перед бурей. Ею стало мощное наступление австрийцев и немцев под Горлицей, которое началось 19 апреля (2 мая) и положило начало «Великому отступлению». Основное место нанесения удара (между р. Вислой и Бескидским хребтом) было выбрано немцами ввиду географических характеристик, облегчающих наступление, и относительной слабости находящихся здесь русских войск. Операция проводилась силами 11-й германской армии (10 пехотных дивизий), ее командующим стал генерал А. фон Маккензен, а начальником штаба талантливым Х. фон Сект. Им была подчинена 4-я австро-венгерская армия, плюс еще 3-я армия оказывала содействие. Непосредственно на фронте, где намечался прорыв, противник обеспечил себе превосходство в живой силе в 2 раза, в тяжелой артиллерии — в 40 [38].

Основной удар пришелся по войскам 3-й армии, и 10-му корпусу в частности. Как свидетельствовал Б. В. Геруа, ставший к тому времени начальником штаба 31-й пехотной дивизии, еще за месяц стали

видны первые немецкие приготовления, однако верховное командование недооценило угрозу. В отчете о боях дивизии упоминалось, что уже к 16 (29) апреля смысл перегруппировки противника был разгадан. Захваченные пленные свидетельствовали: прибывали свежие германские части, против каждого русского полка сосредоточивалась фактически дивизия. С 15 апреля обстрелы стали принимать все более методичный характер. Кроме того, «о прибытии тяжелых калибров давали показания пленные, они же говорили о громадном комплексе снарядов (будто бы “1000 на орудие”» [39]. За один или за два дня до наступления в наше расположение на фронте 70-й пехотной дивизии перебежал австро-венгерский унтер-офицер русин, обиженный на командование за отказ в производстве в офицеры. Он показал, что наступление начнется 19 апреля (2 мая).

Ответные меры в виде усиления войск 3-й армии стали предприниматься буквально за несколько дней до немецкого наступления. Предложение Радко-Дмитриева отойти на несколько переходов, чтобы вывести войска из-под удара и сохранить силы для маневра, было проигнорировано штабом Юго-Западного фронта и Ставкой*. Сохранялась надежда, что войск будет достаточно, чтобы выстоять, а готовящееся общее наступление восстановит положение. Штаб фронта лишь притянул к центру 3-й армии резервы (3-й Кавказский корпус и одну второочередную дивизию) [40].

Однако в первые дни 3-й армии были нанесены тяжелейшие потери, войска стали отходить. И в этом не было ничего удивительного: в районе прорыва (позиции 9-го и 10-го корпусов) находились две слабые второочередные дивизии, которые и не могли сдерживать превосходящие силы противника. Сам же 10-й корпус, не обладая крупными резервами, был растянут на фронте в 36 км. Огневое превосходство германцев сделало свое дело, однако нельзя не признать, что дивизии первой очереди (к которым относится и наша 31-я) проявили куда большую устойчивость. Правда, за это пришлось заплатить непропорционально большую цену: за первые десять дней боев только в 31-й дивизии осталось не более тысячи штыков [41]. Б. В. Геруа наглядно свидетельствовал о том, как в эти дни ураганный огонь немецких орудий нарушил управление между частями. Однако катастрофы удалось избежать ввиду высокого боевого духа русских солдат (мемуарист называл это чудом), тактического мастерства, а также умелой работе штаба дивизии, когда все необходимые приказы, в том числе и об отходе, отдавались заблаговременно.

* Любопытно, что этого мнения придерживался не только Б. В. Геруа, но и его «враг» по Николаевской академии *М. Д. Бонч-Бруевич*, который в начале 1920-х гг. написал одно из первых исследований Горлицкого прорыва: См.: *Бонч-Бруевич М. Д.* Потеря нами Галиции в 1915 г.: в 2 ч. Ч. II. М.; Л., 1926. С. 36.

Обращение непосредственно к документам позволяет в целом подтвердить оценки мемуариста, правда, причины «чуда» были обусловлены тем, что противник, как правило, наносил основной удар по соседям справа или слева от 31-й пехотной дивизии, а краткосрочные успехи обороны — вводом все новых резервных частей. Если рассматривать события на уровне всей армии, то вряд ли можно одобрительно отозваться о попытках держаться за позиции и бросании войск для спасения ситуации на том или ином участке: вместо совершения широкого маневра и подготовки мощного удара войска обливались кровью и все равно отступали.

Постараемся остановиться подробнее на действиях 31-й дивизии в общем оперативном контексте. Уже в ночь на 17 апреля германцы сняли часть своих проволочных заграждений, что свидетельствовало о подготовке атаки. Весь день шел активный артиллерийский обстрел, а в ночь на 18 апреля началось наступление против 121-го и 122-го полков. Его целью было сблизиться с нашими окопами (так как противник отстоял от них на 1 000—3 000 шагов). Ночная атака удалась, австрийцы окопались в 800 шагах от левофлангового Пензенского полка и фактически полуокружили подножие высоты 449, на которую опирался левый фланг дивизии. В штабе активно обсуждались идеи контратаки, однако из-за необходимости снять свою собственную проволоку (ввиду общего наступления врага это признали несвоевременным), было решено направить генерала Саввича на позиции 121-го полка. Здесь он обнаружил слабость резервов и потому распорядился о том, чтобы притянуть из резервов один батальон Козловского полка.

Контратаку планировалось начать утром 19 апреля, однако этим планам было не суждено осуществиться: в 4 утра 19 апреля противник открыл небывало сильный огонь, причем главным образом на участке 121-го полка [42]. Наибольшей интенсивности огонь достиг между 9 и 12 часам, причем в ряде мест окопы были сравнены с землей, а их защитники уничтожены. Во втором часу дня немцы перешли в наступление на всем фронте дивизии, главным образом стремясь занять господствующие высоты. Атака велась несколькими линиями, а артиллерия была по нашим батареям.

После упорного боя противник занял высоту 449, на остальном фронте его атаки были отбиты. В это время наши резервы заняли высоту 434, которая находилась за высотой 449, что придавало устойчивость левому флангу дивизии, где управление боем генерал Саввич взял на себя. Тяжелая ситуация на правом фланге. Крымский полк из соседней 70-й пехотной дивизии был буквально сметен артогнем, что обнажило позиции 124-го Воронежского полка (занимал высоту 405). Им на помощь из резерва были высланы три оставшиеся роты Козловского полка под командой подполковника В. П. Пьянова-Куркина,

которые успели закрепиться на восточном склоне высоты. Начальник дивизии пытался ликвидировать прорыв, двинув на помощь 10-й Костромской полк, который временно был передан ему, однако выяснилось, что штаб корпуса уже отменил это подчинение и использовал часть по своему усмотрению. На помощь из корпусного резерва прибыл 167-й пехотный Острожский полк.

Пока шли резервы, противник из-за отхода частей 70-й дивизии успел прорваться в глубину наших позиций на 10 км. Одновременно пришло сообщение из штаба корпуса, что отпущ артиллерийских снарядов прекращен. В центре Тамбовский и Пензенский полки, усиленные козловцами, отбивали атаку за атакой. К 4 вечера дивизия держала все высоты позиции, кроме 405 (на восточном склоне стоял батальон Пьянова-Куркина) и лесистой 449. Против нее готовилась контратака козловцами во главе с полковником Пургасовым (ему придали из корпусного резерва Хотинский полк). Однако вскоре пришел приказ с наступлением темноты отойти на заранее укрепленную позицию. Во время отхода ситуация осложнялась тем, что противник прорвал позиции 61-й дивизии, которая прикрывала левый фланг, однако сами части 31-й дивизии избежали окружения. Правда, отойти пришлось еще дальше, к ручью Рославице. Одновременно по правому флангу формировался новый отряд: сюда была переброшена 16-я кавалерийская дивизия генерала Н. Г. Володченко, которому были подчинены Острожский и Костромской полки.

К 6 утра 20 апреля перемещения под прикрытием артиллерии завершились. На правом фланге находился 123-й Козловский полк, на левом — все остальные части. В резерве дивизия держала два батальона хотинцев. Бой начался около полудня, все более и более разгораясь к вечеру. Противник пытался обойти правый фланг отряда генерала Володченко, а потому туда из 31-й дивизии был направлен один резервный батальон. Взаимодействие облегчалось тем, что штабы 31-й дивизии и отряда Володченко пребывали в одном доме ксендза у с. Шержины. Не стоит забывать, что в эти дни против Володченко действовал усиленный 9-й австро-венгерский корпус (4-я армия), многократно превосходящий его [43].

В 3 часа дня немцы повели атаку против 31-й дивизии, причем острие было направлено в стык между пензенским и хотинским полками, а также правого фланга. При поддержке артиллерии удалось держать оборону до вечера, когда пришел приказ об отходе: «На правом фланге дивизии обстановка для отступления создалась трудная. Австрийцы густо наседали на козловцев и воронежцев и, в конце концов, прорвались, уже в темноте, в обход фланга дивизии и вышли на нашу 6-ую батарею, еще не успевшую сняться с позиции. Батарея была захвачена неприятелем. Но части 12-й роты Козловского полка

под командой прапорщика Мазирова с присоединившимися артиллеристами во главе с командиром батареи штабс-капитаном Волчанским стремительно бросилась в штыки на австрийцев и прогнала их, переколов наиболее зарвавшихся» [44].

Стоит отметить, что в этот день на фронт был брошен резерв в виде 3-го Кавказского корпуса, который по частям вводился в бой, а потому не сумел кардинально изменить обстановку.

К утру 21 апреля 31-я дивизия заняла новую позицию (в районе с. Подлесье), штаб переместила в с. Чермна. Бой завязался с утра, как и накануне, противник особо наседал на отряд Володченко и правый фланг. В распоряжение 31-й дивизии был направлен 205-й пехотный Шемахинский полк, который приходил побатальонно и сразу же вводился в бой. Любопытно, что рано утром по телефону от генерала В. А. Ирманова (командир 3-го Кавказского корпуса) вообще пришел приказ перейти в наступление, что свидетельствовало о низком уровне осведомленности вышестоящего начальства об истинном положении на фронте. Конечно, штаб 31-й дивизии заготовил соответствующие приказы, однако осуществлены они не были: инициатива оставалась за противником. Он снова атаковал отряд Володченко, в 11 утра прорвал его позиции и стал угрожать флангу 123-го полка. Для ликвидации был направлен только что прибывший батальон Шемахинского полка. К сожалению, к 6 часам вечера отряд Володченко опять откатился назад, противник прорвался вперед, стал обстреливать позиции 31-й дивизии не только с фланга, но и с тыла. В этой ситуации ее начальник генерал П. А. Кузнецов получил приказ отходить к р. Вислока.

В тяжелых условиях дивизия отошла согласно приказу корпуса и заняла позицию от с. Бржостек до с. Букова. Правый фланг прикрывал отряд Володченко, усиленный 3-й донской казачьей дивизией А. Н. Долгорукова, слева разместился 3-й Кавказский корпус. 22–23 апреля выдалось затишье. Подходили резервы: 3-й батальон Хотинского полка, Ставучанский, Троицко-Сергиевский, Солигаличский полки (из 49-й, 63-й и 81-й дивизий), две маршевые роты. Утром 24-го апреля в распоряжение Кузнецова прибыли части 61-й пехотной дивизии со штабом и 249-й пехотный Дунайский полк (из 63-й дивизии). Безусловно, подобное скопление войск в руках штаба 31-й дивизии сильно затрудняло управление. Вечером 23-го апреля было решено оттянуть левый фланг назад и сократить фронт дивизии. Однако 81-й пехотный Апшеронский полк (из 3-го Кавказского корпуса) слишком рано очистил позицию у с. Букова, потому противник атаковал нас в левый фланг. В этой связи на помощь генералу А. С. Саввичу был направлен батальон 251-го пехотного Ставучанского полка. Атаку врага удалось отбить, однако в конечном итоге пришлось удлинить фронт.

Стоит отметить, что 22 апреля тяжелое положение наметилось на левом фланге 3-й армии: силами почти трех корпусов противник вклинился в разрыв между 3-м Кавказским и 24-м корпусами, поставив под угрозу тылы армии. Это привело к ее отходу за р. Вислока [45]. Враг добился крупного тактического успеха, перешедшего в оперативный, однако прорвать фронт и выйти на оперативный простор не сумел. За три дня ожесточенных боев германцы и австрийцы продвинулись только на 4–8 км, сами понесли немалые потери и одерживали успехи там, где обеспечивали тотальное превосходство или (и) сталкивались с второчередными или кавалерийскими дивизиями.

24 апреля противник повел новое наступление на всем фронте 3-й армии, но был отбит. Непосредственно в районе 31-й дивизии австрийцы начали наступление на рассвете против 250-го пехотного Балтинского полка (из 63-й дивизии) у д. Клецы. Атаку балтинцы встретили в ружье, затем подошли резервы, и уже побежал противник. В итоге к нам в плен попало 12 офицеров и около 300 нижних чинов, а также 4 пулемета. Через 1,5 часа полк отошел на новые позиции. После того как днем опять обозначился отход кавалерийских частей, прикрывавших правый фланг, сюда пришлось двинуть резерв, а сами части отвести назад. Здесь дивизия простояла весь следующий день. Отметим, что в эти дни начальник дивизии П. А. Кузнецов заболел и его временно заменил генерал Симанский.

К утру 26 апреля на соседних участках кавалерия была заменена на подошедшие пехотные части, а из резерва прибыли 52-й сибирский стрелковый полк и пополнение в 600 человек. В кратком описании боев генерал Саввич и полковник Геруа отмечали: «На этой позиции уже получилась сплошная пехотная линия. Фронт был сокращен. Не было уже прорывов, которые, по необходимости, заполнялись кавалерией, естественно сдававшей перед натиском пехоты противника» [46]. Появилась надежда: больше отступать не придется, несмотря даже на то, что «полки» и «батальоны» существовали только на бумаге. Так, в четырех «собственных» полках 31-й дивизии насчитывалось 1 650 штыков, в Ставучанском — 1 200, в Дунайском — 800. Пулеметы оказались все разбиты, телефонные провода утрачены на 90 % [47]. Соседние дивизии также были обескровлены, а ситуация усугублялась еще и тем, что в это время 10-й корпус противостоял сначала одному, а затем и двум вражеским корпусам [48].

Как в прошлые дни, части 31-й дивизии подвели соседи. В этот раз «отличился» 208-й пехотный Ларийский полк: вечером 26-го апреля он из-за ошибочного приказа неожиданно очистил окопы, которые в срочном порядке пришлось занимать солдатами из Дунайского полка и выбивать оттуда отдельных австрийцев. 27 апреля противник повел атаку против ларийцев и заставил их отойти, бросившись затем

против Дунайского полка. Контратаку возглавил прапорщик Шмидт с тремя ротами (одна из 52-го сибирского стрелкового полка), которые отбили австрийцев и взяли 30 пленных. К сожалению, это оказался частный успех: противник снова пошел в атаку, заставил наши части податься назад и даже взял в плен несколько взводов из сибирского полка. Обходной маневр купировали казаки из дивизии Долгорукова, однако 31-й дивизии все же пришлось отступить вплоть до позиции у Забиржова и Рацлавки. Отметим, что 27 апреля командование 3-й армии пыталось организовать контрудар силами свежего 21-го корпуса, который, к сожалению, провалился и не сумел изменить обстановку на фронте [49]. Ввиду отсутствия серьезных резервов 3-я армия стала отходить за р. Сан (заметим, что начальник штаба фронта генерал В. М. Драгомиров еще ранее неоднократно предлагал совершить этот маневр, против чего активно выступала Ставка).

Утром 28 апреля 31-я дивизия выяснила, что сосед справа, 61-я дивизия, отсутствует, а австрийцы опять заходят во фланг. Это совпало с получением приказа об отходе за Сан. За почти две недели боев 31-я дивизия была обескровлена, в ней насчитывалось около 1 500 солдат, потери в нижних чинах составили 80 %, в офицерах — 85 %. Вместе с тем стоит признать, что она выполнила свой долг: ни разу не отойдя без приказа и сохранив артиллерию.

«Гвардейский период»: от командования лейб-гвардии Измайловским полком до генерал-квартирмейстера Особой армии

К 30 апреля (13 мая) вся 3-я армия отошла за р. Сан и заняла оборону вдоль нее. Интенсивность боев снизилась. 7 (20) мая Радко-Дмитриев сдал командование генералу Лешу, новым начальником штаба стал профессор генерал А. К. Байов, который, в свою очередь, предложил Б. В. Геруа должность генерал-квартирмейстера. Однако он, стремясь непосредственно в строй, сделал выбор в пользу предложения от командира Гвардейского корпуса генерала В. М. Безобразова: стать командиром лейб-гвардии Измайловского полка. Назначение состоялось 19 мая, спустя 10 дней Геруа был пожалован, вероятно, за апрельские бои, мечами и бантом к ордену Св. Владимира 4-й ст., а 12 июня — орденом Св. Владимира 3-й ст. (к последнему представлен еще до войны за пулеметные сборы, что объясняет отсутствие «мечей»). В командование лейб-гвардии Измайловским полком Б. В. Геруа вступил 11 (24) июня 1915 г. В это время он занимал позиции на достаточно тихом участке в Польше, под Ломжей (тогда гвардия входила

в состав 12-й армии, генерал-квартирмейстером которой являлся брат мемуариста А. В. Геруа).

Гвардия всегда считалась элитой русской императорской армии, что имело позитивные и негативные стороны с точки зрения боевой работы. Среди первых можно отметить героизм войск, благоволение императора (облегчало организацию того же пополнения) и возможность не находиться постоянно на фронте, а составлять резерв, принимая участие только в операциях на критических направлениях. Последний принцип наиболее последовательно отстаивал командир Гвардейского корпуса генерал В. М. Безобразов, который в 1915—1916 гг. являлся командующим всеми войсками Гвардии. Отрицательные же стороны, как это ни странно, обуславливались прежде всего элитарным положением гвардии. Так, В. М. Безобразов был нередко вынужден превращаться в «политика», которые лавирует между различными группами элит, дворцом и командованием. С этим он справлялся более-менее сносно, однако к 1916 г. сумел нажить немало врагов. Сам он пользовался любовью в войсках за отеческое отношение к подчиненным (получил даже прозвище «батька»), однако полководческое мастерство оставляло желать лучшего. Б. В. Геруа витиевато обронил, что его «здорового смысла... было недостаточно, чтобы возместить отсутствие военно-научного образования» (с. 351).

Первое время начальником штаба Гвардейского корпуса был генерал Г. И. Новиц — «величина светская и добродушная, но в смысле знаний и опыта совершенно отрицательная» (с. 351). Основная работа лежала на полковнике В. Н. Доманевском, который в 1914—1915 гг. состоял при штабе корпуса для поручений, а при образовании «войск Гвардии» осенью 1915 г. занял должность генерал-квартирмейстера. Несмотря на действительные таланты штабиста, он отличался манией величия, усиливавшейся алкогольными возлияниями. Потому ему не удалось сработаться с начальником штаба войск гвардии генералом Н. Н. Игнатьевым, который в июне 1916 г. добился его отставки, заменив на Б. В. Геруа. Последний, в свою очередь, нашел, что генерал-квартирмейстерская часть состояла из людей слабо разбирающихся в своем деле, которые делали работу на «любительском уровне». Здесь сказалось общее неприятие гвардейцев к офицерам генштаба и стремление выдвигать на ключевые должности выходцев из своей среды. Такое положение дел «наверху» войск гвардии мало способствовало повышению боевой эффективности.

Не лучшим образом дело обстояло и «внизу». Так, по прибытии в лейб-гвардии Измайловский полк Б. В. Геруа столкнулся с низким уровнем подготовки и выправки строевых частей (в отличие от обозных), а также своенравным характером офицеров (в массе своей — представителей элиты империи): «В штабе полка орудовал им-

провизированный парламент, состоявший, кроме чинов штаба, из всех четырех батальонных командиров и двух вольноопределяющихся унтер-офицеров из команды конных разведчиков» (с. 332). Б. В. Геруа сумел улучшить дисциплину и даже снискать расположение среди офицерского состава (что при известных обстоятельствах непросто). Хотя во время долгой тыловой стоянки зимой — весной 1915—1916 гг. полк, если верить мемуарам, больше занимался вопросами выправки и плац-парадной муштры, нежели тактическими занятиями.

Летом 1915 г. войска Гвардейского корпуса играли роль стратегического резерва Северо-Западного фронта генерала М. В. Алексеева и в этом качестве принимали участие в боях отрывочно, но на важнейших направлениях. В частности, во второй половине июня немцы попытались двумя мощными ударами (один в районе реки Нарев, другой — южнее Варшавы, между Вислой и Западным Бугом) срезать «польский выступ» русского фронта. Для парирования южного удара Гвардейский корпус в 20-х числах июня был брошен к Ковелю в состав 3-й армии, а именно в район г. Красностав, где в июле 1915 г. завязались тяжелейшие (и до сих пор не оцененные по достоинству) бои. Около двух недель он провел в тылу, лейб-гвардии Измайловский полк находился у д. Бзите. Б. В. Геруа отмечал, что в эти дни, пока еще во время двухнедельной стоянки в тылу, прибыл к войскам князь Константин Константинович (сын известного организатора кадетского образования и поэта под псевдонимом «К. Р.» великого князя Константина Константиновича), который до этого находился в отпуске, а теперь вступил в командование ротой Его Величества: «Являясь мне по случаю прибытия, Его Высочество обрадовал меня вестью, что его отец, узнав о моем назначении, выразил, в очень лестных для меня выражениях, свое удовлетворение» [50].

Только 3 (16) июля линия фронта стала подходить к месту нахождения лейб-гвардии Измайловского полка, который вместе с преображенцами был выдвинут вечером 4 (17) июля севернее Красностава. Отсутствие крепких оборонительных позиций, недостаток снарядов — все это негативно сказывалось на положении гвардейцев. 5 (18) июля измайловцы и преображенцы при поддержке гвардейских стрелков выдержали наступление прусской гвардии. Полк понес потери (в том числе два офицера погибли и пять были ранены), но подтвердил право считаться элитным. Б. В. Геруа приводил воспоминания полковника Перского: «Люди лежат в лунках, т. к. окопаться мелового грунта нельзя. Лютая жара, день безветренный. Вся линия наша окутана облаком пыли <...> Неприятель опять открывает бешеный артиллерийский огонь, а пехота повторяет свои атаки. До 6 часов вечера полк атакуется шесть раз. В особенности была упорна и жестока последняя атака, подготовлявшая ураганный огонь всей неприятельской артиллерии...

Понеся огромные потери, противник отошел в исходное положение, в лошину» [51]. Во время боя Геруа, как писал позднее, стремился сохранить один батальон в резерве: лишь три роты для поддержания морального духа обороняющихся были выдвинуты вперед. Также он отказался от прямой поддержки прибывших гвардейских стрелков, предложив штабу дивизии направить их левее для занятия флангового положения. Это позволило взять цепи германцев под перекрестный огонь. Кроме того, во время боя был задействован броневик, который самым появлением на некоторое время отвлек внимание вражеской артиллерии. Геруа даже полагал возможным на следующий день перейти в контратаку, однако ночью на 6 (19) июля пришел приказ об отходе.

Гвардейские части внесли свой вклад в парирование мощного удара фельдмаршала Маккензена. В течение месяца Измайловский полк вел оборонительные бои: как правило, днем солдаты отсиживались под артиллерийским огнем противника и отражали атаки противника, а ночью совершали марш до новых рубежей. Только дважды полк назначался в дивизионный резерв, что давало возможность всему личному составу немного отдохнуть. Наиболее крупным событием этого периода стала оборона позиций у д. Ольховцы 19 июля (2 августа): немцы засыпали наши окопы снарядами, несколько раз бросались в мощные атаки, однако, каждый раз измайловцы и преображенцы останавливали их [52]. Как отмечал Б. В. Геруа, оставляемые места предавались огню: «Зрелище, хотя и живописное, но тяжелое». Это делалось прежде всего, чтобы осложнить положение противника, однако, несомненно, от тактики «выжженной земли» страдали и местные жители. 21 июля (3 августа) у д. Сычевка разведчиками были подожжены находившиеся перед обороняемой позицией оставленные местными жителями снопы с убранным урожаем. От огня загорелись и поля, возникшая дымовая завеса на 1,5 часа приостановила движение противника [53].

Несмотря на высокие потери, русские армии сумели выйти из грозившей им ловушки и выровнять фронт, сохранив силы и пространство для маневра. Однако стратегическая инициатива оставалась в руках немцев, которые (в лице генералов П. фон Гинденбурга и Э. Людендорфа) решили организовать удар во фланг в направлении Вильно — Молодечно — Минск. Сосредоточение резервов для осуществления операции шло параллельно с тем, как русские войска отходили, а Ставка пыталась усилить район Вильно. Для этих целей сюда планировалось стянуть резервы, а также вывести войска с некоторых участков фронта, которые представлялись менее опасными. В частности, еще в конце июля Ставка стала требовать от главнокомандующего Северо-Западным фронтом генерала М. В. Алексеева отпра-

вить в Ковно Гвардейский корпус. Тем самым гвардия превращалась в стратегический резерв [54].

Вскоре она была направлена на правый фланг 10-й армии. Непосредственно лейб-гвардии Измайловский полк 4 (17) августа был посажен в вагоны и отправлен в направлении Вильно, затем неделя ушла на передвижения или стойки, причем только 17 (30) августа у д. Подберезье произошло первое столкновение с противником. Правее 10-й армии располагались войска 5-й армии, а разрыв между флангами прикрывался несколькими кавалерийскими группами, поддержанными второчередными частями. Именно здесь 27 августа (9 сентября) немцы перешли в наступление. В первые дни они потеснили нашу кавалерию и начали обходить позиции Гвардейского корпуса. 28 августа (10 сентября) немцы попытались прорвать позиции Гренадерского полка, но были отбиты. Еще за четыре дня до немецкого наступления за фронтом Гвардейского корпуса стали формироваться резервы из нескольких пехотных дивизий [55]. Командующий 10-й армией генерал Е. А. Радкевич категорически запрещал отход: «Гв[ардейский] корпус сильнее всякого другого не только может, но и должен выдержать атаки противника не только сегодня, но и завтра и до тех пор, пока это потребуется. Повторяю, что я требую восстановить положение. Разрешаю два полка 8-й сибирской дивизии оставить в вашем резерве, но в резерве, а не для восстановления положения» [56]. Подобный приказ обуславливался и тем, что на Свенцяном направлении в это время формировалась новая армия и сосредоточивался конный корпус генерала В. А. Орановского, которые и должны были купировать прорыв.

29 августа (11 сентября) части 1-й и 2-й гвардейских пехотных дивизий под напором противника были вынуждены отойти и расположиться полукругом, в то время как во фланг и в тыл русской армии заходили четыре кавалерийские и шесть пехотных дивизий немцев. Дальнейшие бои распались, с одной стороны, на попытки купировать прорыв (конный корпус Орановского, усиленный 2-й корпус генерала В. Е. Флуга, 3-й Сибирский корпус), а с другой — на оборону частей центра и правого фланга, которые ввиду негативного развития ситуации были вынуждены отступать. 2 (15) сентября некоторые части Гвардейского корпуса неожиданно откатились за р. Вилею, другие (включая лейб-гвардии Измайловский полк) продолжили обороняться, выдержав тяжелый бой 3 (16) сентября. Сложившаяся тяжелая ситуация на фронте 10-й армии и в ее тылах заставила Ставку принять тяжелое решение, а именно отвести в ночь на 5 (18) сентября основные силы всего Западного фронта.

Гвардейский корпус отводился сначала в район д. Лаваришки, а затем был передан отряду генерала Флуга, который непосредственно

боролся с прорвавшимися в тыл немцами. 8 (21) сентября совместно с 5-м армейским корпусом гвардейцы даже пытались перейти в наступление, эти контратаки были необходимы для стабилизации фронта. Благодаря упорству обороняющихся войск и только что сформированной 2-й армии прорыв германцев удалось ликвидировать. Гвардия внесла свой вклад в это дело, понеся тяжелые потери. Так, из 10 тыс. штыков в 1-й гвардейской пехотной дивизии в строю под конец боев осталось только 7 тыс. [57]. В дальнейшем войска гвардии отвели в район города Сморгони (около которого теперь пролегла линия фронта), а после — в тыл.

Как мы отмечали выше, в конце 1915 г. все гвардейские части были сведены в «войска Гвардии» (затем — Особой армии), а с июня 1916 г. Б. В. Геруа занял должность генерал-квартирмейстера. В июле ему было присвоено звание генерал-майора. В это время войска Юго-Западного фронта генерала А. А. Брусилова развивали известное наступление, вошедшее в историю как «Брусиловский прорыв». Успехи первых двух недель (конец мая — середина июня) требовали развития, причем фронтовое командование центральное значение придавало действиям на правом фланге в общем направлении на Ковель. Брусилов хотел прорвать немецкие позиции и выйти во фланг и тыл тем германским частям, которые стояли против Западного фронта. Это привело к кровопролитным боям на ковельском направлении при игнорировании тех успехов, которые одерживали наши армии южнее.

Для усиления действующих в направлении на Ковель войск в начале июля 1916 г. и были притянуты корпуса Особой армии, направленные в район болотистых берегов р. Стоход. Общее наступление началось 15 (28) июля и первоначально обещало принести успех. Так, на правом фланге 30-й корпус генерала А. М. Зайончковского форсировал Стоход, а на левом 2-й гвардейский корпус генерала Г. О. Рауха разбил немцев у Трестеня. Успех первых двух дней оказался исключительно тактическим: немцы отошли на подготовленные в тылу позиции и окопались. Перегруппировка и повторная атака 26 июля не принесли и этого успеха, сказалось огневое превосходство противника и высокие потери, а также отсутствие самолетов для осуществления разведки.

Неудивительно, что после этих неудач генерал В. М. Безобразов был отстранен от командования, а в августе его место занял талантливый генерал В. И. Гурко, который с собою из штаба 5-й армии привез начальника штаба М. П. Алексева и других чинов. Несмотря на столь крутые перемены, Б. В. Геруа сохранил должность, а позднее писал, что уровень работы штаба армии оказался поставлен на очень высокий, системный уровень. В. И. Гурко удалось убедить высшее

командование в переносе цели и направления следующего удара с Ковеля на более южный Владимир-Волынский. Однако, несмотря на значительную систематичную подготовку и исправление ошибок, сопровождавших оперативное руководство Безобразова, наступление, начавшееся 16 (29) сентября и продолжавшееся две недели, полностью провалилось. Сказались сильное инженерное оборудование позиций немцев, мощь артиллерии, а также удар немецкой группы Марвица, нанесенный еще 14 (27) сентября в стык между Особой и 8-й армиями. В этой неудаче нет ничего удивительного, поскольку события на русском фронте принимали характер позиционной войны, ведшейся на полях Франции. С точки зрения затраченных усилий и достигнутых результатов русские войска мало чем отличались от своих «французских коллег». Действия армии Гурко получили противоречивую оценку. Б. В. Геруа пытался их оправдывать необходимостью наносить удары по противнику ввиду общей стратегической обстановки, последующие историки были более критичны. Так, А. А. Керсновский вообще указывал, что напористость генерала шла во вред в условиях окопной войны, а при заметном отставании в техническом отношении попытки прогрызть по французскому образцу 1914–1915 гг. оборону противника и не могли привести ни к чему, кроме как к излишним потерям [58].

Революция и последнее наступление

Б. В. Геруа был из тех офицеров, которые далеко не радостно приняли Февральскую революцию. Тем более что для него лично она началась с трагедии: его друг, начальник штаба Отдельного гвардейского кавалерийского корпуса генерал А. Г. Винекен совершил самоубийство. Интересно, что после объявления об отречении только двое армейских командиров направили верноподданнические телеграммы в адрес монарха (не считая более позднего личного письма от В. И. Гурко): генерал Ф. А. Келлер и командир Отдельного гвардейского кавалерийского корпуса генерал Хан Нахичеванский. Однако, ссылаясь на воспоминания Н. А. Епанчина, современные историки утверждают, что лично Нахичеванский саму телеграмму не отправлял: пользуясь правами начальника штаба, за него это сделал А. Г. Винекен. Впрочем, командир корпуса, мягко говоря, не оценил такого рвения, что и подтолкнуло начальника штаба к сведению счетов с жизнью [59].

Вершина военной карьеры Б. В. Геруа, исполнение должности начальника штаба 11-й армии с мая по начало сентября 1917 г., пришлось на период революции. Вопрос о дальнейшем карьерном продвижении решился еще в начале года: после пройденной аттестации

обрисовалась перспектива принять в командование гвардейскую пехотную дивизию, однако события марта–апреля 1917 г. внесли коррективы. С приходом в военное министерство А. И. Гучкова началась чистка кадрового состава армии, которая преследовала, среди прочих, две значимые цели: во-первых, обеспечить политическую лояльность армии Временному правительству, во-вторых, содействовать очищению командного состава армии от тех, кто не отличался военными талантами и вызывал ненависть у солдатской массы. В условиях революционизации армии и страны, а также усиления уже существовавшего раскола по линии офицеры–солдаты общую идею можно оценить как рациональную, однако ее исполнение внесло раскол в офицерский корпус и способствовало лишь ослаблению армии как единого механизма. Перемещение множества отличившихся ранее командиров на более высокие должности дало скорее негативный эффект. Его причина на языке современной социологии может быть описана в рамках т. н. «принципа Питера»: «В иерархической системе каждый индивидум имеет тенденцию подняться до уровня своей некомпетентности». Другими словами, перед начальниками дивизий, командирами корпусов или командующими армиями стоят разные задачи, требующие разные компетенции. Если человек, например, хорошо командовал корпусом, то это не значит, что он справится с армией*. Тем более необходимо время, чтобы освоиться на новой должности. Соответственно, резкое изменение командного состава привело к тому, что, как минимум, в краткосрочном периоде компетентные командиры превратились во временно некомпетентных.

Более того, в революционных условиях приходилось резко искать новые способы обеспечения боеспособности армии, поскольку старые, основанные на дисциплинарной власти и жесткой иерархической структуре, уже не работали. В конечном счете, речь шла о преодолении раскола между солдатской массой и офицерским корпусом, формировании обновленных стимулов продолжения войны. При этом для солдат принципиальным являлся вопрос справедливости, который мог пониматься по-разному. Например, если довериться документам штаба 11-й армии относительно различного рода беспорядков, то очень часто в основе конфликтных ситуаций лежал именно этот мотив. Так, в конце апреля солдаты 7-го финляндского стрелкового полка при от-

* Этим во многом объясняется кажущийся парадокс, почему боевые генералы П. К. фон Ренненкампф и А. В. Самсонов, прекрасно проявившие себя как командиры корпусов Русско-японской войны, не смогли справиться с командованием армиями в начальный период Первой мировой, причем опыт Русско-японской войны скорее им мешал. А тот же генерал А. А. Брусилов, не имевший никакого командного опыта в боевых условиях, с первых дней оказался «на своем месте».

воде в тыл отказались участвовать в занятиях, потребовав оставить это время для отдыха и приведения в порядок: «Если же нас находят недостаточно подготовленными в строевом отношении, то пусть отведут в глубокий тыл» [60]. В середине мая некоторые подразделения 6-го Туркестанского полка воспротивились переходу в новый район из-за недостатка пулеметов, неполных рядов и отсутствия летней одежды [61]. Вскоре 6-й и 7-й туркестанские полки отказались сменить части гвардейской дивизии (Павловский и 2-й гвардейский стрелковый) на фронте впредь до приведения окопов в надлежащий вид [62]. В других случаях неповиновение объяснялось слабым продовольственным обеспечением [63]. В мае командующий 11-й армией генерал А. Е. Гутор направил характерную телеграмму в штаб Юго-Западного фронта: «Представляя при сим рапорт командира 17-го армейского корпуса от 5 сего мая за № 1002 и присоединяясь вполне к изложенному в нем, ходатайствую о принятии всех мер к возможно скорому удовлетворению наиболее существенных материальных нужд армии, т. е. питания, обуви, платья и белья, и чтобы тем устранить самую острую нужду, дабы она не била в глаза» [64].

В масштабах всей армии вопрос справедливости пытались решить не только за счет смены руководства, но и путем введения централизованной системы комитетов и военных комиссаров. Предполагалось, что они будут контролировать политические настроения в войсках, а также разрешать конфликтные ситуации. Проблема заключалась, однако, в том, что эта система резко ограничивала власть офицеров, причем сами комиссары и представители комитетов начинали вмешиваться в решение оперативных вопросов. Вместо поиска взаимного языка в конечном итоге нарастало взаимное отчуждение. И вопрос здесь не только в неумении офицеров работать по-другому. Так, в мае 1917 г. генерал А. Е. Гутор старался заигрывать с представителями солдатской массы, в то время как Б. В. Геруа скорее искал различные тактические способы ограничения влияния: «Я принял меры, чтобы мои посетители не засиживались в моем служебном кабинете. Достигнуто это было тем, что я приказал очистить комнату от стульев, оставив только свой собственный и один для очередного настоящего докладчика» (с. 400). Показательно, что и командующий, и его начальник штаба, если довериться воспоминаниям последнего, не проявляли — каждый по-своему — излишнего рвения в том, чтобы действительно договориться с представителями солдатских масс.

Конечно, вопрос о взаимоотношениях солдат и офицеров является более глубоким. Если некоторые части в полном составе записывали в состав «ударных», то в других происходил раскол, в рамках которого офицеры сохраняли влияние на боеспособных солдат. Например, в разгар наступления 28 июня в 10-м гренадерском Малороссийском

полку группа солдат до 500 человек во главе с двумя офицерами (подпоручиком Максимовым и прапорщиком Пильвинским) выступила против продолжения наступления. Однако на общем собрании полковой комитет принял совершенно иную резолюцию в поддержку Временного правительства и с просьбой («не желая, чтобы нас смешивали с трусами, изменниками Родины, и не желая покрывать позором славное боевое знамя полка») выделить себя (в составе четырех рот) в самостоятельный 10-й гренадерский полк, а остальных разжаловать [65]. Более сложная ситуация сложилась в лейб-гвардии Павловском полку, офицеры которого 31 июля, признавая свою неспособность обуздать солдат, попросили сформировать из себя отдельный ударный полк [66].

Другая проблема, тесно связанная с перестройкой легитимности, лежала в области поисков тех механизмов организации повседневной работы армии, которые позволили бы противодействовать ее разложению и привели бы к победе. Это происходило на фоне ослаблений позиций офицерского корпуса, нарастания открытого недовольства войной, перестройки отношений в армии на более «демократических началах». Многие руководители, включая Верховного главнокомандующего А. А. Брусилова, полагали, что успех предстоящего наступления станет движущим фактором в изменении психологии солдатских масс. А офицеры в массе продолжали надеяться на то, что появление фигуры сильного военного лидера сможет переломить ситуацию. В июне–августе такие надежды возлагались на генерала Л. Г. Корнилова. При этом на фоне крушения старой системы подчинения выход искался в усилении мер агитации, которой занимались не только военные комиссары, но и сам военный министр А. Ф. Керенский, за что получил прозвище «главноуговаривающего». Определенные надежды возлагались на комиссаров, а также лояльные полковые, дивизионные и прочие комитеты. Так, корпусное командование, сталкиваясь с неповиновением, неоднократно просило выслать «для уговоров» представителей из армейского комитета [67]. А в конце мая 16-й Финляндский стрелковый полк пытался отказаться выступать на позиции, однако полковой комитет вынес постановление о незаконности подобного желания [68]. Заметим, что определенную сложность для войск 11-й армии представляла стихийная «украинизация» частей. Например, 14 (27) июня в Умани 14-й запасной пехотный полк объявил себя «украинским» и заявил, что теперь будет подчиняться Киеву и Генеральному украинскому комитету [69].

Перестройка армии не могла осуществиться в одночасье, особенно в условиях внешнего давления, как со стороны пропаганды противников, так и большевиков, представители которых активно раздували антивоенные настроения. Возможный успех всецело зави-

сел не от упований на изменчивость «массовой психологии», а от той жесткости, с которой вводились новые институты управления, и от систематичности проводимой работы. В этом плане показательно, что, когда в начале мая 1917 г. Б. В. Геруа приехал в штаб 11-й армии, он обнаружил последний в совершенно разложившемся состоянии. Было бы странным ожидать высокой боеспособности войск, если офицеры, призванные вести их к победе, абсолютно халатно относились к исполнению обязанностей. Отсутствие ежедневных докладов и даже оперативной карты в оперативном управлении наглядно свидетельствуют о степени деградации, которую едва ли можно списать на революцию. Последующие полтора месяца перед наступлением ушли на то, чтобы наладить штабную работу. Кроме того, Б. В. Геруа предпринял меры, направленные на противодействие антивоенной агитации в запасных частях, которая особо активно происходила в месте их дислокации в Кременце. Так, уже 3 (16) мая он отдал приказ о выводе оттуда запасных частей, дабы революционная городская обстановка не воздействовала на вновь прибывших [70].

Несмотря на нарастание революционной ситуации и образование системы комитетов, порядок в 11-й армии весной в целом сохранялся, о чем косвенно свидетельствует и относительно невысокий уровень дезертирства [71]. В это время войска готовились к общему наступлению. Новый Верховный главнокомандующий генерал А. А. Брусилов получил шанс еще раз проявить полководческие таланты. Основной удар в отличие от планов 1916 г. теперь возлагался на войска Юго-Западного фронта, а именно его центр — 7-ю и 11-ю армии, которые должны были взломать оборону противника и выйти к Львову. В целом войска Юго-Западного фронта превосходили противника в численности (1 млн солдат против 300 тыс.) и в огневой мощи (6 828 пулеметов против 4 022 пулеметов немцев, 3 497 орудий у нас против 2 695 орудий у противника). Непосредственно 11-я армия (имея около 177 000 солдат) противостояла 2-й австро-венгерской армии (77 тыс. человек), причем на направлении главного удара превосходила ее в шесть раз [72]. К сожалению, главной проблемой стала неустойчивость частей, из-за чего численное превосходство оказалось скорее «бумажным», нежели реальным. Воздействия активной провозенной агитации хватило буквально на несколько дней боев. И то ее влияние во второочередных частях было мизерным. Например, накануне наступления в 625-м пехотном Пляшевском полку солдаты не только отказывались наступать, но и обещали переколоть своих же артиллеристов, если те откроют огонь (поскольку в ответ немцы также начнут стрельбу). Схожая ситуация сложилась и в соседнем полку 101-й пехотной дивизии. Спустя некоторое время, 23 июня, ручной гранатой, брошенной в офицерскую землянку, солдаты пытались

убить командира полка [73]. Тогда против 625-го полка был брошен отряд конницы с артиллерией и броневиками, который подавил мятеж и добился выдачи зачинщиков.

Более того, командование Юго-Западного фронта (главнокомандующий А. Е. Гутор и начальник штаба Н. Н. Духонин) неудачно выбрало способ осуществления основного удара («решили против стыка неприятельских армий бить тоже стыком, что раздваивало удар в направлении на одну цель — Львов», с. 406), линию базирования атакующей 11-й армии (с конца мая ее возглавлял генерал И. Г. Эрдели), а также сосредоточило в подчинении излишне крупные резервы. После двухдневной артподготовки 18 июня началось наступление. Из-за перебежчиков оно не оказалось неожиданным: рано утром австрийцы обрушили мощный артогонь на наши позиции. Однако, благодаря поддержке нашей артиллерии, войска 11-й армии к вечеру смогли взломать оборону у с. Конюхи и взять пленных. Наступление соседней 7-й армии завязло. 19 июня войска генерала И. Г. Эрдели продолжили развивать успех, причем 49-й корпус генерала В. И. Селивачева у Зборува разбил 19-ю австро-венгерскую дивизию. В этом бою состоялось «боевое крещение» Чехословацкой стрелковой бригады, созданной из чехов-военнопленных. У д. Езержанка она прорвала позиции противника и захватила в плен порядка 4 500 человек (в основном сдавшихся добровольно славян). Любопытно, что до 1939 г. 2 июля (т. е. 19 июня по старому стилю) являлось днем рождения чехословацкой армии [74].

К сожалению, на эти два дня пришелся пик успехов 11-й армии. Войска понесли потери, некоторые части, успешно сражавшиеся 18 и 19 июня, полагали, что выполнили свой долг, а потому не должны развивать успех [75]. Однако командование фронтом возлагало надежды на дальнейшее развитие успеха. Так, Эрдели был передан 5-й Сибирский корпус, который 22 июня неудачно пытался наступать (причем, входившая в его состав гренадерская дивизия вообще отказалась идти в атаку). 23 июня попытка перейти в общее наступление всей армией провалилась. Брошенный из резерва Гвардейский корпус из-за низкого состояния боевого духа не сумел добиться успеха.

Неожиданный успех южнее одержала 8-я армия генерала Корнилова, которая сумела продвинуться вперед, захватить более 7 тыс. пленных и повторно взять Галич. К 6 июля потери трех армий составили 2 тыс. офицеров и 56 тыс. солдат, однако в основном они легли на наиболее боеспособные ударные части. К 1 июля общие трофеи фронта составили 834 офицера и 35 809 солдат, 93 полевых и 28 траншейных орудий, 403 пулемета, 44 миномета и 45 бомбометов, 2 самолета [76].

При этом противник сумел подтянуть резервы (включая дивизии с французского и итальянского фронтов) и 6 июля перейти в контр-наступление против левого фланга 11-й армии в общем направлении

на Тарнополь. Несмотря на то, что немцы в целом численно уступали, на участке прорыва они добились превосходства в солдатах в 2,5 раза, а в артиллерии — в 17 раз. Для господства в небе с запада была переброшена истребительная эскадра. Утром 6 июля на русские позиции 6-й Гренадерской и 6-й Сибирской стрелковых дивизий немцы обрушили 340 тыс. снарядов. Это привело к панике среди войск, которая стала быстро распространяться по фронту. Солдаты, по сути, отказались сражаться (17-й корпус бежал, в направленном на поддержку 49-м корпусе многие части взбунтовались, а 1-й гвардейский корпус самовольно ушел в тыл), а потому армия стала отступать [77]. 8 июля командование планировало удар, однако к вечеру сама армия самовольно ушла за р. Серет. В этот день началось общее наступление противника, которое привело к тому, что все успехи первых дней были утеряны, а линия фронта стала перемещаться на восток. 9 июля А. Е. Гутор был заменен на генерала Л. Г. Корнилова, на место И. Г. Эрдели пришел П. С. Балуев. 10 июля главнокомандующий запретил на фронте митинги и собственной властью ввел обратно смертную казнь. Уже 12 июля был оставлен Тарнополь, а 15 июля Юго-Западный откатился за р. Збруч, по которой проходила официальная граница Российской империи. Противник попытался ее форсировать, однако, благодаря маневру трех корпусов под начальством генерала Селивачева, был остановлен и отброшен назад.

Летнее наступление 1917 г. окончилось неудачей, однако было бы ошибочным считать, будто русская армия была неспособна сражаться или, по крайней мере, держать фронт. Возврат смертной казни положительно подействовал на устойчивость войск. Более того, на первый план выдвинулся генерал Л. Г. Корнилов, который в конце июля занял должность Верховного главнокомандующего. С его именем связывались надежды на возрождение армии. Среди тех, кто был готов оказать ему поддержку, оказался и Б. В. Геруа, который стал участником заговора Корнилова против Керенского. Как известно, в конце августа плохо подготовленное выступление провалилось, ключевые фигуры были арестованы. Геруа отстранили от должности, однако он сумел скрыть участие в заговоре. После непродолжительного расследования ему предложили в командование корпус, от чего мемуарист в условиях развала армии отказался и выбрал более спокойную должность преподавателя в Николаевской академии.

Вместо эпилога

Выше мы изложили основные вехи боевого пути Б. В. Геруа, останавливая внимание прежде всего на тех событиях, которые задают общий контекст описываемому в мемуарах. Однако в заключение

стоит сказать несколько общих слов о том, как предстает собственно война в этих воспоминаниях. Безусловно, мемуарист не изменил своей любви останавливаться на характеристиках различных офицеров, как непосредственного начальства, так и ряда подчиненных. Здесь легко угадывается стремление отдать дань памяти достойным офицерам. Отсюда проистекает и критика многих выдвиганий и фактов награждений офицеров за весьма «сомнительные» подвиги. Не стоит это сводить лишь к тому, что сам Геруа так и не стал кавалером именно ордена Св. Георгия, а в бытность командиром 123-го полка он вместе с боевыми товарищами был обойден заслуженными наградами. Даже Георгиевское оружие задержалось на год. Чувство несправедливости, которое неоднократно проскальзывает на страницах воспоминаний, является отражением более широкой социальной проблемы, и в этом чувстве Б. В. Геруа был однозначно не одинок.

Общий корень заключался в том, что существовавшая наградная система и практики награждения (поиск ответа на вопрос: «как из общей массы выделить конкретного героя?») с трудом отвечали условиям массовой войны, где роль конкретной личности далеко не всегда удается четко выделить. А что если в это дело вмешивается личностное соперничество, пристрастное отношение начальства (сюда же добавим и то, что одни командиры были щедры на награды, а другие — скупы) или порою излишне вольное пожалование наград императором в «изъятие» из всех законов? Особое озлобление вызывали случаи, когда боевыми наградами (т. е. обычные ордена с мечами) очень быстро украсились штабные офицеры, в то время как строевые командиры могли несколько месяцев провести в окопах и остаться обойденными. Вопрос здесь не столько в том, что действительно достойные оказывались забыты, а недостойные различными ухищрениями получали «заветные крестики». Проблема в той массе офицеров «посередине», которая выполняла свой долг (в каких-то моментах блестяще, в каких-то — не очень) и в разной степени могла претендовать на награды. Наградить всех невозможно (это нивелирует сам смысл отличия), наградить лишь некоторых значит вызвать вопросы, почему выбрали именно этого, а не другого офицера. Ведь под существовавшую «номенклатуру подвигов», прописанную в Статуте Военного ордена, при должном рвении и канцелярско-бюрократических усилиях могло быть подверстано далеко не самое «героическое» поведение, в то время как истинный подвиг оставался нередко, по крайней мере официально, предан забвению. Даже рассказывая о том, за что сам он получил Георгиевское оружие, Геруа подчеркивает условность официальной формулировки и самого отличия.

Другая важная особенность воспоминаний (не только этих) заключается в определенной дистанции от войны. Геруа, подобно дру-

гим офицерам-эмигрантам, ничего не сообщает о нижних чинах, для него они — подчиненные, воинская масса, лишенная своего лица. Они всецело принадлежат своему полку, являются предметом заботы командира, могут иметь молодежавый или разнузданный вид, их героизм и стойкость в условиях отсутствия управления называется автором «чудом» (как в апреле 1915 г.). Непорядок в частях Геруа всецело приписывает влиянию командиров, однако это не объясняет того, почему разложение в 1917 г. затронуло и прежде образцовые полки. Характерно и то, что именно в рамках театральной метафоры Геруа описывает первые впечатления от нахождения на передовой в октябре 1914 г.: «Шло наступление каких-то наших частей, и нам сверху оно было видно как на ладони. В бинокль можно было следить за постепенным успешным продвижением длинных пехотных цепей, за перебежками резервов. Все это представлялось огромной моделью поля сражения, оживленной движущимися крошечными фигурами солдат, игрушечными повозками и орудиями. Освещенная приятным розовым светом заката картина эта не говорила об ужасах войны и — если бы не разрывы шрапнелей — напоминала бы маневры мирного времени. Мы чувствовали себя в положении зрителей в театре, наблюдавших представление из царской ложи бельэтажа» (с. 281). Ужасы войны ограничиваются описанием первого случая столкновения со смертью некоего раненного австрийца, который умер фактически на руках Б. В. Геруа, а также похоронами в общей могиле австрийских и наших солдат, погибших в боях на подступах в Кракове.

Вероятно, здесь мы сталкиваемся с особым стилем письма, которое представляет войну в виде некоего соревнования. Б. В. Геруа, и как военачальник, и как военный теоретик, концентрирует внимание на управленческих, штабных, оперативных вопросах. Выбранный язык создает дистанцию между автором и войной, превращая последнюю в оперативную игру, в которой привилегированная роль отводится руководству. Многие боевые товарищи-офицеры вырисованы с высокой психологической точностью, однако забвению предаются те миллионы солдат, которые составляют эти корпуса и дивизии, сражаются и одерживают победы, за подвиги которых командиры претендуют на награды. Конечно, этот язык придуман вовсе не Геруа: он доминирует в ностальгирующих мемуарах эмигрантов, равным образом как в годы войны он был призван установить дистанцию между офицерами и тем фактом, что каждый их приказ имеет конкретную стоимость в виде человеческих жизней. Излишний сентиментализм оказался бы вреден с прагматичной точки зрения, однако оборотная сторона — привычка смотреть на нижних чинов как на боевой материал. Точно такой же оборотной стороной любви к муштре является подмена, когда только по внешним признакам (звучное «ура», молодежавый и подтянутый

вид) пытаются оценивать боевой дух и моральное состояние войск. И отсутствие послевоенной рефлексии на этот счет весьма симптоматично.

Разгром корниловского выступления оказался «пирровой победой» Керенского, поскольку нанес удар по той военной силе, которая могла бы противостоять революционизированию страны и укреплению большевиков. Не будет преувеличением сказать, что провал вызвал смятение в среде офицерства, генералитета и представителей корпуса генштабовцев. В общественном пространстве они стали восприниматься как «реакционеры» [78], а сам офицерский корпус, по крайней мере, та его часть, которая выступала с консервативных позиций, оказалась лишена лидеров и политического представительства. Нарастало разочарование в возможности при данном раскладе спасти Россию. Осенью 1917 г., как отмечалось выше, Б.В. Геруа вернулся на профессорскую кафедру и уехал в столицу, где вскоре обосновался и его брат А. В. Геруа. Армия разваливалась, большевики объявили перемирие, на юге пока только зарождалось Белое движение.

Конечно же, свержение Временного правительства современниками не воспринималось именно как Великая Октябрьская социалистическая революция. Руководство армии пыталось сохранить фронт, страна готовилась к выборам в Учредительное собрание, которое и должно было определить устройство государства. Пришедшая на смену власти коалиция большевиков и левых эсеров образовала Совет народных комиссаров, который позиционировал себя как «очередное» временное правительство. Тем более что на местах далеко не везде власть захватили советы. Однако постепенно большевики укрепляли позиции, а январский разгон Учредительного собрания ознаменовал завершение государственного переворота. В условиях нарастающего хаоса позиция многих офицеров была неопределенной: армия разваливалась, Германия силовым давлением принудила молодую советскую Россию к позорному Брестскому миру, однако угроза вероятного немецкого вторжения пугала многих (тем более что летом 1918 г. немцы в нарушение договора продолжали продвигаться на восток). Не стоит забывать, что большевики еще не перешли к политике тотального террора, равным образом как и центры антибольшевистского сопротивления только начинали обозначаться.

Б. В. Геруа, как и его брат Александр, вступили в Красную армию, видимо, полагая, что в сложившихся условиях она должна сыграть свою роль в защите страны от внешнего противника. Отметим, что в этом не было ничего удивительного: по подсчетам отечественного историка А. В. Ганина, 48,4 % всех выпускников довоенной (!) академии Генерального штаба служили именно в РККА против 44,6 % служивших у «белых» (остальные состояли в национальных формиро-

ваниях). Если считать тех, кто за годы войны из числа «красных» перешел на другую сторону, то соотношение изменится: 38,1 % «старых» генштабистов в подчинении большевиков, 46,1 % — в «белых» армиях, 15,8 % — в национальных [79]. Изменение этих цифр наглядно отражает отношение генштабистов к советской власти. Братья Геруа также «вписываются» в эту тенденцию: они стали участниками белого подполья на северо-западе страны. Сам Борис Владимирович преподавал на ускоренных курсах Академии Генштаба 3-й очереди, в марте — мае 1918 г. занимал должность начальника штаба Петроградского района и 14 марта даже направил в Высший военный совет проект декрета об образовании новой кадровой армии [80]. Это случилось сразу после подписания Брестского мира, когда на повестке дня стояла задача обеспечения безопасности западных границ и установления «летучей завесы».

Впрочем, в истории Белого движения более значимую роль играл старший брат Александр Геруа (1870—1944). Весной 1918 г. он был назначен начальником штаба Северного участка и Петроградского района завесы, на этой должности содействовал переправке офицеров в белые войска на Севере России [81]. После революции он обосновался в Румынии, где стал активным участником Русского Обще-Воинского союза и к началу 1930-х гг. создал некую разведывательную сеть на Юге Советской России (впрочем, ее размах и функциональность вызывали большие сомнения) [82].

В мемуарах Б. В. Геруа достаточно мало пишет о своем брате, который сделал весьма неплохую карьеру. Подобное умолчание даже заставляет предположить, что всю жизнь Борис шел по стопам брата, оставаясь несколько в его тени. Так, они оба окончили Пажеский корпус и служили одновременно в лейб-гвардии Егерском полку. В годы Русско-японской войны брат отличился на фронте и получил Георгиевское оружие. В 1906—1911 гг. служил в Главном управлении Генштаба (куда в 1909 г. попал наш мемуарист). Войну А. В. Геруа начал как командир лейб-гвардии Волынского полка, затем занимал должности генерал-квартирмейстера в различных армиях, командовал дивизией, а в конце 1916 г. стал и. д. начальника штаба 2-й армии. Во время революции получил корпус, а завершил войну как начальник штаба Румынского фронта при прославленном Д. Г. Щербачеве. В эмиграции отметился рядом любопытных военно-исторических работ. Возможно, оставь он по примеру младшего брата мемуары, потомки больше бы знали об этом русском офицере.

По некоторым сведениям, Б. В. Геруа отказался от предложений А. И. Андогского переехать вместе с академией в Казань и остался в Петрограде. В начале 1919 г. он перешел границу с Финляндией. Жил в Англии, состоял в миссии представительства ВСЮР в Лондоне [83].

Даже написал пропагандистскую брошюру, доказывавшую, что Красная армия обречена на поражение. После окончания Гражданской войны обосновался в Великобритании. В 1924 г. он окончил Школу живописи в Челси (Лондон), где и преподавал в дальнейшем. В 1989 г. она стала колледжем и сегодня является ведущим британским образовательным учреждением в области искусств и дизайна (входит в состав Лондонского университета искусств). В 1935 г. Б. В. Геруа стал действительным членом Королевского общества поощрения художеств. Активно занимался портретной живописью, написал даже портрет генерала В. И. Гурко. Параллельно участвовал в жизни эмиграции: был членом совета, а с 1939 г. председателем Союза измайловцев, публиковался в издании «Измайловская старина». Преподавал на Высших военно-научных курсах в Париже, будучи членом учебного комитета. Умер в марте 1942 г. в Великобритании, Сент-Мери, Девоншир, где и был похоронен.

К. А. Пахалюк

Примечания

1. РГВИА. Ф. 409. П.с. 312–943. Л. 1 об.
2. РГВИА. Ф. 409. П.с. 312–943. Л. 2–3.
3. *Лукомский А. С.* Очерки из моей жизни // Вопросы истории. 2010. № 7. С. 115.
4. РГВИА. Ф. 409. П.с. 312–943. Л. 5–6.
5. *Лукомский А. С.* Очерки из моей жизни. Воспоминания. М., 2012. С. 183.
6. *Геруа Б. В.* Вооруженные силы Болгарии (По данным к 1 января 1911 года). СПб., 1911.
7. РГВИА. Ф. 409. П.с. 312–943. Л. 7.
8. *Геруа Б. В.* Тактика технических войск. СПб., 1912. С. 114.
9. Там же. С. 125.
10. Там же. С. 174–175.
11. Там же. С. 165.
12. *Геруа Б. В.* Маневр как средство достижения цели боя. СПб., 1912. С. 3.
13. Там же. С. 19–22.
14. Там же. С. 115.
15. Там же. С. 123.
16. *Нелипович С. Г.* Кровавый октябрь 1914 года. М., 2014. С. 299–300.
17. РГВИА. Ф. 2202. Оп. 1. Д. 270. Л. 53–54.
18. РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 180090. Л.с. 165–977. Л. 7 об–Л. 8.
19. РГВИА. 2202. Оп. 1. Д. 270. Л. 55 об.
20. *Нелипович С. Г.* Кровавый октябрь 1914 года. М., 2014. С. 468.
21. РГВИА. Ф. 2202. Оп. 1. Д. 270. Л. 56.
22. *Нелипович С. Г.* Указ. соч. С. 469.
23. РГВИА. Ф. 2202. Оп. 1. Д. 270. Л. 56 об.
24. *Нелипович С. Г.* Указ. соч. С. 478.
25. РГВИА. Ф. 2002. Оп. 1. Д. 270. Л. 57.
26. *Нелипович С. Г.* Указ. соч. С. 487.
27. РГВИА. Ф. 2202. Оп. 1. Д. 270. Л. 57 об–58.
28. *Нелипович С. Г.* Кровавый октябрь 1914 года. М., 2014. С. 487–488.
29. Там же. С. 500.
30. РГВИА. Ф. 2202. Оп. 1. Д. 270. Л. 58 об.
31. Там же. Л. 59 об.
32. *Нелипович С. Г.* Указ. соч. С. 502–503.

33. РГВИА. Ф. 2202. Оп. 1. Д. 270. Л. 63 об—64 об.
34. РГВИА. Ф. 2361. Оп. 1. Д. 162. Л. 79.
35. *Незнамов А.* Стратегический очерк войны 1914—1918 гг. Ч. 3. М., 1922. С. 23.
36. РГВИА. Ф. 2361. Оп. 1. Д. 162. Л. 79, 80.
37. РГВИА. Ф. 2361. Оп. 1. Д. 162. Л. 74—76.
38. Горлицкая операция: сб. документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914—1917 гг.). М., 1941. С. 12.
39. РГВИА. Ф. 2198. Оп. 1. Д. 39. Л. 17 об.
40. Горлицкая операция. М., 1941. С. 10.
41. *Бонч-Бруевич М. Д.* Потеря нами Галиции в 1915 г.: в 2 ч. Ч II. М.; Л., 1926. С. 34.
42. РГВИА. Ф. 2198. Оп. 1. Д. 39. Л. 19.
43. Горлицкая операция... С. 16.
44. РГВИА. Ф. 2198. Оп. 1. Д. 39. Л. 23.
45. Горлицкая операция... С. 16.
46. РГВИА. Ф. 2198. Оп. 1. Д. 39. Л. 28.
47. Там же. Л. 28 об.
48. Горлицкая операция... С. 17.
49. Горлицкая операция... С. 18.
50. *Геруа Б. В.* Боевой и мирный календарь измайловцев с июня 1915 г. по июнь 1916 г. // Измайловская старина. № 10. С. 8.
51. *Геруа Б. В.* Боевой и мирный календарь измайловцев с июня 1915 г. по июнь 1916 г. // Измайловская старина. № 10. С. 13.
52. См.: *Геруа Б. В.* Боевой и мирный календарь лейб-гвардии Измайловского полка // Измайловская старина. 1932. Т. 10. С. 21.
53. *Геруа Б. В.* Боевой и мирный календарь измайловцев с июня 1915 г. по июнь 1916 г. // Измайловская старина. 1932. № 10. С. 21—22.
54. *Евсеев Н.* Свенцянский прорыв 1915 г. М., 1936. С. 14.
55. Там же. С. 75.
56. Там же. С. 51.
57. Там же. С. 197.
58. *Керсновский А. А.* История русской армии. М., 1994. Т. 4. С. 92—94.
59. *Фомин С. В.* Золотой клинок империи // С. В. Фомин // Граф Келлер / под ред. В. Ж. Цветкова и Р. Г. Гагкуева. М., 2004. С. 487. (Белые воины).
60. РГВИА. Ф. 2148. Оп. 1. Д. 979. Л. 38.
61. Там же. Л. 40.
62. Там же. Л. 48.
63. РГВИА. Ф. 2148. Оп. 1. Д. 981. Л. 15—16.
64. Там же. Л. 20.
65. РГВИА. 2148. Оп. 1. Д. 811. Л. 21.

66. Там же. Л. 53.
67. См.: РГВИА. Ф. 2148. Оп. 1 Д. 979. Л. 10, 30.
68. Там же. Л. 105.
69. Там же. Л. 162.
70. РГВИА. Ф. 2148. Оп. 1. Д. 979. Л. 34.
71. См.: РГВИА. Ф. 2148. Оп. 1. Д. 807.
72. *Нелипович С. Г.* Фронт сплошных митингов // Военно-исторический журнал. 1999. № 2. С. 38.
73. РГВИА. Ф. 2148. Оп. 1. Д. 979. Л. 170–171.
74. *Нелипович С. Г.* Фронт сплошных митингов... С. 38–39.
75. *Кавтарадзе А. Г.* Июньское наступление русской армии в 1917 году // Военно-исторический журнал. 1967. № 5. С. 115.
76. *Нелипович С. Г.* Фронт сплошных митингов... С. 42–43.
77. *Зайончковский А. М.* Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 7. Кампания 1917 г. М., 1923. С. 76–78.
78. См.: *Ганин А. В.* «Мы еще на несколько шагов приблизились к бездне...» Генштабисты между корниловским выступлением и октябрьским переворотом 1917 года // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2014. № 2 (75). С. 30.
79. *Ганин А. В.* С кем был Генеральный штаб во время Гражданской войны в России 1917–1922 гг.? // Военно-исторический журнал. 2017. № 3. С. 4–14.
80. *Каминский В. В.* Выпускники Николаевской Академии Генерального штаба на службе в Красной армии. М., 2011. С. 228.
81. *Ганин А. В.* О роли офицеров Генерального штаба в Гражданской войне // Вопросы истории. 2004. № 6. С. 107.
82. *Галас М. Л.* Русский общевойсковой союз: организация, цели и идеология // Вопросы истории. 2008. № 4.
83. *Ганин А. В.* Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны. 1917–1922. М., 2009. С. 196.

часть первая

**ГЕНЕРАЛ
ГЕРУА
ВОСПОМИНАНИЯ
О МОЕЙ ЖИЗНИ**

Генерального штаба генерал-майор
БОРИС ВЛАДИМИРОВИЧ ГЕРУА

ВОСПОМИНАНИЯ О МОЕЙ ЖИЗНИ

ТОМ I

Иллюстрации автора



« Военно-Историческое Издательство « Танаис »

Париж 1969 год

ВСТУПЛЕНИЕ

Когда мой прадед Клавдий Героа (по транскрипции истории Академии художеств, см. с. 10), архитектор, профессор и академик, переехал из Парижа на службу Екатерины II, обстановка в России была такова: 1774 год — Кючук-Кайнарджийский мир, заключивший блистательную первую турецкую войну*.

Гремели имена Потемкина, Румянцева, Суворова.

За год до того было усмирение Пугачевского бунта.

В начале 1774 года был гостем Императрицы (хотя и не жил во дворце, на что рассчитывал) маститый Дидеро. В Санкт-Петербурге он, конечно, виделся с другим знаменитым французом, Фальконетом, занятым тогда отливкой статуи памятника Петру Великому.

Столица лихорадочно обстраивалась. Третий француз строил Академию художеств на набережной Невы. Это был Деламот. До этого Академия ютилась в домах недалеко от будущего здания на том же правом, Василеостровском берегу Невы. Еще раньше — до 1762 года — она числилась в Москве при университете. Как университет, так и вновь урожденная (с 1757) Академия художеств представляла зачатки этих учебных заведений, насытивая в них едва ли сотню студентов**.

В архитектурной горячке поднимаются сооружения, составившие каменную славу Петербурга: мостики Фельтена на Неве, Мраморный дворец Ринальди, Чернышев мост Перроне — автора моста на Площади Согласия в Париже. С 1779 года выступает гениальный Гваренги с вереницей зданий. После этих иностранцев блещут Кокоринов, Баженов, Старов. Два последние по времени могли быть учениками прадеда. Неизвестно, строил ли что-либо он сам. Будучи профессором, он, может быть, не имел на это возможности.

Живописцы того времени: Левицкий, Боровиковский, Шибапов — портретисты; Шедрин, Алексеев — первые пейзажисты.

В 1773 году скончался первый директор Академии — усердный Лосенко, учившийся в Париже. Имя прадеда несколько раз упоминается в «Материалах по истории Академии художеств» А. Петрова, из-

* **Кючук-Кайнарджийский мирный договор** — завершил русско-турецкую войну 1768–1774 гг. По нему Россия получила ряд территорий, право покровительства христиан в Дунайских княжествах, Крымское ханство получило независимость. — *Прим. ред.*

** **Императорская Академия художеств** — основана в 1757 г. На Васильевском острове в 1764–1788 гг. было построено ее основное здание. — *Прим. ред.*

данных в 50-х годах. К сожалению, этой книги не оказалось в библиотеке Британского музея, и не удалось ее найти в эмиграции. Имеющаяся в Британском музее чахлая компилятивная «История Академии художеств» Генриха Реймерса, изданная в 1807 году, не дает никаких существенных справок, кроме перевода на французский язык первых положений об Академии. В числе 43 иностранцев-художников, бывших в России (собственно в Санкт-Петербурге) в 1807 году, согласно списку, приложенному к книжке Реймерса, Геруа нет. Следовательно, он умер к этому времени.

Сын Клавдия, Александр, родился в 1784 году. Он получил образование в Инженерном Шляхетном кадетском корпусе* (который был также и артиллерийским) и в 1800 году выпущен в 16 лет офицером в Пионерный полк**. В следующем году Инженерно-артиллерийский кадетский корпус был преобразован во 2-ой кадетский корпус и потерял свое специальное назначение, а в 1804 году была образована Школа для подготовки военных инженеров. Она послужила основанием будущих Инженерного училища и Академии (1819), которые впоследствии находились под начальством деда по его должности начальника штаба Августейшего генерал-инспектора инженерной части.

2-ой кадетский корпус считал деда своим питомцем и поместил его в числе своих выдающихся воспитанников.

А. К. Геруа участвовал в чине капитана в Отечественной войне 1812 года и в сражениях при Якубове, Клястицах и Головчицах. В 1813 году — под Лютценом, Баутценом и Лейпцигом, также, по-видимому, под Кульмом (будучи командиром саперной роты своего имени, прикомандированной к Гвардейскому корпусу). В 1814 году — под Парижем.

В 1816 году Александр Клавдиевич был назначен командиром 6-го Пионерного батальона, а в 1818 году, с производством в полковники, переведен за выдающуюся службу в лейб-гвардейский Саперный батальон. Одновременно назначен адъютантом в Великому князю Николаю Павловичу. Отсюда шло знакомство великого князя — в будущем главы всего военно-инженерного ведомства — с моим дедом. Он оставался ближайшим сотрудником как Великого князя Николая, так потом и его брата Михаила, вплоть до 1849 года, то есть в течение примерно 30 лет.

В 1820 году Александр Клавдиевич получил в командование лейб-гвардии Саперный батальон, а 30 августа 1825 года, в день име-

* **Инженерный Шляхетный кадетский корпус** — ведет историю с 1712 г., когда указом Петра I была создана инженерная школа. В 1762–1800 гг. называлась как Артиллерийский и инженерный шляхетский кадетский корпус. С 1800 г. — 2-й Кадетский корпус. — *Прим. ред.*

** Пионерный полк основан в 1797 г., с 1829 г. — Гренадерский саперный батальон. — *Прим. ред.*

нин Государя Александра I, был пожалован во флигель-адъютанты Его Величества. Это было последним свитским пожалованием Александра I.

В 1826 году Александр Клавдиевич произведен в генерал-майоры и, в связи с коронацией нового Государя, во время которой дед исполнял обязанности начальника штаба участвовавших в коронации войск, назначен генерал-адъютантом (тогда еще не существовало генералов Свиты Его Величества — звания, присвоенного впоследствии генерал-майорам).

Закончил он свою службу членом Военного совета и скончался 12 февраля 1852 года. Имел все ордена, до Святого Александра Невского, алмазами украшенного, и Святого Георгия Победоносца 4-й степени за 25 лет службы.

Во время декабрьского бунта в 1825 году флигель-адъютант полковник Геруа ввел свой лейб-гвардии Саперный батальон во двор Зимнего дворца и занял его как раз в минуту, когда бунтовщики готовы были туда ворваться. Батальон не пришел, а прибежал с Кирочной, где были его казармы. Император Николай I вынес к саперам маленького Наследника — будущего Царя-Освободителя — и передал его на руки старым ветеранам — солдатам, спасшим Царскую семью. Момент этот был запечатлен в картине, помещенной в собрании батальона, и на одном из барельефов памятника Императору Николаю I. Дед изображен стоящим в мундире, с обнаженной шпагой у ноги.

Император Николай I уважал и любил деда. Когда он умер, и тело его несли из католической церкви Святой Екатерины на Невском мимо Аничковского дворца, Государь вышел из дворца и прошел за гробом некоторое расстояние.

Мой отец, как единственный оставшийся в живых мужской представитель потомства А. К. Геруа, получил по Высочайшему повелению пожизненную пенсию в память государственной службы деда.

Великий князь Михаил Павлович, скончавшийся в 1849 году, за три года до смерти деда передал по завещанию свои серебряные саперные генерал-адъютантские аксельбанты в семью своего старого служебного сотрудника. Отец передал их брату, и тот надел их однажды при форме Генерального штаба на торжественном приеме в собрании лейб-гвардии Саперного батальона в 1912 году, по случаю столетнего его юбилея. Мы были приглашены на это празднество в память деда — второго командира батальона, сохранившего до смерти мундир его.

Александр Клавдиевич был женат на Анастасии Александровне Кобозевой. Можно думать, что брак состоялся в 1832 году, судя по дате рождения старшего сына Николая (1833). В том году деду было уже

48 лет. Поздний брак был несомненен, даже если предположенная дата и неточна. Вследствие этого все дети были очень молоды, когда потеряли своего отца: старшему было 19 лет, младшему — моему отцу — всего 12. Это не могло не отразиться на воспитании и руководстве детьми после смерти деда. Мы ничего не знаем о бабушке, кроме того, что она ударилась в религиозное уединение, окружила себя приживалками и богомолками. Во всем этом чувствуется нечто московское. Может быть бабушка была оттуда родом. На портрете она выглядит довольно красивой женщиной, еще не старой, с русскими чертами лица. Сидит в голубом бархатном кресле у открытого окна с видом на какую-то воду с кораблями. Платье тоже тяжелое бархатное, темно-лилового цвета, с широко открытыми плечами и руками. Волосы темные, причесанные гладко, с пробором посередине.

С некоторым приближением можно думать, что бабушка Анастасия Александровна умерла около 1860 года. К этому времени вышел в офицеры мой отец (1858), и, насколько помню, он вскоре должен был начать вполне самостоятельную жизнь.

В Пажеском корпусе он только держал экзамены, а проходил курс на дому. Он помнил, как его привозили на экзамен в корпус в карете. В 1857 году, до полного окончания корпуса, при переходе в старший специальный класс, он был прикомандирован к Образцовому пехотному полку* «для прохождения службы», а в следующем 1858 году, 18 марта, произведен в прапорщики Кексгольмского гренадерского полка**. Отцу было 18 лет. Но в строю он пробыл только год с небольшим, и 6 июня 1859 года уволен в отставку с чином коллежского регистратора. В 1867 году мы видим его вновь определившимся на военную службу. Он был назначен адъютантом к командующему войсками Западной Сибири генерал-адъютанту Хрулеву (герою Крымской войны) и зачислен по Сибирскому казачьему войску с чином сотника. Отцу было уже 28 лет, и чин этот вследствие долгого пребывания отца вне службы был отсталым.

В Тобольске отец женился на дочери Тобольского губернатора Марии Юрьевне Пелино, и там же родился у него старший сын Александр. Моя сестра Ольга родилась уже в Омске в 1872 году. В 1876 году

* Образцовый учебный батальон сформирован в 1826 г. в Царском Селе «для введения в войсках совершенного единообразия по всем предметам фронтальной службы и обмундирования». В 1827—1861 гг. — Образцовый пехотный полк. С 1861 г. — Учебный пехотный батальон. За 1826—1882 гг. подготовил более 130 тыс. офицеров и унтер-офицеров. С 1882 г. — Офицерская стрелковая школа. — *Прим. ред.*

** **Кексгольмский гренадерский Императора Австрийского полк** — старшинство с 1710 г. С 1894 г. — лейб-гвардейский (с правами и преимуществами Старой гвардии). — *Прим. ред.*

мои родители были в Аулие-Ата, где отец занимал должность уездного начальника по военно-народному управлению. Тут появился на свет автор этих записок — 9 марта 1876 года. За время своей 15-летней службы в Сибири и Туркестане отец «продвинулся в чинах» и выехал в Россию уже в чине полковника. Скончался отец в Минске 21 декабря 1904 года в чине генерал-майора и должности командира Минской местной бригады.

ПЕРВЫЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС

Летом 1886 года меня повезли в Санкт-Петербург сдавать экзамены в 1-ый класс Первого кадетского корпуса.

Приемные экзамены происходили в старом здании корпуса на Санкт-Петербургской стороне, и все в один день. В большом зале, ярко залитом солнцем, стояли на некотором расстоянии друг от друга столы, отведенные под тот или другой предмет, и соответствующего учителя. Мальчиков громко вызывали по списку и требовали по очереди к этим «страшным» столам. Меньшие, в своих курточках и матросках, отрывались от своих матерей, теток, родственников, их сопровождавших, и шли экзаменоваться. Помню, что у меня не было ни малейшего чувства страха или застенчивости. Легче других предметов прошел у меня русский язык, по которому спрашивал мой будущий воспитатель, Василий Григорьевич Новоселов. Слабее — вечная моя препона — арифметика и — неожиданно и глупо — чистописание. Неожиданно, ибо мой почерк не был плох, а глупо, ибо я вместо того, чтобы стараться при диктовке о красоте букв, думал о правописании, которым имел основание гордиться. В результате рукопись моя была написана, вероятно, грамотно, но небрежно. И я заработал жалкие 7 баллов по 12-балльной системе!

Это не помешало мне, как я уже упоминал выше, поступить в корпус в первом из шести или семи десятков принятых и попасть — что было самым важным — на казенный счет.

В одно из ближайших воскресений вечером меня отвезли с Лиговки на далекую Петербургскую сторону и сдали в корпус. Началась моя военная жизнь. Мне было 10 лет, я был привязан к домашней обстановке, которая способствовала моей независимости, и не знал настоящей дисциплины. Не было у меня и тех ранних военных наклонностей, которые обнаруживал мой старший брат. Инстинкты мои были мирные, драчливость некоторых товарищей — не из лучших — была мне противна, и отсутствовало желание играть командную роль в классе. Поэтому понадобилось некоторое время

на обжитие. Даже выходной мундир с красными погонами, с галунным воротником и суконным черным галстуком, сжимавшим шею, не скрашивал первоначальной тоски по дому. Приходя по субботам в отпуск, я еще на лестничной площадке, в ожидании, пока откроют дверь на мой звонок, снимал с себя шинель и расстегивал мундир, держа в руках части своего обмундирования. Я был в нетерпении через минуту или две сменить его на удобную русскую рубашку, ожидавшую меня дома!..

Назначили меня во 2-е отделение, к тому штатскому, Новоселову, который одновременно был воспитателем и преподавателем русского языка и который меня экзаменовал по этому предмету. Штатские воспитатели оставались к кадетских корпусам того времени в виде единичных исключений. Милютинская система военных гимназий, самым своим названием показывавших свою полустатскость, была брошена в 1882 году. Гимназии были снова переименованы в корпуса и их ставили на военную ногу. В мое время в Первом кадетском корпусе оставалось только три штатских воспитателя. Все остальные были офицеры. Деление на «возрасты» было заменено «ротной» организацией. 1-я рота, состоявшая из старших двух классов — 6-го и 7-го, получила легкие ружья драгунского образца и название «строевой роты». В ней 12 лучших кадет назначались на командные должности «вице-унтер-офицеров», которые были апостолами порядка, а между ротой и офицерами стоял «вице-фельдфебель», выбиравшийся и по баллам, и по своим внешним и волевым качествам. Погоны вице-унтер-офицеров были обшиты вокруг галуном, а у вице-фельдфебеля посредине была еще третья нашивка.

Директором Первого кадетского корпуса в 1886 году был Генерального штаба генерал-майор Павел Иванович Носович. Просвещенный, умный и отличный педагог, Павел Иванович оставался милютинским «штатским» генералом и после реформы. Старенький сюртук с потемневшими аксельбантами висел на его худошавой фигуре как на вешалке; на лоб спадала непослушная вечная челка — прядь седых волос; на носу криво сидело пенсне, и через него пытливо и добродушно смотрели близорукие мягкие глаза. Небольшая и всклокоченная бородка чеховского типа дополняла этот откровенно гражданский облик.

Носович умер в течение моего первого года в корпусе, и с ним у меня не связано особых воспоминаний.

Василий Григорьевич Новоселов довел свое отделение до 4-го класса включительно — предел, поставленный тогда для штатских воспитателей. В 5-м классе нас принял капитан Карлштадт.

Разница между ними была огромная. Даже строгость, которую отличались оба, выражалась совершенно различно. Новоселов был

молчалив и давил на нас спокойно, ровно и беспристрастно. Его побивались, но уважали. Он не принадлежал к числу тех воспитателей и учителей, которым кадеты время от времени устраивали так называемые бенефисы (по пажеской терминологии — балаганы). Скандалы эти — дневные или ночные — с инсценировкой заранее подготовленного, шумного и глупого беспорядка кончались неизбежно победой власти и наказанием всего класса, а то и всей роты; тем не менее, революционный «институт» этот не выводился.

Почин неизменно принадлежал «подонкам» кадетского общества, державшим — в младших классах — в страхе остальную массу, которая вовлекалась в эти вспышки как стадо. По мере того, как это последнее отсеивалось, заправилы исключались за громкое поведение и тихое учение или сходили на нет, а влияние переходило к лучшим элементам, начиная примерно с 5-го класса (юноши 15-летнего возраста), и возможность «бенефисов» если не исчезала, то становилась меньше.

Новоселов руководил своими воспитанниками невидимо, достигая результатов разными педагогическими приемами, которые не бросались в глаза. Он изучал своих кадет и направлял их соответственно. Требовавшиеся от него письменные аттестации на каждого отдельного мальчика носили отпечаток продуманности. С листов этих нужно было снимать копии; пишущих машинок тогда не было еще и в зародыше, приходилось делать это от руки. Новоселов воспользовался случаем убить двух зайцев: сберечь свой труд и, вместе с тем, дать возможность некоторым кадетам познакомиться с «направляющим» содержанием аттестаций, официально считавшихся секретными. Он приглашал к себе на квартиру в вечерние свободные часы двух кадет, по очереди, и засаживал их за переписку. Так провел и я раз или два несколько часов в его холостой квартире, где на обеденном столе списывал аттестации — и в том числе свою собственную. Дело было, когда я достиг 3-го класса и 13 лет.

Вот что я прочел себе в назидание в заключительной фразе отзыва, в общем очень хорошего: «...замечаются зачатки эгоизма, которые могут развиваться или в себялюбие, или в чрезвычайную требовательность к самому себе».

Что оправдалось из этого предсказания — судить не мне, но несомненно острога наблюдения воспитателя и глубина его замечания.

Новоселов был курнос, имел рыжие усы — отчасти от курения, — делал на голове волосистой «заем» через всю лысину от виска, прихрамывал и ходил с палкой. Прозвали его «Суффикс» потому, вероятно, что он донимал им своих учеников по русскому языку.

Николай Фердинандович Карлштадт, недавно перед тем переведенный офицером-воспитателем в корпус и имевший до того корни в Финляндии, был задорно энергичен, подвижен, много и громко кричал, точно командуя, и раскатисто хохотал зычным басом. Перед назначением к нам Карлштадт управлял выпускным классом в строевой роте, где снискал себе известность своими популярными беседами и вульгарными анекдотами, а также заработал прозвище «Каша». Кадеты показали в этом прозвище присутствие лучшего вкуса, чем тот, на который рассчитывал их воспитатель; это не мешало им, однако, гурьбой сопровождать на ходу рассказчика, от одного конца огромного сборного зала до другого, и взрывами смеха поощрять к дальнейшим выступлениям в области отборных историй и словечек.

За то короткое время, которое я был под начальством Карлштадта, всего месяца 2–3 до моего перевода в первой половине учебного года в Пажеский корпус, я не имел случая испытать воспитательные приемы этого рода. Я вынес скорее впечатление, что Карлштадт был очень внимателен к своим питомцам и, вероятно, к ним искренно привязывался. Когда мне объявили о переводе и стали снаряжать к отходу, Карлштадт был расстроен и сказал: «Ну, вот так всегда: отнимают лучших!»

Следующая моя встреча с Николаем Фердинандовичем произошла больше, чем через четверть столетия, летом 1917 года, на чужой земле, в Тарнополе. Я был начальником штаба XI армии, а генерал-лейтенант Карлштадт — комендантом города, и превосходным. Он подошел ко мне с рапортом по старшинству моей должности. Я не дал ему окончить — мы крепко обнялись и поцеловались...

В день расставания с Первым кадетским корпусом было солнечное и холодное ноябрьское утро. Шли мы на другой берег Невы пешком и втроем: кроме меня — мой одноклассник Владимир Бурман, переведенный одновременно со мной, и «Арбуз». Это было прозвище подполковника Флорова, действительно круглого и румяного. Это был мягкий и любимый кадетами воспитатель. Он немного рисовал акварелью и приносил мне на показ или даже в подарок — как коллеге по искусству — любительские головки в духе знаменитой тогда Елизаветы Бем.

Мы пересекли по мосткам блиставшую на солнце Неву в ее ледяном уборе между Николаевским и Дворцовым мостами. Дул зимний сквозняк и прохватывал нас в наших шинелях, тоже «подбитых ветром». Наушники защищали уши. Башлыки оставались поддетыми под погоны — последний раз красные погоны с литерами « I. К. ». Впоследствии корпусу дали шифр основательницы корпуса Императрицы Анны Иоанновны.

ПАЖЕСКИЙ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА КОРПУС

Пришли. Сданы новому начальству. «Арбуз» жмет нам на прощание руки и желает всякого благополучия. Для нас открывается новая глава. И я начинаю ее — через день-другой после обмундирования и представления новым товарищам — с лазарета. Невский сквозняк успел меня прохватить, и я слег с обычным для меня периодическим нарывом в горле.

В пажеском лазарете «общих классов» (отвечавших курсу кадетских корпусов) первыми заметными фигурами представились мне смотритель лазарета Кирилл Иванович Вавенко и старший врач — в генеральском чине действительного статского советника — Юргенсон.

Кирилл Иванович, которого все знали по имени, но редко кто — по фамилии, был старожилом в корпусе и помнил отцов и дядей пажей нашего времени. Прочтя мою фамилию над кроватью, он немедленно порывлся в своей памяти и объявил, что был Геруа, который подавился резинкой! Если случай этот не был чистой фантазией старика, старавшегося держать на высоте свою репутацию историка лазарета, то он мог относиться только к моему дяде Николаю и к концу сороковых годов, когда он вышел из корпуса до его окончания. Таким образом, в конце 1890 года Кириллу Ивановичу должно было быть не менее 45 лет службы в стенах корпуса. Это был маленький суетливый сухой старичок с седой бородкой и красным морщинистым лицом.

Владимир Магнусович Юргенсон принадлежал к числу военных врачей старой школы, веривших в неподвижность той медицины, которая была ими усвоена на школьной скамье и в первые годы службы. Впрочем, со мной он произвел, когда я уже был в младшем специальном классе, опыт, едва ли до того рекомендованный учебными книгами. У меня был очередной нарыв в горле, и Юргенсон решил остановить процесс приемами внутрь чистого скипидара. Вероятно, он думал не о внутреннем его действии, а о прижигании горла при проглатывании. Давали мне скипидар только раз в день по чайной ложке. Вызывало это большие, острые боли, не говоря об отвращении, но толку от нового средства (старые я все знал наизусть) не получилось никакого. Юргенсону пришлось стать перед нарывом, позволить ему созреть и самому прорваться.

Старик был не прочь выпить, и часто, при вечерних посещениях лазарета, от него пахло вином, а иногда и походка выдавала недавнее возлияние.

В один из таких вечеров, когда я лежал в лазарете общих классов с междуреберной невралгией, Юргенсон приказал натереть мне спину... хинином. Итак, хинин снаружи, скипидар — внутрь!

Пажеский корпус последних годов XIX века резко отличался от того, чем он был в его первых годах — после его основания в 1801 году. Тогда это была маленькая школа с маленьким схоластическим содержанием и с большим придворным уклоном. Мемуарист А. С. Гангеблов, декабрист, рассказывает о годах 1814—1820, что из камер-пажей, назначенных состоять при Императрице или великих князях — а их всего было 15, — двое ежедневно отправлялись в соответствующие дворцы, где дежурили в течение целого утра в ожидании, что в них явится надобность. Так как она являлась очень редко, то эти камер-пажи слонялись без дела — хоть бы и чисто придворного, — а еще чаще их отпускали, властью Ее Величества или Императорского Высочества, домой. От «рабочего» дня, в течение которого в корпусе должно было идти образование этих юношей, оставалось немного или ничего. Пребывание в корпусе в таких условиях вело к тому, что Царская Семья знала в лицо многих пажей, общее число которых ограничивалось 150, а выпускное отделение составляло человек 30; великие князья влияли на выход пажей в тот или другой гвардейский полк; воспитание было скорее светским, чем военным. Очевидно, эта поверхностная шлифовка не мешала питомцам корпуса впоследствии оказываться в первых рядах правящего класса армии и просвещенных русских людей. Объяснить это одним деспотизмом нельзя. Дело заключалось в том, что была еще тогда жива традиция домашнего воспитания XVIII века, для которого дворяне-родители не жалели средств и при котором учебные заведения — как школа — для их сыновей являлись только подспорьем.

В мое время, то есть в конце царствования Александра III, штат корпуса был 330 воспитанников, из них 170, то есть примерно половина, интернов.

Штат кадетских корпусов был втрое больше, так как из счета пажей нужно исключить специальные классы, отвечавшие военным училищам. Приходящих в кадетских корпусах почти не было вовсе (кроме Александровского кадетского корпуса — почти целиком из экстернов — и Николаевского, где их допускался большой процент). Внутренний уклад всегда был одинаков. Придворность в Пажеском корпусе ограничивалась редкими вызовами камер-пажей во дворец на торжественные выходы и приемы. Год на год в этом отношении не походил: были, например, выпуски «коронационные», когда не только все камер-пажи, но и некоторые пажи отправлялись надолго в Москву, и все они принимали почти ежедневное участие в различных придворных церемониях; по возвращении в Санкт-Петербург

в такой год шли приемы, поздравления и т. п., и «счастливые» выпуски в них часто фигурировали.

Назвать мой выпуск 1894—1895 годов «счастливым» в этом смысле было бы бестактно, так как довольно большая придворная служба выпала на нас по печальному случаю неожиданной и ранней кончины Императора Александра III. Мы тоже ездили в Москву встречать тело покойного Государя и несли в течение месяца усиленную службу по возвращении с траурным поездом в Петербург и потом во время похорон.

14 ноября в церкви Зимнего дворца состоялось бракосочетание молодого Государя, при котором присутствовали все камер-пажи, и я лично впервые состоял — с А. Н. Шуберским в паре — при Императрице Александре Федоровне. В конце этого же 1894 года и в начале 1895 года состоялся ряд приемов разных депутатов и иностранных послов, на которые вызывали камер-пажей Государя, Государыни, а иногда и великих княгинь и княжен.

Как учебное заведение корпус успел сильно подтянуться и сбросить с себя репутацию убежища светских бездельников и шаркунов. Репутация эта держалась еще в 70-х и даже 80-х годах. В истории постановки воспитательного и учебного дела в Пажеском корпусе отмечаются имена ротного командира К. К. Жерардта — французского выходца (1843—1859), директоров генерала Павла Николаевича Игнатьева (1834—1845) и Дитерихса (1878—1894). Последний был директором почти в течение всего времени моего пребывания в корпусе (четыре года из пяти) и сдал корпус графу Келлеру как раз в дни погребения Императора Александра III. Ф. К. Дитерихс служил по военно-учебному ведомству с 1868 году и провел в милютинских военных гимназиях около 12 лет. Перед назначением в Пажеский корпус он 4 года был директором 3-й Санкт-Петербургской военной гимназии (впоследствии корпус) — на той же Большой Садовой улице, но по другую сторону Невского. Долгая и немецки-добросовестная работа Ф. К. Дитерихса в военно-учебных заведениях — в общем в течение всей его жизни, — сделала из него выдающегося педагога. Чтобы окончательно покончить с легендой о ничтожной сущности привилегированного корпуса, он твердо принял за пажей и еще тверже за учительский и воспитательный персонал. Подобрал к рукам и тех, и других, и третьих, он выдвинул корпус на место, действительно отвечавшее его привилегиям и оправдывавшее их. Приглашались лучшие учителя, которым платили больше, чем в кадетских корпусах. В специальных классах читали лекции несколько профессоров военных академий. Инспектором классов был в мое время профессор военный инженер Кирпичев, один из известных тогда математиков.

Досадным исключением в хорошо подобранном педагогическом персонале были учителя-старожилы прежней школы, которых нелегко было уволить. Там, где «старожилость» — в лазаретном случае знаменитого Кирилла Ивановича, — не принося пользы, была симпатичной, в области преподавания она приносила вред. Об этих исключениях скажу ниже, в своем месте.

Управлять пажами было нелегко. За многими из них стояла влиятельная и сильная родня. При слабом и уступчивом директорстве это вело бы к потаканиям в отношении одних, а в других к сознанию неравноностей в обращении начальства.

Ф. К. Дитерихс поставил всех на одну доску. Учебные отметки, поведение и характер служили единственным мерилom для выдвижения. Раз навсегда, например, было установлено, что в старшем специальном классе после назначения фельдфебеля, который выбирался не только за ученье, но и за волевые и внешние качества, два (или три) камер-пажа назначались к Императрице (или Императрицам) строго по старшинству баллов. Никакая маменька и никакой папаша из светского Петербурга не могли заставить Дитерихса сделать исключение для их сыновей из этого твердого правила.

Казалось, что директор, этот медленный и важный генерал, сухой и недоступный, стоял далеко от пажей. На самом же деле, как говорили об этом офицеры-воспитатели и свидетельствовали те или иные решения, старик знал о каждом паже все, что было нужно знать. На учебных комитетах он вникал детально в доклады и аттестации воспитателей и учителей. Вникал, проверял и помнил.

В общем, между пажами установился дух равенства, взаимного уважения и приличия. Дух этот они уносили с собой в жизнь и прежде всего в те полки, куда выходили. Некоторые полки гвардии — как стрелки Императорской Фамилии, Преображенцы, Кавалергарды* — были почти сплошь «пажескими». Там для них как бы продолжался родной корпус.

Б. А. Энгельгардт в своих записках («Воспоминания камер-пажей» в журнале «Для вас», Рига, 1939 год)** о Дитерихсе упоминает лишь вскользь и отмечает расплывчато, что пажи его будто бы «не любил». Не знаю, в какой мере нежные чувства к начальнику полезны

* Лейб-гвардии 4-й стрелковый Императорской Фамилии полк — старшинство с 1854 г., входил в состав Гвардейской стрелковой бригады; лейб-гвардии Преображенский полк — старшинство с 1683 г., старейший полк русской гвардии; Кавалергардский Ее Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны полк — старшинство с 1799, входил в состав 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. — *Прим. ред.*

** Правильное название записок — «Воспоминания камер-пажа». — *Прим. ред.*

для дела, и вообще, возможно ли ему быть «любимым» всеми. Достаточно, чтобы подчиненные своего начальника очень уважали и слегка побаивались. Именно так себя поставил Ф. К. Дитерихс. Внешняя недоступность его была тем барьером во взаимоотношениях, за которым начинается опасность фамильярности и распущенности. Приемник Дитерихса граф [Ф. Э.] Келлер* снял этот спасительный барьер, но едва ли воспитание его питомцев от этого выиграло.

В числе «либеральных» и «товарищеских» мер нового директора — старого пажа — было немедленное учреждение во всех ротах отделений умывалок, где за занавесками были устроены комфортабельные «биде» с проточной водой. По утрам граф Келлер нарочно пробегал своей обычной суетливой походкой спальни рот, чтобы убедиться, что пажи пользуются этим новым усовершенствованием их быта. Торопливая походка графа Келлера была прямой противоположностью Дитерихсу, который не шел, а «плыл» по залам корпуса. Встретив пажа с полотенцем через плечо, идущим в умывалку, Келлер спрашивал на ходу: «Куда вы идете?» «Делать биде, Ваше Сиятельство!» — отвечал паж, если он был находчивым и бойким. Удовлетворенный директор бежал дальше...

Другой мерой было дарование камер-пажам права самим заказывать меню завтраков и обедов. Эконом обязан был приносить накануне вечером проект возможных блюд на рассмотрение и выбор старшего класса. Одновременно было введено дежурство камер-пажа по кухне — кстати, соседней с помещением специальных классов. Дежурство могло быть полезным, но я думаю, что на деле оно сводилось к отбытию номера (сам не дежурил, так как был одним из старших, то есть взводных камер-пажей, которые не несли никаких дежурств). Что касается до выбора и изобретения блюд, то это несомненно — по крайней мере в начале, пока не выродилось — улучшило наш стол. Однако это было ненужным баловством и барством, ибо и до того стол был более чем удовлетворительным; он был вкусен, здоров и заметно превосходил скромную массовуюстряпню кадетских корпусов, судя по примеру знакомого мне Первого кадетского корпуса. Между прочим, у нас к чаю, который подавался в больших чайниках, прибавлялся на каждого пажа стакан горячего молока, чего не было, как правило, в других корпусах. Во внешности чаепития имело домашний характер то, что чай разливался не по кружкам, а по граненым стаканам, имевшим блюдечки.

* Генерального штаба, командовал стрелками Императорской Фамилии и имел их мундир. Георгиевский кавалер за войну 1877 года. Впоследствии — Екатеринославский губернатор. Командир 10-го корпуса в японскую войну. Убит под Хайченом в 1904 году. — *Прим. авт.*

Как новая кухонная мера отразилась на расходах и бюджете корпуса мне, конечно, неизвестно, но по растерянному виду нашего буфетчика Теребилова — архипатриархальной фигуры с седой окладистой бородкой московского купца — можно было угадывать, что равновесие в этой области было нарушено.

Третьей мерой графа Келлера было приглашение в некоторые будние дни к себе на обед камер-пажей по очереди. Это давало ему случай познакомиться с их светскими манерами, знанием языков — особенно французского — и, отчасти, характером. За обедом, на который являлось человек 6–8 пажей, председательствовала графиня Мария Александровна, еще молодая, видная и красивая брюнетка. Заводился общий разговор, и приглашенным оставалось следить за собой, чтобы не совершить какой-нибудь «гафы».

Не провинился ли в этом отношении в моем выпуске барон Арпсгофен, мой сосед в старших классах по парте и по баллам и тоже старший камер-паж? Он в начале учебного года был в списке выше меня на одного, но при назначении камер-пажей к молодой Императрице его обошли и назначили меня.

Подобный обход тоже явился нововведением и отказом от строгой системы Дитерихса. Лично я, конечно, выиграл, но это не мешает мне усомниться в моральной пользе такого отказа. В следующем за нами выпуске — «коронационном» — снова повторился обход вполне достойного юноши, прошедшего корпус с первого класса, в пользу поступившего год тому назад, стоявшего по баллам заметно ниже, но зато титулованного, с исторической русской фамилией.

Начались светские переоценки!

Вспоминаю свой первый обед у графа Келлера. Он нарочно перешел со мной на французский язык и спрашивал, между прочим, про моего отца. Отвечал я храбро, хотя тогда мой разговорный французский язык не отличался свободой. Но директор вел себя поощрительно, мягко поправил ошибку и подсказал слово, которого я сразу не мог найти. Что я все же выдержал экзамен, было доказано моим назначением к Императрице — в пару с А. Н. Шуберским.

Возвращаясь к Ф. К. Дитерихсу, вспоминаю, как он в редких, но нужных случаях, спускался со своего Олимпа, чтобы учинить разнос. У него был острый, вздернутый нос, длинные седые усы, обрамлявшие бритый подбородок, и совершенно голый череп, на котором нельзя даже было вообразить трех знаменитых бисмарковских волосков, выдуманных карикатуристами. В случаях важных, а такими всегда были его обращения к пажеской массе, он закладывал большой палец правой руки за вторую сверху пуговицу своего двубортного сюртука, а остальными пальцами похлопывал себя по груди, точно сопровождая своим медленно и размеренно выпускаемым словом.

Говорил он с немецким акцентом и коротко. Однако выразительность от этого не страдала.

Особенно остались в памяти два обращения к моему классу.

В 5 классе случилось, что не пришел учитель, и мы на радостях затеяли шумную возню. Как раз в это время в соседний зал 3 роты вошел Дитерихс. Не ускорив своего шага, он вошел в класс. Мы успели уже замолчать и занять свои места. Старший скомандовал: «Встать смирно!»

Директор остановился в дверях в своей обыкновенной позе. «Что это за шум и безобразия? Вы ведете себя не как пажи, а как пажеские мальчишки!» Хотел он, очевидно, сказать «уличных мальчишки».

Другой разнос был в младшем специальном классе — и гораздо серьезнее. По глупости и ради захватывающего чувства авантюры наше отделение решило произвести общий подмен подаваемых французских сочинений другими, заранее — вне класса — написанными. Для этого надо было подделывать заглавия тем, которые обычно писал учитель своей рукой на каждом листе. Все это мы проделали, казалось, технически успешно, но француз Пелисье (не потомок ли главнокомандующего в Крымскую войну?) заметил разницу в оттенке красных чернил. Мы попались!

Разразилась страшная гроза. Нас заставили писать сочинение еще раз, многие, не подготовившись, получили по единице; класс был оставлен без отпуска на целый месяц; но главное — нас постигла опала.

Дитерихс перестал с нами здороваться, подчеркивая свое благоволение к другим, и лишь однажды вошел в класс, чтобы произнести одну из своих речей.

— Не пажи Высочайшего Двора, — сказал он нам, аккомпанируя себе ладонью по борту сюртука, — а фальшивые монетчики!

И, обведя свою аудиторию, стоявшую в конфузном молчании, презрительным взглядом, повторил:

— Фальшивые монетчики!..

Это была вся речь. Директор повернулся и вышел из класса, чтобы долго-долго не возвращаться в него, тщательно обходя нас и не здороваясь с нами при своих обычных проходах через помещение роты.

Эпитет «фальшивых монетчиков» был много сильнее «уличных мальчишек», брошенного по нашему адресу три года перед тем. Было стыдно и неловко; и когда, наконец, опала была снята, и директор снова обратился к нам с привычным: «Здравствуйте, господа!», приуроченным к дням говения и всепрощения, мы вздохнули свободно. Свалилась гора с плеч.

Дитерихс мог твердо вести свою политику в корпусе, чувствуя за собой поддержку Шефа — Императора Александра III, который его лично знал и уважал. Но стоило Государю сойти в могилу, как под-

няла голову петербургская интрига. Сыновья военного министра генерал-адъютанта Ванновского получили воспитание в Пажеском корпусе при Дитерихсе и затаили против него зуб за бесстрастное к ним отношение и за уроки их самонадеянности. С их слов и также, вероятно, по другим наветам у министра составилось мнение о необходимости «освежить» управление корпусом и сменить «засидевшегося» старика-директора, воспользовавшись сменой царствования. Но надо было найти предлог, а его не было. И вот, Ванновский сам приезжает невзначай в корпус и сумрачно его обходит. Легко можно себе представить, что он выражает при этом недовольство теми или другими порядками и что маститый Дитерихс считает ниже своего достоинства оправдываться.

О результате этого посещения мы узнали чрезвычайно скоро. Через несколько дней генерал Дитерихс был отчислен на бесцветную должность «для поручений» — и притом сверх штата — при Главном начальнике военно-учебных заведений. Небрежнее и обиднее этого увольнения, как бы официально отвергавшего многолетние заслуги почтенного педагога, трудно было выдумать. Если нельзя было повысить его по родному ведомству, он мог бы получить почетное звание, например, почетного опекуна или даже сенатора. В аналогичных случаях так и поступали.

Нечего и говорить, что самолюбие честного служаки было уязвлено до крайности и что причиненная ему боль отравила остаток его дней. На прощанье Ф. К. Дитерихс дал каждому из пажей свой фотографический портрет с собственноручною надписью, составленную в задушевных тонах (помню даже фразу: «духовная моя связь с пажами не порвется никогда»).

Все это произошло немедленно после кончины Александра III, в те дни, когда не закрылась еще над его прахом могила. Молодому Государю было не до того, чтобы вникать в обстоятельства увольнения одного из престарелых генералов, к которому так хорошо относился отец. Этим и воспользовались из-за угла его недруги, торопливо сводя какие-то личные счета.

В чем выразилась новая метла, мы видели выше.

В Пажеском корпусе была одна черта, которую редко можно встретить в казенном учреждении — это известный уют. Этому способствовал и Воронцовский дворец с планом барского особняка, который чувствовался, несмотря на перестройки, и малый относительно штат. После уроков, кончавшихся к 3—4 часам дня, экстерны уходили домой, и в стенах всего корпуса до следующего утра оставалось, как упоминалось выше, всего 170 человек. Курс начинался в мое время прямо с 3 класса (1-й и 2-й были упразднены в первые два года после моего поступления в 1890 году), и в семи классах корпуса, разде-

ленных на три роты, считая и специальные классы, было в эти часы, в среднем, человек 55 на роту. В кадетских корпусах, в каждой из четырех рот всегда было громоздкое число — около 170 воспитанников — столько, сколько заключалось во всем интернате Пажеского корпуса.

Эта разница в размерах здания и в числе его обитателей была заметна всем, переведенным из других корпусов. Нам с Бурманом, после необъятных пустынных коридоров и зал огромного Меньшиковского дома-квартиры, где квартировал Первый кадетский корпус, особенно бросилась в глаза сжатость и сравнительно нарядная обставленность Пажеского корпуса. Они умеряли и смягчали казенный характер помещения и быта.

Снаружи на Садовую улицу глядел стильный фасад «барокко» — творение Растрелли-отца, — а по обратную сторону асфальтовый дворик отделял здание корпуса от католической церкви Мальтийских рыцарей времен Павла I. Присутствие этой церкви повело к тому, что пажи присвоили себе девизы этих рыцарей, их красивый белый крест как эмблему корпуса и стальное кольцо, подбитое золотом. Эмблема кольца была: «Тверд как сталь, чист как золото». Оно надевалось при выпуске, причем снаружи гравировали «один из стольких-то», а внутри, по золоту, год выпуска и фамилию.

За Мальтийской церковью был сад с кегельбаном*, а сбоку — другой внутренний двор, или «плац». Тут и в саду пажи гуляли и возились в назначенные часы. На дворе был манеж для верховой езды. Игры в те времена были примитивные, вроде городков и лапты («крикет» в зачаточном состоянии). Начальство в организации игр не принимало никакого участия. В общем, спорт и обучение ему, как это переняли с англичан во всех странах, тогда отсутствовали.

Специальные классы помещались в особом, позднее пристроенном (в конце 80-х) крыле, которое соединяло основной корпус здания с квартирой директора, непосредственно выходящей на Садовую улицу. Если между кадетскими корпусами и классами Пажеского корпуса было некоторое различие, то про военные училища и специальные классы можно решительно сказать, что между ними не было ничего общего. В пехотных училищах был четырехротный батальон военного состава. У нас — по числу рядов — скорее полурота, чем рота. Там была точная воинская организация, как в полках. У нас цифровое отношение унтер-офицеров (камер-пажей) к рядовым (пажам) было половина на половину. То, что камер-пажей ставили в строй за рядовых, если строй выходил с ружьями, с точки зрения строевика было ненормально. Муштра, которой шеголяли училища и которая прини-

* Кегельбаном назывался деревянный настил или само помещение для игры в кегли. — *Прим. ред.*

мала вычурные формы, была в наших условиях неприменима и отсутствовала. Ее место заняла — со второй половины XIX века — так называемая «подтяжка» младшего класса старшим.

Юноши соседних классов, бывшие товарищами и на «ты», при переходе в 1-ю роту превращались в ней одни в начальников, другие в подчиненных, опять-таки половина на половину. Старший класс переходил на «вы» с младшим и мало-помалу присвоил себе право «тянуть молодежь» или «зверей», как их называли в Николаевском кавалерийском училище. Нужно думать, что весь этот необыкновенный институт «подтяжки» был заимствован из этого училища.

Дурно или хорошо, но эти отношения прочно установились; офицеры их приняли в качестве удачного дополнения к своей власти, и посторонние зрители могли наблюдать, как, идя к обеду или к чаю в строю без ружей, одна половина — старший класс, — построенная отдельной колонкой, шла вразвалку, как попало и почти не в ногу, а другая отбивала с уродливой свирепостью шаг, задирала головы и налезала, по какой-то необъяснимой традиции, друг на друга вплотную — в нарушение устава. Старшие камер-пажи и фельдфебель шли свободно вне строя, сопровождая колонку младшего класса и покрикивая на нее: «Не отставать!.. Голову выше!..» И т. д.

В часы, когда все роты собирались в столовый зал, появление специальных классов обозначалось задолго этими окриками и топотом нескольких десятков ног младшего специального класса, напминавшим приближение табуна жеребцов. Шага вразброд старшего класса, лениво следовавшего за младшим, не могло быть слышно за этим грохотом.

Налагать взыскания в мое время имели право только фельдфебель и старшие камер-пажи. Но еще при моем брате, то есть за четыре года перед тем, это право имели все камер-пажи, Дитерихс, неслышно, но систематично борющийся с естественными злоупотреблениями «подтяжки», лишил их этой власти, оставив ее только за пятью фактически начальствовавшими камер-пажами.

Всевозможные официальные рапорты пажей младшего класса этим начальникам или дежурному камер-пажу, а также регулярные явки по случаю ухода в отпуск или возвращения из него, были предлогом для внушения «молодежи» начал одиночной выправки. Малейшая неисправность в одежде, недостаточная отчетливость поворота, вялость шага, неуменье рассчитать расстояние так, чтобы принимающий рапорт пажа мог подать ему руку — что было традицией, — вело к короткому окрику: «Явитесь еще раз!» — с указанием ошибки.

По субботам и по средам, когда уходили в отпуск не одни экстерны, но и все интерны, у так называемого «фельдфебельского» стола вытягивался длинный хвост являвшихся, который уменьшался мед-

ленно из-за этих повторных явок. Иной «крендель» прогонялся взад и вперед десятков раз, а то и больше, прежде чем удовлетворить требовательность принимающего и быть, наконец, отпущенным. Хорошо еще, если этот неудачник не уносил с собой «лишнее дневальство»!

Однако в этом ритуале не допускалось ни насмешек, ни тем паче издевательств. Поэтому подчиняться заведенному порядку было нетрудно; к тому же каждый паж знал, что через несколько месяцев настанет и его черед стать начальником и почти на офицерском положении.

Явки, внимание на улицах, чтобы не пропустить отдания чести, требование быть одетым по форме и т. п. имели несомненно свою хорошую сторону: внедрялась привычка к самооглядке и к военной отчетливости. Перед явкой «молодые» репетили перед зеркалом или друг перед другом. Глаз привыкал замечать недостатки. Он не пропустил бы потом, на военной службе, дурно пригнанного ремня или не застегнутой пуговицы.

Помимо этих приемов воспитания, применявшихся более или менее на законном основании, были установлены традиции, которые проводили в стенах корпуса черту между старшим и младшим классами. Так, младший класс не имел права проходить мимо фельдфебельской кровати, стоявшей отдельно и представлявшей, таким образом, для подчиненной половины роты своего рода алтарь. В курилке и в читальной комнате каждый класс имел свое место, что давало возможность «начальству» держаться отдельно.

При встречах где-нибудь в обществе, в домашней обстановке, все эти искусственные грани стирались, и восстанавливалось дружеское «ты». Служба была службой — дружба дружбой. Правило, знание которого оказывалось потом полезным при первых же шагах молодого офицера.

Дальнейшее и существенное отличие специальных классов Пажеского корпуса от военных училищ состояло в универсальности даваемой подготовки. Она должна была быть одновременно и пехотной, и кавалерийской, и артиллерийской, тогда как училища делились по специальностям. Пажи имели право свободно выбирать себе род оружия и самую воинскую часть. Никакой разборки вакансий по старшинству баллов, как это производилось в военных училищах, не было. Для выхода в гвардию требовался только средний гвардейский балл — а именно 9 по 12-балльной системе. Не менее трех четвертей выпускного класса обыкновенно и имели не менее этого балла. Остальные, если хотели выйти в гвардию, выбирали армейскую часть временно с тем, чтобы сейчас же быть прикомандированными к «своему» гвардейскому полку для перевода через год. Такому прикомандированию подвергались без исключений, независимо от баллов, все те, кто хотел

выйти в гвардейскую артиллерию или Лейб-гвардии Саперный батальон, как в совершенно исключительном случае нашего фельдфебеля Бобровского.

Справиться в корпусе с задачей универсальности было мудрено. Весь строй и порядок, в основе, оставался пехотным. Будущие артиллеристы и кавалеристы составляли особые отделения, отличавшиеся от пехотного тем, что они чаще ездили верхом в манеже, а артиллеристы, кроме того, упражнялись в действиях при орудии. Внизу, в фехтовальном зале, стояла одна трехдюймовая поршневая пушка — предмет этих упражнений, не слишком частых, под руководством приглашавшегося со стороны артиллерийского офицера.

Когда наступала весна и стаивал снег — это совпадало с периодом Великого поста — на Марсово поле, отстоявшее от корпуса в 20 минутах ходьбы, приводили раза два или три «настоящий» эскадрон или «настоящую» батарею. Кавалеристам давали возможность на этом плацу испытать на деле строевой устав, эволюции которого они изучали зимой лишь по чертежикам и воспроизводя их мелом на классной доске. Артиллеристам показывали на пятачке Марсова поля «подъезды» и «отъезды».

Поверхностность такой подготовки была очевидна. Поэтому с началом летних лагерей все специалисты отчислялись от корпуса и прикомандировывались к строевым частям — в большинстве к тем самым, куда собирались выйти. В пехотном отделении обычно оставалась горсточка, так как больше половины пажей неизменно выходило в конные и артиллерийские части. Зимняя «пехотная» подготовка специальных классов была явной аномалией! Пехотинцы вместе с младшим классом составляли свой собственный миниатюрный квартиро-бивак на левом фланге Главного Красносельского лагеря, близ Дудергофской горы*. Эти пажи состояли для маневров и некоторых строевых занятий в прикомандировании к Офицерской стрелковой школе. При совместных занятиях приходилось становиться в общий расчет и строй этой школы, вперемешку со стрелками. Нельзя сказать, чтобы это было всегда приятно, особенно в жару; но зато происходило такое тесное сближение полупридворных воинов с солдатом, которого не испытывали юнкера пехотных училищ, упражнявшиеся всегда в составе своих училищных батальонов.

Перед так называемыми «корпусными маневрами», незадолго до производства в офицеры, пригонявшегося в мое время к первой половине августа, прикомандировывались к полкам и пехотинцы старшего класса.

* **Дудергофские высоты** — группа холмов на юго-западе от Санкт-Петербурга, памятник природы. — *Прим. ред.*

Было принято, чтобы выпускные пажи в течение лета представлялись офицерскому обществу своих будущих гвардейских полков. Представление это происходило за ранним лагерным обедом и сопровождалось ритуалом неумеренных винных возлияний. В предвидении этого таким пажам разрешалось вернуться обратно на другое утро — проспавшись.

Обычай этот был жестоким и являлся пережитком давних времен, когда винный разгул входил обязательным слагаемым в область военного молодечества и крепость офицера к спиртным напиткам составляла одну из статей суждения о нем.

Лично я до представления в полк в свои тогдашние 19 лет не пил водки, с которой начиналась эта церемония. Но отказываться было нельзя. Первые рюмки глотались не без усилия, как лекарство. Однако привычка появлялась скоро!

Наш выпуск 1895 года был первым производства молодым Государем Николаем Александровичем. От корпуса, его традиций и быта осталось приятное впечатление. Связь со школой сохранялась искренняя и душевная, и достигалось это без особого нажима, благодаря, отчасти, ровности состава. Сами пажи являлись судьями в том, что допустимо и что нет, и в их взаимных отношениях самым крупным преступлением считалась вульгарность или «хамство». Провинившегося в этом преследовали, и кое-кого подвергали товарищескому ostracismу. С такими говорили на холодном «вы» и старались не иметь с ними дела. Замечательно, что юношеский суд этот оправдывался в дальнейшей жизни: отмеченные им люди продолжали и по выходе из стен школы проявлять свои отталкивающие черты. В моем выпуске некий Д., поступивший только в специальные классы и которого иронически называли «господин», кем он не был, немедленно по производстве в офицеры сделался дезертиром. Он нарочно выбрал дальний Приморский драгунский полк*, стоявший во Владивостоке, куда полагался очень длинный срок для явки, и во время этого поверстного срока исчез. Впоследствии он был судим не раз и исключен из военной службы.

Из Пажеского корпуса, кроме теплых воспоминаний, я вынес еще и нечто материальное, а именно: присужденную мне денежную премию имени генерала П. Н. Игнатьева, выдававшуюся воспитаннику «отличному», но без средств, и подарок из Кабинета Его Величества** — золотые часы с государственным гербом — по случаю бракосочетания Их Величеств 14 ноября

* **Приморский драгунский полк** — старшинство с 1869 г. — *Прим. ред.*

** **Кабинет Его Императорского Величества** — учреждение, которое ведало прежде всего личным имуществом императора. Создан в 1704 г. — *Прим. ред.*

1894 года. Часы эти верно прослужили мне 45 лет, уцелели при революции и находятся при мне и сейчас, когда я пишу эти строки.

Получили мы с Шуберским на память о нашем камер-пажестве у Императрицы, кроме часов, еще два иностранных знака «для ношения на груди»: серебряную Гессен-Дармштадтскую медаль от брата молодой Государыни и персидский орден Льва и Солнца младшей, 5-й степени в память Высочайшего приема персидского посла в Аничковском дворце, где он торжественно приносил поздравление Их Величествам по случаю восшествия на престол.

Медаль была очень похожа на героическую русскую «За спасение погибающих», так как цвета ленты были тоже Владимирские — красный и черный, только в обратном порядке.

К вещественным воспоминаниям нужно прибавить еще один клик моего камер-пажества при Императрице — денежное пособие, пожалованное мне на время моего пребывания в Академии. Такие пособия, под названием «премии», жаловались иногда малоимущим камер-пажам Государя и Государынь из их личных сумм, в виде помощи для службы в гвардии, требовавшей дополнительных к жалованию средств. Хоть я и нуждался в них, но при выходе в офицеры мне не приходило в голову просить об этом Императрицу. Лишь спустя пять с лишним лет меня надоумил и побудил сделать это товарищ по полку граф М. Ростовцев, брат которого состоял секретарем при молодой Государыне. Поступление в Академию было удачным предлогом, хотя на самом деле там материальное положение офицера становилось сразу лучше. Жалованье было повышенное, и прекращались тяжелые вычеты в полковое офицерское собрание. Пособие было мне назначено в размере 500 рублей в год без малейшего труда; сложенное с академическим улучшением, оно позволило мне почти вовсе не беспокоить моего отца по части денег. Надо сказать, что как раз к этому времени — 1902 год — и отец существенно оправился материально, получив и столь долгожданное генеральство, и большую должность (с правами начальника дивизии) в Минске.

Из придворных впечатлений камер-пажества самым ярким было участие в свадьбе Государя 14 ноября 1894 года.

В дни нарядов во дворец камер-пажи прежде всего должны были переодеться в придворную форму. Она была большая и малая. Последняя состояла из обыкновенного выходного мундира, но в шишак каски вставлялся белый волосяной султан. Форма эта применялась в случаях второстепенных церемоний и сравнительно редко. Чаще нас требовали в случаях полной торжественности, и тогда надевался придворный мундир, весь покрытый галунами спереди и по сторонам карманов

сади; на ноги — белые лосины, однако фальшивые, ибо шились не из кожи, а из особой «трикотажной» материи; чтобы они гладко обтягивали ноги, снимались кальсоны, и псевдо-лосины натягивались на голое тело. Затем шли лакированные ботфорты кирасирского типа со шпорами. Каска с султаном. Шпага с офицерским темляком на поясе из золотого галуна с золотой пряжкой.

Фельдфебелю и камер-пажам Императриц эти дорогие мундиры шились каждый раз новые — по мерке. Остальным камер-пажам «пригонялись» из запаса цейхгауза или, как он назывался в Пажеском корпусе, «резерва».

Когда камер-пажи были готовы, их бегло осматривал адъютант, который традиционно нес обязанности придворного патрона. В мое время адъютантом был штабс-капитан Дегай. Офицер этот чувствовал себя хорошо на дворцовом паркете и гораздо хуже в тех редких случаях, когда ему приходилось выезжать верхом в строй. Выбранную ему из нашего конского состава лошадь — видную, но смирную — задолго натаскивали на всевозможные шумы, подобно тому, как это делали наездники придворного конюшенного ведомства в отношении лошадей, предназначенных под высоких особ на какой-нибудь предстоящий парад. Затем Дегай сам практиковался в езде и приучал себя к данному коню. Когда наступал день выезда, Дегай, одетый в строевую форму с непривычными при пажеской форме высокими сапогами, в каске, с застегнутой под подбородком чешуей, представлял на лошади зрелище, которое, по его мнению, должно было бы удовлетворить самого требовательного кавалериста. Вдохновляемый отжившей манежной посадкой, с кончиком носка на стремяни и с оттяжкой ступни вниз, Дегай достигал этого посредством чрезвычайно коротких стремян. В результате получалось невероятное соединение жокейской посадки, как бы на корточках, с положением ступни, увековеченным бароном Клодтом на конной статуе Императора Николая I и считавшимся в его время классическим.

Было совершенно очевидно, что полупридворная роль адъютанта была по душе Дегаю. Всегда одетый почти с иголки и по последней военной моде, с ватною грудью навывкат, с аксельбантом, с таким же тщанием разложенным на этой груди, как редевские волосы на его ранней лысине, с мягким звоном своих савельевских шпор, он проходил по залам корпуса шагом, каким «следуют» особы разных классов в дворцовых процессиях — решительным, веским, но не торопливым. Во время придворной нашей службы Дегай вполголоса наставлял камер-пажей и следил за гладким течением службы.

В случае каких-нибудь торжественных приемов или выходов камер-пажи выстраивались заблаговременно на том пути, по которому вереницей собирались приглашенные и участники церемоний.

Пробежали дежурные церемониймейстеры со своими палочками, повязанными под рукояткой Андреевскими ленточками. Шагал величественный, огромного роста скороход со своей шапкой в страусовых перьях, в галунном кафтане XVIII века, чулках и башмаках. Приходили к своим постам «арапы Петра Великого» в живописных балетных куртках, турецких шароварах и чалмах. Чем ближе к назначенному часу, тем крупнее шли гости, постепенно превращавшие поток обыкновенных людей, хоть и наряженных в золото, серебро, ленты и звезды, в «особ».

Здесь Дегай, стоя на нашем фланге, негромко предупредил нас о приближении лица, которому камер-пажи должны были отвесить поклон как своему временному придворному начальнику.

— Обер-церемониймейстер князь Долгоруков!

И мы дружно кланялись, шелкая шпорами, крупному барину в бакенбардах и с жезлом.

— Обер-гофмаршал граф Бенкендорф!

Поклон свитскому генералу с подстриженными усами, бачками, идущими к ним узкой дорожкой, по-николаевски, и с вечным высокомерным моноклем в глазу.

— Министр Двора граф Воронцов-Дашков!

Красивый породистый старик в Андреевской ленте с портретом покойного Государя-друга на груди. От Воронцова-Дашкова веет целой эпохой... Он ласково обводит нас глазами и, отвечая на наше приветствие, как бы ищет среди нас — нет ли знакомого лица.

— Гофмейстрина светлейшая княгиня Голицына!

Почтенная, важная дама с бриллиантовым шифром и в розовой с серебром ленте Святой Екатерины. Кланяемся ниже и почтительнее...

К концу камер-пажеского года мы, конечно, знали хорошо и Высочайших Особ, и просто высоких. Те знали — хотя бы по виду — нашего гувернера Дегай. Камер-пажи каждый год менялись. Дегай оставался.

Вернемся к 14 ноября 1894 года. После утверждения нашего внешнего вида Дегаем, мы спускаемся вниз, где у подъезда нас ждут придворные кареты. На козлах кучер в красной ливрее, обшитой галунами с гербами, и в треуголке. Усаживаемся, несмотря на ноябрь, без пальто. Вообще, пальто при полной придворной форме отрицалось. Помню, в Москве при переносах тела Императора Александра III нам приходилось стоять подолгу в ожидании на площадях Кремля и порядочно дрожать на утреннем октябрьском морозце.

Везут нас в Зимний дворец, где одни кареты останавливаются у так называемого Великокняжеского подъезда (камер-пажи, состоящие при великих княгинях и княжнах и иностранных дамах царствующих домов), другие — у Комендантского (так называемые запасные

камер-пажи). Оба подъезда на площади, замыкаемой полукругом зданий Главного штаба и министерства иностранных дел. Камер-пажей Государя и Императриц везут на Салтыковский подъезд, или Главный, смотрящий на чахлые деревья Адмиралтейского бульвара. Бобровский идет сразу наверх, в покои, а мы с Шуберским остаемся в швейцарской в ожидании приезда Великой княжны Александры Федоровны, которая через несколько часов станет русской Императрицей.

Она, наконец, приезжает со своей сестрой, Великой княгиней Елизаветой Федоровной — совершенно исключительной красавицей. Красива и величественна была и Александра Федоровна и очень похожа на свою сестру, но все же ей уступала. Мы встречали их у дверцы кареты и помогли выйти. Великая княжна-невеста дает нам руку для поцелуя — смущенно и неловко. Смущенность эта была первой отличительной чертой, которая бросалась в глаза в поведении молодой Императрицы с самого начала, от которой она не избавилась и в дальнейшем. Она явно «боялась» разговаривать, и в минуты, когда от нее требовались светская любезность и очарование улыбки, лицо ее покрывалось красными пятнами, и делалось напряженно серьезным. Прекрасные глаза ее обещали доброту, но и в них вместо живой искры светился лишь притушенный холодный огонек. В этом взгляде были чистота и возвышенность. Но возвышенность всегда опасна: она сродни гордости и ведет к отчуждению.

Я думаю, что эти черты характера Императрицы лежали в основе всей личной драмы ее жизни. Святая, но недоступная, она не знала людей, не умела их различать и ими пользоваться. Быть среди них, среди даже маленькой толпы, ей было тягостно. Она не сумела побороть первоначальной своей застенчивости, и, по мере того как годы шли и царствование подвигалось вперед — к его трагическому концу, — Царица все меньше и меньше показывалась на людях. Когда подросли дочери, они стали заменять мать на придворных церемониях.

Возвращаюсь к описанию камер-пажеских походов в день бракосочетания Государя.

Высадив своих дам из кареты и проводив их к дверям подъемной машины, мы сами должны были совершить фокус, а именно — так быстро взбежать по лестнице, чтобы успеть оказаться в дверях подъемной машины в следующем этаже, где великие княжны выходили для следования во внутренние покои.

Продельваем это успешно. Провожаем дам вместе с двумя-тремя придворными чинами до определенных дверей, за которыми скрываются Их Императорские Высочества.

Августейшая невеста будет переодеваться в подвенечный наряд, а нас направляют в так называемую Арапскую комнату. Здесь находится дверь, охраняемая двумя придворными арапами. За эту дверь —

во внутренние покои — не допускается никто, даже великие князья. Арапская комната сравнительно небольшая. Из нее другая дверь ведет в Малахитовую гостиную, шеголяющую своими ярко-зелеными малахитовыми колоннами и такой же отделкой стен. Дальше, кажется, шел Концертный зал, в котором обыкновенно давались так называемые малые дворцовые балы, которые вследствие маленького числа приглашенных ценились выше, чем большие — в огромном Николаевском зале, вмещавшем тысячи гостей. Между прочим, бывшие камер-пажи императриц, находившиеся в Петербурге, получали регулярно приглашения на один из малых балов.

Вход в Малахитовый зал из Концертного был, в свою очередь, загражден постом, выставляемым от Кавалергардского полка. Это был «вход за Кавалергардов», через который пропускались только Высочайшие Особы, первые чины Двора и еще, быть может, Андреевские кавалеры.

В Арапской комнате в ожидании выхода Государя собрались все великие князья — одни мужчины. Где-то в другом месте, очевидно, великие княгини ждали выхода невесты. Камер-пажи были выстроены у одного из углов Арапской комнаты. Отсюда их отправляли по надобности и по назначению.

Мелочи церемониала улетучились из памяти, и я не претендую на точность камер-фурьерского журнала. Но запомнилось следующее — вне этого журнала. Несмотря на то, что в Арапской комнате Государя не было, а по стенам стояли стулья, все присутствующие стояли. Никто не курил. Ожидание было долгое и утомительное. Великие князья разговаривали между собой негромко, чуть ли не вполголоса. Вообще, атмосфера была натянутая, и было видно, что тем, кто постарше, не хватало храбрости присесть, а кто помоложе — мечтал о папироске. Наконец, старейший, но не слишком старый (62 года) Великий князь Михаил Николаевич, дядя Государя, решил воспользоваться шеренгой камер-пажей как ширмой для того, чтобы сделать и то, и другое: присесть и затянуться папироской.

— Ну-ка, молодежь, — сказал он, — сомкните ряды поплотнее и прикройте старика.

С этими словами он сел на стул и вынул папиросу.

— Совсем как в корпусе, в печную трубу, не правда ли?

Покурив, великий князь тщательно придалвил окурок.

— А вот этот след преступления девать некуда!

— В карман, Ваше Императорское Высочество, — подсказал один из бойких камер-пажей.

Великий князь рассмеялся, вставая и развевая рукой дымок.

— Молодчина, опытный! Конечно, в карман, — и окурок отправился туда.

Можно себе представить изумление камердинера великого князя, когда этот окурок был им впоследствии найден. Но, может быть, он остался навсегда в кармане, притаившись.

Наконец, зашевелились церемониймейстеры, задвигались другие чины Двора, Воронцов-Дашков прошел за запретный вход, «за арапов».

Вышел Государь в мундире своего лейб-гвардии Гусарского полка*, в котором он, будучи наследником, командовал эскадроном. Бобровский отделился и пошел за Государем. Группа великих князей тоже последовала за ним. Все направились в большую церковь дворца.

В процессии этой бросался в глаза рост мужской части семьи Романовых. Большинство было высокого роста, а Великий князь Николай Николаевич, будущий главнокомандующий в 1914–1915 годах, — ненормально высокого, легко превышая на голову любую толпу рослых людей. Молодой Государь был исключением и, будучи среднего роста, казался среди своих родственников маленьким.

Нас с Шуберским переправили к тем дверям, откуда в свое время должна была выйти Августейшая невеста.

Не помню, из кого составила наша отдельная процессия. Но помню, что тяжелый, огромный, аршин в 6, шлейф серебряного подвенечного платья Императрицы несли и окружали человек 10 придворных, начиная с так называемых «первых чинов», с прибавкой «обер», и кончая нами — камер-пажами. Тут были и расшитые гофмейстеры в чулках и башмаках, и шталмейстеры в ботфортах со шпорами, как и камер-пажи, а самый кончик шлейфа должен был поддерживать древний обер-камергер (кажется, Нарышкин). Ему было трудно нагнуться, и нести шлейф на этом участке легло всецело на нас с Шуберским. Помню еще удивительные полированные паркеты, на которых легко было поскользнуться, и то, что каска с султаном, подвешенная за чешую на рукоятку шпаги, не способствовала свободе передвижения согнутых пажеских фигур.

Когда процессия вошла в церковь, грянул с обоих клиросов хор Императорской певческой капеллы, и восторженный гимн «Гряди, голубице» наполнил своды домашнего дворцового храма. Государь стоял посередине. Великие князья-шафера группировались по сторонам. Бобровский держался позади Царя, держа в руках его гусарскую бобровую шапку с большим белым султаном. Парадно разодетые приглашенные — немногие, так как церковь невелика, — образовали широкий коридор для прохода невесты. Шествие это, рассчитанно медленное и торжественное при свадебных церемониях всех христи-

* Лейб-гвардии Гусарский Его Величества полк — старшинство с 1775 г. Входил в состав 2-й гвардейской кавалерийской дивизии. — *Прим. ред.*

анских религий, является едва ли не наиболее трогательной частью этих церемоний. В данном случае оно было театрально великолепно. Все блистало в ярком свете электричества, что еще больше сближало картину с театром.

Обрученная пара стала рядом и подошла ближе к аналою. Венчание началось. За Государем и за будущей Государыней стали в ниточку и наготове их шафера. Во время пения «Исайя, ликуй!» и троекратного обхождения аналоя было очень трудно со шлейфом. Шаферу трудно было двигаться, держа венец над головой высокой Императрицы (ибо она ею становилась как раз в эти минуты), а камер-пажам — «заносить» вокруг аналоя бесконечный шлейф, лавируя между паникадилами с горящими свечами.

По окончании церемонии новобрачные, приняв в церкви поздравление Императрицы-матери и ближайших родных, двинулись обратно, по направлению к Малахитовой гостиной. Мне помнится, что при этом не было того, что называлось «Высочайшим выходом», когда Государь и Государыня проходили между шпалерами различных чинов, дам и офицеров. Все вообще носило домашний характер. Это можно объяснить тем, что не прошло еще месяца со дня кончины Императора Александра III, и при Дворе и в войсках был глубокий траур.

При обратном шествии мы постепенно оказались одни: Государь, Государыня, великие князья, кое-кто из ближайших придворных. Тех, кто несли шлейф при процессии в церковь — или делали вид, что несли, — уже не было. Обслуживали шлейф только мы с Шуберским.

В Концертном зале или Малахитовой гостиной мы нарвались на засаду: здесь великие князья, опередившие нас, собрались, чтобы еще раз принести свои поздравления и поднести молодой цветы. Роскошный их куст поднимался из спины серебряного лебедя, поставленного на стол.

После короткой остановки мы двинулись дальше. И тут, едва сделали два-три шага, как кто-то из великих князей заметил, что большой пальмовый лист из букета запутался в шлейфе. Достать его было приказано камер-пажам, для чего мы должны были нырнуть под длинный шлейф. Лист этот Шуберский и я разделили потом пополам и оба хранили в числе вещественных воспоминаний о нашем камер-пажестве у Императрицы и, в частности, о 14 ноября 1894 года.

После эпизода с пальмовым листом Государь и Государыня вскорее разделились, чтобы переодеться и затем ехать в Казанский собор, где должен был быть отслужен торжественный благодарственный молебен.

Мы проводили Императрицу во внутренние комнаты, неся ее шлейф; при этом уже не было никакой процессии; у входа в одну из «квартир», составляющих жилую часть дворца, с Государыней остава-

лось 2–3 лица, не считая камер-пажей. Наконец, нам было приказано идти дальше в самые покои. Ближе к стене и окнам стоял туалет с зеркалом. В глубине — большая кровать. Мы положили на ковер шлейф, бережно его разложив, поклонились и вышли.

Казалось, что Императрица осталась в этой полупустой и мрачной комнате совершенно одна!

Шуберский и я ждали затем ее обратного выхода в маленькой прихожей на границе лабиринта жилых помещений и анфилады приемных зал. Главные наши обязанности кончились. Через некоторое, более или менее продолжительное, время Императрица вышла в обыкновенном туалете и шляпе и в сопровождении двух-трех придворных дам. Предводимые и окруженные немногими чинами гофмаршальской и церемониальной частей, мы двинулись к лифту. Тут опять камер-пажи должны были быстро сбежать с лестницы, чтобы встретить Государыню внизу, у выхода. Вероятно, Государь встретил Государыню еще наверху — где, не помню, — и спустились они в нижний этаж уже вместе.

Затем — подъезд, дверца кареты, кивок головы Императрицы и поданная ею рука, которую мы целуем.

Из других придворных служб представляли интерес в тот год приемы в Зимнем дворце дам — придворных и так называемых «городских» — и разных иностранных послов в Аничковском дворце.

Церемония массового приема дам в общезнании называлась «baisemain»*, ибо все дело в этом акте и заключалось. После утомительных часов ожидания, и затем, под водительством юрких церемониймейстеров, черепашьего, в строю бесконечной цепи, приближения к Государыне — поцелуй ее руки, редко — ее вопрос, и затем подача руки Государем. Государыня становилась левее, Государь — в некотором удалении и правее. Рядом и несколько позади Императрицы — товарищ министра Двора с листом фамилий представляющихся дам. По мере их приближения, в момент знаменитого глубокого придворного реверанса — почти до паркета — называлась фамилия. Если бы при чтении случайно была бы пропущена одна фамилия, — все следующие дамы представлялись бы под чужими фамилиями! Пока не встретилось бы знакомое лицо и не обнаружило бы ошибки.

Камер-пажи стояли по обе стороны шлейфа, на этот раз не столь большого, могли наблюдать всю сцену и даже слышать редкие вопросы, которые Императрица задавала изредка особо почтенным дамам и — надо думать — отмеченным в листе крестиком.

* «Целование руки» (фр.). — Прим. ред.

Придворные дамы всех классов и всех дворов — большого и малых великокняжеских — бывали одеты в свои тяжелые мундирные платья русского покроя, с разрезными широкими рукавами и в кокошниках. Платья были из разноцветного — по рангу и дворам — бархата, расшитые золотом или серебром и очень широко открытые на плечах и груди. Шлейф или, как его называли, «трэн» представлял собою огромный пристяжной плат, длиною аршина в 3–4. Он являлся аномалией, так как русский сарафан, послуживший образцом для выработанной модели придворного костюма, не знает этого прибавления. Представьте себе деревенскую молодницу в сарафане, плывущую в грациозной русской пляске с традиционным платочком в руке и с веригами массивного шлейфа у ног! Положение кавалера, выделяющего рядом на лужайке лихие узоры трепака, было бы трудным.

Сарафанное парадное платье боярышни или боярыни XVI–XVII веков было длинным до земли, с длинной сзади фатой, но без шлейфа.

Техника подхода для целования руки требовала от дамы держания шлейфа впереди идущей. Таким образом эта женская вереница, извивающаяся змеей, которая казалась бесконечной, и хвост которой терялся в соседней зале, представляла собой зрелище, не лишенное комизма.

«Городскими» дамами назывались те, которые по своему рангу имели «приезд ко Двору». В общей лестнице чинов честь эта начиналась с 4-го класса (то есть с генеральских чинов). Однако быть женой или дочерью генерала было недостаточно. Принималось во внимание происхождение и как «была рождена». Поэтому, например, жена министра Витте, известная в Петербурге, да, пожалуй, и во всей чиновной России как «умная Матильда», не была допущена ко Двору*, как и жена А. Н. Куропаткина, сменившего Ванновского на посту военного министра**. Обе эти дамы соответственно не были принимаемы и в петербургском высшем обществе и переживали это болезненно.

Для представления ко Двору нужно было сначала пройти через чистилище и показаться гофмейстринам Императриц. В мое время это были княгиня Голицына и графиня Строганова. После смотрин решался окончательно вопрос — допустить или не допустить.

Городские дамы на «baisemain» были одеты в обыкновенные туалеты и, конечно, со шляпами. В этой толпе было меньше бархата и со-

* Речь идет о Марии Ивановне Лисаневич (1863 — после 1924), урожденной Матильде Исааковне Нурак. Она была второй женой С. Ю. Витте. Свадьбе предшествовал скандал, так как ухаживания начались до того, как она расторгла брак со своим первым мужем. — *Прим. ред.*

** В 1890 г. А. Н. Куропаткин женился на Александре Михайловне Тимофеевой, которая также до него была замужем. — *Прим. ред.*

всем не было золотого шитья, зато разнообразие туалетов, материй и пестрота красок делали ее более веселой.

Но сама церемония была скучна, монотонна и утомительна как для представлявшихся, так и для Императрицы: дефилирование тянулось по меньшей мере два часа. Все это время Государыня должна была стоять навывтяжку и механически проделывать один и тот же жест своей правой рукой, подавая ее для целования.

На приемах иностранных послов, на которые вызывались только камер-пажи Императрицы, мы могли стоять рядом с живописными арапами у дверей комнаты, где давалась аудиенция. Посольство прибывало во всем своем блеске и скрывалось за дверью. Спустя некоторое время дверь распахивалась арапами (интересно, что придворный чин подсматривал в щелку — пора ли), и Государь с Государыней выходили в сопровождении посла. Тут бывал приготовлен чай и разнообразные закуски. Камер-пажи держались позади Императрицы.

Аничковский дворец носил характер частного дома, и внутри не было той ледяной торжественности, которая господствовала в необъятных приемных залах Зимнего дворца. Александр III, живший в Аничковском дворце в бытность свою Наследником, продолжал жить в нем зимой и по своем восшествии на престол. Летом его любимой резиденцией оставалась Гатчина.

Царь этот вообще, будучи сам колоссом, явно предпочитал все скромное, маленькое, домашнее. Кроме того, как хороший хозяин, он стремился сократить невероятные расходы Двора и понимал, что личный пример значил много. В течение своего 13-летнего царствования Александр III существенно сократил как бюджет Министерства двора, так и его личный состав. Между прочим, в военной среде за его время постепенно вывелись многочисленные флигель-адъютанты и свитские генералы, на назначение которых был так щедр его отец. По мере их производства в следующие чины, ведущие к утрате вензелей, Государь не оставлял этих офицеров и генералов в своей Свите, не деляя и новых назначений. В результате, к концу царствования Императора Александра III с его вензелями было всего несколько человек, главным образом пожалованных при восшествии на престол, вместо прежних многих десятков. Даже великие князья не избежали заведенного Государем правила, и в бытность мою в Пажеском корпусе великие князья — флигель-адъютанты Александра II — Павел Александрович, Дмитрий и Константин Константиновичи и Николай Николаевич, по их производстве в генерал-майоры, не были зачислены в Свиту Его Величества.

Что касается сокращения расходов, то тут Царь сам лично вникал во все статьи ближнего и дальнего бюджета Двора при помощи преданного ему и честного Васильковского, старого измайловца, сво-

его бывшего адъютанта в войну 1877–1878 годов, потом хозяйственного помощника обер-гофмаршала и заведующего дворцами. Ходил анекдот об обнаруженном невероятном числе апельсинов, съедаемых при Дворе в течение года. Государь потребовал подробного отчета по этой статье, говорившей о чрезмерном пристрастии его приближенных к апельсинам, и она сжалась на следующий год до осмысленных размеров. Добивались экономии не в одних апельсинах и не в одном министерстве Двора. Строгим экономом военного ведомства был министр Ванновский. Введенная при нем новая форма так называемого «русского» покроя и мешочное снаряжение пехоты были одним из проявлений всеобщих урезок и борьбы с дорогим стоящим щегольством.

Император Николай II в первый год своего царствования вернулся к весенним парадам, и это дало нам, камер-пажам Императрицы, случай еще одной придворной службы. Мы были назначены стоять у коляски Государыни в своих дворцовых мундирах и касках с султанами. День выдался чудесный — солнечный и безветренный. Вид проходивших церемониальным маршем войск и завершение его карьером всей конницы прямо на то место, где стояли Государь — верхом — и коляска Государыни, были эффектны. Какой-то художник увековечил этот первый парад молодого Государя в картине, выставленной потом на Академической выставке. На эту картину попали и два камер-пажа. Правда, мы с Шуберским не были приглашены позировать, но место наше и общий силуэт были показаны точно, что и требовалось с нашей точки зрения.

В числе придворных церемоний, в которых обычно принимали участие все камер-пажи, были торжественные обеды, дававшиеся в честь приезжего монарха. На них камер-пажи стояли за стульями Высочайших Особ и ставили перед ними очередные тарелки, получаемые из рук придворных лакеев, стоявших тут же. Та же процедура была на Георгиевских обедах 26-го ноября*, когда Государь угощал в Зимнем дворце георгиевских кавалеров. Моему выпуску не пришлось участвовать в таких обедах, так как георгиевский не состоялся, а других случаев не было. В корпусе ходил рассказ, что один из камер-пажей Императрицы Марии Федоровны облил ее не то супом, не то соусом, и что будто бы Александр III коротко сказал этому неловкому пажу: «Дурак!» Сколько в этом устном предании правды и сколько легендарности — вопрос. Но «дурак» по адресу камер-пажа из уст великого князя я лично слышал.

* В православном календаре — день Святого Георгия Победоносца. В 1769 г. именно в честь него был назван учрежденный Екатериной II Военный орден. В настоящее время 9 декабря (по нов. ст.) отмечается в России как День героев Отечества. — *Прим. ред.*

Было это в притворе Петропавловского собора во время ежедневных панихид по Императору Александру III, когда его тело стояло там до погребения. Камер-паж был А. А. Веселаго, впоследствии семеновец и Генерального штаба. Великий князь — Александр Михайлович. Проступок первого: наступил на порученный ему траурный шлейф Великой княгини Ксении Александровны. Помню, что эту сцену я потом зарисовал в карикатуре, и этот рисунок попал в Пажеский музей.

Облить соусом Императрицу или пытаться оторвать хвост платья великой княгини были события, достойные занесения в пажескую придворную хронику. А сколько было менее заметных и забытых! Повинен был и я, когда в том же соборе и той же Великой княгине Ксении, при которой временно состоял, подал безрукавную меховую шубу (называвшуюся «ротондой») вверх ногами. Но моя дама, добродушно смеясь, сама помогла мне разобраться, где верх и где низ.

Хуже было происшествие — уже не придворное — летом 1895 года в Красном Селе, незадолго до производства. Дело было вот в чем.

Так как наш фельдфебель Бобровский на время лагерного сбора был прикомандирован к лейб-гвардии Саперному батальону и находился поэтому в Усть-Ижоре, а все три остальные старшие камер-пажи (Щербатский, Шуберский и Арпсгофен) тоже состояли при кавалерии или артиллерии, то я исполнял в Пажеском пехотном лагере обязанности фельдфебеля.

В конце зари, после молитвы, Государь, следуя статьям устава, по которому начальник выслушивал вечерний рапорт о благополучии части, принимал адъютантов и фельдфебелей всех частей, в которых состоял шефом.

Рапортовавшие выстраивались в две линии на площадке перед шатром. Государь их обходил.

Предстояло рапортовать в тот вечер и мне, как фельдфебелю Шефской роты.

Для настоящего фельдфебеля дело было бы просто. Он был вооружен шашкой, которую полагалось держать во время рапорта обнаженной у плеча. Но у меня была винтовка, и надо было решить, что я должен был с ней делать.

Командовавший ротой капитан Потехин — «Жамаис» — придумал сложный и неуставной ружейный артикул, заключающийся в том, что я сначала должен был от ноги взять «на караул», а затем, кончив рапорт, повернуть направо, чтобы уходить, и одновременно с поворотом взять ружье на левое плечо.

Все это мы благополучно проделали на нескольких репетициях. Прием выходил франтоватым и, по сравнению с обратным взятием к ноге, более эффектным.

Но на репетициях я имел через левое плечо свернутую в «скатку» старую шинель с промятым желобком от ношения винтовки поверх скатки. Поэтому капризный закон механики, предусмотреть который не смогли ни Потехин, ни я, и по которому выдуманное первым сложное движение давало винтовке центростремительный толчок, не обнаружил себя. Ружье попадало в свой привычный желобок скатки и там прочно оставалось.

На церемонию одели все новое, с иголки, в том числе и скатку. На ней не было спасительной промятости. Наоборот, новая шинель, всегда лоснящаяся гладким, нетронутым ворсом сукна, была готова пойти навстречу шаловливой игре механических сил и помочь винтовке соскользнуть в сторону при моем повороте. Так и случилось.

Правда, я успел поймать ружье своей правой рукой в тот момент, когда оно было повисло вне моего плеча и могло фактически упасть на Государя. Поймал, благополучно водворил на место и отошел строевым шагом. Но эта секунда не могла пройти незамеченной, когда все глаза были направлены на Государя и камер-пажа, стоявшего на правом фланге всей длинной шеренги фельдфебелей и рапортовавшего первым!

Государь не показал виду и, сделав свой обычный жест рукой по усам, сделал шаг к следующему. Я же стал в стороне, выбитый из колеи, с тяжелым сердцем провалившегося на экзаме. Подвел не одного себя, думалось, но и корпус. Что-то будет?

Ответ на этот вопрос я получил через самое короткое время. От свиты, державшейся между Государем и Царским шатром, отделился граф Менгден, полковой адъютант Кавалергардского полка (впоследствии его командир и генерал Свиты). Он медленными и спокойными шагами подошел ко мне.

— Не волнуйтесь, — сказал он, — все хорошо и ничего не будет.

Посылал ли этого вестника сам Государь или добрая Императрица, поспешившая успокоить своего камер-пажа, я так никогда и не узнал. И вот почему.

Вслед за графом Менгденом подошел ко мне капитан Потехин.

— Забудьте начисто о том, что случилось или могло случиться, Геруа, — наставлял он меня, как всегда слегка гнусавя и вполголоса, чтобы не слышали соседи.

— А будут спрашивать — молчите. Знать де не знаю и ничего подобного не было. Вот и весь сказ.

После этого мне, конечно, не приходилось наводить справки, от кого именно шли слова первого утешения.

Мудрость совета Потехина была изумительна. Я твердо следовал ему и симулировал немое удивление, когда мне потом говорили о том,

как какой-то паж на заре с церемонией уронил винтовку; что она едва не задела Государя; что ее поднял с земли великий князь Главнокомандующий; что несчастного пажа лишили нашивок и отставили от производства.

Но никто не знал — кроме названных единичных лиц — имени этого несчастного пажа, и весь случай канул в вечность и полное забвение. Умница был Александр Филиппович Потехин! Знал жизнь и людей!

Строчные роты, то есть 6 и 7 классы всех пяти петербургских кадетских корпусов, выступали в мое время после экзаменов в лагери недель на 6. Этот кадетский лагерь состоял из длинных деревянных барачков на окраине Старого Петергофа* и был расположен среди деревьев и вблизи перелесков. Дальше шло огромное военное поле, на котором учились уланы и конногренадеры, стоявшие в Петергофе. Юноши занимались глазомерными съемками, строевыми учениями, совершали прогулки в чудесный Петергофский дворцовый парк партиями или целой ротой, а также в живописные окрестности Петергофа. У себя в лагере были разные игры. Здесь я завоевал себе первенство в крокет. Кормили особенно хорошо. Вообще эти лагеря были здоровые и приятные. Молодежь, похудевшая и побледневшая за время экзаменов, быстро набиралась сил и загорала.

Раз в лето во Дворце устраивался домашний детский бал, на который из лагеря приглашались кадеты, но, главным образом, пажи. Танцевали великие княжны и великие князья, бывшие тогда подростками. Другие дамы были воспитанницы институтов.

Огромный Государь Александр III и маленькая Императрица стояли тут же в зале и смотрели, как веселилась молодежь. Помню, я поскользнулся на паркете как раз у ног Государя и уронил свою даму. И помню, что это доставило удовольствие Царю. Он добродушно рассмеялся.

В одной из фигур кадрили, когда все пары теснятся колонной, впереди меня оказался молодой безбородый Преображенский полковник — это оказался Наследник, которого я раньше не видал, — будущий Николай II.

После лагеря кадетам давался отпуск, и они разъезжались по домам на остаток летних каникул.

Образование, дававшееся в гимназиях, реальных училищах и кадетских корпусах с военными училищами, носило официальное название «среднего». Говорили: молодой человек со средним образова-

* Так называется западная часть города Петергоф. — *Прим. ред.*

нием. Не боясь плохого каламбура, можно сказать, оглядываясь назад, что оно действительно отвечало этому казенному названию и было «средним».

Когда я говорил выше о том, что учебное дело в Пажеском корпусе было поставлено хорошо, я имел в виду, что оно стояло не ниже, чем в других хороших русских учебных заведениях, а в некоторых отношениях было, пожалуй, лучше. Учебный персонал держался на высоте того метода, который им предписывался и был установлен в России в течение многих десятилетий. Достигались ожидавшиеся от этой системы результаты. Но сам метод этот заключал в себе коренные недостатки, отдать отчет в которых можно было только впоследствии. Прежде всего, это открывалось тем питомцам «средних учебных заведений», кто побывал затем в «высших» и в военных академиях. Здесь от них требовалась самостоятельная работа и способность рассуждать. На прежней школьной скамье ученик двигался почти исключительно на помочах и на памяти. По урочной системе учитель 25 минут спрашивал заданный урок, 25 минут объяснял следующий. Отвечало прежний заданный урок из 30 человек класса не более 5, каждый по 5 минут. Остальные в этих ответах не принимали никакого участия и благодарили Бога, что вызвали не их. Для пятиминутного устного ответа легко было запомнить кое-что из нескольких страниц учебника даже малоспособному ученику. Он подавал это «кое-что» и получал балл так называемого «душевного спокойствия».

При этой системе устных уроков совершенный кретин вроде моего одноклассника Э., подгоняемого дома своей амбиционной теткой, мог в течение нескольких лет держаться в первом десятке классного списка. Он, как попугай, заучивал все решительно наизусть, ничего не понимал и отвечал, как заведенная граммофонная пластинка. Во время приготовления уроков Э. обыкновенно прятался за классные доски, за которыми раздавалось, к досаде всего класса, его жужжанье. Он вслух зазубривал многие страницы учебников по нескольким предметам. Апостолом и поощрителем зубрежа из учителей был священник Селенин, имевший митру и звание «маститого». Он задавал «назубок» целые главы из Евангелия, и тот, кто с этим успешно справлялся, получал высшую отметку. Конечно, Э. был в особой чести у этого педагога. Когда Селенин умер (мы переходили в 6-ой класс), новый законоучитель Лебедев, тонкий и образованный богослов, типа католического священника, был изумлен этим порядком тупого заучивания и тем, что наиболее рассудительные юноши имели наименьшие баллы! К тому же Селенин никому — даже любимчику Э. — не ставил выше 9 баллов по 12-балльной шкале.

Гораздо удивительнее было еще попустительство в области прямого заучивания со стороны преподавателя математики полковника

Б. Этот конно-артиллерист, шеголявший своей фигурой и отлично сшитым сюртуком, автор ряда учебников, эффектно читал теорию, изумлял своими четкими чертежами на классной доске, но избегал задач. На уроках мы отвечали тоже одну теорию, которую можно было брать памятью. Даже редкие проверочные письменные работы, полагавшиеся по математике, Б. задавал на изложение тех или иных теорем или какого-нибудь бинорма Ньютона. В тех случаях, когда Б. нужно было решить в классе показную задачу, он совершенно очевидно воспроизводил нечто, заранее им решенное — как бы с завязанными глазами, наизусть. При этом он часто запутывался, терял нить и делал ошибки в вычислениях. Тогда наш классный математик Окунев поднимал руку, вставал и предупреждал преподавателя, что задача так не выйдет. Надо отдать должное Б.: он принимал это мужественно, вызывая Окуневу к доске и предлагая ему распутать формулу, которую он сам забыл.

В Пажеском корпусе Б. монополизировал все многочисленные математические предметы, кончавшиеся в специальных классах механикой и артиллерией, но, кроме того, он преподавал широко и в других военно-учебных заведениях. Кажется странным, что его репутация математика-педагога стояла так высоко и что никто никогда не обратил внимания на поверхностность такого теоретического преподавания точных и рассуждающих наук.

Но все его ученики, кому Бог не дал математической шишки, но снабдил хорошей памятью, были довольны: они могли набивать полные баллы, оставаясь невеждами в математике.

К числу этаких счастливцев принадлежал и я.

Однако, когда я поступал в Академию Генерального штаба и приступил к подготовке, мне пришлось нанять себе студента-математика, с которым я прошел весь курс с самых азов, положив в основу решение задач. Учитель попался превосходный (и всего рубль за час!). Начало было трудно, так как я почувствовал себя в этой области невиннейшим из младенцев. Но конец был сладок: я убедился, что и мой несовершенный ум способен на математическую гимнастику, в которой прежде меня никто не пробовал упражнять. Мало того, я стал находить в этой гимнастике удовольствие. Еще немного, и я, чего доброго, привязался бы к ней навеки. Но, увы, по вполне благополучной сдаче вступительных экзаменов, на которые я шел с уверенностью и без малейшей боязни, разум мой снова впал в математическую апатию. С формулами и вычислениями было покончено навсегда.

С моим философским укладом я естественно должен был успевать в таких предметах как словесность, история, география. Но и тут метод преподавания стоял поперек усвоения в глубину. Наименьшее сопротивление испытывалось по русскому языку. Тут много писали,

сочиняли, вообще упражнялись. К тому же все учителя мои по этому предмету, ставшему (не считая рисованья) с 1-го класса моим любимым, были хороши, каждый по своему.

С географией тоже было недурно, и мы вынесли довольно личный запас знаний, достаточный, чтобы не заблудиться на свете.

Но история! Напоминаю читателю, что я обещал остановиться на тех преподавателях, которые в Пажемском корпусе были исключением из общего высокого уровня учительского состава, но расстаться с которыми стеснялись.

Историком нашим был Рудольф Игнатьевич Менжинский. Не только нашим, но и предшествовавшего поколения. Это был старожил вроде лазаретного Кирилла Ивановича Вавенко. Менжинский был высокий, слегка сутулый старик с аккуратной бородкой и в пенсне, с пробором посредине приглаженных редящих волос; имел кошачьи манеры, и с лица его не сходило выражение презрительности. Пажей, которые ошибались в ответах, он насмешливо называл «сокровище» и был не прочь поиздеваться над ними; всем вообще ставил низкие баллы, считая, как и священник Селенин, что 9 являлось вершиной оценки, которую заслуживали их ученики. В этом они были правы, так как при их преподавании знать на большее было трудно. Учились мы по пресловутому учебнику Иловайского, принятому для всех учебных заведений. Это было сухое собрание фактов и дат, не подправленное никакими попытками объяснить ход исторических событий, найти их причину и связать разные эпохи посредством сравнения. Опять-таки здесь все дело заключалось в тупом заучивании и в запоминании.

Однако преподаватель мог и должен был подняться над казенными страницами навязанного учебника. От него зависело вдохнуть в него жизнь и привить ученикам вкус к научно-критическому методу изучения истории, и сделать предмет интересным. О таких талантливых учителях приходилось слышать. В их руках и бесцветный Иловайский оказывался удачным материалом. На трафарет учебника преподаватель и толкователь накладывал краски. Путаный узор превращался в четкий силуэт. В головах молодежи оседали навсегда не мелочи, а крупные исторические этапы в их взаимной связи и причинности.

В течение двух долгих поколений пажи имели несчастье иметь бессменного и, казалось, бессмертного наставника, для которого история заключалась в хронике событий. Не помню случая, чтобы на уроке истории давались бы схемы и диаграммы, упрощающие усвоение темы, или хотя бы была повешена нужная географическая карта.

Если Менжинский допускал оживление, то это были анекдоты, да и теми он баловал только, когда мы доходили до французской революции, его любимого периода. Преподавал он еще — и тоже двум

поколениям — в великосветском женском пансионе М^{ме} Труба. Там были изданы литографическим способом записки, прошедшие через редакцию Менжинского. Было важно заручиться этими записками, и, следовательно, иметь «руку» в пансионе Труба. Сестра или кузина пажа передавала ему эту, по-видимому, библиографическую редкость для временного пользования, а через этого пажа могли приобщиться к источнику и его товарищи. Выгоды отвечать по «Трубе», как у нас говорилось, сказывались неизменно: Менжинский узнавал себя, раставивал, и «Труби́ст» получал высшую отметку — 9.

К сожалению, доставать эти потрепанные тетрадки регулярно было трудно. И потому пажам было невозможно держаться на высоте этой отметки. Пансионерки Мте Труба были счастливее.

Менжинский был поляк. В преподавании это сказывалось, когда доходили до царствования Екатерины II. Не прощая ей раздела Польши, он выходил из себя, если паж называл Императрицу Великой. Вспыхивал и язвительно шипел на виновного: «Вторая, сокровище, вторая! Сенат не подносил ей титула Великой! Садитесь». И паж садился, зная, что заработал шестерку или семерку.

В конечном итоге мы уносили из корпуса туманные и более чем прерывистые понятия о прошлом как у себя дома, в России, так и во всем мире.

Но каждый твердо, на всю жизнь, помнил из учебника Иловайского, что «Алкивиад был богат и знатен; природа щедро наградила его способностями» и что «безумец Герострат сжег храм Дианы в Эфесе».

Менжинский, внушив совместно с Иловайским отвращение к истории сотням своих учеников, удалился от дел своих на покой лишь за несколько недель до европейской войны. Корпус пережил его всего на два с половиною года!

Я преподавал в 1911—1914 годах в Пажеском корпусе военную историю и являлся, следовательно, в это время коллегой своего бывшего учителя. Ранним летом 1914 года учебный персонал давал ему в ресторане Пивато на Большой Морской прощальный обед, и я на нем присутствовал. Но казалось, что, отвечая на тосты, он вот-вот склонит свою голову на бок, как он имел обыкновение делать, и, презрительно сощурился на нас свои близорукие глаза, обзовет всех нас «сокровищами».

А сын Рудольфа Игнатьевича Менжинского примкнул к большевикам немедленно после октябрьского переворота 1917 года и вошел в первый призыв ленинского кабинета народных комиссаров. В паре и в рифме с другим поляком — знаменитым палачом Дзержинским — он правил страшным застенком ЧК.

В специальных классах, как и в военных училищах, урочная система сменялась лекционной. Проверка усвоения знаний производи-

лась в особо назначенное время. Это носило название «репетиций». Класс был разбит для них на группы из 5–6 человек, что давало возможность преподавателю спросить как следует за час их всех, что являлось несомненным плюсом перед системой спрашивания в общих классах корпуса. В специальные классы введены были также практические занятия по тактике и военной администрации. Масштаб их был очень скромен, но все же это был шаг к самостоятельным упражнениям и к письменным ответам.

12 августа 1895 года состоялось, как всегда после больших маневров, наше производство. Государь поздравил нас офицерами, и камер-пажи — теперь бывшие — императриц были вызваны на Царский валик*, чтобы получить приказ из рук Их Величеств, и, так сказать, откланяться.

Впоследствии Государыня легко меня узнавала в массе офицеров. Так, она подошла ко мне и поговорила со мной в 1896 году в Зимнем дворце на юбилее лейб-гвардии Егерского полка** и значительно позже в 1901 году на юбилее Пажеского корпуса тоже в Зимнем дворце.

Помнил меня и Государь как камер-пажа Императрицы, сказав об этом, когда я ему представлялся в 1912 году в Царском Селе по случаю назначения ординарным профессором.

ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ЕГЕРСКИЙ ПОЛК

В строю я прослужил в общей сложности — субалтерном, ротным, батальонным и полковым командиром — 9 лет. За вычетом трех лет ученического пребывания в Академии, на штабную мою службу приходится 6 лет, а на педагогическую в военном училище и Академии — около 4. Таким образом, без малого половину времени из 19 лет активной службы я провел в строю.

К счастью, строевой опыт мой оказался довольно разнообразным: пробыв 6 лет на должности младшего офицера в петербургской гвардии (в лейб-гвардии Егерском полку), я затем командовал год ротой в армейском пехотном полку в провинции (в Киеве, в 168-м пехотном Миргородском); батальоном — летом 1913 года снова в своем родном полку; полком во время войны — сначала армейским

* **Царский валик** — насыпной холм на полях Красного села, где располагался шатер Его Императорского величества. — *Прим. ред.*

** **Лейб-гвардии Егерский полк** — старшинство с 1796 г. Входил в состав 1-й гвардейской пехотной дивизии. — *Прим. ред.*

(123-м пехотным Козловским*), потом гвардейским (лейб-гвардии Измайловским**).

Знакомство с провинциальной военной средой и с характером армейских частей принесло мне большую пользу, несмотря на относительно краткость этого знакомства.

В 1895 году, когда я был произведен в подпоручики лейб-гвардии Егерского полка, им командовал граф П. П. Шувалов. Генерал этот несомненно выдавался среди остальных начальников частей петербургского гарнизона. Начав службу в лейб-гусарах, он впоследствии перешел в пехоту, руководимый, вероятно, широким интересом к военному делу. Особенно увлекался граф Шувалов стрельбой, и отлично поставил ее в частях, которыми командовал. Из шаблонного отбывания номера стрельба превращалась под его деятельным руководством в настоящее искусство. На стрельбищах появлялись разные точные приборы, стрелковые вопросы обсуждались с офицерами, составлялись наглядные графики, инструкции и руководства. Нельзя было не заражаться знаниями и энтузиазмом командира; офицеры и стрелковые таланты из солдат — все работали с искренним и свежим интересом. Результаты сказывались немедленно — стрельба полка заметно поднималась.

Нужно сказать, что в ту эпоху, до Русско-японской войны, в пехоте практиковались разные уловки для так называемого «выбивания процентов», которыми расценивались результаты стрельбы. Так, например, сидевшие в укрытиях на линии мишенной стрельбы в них в упор, увеличивая число пробоин; лучшие стрелки с линии огня выпускали лишние пули в мишени соседей — заведомо плохих стрелков; при отметках попадания на самих мишенях во время «счета пуль» не скупилась, отмечая больше, чем было на самом деле, или даже продырявливая мишень чем-нибудь острым...

Начальство, в громадном большинстве, смотрело на все эти проделки сквозь пальцы. Репутация дивизии выигрывала, если полки выбивали «выше отличного», то есть больше процентов, чем требовалось высшей мерой оценок стрелкового устава.

В командование графа Шувалова эти шулерские приемы сами собой исчезли, и чины полка скоро убедились на практике, что при тщательной математической постановке дела и дружной работе пресловутые проценты лезут в гору сами собой, без понуканий.

Граф Павел Петрович Шувалов обладал большими личными средствами (известен его барский особняк на Фонтанке, у Аничков-

* 123-й пехотный Козловский полк — старшинство с 1797 г. — *Прим. ред.*

** Лейб-гвардии Измайловский полк — старшинство с 1730 г. Третий по старшинству пехотный полк русской гвардии. — *Прим. ред.*

ского моста) и немало тратил из своих собственных денег на благоустройство полка и различные улучшения.

К сожалению, командование им лейб-егерями оказалось чересчур коротким — ровно год. К этому еще далеко не старому человеку (ему еще не было и 50 лет) подкралась тяжкая грудная болезнь, которая заставила его оставить службу. Случилось это вскоре после моего выхода в полк, в конце ноября 1895 года. Офицеры жалели, что лишились командира, в котором удачно соединились барство и незаурядные служебные качества, заметно поднявшие полк. О Шувалове сохранилось самое лучшее воспоминание. Это был человек умный, просвещенный, в высшей степени серьезный и дельный, в отношениях с офицерами доступный и внимательный. Образец командира. Работать с ним было легко, и никто не жаловался на его несомненную требовательность.

Досадовали еще и потому, что приближался 100-летний юбилей полка — в ноябре 1896 года; лучшего командира, чем Шувалов, для представления полка Государю и организации празднеств нельзя было желать.

Граф Шувалов недолго прожил после своего ухода.

Преемник графа — Андрей Иванович Чекмарев — был резким контрастом. Ярко помню первое появление Чекмарева перед обществом офицеров полка. Мы все в парадной форме построились в одну шеренгу вдоль стен зала офицерского собрания. Вошел генерал ростом ниже среднего, плотный, с наклоном к полноте, с короткой шеей, на которой сидела кубическая голова с одутловатыми щеками и с седоватой бородкой, расчесанной по-кучерски, надвое. Вообще, его легко можно было вообразить в традиционном русском кучерском кафтане на вате и в большой меховой шапке с квадратным верхом из цветного бархата. День был декабрьский и сумрачный. Подходил к зимнему петербургскому утру и Чекмарев.

Первое впечатление при дальнейшем знакомстве не рассеялось. В медленности его движений, в поступи и в неповоротливости было что-то медвежье. Тяжелый на подъем, Чекмарев был тяжел и в мыслях.

В нестройовой фигуре и манерах его трудно было угадать коренного гвардейца (прослужил до чина полковника в лейб-гвардии Семёновском полку), флигель-адъютанта Императора Александра II, офицера конвоя Его Величества во время войны 1877—1878 годов*.

* Вероятно, речь идет о Гвардейском отряде почетного конвоя Его Величества, специальном подразделении, сформированном в годы русско-турецкой войны 1877—1878 гг. для охраны императора Александра II, находившегося на Балканском театре военных действий. — *Прим. ред.*

Службу Чекмарев, впрочем, знал, хотя нес ее формально и без блеска, с добросовестностью заведенного на долгий срок исправного автомата. Сердце у него больше лежало к хозяйству, к полковой швальне, к устранению тревог где-то там на Звенигородской улице, приютившей вместе с квартирой командира разные нестроевые учреждения и команды.

Когда Чекмарев с видимой неохотой садился на своего такого же тяжелого, как он сам, верхового коня, он сливался с ним в силуэт, напоминавший известный памятник Александру III работы князя Трубецкого.

Андрей Иванович боялся простуды и сквозняков, носил шарф на шею, не расставался с калошами, и при малейшем дуновении ветра поднимал воротник пальто.

Постепенно, с его приходом, и полк точно надел калоши и поднял, нахохлившись, воротник, закрывающий лицо. Таково влияние командира! Привитая графом Шуваловым строевая бодрость сменилась ровным и бледным исполнением служебного долга и уставов. Пробужденный было интерес к стрельбе заглох. Творчество и инициатива в гомеопатических дозах смели прорываться только в хозяйственной области.

Вспоминали с грустью служебную независимость прежнего командира. Чекмарев, увы, боялся всякого начальства и терялся, если оно выказывало неудовольствие. Это свойство Чекмарева я испытал на своей собственной шкуре, отсидев трое суток на гауптвахте за чужую провинность только потому, что начальство разгневалось, а командир не пожелал разобраться в деле.

В общем, полк вступил в пятилетнее бесцветное существование, получившее потом кличку «чекмаревского времени».

Даже пришедшиеся на это время коронация и полковой юбилей (1896) показались бледными и вялыми в атмосфере этого командования в калошах, с поднятым воротником и с боязнью свежего воздуха — хоть бы сквозняков.

Почти вся моя служба в младших чинах, до поступления в Академию, прошла именно в эти годы. Сближение с обществом офицеров облегчалось для меня тем, что в полку уже был мой брат, а также большим числом бывших пажей, которые всегда радушно встречали нового однокашника.

В мое время ровно половина офицеров была из пажей. Товарищество корпуса они переносили в полк, держались друг друга и имели влияние на остальную, не пажескую половину, хотя, разумеется, и в ней было много офицеров, подходивших к общему духу полка и не нуждавшихся в постороннем влиянии. В результате получалась сплоченная и дружная полковая семья с одинаковыми понятиями

о службе, чести и взаимных отношениях. Небольшие группы офицеров, отличавшихся по своему воспитанию, а иногда и происхождению от большинства, не сливались с ним, держались немного особняком, но это не отражалось на общем единстве, и офицерский быт лейб-егерей не знал ни интриг, ни мелкой борьбы отдельных кружков.

Во всех вопросах, служебных и частных, достоинство полка стояло для каждого на первом месте. Сор из избы не выносился, командира — каков бы он ни был — поддерживали как представителя полка, свято блюли установившиеся полковые обычаи и «лезли из кожи вон», если требовалось показать, что лейб-егеря в той или иной области стоят на должной высоте.

Блеснули офицеры, между прочим, написав и отлично издав полковую историю в один год, к юбилею. Скажу об этом подробнее позже.

Радужие, гостеприимство и естественная простота егерей были широко известны. Все это вместе получило название «егерства». Когда что-нибудь выходило особенно хорошо, говорили: «это по-егерски» или «вот это егерство». Как кажется, немалую роль в сплочении офицеров в семью со всеми этими понятиями сыграл в 80-х годах командир полка Хазрев Мирзабекович Долуханов — кавказец, хотя и проживший большую часть жизни в Петербурге. Знал он о знаменитом «куначестве». «Кунак» на Кавказе значит «брат», и войсковые части ввели это слово и эту идею в свой обиход. Кавказские полки были друг другу кунаки; больше чем друзья и товарищи.

Долуханов полюбил слово «егерство», как отвечавшее кавказскому «куначеству», и щедро поощрял этим словом лейб-егерей. У него была привычка начинать фразу словами: «Ну вот это», и, довольный чем-нибудь, Долуханов говорил: «Ну вот — это егерство!»

Между командиром полка и офицерством стояли полковники. Являясь ближайшими помощниками командира, они были старшими товарищами и руководителями офицеров. От качества полковников, их личных свойств, ума и такта зависело многое. Как буфера, они должны были то сжиматься, то раздаваться, в зависимости от давлений, сверху — от командира и снизу — от офицеров.

В первые годы моей службы число полковников в Егерском полку оказалось выше того, что было положено по штату. При четырех батальонах и одном заведующем полковым хозяйством должно было быть пять штаб-офицеров. Состояло же их десять, то есть вдвое больше, чем требовалось. Объяснялось это установившейся в гвардии традицией не переводить вообще офицеров из одного полка в другой. Одно время делалось исключение для полковников, которых переводили туда, где была полковничья вакансия. Но потом, начиная с 80-х годов,

и эти переводы были прекращены. Таким образом случалось, что в некоторых полках (чаще в кавалерийских) число полковников доходило до 10 и даже больше.

Типичными были общие трапезы в офицерском собрании.

Обед накрывался в длинной столовой с темными обоями и галереей командирских портретов. Из последних только два или три были хорошего письма, в особенности портрет Виллебранта работы Константина Маковского и портрет знаменитого командира времени Отечественной войны Карла Ивановича Бистрома (кажется, это была хорошая копия). Большинство же портретов «состряпали» наскоро и дешево к юбилею, вставили в однообразные овальные рамы и развесили вдоль стен.

У одной стены стоял большой шкаф, за стеклом которого блестяло столовое серебро. В мое время его было еще немного, и больше всего бросалась в глаза масса чарок, заводившихся на каждого офицера. Чарки эти имели простую форму серебряных стаканов, на которых помещался кульмский крест — полковая эмблема — и имя офицера с датами его вступления в полк и выхода из него.

Впоследствии, когда этих чарок стало слишком много, от дальнейшего их изготовления отказались, и выходившие в полк офицеры обязывались завести в складчину какую-нибудь другую вещь на память о себе и для украшения стола — братину, канделябр, фруктовую вазу и т. п.

Столы, в случае общих обедов, ставились «покоем», то есть в форме буквы «П». Скатерти, салфетки имели в своем узоре тоже кульмские кресты; поместили их и на стулья, строгие, с кожаной обивкой, которые заказали к юбилею; здесь эти кресты, выжженные по коже, были соединены с веткой полкового шитья. На всех этих кожаных стульях не хватало, и недостающее число дополнялось простыми стульями гнutoго дерева, носившими в России название «венских».

Самый обед или «еда», как упрощенно называлось это в записках офицеров, тайно голосовавших «за» или «против» чествования уходящего товарища обедом, был шаблонного содержания. Но центр кулинарного искусства во время егерских обедов лежал не в их меню и в исполнении, а в закусках перед обедом.

Закусочный стол накрывался посередине соседнего со столовой зала собрания. Под белой скатертью скрывалось не менее двух длинных, вместе составленных столов, и вся эта большая площадь была тесно заставлена самыми разнообразными закусками, бутылками и графинами с водкой, настойками, мадерой, белым портвейном. Закуски холодные и горячие — разных сортов сыры (с которых, в проти-

воположность Европе, начинали обед), маринованные грибки и белые грибы в сметане, гречневая каша «по-драгомировски», ветчина обыкновенная и вестфальская, колбасы горячие, сосиски в соусе из помидоров, баклажаны с перцем, маленькие биточки в разных соусах...

«Выпить рюмку водки и закусить» обозначало повторить рюмку несколько раз и приложиться, по крайней мере, к полудюжине разных закусок, один вид которых возбуждал аппетит. В результате, все шло к обеду насытившись, и неудивительно, что отношение к нему было поверхностным.

Пока обедали в столовой, из зала убирали закусочные столы, накрывали другие вдоль стен для послеобеденного кофе, а посредине зала устраивался полковой духовой оркестр.

После тостов, если это были проводы, а не рядовой ежемесячный «товарищеский» обед, играли колено полкового марша и офицеры кричали «ура». Потом толпой высыпали в зал, расходились по другим комнатам собрания, садились играть в карты, пить кофе и ликеры.

За обедом пили то вино, которое стояло на столе и — в случае проводов — то шампанское, которое подавали. Но после обеда можно уже было требовать напиток по своему выбору — и, конечно, сверх той платы, которая была разверстана на участников заранее. Тут случилось, что какая-нибудь группа офицеров подливала, начинались частые тосты, появлялись все новые и новые бутылки шампанского, пели застольные песни и в особенности известную «чарочку». Подносился бокал тому, чье имя-отчество называлось в песне — «выпить чару Ивану Петровичу», «чару выпивать, другую наливать» и т. п., и «друг» должен был осушить бокал до дна...

Музыка продолжала играть, какой-нибудь любитель пускался плясать лезгинку, шел беспорядочный шум, раздавались веселые выкрики, — как вдруг все мгновенно смолкало, отодвигались стулья, все вставали и становились навтыжку, как по сигналу. Это дежурный офицер подошел с вечерним рапортом к командиру полка, и тот встал, чтобы принять его.

Собранская жизнь отнимала много времени и денег, особенно у молодежи, и еще больше у тех офицеров, холостых и беззаботных, которые жили под боком у собрания, в казенных квартирах на Рузовской улице. На Звенигородской, отделенной от собрания огромным пустырем Семеновского плаца (где был знаменитый беговой круг), жили — по соседству с канцелярией полка, нестройной ротой и командиром — полковники и солидные члены полкового управления и хозяйства.

Соблазн собрания заключался в том, что в нем в течение всего дня и даже ночью можно было поесть и выпить в кредит. Дешевое, однако, выходило на дорожке, ибо из копеек, тщательно заносившихся бу-

фетчиком в личную графу офицера, быстро складывались рубли, а из рублей — десятки. Помню этот ужасный лист, по величине напоминавший скатерть, на котором в вертикальной графе стояли фамилии всех офицеров, а в длинных горизонтальных отмечались бесстрастно каждый съеденный кусочек селедки, пирожок, выпитая рюмка водки. График этот верно изображал степень преданности офицеров собранию. Раз в месяц он представлялся казначею, а тот «удерживал» долги за съеденное и выпитое из содержания офицеров.

Младший офицер в гвардии получал 70 рублей в месяц (в армии 60), ротный командир — около 100, батальонный — около 150. Цифры эти сравнительно с тем, что получали офицеры в армиях других великих держав Европы, казались ничтожными, но, теоретически говоря, на это содержание жить было возможно. Жизнь в России — главным образом, еда — стоила гораздо дешевле; для бессемейного офицера могло быть достаточным, при разумной осторожности, получать, скажем, на английские деньги — эти 7 фунтов в месяц.

Однако в Петербурге и в гвардии, помимо соблазна офицерского собрания, были налицо и другие соблазны, а также и разные обязательства, запускавшие руку в карман офицера. Если карман оказывался тощим, напора всех этих расходов он не выдерживал.

Даже в скромных гвардейских полках, к каковым принадлежал и лейб-гвардии Егерский, нельзя было служить, не имея никаких собственных средств или помощи из дому. В некоторых же полках, ведущих важный и широкий образ жизни, необходимый добавок к жалованью должен был превышать последнее в 3–4 раза и больше. В лейб-гвардии Егерском можно было обойтись 50 рублями, и даже меньше.

По части получения жалованья или, вернее, неполучения его всего ту же приходилось обыкновенно в месяцы, следовавшие за лагерным временем, то есть между августом и, примерно, концом декабря. Совместная барачная, собранская и маневренная жизнь офицеров в Красном Селе в течение трех с лишним летних месяцев вела к интенсивному заполнению графика буфетчика. Это неумолимо отражалось в неумолимых книгах казначея, и каждого 20-го числа (во всей России жалованье выдавалось 20-го) офицер получал конверт, в котором нельзя было прощупать никаких денег и который заключал в себе только аккуратно сложенный счет: причитается столько-то, вычтено за то, другое, третье столько-то, подлежит выдаче — 0.

И если, наконец, 20-го января, после осторожной жизни на зимних квартирах, в конверте вдруг оказывалась, кроме счета, кое-какая мелочь — это был приятный сюрприз!

По мере того, как офицер становился старше и степеннее, попутно повышаясь в чинах и окладах, он находил в заветном конверте 20-го числа более осязательную начинку.

Служба младшего офицера зимой состояла из строевых занятий в казармах, хождения в разные городские караулы и в дежурствах по полку и по военным госпиталям.

Занятия начинались в 8 часов утра, прерывались на два часа в полдень для обеда нижним чинам и завтрака офицерам с послеобеденным отдыхом (солдатам разрешалось полежать, сняв сапоги), и продолжались затем до 4 часов.

Любители показать себя и людей посмотреть на Большой Морской, набережной Невы и лучшей части Невского проспекта в обычные часы гулянья, между 4 и 5 часами, попевали туда после занятий. Были офицеры петербургского гарнизона, которые появлялись на этой прогулке, медленной и праздной, каждый день, несмотря на погоду. Так трудно было отделить в мыслях Невский и Морскую от румяного, здорового лица преображенца Н. с его темной квадратной бородой и с башлыком, концы которого были закинута за спину. Таким же верным невским фланером был капитан Пажеского корпуса П. Здесь и на набережной Невы встречались знакомые обоего пола, офицеры козыряли друг другу, ходили парами и группами или стояли у гранитного парапета красивой набережной Невы, пропуская и оглядывая гуляющих. Тут узнавались городские новости, создавались и передавались сплетни.

Мимо, не торопясь, проезжали сани или экипажи, в седах которых узнавали то лиц с крупными именами, то знатных дам, то известных кокоток вроде «Шурки Зверька» или «Маньки Бедовой».

Вечер у субалтерна был свободен, если он не дежурил где-нибудь. Ротный командир мог быть занят какой-нибудь отчетностью, совещанием с фельдфебелем, решением хозяйственной задачи.

Первым моим ротным командиром был штабс-капитан В. З. Гудима. Он получил 5-ую роту незадолго до моего выхода в полк в 1895 году и наметил меня младшим офицером в свою роту, когда я еще находился в Пажеском лагере в Красном Селе, перед прикомандированием к Егерскому полку. Как бывший паж он мог, как свой, прийти в наш маленький лагерь (человек 50) и посмотреть на него во время занятий. Удовлетворившись смотринами, Гудима устроил так, что я был назначен к нему в роту.

Гудима считался строгим и точным командиром, и я радовался тому, что смогу пройти с самого начала хорошую строевую школу. Он действительно знал уставы назубок, был требователен и к себе, и к подчиненным, очень заботился о солдатах и стоял за свою роту, что называется, «горой»; но он совершенно не интересовался тактическим обучением, не умел ничего преподавать в этой области и во время полевых занятий в лагере производил тактические ученья лишь для

отбытия номера требуемой программы. Глаз его оскорблялся, если люди в цепи разравнивались, и он, вероятно, с трудом удерживал себя, чтобы не подсчитать им «ногу».

Между тем, Владимиру Захаревичу нельзя было отказать в уме. Но живая и нужная сторона военного дела его не занимала. Научиться у него, как это скоро стало мне ясно, можно было только искусству сомкнутого строя и автоматизму.

В роте Гудима, с одной стороны, держался старомодного для того времени взгляда, что солдат предпочитает «мордобитие» отдаче под суд; с другой — приходил по вечерам в роту или в солдатские палатки в лагере с подходящей книжкой — вроде украинских рассказов Гоголя — и читал им вслух (читал он хорошо), вызывая их на дружескую беседу.

Физически это был высокий и довольно красивый мужчина малороссийского типа. От его широких плеч, крепких рук и зычного голоса отдавало мужеством.

Осенью 1898 года я был переведен в шефскую роту, и украсился царскими вензелями, незадолго перед тем введенными для чинов, несущих службу в строю рот, эскадронов и батарей Его Величества.

Моим новым начальником был Алексей Николаевич Бунин, тоже знавший уставы, строй и ротное хозяйство, но безучастный к тактике. Холостой, жизнерадостный, румяный, с русским наружно простоватым лицом хитрого мужика, с расчесанной на обе стороны белокурой бородой, «Алексис», как его звали в полку, управлял ротой через традицию и через фельдфебеля*.

Традиция первой роты, носившей имя державного шефа, заключалась в том, чтобы служить моделью во всех отношениях для других рот. Фельдфебеля Государевой роты, которые выбирались с особым разбором и которых Государь знал и в лицо, и по именам, являлись ближайшими проводниками традиции. Ротные командиры могли меняться, младшие офицеры — тем более, а фельдфебель оставался на своем посту бессменно, до глубокой старости, пока позволяли здоровье и силы. Чем древнее и вместе с тем молодеватее выглядел фельдфебель шефской роты, тем было лучше. Ему и разрешалось многое такое, что для другого фельдфебеля показалось бы вольностью. Непокосимо показывая пример дисциплины, такой патриарх, не сходя со своего места старшего солдата, все же имел возможность и поворчать, проявить упрямство и превысить свою власть.

* А. Н. Бунин командовал во время маньчжурской кампании стрелковым полком, а в войну 1914–1917 гг. — дивизией, получив, кажется, Георгиевский крест. — *Прим. авт.*

Офицеры обращались к этим подчас деспотам не иначе как по имени-отчеству. К субалтернам эти «Иваны Павловичи» и «Павлы Ивановичи» относились со снисхождением взрослого к ребенку.

В год моего производства и выхода в полк умер или удалился за немощью на покой, доживать свои немногие дни, маститый фельдфебель роты Его Величества Шалберов. Он участвовал в турецкой войне 18 лет тому назад уже фельдфебелем, вернулся с тремя Георгиевскими крестами, постепенно покрылся рядом шевронов на левом рукаве, по которым можно было сосчитать число лет его сверхсрочной службы, медалями — шейными и нагрудными, бесконечной цепью знаков «За отличную стрельбу», иностранными орденами и, конечно, сединой. Он был типичнейшим представителем своей фельдфебельской расы и славился во всей гвардии тем, что говорил скороговоркой в бороду, как индюк, и что его понимали только привыкшие к нему.

Государь не забыл Шалберова с его индюшечьей речью, еще в 1916 году напомнив о нем в Ставке генералу Кондзеровскому — старому лейб-егерю.

Шалберова заменил молодой великан Государевой роты Тит Гостилов, только что кончивший срок своей действительной службы и начавший первый год сверхсрочной. Ему было еще далеко до шалберовского авторитета, но и теперь на него поглядывали не без почтения, прозревая будущий столп Государевой роты, 1-го батальона полка. Понятие «столп» к нему шло как нельзя лучше — взглянув на его гигантские размеры и страшные плечи, думалось: «Ну и силища!»*

Когда в 1913 году я командовал в полку 1-м батальоном, я встретил Гостилова, за широкими плечами которого уже числилось 18 лет фельдфебельства, отмеченные и шевронами, и медалями, и значками за стрельбу. Особенно последними — Гостилов был изумительным стрелком.

И, как когда-то у Шалберова, был у него уже непререкаемый авторитет, но также и одна странная особенность, которую знала вся гвардия и все начальство: у Гостилова, при всех его положительных качествах, не хватало музыкального слуха. Он не мог маршировать под музыку в такт и, чуть-чуть отставая от ритма, слегка подпрыгивал на фоне ровно плывущей массы сомкнутого строя! И ничего нельзя было с этим поделать. Приходилось молчать и мириться всем, начиная с командира полка и кончая Его Величеством.

* Во время революционных вспышек в Петербурге в конце 1905 года лейб-егеря должны были арестовать вооруженных бунтовщиков, запершихся в здании, окруженном высокой стеной с крепкими воротами. Гостилов выломал их плечом с разбега. — *Прим. авт.*

По непопадающему в ногу фельдфебелю безошибочно отличали в гвардии Государеву роту лейб-гвардии Егерского полка.

Говоря о Гостилове, попутно вспоминаю, что и в 5-ой роте, где я начал службу, тоже был тогда молодой фельдфебель, умный и полированный Кирсанов, и что мы праздновали его свадьбу. Шаферами были офицеры, в том числе я — у невесты. После торжественного венчания в полковом храме состоялся обед и бал в помещении роты. Это было чинно, точно по расписанию, и очень мило. Моей дамой за обедом оказалась хорошенькая горничная, веселая, неглупая и с отличными манерами. С ней было легко разговаривать на любые темы. Все «здравницы» провозглашал особый церемониймейстер, который стоял за серединой стола, позади новобрачных, и читал тосты по бумажке. Музыка играла «туш». По принятому всюду в России обычаю гости кричали «горько!», что обозначало, что вино надо подсластить поцелуем «молодых». И молодые сконфуженно целовались.

После обеда быстро убрали столы и открыли бал, как полагалось, вальсом. Ротный командир пошел в первой паре с новобрачной. Я — со своей бойкой соседкой за обедом. Моя дама, выяснилось, так же хорошо танцевала, как разговаривала.

Обзаводиться семьей могли позволить себе роскошь только фельдфебеля. Особых помещений для этих семей не существовало, и они ютились в тесных квартирках, отводившихся им тут же при ротах.

Расположение привилегированной Государевой роты отличалось от других большим простором. Она имела два входа: парадный — с лестницы, которая вела от главного подъезда казармы в офицерское собрание, и «черный» — со двора 1-го батальона. Обычная при ротах канцелярия, обозначавшаяся большею частью деревянным столиком и двумя-тремя стульями, была в роте Его Величества довольно обширна и имела характер уютного делового кабинета с настоящим письменным столом, оттоманкой и даже коврами. Убранством этим она была обязана двум великим князьям-братьям, служившим в роте в 80-х годах. Эти были Георгий и Михаил Михайловичи, сыновья престарелого — в мое время — Михаила Николаевича — фельдмаршала и фельдцейхмейстера, всю жизнь состоявшего в списках лейб-гвардии Егерского полка.

Георгий Михайлович оставался в полку недолго и перевелся в кавалерию — в лейб-гвардии Уланский полк*, который в общезнании называли, по месту стоянки, петергофским.

Его брат прослужил дольше и, по-видимому, не собирался покидать полк, но у него случился серьезный личный роман, который не

* Речь идет о лейб-гвардии Уланском Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полку. Старшинство с 1651 г. Основан в 1803 г. — *Прим. ред.*

был одобрен строгим Императором Александром III. Великий князь, однако, все же женился без разрешения, и ему пришлось покинуть Россию. При этом он был исключен из списков тех полков, в которых числился. Все это произошло в 1891 году, незадолго до выхода в полк моего брата. Память о пребывании «Михайловичей» в рядах лейб-егерей была еще свежа и жива ко времени и моего выпуска, через четыре года.

Михаил Михайлович был страстный охотник, любил охоту на крупного зверя, и вокруг него образовался кружок офицеров — таких же любителей. Некоторые из их трофеев украсили стены «кабинета» в роте Его Величества; у подножья собранской лестницы величественно красовалось чучело лося с развесистыми рогами, а на площадке при повороте лестницы гостей встречал бурый медведь, стоявший во весь свой богатырский рост. Оба зверя были убиты великим князем.

Года за два до войны 1914 года великому князю был возвращен чин, и он снова был зачислен в списки лейб-гвардии Егерского полка.

С первыми годами моего офицерства связано воспоминание о двух арестах, которым я подвергся. Кажется, оба пришлось на 1897 год.

Осенью, после лагерей, многие офицеры уезжали в отпуск, пользуясь учебным затишьем в течение августа и сентября, когда в ротах оставались только «старики», то есть солдаты двух старших наборов, а новобранцы еще не прибывали. На эти же месяцы вплоть до года, о котором идет речь, было принято отпускать и солдат на так называемые «вольные работы». Так назывались подряды солдат для полевых и огородничьих работ в окрестностях столицы по соглашению полков с владельцами обрабатываемых угодий. Здесь встречались интересы и этих владельцев, и полков: первые получали дешевый труд, а у вторых праздное осеннее время заполнялось делом, которое приносило доход. Последний частью шел в карман рабочих-солдат, а частью в запасные суммы рот. Последним предоставлялось самим находить для себя удобные и выгодные «вольные работы», и подыскиванием таковых обыкновенно занимались фельдфебеля. Ротные командиры только накладывали свое «veto» или утверждали, но совершенно не вмешивались ни в предварительные стоворы, ни в исполнение заключенного контракта.

В институте вольных работ, установленном преемственным обычаем, а не законом, была и дурная сторона. Солдаты за то время, когда они жили в отделе от своей части, распускались и «омужичивались». Для работ им выдавалось особое, хранившееся на этот случай, древнее обмундирование, в котором солдаты напоминали скорее бродяг или

нищих, чем воинов. Кроме того, случалось, что работать надо было в фабричных районах на окраинах города, где солдаты подвергались иногда политической пропаганде и революционной обработке.

Эта оборотная сторона медали с некоторых пор стала озабочивать старшее начальство; она обсуждалась и в печати. Когда начальником штаба Петербургского округа сделался молодой и энергичный генерал Васмундт*, он решил покончить с явлением вольных работ как со злом, и в 1897 году, после лагерей, состоялся приказ по округу, запрещающий отпуск солдат на такие наемные работы, где за ними не могло быть надлежащего надзора.

Приказ этот, в связи с отъездом в отпуск под южное солнце Крыма командира 6-й роты, и послужил причиной моего ареста. Я был сегодня назначен временно командовать 6-ой ротой, а назавтра меня уже адъютант, по традиции, вез на гауптвахту за то, что солдаты 6-ой роты лейб-гвардии Егерского полка были обнаружены на вольных работах где-то на задворках Петербурга! Само собою разумеется, что я оказался козлом отпущения, ибо, вступая во временное командование, понятия не имел о попустительстве настоящего ротного командира, теперь благополучно достигшего живописных берегов Черного моря, и о распоряжениях его правой руки, фельдфебеля Нуждина. С последним мне, молодому подпоручику, и разговаривать было боязно, а не только его проверять! Помнилась русская военная поговорка: «Курица не птица, прапорщик не офицер». Чин прапорщика, правда, был уничтожен в 1885 году, но двухгодичный подпоручик с двумя звездочками продолжал чувствовать себя «прапорщиком — не офицером».

Поймал моих временных подчиненных на незаконных занятиях сам инициатор отмены грозный генерал Васмундт, позвонил по телефону Чекмареву и приказал посадить под арест ротного командира на трое суток. Чекмарев, не будучи И. С. Мальцевым** или графом Шуваловым, не разобрался в деле и не заступился за «прапорщика», которого подвели.

Отсидел я свои трое суток, впрочем, довольно комфортабельно на «лучшей» гауптвахте, находившейся при карауле Государственного банка; комната была большая, с видом на Садовую улицу через окно с железной решеткой; денщик привез мои постельные вещи, которые постлали на кожаном диване. Еду приносили из хорошего купеческого

* Командовал лейб-гвардии Измайловским полком в 1890-х годах. — *Прим. авт.*

** Предшественник графа Шувалова — тоже независимый командир, бывший кавалергард, очень богатый человек. Славился находчивостью и острым языком. — *Прим. авт.*

трактира где-то поблизости, на Сенной площади. Самовар, чай, свежее баранки (хлеб, запеченный в виде толстых колец) и калачи (особого теста и в форме дамской сумочки с ручкой) то и дело появлялись на столе. Приходил наведываться денщик, несколько озадаченный конфузом, выпавшим на долю «барина», и постоянно прислуживал вестовой, состоявший при гауптвахте. Со мной — как в случаях нарядов на дежурство и в караул — были акварельные краски. И, помню, я сделал этюд стола, накрытого для чаепития, с помятым, выдавшим виды и плохо вычищенным самоваром и с облупленным железным подносом, на котором по черному фону были изображены розовые цветы с золотыми листьями.

Другой раз я попал под арест немного ранее, летом, по приказанию того же Васмундта! Неважное могло у него составиться мнение об офицере, который «попался» дважды на протяжении трех месяцев. Ни он, ни я не могли тогда предвидеть, что нерадивый подпоручик будет впоследствии, как и сам строгий генерал когда-то, командиром лейб-гвардии Измайловского полка.

История этого первого ареста интереснее. Я был караульным начальником в лагерях на Главной Красносельской гауптвахте. Здесь приходилось быть особенно начеку, чтобы не пропустить вызвать караул на платформу для отдания чести многочисленному лагерному начальству, начиная с Главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа Великого князя Владимира Александровича и продолжая вниз другими членами Императорской Фамилии и высшими командирами.

Дача Главнокомандующего находилась тут же рядом. По обе стороны гауптвахты выставлялись скрытые в тени деревьев так называемые «махальные». Они должны были знаками предупреждать караул и его часового, стоявшего у пестрой черно-белой будки на платформе, о приближении лиц, которым по уставу полагалось вызывать караул.

Вот раздалось два удара в колокол. Это обозначало: «караул в ружье!» и «караул вон!». Егеря сноровисто выбежали, построились. Я скомандовал: «равняйся!» и «смирно!». Жду, кто появится. Вижу, мимо в догкарте медленно проезжает какая-то незнакомая дама, сама правит лошастью. Густо завуалирована. Не могу признать, что это одна из великих княгинь. Решаю, что махальный ошибся. Чести не отдаю, то есть не командую: «на караул!» — как назывался этот ружейный прием — и увожу своих людей обратно в караульное помещение.

Не проходит и четверти часа, как раздается один удар в колокол. Это значит, что вызывают на платформу одного караульного начальника. Выхожу. Навстречу мне идет по платформе Васмундт. Рапортовую, по положению. Генерал сердитым взглядом не обещает ничего доброго.

— Как это могло случиться, — спрашивает Васмундт, — что караул был вызван для отдания чести Великой княгине Марии Павловне, а честь не была отдана?

И затем:

— По смене с караула доложите командиру полка, чтобы вас арестовали на трое суток.

Итак, я не узнал великую княгиню, а махальный и часовой были правы. Потом выяснилось, что она встретила на улице Красного Села своего мужа, великого князя Главнокомандующего, и спросила его: «Разве изменили устав, что караул Егерского полка отдал мне честь только стоя смиренно, а не взял ружья на караул?»

На другой день — это пришлось в субботу — я, уже по смене с караула, снова водворился на Красносельской гауптвахте, но уже в качестве арестованного. Утром в воскресенье меня вызвал с верхнего этажа, где я помещался, вниз комендант Красного Села, генерал, которому накануне я сдал свою шашку — одно из унижений ареста офицера.

— Вот что, — сказал мне старик, — вам дадут знать, когда великая княгиня и молодые «Владимировичи» будут возвращаться домой из Красносельской церкви после обедни. Станьте тогда навытяжку в среднем окне второго этажа, под часами, и стойте так, пока все не проедут.

Я не понимал смысла этой процедуры, но, конечно, исполнил послушно все, как было приказано. Накрапывал дождь, и кузова колясок, в которых ехали великая княгиня и молодые великие князья, были подняты. Тем не менее я видел, как из-под них высывались головы, чтобы взглянуть наверх, по направлению к среднему окну второго этажа, под часами.

Прошло часа полтора. Снова меня вызывает вниз комендант. Спускаюсь. Генерал, лукаво улыбаясь в седые баки, говорит:

— Великая княгиня за завтраком выпросила у Главнокомандующего прощенье для вас. Вот вам ваша сабля (генерал был старый кавалерист!) — вы свободны!

Так, с этой романтической счастливой развязкой существенно сократился для меня мой первый арест. И я даже успел воспользоваться воскресеньем, чтобы съездить из лагеря в Петербург и отпраздновать свое освобождение.

Наряды в караулы в Петербурге были для офицеров-субалтернов довольно частыми, так как если в столице и стояло десять пехотных полков, которые несли эти наряды, то и разных офицерских караулов было без малого столько же.

Примерно раз в десять дней на полк выпадала очередь занимать караулы. Они разделялись на два отделения. В первом заключались дворцы, Зимний и Аничковский, Комендантское управление, Государственный банк. Во втором — Петропавловская крепость и находившиеся далеко за городом склады огнестрельных припасов. Ходить в этот последний караул не любили: это было целое путешествие, занимавшее час с лишним. Некоторых ленивых офицеров посылали туда вместо наказания.

Ряд других, более мелких караулов были унтер-офицерскими.

Одним из самых спокойных караулов считался «Главный» в Зимнем дворце, когда в нем не было Высочайшего присутствия. Помещения просторные, удобные как для солдат, так и для офицеров. От Двора всех хорошо и обильно кормили. Офицерам, кроме завтрака, обеда и чая, которые обслуживались придворными лакеями в ливреях, подавалось красное и белое вино; водка — к закуске.

Офицерское караульное помещение состояло из столовой и комнаты для отдыха. В последней по стенам стояло 3—4 больших мягких дивана с высокими спинками. На этих диванах разрешалось и полежать — и, откровенно, поспать.

Начиная с царствования Александра III, возможность отдыха в карауле была облегчена для офицеров тем, что они после вечерней зари, то есть после 8 часов вечера, снимали мундиры и надевали пальто. Таким образом устранялись два главных препятствия для отдыха: подпиравший шею твердый, с шитьем, воротник и тесно стягивавший талию пояс.

В строгую эпоху Николая I такое послабление показалось бы чудовищным. К тому же, как это ни странно, тогда у офицеров не было верхнего одеяния с рукавами, которое соответствовало бы солдатской шинели. Существовал только широкий плащ, накидывавшийся на плечи и напоминавший римскую тогу, если бы к плащу не была прибавлена пелерина, заимствованная из мужских мод начала XIX века. Скульпторы охотно пользовались этим декоративным плащом для драпировки прославившихся генералов на воздвигаемых им памятниках. Но для строя эта одежда не годилась, особенно для пешего. Поэтому офицеры пехоты зимой и вообще в холод, когда солдаты были в шинелях, вместо мундиров или даже поверх мундиров надевали двубортные сюртуки с длинными полами*. По-видимому, сюртуки эти могли быть подбиты, при желании, ватной подкладкой или мехом.

* Слово «сюртук» — искаженное «*surtout*» — само показывает, что он надевался поверх мундира. Русская армия не представляла исключения в Европе в вопросе офицерского пальто. В других армиях мы тоже не видим этой верхней одежды у офицеров в XVIII и первой половине XIX вв. В 1812 г. один Наполеон носил знаменитый и практичный «серый походный сюртук» —

В результате, в строю, на сером фоне солдатских шинелей офицеры резко выделялись заметными издалека темными пятнами и точно просились на мушку хорошего стрелка.

В Севастопольскую войну*, когда мы встретились с новым метким дальнобойным ружьем у противника, большие потери в офицерском составе указали на эту аномалию в одежде, оказавшуюся вредной в боевом отношении. Офицерам было приказано одеваться в солдатские шинели, которые и послужили прототипом серого офицерского пальто в 1856 году.

По поводу караульной службы при Николае I вспоминаю надгробный памятник на Волковом кладбище в Петербурге. Показывал мне его отец, когда мы ездили с ним на поклонение могилам его родителей и проходили мимо этого необычного памятника. Это была превосходно исполненная из бронзы — наверное, первоклассным мастером — фигура молодого и красивого офицера лейб-гвардии Семеновского полка, лежащего как бы в позе спящего. Голова его покоится на ведробразном кивере Николаевского царствования, первой его половины. Воротник расстегнут. Тело декоративно покрыто наброшенным плащом, спустившимся на пол живописными тяжелыми складками.

Отец мой рассказал историю этого памятника. Офицер прилег в карауле отдохнуть и расстегнул крючки своего огромного стоячего воротника, резавшего шею. Это запрещалось. Услышав сквозь сон какой-то шум, открыл глаза и увидел над собой Государя!

Офицер так и не встал. Он умер от разрыва сердца.

Еще Александр II, дед Императора Николая II, жил часто и подолгу в Зимнем дворце, и именно зимой, когда Государь устраивал приемы у себя, ездил каждое воскресенье на развод караулов в Михайловском манеже и слушал доклады министров в своем длинном кабинете, в котором за ширмой стояла его жесткая походная кровать. На ней Государь спал, на нее положили 1-го марта 1881 года и его истерзанное взрывом тело. Здесь и испустил дух Царь-Освободитель, любвеобильный монарх-альтруист, убитый рукою одного из «благодарных» подданных.

Мрачными караулами справедливо считались те, которые сторожили арестованных, а именно — в Петропавловской крепости и при Комендантском управлении на Большой Садовой. Самые помещения для караульного начальника, полутемные, со скудной спартанской обстановкой, с серыми голыми стенами наводили тоску, напоминая карцера. В крепости, кроме того, куранты собора, служившего усы-

в сущности пальто, и это было его изобретением. Но маршалы драпировались в плащи! — *Прим. авт.*

* Речь идет о Крымской войне 1853—1856 гг. — *Прим. ред.*

пальницей царей, каждые четверть часа заунывно звонили ритуфель, а каждый час еще и длинное «Коль славен наш Господь в Сионе» — молитвенный гимн, под печальные, стонущие звуки которого в России провожали усопших военных к месту их вечного упокоения.

Военное значение Петропавловской крепости, как цитадели Петербурга, давно пропало. Шведы, против которых ее построил Царь Петр Великий, были отодвинуты от пограничной столицы на безопасное расстояние более ста лет тому назад. Старомодные верки, окруженные глубоким наружным рвом, сделались тюрьмой для политических преступников и ареной таинственных драм, от допросов «с пристрастием» до бесшумных казней. Но устаревшие фортификационные термины крепости-тюрьмы сохранились для обозначения места заключения арестованных. Они числились в тех или иных бастионах, куртинах, в казематах рavelина...

Со стороны Невы, с ее далекого противоположного берега, четкий инженерный чертеж низколежащей, точно распластанной крепости с острыми углами бастионов и впадинами куртин в форме трапеций, серые суровые краски гранита и золотой шпиг одинокого собора над куполом «барок», представляли редкую по красоте и по стильности картину. Вместе с Адмиралтейством, зданием Биржи, Сената, Дворцовой площадью, всей гранитной набережной широкой и величественной Невы, каналами и Смольным монастырем Петропавловская крепость входит в типичное архитектурное ядро города. В ядре этом чувствуются своеобразный, одному Петербургу свойственный характер, стиль и выдержанная красота XVIII века. Но внутренность крепости вызвала другие впечатления. Как только караул, перейдя через подъемный мост и миновав темный свод крепостных ворот, начинал отбивать ногу по звонкому булыжнику внутренней площади, людям должно было казаться, что они вступают в другой мир; холодом, казармой и тяжелою казенностью веяло от стен и зданий, от посиневших белил и полинявшей охры покраски, местами от голого кирпича, от чахлах деревьев перед домиком коменданта. Даже собор посередине площади, сам по себе образец стильной стройки, не был в состоянии изменить это общее впечатление.

Вступая в этот мирок, замкнутый и жуткий, я испытывал чувство отрезанности и принадлежности к невидимым обитателям казематов. Приятно было сознание, что это только на одни сутки.

В Комендантском управлении на бойкой Большой Садовой, в центре столицы, помещение караула находилось во втором этаже — единственный случай — и смотрело своими немногими узкими, забранными решеткой окнами на темный и не особенно чистый колодезь двора. Обычной наружной платформы не было; не полагалось и никаких вызовов караула наружу для отдания чести.

Сторожили в этом доме заключения для провинившихся военных многочисленных арестованных; в их числе известный процент относился к настоящим преступникам, ожидавшим суда. Этим нужно было иногда отправлять к следователю или в суд для дачи показаний. Но едва ли не большинство попадало сюда за будничные проступки: за буйство, за появление на улице в пьяном виде, за неотдание чести, за одежду не по форме.

Солдаты, арестованные за легкие проступки, помещались по несколько человек в камерах; другие сидели за крепкими замками в одиночном заключении. Внутренние коридоры и внешние длинные галереи-балконы, в которые выходили двери карцеров, тщательно охранялись часовыми.

Я не знаю, случались ли побеги из этого дома. Думаю, что это было чрезвычайно трудно, едва ли возможно.

Комнаты для арестованных офицеров находились в том же крыле здания во втором этаже, где и караульное помещение; коридор, в который выходили двери этих комнат, как в гостинице, примыкал почти вплотную своим началом к комнате караульного начальника.

Из гвардейского старшего начальства 90-х годов полки больше всего чувствовали — если не видели — начальников дивизий. Бригадные командиры не имели определенного дела и ответственности, а потому и значения. Очень часто эта почти номинальная должность совмещалась с командованием одним из двух полков той же бригады. Корпусной командир был высоко и далеко. Если он прежде командовал кавалерийскими частями, то и интересовался преимущественно ими, чем малознакомой ему пехотой.

Зато начальник дивизии должен был оказывать и оказывал влияние на обучение и воспитание своих четырех полков. Если это был плац-парадный генерал, то внимание полков сосредоточивалось на маршировке, красоте сомкнутого строя и обмундировании. Если это был знаток стрельбы — полки старались шегольнуть друг перед другом «процентами», добываясь их если не мытьем, так катаньем; тактик будил интерес к полевым занятиям; хороший хозяин погружал полки в вопросы хлебопечения, швальни, всевозможных ремесел, отхожих промыслов и накопления экономических сумм.

Сочетания всего этого в одном лице не встречалось, а потому полкам приходилось испытывать нажим то в одном, то в другом направлении; быть может, ближе к полной гармонии оказался генерал Васмундт — человек живой, разнообразный и смелый. Но он привел в ужас и смятение хозяев 1-ой гвардейской пехотной дивизии, приказав торжественно сжечь все незаконно накопленное ими «на всякий

случай» обмундирование — одиннадцать или двенадцать «сроков» вместо положенных трех (новое, среднее и старое обмундирование). То, что Васмундт обозвал «гнилью и заразой», полки год за годом складывали в свои цейхгаузы, загромождая их мундирным тряпьем, часто — нищенского вида. Впоследствии, уже в должности начальника штаба Петербургского округа, Васмундт нанес другое оскорбление хозяйственной части полков, запретив отправку солдат осенью на частные заработки.

Зато полевые занятия и маневры при Васмундте получили интересный и нешаблонный характер, явившись короткой вспышкой на фоне казенной тактики Красного Села, до некоторой степени, предтечей того обновления, которое эта тактика испытала после горького опыта Русско-японской войны. Командовал дивизией Васмундт, однако, недолго, вскоре получив ответственный пост начальника штаба войск гвардии и Петербургского военного округа.

Плац-парадным начальником дивизии был князь Н. Н. Оболенский, при котором я вышел в полк. Высокий красивый старик, старый преображенец и командир Преображенского полка в войну 1877—1878 годов, Георгиевский кавалер за Ташкисен*, подтянутый, натянутый и важный, Оболенский как бы излучал из себя гвардейско-придворные настроения эпохи Александра II.

Однако почва для дрессировочной муштры войск постепенно исчезала. Александр III отменил воскресные разводы караулов в Высочайшем присутствии, нарядные весенние парады, на которых полки щеголяли своим равнением и шагистикой, блистали своими мундирами с отличиями ярких цветов, частые смотры по разным случаям. Плац-парадному начальству развернуться стало негде. Даже и форма одежды упростилась до такой степени, что почти сошли на нет петельки и ремешки, на которых точили свой глаз командиры, создавшие тип военного педанта-придиры под армейской кличкой «ремешок».

Но во власти начальника дивизии оставалось производство так называемых инспекторских смотров полкам. Раз в год, обыкновенно зимой, в разгар казарменных занятий с «молодыми», то есть с новобранцами, начальник дивизии мог вывернуть полк, что называется, наизнанку и проверить его строевое и хозяйственное состояние. Во время этой операции, выбивавшей полк из колеи по крайней мере на неделю, начальник дивизии старой школы имел возможность тря-

* Бой у Ташкисена состоялся 19 декабря (по ст. ст.) 1877 г. во время русско-турецкой войны. После падения Плевны русская кавалерия И. В. Гурко неожиданно для противника начала форсировать Балканы. В ночь на 19 декабря было нанесено поражение отряду Бекер-паши, что открыло дорогу на Софию. — *Прим. ред.*

нуть стариной. Показывалось решительно все: люди, мундиры, снаряжение, оружие, ранцевая укладка, частные солдатские сундучки с их скудным содержанием, всегда пахнущие ваксой и дешевым мылом. Полк водили на показ целиком или в лице назначенных по выбору рот в гарнизонный Михайловский манеж. Тут, в сизом и сыром тумане петербургского раннего утра, заполнившем с улицы огромную и холодную каменную коробку здания, на свежем песке манежа роты подвергались тому или другому экзамену. Одна производила ученье; другая показывала ранцевую укладку, причем предметы снаряжения лежали правильными рядами на земле, а люди стояли силуэтами против своих вещей. Вот одному егерю приказали снять мундир и показать белье. Вот другой снимает сапог, разматывает «портянку» (обмотка, заменявшая носок), и величественный князь Оболенский, в сюртуке, при шпаге и в белых перчатках, склоняется над узловатой мозолистой ступней солдата, чтобы убедиться в ее чистоте.

Между тем, на Рузовской и Звенигородской улицах, в казармах хозяйственные чины штаба дивизии не первый день роются в кипах всякого полкового имущества, выплывшего на свет Божий из разных складов; пахнет нафталином, и ревизоры чихают от перца, которым посыпают обмундирование для сохранности.

На дворе нестроевой роты выводят из конюшен полковых обозных лошадей и проводят их перед начальством, стоящим с записными книжками и карандашами в руках. Рядами выстроены и выравнены недавно покрашенные и едва успевшие просохнуть повозки обоза и двуколки. Какой-то специалист озабоченно щупает колеса и пробует смазку.

В полковой канцелярии выложены на столах длинные отчетные книги; согнувшись над ними, сидят и делают выборки члены особой комиссии по проверке отчетности и состояния сумм.

Для всей этой работы не хватает маленького штата штаба дивизии, не превышающего пяти офицерских чинов, почему от других полков дивизии командированы дополнительные ревизоры.

Проще всего решается вопрос проверки тактической подготовки офицеров. Каждый офицер должен представить одну исполненную им на плане задачу с соответствующими приказами. Задачи не составляют наново: их выписывают готовыми из удобного учебника Кайгородова и Преженцова (авторы — когда-то молодые офицеры Генерального штаба Петербургского округа, теперь — генералы)*.

* Вероятно, имеется в виду следующий сборник, выдержавший несколько изданий: Преженцов Я. Б., Кайгородов М. Н. Сборник тактических задач к Планам западного пограничного пространства со справочными сведениями и примерными решениями. — *Прим. ред.*

Обыкновенно — это действующий в русской Польше, где-нибудь под Лодзью, батальон, который нужно или расположить биваком, или выставить от него охранение, или совершить с ним переход. Может быть — атаковать или оборонять позицию. А то еще организовать нападение на транспорт или, наоборот, отбить таковое.

Батальон этот или другой крошечный отряд печально одинок, а обстановка обрисована безжизненно и узко. Соседей нет или о них имеются самые смутные известия.

Лучшими знатоками в области решений этих задач являлись безусые подпоручики, только что выпущенные в полк со школьной скамьи. Считалось, что у них еще не успели улетучиться училищные познания по тактике, и рука оставалась еще бойкой в изображении в нужном масштабе на карте цветными карандашами всех этих биваков, цепей, колонн и немногих орудий, иногда приданных батальону.

Старшие офицеры доверчиво поручали судьбу данной им задачи молодым, состоявшим в их подчинении. Таким образом, я беспрекословно и храбро решал задачу за своего ротного командира Гудиму.

Кто, где и когда проверял эти решения и расценивал исполнение? Задачи отправлялись в штаб дивизии и оттуда не возвращались. Но в толстом приказе по дивизии о результатах инспекторского смотра полков через месяца три-четыре можно было прочесть имена офицеров, немногих, которые «отличились» в этом бумажном состязании по тактике в ту или другую сторону.

После окончания смотра и исчезновения ревизоров полк еще дня два-три входит в свои берега. Улегается смотровая суетня; скоро, как в квартире, которую только что перевернули вверх дном, помыли, почистили, проветрили и снова водворили все предметы на прежние места, родная пыль мало-помалу завоевывает свои права и показной блеск уютно тускнеет, напоминая о наступивших буднях.

Кроме князя Оболенского и Васмундта, в мое время дивизией командовали еще двое — частая смена для шестилетнего периода; это были генералы Гриппенберг и Георгий Иванович Бобриков. О первом я упомяну в записях о Русско-японской войне в связи с операцией под Сандепу и ссорой Гриппенберга, тогда командовавшего второй армией, с Куропаткиным. Нужно сказать, что все четыре начальника дивизии были Георгиевские кавалеры за войну 1877—1878 годов, а Гриппенберг имел и шейный крест 3-ей степени*. Но Г. И. Бобриков**, не смотря на свой боевой крест, производил скорее впечатление ученого

* Военный орден Св. Георгия 3-й ст., который носился на шее. Был награжден за победу у Араб-Конака 21 ноября 1877 г. — *Прим. ред.*

** Брат генерал-адъютанта Николая Ивановича, долгое время начальника штаба Петербургского военного округа при Великом князе Владимире Алек-

профессора, чему еще помогали очки и ученый сюртук Генерального штаба. Это был умный и деликатный начальник, плохо разбиравшийся в строевых тонкостях и ухищрениях и довольно метко прозванный в полках «тайным советником»*.

О корпусных командирах мне вспомнить нечего, за исключением, разве, Великого князя Павла Александровича, дяди Государя, получившего это большое назначение еще совсем молодым человеком, чуть ли не сразу после командования лейб-гвардии Конным полком**. Во время проезда вдоль передней линейки Главного лагеря в Красном Селе (1-й и 2-й гвардейских пехотных дивизий) великий князь однажды не встретил на должном месте, у знамени лагерного караула, помощника дежурного по полку в лагерьном расположении лейб-гвардии Егерского полка. Он обязан был безотлучно находиться на этом месте, базируясь на «дежурную палатку», и, в случае появления начальства, рапортовать ему о благополучии в полку. В результате, отсутствовавший так некстати офицер получил замечание в приказе по полку. Это был я. Надо же было Августейшему корпусному командиру подъехать к полку, когда я, поборов чувство долга, решился отлучиться на пять минут по какой-то надобности!

Великий князь Павел славился своей стройной и высокой романовской фигурой, красотой и элегантностью. Многие корнеты завидовали его стильным высоким сапогам, так хорошо оттенявшим длинные и тонкие ноги. Когда великий князь спешил, он любовно похлопывал твердые голенища своих английских сапог стеком с дорожной ручкой.

Превосходно изобразил его Серов на известном портрете, где великий князь и его вороной конь написаны по колено, обе норовистые головы рядом. Мастерски передал художник военную нарядность Павла Александровича в его белом колете, золоченых латах и каске лейб-гвардии Конного полка.

Вторичная женитьба вдового великого князя на простой смертной выбила его из гладкой служебной колеи, причитавшейся ему по положению, но много времени спустя, во время войны 1914–1917 годов мы видим его снова командиром Гвардейского корпуса, на той же должности через 17–18 лет.

сандровиче, потом Финляндского генерал-губернатора, убитого на посту фанатиком-финном за его реакционные меры. — *Прим. авт.*

Дочь Николая Ивановича — Ольга Николаевна — была замужем за И. А. Хольмсенем, моим позднейшим сослуживцем и приятелем.

* Генеральский чин для штатских, соответствовавший генерал-лейтенанту. — *Прим. авт.*

** **Лейб-гвардии Конный полк** — старшинство с 1721 г. Входил в состав 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. — *Прим. ред.*

Летом 1916 года я представлял ему лейб-гвардии Измайловский полк. Седой, не без старческих морщин, великий князь, красивый по-новому, блистал по-прежнему военным стилем и стройностью фигуры; но он не похлопывал стеком голенища своих изумительных сапог; наступил век автомобиля, и в стеке не было нужды.

Старший брат Павла Александровича, Великий князь Владимир в 90-х годах командовал всеми войсками Петербургского военного округа. Меньше ростом, чем «брат Павел», как он его сам называл, но не менее красивый и породистый. Как в молодости, так и в старости, лицо Владимира Александровича обращало на себя внимание правильностью и характерностью мужественных черт, освещенных выразительностью. Он представлял собою в столице величину, заметность и влияние которой объяснялись не только тем, что великий князь являлся одним из старейшин в Императорской Фамилии, но и его личными качествами. Умный, хорошо образованный, вышколенный в атмосфере царствования Александра II, с серьезным боевым опытом войны 1877–1878 годов*, понимавший жизнь и людей, знавший глубоко военную среду, великий князь правил войсками мудро и ровно.

Он не обнаруживал ни горячности своего будущего преемника, Великого князя Николая Николаевича, ни узкого военного педантизма своего отдаленного предшественника Великого князя Михаила Павловича. Предоставив своему начальнику штаба простор и почин в сложной области администрации в округе, Главнокомандующий оставил за собою роль воспитателя, поддерживая в войсках традиции и дух, задавая им тон, шлифуя воинские понятия о долге, чести, преданности Государю и Родине.

Великий князь любил невзначай приехать в часть один, без адъютанта, обойти казармы во время занятий, не прерывая их, зайти на кухню, попробовать солдатскую пищу, поговорить с кашеваром и, в заключение, в офицерском собрании запросто, за стаканом чая, побеседовать с офицерами. В виде разрешения курить великий князь, доставая собственный портсигар и папиросу, подавал команду из старого, отмененного стрелкового устава: «Вынь патрон!». Это было традиционным его сигналом к общему курению.

Великий князь вспоминал прошлое, разные служебные и боевые случаи, часто поражая свою богатою памятью и глубоким знанием

* В годы русско-турецкой войны на Балканском театре военных действий Великий князь Владимир Александрович командовал 12-м корпусом, который входил в состав Рущукского отряда. Он составлял левый фланг русской армии и выполнял пассивную задачу по сдерживанию превосходящих сил противника. В дальнейшем в с. Горна Студень болгарами был основан дом-музей имени Владимира Александровича. — *Прим. ред.*

русской истории. Ничем этим великий князь не рисовался, всегда это был обыкновенный разговор без претензии, а не лекция или наставление. Но сколько в словах этих оказывалось полезных крупинок, которые оседали незаметно в умах слушателей.

Посещение Великого князя Владимира Александровича не приносило с собою грома и молнии, и по полку не пробегала дрожь трепета, как это бывало в случаях грозных наездов Михаила Павловича или самого Государя Николая Павловича. Наоборот, люди чувствовали, что начальство приехало не для разноса, а для поощрения. Спокойные, полные достоинства манеры великого князя и его глаза с искрой философского юмора точно ободряли и оглаживали. Невозможно было представить, чтобы неожиданное появление великого князя вызвало бестолочь и суетню.

Совершенно необыкновенный голос его, неукротимая сила которого напоминала раскаты тромбона, пропадал даром: как бы воспользовался этими голосовыми средствами начальник-громовержец! С другой стороны, великий князь ничего не мог сказать по секрету или «шепнуть» на ухо соседу. Понижение голоса вело только к большей отчетливости, и каждое слово еще резче повисало в воздухе. Повысив же голос, великий князь мог здороваться с войсками, удаленными на большое расстояние. Помню, как-то на маневрах, после разбора, великий князь захотел поздороваться с лейб-драгунами, шефом которых стоял. Полк стоял в колонне, далеко за скрывавшим ее холмом, и едва был виден. Но шеф знал свой голос. «Здорово, драгуны!» — протрубил великий князь в сторону полка. И — после жуткого мгновения и паузы — до нас донесся дружный ответ: «Здравия желаем, Ваше Императорское Высочество!»

Главнокомандующему случалось, конечно, наткнуться на разные служебные промахи и проступки. Но и тогда он не делал из мухи слона. В худшем случае он журил, почти по-отечески. В лучшем — снисходил, предоставляя дисциплинарную расправу ближайшему начальству.

В Егерском полку, в мое время, великий князь однажды приехал в своих санках на одного к разводу городских караулов. Они уже были все выстроены перед казармами на Рузовской улице. За одиночкой Главнокомандующего гнались изо всех сил другие собственные сани, в которых сидел готовый выскочить на ходу опоздавший к разводу поручик Дзичканец 3-й.

В то время как великий князь, высадившись, вышел перед серединой фронта и был встречен полковником — дежурным по караулам, — маленький Дзичканец, бегом и позади фронта, направлялся к своему месту.

— А это кто такой? — с искренним интересом спросил Владимир Александрович дежурного по караулам.

— Это поручик Дзичканец 3-й, — ответил смущенный полковник и прибавил, в виде объяснения этого странного происшествия: — Он всегда опаздывает!

— Ага! — удовлетворенно сказал великий князь, как будто одобряв эту оригинальную привилегию офицера.

История умалчивает о том, что выслушал впоследствии от своего полкового начальства этот офицер — сын старого егеря и брат трех егерей, служивших тогда в полку.

Тактическое образование войск того времени еще изживало устаревшие заветы опыта русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Наблюдательный великий князь не мог не видеть, бывая на полевых занятиях, что в этой области мы остановились на одной точке на слишком долгое время и застыли в формах, вызывавших к какому-то прогрессу. С благословения великого князя в Петербурге открылось и начало процветать «Общество ревнителей военных знаний»*. Движущей его силой был энергичный и способный Е. Ф. Новицкий, офицер Генерального штаба, фанатик военного дела. Благодаря частым и регулярным публичным сообщениям в этом обществе на всевозможные злободневные темы, начальствующие лица и рядовое офицерство столичного военного округа знакомились с новыми течениями военной мысли как у нас, так и за границей. Доклады эти сразу сделались популярными — очевидно, в освежении знаний действительно была потребность. Устраивался полезный обмен мнений, и спорные вопросы обсуждались со всех сторон. Общество печатало подробные конспекты лекций, которые из Петербурга попадали и в другие города и округа, расширяя влияние этого курса новых знаний и втягивая периодическую печать в работу по переделу тактических доктрин.

Словом, шла открытая атака на старую школу, и кафедра вновь открытого просторного Собрания армии и флота, где производились сообщения, являлась командным пунктом этой атаки.

Однако все это долго оставалось борьбой теории и частных мнений. Внедрение новых оснований и коренная переработка уставов требуют чьей-нибудь решимости на самом вершине или... встряски. На следующую войну, с японцами, мы выступили поэтому тактически сильно отставшими; как ни ратовал за угломер и стрельбу артиллерии с закрытых позиций страстный и неутомимый капитан Генерального штаба Свяцкий с кафедры и в печати, только после встряски под Тюренченом русская армия ему поверила и приняла новую артиллерийскую доктрину.

* Общество ревнителей военных знаний — военно-научное общество, открытое в 1898 г. Сыграло крупную роль в распространении и популяризации военных и военно-исторических знаний. — *Прим. ред.*

Но для пехоты в те годы успели переменить строевой устав, чрезвычайно его упростив. Едва ли он не был лучшим из всех европейских пехотных уставов. Разумный устав этот оставался в силе вплоть до 1917 года и конца Императорской пехоты. Первое испытание он получил в войсках Петербургского округа и, между прочим, в лейб-гвардии Измайловском полку. Великий князь Главнокомандующий с живым интересом следил за этим испытанием. Утверждение устава в значительной степени было ему обязано.

Вообще, великий князь инстинктом чувствовал необходимость обновления; когда превосходный штабной работник и консервативный Н. И. Бобриков, бывший правой рукой великого князя в течение многих лет, получил высшее назначение генерал-губернатором в Финляндию, на его место Владимир Александрович выбрал — не случайно — генерала Васмундта (1898). В прямую противоположность Бобрикову он терпеть не мог канцелярской стороны штабной работы; не было у него и стажа Генерального штаба, где он мог бы ей научиться. Офицеры штаба Петербургского округа изрядно намучились с Васмундтом, ловя его для подписания бумаг. Но зато он со свойственной ему живостью окупился в вопросы обучения войск и показал себя в условиях петербургского застоя настоящим «enfant terrible»*. Нельзя сомневаться в поощрении Васмундта великим князем.

Вспоминаю следующий случай: под Красным Селом** происходил маневр, в котором одна дивизия действовала против другой. Исполняя в то лето в полку конную должность батальонного адъютанта, я был назначен состоять на этот день ординарцем при главном посреднике (кстати сказать, генерале Преженцове, соавторе упоминавшегося раньше знаменитого сборника тактических задач).

Бубенцы великокняжеской тройки дали «сражающимся» знать, что Главнокомандующий прибыл на маневр и следит за ходом действий. Многое делалось по старинке: кавалерия бросалась, не смущаясь обозначенным огнем, на пехотные цепи и на стреляющие батареи. Для отражения этих атак в духе Прейсиш-Эйла*** и Бородина пехотные резервы выходили, держа ногу, в сомкнутом строю на линию цепей и производили залпы, дружный треск которых напоминал раскусывание ореха. Конные ординарцы носились вдоль фронта, как зачарованные против воображаемых пуль и осколков. Нечего и го-

* Озорник (фр.). — *Прим. ред.*

** **Красное Село** — основано в 1714 г. С правления Екатерины II здесь регулярно проводились военные смотры и учения. — *Прим. ред.*

*** Битва при Прейсиш-Эйла состоялась 26–27 января 1807 г. между армиями Наполеона и Л. Л. Беннигсена, закончилась отходом сначала русской, а затем и французской армий. Битва при Бородино состоялась 26 августа 1812 г. — *Прим. ред.*

ворить, что батареи картинно выезжали на гребни горок, лихо снимались с передков на виду у неприятеля и становились на открытых позициях.

Не отличалось свежестью и решение задачи: давно установился порядок, по которому нужно было обстрелять, скажем, Кавелахтские высоты или брать приступом Лабораторную рошу.

Наконец, маневр кончился. Пехота обеих сторон полукругом оцепляла Царский валик, устроенный раз навсегда на середине огромного Военного поля. Прогремело «ура» атаки, а за ним кавалерийская труба пропела две ноты «отбоя». Сигнал этот повторили все трубы, горны и барабаны в войсках, и в этих звуках, друг друга перебивающих, чувствовалось облегчение и радость от исполненного долга. Пехота перестроилась в колонны и составила ружья. Конница спешила. По довольному ржанью лошадей можно было определить места, где за пехотными линиями собралась кавалерия.

Вдогонку за «отбоем» протрубили сигнал «сбор начальников»; тут была целая музыкальная фраза, которой отвечали слова: «Соберитесь, разберите, научитесь!»

Старшие начальники со своими штабами и адъютантами галопом, со всех сторон, шли к Царскому валику, недалеко от которого их ожидала на лужайке группа: великий князь со своим начальником штаба Васмундтом, старший и другие посредники. За ними — адъютанты и ординарцы, в числе которых находился и я.

Собралось начальство. Начался разбор. Каждая сторона доложила свои планы и решения. Высказались посредники. Великий князь предложил тогда Васмундту сделать свои замечания. Васмундту было что сказать, и его критика, часто — сокрушающая, длилась долго. Тактически неловкие и «провинившиеся» на маневре генералы и полковники имели вид школьников, которых отчитывает строгий учитель. Со смущенным видом прикладывали они один за другим руку к козырьку, или к «громоотводу», как прозвали эту спасительную часть головного убора.

Васмундт кончил. Великий князь, который слушал пространный, исчерпывающий разбор маневра, играя носком ноги и слегка склонив голову, теперь поднял ее и обвел полукруг отчитанных школьников своим острым взглядом из-под большого, немодного козырька.

— Начальник штаба, — сказал он, взвешивая слова, — указал на ошибки. Я могу прибавить, что маневр разыгрался отлично: пехота наступала, кавалерия скакала, артиллерия стреляла. Благодарю вас, господа!

И, отпустив командиров, быстрыми шагами направился к своей тройке. Зазвенели бубенцы. Главнокомандующий с начальником штаба отбыли в Красное Село.

Командиры рысили к своим частям, думая о разносе Васмундта и похвале великого князя. После шести слов его резюме длинная и мелочная критика начальника штаба казалась расплывчатой и ненужной...

Владимир Александрович все же дожил до выводов из опыта Русско-японской войны, которую мы начали в духе тактической формулы: «Пехота наступала, кавалерия скакала, артиллерия стреляла». Великий князь скончался в 1909 году, оставив командование округом в 1905 году. За год перед тем скончался Васмундт*.

Со смертью великого князя Петербург лишился этой характерной, неподражаемой фигуры, представлявшей собой мост между эпохой Александра II с ее либерализмом, не мешавшим отчетливости военных парадов, и загадочным временем на рубеже XX века. Смогли бы пригодиться в новых условиях золотые качества этого представителя династии: его житейская статическая философия, человечность и юмор?

Для каждого, кто служил в петербургском гарнизоне, ярким воспоминанием на всю жизнь оставалось участие в парадных смотрах, которые производил Государь.

При Александре II эти ежегодные смотры бывали наряднее и параднее, чем при Александре III, так как последний перенес обычные до него весенние смотры на зиму. В них заключался свой особый, суровый стиль, напоминавший о севере и снеге, но войска выводились в шинелях. Под их серым однообразным цветом скрывались краски мундирной одежды и полковых отличий. При Александре II это был kaleidoscope сменяющихся ярких пятен — кавалерийских мундиров и пехотных нагрудных лацканов.

Александр III производил парады на Дворцовой площади, против Зимнего дворца, в январе или в феврале. Редко удавалось подогнать смотр к солнечной зимней погоде и к голубому небу, которое

* О великом князе см. еще набросок «Кулебяка» в книжке Н. В. Ротштейна «Синие дали» (Ревель, 1938):

Великий князь, возвращаясь с маневра, проходил пешком в своем легком пальто под проливным дождем мимо полкового офицерского собрания лейб-гвардии Егерского полка. Командир полка и офицеры решили остановить главнокомандующего и пригласить в шатер переждать дождь и отогреться. Великий князь был тронут этим вниманием, выпил рюмку водки и закусил. Между тем дождь перестал. На другой день великий князь прислал в полк чудесную огромную кулебяку и ящик шампанского с запиской: «Я был наг, и вы одели меня, я был голоден, и вы накормили меня! Примите этот пирог, который испекла моя дочь Елена». — *Прим. авт.*

подчеркивало искрящийся снег на крышах и на земле. Чаше небо было серое и вместе с шинелями войск и белыми бликами снега составляло монотонную картину, точно гуашь, написанную на серой бумаге. Только тусклый блеск кирасирских лат и касок оживлял эту строгую картину. Задней декорацией, если смотреть от арки Главного штаба, было стильное розоватое здание Зимнего дворца, высокое, все в колоннах, с бесчисленными статуями по верхнему карнизу. Монументальный Царь сидел на монументальном вороном коне и пропускал серые ряды войск мимо гранитного цельного столба Александровской колонны.

Зрелище было величественно, но сумрачно.

Если мороз давал себя знать, офицеры и солдаты имели на голове черные суконные наушники. Иногда шел снег, и тогда вся сцена затягивалась белой сеткой снежных пушинок, которые пухло оседали на плечах и головных уборах парадующих.

В ожидании приезда Государя войска топтались на месте, согревая ноги.

Николай II отказался от зимних парадов и вернулся к весенним.

Смотры в Высочайшем присутствии производились обыкновенно два раза в год, весной — в Петербурге и в августе — в Красном Селе. Этим последним парадом заканчивался лагерный сбор округа и на нем, кроме гвардии, представлялись армейские полки, зимой расположенные вне столицы. После этого смотра Государь производил в офицеры юнкеров выпускного класса военных училищ.

Случалось, что приезжал с визитом к Царю какой-нибудь монарх или президент союзной французской республики. Тогда устраивался парад еще специально для них.

Плац-парадные преувеличения середины XIX века или исчезли, или смягчились со вступлением в 1881 году на престол Александра III, который не любил церемоний и стремился к здравым упрощениям.

Так упразднилась явка к Государю после смотров ординарцев от шефских полков, офицеров и солдат. Называлось это «подходить на ординарцы». Наряд выстраивался в шеренгу, и затем люди, по очереди, подходили к Царю и рапортовали о своем назначении на это дежурство. Последнее было фикцией, так как после явки все эти предполагаемые ординарцы освобождались. Но у Александра II был острый глаз, и беда, если в одежде или в пригонке амуниции оказывалась какая-нибудь неисправность. Гуманный Царь из своего раннего военного воспитания николаевской эпохи вынес любовь к мундирам и к внешним мелочам формы одежды. Ни при ком она так часто не менялась, как при Александре II. За переменами трудно бывало уследить. Сложили анекдот про двух офицеров, шедших по улице и встретивших монарха. Один из офицеров отдал ему честь. «Ты с ним

знаком?» — спросил другой. «Нет, но я отдал честь на всякий случай — как знать, может быть, это генерал».

Само собою разумеется, что чины, наряжавшиеся «подходить на ординарцы», выбирались из наиболее видных и ловких, но и их предварительно долго натаскивали в полках, чтобы порадовать зоркий глаз Государя и уже ни в коем случае его не разгневать. Начиная с 80-х годов отпала необходимость в этом особом отделе тренировки.

Отпали постепенно и другие строевые ухищрения и сноровки, на которые больше не стало спроса. Перестали развинчивать гайки на ружье, чтобы ружейный прием производился со звоном и треском; упростили самые приемы и их число. Для парадного отдания чести из существовавших двух приемов оставили один и т. п.

В этом смысле — отказа в строю от всего лишнего и бесполезного, лишь усложнявшего обучение, Россия опережала другие европейские армии. Несмотря на то, что мы многое заимствовали от Пруссии, крайности прусской плац-парадности и военного автоматизма у нас не прививались. Царствования же двух страстных поклонников прусской военной системы и вычурной муштры Петра III (1762) и Павла I (1796—1801) оказались слишком короткими, чтобы эти приемы пустили глубокие корни. Поэтому мы не усыновили знаменитого прусского «гусиного» шага для прохождения на парадах, с неестественно-бесмысленным вытягиванием ноги и прихлопыванием, или шага с еще менее понятным поднятием колен. Очень умеренное подобие «гусиного» шага применялось в мое время только для обучения новобранцев маршировке вообще; шаг этот так и назывался «учебным», но и им не злоупотребляли.

Поворот кругом как на месте, так и на ходу, у нас производился естественно, применительно к тому, как люди поворачиваются кругом в обыденной жизни.

Было странно увидеть впоследствии в Англии, вплоть до сороковых годов XX столетия, всевозможные архаические военные приемы, сохранившиеся со времени двух прусских Фридрихов XVIII века. И даже, вероятно, еще более утонченные: деревянный «медленный» шаг для торжественных случаев; повороты в три счета с поднятием колен; ружейные приемы со звонким пристукиванием и с длинными паузами между движениями. И много всякого нарочитого, во имя красоты и отчетливости, прихлопывания ногами и руками.

Мне пришлось наблюдать даже удар штыком в соломенное чучело, разделенный, в целях учебной четкости, на несколько искусственных приемов! Это там, где все дело в порыве, в разбеге и в силе размашистого удара «от сердца»!

Но и в России уцелело нечто с XVIII века: отдание чести с оставкой «во фронт». Солдат, встретив любого генерала или одного из

своих ближайших (или «прямых») начальников-офицеров (ротного, батальонного, полкового командира) должен был, если шел без винтовки, остановиться за три шага, повернуться «во фронт» и таким образом пропустить начальство, держа руку у головного убора. До середины XIX века головной убор для отдания чести снимали.

Упорно добивался отмены салютования с остановкой генерал Скугаревский в 90-х годах — писал на эту тему рапорты и статьи. Но так и не пересилил инерции.

Летние занятия петербургского гарнизона и вообще войск всего округа производились, как уже об этом упоминалось, в большом лагере под Красным Селом. По железной дороге оно отстояло к югу от столицы всего в одном часе езды.

Лагерь, основание которого относится ко второй половине XVIII века и к царствованию Екатерины II, делился мелкой речонкой Лиговкой на так называемый Авангардный, на западном ее берегу, и на Главный — на восточном. Оба эти лагеря были разбиты примерно параллельно друг другу и вдоль течения Лиговки.

Авангардный лагерь примыкал к южной окраине Красного Села и как бы являлся его продолжением. «Передняя линейка» или фронт лагеря смотрел на огромное Военное поле, на открытой площади которого можно было производить ученье нескольким дивизиям; в хитрых мягких складах его в те времена, до появления аэроплана, могли укрываться и незаметно передвигаться крупные войсковые колонны и боевые порядки. Единственными местными предметами являлись, в центре поля, Лабораторная роща, обнесенная рвом, и знаменитый Царский валик; у последнего обыкновенно находился Государь во время смотров, и эта маленькая насыпь служила путеводной звездой для сноровистых тактиков во время маневров в Высочайшем присутствии. Одинокую Лабораторную рощу постоянно кто-нибудь атаковал или оборонял.

В самом Красном Селе, в деревянных зданиях были с удобством расположены все старшие штабы и войсковые начальники. Главная улица, широкая и прямая, представляла собою хорошо содержавшееся шоссе, обильно обсаженное березками. Постройки и летние дворцы имели довольно нарядный характер, и при них были сады; это придавало Красному Селу вид благоустроенного дачного поселка, которым на время завладели войска.

Авангардный лагерь отличался от Главного тем, что в первом не только офицеры, но и все солдаты размещались в деревянных бараках, длинных, одноэтажных; в Главном же лагере солдаты жили в холщевых палатках, белые квадратики которых выглядывали из разросшей-

ся березовой рощи, в свое время нарочно посаженной для защиты лагеря от умеренного северного солнца и еще более от дождя — этого частого гостя петербургского климата. Внутри некоторых палаток, например, фельдфебельских, был приспособлен домик, состоявшийся из деревянных щитов. Такой же фальшивой палаткой была дежурная на передней линейке около фронтального полкового караула.

За солдатским лагерем пролегалo широкое прямое шоссе, носившее название «средней», или «офицерской», линейки. Вдоль этой дороги были расположены офицерские бараки — дачи. За ними — разные полковые учреждения, солдатские столовые и офицерские собрания.

Впереди Главного лагеря, вместо беспредельного Военного поля, измученного постоянным топтанием людей и лошадей, был зеленый луг, который спускался узкой полосой к руслу Лиговки и к шедшей вдоль него линии железной дороги. На этом лугу хватало места только для строевых занятий пехоты, силою не больше полка. Зато большое пространство открывалось позади лагеря. Это было осушенное болото, плоскостью которого воспользовались, чтобы устроить здесь стрельбища на все дистанции, требовавшиеся уставом.

Таким образом, в тылу Главного лагеря постоянно раздавались ружейная трескотня и разные стрелковые сигналы, подаваемые пехотным горном. Пулеметы тогда еще не народились.

Для стрельб с тактическим маневрированием существовало другое осушенное болото — Гореловское, прилегающее своим тылом к северной окраине Красносельского лагерного прямоугольника. Отсюда роты и батальоны неизменно двигались, со стрельбой, на север вдоль петербургской дороги. На их пути заблаговременно расставлялся деревянный противник, мишени, изображавшие то лежащую цепь, то резерв, стреляющий «с колена», то далекие резервы, стоящие открыто во весь рост. Это подражание настоящей пехотной огневой атаке, с боевыми патронами, требовало довольно сложной подготовки и тщательного оцепления обширного района, чтобы пресечь всякую возможность потерь среди местного населения. Последнее, впрочем, наизусть знало Красносельские военные распорядки и хорошо применялось к ним. Я не помню несчастных случаев.

На противоположном, южном конце лагеря, между Авангардным и Главным, находилось Дудергофское озеро, на котором катались в лодках, среди камышей, юнкера военных училищ. Над озером возвышалась лесистая Дудергофская гора, в крутых складках и в густой зелени которой скрывались многочисленные дачи. Тут жили, большей частью, семьи офицеров, отбывавших лагерный сбор под Красным Селом.

Наконец, прямоугольник как бы замыкался с юга Кавелахтским кряжем, по которому тянулась длинная деревня этого названия. Ка-

велахтские высоты, как и Дудергофская гора, постоянно фигурировали в заданиях для войсковых маневров, являлись частью цельных действий и создали шаблоны, получившие кличку «дудергофской» или «кавелахтской» тактики. Горе было тому неопытному смельчаку, который, командуя отрядом, претендовал на оригинальность и сбивал остальных участников с раз навсегда пробитой колеи!

В Авангардном лагере располагались гвардейские стрелки, армейские полки округа и военные училища. В Главном — с севера на юг — 1-я, 2-я гвардейские пехотные дивизии с их артиллерией, Офицерская стрелковая школа (к которой причислялся крошечный лагерь роты Пажеского корпуса) и финские стрелковые батальоны.

Последние, пока еще не были уничтожены, представляли для своих лагерных соседей в Красном Селе любопытное зрелище. Они прибывали по очереди из Финляндии, в числе двух, на вторую половину сбора, когда начинались занятия батальонами и полками. Солдаты были маленького роста, некрасивые и неказистые, известного «чухонского» типа, но поражали дисциплиной, выправкой и отделкой во всех мельчайших подробностях строевого устава и снаряжения. Мы, пажи, выходили специально на переднюю линейку, чтобы подивиться изумительной отчетливости ротного ученья финнов. Только что был принят новый пехотный устав, обязательный и для финских войск; усвоили они его также в совершенстве. Ломка фронта и эволюции производились образцово, с каким-то особым спокойствием и уверенным достоинством. Даже тогдашнее, неблагодарное для военной нарядности мешочное снаряжение пехотинца, сменившее ранцы и пригоявшееся у пояса и около бедер, выглядело на этих аккуратных солдатиках красиво.

Немногие из них умели говорить по-русски, но все команды подавались на русском языке, конечно, с сильным акцентом.

Было очевидно, что финляндцы дорожили и щеголяли своей маленькой армией, состоявшей, помнится, всего из одного драгунского полка и девяти пехотных батальонов, без артиллерии*.

Вся кавалерия Красносельского сбора была расквартирована по окрестным деревням, раздвигая, таким образом, диаметр всей лагерной площади на несколько миль. Деревни эти можно было отличить издалека по длинным шестам вдоль домов и на ближайших горках. На

* Покровительствовала финской армии Императрица Мария Федоровна — скандинавская принцесса, а через нее и Александр III. Вскоре после его кончины, при Николае II, финская партия независимости проявила такую агрессивность по адресу суверенной России, что вызвала уничтожение финской армии, дарованной Финляндии, этого готового кадра для армии сепаратистов. Вообще, во внутренних отношениях царской России и Финляндии первая охотно давала и охраняла права и автономию второй, а эта вторая платила России упорной и тупой ненавистью. — *Прим. авт.*

некоторых из них были соломенные украшения, кисти которых качались по ветру. На других — сигнальных — солома зажигалась в случае тревоги, и тогда кавалерийские квартиры сразу оживали в лихорадочной деятельности.

Лагерный сбор делился на две неравные части: с начала мая по середину июля шли мелкие строевые занятия и стрельба, а остальные три-четыре недели отводились на тактические упражнения, кончающиеся большими маневрами.

Этот переход от одного типа занятий к другому носил название «перелома». Он приходился в мои первые годы офицерской службы на день именин Главнокомандующего Великого князя Владимира Александровича — 15-е июля. В этот день и два следующих дня объявлялся общий отдых.

Затем в лагерь водворялось все старшее начальство, которому до того было мало непосредственного дела, а Главнокомандующий производил объезд войск.

Он начинался из Красного Села, откуда великий князь верхом, со своим штабом ехал шагом вдоль Авангардного лагеря, переезжал у Дудергофского озера через речку Лиговку к левому флангу Главного и следовал вдоль передней его линейки, заканчивая объезд на правом фланге, в лагере лейб-гвардии Преображенского полка.

Люди выстраивались перед своими лагерями в длинным развернутым строем, без оружия. Только полковые и батальонные командиры с их адъютантами были верхом.

Великий князь здоровался, солдаты отвечали. В приветствии полковых командиров у Владимира Александровича была своя манера: он прикладывал руку к большому козырьку своей фуражки и произносил могучим басом: «Командиру полка мое высокое почитание!» Выделяя его во всеуслышание этим особым приветствием, великий князь подчеркивал важную роль и значение командира полка в военной иерархии.

Спустя несколько дней после объезда великого князя производился Высочайший объезд; порядок был тот же, но Государя сопровождала Императрица в коляске и свита, и торжественность была больше, и заканчивался объезд зорей с церемонией.

Затем всеобщий разъезд и расхождение. Государь с Государыней уезжают в коляске (впоследствии — в автомобиле) под громовое «ура» офицеров, теснившихся толпой около самого экипажа.

Краски в небе потухли. Потянуло холодком и сыростью с Лиговки. Надвинулась ночь. Повсюду зажглись огни как желтые звездочки. На зеленоватом небе в виде контраста заблестела серебром первая звезда.

В глубине полковых лагерей — музыка и веселые голоса. Это офицеры угощают своих гостей, которых они пригласили на «зорю с церемонией».

В солдатских палатках, то тут то там, раздаются хоровая песня, треньканье балалайки, залихватские аккорды гармоники. На передней линейке вдруг поднимается передача протяжным голосом, от одного дневального «гриба» к другому, приказания: «Дежурным и дневальным надеть шинели в рукава — а — а...»

Через какие-нибудь полчаса все замрет и притихнет в березовых рощах, скрывающих солдатские палатки. И лишь из офицерских собраний и барачков будут еще доноситься взрывы смеха и звуки музыки, досадно перебиваемые заздравными «тушами» или полковыми маршами.

Скоро и музыкантов прикажут отпустить по палаткам. Сырость, темнота и молчание окутают лагерь. Вот она, красносельская ночь. Здоровый молодой сон обитателей лагеря охраняется невидимыми дежурными и дневальными. Их силуэты то неподвижно стоят у своих «грибов», сливаясь с ними, то печально маячат в ночном тумане.

Шесть лет моей строевой службы до поступления в Академию протекли в ровных условиях тогдашней рутины; можно сказать словами казенного рапорта, что за это время «никаких происшествий не случилось». Но на второй год моей службы пришились два события, которые всколыхнули все же зыбь полковой жизни: отправка двух первых батальонов на торжества коронации в Москву и празднование полком 100-летнего юбилея.

Коронация состоялась в мае 1896 года, а юбилей — в ноябре того же года.

Так как я состоял тогда в 5-ой роте и, следовательно, во 2-ом батальоне, то попал в московский отряд. Мы прибыли в первопрестольную столицу 22 апреля. От коронации остались воспоминания о стоянии шпалерами 9 мая при въезде Царской четы со всей огромной свитой в Кремль и о шествии 14 мая Государя с Государыней под балдахинами из старого Кремля с Красного крыльца в Успенский собор для коронования и обратно.

Все это было в свое время описано и напечатано; уголок того, что я видел, слишком скромно, чтобы прибавить какие-нибудь новые черты к официальным описаниям. Очень много всякого золота: старинные золоченые кареты, парча и позументы, сплошное шитье на бесчисленных придворных мундирах; разноцветные ленты, звезды, ордена; красные ковры; псевдо-русские дамские придворные туалеты, тяжелые, с длинными шлейфами; смесь французских фас-

нов эпохи Людовика XV с намеками на русские боярские костюмы XVII века; серебро, золото и разноцветный бархат; русские кокошники с длинной фатой и низкое французское декольте, от которого содрогнулся бы москвич времен первых Романовых, предков Петра Великого. Блеск на ярком солнце изумительных по чистоте и величине бриллиантов и других «самоцветных» камней — странное зрелище днем, не при искусственном освещении. Полюбоваться на то, как эти драгоценности искрились и переливались в свете электричества на вечерних приемах в залах Кремлевского дворца мне не удалось, так как я не попал в число тех немногих офицеров, которые были назначены на коронационные балы от полков, не считавшихся придворными. Пригласить всех или многих было и невозможно — не хватило бы места.

Запечатлелись в памяти Государь и Государыня, медленно идущие под балдахином из золотой парчи по специальным мосткам, проложенным до собора от исторического Красного крыльца, с которого русские цари и царицы традиционно кланялись народу — истово, в пояс и на три стороны. Они идут в коронах, под бременем тяжелых и широких порфир, отделанных горностаем; кажется, что и эти порфиры, и короны — особенно, слишком большая, неуклюжая корона Императора — давят, и что именно потому венценосцы едва передвигают ноги. К довершению всего в руках у Государя — в одной — массивный шар «державы», в другой — скипетр.

Выражение лиц у них серьезное, сосредоточенное, драматичное. Государыня величественна и очень красива; правильные, строгие черты ее лица и высокий рост побеждают все необыкновенные детали необыкновенного театрального наряда.

Под множеством алмазов массивной короны лицо Государя бледно мертвенной, усталой белизной.

Из какой европейской империи заимствовал эту дорогую и непонятную модель короны Петр Великий, сменив на нее «шапку» Мономаха?

«Тяжела ты, шапка Мономаха», говорит Борис Годунов у Пушкина про трудности царства. Но сама шапка, отороченная соболем, была легкой и мягкой. Непомерно тяжелой кажется новая, Петровская корона, такая огромная, сплошная, негибкая.

Балдахин несут старшие генерал-адъютанты и несколько высших сановников государства. Среди них есть глубокие старики, которые с трудом держат золоченые шесты, на которых покоится и колышется увесистый парчевый балдахин. Юноши — камер-пажи (годом младше меня, всех узнаю) идут тут же и помогают старикам.

Шествие под балдахином замыкает коронационную процессию. Длинная вереница всевозможных мундирных чинов, следуя торже-

ственным шагом, уже прошла в собор. По всем придворным церемониалам всегда «младшие впереди».

О торжественных приемах, обедах, балах, которые состоялись после коронации, строевые офицеры, наводнившие первопрестольную столицу, узнавали лишь из газет и со слов знакомых очевидцев или более счастливых товарищей. В остальном наши личные впечатления остались уличными, запечатлевшимися либо в свете яркого майского солнца, ни разу не изменившего церемониалу, либо в огнях городской иллюминации. Последней Москва захотела отличиться, и участники коронационных празднеств прошлого царствования должны были признать, что масляные плошки, шкалики, стаканчики, транспаранты и примитивные факелы 1883 года, несмотря на изобретательность декораторов, уступали уверенному блистанию мириад разноцветных электрических лампочек, протянувшихся по контуру Кремля, дворцов и главных улиц. На фоне глубокого черного неба эти огни вырисовывались и играли, как алмазы, рубины и изумруды на черном бархате. Особенно красива была статная колокольня Ивана Великого, протянувшаяся над Кремлем далеко ввысь своим архитектурным рисунком, как будто начерченным бриллиантами. Хороши были и набережные реки Москвы, в темной воде которой дрожали, встречались и расходились бесчисленные огни.

К уличным воспоминаниям можно отнести и караул, который пришлось занимать 5-ой роте лейб-гвардии Егерского полка в большом Кремлевском Дворце. Караул этот был со знаменем и соотвествовал внешнему караулу Зимнего дворца в Петербурге. То, что в этот наряд была назначена именно 5-я рота, показывает, как полковое начальство доверяло строевым достоинствам В. З. Гудимы.

Испытание оказалось основательным, так как караул часто вызывался на платформу; один раз, между прочим, для местного фотографа, который увековечил нас в строю для отдания чести.

Наконец, уличным воспоминанием были и подводы, которые в день народного праздника на Ходынском поле тянулись по Садовой улице, мимо Спасских казарм, где лейб-егеря были гостями ростовских гренадер. Мы вышли взглянуть на эти телеги; они были покрыты какими-то одеялами и рогожей, а из-под них торчали заостренелые руки и ноги. Это было первое подтверждение смутного в то утро слуха, что на рассвете на Ходынском поле, куда заблаговременно, еще в полутемноте, хлынула огромная толпа, произошла катастрофическая давка и что при этом погибли тысячи людей*.

* Идея этого массового парадного гулянья — тысяч на двести — вообще была несчастной и плохо удавалась и в прежние царствования. Так, в 1856 г., в дни коронации Александра II, на Ходынском поле тоже получился большой

Слово «Ходынка» сделалось впоследствии в России нарицательным для определения всякой беспорядочной и безумной давки; для нового же царствования этот ужасный случай, омрачивший коронавание, показался зловещим предвестником дальнейших несчастий и катастроф.

Войскам, скопившимся в Москве, делать, в сущности, было нечего. Они отстояли свои шпалеры, изредка от них назначались караулы в помощь постоянному московскому гарнизону, и оставалось только готовиться к общему параду в Высочайшем присутствии. Этим смотром заканчивались коронационные торжества.

С солдатами, чтобы они не разбалтывались, производили легкие занятия и, конечно, практиковали прохождение церемониальным маршем. Но после обеда, примерно после часа дня, обыкновенно все бывали свободны, и офицеры, за исключением дежурных по отряду, могли располагать временем по своему усмотрению. Для удешевления стола при батальонах состояло отделение полкового офицерского собрания; таким образом офицерам не было нужды питаться в ресторанах; но Москва в этом смысле представляла такие соблазны, известные всей России, что трудно было не поддаться им. Мы группами совершали экспедиции, чтобы отвесть ухи с расстегаями у Тестова, стерлядей или осетра в Большом Московском трактире, заливного поросенка в Эрмитаже. И, разумеется, всевозможных закусок, в особенности рыбных, возглавляемых свежей зернистой икрой, присыпанной зеленым лучком, продолжаемых семгой, таявшей во рту, горячей селянкой в сковородке и т. п., запиваемых ледяной водкой — знаменитой Смирновкой № 1.

Немосквичи имели возможность познакомиться с типичными чертами московского трактирного быта: с «половыми» — парнями, одетыми в белоснежные рубахи с малиновым пояском и в белые длинные брюки; с их прической в «скобку» по-крестьянски; с огромными порциями, которые были слишком обильны для одного человека и которых хватало, с лихвой, на двоих. Это предупредительно объяснялось и в меню, где указывались цены полной порции и полупорции.

Побывали мы также и в общественных банях, считавшихся роскошными сравнительно с петербургскими.

Все вообще в Москве, казалось, было приспособлено ко вкусу и традициям купечества, именитого, среднего и мелкого. Характер трактиров, чайных, бань и т. п. оставался тем же, но размах соответственно сокращался.

беспорядок, толпа жадно набросилась на угощенье и подарки, все расхватала и варварски разрушила прилавки и будки. Хотя все кончилось на тот раз без жертв, но шедший дождь испортил продукты, приготовленные для угощенья, и очень многие, вероятно, по возвращении домой заболели. — *Прим. авт.*

Побывали мы, конечно, на Воробьевых горах, чтобы посмотреть, как Москва представлялась с них Наполеону; в интересном доме первых Романовых (вне Кремля); в Третьяковской галерее; в храме Христа Спасителя (теперь снесенном); в лабиринте двенадцати часовен, скрывающихся под пестрой флорентийско-азиатской скорлупой Василия Блаженного; побродили по набережным реки Москвы, по Красной площади, по Китай-городу; поглазели, в который раз, на Царь-колокол и Царь-пушку; поставили свечки у Иверской чудотворной иконы; прошли мимо роскошных магазинов лучшей улицы, сохранившей название бывшего здесь когда-то Кузнецкого моста, и постояли на ее противоположении — на престоном рынке у Сухаревой башни. Вообще, отдали должное матушке Москве. Но петербуржец никогда не мог понять, что можно было находить привлекательного или интересного в длиннейшей, грязноватой и скучнейшей Тверской улице, официально считавшейся главной.

26 мая состоялся, наконец, прощальный парад войскам. После этого начался всеобщий разъезд. Полк вернулся в Петербург 4 июня, но я лично, вследствие схваченной простуды, должен был уехать из Москвы раньше и не смог даже принять участия в смотре.

Как бы то ни было, все мы отбыли коронацию и заслужили, в ее воспоминание, серебряную медаль на бледно-голубой ленточке.

По возвращении в Петербург в полку могли сосредоточиться на подготовке к столетнему юбилею, до которого оставалось всего пять месяцев. В этой подготовке была отведена роль и мне, несмотря на то, что я отбывал лишь первый год своего офицерства.

Кроме хозяйственных хлопот, связанных с улучшением скудной до того обстановки офицерского собрания, на офицеров неожиданно выпала забота по срочному составлению и изданию к юбилею истории полка. Материалы к ней начали собирать после войны 1877—1878 годов, но решили приступить к обработке их лишь в 1893 году, за три года до юбилея. Написать историю взялся полковник Генерального штаба Н. А. Орлов, профессор Академии, составивший себе имя как военный писатель. В полку офицеры познакомились с ним, когда он отбывал в нем ценз летнего командования батальоном; они были подкуплены жизнерадостностью и видимым талантом этого круглолицего и румяного человека в баках и с наружностью ярославского мужичка себе на уме. Между прочим, он был неподражаемый рассказчик и увеселял офицеров после хорошего обеда пикантными анекдотами, запас которых у него казался неистощимым.

В результате своей популярности Орлов получил предложение написать историю полка. Охотно согласившись, он назначил размер

вознаграждения — 3 000 рублей. В его распоряжение дали офицера для дальнейшего собирания архивных материалов. Офицер этот переходил из одного архива в другой, ездил в Москву, где хранились многие документы, вообще усердно работал. Другой офицер не менее усердно приступил к рисованию форм одежды полка за сто лет. Но после заключенного условия прошло два года, а Орлов не начал писать историю. В полку затревожились. Образовали историческую комиссию, которая потребовала от Орлова отчета в том, что им сделано. Оказалось, что к началу 1896 года у него была готова лишь первая глава истории. Другие он поручил составить своему помощнику по собиранию материалов. Это был поручик А. П. Косаговский. Времени, однако, оставалось так мало, что Орлов попросил дать ему еще помощников. Дали еще двух офицеров, которые состояли тогда в Академии, а затем прибавили еще трех из строя. Первым из этих последних еще в декабре 1895 года был назначен я. Предполагалось, что мы будем собирать материалы и передавать их для обработки Орлову.

Однако последний в высшей степени упростил свое участие в деле. Когда мы докладывали ему, что выполнили свою задачу по отношению к заданной нам главе истории, он говорил: «Ну, вот и отлично. Теперь приступайте к писанию».

Помню, я поразился такому доверию к моим писательским способностям — я едва сошел со школьной скамьи, но возражать не приходилось. Написав часть главы, я принес ее Орлову на показ. Он предложил мне прочесть написанное вслух, сделал два замечания и опять сказал: «Ну, вот и хорошо. Продолжайте дальше». Так же поступал он с работами и остальных авторов.

Стало совершенно очевидно, что история будет составлена при таком порядке не Орловым, а группой офицеров полка, и что единственная глава, принадлежавшая перу Орлова, не могла дать ему право называться автором истории полка.

Снова призвали Орлова в историческую комиссию под председательством самого командира полка и объявили, что невыполнение им условий договора заставляет полк отказаться от его дальнейших услуг.

Случился этот разрыв вскоре после коронационных торжеств, и времени впереди было так мало, что являлся вопрос: возможно ли вообще успеть закончить и издать историю к ноябрю?

Но это чудо мы совершили благодаря А. П. Косаговскому, взявшему на себя львиную долю работы, и его энергии, двигавшей всех сотрудников.

Сотрудники были в значительной степени освобождены от занятий. Для написания ответственного периода участия полка в войне

1877–1878 годов и в бою под Телишем* очень удачно пригласили талантливое подполковника Генерального штаба Е. И. Мартынова (который потом тоже, как и Орлов, командовал у нас для ценза батальоном). В какие-нибудь два-три месяца Мартынов отлично справился со своей задачей, представив дельное, исчерпывающее и живо написанное военно-научное исследование.

Напряженно трудились и все остальные. Целые дни, особенно зимой, проводил я в архивах штаба Гвардейского корпуса, в Публичной библиотеке. А вечерами писал, рисовал виньетки, держал корректуры как своих глав, так и приложений к истории, вроде, например, списков офицеров полка за 100 лет.

Б. А. Чемерзин лихорадочно заканчивал свои рисунки форм пером. Н. Н. Бунин рисовал виньетки и обложку для истории. П. А. Тихонович — изумительный чертежник — чертил планы сражений.

Лично на мою долю выпали две главы истории: время царствования Александра I после Отечественной войны и Александра II с начала до войны 1877–1878 годов, исключительно.

Какова была спешка, показывает то, что к середине августа смогли отпечатать только 13 печатных листов из 66, приходившихся собственно на текст, не считая приложений, и что последняя напечатанная страница, предисловие к истории, помечена 4 ноября. А юбилей должен был праздноваться 9-го, то есть через пять дней! Оставалось еще сброшюровать издание и переплести. Удалось и это сделать вовремя.

Получился увесистый том большого формата, с золотым обрезом и в красивом переплете с отлично исполненным рисунком нового юбилейного знамени, включенного в воинскую арматуру. Многочисленные планы и карты были выделены в особую дополнительную папку.

При нарядной внешности, множестве иллюстраций, красивой бумаге история полка оказалась на высоте и по содержанию. При составлении ее был принят научно-исторический метод, клавший в основу, по возможности, первоисточники; текст сопровождался тщательными ссылками; ряд документов был напечатан в приложениях; список офицеров за сто лет не ограничивался сухим перечислением имен лейб-егерей, а сообщал также биографические о них сведения, собирание которых представило немало труда.

Составители понимали, что в условиях чрезвычайной спешки издания были неизбежны недочеты, за каковые и попросили в пре-

* Во время осады Плевны была поставлена задача нарушить снабжение осажденного гарнизона, захватив опорные пункты противника вдоль софийской дороги. Выполнение легло на гвардейский отряд генерала И. В. Гурко, который 12 октября 1877 г. под Горным Дубняком и 16 октября под Телишем, несмотря на высокие потери, нанес поражение противнику. — *Прим. ред.*

дисловии извинения у читателей. Но, в сущности, эти недочеты совершенно незаметны, и я теперь, спустя много лет, не нахожу в этом труде особых пропусков, неувязок и ошибок. Ничто не говорит о его поспешности. Наоборот, книга является превосходным историческим источником и не уступает другим подобным трудам, потребовавшим гораздо больше времени.

Удивительнее всего то, что даже индивидуальный стиль изложения глав, отражающий разных авторов, не нарушил общего единства. Это последнее достигалось отчасти тем, что главы, составлявшиеся авторами-новичками, по мере их написания громко читались в соединенном заседании сотрудников. Во время таких чтений вносились поправки согласно замечаниям слушателей, и иногда перестраивались целые пассажи.

Главной штаб-квартирой изготовления истории являлся кабинет А. П. Косаговского, который жил в офицерском флигеле казарм на Рузовской улице, одним этажом выше над квартирой, где помещались мы с братом и П. А. Москов. В квартире этой, как и у Косаговского, тоже шла работа, все напряженнее и бойче по мере приближения юбилея; на всех столах тоже лежали исписанные и чистые листы, карты, корректуры; так же часто звонил звонок, и денщик появлялся с новым пакетом из типографии; одним из условий нашего конечного успеха было не задерживать корректур и, по возможности, возвращать с тем же мальчиком, который принес их из типографии. Квартирная близость к Косаговскому превратила меня в его помощника по издательским заботам; поэтому мне приходилось ездить иногда в типографию и исполнять другие поручения.

Вспоминаю с удовольствием весь этот кипучий период, оторвавший меня временно от роты и от строя, но окунувший в литературное и печатное дело. Я открыл в себе, между прочим, настоящее призвание корректора! Глаз мой ловил самую хитрую опечатку, скрывающуюся под видом похожей буквы или цифры. Чтение длиннейших корректур никогда меня не утомляло, скорее занимало. Косаговский скоро уверовал в мою надежность по части сличения пробных оттисков с подлинниками и в мое искреннее отвращение к мелким опечаткам, сохранившееся, кстати, и по сей день. Поэтому я сверял не только свои собственные рукописи, но и держал почти все последние корректуры, уже в гранках. Я всегда находил в них ошибки, пропущенные авторами в прежних корректурах.

Вспоминаю появление ранним утром в зимние, холодные дни в дверях моей спальни А. П. Косаговского — в пальто с башлыком и в фуражке. Девять часов утра; он уже отправляется на работу в какой-нибудь архив или в библиотеку, а я еще сплю крепким сном 20-летнего подпоручика.

Сквозь сон все же сначала слышу в соседней комнате знакомый басок Косаговского, который спрашивает моего денщика: «Встал ли твой барин?» Узнав, что денщику не удалось побудить своего барина к вставанию, Косаговский отправляется сам на подмогу. И вот — в дверях в виде упрека стоит высокая и худая его фигура.

Как когда-то старик Довяковский будил кадета 3-го класса фразой «Борис, со сном борись!», так теперь Косаговский говорил строгим тоном и коротко: «Бобка, лентяй, вставай!» Вставать было холодно и противно, но Бобка покидал свою походную койку и собирался в дорогу, в тот или другой архив...

Приятны были вечера у Косаговского, когда мы слушали новую главу истории. Впоследствии эти деловые заседания в уютной атмосфере небольшого кабинета, обставленного стильными старинными вещами, за чаем, подаваемым в хороших чашках, превратились в еженедельные литературные собрания. Когда покончили с полковой историей, читали чьи-нибудь произведения: прозу, стихи, исторические отрывки. На огонек этих суббот приходили проветривать свой интеллект не одни бывшие сотрудники по истории полка, и вокруг нашего ядра вскоре образовался небольшой литературный кружок.

Памятно было появление в свет, наконец и к сроку, объемистого тома полковой хроники, плода дружных, совместных трудов нескольких офицеров. «Ну, вот это егерство!» — сказал бы бывший командир Х. М. Долуханов.

Два слова о настоящей душе этого достижения — Александре Павловиче Косаговском.

Он был сыном известного гражданского администратора конца царствования Александра II, занимавшего одно время должность полтавского губернатора, славившегося своим остроумием. Косаговский — лейб-егерь — унаследовал от отца его качества.

Выйдя в полк из Пажеского корпуса в 1892 году, Александр Павлович быстро занял среди офицеров положение умного барина. С уравновешенным мнением его начали считаться в первый же год его службы, а на второй — привлекли к работе по истории полка и по устройству полкового музея. Косаговский и физически никогда не выглядел молодым — это вязалось с его размеренною, внушительною речью, точно человека, умудренного длинным жизненным опытом. С одной стороны, офицеры отдавали должное его быстрому живому уму, с другой — побаивались его язвительного языка. Меткие его замечания и остроты сейчас же становились широко известными.

Он был довольно хорошо начитан; владел иностранными языками, французским — отлично; имел недурные способности и по

математике. Все как будто указывало на то, что Косаговский пойдет в Академию, легко ее кончит и обеспечит себе более или менее видную карьеру, быть может, ученую. Нельзя было сомневаться в его амбиции и честолюбии, а также в упорстве, которое он доказал в деле издания истории полка.

Но он остался в полку, и в течение 25 лет, вплоть до революции, тянул лямку строевого офицера, дослужившись до скромной должности батальонного командира.

Мы встретились с ним в боевых условиях, в 1915 году, когда он временно командовал лейб-егерями, а я — измайловцами; затем — в последний раз, мельком, в 1917 году, после большевистского переворота, когда ему пришлось ради куска хлеба принять какую-то должность в Красной армии.

Во время войны Косаговский показал себя хорошо, заслужив ряд наград и репутацию спокойного, распорядительного и мужественного начальника.

Он скончался в советской России в 20-х годах, кажется, в Курске.

День юбилея, как было сказано выше, приходился на 9 ноября. Накануне в Зимнем дворце, в Николаевском зале, состоялась торжественная прибавка нового знамени, а вечером отслужили в полковой церкви святого Мирона панихиду по всем бывшим лейб-егерям, павшим в боях и умершим.

Прибавка заключалась в том, что каждый должен был ударить молотком по одному из очередных гвоздей, которым полотнище знамени прикрепляется к древку. Конечно, оно уже было фактически прибито, но все делали вид, что своим ударом загоняют золоченый гвоздь в дерево. Первый гвоздь вбивал шеф полка — Государь, потом Императрица и члены Императорской фамилии. После них — все офицеры полка, начиная с командира.

На другой день был парад в Михайловском манеже и церемония пожалования юбилейного знамени, когда Государь, после молебна, вручал знамя командиру; последний должен был стать на одно колено, принимая «полковую святыню», как мы называли и как действительно чтили эту эмблему.

Старое знамя как бы увольнялось на покой. Да и была пора: от шелкового полотнища оставались одни лохмотья. Теперь отслужившее знамя будет стоять в полковой церкви, на амвоне, против алтаря.

Зато юбилейное знамя было великолепно — одно из первых этого рода, пожалованных по новому рисунку. На одной стороне — образ масляными красками святителя Мирона (работы своего офицера Н. Н. Бунина), на другой — шитый золотом массивный вензель Нико-

лая II. Все края тоже зашиты золотым узором. Под массивным двуглавым орлом, венчавшим древко, подвязаны ленты — голубая андреевская, юбилейная, и георгиевская, пожалованная за Бородино.

Темно-зеленый шелк полотнища, по цвету четвертого полка, сложен вдвойне. С массою золотого шитья это делало полотнище тяжелым; носить в распушенном виде его было труднее, чем старое знамя, и знаменщика нужно было выбирать из очень сильных и ловких людей. И сила, и сноровистость требовались в особенности при салютовании знаменем Государю, когда полагалось его опустить к земле, а затем снова поднять либо в вертикальном положении (стоя на месте), либо положив на левое плечо (на ходу).

Знамя выглядело шегольски, пока оно было новехонькое. В 1916 году, во время войны, я видел его в последний раз на полковом празднике. За двадцать прошедших лет оно хоть и не превратилось в лохмотья, все же потеряло нарядность. Шелк заметно износился и полинял; шитье почернело и в некоторых местах, вследствие своей тяжести, слегка свисало с ослабевшего полотнища.

После парада полк вернулся в казармы, где для солдат было устроено праздничное угощение, а офицеры и все старые егеря получили приглашение на завтрак в Зимний дворец.

Здесь, по заведенному порядку, провозглашались тосты, гремела музыка, кричали «ура», а затем в соседнем небольшом зале Государь и Государыня обходили офицеров и с некоторыми разговаривали.

Государь в этих случаях, казалось, всегда смущался, поглаживая задумчиво свои усы, играя кольцом на руке и делая большие паузы между вопросами. Соображая, что бы спросить, он смотрел немного в сторону и вверх. Но это едва ли был взгляд рассеянного по природе человека. Наоборот, Государь был чрезвычайно наблюдателен и все замечал, хотя этого на людях и не показывал.

Во время обхода он нарочно долго разговаривал с Чекмаревым, как представителем полка, но последний не умел навести Государя на ту или иную тему — припомним тяжеловесную, медвежью натуру Чекмарева, — и потому беседа не клеилась. За короткими ответами командира следовали особо длинные паузы в духе неловкого молчания. Наконец Государь спросил:

— А я слышал, что у вас сегодня вечером состоится в полковом собрании ужин со старыми егерями?

Действительно, такой ужин был назначен на 9 или 10 часов вечера и на него, кроме прежних офицеров полка, было приглашено все гвардейское начальство и командиры всех гвардейских полков.

Чекмарев ограничился унтер-офицерским ответом: — Так точно, Ваше Императорское Величество!

Государь, чуть-чуть улыбнувшись, сказал:

— Ну, желаю вам весело провести время, — и отошел к следующей группе офицеров.

В полку потом возмущались несветскостью Чекмарева, который, думали мы, упустил случай пригласить шефа полка на наш интимный ужин.

Правда, Государь мог от приглашения уклониться под предлогом, который нетрудно было бы найти, не обижая полк; но, с другой стороны, вышло так, как будто бы присутствие самого важного старшего егеря на юбилейном ужине было нежелательно!

Забегая вперед, скажу, что впоследствии, после Русско-японской войны и революции 1905–1906 годов, посещения Государем вечерних трапез в гвардейских полках сделались если не частыми, то все же регулярными. Вероятно, Царю хотелось больше приблизиться к гвардии, которая сыграла решительную роль в подавлении мятежей в столицах и в восстановлении порядка. Принимая приглашение полка (обыкновенно такого, где он был шефом), Государь высказывал пожелание, чтобы на ужине не присутствовало никаких посторонних офицеров или начальства. Таким образом, даже офицеры Генерального штаба, командовавшие для ценза ротами или эскадронами в полку, не приглашались на эти ужины. Характер их должен был быть строго семейным — Государь в стане своего полка.

От полка же исключительно поставлялись и развлечения: оркестр музыки, балалаечники, вошедшие тогда в моду, и песенники.

В этой атмосфере, в которой ни на минуту не ослабевала дисциплина, наоборот, полк старался отличиться выдержкой и подтянутостью, Государь с видимым удовольствием засиживался до поздних часов.

Принял однажды Государь и приглашение лейб-егерей, проведя вечер в их среде в офицерском собрании на скромной Рузовской. Вечер этот оставил памятное впечатление и как бы исправил неловкость, случившуюся в юбилейные дни.

Возвращаюсь к обходу Царской четой офицеров в Зимнем дворце 9 ноября 1896 года.

Императрица Александра Федоровна никогда не могла побороть своей застенчивости на людях; на втором же году царствования она еще не научилась скрывать свое смущение и еще не овладела как следует русским языком. Было видно, что необходимость быть разговорчивой хозяйкой Императрице в тягость. Как угадать, к кому можно обратиться на придворном французском языке или на родных немецком или английском?

Но вот Государыня видит в толпе офицеров знакомое лицо! Это ее первый камер-паж. То же не изменившееся длинноносое безусое лицо. Это — Геруа, которому она лично вручила не так давно приказ о производстве в офицеры на Царском валике в Красном Селе...

Императрица решительно направилась в гущу офицеров и с милой улыбкой подошла ко мне через образовавшийся коридор. Она подала мне руку для поцелуя, как это делала в мое камер-пажеское время, и задала два-три вопроса по-французски. Что именно — не помню, но это и не имело никакого значения при обходах. Окружающие отмечали только факт: Царица удостоила улыбкой, разговором, дала поцеловать руку.

Едва Государыня отошла, как около меня оказалась высокая фигура Великого князя Михаила Николаевича. Раздвинув офицеров, он бодрым военным шагом подошел к этому подпоручику, отмеченному вниманием Императрицы.

— Смотри, не зазнавайся, молокосос, — шутивно-грозно сказал он и крепко взял при этом меня за нос! Очевидно, большой нос мой напрашивался на это проявление дружбы старейшего лейб-егеря. Великий князь, фельдмаршал и фельдцейхмейстер, зачисленный в списки полка со дня рождения, 62 года тому назад, сейчас был в егерском мундире; фамильярный жест его от этого показался милым и товарищеским. Михаил Николаевич, единственный из великих князей, продолжал обращаться ко всем на «ты», как это было принято вплоть до царствования Александра III.

Великий князь спросил затем мою фамилию и пошутил еще.

Столичная стоянка давала возможность офицеру разнообразить свою частную жинзь. В глухих гарнизонах приходилось суживать ее между казармой, офицерским собранием и манежем. Сплетни, служебные разговоры, любовные истории и алкоголь, главным образом в форме водки и пива. Выручали, но не всегда и не везде, полковые библиотеки, любительские спектакли, какой-нибудь случайный культурный центр, чей-нибудь семейный дом, близость гостеприимного помещика.

В Петербурге все эти элементы были в изобилии. Человек, искавший отдушин в своей жизни чиновника или офицера, мог найти их без труда, применительно к своим склонностям. Книжные и картинные собрания, выставки, музеи, литературные и научные общества, первоклассные театры. При этом легко и удобно было затеряться в большом городе и устраивать свою частную жизнь независимо, по собственному вкусу и по своим средствам.

В первые два-три года офицерства я с усердием предавался танцам, принимая приглашения, в которых никогда не было недостатка в зимний сезон, с декабря и вплоть до Великого поста, в феврале или в начале марта. Гвардейская молодежь вербовалась на балы в частных домах гуртом. Старый знакомый приводил с собою новичков, а те,

в свою очередь, сделавшись знакомыми, поставляли новых танцоров. Вследствие этого на каждом большом балу можно было заметить преобладание мундиров того или другого полка. Были дома «семеновские», «егерские» и т. п. Хозяева чаще всего не знали фамилий всех этих офицеров, как и пачек лицеистов, пажей и правоведов, отплясывавших у них в доме.

Офицеры скромных полков вращались в среднем круге петербургского общества. Здесь не было речи об особняках, струнных оркестрах и гастрономических тонкостях угощения.

Обыкновенно полем действия была более или менее просторная квартира с залом, который мог вместить несколько десятков танцующих пар, и с такой же подходящей столовой. Родители, имевшие дочерей на выданье, должны были при найме квартиры принимать все это в соображение.

Съезжались на бал к 12 часам ночи. Только наивные провинциалы принимали за чистую монету час, неизменно указываемый на пригласительной карточке — 9 часов. Дамы старались приехать попозже, считая, что «лучше быть последней, чем первой».

Внизу, в швейцарской, устраивались раздевальни, где гости снимали шубы и распутывали свои шарфы. Хорошо, если швейцарская была теплой. При разъезде дамы с открытыми шеями и руками, разгоряченные танцами, подвергались недружелюбным и опасным сквознякам от ежеминутно распахиваемой двери на улицу.

Поднимаясь по каменной лестнице, иногда без ковра, ибо на общих лестницах в Петербурге ковер не был правилом, вы слышали громкие звуки рояля, отчетливо отбивающие ритм вальса или первой «фигуры» кадрили. Бал всегда открывался вальсом. Кадрили — вырождение менуэта — имели шесть фигур, причем танцующие, между выделыванием требуемого па фигур, сидели вдоль стен на стульях и могли разговаривать, если было о чем. Больше всего кавалеры знакомились с дамами во время кадрили и потом за ужином. Последний подавался часа в три ночи, был обильным и возбуждал новый прилив веселья и энергии. Прилив этот расходовался в заключительной бешеной пляске «котильона» после ужина.

От двух лиц зависел успех танцев: от дирижера и тапера.

В гвардии насчитывалось не много офицеров, завоевавших себе репутацию хороших дирижеров. Во время сезона они были нарасхват, и ими запасались заблаговременно. Помню двух стрелков: адъютанта 1-го батальона Его Величества Тишина и более молодого, всегда немного навеселе, офицера батальона Императорской фамилии барона Притвица (года на два младше меня по Пажескому корпусу). В Зимнем дворце в мое время дирижировал лейб-улан Маслов.

Если бы не было кадрилей и котильонов, носивших иногда название «quadrille monstre*», не было бы и надобности в этого рода жожаках и танцевальных командирах.

Хороший тапер-пианист должен был слиться с желаниями дирижера и поддавать «жару», когда это требовалось. Но не достаточно было бойко и звонко барабанить по клавишам. Спрашивались также «душа» и музыкальность. Лучшие таперы были виртуозами своего дела, очень много зарабатывали, и заручиться, скажем, Сивачевым или стариком Шмитом было нелегко. Часто время бала назначалось в зависимости от дня, когда тот или другой были свободны.

В какой степени тревоги и расходы хозяев по устройству балов оправдывались в отношении выдачи девиц замуж — это вопрос. Я бывал в одном доме, где было три невесты и где приемы ставились щедро и широко. Ни одна из девиц, правда, не блиставших красотой, не нашла себе мужа.

Но какие бы ни были выводы досужего статистика, веселилась на этих балах молодежь искренно, до утра, а родители с не меньшим увлечением играли в карты.

Контраст с этими маленькими, буржуазными танцевальными вечерами представляли придворные балы в Зимнем дворце. Здесь были размах и великолепие, которые русскому Двору удалось донести из XVIII века до порога практического, расчетливого XX. На так называемый Большой бал (их бывало два или три) число приглашенных доходило до 3000. Танцевали в огромном Николаевском зале.

На «Концертные», или Малые, балы звали всего около 800 человек. Для танцев предоставлялся сравнительно небольшой концертный зал. Все было интимнее и как будто семейнее. Даже форма одежды указывалась не полная парадная, как для Большого бала; офицеры имели на мундирах вместо эполет погоны, а придворные чины, если не на службе, бывали одеты в мундирные фраки вместо сплошь расшитых золотом кафтанов.

На Малых балах члены Царской фамилии смешивались с гостями и предавались танцам наравне с ними. Бал открывался полонезом, под звуки которого в зал входила парами процессия — Государь, Государыня, великие князья и княгини, послы иностранных держав. На хорах играл чудесный придворный симфонический оркестр в красных мундирах. Управлял им в то время хорошо известный дирижер Императорской Капеллы Варлих.

Несколько открытых буфетов, шампанское без отказа, роскошные цветы и фрукты, нарядная толпа на фоне величественных зал и в свете хрустальных люстр, переливавшихся сверкающими огнями;

* Буквально «чудовищная кадриль» (фр.). — Прим. ред.

близкое присутствие Царя и Царицы; оживление, скованное этикетом и почтительностью — вот беглые впечатления от придворного бала. И еще, забыл: драгоценные камни. Некоторые парюры, ожерелья, браслеты были те самые, которые блистали на балах и приемах цариц Елизаветы и Екатерины II.

Интересно, оригинально и дорого было сооружение каждый раз особой столовой для общего ужина. Пролет широкой входной лестницы, на высоте этажа, где происходил бал, перекрывался полом, который затягивался темно-красным ковром. Для ужинающих ставились красиво накрытые столы, рассчитанные на 6—8 человек. У стен и всюду между столами — тропические и другие растения — деревья — в кадках. На полу — целые цветочные клумбы. Все это создавало очаровательный зимний сад. В нем чувствовалась и легкая освежающая сырость, даже как будто ветерок. Многочисленные цветы наполняли волшебный висячий сад нежным букетом запахов, которые соперничали друг с другом.

Деревья смягчали блистание люстр и канделябр; игра света и полутеней придавала уют и романтическое настроение. Невидимый струнный оркестр исполнял легкую, но приятную программу, под которую было удобно разговаривать.

Под конец ужина Государь и Государыня — высокие хозяева — медленно обходили столы, останавливаясь у некоторых и приветливо разговаривая с гостями.

Очень было важно застать милую даму для ужина и не остаться в одиночестве. Но я думаю, что это почти никогда не случалось. По крайней мере, в широко и вдруг распахнутые двери зимнего сада шли парами, одна за другой, как в Ноев ковчег. Шли чинно, вереницей, без торопливости, с сознанием, что всем уготовано место.

Снобы считали отличием бывать на «Концертных» балах, так как они не имели такого валового характера, как Большой бал, на который некоторые дамы надевали даже драгоценности второго сорта: трудно и некому было показывать лучшие.

Я регулярно получал от Двора приглашение на один из Малых балов в течение сезона — как бывший камер-паж Императрицы.

Как я уже упоминал выше, в Петербурге офицер имел полную возможность «проветривать свои мозги», если в этом у него являлась потребность; по военной специальности народилось и прочно стало на ноги в те годы Общество ревнителей военных знаний.

Насколько мне известно, ни в одной из европейских армий не существовало такого добровольного общества с таким духом свободного обмена мнений и широтой серьезно-научного и, вместе с тем, совершенно доступного характера, благодаря популярности трактовки тем.

Несомненно, под влиянием этой открытой для обсуждения военных вопросов арены вынесен был наружу загоревшийся тогда принципиальный спор о больших крепостях и о смене их системой малых фортов и полевых позиций. Публичные диспуты на эту тему были введены в правильное русло Военно-инженерной академии, как то и следовало, происходили в ее помещении в Михайловском инженерном замке и привлекли горячий интерес всего военного Петербурга. На кафедре сменялись докладчики, один другого авторитетнее, даровитее или, хотя бы, звонче. В большом, битком набитом зале среди офицеров всех родов войск сидели в первых рядах разные государственные мужи, в которых едва ли до того времени можно было подозревать интерес к чисто военным делам.

В общем, за неимением парламента, все как будто обрадовались возможности присутствовать, под крылом казенного учреждения, на открытом словесном состязании; кипело оно между инженерами старой и новой школы и офицерами Генерального штаба, из которых одни поддерживали стариков, а другие — новаторов.

Маститый инженерный генерал Рерберг (помнивший, кстати, и чтивший деда) превосходно председательствовал на этих собраниях и тактично руководил прениями. Слушателей привлекала исключительно умственная пища, так как во время десятиминутного перерыва нельзя было получить даже стакан «пустого» чая, то есть без бутерброда или куска хлеба.

Как все такие теоретические споры, диспут в Инженерном замке в конце концов уперся в тупик. Стороны исчерпывающе оформили свои положения, прибавить к ним было нечего. Если бы диспуту позволили после этого продолжаться, он вступил бы в бесконечную фазу «стриженое-бритое».

Мне неизвестно, каково было практическое влияние диспута на перемену инженерно-тактической доктрины укрепления наших границ. Но выше говорилось, что в 1910 году Сухомлинов решил одним росчерком пера упразднить наши крепости на западе и едва не привел это в исполнение. Не запомнил ли он кое-чего из доводов революционной инженерной доктрины, прогремевшей на публичном диспуте больше десяти лет перед тем?

По мере того, как изнашивались первые увлечения танцами и ночными выездами «в свет», вступали в свои права, им на смену, умственные удовольствия — все смелее и решительнее. Очень кстати, примерно в это время меня выбрали в заведующие полковой библиотекой, которым я оставался вплоть до поступления в Академию в 1901 году. Я стал следить за книжными новинками и с выбором чи-

тать то, что было хорошего в библиотеке, большой, но собравшейся случайно. Уже после двух танцевальных сезонов явилась у меня потребность сократить число знакомых домов и не набирать новых. Настоящих знакомств не завязывалось, так как в большинстве случаев на эту офицерскую молодежь смотрели как на рабочую танцевальную силу, почему она получила даже кличку «полотеров». Между тем, принято было ездить по всем приглашавшим домам с визитами, благодарственными, новогодними и пасхальными. Это бесполезное расточение вежливости, соединенное с расходами на извозчиков и на чаевые всевозможной прислуге, надоело мне и предстало в своем настоящем свете пустоты и ненужности.

Взмолились также мои мундир, сюртуки и белье. Усердный танцор возвращался изо дня в день, вернее, из утра в утро мокрехоньким после нескольких часов паркетных упражнений. Платье теряло форму, канты тускнели; требовались обновление и утюжка. О бесчисленных парах белых перчаток, отправлявшихся в чистку, и говорить нечего.

Помню, как в одно прекрасное новогоднее утро, когда столичные кавалеры отправлялись в визитное путешествие по городу, я ощутил вражду к длинному листу предстоявших мне визитов и принял крупное решение. Взяв жирный карандаш, я вычеркнул три четверти моих «знакомых» по названию, оставив лишь те немногие семейства, с которыми более или менее сблизился. Вскоре, однако, настала и их очередь, и я легко вздохнул, когда совершенно освободился от своих поверхностных светских уз.

Товарищество в Егерском полку было, как я уже говорил, хорошее, и офицеры жили дружно. Конечно, у каждого образовались свои симпатии и антипатии, ведь приходилось иметь дело с 69 офицерами, считая себя 70-м; появлялись кружки, в чем играл роль естественный подбор; но это не вело ни к ссорам, ни к расколу. Люди же, совершенно не подходившие к среде, выбрасывались ею рано или поздно.

Офицерский состав полка можно было назвать умственно способным. Большой процент шел регулярно в Академию и попадал в Генеральный штаб. Из остававшихся в строю полка выходили впоследствии недурные, а иногда и выдающиеся старшие начальники и администраторы. Всегда среди офицеров находились те или другие таланты. В 80-е и 90-е годы к таким талантам принадлежали: замечательный акварелист Макаров, упоминавшийся выше художник Наркиз Бунин (хотя и не яркий), Рейнголь Рейнтал, сделавший копию портрета Александра III во весь рост для офицерского собрания. Петр Андреевич Тихонович (или «Жук», прозванный так за черноту своих густых волос) — гениальный чертежник, работы которого посылались

на всемирные выставки и который постоянно имел заказы на чертежи и модели от министерства земледелия и государственных имуществ.

Петр Александрович Риттих, окончив Академию без перевода в Генеральный штаб, проявил себя, оставаясь в полку, на научно-литературном поприще; уезжал за границу в те края, где решались какие-нибудь злободневные вопросы, изучал их и потом писал на эти темы. Так побывал он на Балканах и в Персии в связи с постройкой русскими железной дороги. Помню, какое сильное впечатление произвел превосходный доклад Риттиха в офицерском собрании по этому вопросу.

Я близко сошелся с милейшим и добрейшим «Петей» Риттихом, и наша дружба продолжалась вплоть до моего исхода из России в 1919 году.

Это был необыкновенно живой человек, даже несколько суетливый, на все откликавшийся и всем интересовавшийся. Женился он на не менее милой Нине Константиновне Черемисиновой, разводке, урожденной Плещеевой. Женитьба принесла ему большие средства (Плещеевы были крупные землевладельцы, владели всей округой Лигова под Петербургом). Но хлопотливый Петя не сложил рук и не оставлял своих исследований и компиляций. Продолжал писать и издавать.

Во время войны 1914–1917 годов его причислили из отставки к военной цензуре в Петербурге. Я был на фронте, но Риттих не терял меня из виду; когда я в мае 1915 года приехал в столицу после назначения командиром лейб-гвардии Измайловского полка, он первым примчался поздравить меня. Я только что, по приезде, сел в давно желанную ванну, как ко мне, сметая прислугу, ворвался восторженный Петя! Он обнял своего мокрого «Бобочку», как он не переставал меня называть до седых волос, и затем мы с ним имели длинное и оживленное военное собеседование по всем текущим вопросам.

ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ

Хотя я поступал в Академию осенью 1901 года, но слышал о ней много с осени 1895 года, так как примерно с этого времени с Академией был связан мой брат. На год больше, чем другие, из-за неудачи при переходе на старший курс и вторичного поступления на младший. Когда же брат проходил в 1898 году третий курс, называвшийся дополнительным, я много ему помогал вычерчиванием стенных карт и схем, нужных для трех научных этюдов, которые требовались на этом курсе и именовались «темами». Помню, что военно-исторической темой

у него была афганская кампания Робертса*, и я начертил большую карту Афганистана, изобразив эффектно, посредством коричневого карандашного порошка и ваты вместо растушевки, сложный горный рельеф театра войны. Работать приходилось на полу в неудобном положении, но процесс трактовки меня занимал, и я удовлетворил заказчика тщательностью исполнения. На старшем же (втором) курсе я «поднял» брату карты западных границ России. Поднятие карты состояло в кропотливом повторении географических предметов и рубежей, имевших стратегическое значение, яркими материалами и красками по бледному оттиску плана. Работа эта имела в виду подкрепить изучение военной географии и статистики России использованием зрительной памяти студента. Смысл этот терялся, если чертил не он сам, с книжкой в руке, а кто-нибудь другой. Не знаю поэтому, принесла ли сделанная мною карта пользу моему брату, но им было сэкономлено много скучных часов, и в ознаменование этого он преподнес мне золотой жетон, изображавший эту карту. Однако лучше жетона было то, что я хорошо усвоил военную географию западной России. Это пригодилось мне через три года при поступлении в Академию, когда по этой географии меня экзаменовал грозный профессор Золотарев, изобретатель «подъема» карты. Пригодилась потом и сама карта на старшем курсе.

При моем брате в Академии еще царил дух двух выдающихся ее начальников, М. И. Драгомирова и Г. А. Леера. Последний доживал в этой роли свои последние годы. Это был небольшого роста старик с квадратной головой и фигурой, с копной седых волос, обрамлявших со всех сторон лицо с несколько тяжелыми чертами. Из-под густых бровей смотрели пронизательные и умные глаза. Он уже стал сдавать физически и передвигался на согнутых ногах. Но ум его был свеж и остр по-прежнему. Говорил он превосходно. Его резюме и критика блистали сжатостью и выразительностью. Позже его приводили под руки на собрания, где ожидали от него слова. И при виде этой процессии говорили: «Вот несут голову Леера».

Когда мой брат устно защищал свою последнюю, третью тему, на защиту пришел Леер. После того, как высказались три оппонента, он поднял толстую рукопись темы, потряс ею, как бы взвешивая, и сказал: «Это напоминает мне письмо, в котором писавший извиняется перед другом: “Прости, что пишу тебе длинное письмо; не было времени написать короткое”». Так оно и было на самом деле в случае этой работы брата. Он, что называется, прогулял отпущенное ему щедро

* Вторая англо-афганская война 1878–1880 гг., когда английские войска под командованием генерала Робертса сумели в сентябре 1880 г. под Кандагаром нанести афганцам крупное поражение. — *Прим. ред.*

время и состряпал тему второпях и кое-как. Прощаясь с офицерами, кончающими Академию и выпускаемыми на службу в Генеральном штабе, Леер обычно их напутствовал и, между прочим, говорил: «Академия дала вам знания и метод, но помните, что метод важнее знания».

Г. А. Леер создал кафедру стратегии в Академии и оставил капитальный и классический свой труд по этому основному предмету военного искусства. Но подбор профессоров при нем не отвечал тем высоким требованиям, которые Леер ставил самому себе. Другой крупной фигурой являлся только Д. Ф. Масловский, создавший новую кафедру русского военного искусства. Это был фанатик, с головой ушедший в нетронутые до него архивы и на ходу лепивший свой курс. Он так заработался, что надорвался и умер рано, не успев привести его в порядок. Главным и более законченным его напечатанным исследованием является участие Елизаветинской русской армии в Семилетней войне. Масловский имел достойного преемника в лице А. З. Мышлаевского, разработавшего по первоисточникам эпоху Петра Великого, и сына, который оказался яблоком, далеко упавшим от дерева. Этот молодой человек был назначен в память покойного профессора библиотекарем Академии. Но под покровом этой смиренной должности он вел подпольную революционную работу. Когда грянула революция 1917 года, этот Масловский, или Мстиславский по своей подпольной кличке, оказался в первых ее рядах.

Я не застал в Академии отца, но с сыном имел дело и в бытность мою слушателем Академии, и потом ее профессором. Это был неглупый молодой человек, энергичный и ловкий, казавшийся мягким и довольным своей судьбой. Его двуличность, когда она открылась, изумила всех знавших его и многих огорчила.

Как я уже упомянул раньше, пошел я в Академию с большим запозданием, на шестом году службы, когда нормально можно было держать испытание на третьем. Я не жалел об этом. Я успел прожить свою первую молодость и созреть для серьезной работы. Шел я в Академию не для карьеры. Меня толкнуло сознание, что, оставаясь в стороне, я буду умственно топтаться на месте или даже идти назад. Было желание попробовать свои силы на другом поле, открывавшем новый интерес и новые возможности. Больше того: я боялся опуститься.

Взяв себя после такого внутреннего обзора в руки, я усердно и систематично принялся за подготовку. Распределил остававшийся до экзаменов год по месяцам, неделям и часам, переехал из казенной квартиры в Рузовских казармах, где я жил с П. А. Московым* и братом, на

* В 1914–1917 гг. полковник лейб-гвардии Егерского полка. Женат на моей псевдо-кузине Лизе Брант. Умер в Советской России в 20-х гг. — *Прим. авт.*

частную, поселившись с П. П. Гарновским*, и повесил там на стене расписание моих занятий по подготовке в Академию. Переезд на Невский близ Знаменской приближал меня к квартире матери на улице Жуковского, где я мог ежедневно обедать, и отдалял от разорительного офицерского собрания. За год перед этим я был выбран в полку заведующим библиотекой. Это давало мне некоторые привилегии и больше свободы в распоряжении своим временем.

Для математики, которая включала арифметику, алгебру с логарифмами и геометрию, я нанял себе, как уже упомянул выше, репетитора.

На три летних месяца я был, как полагалось по закону, освобожден от лагерей и получил отпуск. В это время мой отец был уже наконец произведен в генерал-майоры и занимал должность начальника Минской местной бригады. Таким образом, я провел свой отпуск в Минске. Занятия мои приняли строгий характер, и я не давал себе никаких послаблений и отступлений от расписания. С другой стороны, я и не пересаливал, держась 8-часового рабочего дня, чего по моему расчету должно было хватить — и даже с запасом. Действительно, мне удалось воспользоваться приглашением родителей моей будущей жены Гильхен, и, сопровождая моего отца, вместе с ним провести в «Абелях», ковенском имении брата госпожи Гильхен, несколько дней. Это был полезный перерыв, примерно посередине моего курса.

Мой рабочий день начинался в 8 часов, до утреннего чая. На свежую голову я решал математические задачи по заранее себе намеченной программе. Постоянное упражнение это привело к тому, что эти задачи и манипуляции с вычислениями перестали быть для меня пугалом. Во мне поселилась уверенность, что я не потеряюсь в этой области и справлюсь с любым заданием.

Все остальные предметы — уставы, история, география — не представляли трудностей. По русскому языку я не готовился вовсе, полагаясь на себя. Немного читал по-французски, знакомство с этим языком у меня к тому времени было удовлетворительным, и, подтягивал себя по немецкому языку; он мне не нравился и упрямо не давался.

Экзамены состоялись в августе и кончились для меня более чем благополучно. Из сотни принятых, при большем в пять раз числе кандидатов, я поступил седьмым.

* В 1900 г. служил в Главном штабе. Одноклассник моего брата по Первому кадетскому корпусу, сидел с ним на одной скамейке. В 1909 г. служил по Министерству иностранных дел — по консульскому отделу. Был где-то в Италии консулом. В эмиграции был в Париже. Видел его в Лондоне в 1921 г. В Париже он одно время жил черным трудом сборщика мусора. — *Прим. авт.*

Предсказание генерала Куропаткина, поддерживавшееся моей теткой Анной Юрьевной, что «из Бобки ничего не выйдет», начинало терпеть поражение.

Начальниками Академии моего времени, после Г. А. Леера, были короткое время, до 1901 года, года моего поступления, грозный и неуравновешенный профессор Н. И. Сухотин, про выходки которого знал весь Петербург; потом — до 1904 года, года моего выпуска, В. Г. Глазов, до того не имевший никакого отношения к военно-научному делу и незадолго перед назначением командовавший лейб-гвардии Московским полком; и, наконец, в 1904 году — преемник Г. А. Леера по кафедре стратегии — Н. П. Михневич.

Н. И. Сухотина я застал только на приемных экзаменах. Он уже получил назначение командующим войсками Сибирского военного округа. Это был строгий, не всегда и не всем приятный человек, но живой и талантливый. За два–три года своего управления Академией он успел ее разбудить от самодовольной спячки, в которую этот питомник «мозга» армии впал при Г. А. Леере. Был обновлен и омоложен учебный состав, введены кое-какие перемены программ и курсов. Между прочим, на выпускном курсе для так называемой «стратегической задачи» был введен прикладной метод, вносивший в нее больше жизни и правдоподобия. Отодвинуты на второй план и сокращены математические предметы, астрономия и геодезия, камень преткновения для многих слушателей, обладавших хорошей, но не математической головой! Сколько таких офицеров «срезалось» в Академии на замысловатых формулах и теориях Солнечной системы, как будто знание их могло когда-нибудь пригодиться офицеру Генерального штаба. Некоторые формулы требовали знания высшей математики, интегрального и дифференциального счисления, что не было включено в приемную программу — и не могло быть, так как эти науки проходились только в специальных военных училищах — артиллерийских и инженерном. Этот нажим на астрономию и высшую геодезию был тем более лишним, что при Академии существовало особое геодезическое отделение, подготавливавшее специалистов съемочного дела.

Постановка этих математических предметов наряду с главными была обязана чистой случайности: одним из первых начальников Академии Генерального штаба, основанной в 1832 году, был астроном, артиллерийский генерал и изобретатель геодезических инструментов — Г. Ф. Стефан (1848–1857). Он, по понятному пристрастию к этим наукам, ввел их в программу в широком размере. Его преемники и конференция профессоров Академии инертно оставляли эту

ненормальность в курсе Академии в том же виде на протяжении пяти десятков лет. Окончательно астрономия была отменена в 1910 году при решительном пересмотре академического курса. Осталась одна геодезия, высшая топография, действительно полезная и нужная для офицера Генерального штаба.

При Сухотине же состоялось переименование «Николаевской академии Генерального штаба» в «Императорскую Николаевскую военную», что расширяло ее цель: не только готовить офицеров Генерального штаба, но и распространять высшее военное образование во всей толще армии. Как раз в год моего поступления была закончена постройка нового здания Академии на Суворовском проспекте. Экзамены мы сдавали еще в старом, на Английской набережной, в темноватых и тесных аудиториях. Но учебный год начался в новом помещении, обширном и светлом, построенном на прекрасном участке земли, со своими надворными постройками, манежем и только что разбитым молодым садом.

Во всем этом была видна энергичная воля и сильная рука Н. И. Сухотина. При Академии появилась и своя церковь — суворовская, перевезенная из села Кончанского*. Эта операция требовала большого искусства архитекторов. Деревянная деревенская церковь была заключена потом в каменный футляр. Неподалеку, на Кирочной улице, был построен Суворовский музей**, где собрали многое еще уцелевшее для увековечения памяти великого русского полководца.

Получился свой академический городок в лучшей части квартала «Песков», как назывался этот городской район.

Творцу этих широких квартир Академии довелось дожить до срамления его детища в 1918 году. Большевики в начале своей разрушительной деятельности как-то забыли об Академии, и в ней по инерции еще мерцала прежняя жизнь. Но в феврале 1918 года им бросился в глаза этот уцелевший островок старого режима, и было решено с ним покончить.

Из Крыма возвращался после совершенного там массового избивания офицеров карательный отряд матросов. Палачам этим отвели для постоя Академию. По ней точно пронесся ураган. Все, что имело ценность, вроде золотого фельдмаршальского жезла Н. А. Милю-

* Церковь Св. Александра Невского была освящена в с. Кончанском в 1779 г., где находилось поместье Суворова. В 1900 г. она была перенесена в Санкт-Петербург. — *Прим. ред.*

** Ныне является государственным мемориальным музеем А. В. Суворова. Основан в 1900 г., открыт в 1904 г. Его создание стало возможным благодаря активному участию императора Николая II, пожертвованиям от военных и общественности. После революции был закрыт, возобновил работу в 1951 г. — *Прим. ред.*

тина и некоторых других вещей музея его имени, было разграблено. Все портреты начальников Академии, профессоров и других деятелей были вынуты из рам и сожжены. Портреты масляными красками, висевшие в конференц-зале, были вырезаны из рам и разрезаны на куски. На этих кусках, разложенных на длинном столе зала вместо скатертей, закусывала наглая и разухабистая матросня, явившаяся в столицу с ореолом севастопольских убийств. На клочке полотна с головой Г. А. Леера валялась краюха белого хлеба, недоступная рядовому населению, и таяло недоеденное масло, кусками прилипшее к холсту.

Погиб хорошего письма портрет во весь рост герцога Евгения Лейхтенбергского.

Как болезненно должен был переживать известия о разгроме Академии Н. И. Сухотин! Но он пережил ее недолго. Осенью того же 1918 года я присутствовал на скромной панихиде у его гроба в частной квартире у Таврического сада, в 15 минутах ходьбы от созданного им академического городка.

Грустно было это отдание последнего долга покойному. Немногие смогли прийти. В их числе, помню, находился Н. П. Михневич, один из преемников Сухотина по возглавлению Академии.

Хоронили и отпевали старое. Ненавистное новое смотрело на нас со стороны своим злобным взглядом, обещая дальнейшее попрание прежних идеалов и традиций.

Во все два с половиной года моего пребывания слушателем Академии начальствовал ею В. Г. Глазов. Лишь весной 1904 года, перед самым выпуском, он был назначен министром народного просвещения, и его сменил Н. П. Михневич.

Глазов был грузный уравновешенный человек. Он ничего не вводил и ничего не выводил. Его нейтральность и добродушное спокойствие были причиной, быть может, его назначения, столь неожиданного для всех и для него самого, министром. Университеты вели себя беспокойно. Перепробовав разные меры и разных по типу министров, обратились к военным. Однако и Глазову эта должность очень скоро стала невмоготу, и он через год отпросился от нее.

Н. П. Михневича мы хорошо знали и ценили как профессора стратегии и руководителя тактических занятий. Печатные труды его не отличались лееровской глубиной и логической отделкой; на них лежал отпечаток компилятивности. Но он умел живо и увлекательно прочесть лекцию, и его слушали с интересом. Рассказывая, Михневич входил в роль изображаемых им персонажей и армий и, подчас, взяв деревянную указку на плечо, как ружье, обозначал между кафедрой и повешенным планом сражения, как именно «маршировал» кор-

пус Альвенслебена под Мецем!.. Живописность и образность лекций Михневича были обязаны, между прочим, тому, что он обладал воображением и вкусом художника: он недурно писал масляными красками. Многочисленные пейзажи, все одного размера, его этюдики, все в одинаковых рамках, сплошь покрывали впоследствии стены приемной начальника Главного штаба, когда Михневич занял эту должность.

Серьезным научным работником и талантливым профессором в 1900–1904 годах являлся А. З. Мышлаевский. Он был преемником фанатика Д. Ф. Масловского по кафедре истории русского военного искусства. Продолжая его традицию архивных изысканий и построения исследований на основе первоисточников, Мышлаевский пересоздал историю эпохи Петра I, превратив схематическое о ней представление в капитальный склад документальных данных, освещенных всесторонней и тонкой критикой. Понятно, что он знал свой предмет глубоко. Обладая счастливым даром слова, чего не хватало его предшественнику, Мышлаевский читал захватывающе. То, что он говорил нам с кафедры, не было стереотипным пересказом устоявшегося учебника; его лекции всегда заключали в себе нечто новое, только что добытое, а речь отличалась силой и изобретательностью. Эти лекции имело смысл записывать, и я, между прочим, составил себе к экзаменам и нарядно отпечатал на машинке весь прочитанный им курс. Мышлаевский считался также способным и живым руководителем практических занятий по тактике и интересным оппонентом на «темах» (самостоятельных письменных работах) последнего курса, так называемого «дополнительного»*.

Мышлаевский совмещал профессуру с удобной для его научных занятий должностью начальника военно-ученого архива, а потом — начальника Главного штаба. На войне, однако, этот успешный в мирное время и умный генерал оказался не на высоте. В первые же дни войны с Турцией, зимою 1914 года, в должности помощника Наместника на Кавказе, престарелого графа Воронцова-Дашкова, Мышлаевский совершенно потерял голову, когда Энвер-паша со своими полчищами обрушился на наш корпус под Сарыкамышом. Если бы управление, выпавшее из рук Мышлаевского, не было подхвачено твердым начальником штаба армии Юденичем, обстановка для нас на Кавказском театре сложилась бы крайне неудачно.

Так, хороший профессор и талантливый военный мыслитель обманул ожидания и лишний раз доказал, что знать и даже творить теорию — одно, а применять ее на практике — другое. Объяснить это

* Название «дополнительный» объясняется тем, что окончание двух первых курсов давало диплом окончания и академический значок на грудь. Но для перевода в Генеральный штаб надо было успешно пройти «дополнительный» курс. — *Прим. ред.*

можно тем, что вплоть до самых высших должностей вся его служба прошла в кабинете. Мышлаевский не получил освежающего волю воспитания, которое дается командованием строевыми частями. Другой военный философ, Г. А. Леер, понимал, что без предварительного строевого, если не боевого, опыта сразу брать на себя начальствование армией нельзя. Когда под конец его ученой карьеры зашла речь о назначении его командующим армией на маневрах Петербургского округа, он отклонил это назначение. «Я теоретик, — сказал он, — это не значит, что я могу командовать войсками». Леера назначили тогда старшим посредником — судьей на эти маневры, и в этой умозрительной профессорской роли он оказался на месте.

Здесь к стати сказать о другом военно-научном работнике и профессоре моего времени, М. В. Алексееве. В наружности у него ничего не было от Марса. Косой, в очках, небольшого роста. В лице что-то монгольское, почему его иногда звали «японцем». Он тоже провел всю свою службу Генерального штаба в кабинете, занимая ответственные должности в Главном управлении Генерального штаба, а в Академии работая по кафедре русского военного искусства. Таким образом, Алексеев был коллегой Мышлаевского и читал курс, относившийся к эпохам Елизаветы и Екатерины II. Лектор он был плохой, привести в законченный вид и напечатать свой курс не имел времени, но практическими занятиями руководил превосходно, а на войне показал себя недоужинным стратегом. Алексеев занимал должность начальника штаба — сначала Юго-Западного фронта и потом — Верховного главнокомандующего, когда в 1915 году таковым стал сам Государь. К сожалению, руководя высшей стратегией, он проявил отсутствие настойчивости в проведении хорошо задуманных операций, вследствие чего, например, Галицийская победа 1914 года принесла не такие решительные результаты, какие эта победа обещала.

Строевой стаж Алексеева относился к его молодым годам. Он пошел в Академию поздно, на десятом году службы, и был участником войны 1877—1878 годов в составе Казанского пехотного полка*. Перед самой войной 1914 года он короткое время командовал 13-м армейским корпусом. Во время революции в Алексееве взяли верх его скромное демократическое происхождение (его отец был из крестьян)** и либеральный, близорукий уклон его политических мыслей, и он не сделал того, что мог по своему положению для спасения Го-

* **64-й пехотный Казанский полк** — образован в 1700 г. В годы русско-турецкой войны участвовал в боях под Плевной и переходе через Балканы. — *Прим. ред.*

** Стоит уточнить, что Василий Алексеев — отец М. В. Алексеева — начал службу фельдфебелем, был участником Севастопольской обороны, дослужился до майора. — *Прим. ред.*

сударя и монархии. Напротив, он дал ей рухнуть. Формирование им затем, в 1918 году, Добровольческой армии и почин Белого похода (с генералом Корниловым) против большевиков не искупают этой его исторической вины перед Россией.

После Мышлаевского и Алексева, как-никак крупных лиц и деятелей, следующим интересным профессором моего времени был Б. М. Колюбакин.

Высокий, худощавый, с пенсне на большом и красноватом носу, с высоким, точно сплюснутым с боков лбом, уходящим в лысину, и с длинными бакенбардами типа сказочного царя Берендея, Колюбакин представлял удобную тему для карикатуриста. С целью скрыть величину своих непропорционально больших и плоских ступней, он носил брюки длиннее положенного, и они спадали широкой складкой на подъем ступни.

Читал он при мне «прикладную тактику» (в отличие от «элементарной», которая была поручена профессору Н. А. Орлову). Впоследствии — историю военного искусства древних и средних веков. Основной его чертой была леность. Он приходил на лекцию с опозданием на 15–20 минут и норовил уйти минут за 10 до конца. В те полчаса, которые ему оставались, он отрывисто «бросал в аудиторию идеи», справляясь с какими-то записками, которые он клал перед собой на стол и на которые время от времени почти ложился лицом, ища своими близорукими глазами нужное место.

Но Колюбакину следовало отдать справедливость — «бросаемые» им идеи носили глубоко продуманный и философский характер, не лишенный свежести после хорошо нам известных и заезженных положений учебников.

Лекторам и профессорам свойственно и простительно иметь так называемые «коньки» в читаемом ими курсе. Курс Колюбакина состоял сплошь из «коньков», и Боже сохрани было обмолвиться и вместо «рода войск» сказать «род оружия». «Родов войск несколько», — недовольно поправлял Колюбакин, раздвигая свои длинные бакенбарды, — «а родов оружия только два: холодное и огнестрельное!»

Сноровистые слушатели составили список колюбакинских коньков в форме катехизиса — вопросов и ответов — и окрестили эти ответы «рыбьими словами». «Одолжи мне, пожалуйста, — говорил один офицер другому, — рыбки слова, у меня экзамен Колюбакина на носу».

Были у Бориса Михайловича и любимцы в ряде военно-исторических примеров. На первом месте стоял Бауцен*, на следующем —

* Сражение при Бауцене состоялось 20–21 мая (по нов. ст.) 1813 г., когда войска Наполеона заставили отойти совместную русско-прусскую армию. — *Прим. ред.*

Прейсиш-Эйлау. Потом к ним, в год столетнего юбилея Отечественной войны, прибавилась эта война — ее стратегия — и Бородинское сражение. Любил он также войну 1877—1878 годов на Малоазиатском театре. В ней он сам участвовал молодым артиллерийским офицером.

Военно-исторический анализ Колюбакина всегда был интересен; в старых примерах он находил нечто новое, другими незамеченное; умел держаться сути, оставляя, таким образом, в представлении и памяти слушателя четкий силуэт операции или сражения. Идейная сторона в его изложении выступала ярко и запоминалась. От слушателей Колюбакин требовал не запоминания фактов и частных деталей, а их понимания и способности главное отделять от второстепенного. Когда один из юрких офицеров, некий С., желая показать свое усердие, спросил Колюбакина, какими карандашами лучше расцвечивать план при решении задачи, тот сердито буркнул ему в ответ: «Это все равно, какой карандаш, лишь бы была идея».

У Колюбакина проступали задатки хорошего лектора, педагога и мыслителя, но природная лень мешала ему развернуться. В очень редких случаях он раскачивался, побуждаемый тем или иным обстоятельством, и выступал с публичным докладом после тщательной подготовки. Тогда он поражал свою аудиторию. Но после такого усилия Колюбакин снова засыпал, и надолго. В результате, комическая слава «рыбьих слов» заслонила настоящую скрытую цену Бориса Михайловича как военного ученого и философа.

Печатные труды его, тоже немногочисленные, отличались тяжелым языком и нагромождением бесполезных вводных предложений и определительных прилагательных. Казалось, что автор боялся быть непонятым и обеспечивал себя с этой стороны исчерпывающим набором определений и оговорок.

Профессорская служба в Академии вполне удовлетворяла Колюбакина, и он никуда оттуда не стремился. Он как бы прирос к Петербургу, к своей полухолостой квартире на Никольской площади (теоретически Борис Михайлович был женат, но никто не видел его жены), к своему большому и неряшливому кабинету, завешанному и заставленному его собраниями картин, рисунков и редких книг. Оставаясь в Академии, Колюбакин дослужился до почетного и пожизненного звания «заслуженного профессора» и до чина генерал-лейтенанта.

Меня лично судьба свела с Борисом Михайловичем в Академии дважды: когда я был слушателем дополнительного курса и когда сам защищал, через шесть лет, профессорскую диссертацию. В обоих случаях Колюбакин был моим оппонентом, и в обоих случаях, благодаря высокой оценке им моих работ, я пожал лавры.

На дополнительном курсе самым страшным испытанием считалась так называемая «третья тема». Она была и последней, и состояла

в решении большой задачи на действия армейского корпуса при обороне и при наступлении. В задаче было три отдела: стратегическо-технический, статистический и административный. По каждому отделу полагался отдельный руководитель — оппонент.

Руководство, впрочем, ограничивалось введением изредка дополнительных заданий по первому, основному, отделу и просмотром работ офицеров. Таким образом, труд их был вполне самостоятелен, требовал больших изысканий по отделу географии и статистики заданного района операции и известного творчества во всех трех отделах.

Триумвират оппонентов обыкновенно имел группу в 6—7 офицеров; для индивидуальных заданий каждому из них выбирался какой-нибудь один театр возможных действий. Колюбакин, как старый кавказец и автор двух книг по войне 1877—1878 годов на этом театре, тяготел к нему; поэтому он всегда оказывался оппонентом кавказско-турецкой партии.

На первые две темы дополнительного курса, по военной истории и по военному искусству, полагалось по 6 недель на каждую. На стратегическую тему — 3 месяца, примерно по месяцу на каждый отдел.

Мне попался район Северного Кавказа — между Ставрополем* и Новороссийской бухтой**. Я с увлечением принялся за изучение этого театра, не похожего, с его горами и разнообразным населением, на другие театры России. Увлечение это отразилось на характере работы и заслужило самую лестную оценку моего оппонента А. К. Байова. В общем его заключении по статистическо-географическому отделу было сказано приблизительно следующее: «Описание так полно и красочно, что кажется, будто автор сам уроженец Кавказа и прожил там всю свою жизнь».

Еще ярче сказались замечания Колюбакина по стратегическому отделу. При первой же критике задач нашей партии, так сказать, на полпути, он оставил меня раз «roug la bonne bouche»***. Раскрыв, наконец, мою рукопись, он заявил, что возражать ему не на что: «У штабс-капитана Геруа все так просто, ясно и вытекает одно из другого. Чтение его работы не представило для меня никакого затруднения».

Я должен был быть благодарен природной ленце Колюбакина!

Рукописи были нам возвращены для детального развития по дополнительным заданиям. В своей я с приятным чувством прочел замечания оппонента на каждом из моих докладов и приказов, вроде «отлично соображено, продумано и приведено в исполнение», «при-

* **Ставрополь** — город в России, основан в 1777 г. — *Прим. ред.*

** **Цемесская** (Новороссийская) **бухта** — незамерзающая бухта, в составе Российской империи с 1829 г. — *Прим. ред.*

*** «На закуску» (*фр.*). — *Прим. ред.*

ведено в исполнение», «стройно, все предусмотрено и взвешено», «превосходно» и т. п. И в общем заключении было написано то, что Колюбакин сказал мне при всей группе на устном разборе.

Репутацию свою у Бориса Михайловича я поддержал и во второй половине работы, а также на заданных в самом конце «летучках», которые мы должны были решать в присутствии оппонента в определенное число часов. На них Колюбакин написал резюме: «Все только подтверждает в высшей степени отличное впечатление о всей работе во всех отношениях». И прибавил: «Немного таких работ читал в Академии».

Гладко, хотя и не столь блестяще, прошел и мой административный отдел, заключающийся в довольно утомительных и сухих расчетах довольствия корпуса всем необходимым, движения поездов и конных транспортов в разные периоды воображаемой операции.

Наступил день устного доклада темы нашей партии. На доклад каждому полагалось всего 10 минут, не больше, но и не меньше. Надо было сжато изложить суть всех заданий и решений. Вообще требование точно справляться с временем строго проводилось в Академии и имело полезное воспитательное значение.

Когда очередь дошла до меня, и, стоя у карты моего района — собственной моей работы, ибо младшего брата у меня не было, — я сделал свой доклад и щелкнул с поклоном, в знак окончания, шпорами, высказались, один за другим, мои критики.

А. К. Байов и затем Колюбакин повторили их лестное мнение о моей работе, причем первый как бы извинялся за несколько сделанных им замечаний. А второй, в заключение и к изумлению присутствовавших офицеров Академии, приподнялся со стула, обозначая вставание, и сказал торжественно:

— От имени кафедры военного искусства приветствую в вашем лице будущего выдающегося военного работника!

После этого неожиданного выступления старшего оппонента, администратору, приглашенному со стороны полковнику Генерального штаба, ничего не оставалось, как присоединиться к хвалебному дуэту и, скользнув по недочетам моей работы, признать ее «все же отличной».

Я получил 12 баллов — высшую отметку — по каждому из трех отделов.

Случалось это в Академии редко и не каждый год.

Это было моим вторым полным баллом за время пребывания в Академии. Первый я получил за русское сочинение при переходе на второй курс. По этому предмету случалось это в Академии тоже не часто. За мою стратегическую тему мне была присуждена денежная премия имени генерала Леонтьева (начальник Академии 1862–1878 го-

дов)*, кажется, 300 рублей. Благодаря этой теме я кончил Академию очень высоко: четвертым по одному списку, пятым — по другому (не помню, зачем было два разных подсчета), с одинаковыми баллами в среднем. Всего нас на курсе оставалось человек 70.

Интересно, что в этих списках по старшинству баллов я, как и в Пажевском корпусе, оказался рядом с Шуберским, с которым когда-то составлял камер-пажевскую пару при молодой Императрице.

Встретились мы с ним потом и на службе в гвардии.

Мои бумажные ученические победы на Кавказе привели к тому, что, когда я сам стал оппонировать на темах, мне дали для задач Кавказско-Малоазиатский фронт. А. К. Байов был тогда правителем дел Академии и, вспомнив мою премированную тему, счел меня кандидатом в специалисты по этому театру. Это заставило меня снова обратиться к его изучению, хотя бы и попутному, за недостатком времени. Хотелось когда-нибудь иметь случай перейти от теоретического знакомства с нашим интересным и красочным Кавказом к личному и живому. Думалось даже — возьму какое-нибудь назначение в Кавказский округ, например, командиром полка. Но судьба повернула все так, что мне не пришлось побывать там вовсе; не придется и в коротком моем будущем. Об этом я очень сожалею.

Из других профессоров военных наук в 1901–1904 годах нельзя обойти молчанием знаменитую пару, П. А. Гейсмана и В. И. Баскакова. Первый читал курс военного искусства древних греков и римлян и Западной Европы до XVII века. Второй — Наполеона.

Гейсман написал и отпечатал по своему курсу компилятивный и бездарнейший учебник, служивший офицерам официальным руководством. Можно и должно было ожидать, что сухость и мертвенность этого учебника будут сдобрены и оживлены профессором на лекциях. Но нет. Гейсман приносил с собой пачку грязных и захватанных листов, очевидно, из рукописи, по которой была напечатана его книга, и без малейшего смущения читал вслух, слово в слово, текст учебника. Бывали случаи, что он перепутывал листы, и тогда сбивался, и беспомощно рылся в своей пачке, стоя у карты и вызывая улыбки слушателей. Впрочем, слушать было нечего и тем более записывать.

И тем не менее, этот никуда не годный лектор и автор-схоластик, пригибавший факты к своим пунктикам и даже к математическим формулам, поражал своими познаниями, эрудицией и меткой критикой при публичном разборе тем офицеров.

В. И. Баскаков, прежде всего, обращал на себя внимание наружностью. В противоположность Гейсману, всегда неряшливо одетому, в коротких брюках при непомерно длинных штрипках, Баскаков,

* От Леонтьева принял Академию М. И. Драгомиров. — *Прим. авт.*

с оригинальным именем Вениамина, наряжался тщательно, стараясь быть оригинальным и в другом. Он носил черный сюртук (не темно-зеленый), на котором особенно выделялся белый аксельбант, завязанный неуставным «австрийским» узлом. Руки в белых перчатках, мертвенно-бледное курносое лицо с черными усами, острой бородкой, волосами щеточкой на голове и дымчатое пенсне под щетинистыми бровями, завершали этот стиль «blanc et noir». Быть может, тут сказывалось то, что Баскаков был старообрядец — член пуританской русской секты. Офицеры сочинили анекдот, что в своем доме на Николаевской улице — Баскаков имел средства и собственный дом — у него один кабинет был черный, и в нем хозяин сидел одетый в белое, а другой — светлый, и для него он одевался в черное.

Отличался он от Гейсмана и тем, что не приносил с собою на лекции никаких рукописей или записок и явно рисовался тем, что мог говорить 50 минут, как заведенная машина, без перерыва и не заглядывая ни в какие конспекты. Но и голос его, хриплый, низкий, неприятный, и монотонность речи были машинными, наводя уныние на аудиторию.

Сходство с Гейсманом было в одном: Баскакова тоже не имело смысла слушать. За сиплой формой его жужжания не скрывалось никакой сущности, которая могла бы осветить имевшиеся руководства.

Зато он сыпал цифрами, размерами, датами, мелочными описаниями мундиров, штанов, штиблет каких-нибудь французских вольтижеров, щеголяя своей памятью и засоряя содержание лекции, и без того построенной дурно, по-казенному.

Руководя практическими занятиями по тактике, Баскаков заставлял офицеров работой, исходя из своего убеждения, что в основе службы Генерального штаба должна лежать двуужильность его личного состава.

Это испытание выпало и на мою долю, когда при переходе со второго курса на третий на полевых тактических поездках я был в числе 8 офицеров назначен в партию Баскакова. Мы все знали, что нас ожидает, и содрогнулись. Район нам был отведен вокруг Царского Села, в котором мы и поместились. Работа заключалась в том, чтобы, получив наши индивидуальные задания, выехать верхом на указанный в нем участок местности и решить задачу за начальника дивизии или командира корпуса; в дополнение к имевшейся карте надо было попутно произвести летучие съемки нужных участков и составить приказания, которые были бы отданы в данном случае. По возвращении на нашу временную квартиру после дня, проведенного в поле и на коне, оставалось еще привести весь материал в порядок, четко вычертить кроки, ясно и даже нарядно переписать воображаемые распоряжения старшего начальника и некоторых других. На другой день рано утром

приезжал руководитель и отправлялся со всей партией на поверку наших решений. Она состояла в обзоре участков задач и в критическом разборе на месте. Эти поездки продолжались в таком порядке в течение недель трех.

Нарочито большой объем Баскаковских заданий превышал наши возможности справиться со временем и вместе с тем исполнить работу добросовестно. Поневоле приходилось пользоваться, главным образом, картой, и вместо настоящих кроки деталей местности, что должно было составлять центр тяжести упражнений, довольствоваться более или менее изобретательным увеличением и развитием нашей «верстовки» (карты в масштабе одной версты в дециметре). И при таком упражнении мы возвращались с поля гораздо позже своих товарищей, находившихся в других партиях, и заканчивали свои переписку и черчение уже ночью. После короткого сна надо было снова садиться на лошадь и провести в седле часов 9–10.

Помню, у меня была одна задача, для решения которой мне нужно было объехать в один день по крайней мере 40 верст. Это не было слишком много для простого кавалерийского перехода, но при необходимости еще останавливаться, соображать и чертить представлялось невыполнимым. Должна была выручать все та же многострадальная карта!

В последний день решались «летучие задачи». Предполагалась имитация коротких разведок в поле, на какие могут быть поручены офицеру Генерального штаба в бою, на походе, вообще в разных условиях тактической обстановки. Баскаков и задал нам короткие на этот раз задания, но число их было вдвое больше, чем в других партиях, а время — один день — то же самое. В результате снова должна была быть применена изобретенная нами техника решения задач, при которой офицеры воспитывались в духе того, что называлось в строю «очковтирательством».

Руководитель не мог не отдавать себе отчета в том, что в наших упражнениях был обман в той или иной пропорции, и этим соответственно уменьшалась их польза. Но Баскаков нес эту нашу полуподделку дальше, на горделивый показ начальству: смотрите на горы этих рукописей, планов, кроки! Вот как, в пример другим, работает партия полковника Баскакова!

Партия выглядела похудевшей, сиденья и спины наши побаливали, но экзамен двужилности она выдержала. Получили мы и хорошие баллы.

Но бедный конский состав, назначенные нам от академического полуэскадрона лошади, не имели и этого утешения. Они были так заезжены, что отказывались от корма, и командир полуэскадрона пришел в ужас от их подтянутых в конце поездок тел. Он донес об этом

старшему руководителю генералу Колюбакину, и тот подал соответствующий рапорт начальнику Академии.

На следующий год летом не удалось, однако, наблюдать за ведением полевых занятий В. И. Баскаковым. Он поехал на японскую войну. Там, в роли начальника штаба казачьей дивизии, он отличился главным образом тем, что носил в маньчжурскую летнюю жару белый шлем, принятый в английских колониях.

Об участии Баскакова в Великой мировой войне 1914–1917 годов ничего не было слышно. Но он оказался жив и здоров, несмотря на свои преклонные тогда годы, в эмиграции. В 1929 году мне случилось встретиться с ним в Белграде*.

П. А. Гейсман во время большой войны командовал корпусом, но выше не поднялся, по крайней мере — на боевом фронте, и даже, если не ошибаюсь, побывал в «резерве чинов», этом печальном складе неудачных старших начальников времени войны.

На второй моей теме дополнительного курса («Действия артиллерии под Горным Дубняком и Телишем 12–16 октября 1877 года») моими оппонентами были оба эти профессора, Гейсман и Баскаков. Офицеры вообще не радовались, когда попадали к этой паре, считая, что и одного из них было бы достаточно в качестве дурного предзнаменования.

Но моя тема прошла более чем благополучно. Заключение было «отлично», после чего я ожидал 12 баллов, но получил 11. Однако сказал себе с облегчением: «Пронесло!»

Темы мои поднимались вверх хронологически. За первую, военно-историческую, мне досталось 10,5 баллов. Я считал эту оценку недостаточной, так как для моего исследования кампании 1787 года второй екатерининской турецкой войны я, за недостатком печатных источников, обратился к архивам Главного штаба. В результате, мое освещение стратегии Румянцева в начале этой войны являлось первым и выходило за пределы компилятивной ученической работы. Беда заключалась в том, что мои оппоненты, Мышлаевский и Алексеев, сами были незнакомы с этой частью кампании и, скользнув по ней, как лишенной ярких мест, судили меня только за изобретенную историками суворовскую Кинбурнскую операцию. Между тем, документальная разработка бледной по отсутствию событий части кампании давала лучший случай, думал я, для критики способностей офицера разобраться в историческом материале и превращать сырье в законченное произведение.

* **Белград** — столица Сербии. В межвоенный период — один из центров русской эмиграции. — *Прим. ред.*

Став сам профессором, я все собирался вернуться к этой теме, и, углубив ее, напечатать свой этюд о стратегии Румянцева в закатные дни старика-фельдмаршала.

Война и революция помешали этому.

Характерной частью академической учебной программы были топографические съемки. Производились они оба раза при переходе на следующий курс летом и занимали по два месяца. В первый год делали точную инструментальную съемку, вооружившись арсеналом алидад, теодолитов, реек и т. п. и манипулируя ими на и вокруг треноги с планшетом. Надо было сначала сделать триангуляцию участка, то есть нанести основную сетку по странам света и местным предметам. Затем вычертить данный район во всех подробностях и рельеф — в горизонталях. Между последними, в заключение, положить «штрихи», что придавало плану впечатление выпуклости. Искусство это носило у офицеров название «штрихоблудия» и для многих представляло изрядный камень преткновения. Требовались и твердая рука, и верный глаз, и неисчерпаемое терпение. После всего этого план, вычерченный черною тушью и пером, раскрашивался водяными красками. В этом выигрывал тот, кто хорошо владел кистью.

Вторая съемка первого года была глазомерная. Она требовала, кроме носимой в руках папки, только компас, дюймовую линейку и карандаш.

Второе место посвящалось полуинструментальной съемке, самое название которой показывает, что она представляла середину между астрономически точной съемкой и беглой глазомерной. Эта последняя еще раз производилась и на старшем курсе.

Проверять съемки приезжали руководители. Их на каждую партию было двое, и они обыкновенно путешествовали в тележке или легкой местной бричке, куда сажали и проверяемых. Судили строго, и сделать работу спустя рукава и наспех значило получить низкую отметку.

Эти месяцы жизни где-нибудь в деревне, часто далеко от Петербурга (были, например, районы в Псковской губернии), пребывание целыми днями в поле, на свежем воздухе, непрерывный моцион, молоко и яйца в уютном изобилии и вообще импровизированная деревенская еда были полезны и как нельзя лучше способствовали укреплению здоровья офицеров. Большинство нуждалось в этом после напряженной и сидячей работы во время подготовки к экзаменам. Жили маленькими дружными группами, вполне самостоятельно и приятно, в сельских условиях и избах, среди природы, часто очень живописной.

Первый опыт пейзажа маслом я написал во время одной из академических съемок.

Загорелые, пополневшие и бодрые возвращались мы после летних занятий в Академию, чтобы зимой постепенно растратить этот запас здоровья, который набрали летом.

Главными пружинами съёмочного дела, столь широко и основательно поставленного, были в мое время профессора Шарнгорст, фон Штубендорф и Витковский. За ними шел знаменитый Зейфарт — великий инквизитор «штрихоблудия». Все эти лица имели генеральский чин, причем маститый старик А. А. Зейфарт, в конце концов генерал-лейтенант, заработал этот высокий ранг всецело одними штрихами. Всю свою жизнь после выхода в Генеральный штаб он состоял преподавателем черчения в Академии. Это был маленький человек с длинной апостольской седой бородой почти до пояса, лысый и в очках. В этой фигуре не было ничего военного*. В России, заметил кто-то из иностранцев, слишком много генералов. Это было верно в том отношении, что в военном ведомстве существовали должности больше чем нестроевые — совершенно штатские, на которых можно было «досидеться» до генеральского чина. Так терпеливо досиделся до него, не выходя из Академии, пожизненный апостол черчения Зейфарт. В области съёмки и штрихов он священнодействовал. Но, кроме того, он и рисовал недурно, хоть его рисунки пером и акварелью и носили замученный, скорее чертежный характер. Представить себе Академию без этого старика было так же трудно, как Пажеский корпус без Кирилла Ивановича Вавенко.

Из трех профессоров-астрономов живым человеком был только более молодой Витковский. Он, между прочим, издал превосходно и популярно написанную книжку о своем путешествии по Европе и Америке. Книга эта имела заслуженный успех. Шарнгорст и Штубендорф казались далекими небожителями, спускавшимися с облаков лишь для того, чтобы «провалить» известный постоянный процент офицеров, не ладивших с математикой и планетами.

Срезался у Шарнгорста и я при переходе со второго курса на дополнительный и спасся лишь тем, что балл за астрономию складывался с баллом за геодезию (высшую топографию). Крах этот произошел по моей собственной вине. Я имел неосторожность отступить от правила, которого всегда держался на экзаменах: не заниматься по ночам и в особенности накануне экзамена. Желая еще раз проникнуться, так сказать, наверняка проблемами планетной системы, я просидел полночи и даже больше над разбором чудесной теории, по которой к настоящему солнцу щедро добавлялось, ради его торжества, еще два воображаемых солнца, и все три производили математический менуэт в беспредельных небесных пространствах.

* Начал он службу в лейб-гвардии Егерском полку. — *Прим. авт.*

На утро, будучи вызван к доске и получив свой билет, хороший, как я думал, знакомый, я вдруг почувствовал, что ничего не помню! В голове совершенно пусто! Шарнгорст начинает спрашивать. Мне предлагают присесть и выпить стакан воды. Выхожу снова, и снова та же история. Говорят: «Садитесь, довольно». С ужасом понял, что не выдержал экзамена...

Оставалась надежда на второй билет по геодезии, отвечать по которому я должен был после перерыва и завтрака. Завтрак меня совершенно подправил, кровь снова прилила к мозгу, умственная усталость от плохой ночи исчезла. Ответил я Витковскому бодро и гладко. Присутствовавший на экзамене академический штаб-офицер, или, как их шутя называли, «классная дама», поймав меня потом в коридоре, успокоил: «Все благополучно, не тревожьтесь».

Действительно, шестерка от Шарнгорста (неудовлетворительная отметка) и одиннадцать от Витковского дали в среднем сносное и пропускное 8,5. Дал себе слово никогда более не повторять сделанной ошибки: лишать себя сна накануне испытания. Старался даже не работать последний день перед экзаменом, чтобы явиться на него отдохнувшим и свежим.

Офицеры, имевшие в окончательном среднем за военные науки 10 баллов и больше, получали свидетельство на право преподавания этих наук в военных училищах. Заработал я это право по всем военным предметам, кроме топографии. Но и не сокрушался об этом. Пройти Академию было нелегко. Требовались не только усердие и известный запас способностей, но и прочное здоровье. Не давалось никаких послаблений. Заболеть в Академии было страшнее, чем попасть к строгому или взбалмошному профессору на экзамены или практические занятия. Запущенные по болезни работы надо было сдать по выздоровлении во что бы то ни стало. Выйти из Академии по болезни на время и вернуться на прежний курс было нельзя. Надо было начинать сызнова, с самого начала и держать вступительные экзамены. Тот, кто имел несчастье часто заболеть, превращался в неоплатного должника и падал под бременем своих нараставших схоластических долгов.

С другой стороны, и здоровому нужно было так пользоваться своим временем, чтобы не надорваться и оставаться свежим. На моем курсе симпатичный драгун В., боясь за участь своей третьей темы, работал над ней день и ночь. У него начались головные боли. Он клал на лоб ледяные компрессы и продолжал сочинять диспозиции, доклады и делать всевозможные вычисления. Предупреждения друзей не помогали. Кончилось это печально, внезапной смертью труженика.

Наш выпуск 1904 года из Академии называли «японским». Шла война в далекой Маньчжурии с японцами, и было вызвано из выпуска 30

желающих ехать на театр войны в качестве причисленных к Генеральному штабу. Желающими оказались все, почему назначены были первые 30 по старшинству баллов.

Последний экзамен, экзамен верховой езды — был и такой — я держал 27 апреля. Эту дату помню очень хорошо потому, что на другой день я женился. Вскоре были вывешены списки окончивших по старшинству отметок. Я был в первом десятке! Началась подготовка к отъезду в Маньчжурию.

В ГЕНЕРАЛЬНОМ ШТАБЕ

Служить в Генеральном штабе считалось в армии завидной долей. Действительно, офицер, благополучно взявший все академические барьеры и зачисленный в Генеральный штаб, попадал в верную служебную колею с ускоренным и регулярным производством и на лестницу назначений, приводивших его к заветному генеральству в кратчайший срок. Затем перед ним автоматически открывались должности начальника дивизии и командира корпуса. Наиболее выдающиеся, а иногда наиболее удачливые получали более редкие назначения вроде начальников штабов военных округов (которых было всего 13) или поднимались до командования этими округами и генерал-губернаторства.

Отлично аттестованный строевой офицер, но без этого диплома, раз и навсегда обеспечивавшего служебное движение вверх, до высших ступеней, заметно отставал от своего ученого собрата, даже если этот собрат не прилагал особых усилий, чтобы отличиться.

Случись война, разница могла быть сглажена. Однако с наступлением мирного времени Генеральный штаб снова опережал сверстников.

Была открыта дорога для офицеров Генерального штаба и вне военного ведомства. Сплошь и рядом они назначались на военно-административные должности в других министерствах, например — губернаторами по министерству внутренних дел. При этом они не снимали своего мундира Генерального штаба и продолжали оставаться на учете военного министерства. Губернатор мог получить потом дивизию или корпус (граф Келлер).

Для всех этих преимуществ были основания: горнило Академии обеспечивало в значительной степени наличие способностей, образования и, в еще большей степени, умения работать. С другой стороны, преимущества службы в корпусе Генерального штаба привлекали к конкурсу выдающихся офицеров, самолюбивых, способных и энергичных.

Но в автоматическое выдвижение их после выхода в Генеральный штаб следовало бы внести поправки, чтобы сблизить их со строем и заставить каждого офицера Генерального штаба следить за собой, чтобы не отстать в военном деле и не оказаться, как это случалось у нас очень часто, позади своего академического патента.

Такие поправки и проверки существовали в корпусе Генерального штаба в Германии и Франции. Как привилегии, так и особый мундир, кстати, довольно эффектный (черный бархат, серебро, аксельбанты), создавали из русского Генерального штаба касту, крепко стоявшую за сохранение своих привилегий. Поэтому проведение даже умеренного закона, грозившего обособленному положению этого корпуса ученых офицеров, было чрезвычайно трудно; тем труднее, что все должности, с высот которых должна была исходить инициатива такого закона, были заняты неизменно представителями этой касты-недотроги.

В строю не любили офицеров Генерального штаба. Помимо ревности, вызываемой быстротой и блеском их карьеры, в толще армии сравнивали этих «счастливец» с учеными офицерами в других специальностях, например — в артиллерии и в инженерных войсках. Преимущества у этих академиков тоже были, но умереннее, и ученые артиллеристы и военные инженеры не бросались в глаза как каста.

В этой неприязни к Генеральному штабу, ведшей к отчуждению от него строя, серьезную роль играло наличие в среде первого заносчивых людей, считавших себя после получения значка и аксельбантов непогрешимыми. Я помню слова одного капитана, только что надевшего желанный мундир: «Как приятно сознавать, что не скажешь глупости!»

Офицеры этого типа держали себя самоуверенно, высокомерно и наставительно даже со старшими строевыми начальниками, а с младшей братией обращались небрежно, бестактно и даже грубо.

Тип этот получил кличку «моментов». Существовала легенда, что молодой офицер Генерального штаба на маневрах доложил лихо своему начальнику, что «пора поймать момент», и поскакал, чтобы передать нужное приказание. Но тут же, попав на кочку, свалился с лошади или, как у нас говорили кавалеристы, «закопал редьку».

— Вот и поймал момент, — будто бы сказал начальник.

Существуй у нас меч усекновения для всезнаек и нахалов, а также будь офицеры Генерального штаба не одной, а обеими ногами в строю, ненавидные строевикам «моменты», вероятно, вывелись бы сами собой.

В военной литературе 90-х годов много спорили о том, сколько лет или месяцев офицер Генерального штаба должен прослужить в строю, командуя ротой, эскадроном или батальоном, и сколько у офицера должно остаться времени для штабной службы.

Эта последняя протекала нормально, до получения полка, в штабах дивизий и корпуса, для меньшинства — могла быть в штабе округа. Только это меньшинство делало настоящую работу Генерального штаба. Ближе к ней был начальник штаба дивизии — полковник, ожидавший затем назначения командиром полка. Научиться на «текущей» переписке, как водить войска, хотя бы мелкие, было трудно. Даже летом, в лагере, когда шло полевое обучение войск, капитан Генерального штаба корпел за своим письменным столом в штабе, составляя какие-нибудь «срочные» ведомости и донесения или ответы на пустяковые будничные запросы. Со всем этим мог справиться любой штабной офицер без высшего образования. А между тем, несколько лет такого бумажного опыта постепенно превращали офицера, который готовился принадлежать к «мозгу армии», в рядового канцеляриста. Знания утрачивались, ум обращался к мелочам, к форме и казуистике.

Очевидно, тут надо было говорить не о продолжительности таких командований, а о коренном пересмотре круга обязанностей младших должностей Генерального штаба. Несомненно, многие из них нужно было просто упразднить, поставив молодежь подальше от бумаги, поближе к жизни, и в такое положение, при котором она могла бы быть непрерывно полезной войскам, а также совершенствоваться в службе «колонновожатых», как образно именовались офицеры русского Генерального штаба в начале XIX века.

Вопрос этот был практически и лучше разрешен в армиях Западной Европы.

На старших должностях в русском Генеральном штабе было возможно совершенно избежать строя. Не переводились примеры, в которых генералы достигали высших административных, ответственных постов, имея за собой какие-нибудь полтора года командования в строю только ротой и батальоном. Ни рыхлый Н. Н. Янушкевич, начальник Генерального штаба, ни сухой педант М. А. Беляев, начальник отдела по устройству войск, потом военный министр*, не командовали ни полком, ни бригадой, ни дивизией. Они успели за время своей почти непрерывной канцелярской службы после академической школьной скамьи совершенно потерять пульс войсковой жизни.

Лица эти и им подобные умели стоять близко к петербургскому «солнцу» и составить себе репутацию «незаменимых» администраторов. Принципа незаменимости на военной службе существовать не должно. В особенности на нестроевых должностях. Скорее, он понятен в строю, где смена даровитого, вдохновенного начальника, владе-

* Оба были убиты большевиками в 1917 г. — *Прим. авт.*

ющего массой, подчас бывает досадна и вызывает неблагоприятные сравнения с преемником. Эти условия чисто психологического характера отсутствуют в канцеляриях. На место одного бумажного организатора всегда можно найти другого.

К числу захваченных Генеральным штабом должностей у самого «солнца» принадлежал, например, пост начальника канцелярии военного министерства, через которую проводились военные законопроект, а также помощника начальника канцелярии. Посты эти когда-то занимались чиновниками-кодификаторами с юридическим образованием. В руках Генерального штаба они превратились в источник власти и личного влияния. В мое время должности начальника канцелярии занимали: ловкий карьерист Н. А. Данилов (в то время профессор военного искусства в Академии), приятный во всех отношениях Н. Н. Янушкевич (тоже профессор в Академии по кафедре администрации), наконец, мой знакомый по службе в Киеве А. С. Лукомский (креатура военного министра В. А. Сухомлинова).

Недостатки организации службы Генерального штаба в России были легко устранимы, найдись только разумный и смелый реформатор, но корпус офицеров Генерального штаба устоял, взяв его в целом, на должной высоте. Благодаря своему интеллекту, образованию и умению работать, он представлял собою большую полезную силу не только в армии, но и вообще в России. Доказывалось это спросом на офицеров Генерального штаба во всех областях государственной и военной деятельности. За время существования этого ученого корпуса, считая со времени учреждения Академии, то есть с 1832 года, он выдвинул из своей среды длинный и непрерывный ряд выдающихся боевых начальников, блестящих администраторов и военных ученых.

В войсковом быту ценность офицера Генерального штаба сказывалась немедленно во время серьезных испытаний и на войне. Жаловались, если их не хватало, и цеплялись за них именно те военные недоросли и невежды, которые в спокойные времена относились к ним особенно критически и насмешливо.

Что касается до неприятного, заносчивого типа штабного офицера, то тип этот хорошо известен и в других армиях. Судить по досадным исключениям этого рода обо всей корпорации было бы несправедливо.

Офицеры русского Генерального штаба могли с основанием считать честью принадлежать к этому корпусу, и в генеральских чинах, начиная с должности начальника дивизии, иметь пожизненное право на ношение мундира Генерального штаба.

ЯПОНСКАЯ ВОЙНА

Поехав сразу по окончании Академии на войну в далекую Маньчжурию, мы, офицеры, причисленные к Генеральному штабу, осели вначале в Мукдене при штабе наместника Дальнего Востока. Это было в июле 1904 года. К этому времени роль наместника, который должен был объединять действия сухопутной армии Куропаткина, флота и крепости Порт-Артур*, окончилась. Крепость и флот были отрезаны японцами от полевой Маньчжурской армии. Над одной этой армией получалось два командира. Владивосток**, будучи на отлете, не играл роли. Назревала операция к югу от Ляояна***, где был штаб Куропаткина. Наместник — адмирал Алексеев — ждал со дня на день разрешения Государя покинуть театр военных действий, предоставив их ведение «единому полководцу».

Вскоре после нашего приезда в Мукден**** нас решили распределить по разным штабам и предложили тянуть жребий. Большинству хотелось попасть в действующую армию к Куропаткину. К моему ужасу, я вытянул билетик «Владивосток», мертвый угол театра войны в русском Приамурье и оперативное захолустье, где можно было просидеть годы, не услышав свиста снаряда. Но тут, на мою удачу, нашелся охотник поменять жребием. Ему попался «Мукден». Таким образом я остался в Маньчжурии и мог, со временем, рассчитывать из пассивного зрителя событий превратиться в участника их.

Мой отец распек меня за эту добровольность, написав: «Не следует испытывать судьбу, и нужно помнить мудрое правило — от службы не отказывайся, на службу не напрашивайся».

Наступил август. Загорелись Ляоянские бои. С горячим интересом мы следили за их развитием и выходили встречать санитарные поезда, привозившие раненых на север. В одном из таких поездов я встретил товарища по Первому кадетскому корпусу Христофора Бойе, потом семеновца, пошедшего добровольно воевать в рядах сибирских стрел-

* **Крепость Порт-Артур** — находится на Ляодунском полуострове. С 1898 г. на 25 лет была взята в аренду Россией у китайского правительства. В годы Русско-японской войны героическая оборона гарнизона Порт-Артура длилась с 17 июля по 23 декабря 1904 г. — *Прим. ред.*

** **Владивосток** — российский город и порт, основанный в 1860 г. — *Прим. ред.*

*** **Сражение под Ляояном** — одно из крупнейших в годы Русско-японской войны, состоялось 24 августа — 3 сентября 1904 г. Окончилось поражением русской армии. — *Прим. ред.*

**** **Мукден (Шэньян)** — один из крупнейших городов северо-востока Китая. — *Прим. ред.*

ков. Он был ранен осколком шрапнели в бою под Хайченом. Тяжелая рана требовала остановки Бойе в Мукдене. Его выгрузили и вручную, на носилках, понесли в госпиталь. Во всех этих хлопотах я принял участие и проводил раненого до самого госпиталя. Надо было пройти по плохой, ухабистой дороге версты две от станции. Неловкие санитары умудрились по пути опрокинуть носилки и вывалить из них несчастного Бойе! Но зато госпиталь, устроенный в стильном загородном доме зажиточного китайца, оказался превосходным. Вокруг стояла тропическая жара, а внутри и на дворе, где между двумя каменными плитами цвели яркие непахнущие цветы, напоминающие китайские вышивки, была прохлада. Снежная белизна халатов сестер милосердия, кроватей и строгой больничной мебели помогли этому впечатлению. Бойе попал в хорошие руки и, как я слышал потом, стал быстро поправляться.

17-го, в день полкового праздника родного лейб-гвардии Егерского полка, форму которого я еще продолжал носить, артиллерийский огонь под Ляояном достиг такой силы, что канонада была отлично слышна в Мукдене, за 60 верст. Стояла обычная жара, но сотрясение небес привело к грозе, которая освежила. Сведения с боевой линии были тоже освежающие: все атаки японцев отбиты, и, вероятно, перейдем завтра в наступление. Все говорило о большом сражении, которое должно было решиться в нашу пользу и решить участь войны. На юг, в поездах, проследовала 54-я пехотная дивизия, которой командовал бывший профессор Академии генерал Н. А. Орлов. Мы думали: вот резерв, вот дополнительные свежие батальоны на весы боевого счастья.

Но прошло 18 и 19 августа — бой все еще шел, и решения не было. Стало известно, что Куропаткин отвел армию на линию ляоянских фортов, полукольцом защищавших город Ляоян и мосты через реку Тайцзыхе. Это сокращало длину позиций и позволяло освободить значительные силы для контрманевра против одного из флангов атакующих японцев. Мукденская молодежь Генерального штаба, узнав об этом плане, восторгалась и говорила: «Наконец-то! Так поступил бы Наполеон». Недавно с академической скамьи, мы хорошо помнили исторические примеры. Говорили также: план этот не Куропаткина, а Сахарова, его способного начальника штаба.

Через Мукден проходили непрерывной чередой санитарные поезда с ранеными. Они выказывали чрезвычайный подъем духа. «Наложили японцу, — уверяли стрелки, — не отделается дешево». Рассказывали чудеса, которые делала наша артиллерия. Она подучилась. Урок Тюренчена* не прошел даром. Раненые были уверены в близкой победе.

* **Тюренчен** (в китайской транскрипции Цзюляньчэн) — пограничный город на р. Ялу. В настоящее время район Чжэньань городского округа Дандун. — *Прим. ред.*

20-го в Мукдене узнали, что Куропаткин перевел свои вновь обретенные резервы или, как было принято говорить, свой ударный кулак на северный берег реки Тайцзыхе и собрал корпуса два уступом на левом фланге. Оттуда, ожидали все, этот кулак тяжело опустится на охватывающие нас слева части армии Куроки.

Велико было общее разочарование, когда на следующее утро дошла весть об общем отступлении Куропаткина и оставлении им Ляояна.

Впоследствии, когда открылись и японские карты, стало известно, что не менее велико в тот августовский день было изумление нашего противника, начинавшего считать себя побежденным. Но его изумление было радостным: Куроки, вместо готовившегося приказа отойти снова на южный берег реки Тайцзыхе после неудавшегося охвата и выхода в тыл нашего левого фланга, теперь мог отдать приказ о преследовании!..

В провале «наполеоновского» маневра искали виновных. Куропаткин в своем решении отступить сослался на неустойку войск, выделенных им для парализования обхода Куроки, назвав ее «печальной».

Больше всего досталось репутации той 54-й пехотной дивизии, эшелоны которой мы так недавно и с такими надеждами провожали с мукденской станции на юг. Необстрелянных и немолодых резервистов этой дивизии прямо из поездов направили от станции Янтай для контратаки обходивших японцев в лес гаоляна*; здесь наши пензенские бородачи, дети открытых полей и широкого обзора, совершенно потерялись и дрогнули при первых японских шрапнелях. Дивизия рассеялась и с трудом собралась позже к Янтаю. Любители острого словца, зацепившись за фамилию начальника дивизии Орлова, пустили в ход для незадачливой дивизии кличку «Орловских рысаков»**.

Неустойки в войсках были, но они могли быть также и у японцев. Главная неустойка этой операции, так красиво для нас развивавшейся, заключалась в характере полководца. Там, где требовались железная воля и настойчивость, уметь бороться с препятствиями и поднимать дух войск, Куропаткин неизменно сдавал. Лично храбрый, он не заразился этими необходимыми качествами боевого вождя от своего учителя Скобелева, молодым начальником штаба которого был в войне 1877—1878 годов, свыше четверти века тому назад!

Первое сражение войны на реке Ялу, на корейской границе, в котором мы применяли устарелую тактику открытых артиллерийских позиций. — *Прим. авт.*

* Злак, достигающий к концу лета высоты, закрывающей всадника. — *Прим. авт.*

** По имени знаменитых конюшен Орловской губернии, выводивших быстходные породы упряжных лошадей. — *Прим. авт.*

Маньчжурская армия отступила на позиции между Ляояном и Мукденом в полосе между реками Хуньхе и Шахэ. Штаб Куропаткина перешел в Мукден. Наместник со своим штабом уступил ему место и уехал в Петербург.

Японцы удовлетворились, после месяца жестоких боев, занятием Ляояна и очищенной нами территорией к северу от него. Наступила подготовка к новому бою.

Для праздной мукденской группы причисленных к штабу академистов наступила, наконец, возможность принять участие в общей работе. Мы оказались автоматически включенными в штаб армии Куропаткина. Армия нуждалась в топографрах: за время русской оккупации Маньчжурии с 1901 года мы успели сделать подробные топографические съемки южной ее части, от южного берега до ляоянского района, и издать отличные карты в верстовом масштабе. Но для местности, на которой предстояло действовать после боя под Ляояном, не было ничего, кроме схематических карт маршрутного характера, с огромными белыми пустырями между нанесенными главными дорогами.

Надо было спешно, хотя бы тоже схематично, заполнить эти слепые места и, во всяком случае, нанести дополнительные пути в районе будущих операций к югу от реки Хуньхэ. К этим съемкам нас и привлекли.

Чтобы решить, кому из офицеров дать тот или другой маршрут, снова прибегли к жребию. Некоторые съемки предстояли в полосе, где можно было встретиться с японскими разъездами. Я вытянул именно такой маршрут, и потому в мое распоряжение был назначен довольно сильный разъезд от одного из Забайкальских казачьих полков.

Путь наш пролегал в восточной, гористой части театра военных действий, к югу от реки Хуньхе. Из Мукдена нужно было сначала выдвинуться сильно на восток, вверх по течению этой реки, примерно до села Киузань (получившего известность во время Мукденского сражения в конце февраля 1905 года). Оттуда круто спуститься на юг и нанести на белом месте карты пути, идущие в район села Баньяпуза, к югу от реки Шахе. Здесь остановился в конце августа 1904 года крайний правый фланг японцев после занятия Ляояна и выдвижения на север от него.

Начиная с Киузаны, разъезд должен был следовать с мерами охранения, прикрываясь дозорами. Работа была интересной и приятной. Осенняя погода была как на заказ — сухая, солнечная и умеренно теплая. Я имел возможность испробовать своего коня — кабардинца, купленного при отъезде на войну. Лошадь оказалась превосходной, крепкой и выносливой. Внешняя статность и видность моего гнедого коня согласовались с его выездкой и характером. В этом последнем

скоро обнаружилась привитая ему преданность своему новому хозяину. На одном из первых ночлегов, рано утром, перед выступлением, моего кабардинца начал седлать один из казаков разезда в моем отсутствии. На дворе китайской фанзы поднялись возня и шум, среди которых я услышал призывное ржанье моей лошади. Я поспешил на двор и увидел ее в состоянии открытого бунта: кабардинец то стоял на задних ногах, то лягался ими, отбрасывая казаков в стороны; седло болталось на животе; казак с трудом удерживал повод, танцуя вокруг головы лошади!

Но стоило мне подойти к ней и взять повод от казака, как лошадь сразу успокоилась и, доверчиво скосив на меня свой красивый выпуклый глаз, позволила замундштучить себя и оседлать.

По-видимому, прежний хозяин-казак выучил лошадь противиться седловке незнакомого лица, имея в виду конокрадов. В разездах со мной не было обычного вестового, который за ней ухаживал и которого она хорошо знала; появление чужого человека вызвало этот сигнал «S.O.S.» со стороны умного животного! Постепенно мой кабардинец привык, с моего видимого поощрения, и к своему новому временно-му вестовому. Но только этот один казак или я сам могли беспрепятственно седлать моего мерина.

Местность, по которой я вел свой разезд, была живописная. Шли обыкновенно долинами, выющимися между маньчжурскими сопками, время от времени переваливая через них из одной долины в другую. Горы в этой части Маньчжурии часто покрыты густыми зарослями, чем она резко отличается от плоской западной половины театра, совершенно голый, если не считать бесконечных полей гаоляна, вырастающего к осени в трудно проходимые «леса».

Некоторые сопки были покрыты высокою и сочною девственною травой с массою цветов — тоже редкость в Маньчжурии; над одним таким лугом вился несметный рой бабочек. Я никогда и нигде не видел такого их числа, соперничавшего с числом цветов, а также такого разнообразия расцветки и рисунка. Я понял источник вдохновения для тех вышивок, на которых китайцы-вышивальщики (обыкновенно мужчины) изображают роскошных бабочек. Я думал, что это была богатая фантазия. Перед мной теперь открылось доказательство, что эти бабочки списывались с натуры.

В кобуре седла я возил свой «Кодак» и за время этой поездки сделал много интересных и декоративных снимков. Впоследствии они проявлялись и печатались фирмой «Кодак» в Петербурге; изумляли своей четкостью и ясностью виды горных далей. Объяснялось это чрезвычайною прозрачностью воздуха в тех местах.

Питались мы мясными консервами, взятыми с собой, и дополняли их свининой, которая получалась из покупавшейся на местах

«чушки», на казачьем наречии, которая иногда совершала переход еще в живом виде, притороченная к вьюку казака-повара. Кроме того, пекли отличные лепешки из местной «чумизы» (хлебное зерно вроде пшена) и пили в изобилии чай.

С японцами встретиться не привелось. Один раз, под вечер, когда мы приближались к очередной ночной стоянке, казак из головного дозора прискакал с вытаращенными глазами и без фуражки к голове разьезда с криком: «Японцы! Пуля ударила в лоб!»

Казак этот оказался не из храбрых: лбом своим он задел телефонную проволоку, проведенную нашими передовыми частями. Незаметная в сумерках, она сбила фуражку казака и в его перепуге превратилась в пулю. На участке, где мы тогда шли, не могло быть речи о присутствии противника.

Другой раз, когда мы действительно вступили в полосу местности, где могли бродить японские разьезды, проводник-китаец заставил нас вскарабкаться на довольно крутой хребет, покрытый лесной чащей, и повел в нужном нам направлении по этому хребту. Пришлось вести коней в поводу. Потом дело объяснилось: китаец, или «ходя» на солдатском жаргоне, знал о появлении японского разьезда в соседней долине и взял на себя избавить наш разьезд от боевого с ним столкновения. Инициатива проводника была удачна, ибо моя задача заключалась в маршрутной съемке путей, а не в сражениях с японскими разьездами.

Поездка, занявшая несколько дней, кончилась, как мне казалось, слишком скоро. Здоровая жизнь в поле и в движении, строго рассчитанные переходы верхом, прекрасный воздух и красивые места, примитивные ночлеги в китайских деревушках («пузах» по-китайски), полная служебная самостоятельность и отсутствие письменного стола — все эти радости прекратились. Нужно было возвращаться и сдать свою работу в картографическое отделение штаба армии.

Вообще, в течение службы в Генеральном штабе лучшим временем я считал полевые поездки, как в строю — маневры, и сожалел только, что эти здоровые, интересные и полезные занятия не распространялись на большую часть служебного времени.

Что касается до использования исполненной мною работы, то по нанесенным мною путям наступали и отступали два левофланговых корпуса во время нашей сентябрьской операции.

Ближайшей целью ее являлось отражение японцев за реку Тайцзыхе и обратное овладение Ляояном. План наступления приурочивался к предвзятой идее, что противник примет бой на линии своих передовых частей, примерно на полпути между реками Шахе и Тайцзыхе. Имелось в виду охватить правый фланг японцев (армию Куроки), который считали прочно укрепившимся на позиции у села Баньяпуза.

На самом деле ее занимал лишь авангард, который, как только стало очевидно наше общее наступление, был оттянут на переход назад, ближе к реке Тайцзыхе и к району Бенсиху, где были удачные для обороняющихся естественные позиции в горах.

Таким образом, задуманный нами удар — охват — пришелся впустую. Промаха этого мы не исправили и в дальнейшем. Вместо того, чтобы расширить охватывающий маневр и обойти отнесенную назад фланговую позицию Куроки, наши корпуса завязли здесь в бесполезном фронтальном бою, растратив в нем свои силы и наступательную энергию. Лишь конница обошла эту позицию и, переправившись через Тайцзыхе, вышла даже в тыл японцам. Но Куропаткин не поддержал этого маневра, не поняв «подсказа» снизу и будучи к этому времени всецело поглощен ликвидацией японского маневра — обозначавшегося прорыва нашего центра.

Маньчжурская армия начала свое наступление 23 (?) сентября, а 4 октября все было кончено. Мы были оттеснены к линии реке Шахе, на которой удержались и которую затем укрепили. Японцы остановились в тесном с нами соприкосновении и тоже закопались в землю*. Это был прообраз долгих позиционных стояний, ставших характерной чертой следующей европейской войны 1914—1918 годов.

Во время Шахейского сражения группа причисленных к Генеральному штабу молодых офицеров, перешедшая по наследству от мукденского штаба заместника к штабу Куропаткина, состояла в распоряжении его генерал-квартирмейстера генерал-майора Харкевича. Никто из нас не получил постоянного назначения. Нами пользовались, главным образом, для связи и для передачи ответственных приказаний. Для этой роли нас было слишком много, и потому сплошь и рядом для отдельных офицеров не находилось дела; они или сидели в тылу, в ожидании задачи, наряду с обыкновенными ординарцами, взятыми из строя, или находились при самом Куропаткине, который всегда держался с передовым штабом впереди, в сфере огня, наблюдая непосредственно за ходом боя с той или другой удобной сопки.

Тут же он иногда и отдыхал, укладываясь в тени какого-нибудь камня на вершине и накрываясь буркой.

Развитие проволочной связи было тогда слабым, и связь преимущественно опиралась на старомодное средство — конных ординарцев. Телефонные бойко работали, пока армия стояла на месте, но в движении и в бою еще не научились сохранять и поддерживать эту связь на широком фронте. Донесения с отдаленных участков опаздывали, так же, как и отдаленные приказания не поспевали за быстро меняющейся обстановкой.

* **Шахейская операция** вошла как отрицательный пример в мою книгу «Маневр» (СПб, 1912). — *Прим. авт.*

В этих приемах армейского управления и в желании Куропаткина лично участвовать в бою, полагаясь на свои собственные глаза, которые могли охватить лишь весьма ограниченный участок, чувствовалась традиция русско-турецкой войны 1877–1878 годов; автор труда «Ловча и Шейново» и участник этих скобелевских боев не мог еще отделаться от тогдашнего опыта; лишь в Мукденской операции в феврале 1905 года мы видим применение густой и более эластичной проволоочной связи и отказ Куропаткина от примитивных способов управления. Правда, он уже тогда Главнокомандующий над двумя армиями, и бессмысленность выездов на тот или другой участок боя была слишком очевидна.

Куропаткин «выезжал в бой» верхом, сопровождаемый довольно многолюдной свитой и конвоем, разделенными обыкновенно на три группы, чтобы не привлекать внимания и огня неприятеля. За исключением казаков конвоя, одетых однообразно и по форме, все остальные поражали пестротой одежды, в основе которой лежала личная импровизация. Сам командующий армией был неизменно одет в генеральскую серую «тужурку», подпоясанную серебряным шарфом, что представляло неожиданное сочетание домашней, внеслужебной формы с парадной. В свите мелькали сюртуки, кожаные куртки разных оттенков, кителя, рубахи. Долговязый полковник Н. А. Данилов, так называемый «рыжий», занимавший в штабе самую небоевою должность начальника полевой канцелярии, облекался в мундир со всеми орденами. Казалось, он воображал себя одним из героев батальной картины эпохи 1812 года.

Нужно отдать должное Куропаткину: он, несмотря на плохой оборот сражения, оставался всегда невозмутимым, ничем не выказывая беспокойства и присутствия нервов. Это хорошо действовало на окружающих и отражалось на всем управлении. Творчество хромало, но дух всегда и везде оставался на высоте, часто исправляя ошибки командования.

В последние дни операции нажим японцев в центре привел было к неустойке на фронте одного полка; тогда Куропаткин двинул в угрожаемом направлении свежий полк из остававшегося небольшого резерва и сам, спешившись, лично повел этот полк вперед. Вечерело. На фоне потухающих красок силуэт фигуры Куропаткина неторопливо покачивался на слегка согнутых немолодых ногах, ступавших по кочкам и жестким торчкам стеблей убранного гаоляна; пошвыстывали ружейные пули и рвались то шрапнели над головой, то так называемые «шимозы» (гранаты) по полю, поднимая клубы черного дыма и земли. Невольно на память приходило описание Львом Толстым в «Войне и мире» Шенграбенского сражения* и то место в нем, где картинно

* Шёнграбенский бой (бой при Холлабрунне) состоялся 4 ноября 1805 г. между арьергардом П. И. Багратиона и корпусом маршала Мюрата. В нерав-

изображен Багратион, ведущий по пахоти пехотный полк в атаку «неловкой походкой кавалериста».

Так как Куропаткин не мог лично быть всюду, где, думал он, нужен был хозяйский глаз, он держал при штабе двух-трех штаб-офицеров Генерального штаба на случай необходимости «заглянуть» на тревожный участок и направить там боевое дело. Он говорил про этих посланников: «Это надежный офицер», — и действительно, храбрый полковник Запольский или расторопный Линда седлали своих коней и отправлялись командовать — на день, на два, на несколько часов — каким-нибудь временным отрядом.

Образование таких случайных соединений тоже являлось печальным наследством русско-турецкой войны 1877—1878 годов и еще более — наших среднеазиатских походов. И чем сложнее была обстановка, тем чаще прибегал к этому средству Куропаткин, распространяя сложность и запутанность на весь механизм управления.

В критические дни Мукденского сражения, когда обнаружилось обходное движение армии генерала Ноги, угрожавшего выйти в глубокий тыл нашего правого фланга, все внимание Куропаткина обратилось на пассивную оборону этого участка фронта. Сюда по приказанию Главнокомандующего, нервно менявшего одно за другим свои распоряжения, направлялись не крупные войсковые соединения, сплоченные еще в мирных условиях, а надерганные отовсюду не только отдельные полки, но и батальоны. Из них составлялись случайные отряды, носившие наименования по фамилиям их начальников, и этим совершенно нарушалась вся стройность войсковой организации. Часто в диспозициях и в других распоряжениях распределение, состав и расположение этих случайных отрядов вовсе не соответствовали действительности.

В эти дни 17—22 февраля 1905 года исчезли растворенные в различных отрядах не только корпуса, но и дивизии нашей 2-й армии*. В группировке наших войск справа налево они были заменены временными соединениями следующих наименований: отряд Запольского (6 батальонов), отряд Бригера (8 батальонов), отряд Де-Витта, отряд Топорнина, отряд Чурина, отряд генерал-лейтенанта Русакова (121-й, 54-й и 56-й пехотные полки**), отряд генерал-майора Гершель-

ном бою, ставшем формальной победой французов, русские войска сумели нанести противнику урон, а затем отойти. — *Прим. ред.*

* Во время Мукденского сражения ею командовал генерал А. В. Каульбарс. — *Прим. ред.*

** 121-й пехотный генерал-фельдмаршала графа Милютин Пензенский полк — старшинство с 1813 г. В годы Русско-японской войны им командовал полковник С. Д. Марков; 54-й пехотный Минский полк — старшинство с 1806 г. В годы Русско-японской войны им командовал полковник А. А. Зуб-

мана (33-й, 122-й, 241-й пехотные, 8-й стрелковый полки, 1 батальон 60-го пехотного полка)*, отряд Голембатовского, отряд полковника Кузнецова (59-й пехотный, 3-й и 4-й стрелковые полки)**, отряд Лисовского, отряд Петерова и другие.

На этом фронте неразрозненными крупными соединениями оставались лишь 1-й Сибирский корпус и 25-я пехотная дивизия. Как на пример дезорганизации, можно указать на состав сводной дивизии Гершельмана, в которую были включены части трех корпусов и пяти дивизий. Не только нормальное управление и использование, но и снабжение этих сборных отрядов было совершенно невозможно.

Из личного моего участия в Шахейской операции урывками вспоминаются вперемешку с бездействием поездки с разными поручениями на боевой фронт и производство летучей съемки в районе наших передовых войск. Некоторые из этих задач исполнялись под огнем, почему я начинал чувствовать себя если не обстрелянным, то все же получившим уже «боевое крещение». Оно было обозначено впоследствии вещественным доказательством на шашке — анненским красным темляком, известным под коротким именем «клюквы»***. Темляк сопровождался орденским крестиком и надписью «За храбрость» на эфесе. Обыкновенно это было первую боевою наградой.

ковский; 56-й пехотный Житомирский полк — старшинство с 1811 г. В годы Русско-японской войны им командовал полковник Н. Н. Короткевич. — *Прим. ред.*

* **33-й пехотный Елецкий полк** — старшинство с 1763 г. В годы Русско-японской войны им последовательно командовали полковники Е. А. Пирац-Кошиц, И. Я. Волчановский и подполковник И. Л. Перейма; 122-й пехотный Тамбовский полк — старшинство с 1797 г. Во время Мукденского сражения им командовал полковник Н. А. Мюллер; 241-й пехотный Орский полк сформирован в 1904 г. из 241-го Орского запасного батальона. В феврале 1905 г. им командовал полковник Бенедский; 8-й стрелковый полк — старшинство с 1808 г., во время Мукденского сражения им командовал подполковник Шпилев; 60-й пехотный Замосцкий полк — старшинство с 1831 г. В 1905 г. им командовал полковник Михайлов. — *Прим. ред.*

** **59-й пехотный Люблинский полк** — старшинство с 1831 г. Во время Мукденского сражения им командовал полковник П. А. Кузнецов, который в годы Первой мировой войны будет начальником 31-й пехотной дивизии, в составе которой воевал 123-й полк генерала Б. В. Геруа; 3-й стрелковый полк — старшинство с 1826 г., под Мукденом им командовал полковник Г. Е. Янушевский; 4-й стрелковый полк — старшинство с 1839 г., под Мукденом им командовал полковник Енчевич. — *Прим. ред.*

*** Орден Св. Анны 4-й ст. — *Прим. ред.*

Вспоминаю, что и я удостоился однажды получить от Куропаткина поощрительный титул «надежного офицера». Под самый конец операции обе стороны стремились посредством мелких взаимных толчков установить выгодное для себя заключительное равновесие; нужно было срочно передать инструкцию одному из наших правофланговых корпусов для атаки на рассвете высоты, которой мы придавали значение и которою успели завладеть японцы. Для передачи этой инструкции назначили меня и вызвали поздно вечером к самому командующему армией. Объяснив, что требовалось, Куропаткин вручил мне, кроме того, письменное приказание и, обращаясь к присутствовавшим чинам штаба, сказал своим медленным сдобным баском: «Это надежный офицер». Надежному офицеру оставалось шелкнуть благодарно шпорами и отправиться в путь.

До штаба корпуса было 20 верст. Темнота безлунной ночи увеличивалась еще тем, что небо было затянуто тучами. По временам нас с моим казаком-ординарцем поливал дождь. Времени в моем распоряжении было в обрез: идя без остановок переменным аллюром, ночью, по незнакомой местности, мы должны были затратить на пробег не менее трех часов. Выступили мы примерно в полночь. После прибытия в штаб корпуса около трех часов ночи до начала предполагавшейся атаки оставалось всего часа три.

В штабе корпуса все крепко спали, и прошло некоторое время, пока начальство было готово к восприятию задачи. Но едва приступили к обсуждению мер, на которых настаивал Куропаткин, как от него же пришла — по проволоке — отмена атаки.

Так неожиданно быстро закончилась миссия «надежного офицера», и он на законном основании мог, одновременно с чинами потревоженного было штаба корпуса, лечь спать на ближайшем «кане»* командирской фанзы.

Больше всего досталось нашим лошадям: в короткий срок они сделали туда и обратно 40 верст с небольшим отдыхом.

Вспоминаю еще поездки, тоже в темноте, для установления связи с войсковыми частями, отступавшими после неудачного сражения на северный берег реки Шахе. Тут, среди войсковой колонны, черной змеей взбиравшейся на высокую сопку Эрдагоу, нашел я «пропавшего» начальника 37-й пехотной дивизии генерала Чекмарева, которого мне было приказано отыскать. Это был мой бывший командир полка. В привычной мне егерской форме сидел он в знакомой грузной позе на своем вороном коне; на лице его были написаны волнение, непонимание обстановки и растерянность. После Шахейского боя он «заболел»

* Род кирпичной скамейки, или полатей, согреваемых горячим паром изнутри. Своего рода центральное паровое отопление! — *Прим. авт.*

и покинул театр войны. Уехал с ним и другой старый егерь С. И. Щербинский, командовавший в той же дивизии полком. Этот образцовый в мирное время офицер тоже не выдержал боевого экзамена.

Возвращаясь с Эрдагоу в штаб армии, в село Хуаньшань, по дороге я едва не утонул с лошадью в грязи. Превосходная в начале операции погода испортилась в первых числах октября. Шли дожди и привели маньчжурскую глинистую почву в буквально невылазное состояние. Немощенные дороги в высоких берегах между холмами превратились в глубокие канавы, наполненные жидкою грязью. Тянувшиеся по ним отступавшие обозы и китайские двухколесные арбы — наемные транспорты — вязли по ступицу, застревали и загораживали всякое другое движение. Моя лошадь, обходя повозки сбоку, не раз проваливалась в месиво из глины по брюхо. Была к тому же кромешная тьма, оглашаемая гортанным понуканьем китайцами своих мулов и площадною руганью русских обозных.

Ночевать приходилось как попало. О младшей братии Генерального штаба не заботились, и подчас нас набивали до краев в какую-нибудь глинобитную фанзу с зияющими дырами вместо окон и дверей и с продавленной крышей. В октябре по ночам стало холодно. Раздеваться было нельзя. От пыли и грязи одного такого помещения и долгого нераздевания мы сделались жертвами вшей.

Трудно было и с устройством лошадей и их кормом. В результате неудачной временной конюшни погиб мой милый кабардинец. Ему попалась в корму какая-то ядовитая солома. Отравы выразилась в желваках, которые пошли по всему телу. Поднялась температура; он «слег». Ветеринар приговорил коня к смерти. Бедное животное вывели с трудом на задворки селения и там в моем присутствии пристрелили. Это было тяжело.

У меня была другая лошадь, вьючная. Вскоре мне удалось купить на место кабардинца молодого «сибиряка», принадлежавшего раньше Великому князю Борису Владимировичу, покинувшему армию. Вероятно потому, что Великий князь служил в лейб-гусарах, и лошадь была гусарской масти — серая в яблоках.

Статьи его не могли сравниться с предшественником, но, будучи грубее, коренастый конь этот переносил легко и большие пробеги, и непогоду, и не всегда изысканный корм. А по сопкам он карабкался, как коза, соперничая в этом с моей второй лошадью. Эта последняя — малорослая забайкалка, с лохматою шерстью, имела манеру: стоило всаднику сесть в седло, как она норовила укусить его за правое колено!

Когда в начале октября операция постепенно замерла с явным намерением сторон передохнуть и устроиться на зимовку, штаб Ку-

ропаткина не вернулся в Мукден, а осел в Хуаньшане, где застала его остановка. Селение это лежало в складках, спадающих от отдельной сопки, на лысой вершине которой возвышалась кумирня в обществе нескольких низких узловатых деревьев. Как-то зимой, среди боевого затишья, я застал на этой сопке академика-баталиста Н. С. Самокиша за мольбертом. Он набрасывал солнечный этюд кумирни на выгодном фоне голубого неба, подчеркивая желтизну крепкой от мороза, но бесснежной земли и холодные синеватые тени.

Штаб находился в расстоянии верст 5–6 от наших позиций, для армейского штаба — близко, но вне сферы артиллерийского обстрела. Шрапнели и гранаты японцев рвались иногда на линии войсковых резервов и тылов. Эти резервы были наблюдаемы из Хуаньшаня, но самое селение не обстреливалось.

Довольно скоро штаб устроился здесь с относительным удобством. Комендант главной квартиры, находчивый и энергичный Сапфирский, разгрузил стоянку, оставив в селении только наиболее важные учреждения штаба; остальные были отодвинуты дальше в тыл. Затем началось украшение Хуаньшаня на русский лагерный лад. Появилось нечто вроде «линеек», а щедро расходуемая белая известка покрыла некоторые архитектурные линии фанз, столбы, стволы редких деревьев и даже камни. В особенности камни, которые своей белизной должны были помогать в темноте разбираться в плане селения.

У чинов штаба появилось свое офицерское собрание. На приведенных в порядок фанзах красовались дощечки с надписями: «генерал-квартирмейстер», «дежурный генерал» и т. п. Перед фанзой командующего армией, у двери стоял и шевелился на ветру своим желто-черным полосатым полотнищем Георгиевский значок; он сопровождал Куропаткина, когда совершался выезд в поле с конвоем.

Рядом поместились адъютанты и ординарцы, а еще ближе, в самом доме командующего армией, Володичка Остен-Сакен, муж кузины Нины и мажордом Куропаткина. Разбили большой шатер, который служил столовой для командующего и его ближайшей свиты. Налаживалась регулярная и спокойная штабная жизнь.

Получили постоянные назначения и мы, молодые офицеры, причисленные к Генеральному штабу. Кое-кто уехал на фронт, в войсковые штабы; остальные остались в штабе армии, в том числе и я. Меня взял к себе помощником начальник разведывательного отделения подполковник барон А. Г. Винекен. Дело было живое, интересное, а мой начальник — симпатичный, бодрый, жизнерадостный и работающий человек, с которым у меня сразу установились отличные отношения.

Он имел университетское образование, частью полученное в Германии (кажется, в Лейпциге*), но его потянуло на военную службу. Винекен, отбыв положенный год воинской повинности в лейб-гвардии Гусарском Его Величества полку, держал экзамены и был произведен в офицеры в тот же полк. Для службы в нем требовались немалые средства; Винекен располагал хорошим состоянием сам; женился впоследствии на О. Н. Логиновой, богатой пензенской помещице. Материальная независимость эта могла исключить ту или другую служебную лямку, но Винекен любил труд и обладал полезным запасом честолюбия. Пошел в Академию, по окончании которой сделал заметную карьеру. Мне пришлось быть его сослуживцем после Русско-японской войны еще два раза: в Главном управлении Генерального штаба (1910–1911) и в Особой армии (1916). Случилось так, что я немного опередил своего бывшего начальника и первого наставника по службе Генерального штаба старшинством в чине генерал-майора — за боевое отличие — и в конце 1916 года оказался даже его начальником по своей должности генерал-квартирмейстера штаба армии. Винекен, откомандовав лейб-гвардии Гродненским полком, был в то время начальником штаба Гвардейского кавалерийского корпуса, входившего в состав армии. Тут и закончилась трагически его карьера, к чему я вернусь в своем месте.

В Винекене были приятны его безукоризненное воспитание, манеры, выдержка и скромность. Он, конечно, совершенно не подходил под тот чванный тип офицера Генерального штаба, который так не любили в строю.

Он свободно владел немецким, французским и английским языками; даже, пожалуй, свободнее, чем русским. В Главном управлении Генерального штаба Винекен заведовал «франко-английским», то есть союзным отделением**, а мировая война застала его в должности военного агента в Вене. Гродненскими гусарами он командовал во время войны год или полтора (1915–1916) и по сдаче полка был зачислен в его списки. В мирное время он перевел и издал два труда о войне 1904–1905 годов, вышедшие на английском языке.

По своей должности во время войны 1904–1905 годов Винекен постоянно имел дело с представителями иностранных армий и корреспондентами печати. В круг ведения нашего отделения входила также и военная цензура.

Главная же наша задача заключалась в сборе, систематизации и синтезе сведений о противнике. Самым ненадежным и противоре-

* **Лейпциг** — с 1165 г. обладает городскими правами. Один из важных центров немецкого Просвещения. — *Прим. ред.*

** А. Г. Винекен командовал гродненскими гусарами с ноября 1914 г. по февраль 1916 г. — *Прим. ред.*

чивым источником этих сведений были китайцы-лазутчики, которыми ведали два офицера, владевшие китайским языком. Самым верным и несомненным — пленные, для допроса которых в нашем распоряжении был Тихай, переводчик-японец из Владивостока. Существенным являлись также письма и знаки мундирных отличий, которые находили на убитых и на пленных.

После боя, если это было относительно недалеко от штаба армии, кто-нибудь из офицеров разведывательного отделения выезжал с незаменимым Тихаем на место боя для скорейшего сбора сведений и так называвшихся «документальных» данных — в отличие от «вероятных» или только «предположительных».

Последняя свирепая схватка Шахейского сражения прошла на сопке «с отдельным деревом» в центре той линии, на которой мы решили окончательно задержаться. Японцы было ею завладели, и Куропаткин, по своему обыкновению, наскоро сформировал сборный отряд под начальством одного из бригадных командиров генерал-майора Путилова для отобрания сопки. Оставить ее в руках противника значило бы подать нашу линию еще дальше назад, так как японцы получали бы отличный обзор и, следовательно, обстрел в глубину наших позиций. Пришлось бы и штабу армии уходить из Хуаньшаня.

Японцам не дали времени устроиться на захваченных горках, и ночной атакой, в штыки, мы выбили их с этой позиции.

Сопка была официально переименована в Путиловскую, а соседняя, тоже атакованная нами и возвращенная — в Новгородскую, так как штурмовали ее части, пополнявшиеся уроженцами, главным образом, Новгородской губернии.

Победа эта была одним из редких случаев в течение отступательной Маньчжурской кампании, когда поле сражения осталось за нами и когда чины разведывательного отделения могли пожать ее лавры; можно было точно определить по убитым и пленным японцам и захваченным документам состав войск противника на этом участке.

Я тогда еще не принадлежал к разведке, но выехал с некоторыми другими офицерами штаба на Путиловскую сопку на другое утро после ночного боя, всего через несколько часов.

Это было зрелище, подобное которому мне довелось увидеть еще только однажды, в ноябре 1914 года под Краковом: поле сражения, густо, точно в боевом порядке, усыпанное трупами, своими и чужими. Наших — меньше, отчасти потому, что многих успели убрать. По расположению и позам тел можно было дорисовать картину отдельных эпизодов жестокого рукопашного боя. Маленькие японцы, уже одетые по-зимнему, с желтыми околышками своих фуражек, на подкладке которых разведчик найдет нужный ему номер полка, лежали то группами, то поодиночке, иногда еще продолжая сжимать ружье с прим-

кнутым штыком-ножом. На мертвенной бледности монгольских лиц застыло выражение то озабоченности, то удивления, иногда — неожиданно полного спокойствия крепко спящего человека...

Вокруг кипела жизнь: наши стрелки рыли подмерзлую твердую землю, укрепляя склоны сопки, обращенные к японцам, устраивая блиндажи в тылу, трасируя ходы сообщения; убирая валявшиеся предметы снаряжения и трупы. Через день-другой, думалось, от только что пережитой драмы не останется и следа.

Разведывательное отделение делило в Хуаньшане фанзу с картографическим. Кроме нас с Винекеном в ней поместились Сергей Алексеевич Кузнецов, начальник этого отделения, и его помощник В. В. Сахаров, мой однополчанин и друг, с которым я жил однажды в Академии во время съемок, а затем на петербургской квартире в течение последних восьми месяцев академического курса. Жил с нами еще и другой мой старый товарищ по корпусу и Академии — А. Н. Шуберский*, тоже оставшийся при штабе армии. Так как и С. А. Кузнецов оказался очень милым человеком и приятным компаньоном, то наша группа зажила дружно; мы и при дальнейших переездах продолжали держаться вместе, как семья. Нашему сближению помогло то, что все мы были из гвардии — говорили на одном языке**.

В этих условиях и работа шла гладко, без трений. На мою долю выпала задача критического анализа всех сведений, поступавших о противнике, и составление ежедневных сводок, которые представлялись командующему армией и рассылались во все старшие штабы. Я использовал свою привычку прибегать к чертежу для пояснения идеи и ввел в сводки схемы и диаграммы; благодаря им текст наших доказательств и выводов терял свою сухость, а читатель мог одним взглядом обнять существенные черты сводки. Схемы эти приобрели в армии популярность, а в Петербурге, как я узнал после войны, обратили на себя внимание вновь образованного Главного Управления Генерального штаба.

Кроме этой работы, приходилось регулярно шифровать и расшифровывать телеграммы, что равномерно распределялось между всеми младшими чинами штаба.

* Коренной офицер гвардейской конно-артиллерийской бригады. Для ценза командовал ротой в лейб-гвардии Егерском полку. — *Прим. авт.*

** С. А. Кузнецов был офицер лейб-гвардии Литовского полка. В войну 1914—1917 гг. командовал одно время лейб-гвардии Кексгольмским полком в своей родной дивизии. Я встретился с ним в декабре 1918 г. в Москве. Кузнецов был вынужден поступить на службу в Главный штаб Красной армии и погиб впоследствии как скрытый «белогвардеец» и «контрреволюционер». — *Прим. авт.*

Когда приводили пленных, надо было присутствовать при их допросе и направлять его. Документы, которые находили на пленных и убитых, могли разобрать только наши переводчики — штабс-капитан Блонский и «чиновник» Тихай. Частные письма, получавшиеся японскими солдатами, часто давали ценные указания — военная цензура корреспонденции того времени еще не достигла полноты и совершенства даже у более осторожных и хитрых японцев. Характерно было нередкое наличие среди этих документов неприличных эротических рисунков, иногда искусно исполненных в стилизованном японском духе.

Наступила зима, почти бесснежная, с заморозками и, подчас, свирепыми холодными ветрами; но небо обыкновенно было голубым, дни — солнечными, а ночи — ярко звездными. Выходили перед отходом ко сну посмотреть на созвездия и, найдя Большую Медведицу и Полярную звезду, думали: «Вот в какой стороне наш далекий Петербург».

Когда выдавалось свободное время, совершали небольшие поездки верхом, чтобы промять своих лошадей. Ближе всего к штабу была Путиловская сопка, куда ездили, чтобы посмотреть с нее, как живут и что делают японцы. От штаба к этой горке проложили прямую, как стрела, дорогу. Она несомненно была хорошо видна в ясный день с японских наблюдательных пунктов и обстреливалась артиллерийским огнем, если замечалось по ней движение.

Как-то раз, возвращаясь с Путиловской сопки с моим конным ординарцем, попали и мы под этот обстрел. На дороге в то время не было никого, кроме нас, но японцам, вероятно, почудилось, что едет какой-нибудь начальник, и они выпустили 2—3 гранаты по двум всадникам. Гранаты дали недолеты, но упали они на самой дороге, а последняя всего в шагах 15—20 позади нас. Надо было подавить желание прибавить ходу и заставить себя, наоборот, скорее его сдержать.

Подобной же стрельбе «из пушек по воробьям» подвергся я еще раз в Галиции в 1915 году, когда командовал 123-м пехотным Козловским полком. Австрийцы заметили двух всадников при их приезде на позиции и, очевидно, решили проследить возвращение в тыл, видимо, начальника. Когда мы с ординарцем шли рысью по той же дороге, долиною между холмами, довольно далеко впереди нас разорвалась одинокая пристрелочная шрапнель. А когда мы достигли этой дистанции, другая (и последняя) разорвалась буквально перед головой моей лошади! Хорошо, что на этот раз был перелет, а не недолет: как известно, пули шрапнели летят снопом вперед.

Моя лошадь, я сам и мой ординарец отделались легким потрясением. Лошадь рванулась в сторону, и с австрийского наблюдательного пункта наверно представилось, что снаряд сделал свое дело. Мы переждали в стороне от дороги с полчаса и только тогда вернулись на

нее продолжать свой путь в штаб полка. Офицер из резерва видел, как розовый дым разрыва окутал нашу конную группу, и прибежал справиться — благополучны ли мы. В штаб же полка передали по телефону, что «кажется, убит или ранен командир полка». Надо было отдать справедливость австрийскому оружию — оно ударило почти в яблоко движущейся мишени и затратило всего два снаряда!

Но вернемся на десять лет назад в Маньчжурскую армию, в Хуаньшань. В бытовом отношении мы жили хорошо, даже не без удобства, как и вообще вся армия. Куропаткин проявил себя заботливым хозяином; интендантство и военные сообщения у него работали успешно, несмотря на то, что почти все, за немногими исключениями — вроде мяса, доставлявшегося из Монголии, — надо было привозить из Европейской России по одной железнодорожной колее. Война заставила приступить к постройке второй колеи, но успели увеличить только число разъездов. Преодоление без заминок 8000-верстного расстояния от нашей основной базы, причем все время подвозили еще войска и пополнения, было видным административным достижением. Это была наша первая война, которая не вызвала нападков на интендантскую часть и жалоб на злоупотребления по довольствию войск*.

Так же хорошо была поставлена санитарная часть, и армия не знала эпидемий, которые в прежние войны косили боевой состав больше, чем самые кровопролитные сражения. Здоровым, по-видимому, оказался и воздух Маньчжурии. На этом воздухе и на сытных харчах вид солдат был цветущим. Для офицеров пооткрывались в районе армии подвижные отделения офицерских экономических обществ, приславших своих представителей из России. В этих «лавочках» можно было купить не только все необходимое, но и кое-что сверх того. Когда в декабре 1904 года в Хуаньшане случился пожар в нашей фанзе разведывательного отделения, и сгорели все мои вещи, составлявшие «вьюк» и полевой багаж, я смог немедленно пополнить их из ближайшей «экономки».

Время от времени Куропаткин приглашал к себе на обед чинов разных управлений штаба, квартировавших в Хуаньшане. Бывало это обыкновенно вечером в его шатре-столовой и скорее подходило под термин «ужина». Столы накрывались «покоем», в форме буквы «П». Куропаткин, сидя в центре, был окружен своими старшими помощниками и адъютантами. Гости, по чинам, занимали места по обе стороны этого ядра, младшие по концам. Мы, молодежь, ходили выполнять эту повинность гостей командующего армией без особого удовольствия.

* Добром, в этом смысле, поминает Куропаткина в своих мемуарах Ю. Данилов об окопном соседстве 1915 г. и мой брат — по службе на Северном фронте в 1916 г. — *Прим. авт.*

Куропаткин в течение всего обеда повествовал о своих достижениях, взвешивая каждое слово и слушая самого себя. Но его должны были слушать в почтительном молчании и гости, и церемонию эту мы считали скучной и слишком длинной.

Вскоре после того, как армия осела на Шахейских позициях и наступило зимнее затишье, было решено сформировать вторую и третью армии, частью из корпусов и частей, уже присланных, и частью — из продолжающих прибывать из Европейской России. В декабре 1904 года это формирование состоялось. Новые армии получили название «второй» и «третьей Маньчжурской», а наша — «первой», причем в ней остались 2-й, 3-й и 4-й Сибирские корпуса (за исключением первого, который был назначен в стратегический резерв) и Петербургский 1-й армейский корпус, который успел принять участие в сентябрьском бою на реке Шахе. Первая армия обороняла восточную, горную половину фронта, вторая — западную, плоскую, тянувшуюся к долине реки Ляохе и монгольской границе. Центр заняла третья армия.

При трех единицах боевого управления Куропаткин сделался настоящим главнокомандующим. Штаб Куропаткина отодвинулся из Хуаньшаня несколько назад, в район села Чансумутунь, где он и чины штаба поместились в поезде, поставленном на одной из веток полевой железной дороги. Штаб первой армии остался сначала в Хуаньшане, а затем перешел в горный район, к востоку от Эрдагоу, в село Кхамайн*.

Неизбежны были перемены в личном составе штабов. От нас ушел с Куропаткиным генерал Харкевич, а на его место генерал-квартирмейстера штаба первой армии приехал генерал Орановский** с новым командующим армией — Линевичем***.

Н. П. Линевич, как и Куропаткин, был старый туркестанец и составил себе боевую репутацию в Азии. За Туркестан он имел Георгия 4-й степени, а за командование русским отрядом в Китае в 1900 году и взятие Пекина**** — Георгия 3-й степени.

Седой как лунь, с короткой бородой и длинными подусниками, лысый, Линевич соединял в выражении своего рта, своих глаз, когда-то

* Вскоре штаб вернулся обратно в Хуаньшань. — *Прим. авт.*

** Паж, офицер гвардейской конно-артиллерийской бригады. Моложавый, высокий и стройный блондин с мягкими манерами. Во время войны 1914—1917 гг. командовал кавалерийской дивизией и потом конным корпусом. — *Прим. авт.*

*** Генерал Орановский был женат на его дочери и служебно сопровождал своего старика-тесть в Маньчжурию. — *Прим. авт.*

**** Пекин — столица Китая. Выше речь шла о событиях, связанных с подавлением «боксерского восстания». — *Прим. ред.*

подчеркнутых черными нависшими бровями, а теперь белыми, добродушие с упрямством. Он имел давнее образование самого элементарного порядка и фельдфебельские взгляды, но обладал крепким здоровым смыслом, военным чутьем и знанием русского солдата. В войсках он был популярен и имел ласкательное прозвище «Папашки».

«Папашка», однако, был способен вспылить и стукнуть кулаком по столу, когда шла речь о проведении в жизнь его воли. Вояка старой школы, не старавшийся понять разные технические новшества и ухищрения и едва ли слышавший о Шопенгауере, Линевиич казался нам более на месте, как командующий армией, чем Куропаткин. Впоследствии он доказал это во время трудного Мукденского сражения.

Ходившие про «Папашку» послеобеденные рассказы никогда не иссякали. Вспоминаю один из области *si non est vero — e ben trovato**.

Склонный к семейной обстановке, Линевиич держал при себе на войне, кроме зятя Орановского, еще и своего сына, офицера гвардейской конной артиллерии, в качестве ординарца. Как-то после окончания рабочего дня «Папашка» зевнул, потянулся и объявил сыну: «Ну, теперь пора броситься в объятия Нептуна!»

— Не Нептуна, а Морфея, папа, — поправил сын.

— Это все равно! Из одной минералогии!

После Мукденского боя Линевиич и Куропаткин поменялись местами: первый стал главнокомандующим, а второй вернулся в свою первую Маньчжурскую армию. Линевиич был пожалован генерал-адъютантом, но показать себя в новой роли стратега ему не привелось. Война решилась на море Цусимой. Известно только, что «Папашка» в период нашего стояния на новых, Сыпингайских позициях непрестанно и сердито бормотал себе в усы: «Сыпингая не отдам!»

С водворением в Хуаньшане этого старого солдата в роли командующего армией исчезли в ближайшем его окружении и в штабном обиходе некоторые торжественность и церемониальность, к которым был склонен Куропаткин. Все стало проще и естественнее.

Вновь образованную 2-ю армию получил в командование генерал Гриппенберг — бывший начальником 1-ой гвардейской пехотной дивизии в конце 90-х годов, когда я служил в лейб-гвардии Егерском полку**. Он имел репутацию боевого генерала, твердого и хладнокровного.

* «Если это и неправда, то хорошо придумано» (*итал.*). — *Прим. ред.*

** Во время войны 1877—1878 гг. командовал лейб-гвардии Московским полком и имел Георгиевский крест 3-й степени. Происходил из финляндских шведов — дворян. — *Прим. авт*

После трехмесячного стояния на позициях было решено повторить наступательную попытку против японцев и поручить нанесение главного удара 2-й армии; она составляла наше правое крыло, и план заключался на этот раз в охвате левого фланга противника.

Наступление началось 12 января (ст. ст.) и вылилось в операцию Сандепу-Хейгоутай. Основная ее идея, как и в операциях под Ляояном и потом на реке Шахе, была хороша и обещала успех. Недурно было выбрано и время — через три недели после падения Порт-Артура, о сдаче которого мы узнали под Рождество. Осаждавшая Порт-Артур армия Ноги за этот короткий срок едва ли могла считаться свободной и способной к переброске на север. Потери ее были огромны. Она нуждалась в отдыхе и пополнении. Но основная мысль плана оказалась, как и в предыдущих армейских операциях, утраченной при исполнении; мелочи засорили сущность, и невзятие нами селения Сандепу было достаточно для Куропаткина, чтобы отказаться от всего наступления. Несомненная доблесть войск и понесенные ими потери пропали даром.

В Шахейской операции была, по крайней мере, действительная угроза нашему центру, и перегруппировка к стороне колонн, обходивших восточный фланг японцев, могла казаться сложной и рискованной; в резервах мог чувствоваться недостаток.

Но под Сандепу дралась одна 2-я армия. Ничто не угрожало 1-й армии; эта последняя в начале операции только симулировала активность, стоя на месте и ведя бесцельный артиллерийский огонь. Ничего не предпринимали на этом фронте и японцы. Куропаткин мог свободно выделить отсюда резервы для поддержания и развития атаки на правом фланге. Поэтому приказ отступить после четырехдневного боя был встречен в войсках с недоумением, а Гриппенбергом и его штабом — с возмущением. Считавшийся уравновешенным швед Гриппенберг потерял самообладание и совершил антидисциплинарный поступок: самовольно сложил с себя командование армией и уехал в Петербург.

Куропаткин еще раз обнаружил непонимание им техники охватывающего маневра; того, что успех его обеспечивается постепенным развитием охвата из глубины; что, если он задержан в одном месте, другие части, еще не скованные боем, должны забирать дальше в сторону, угрожая тылу противника. Именно таким движением, благодаря чутью командира 1-го Сибирского корпуса барона Штакельберга, самодетальности войск, был наш выход к Хейгоутая. Штакельберг был отрешен Куропаткиным за эту инициативу от командования!..

Характерно, что японские историки назвали сражение по имени Хейгоутая, считая именно эту фазу боя решительной. Мы окрестили бой именем Сандепу, первого селения, не давшегося нам в руки и против которого мы, так сказать, «застряли».

Урока, данного Куропаткину маршалом Оямой и генералом Куроки под Ляояном, оказалось недостаточно. Нашему полководцу предстояло через месяц получить под Мукденом второй, и более наглядный.

Бесполезное кровопускание под Сандепу вызвало в армии естественные толки. В особенности горячо и критически эта операция обсуждалась в среде молодых офицеров Генерального штаба.

Ляоян Куропаткину простили с готовностью, поверив его донесению на Высочайшее имя, что он «вывел армию из тяжелого положения» и совершил аккуратное отступление, без оставления противнику трофеев. Простили и мертворожденное сентябрьское наступление на реке Шахе в надежде на будущее и на подходившие подкрепления.

Теперь доверие к талантам главнокомандующего было подорвано серьезно.

Под живым впечатлением операции, за которой мы в штабе следили с лихорадочным интересом (и ожидали, что наступит и наш черед), я тогда же составил ее описание с критическими выводами. Получилась довольно объемистая рукопись. Построение моего этюда пригодились мне впоследствии, когда я служил в Киеве в 1907 году. Мне было поручено сделать сообщение офицерам киевского гарнизона на ту или иную тему из войны 1904—1905 годов. Я выбрал сражение Сандепу-Хейгоутай. Твердо стоявшую в моей памяти канву операции я должен был, конечно, углубить и развить. Доклад — мое первое ответственное выступление перед критической аудиторией — оказался удачным, и я собирался потом привести в порядок мои записки и напечатать это исследование. Но так и не собрался. Не хватило свободного времени.

12 февраля 1905 года началось большое Мукденское сражение. Большое — по числу сражавшихся и по упорству, проявленному обеими сторонами. В первый раз в истории войн на одном поле боя встретилось свыше полумиллиона войск. В первый раз одно и то же сражение длилось две недели. Оно, однако, не решило кампании, хотя фактически оказалось на суше последним.

Японцы давно готовились к общему переходу в наступление и ждали лишь возможности притянуть на Маньчжурский театр порт-артурскую армию Ноги. Кроме того, силы на этом театре должны были быть увеличены посредством сформирования новой, 5-ой армии Кавамуры.

Сдача Порт-Артура состоялась 23 декабря 1904 года. В середине января состоялось наше мертворожденное частное наступление, походившее скорее на усиленную разведку, а 12 февраля армия Кавамуры начала в горах атаку против нашего крайнего левого фланга. Япон-

ский план по всем правилам военного искусства заключался в том, чтобы отвлечь сначала внимание русского командования к этому восточному флангу, а затем нанести нам решительный удар в правый фланг посредством глубокого охвата. Для выполнения этой последней задачи была назначена армия Ноги, закаленная в жестоких десятимесячных боях против Порт-Артура.

На этот раз, таким образом, первые бои выпали на долю 1-й Маньчжурской армии, занимавшей левую половину фронта. Войска всюду дрались отлично, и японцы продвигались вперед медленно и с большими усилиями.

Постепенно бой разгорался и вправо, захватывая все новые и новые участки наших позиций. Когда, наконец, весь фронт был втянут в упорный бой, обозначился обход нашего правого фланга. Колонны армии Ноги наступали в промежутках между долиной реки Ляохе (граница с нейтральной Монголией) и укреплениями русского крайнего правого фланга. Местность в этом промежутке была открытая, плоская и неукрепленная. Мы наблюдали этот район одной кавалерией.

На охват японцев мы ответили все большим и большим загибом нашего правого фланга, что вызывало сложные перегруппировки и излюбленное Куропаткиным формирование случайных, недолговечных отрядов.

Все попытки оживить эти чисто пассивные меры частными переходами в наступление и вырвать инициативу из рук неприятеля не увенчались успехом. Едва ли не основной причиной являлось разрушение, по приказам свыше, организации постоянных войсковых соединений — корпусов, дивизий, даже полков. Выше был приведен пример, до каких фантастических пределов дошла к концу сражения эта лихорадочная импровизация. Войска сами по себе дрались храбро, но при полной кустарности боевого управления результаты отдельных удачных столкновений сводились на нет, лишь оттягивая конечный отрицательный результат.

Между тем, японцы систематической рокировкой войск достигали того, что как только одна их колонна натыкалась на упорное фронтальное сопротивление, другая оказывалась свободной для более глубокого охвата.

В распоряжении Куропаткина оставался для его ликвидации целый, еще нераздерганный корпус — 1-й Сибирский, который после Шахейского боя стал играть роль наполеоновской гвардии. И Куропаткин походил на Наполеона лишь в одном: как его великий предшественник, он тоже берег свой последний резерв.

Положение, однако, со дня на день ухудшалось. Центр, главным образом, новая 3-я армия, сохранял свое положение. Наш загнутый правый фланг, в теории — 2-я армия, смотрел уже не на юг, а на запад.

Он шел поблизости и параллельно единственной железнодорожной артерии Харбин—Мукден—Ляоян, соединявшей нас с тылом армий и их базой. Эта линия сделалась уязвимой, и к ней явно тянулись обходившие японцы.

На левом фланге 1-я армия, твердо сдерживая напор двух армий, Кавамуры и Куроки, должна была, в свою очередь, податься на север.

Линевич был уверен, что, если бы его усилили одним свежим корпусом, 1-я армия смогла бы разбить Кавамуру и, в свою очередь, охватить фланг неприятеля, противолежавший тому, на котором развивался главный удар. Куропаткин согласился на просимое усиление, и «надежный», по его терминологии, 1-й Сибирский корпус спешными маршами направился в 1-ю армию.

Решение это было встречено в ней с восторгом. Думали, что победа на восточном конце длинного боевого фронта могла решительно изменить положение на западном фланге.

Мне было поручено провести подошедшие колонны 1-го Сибирского корпуса ближайшими путями на участок, откуда предполагалось на следующий день направить корпус для атаки в промежуток между армиями Кавамуры и Куроки. Задача, данная мне, требовала особого внимания, так как дело происходило безлунной ночью.

Но атака не состоялась. Едва успел штаб армии отдать необходимые распоряжения и, что называется, нацелить корпус, как от Куропаткина пришла отмена. Сибирские стрелки должны были форсированными маршами возвращаться на запад, выручать наш правый фланг.

«Пожарная команда», сказал кто-то в штабе корпуса. В общем же этот резерв нигде не принес пользы, прогуляв ценные часы с одного фланга на другой, туда и обратно.

Ко времени его прибытия к Мукдену общая обстановка изменилась так, что Куропаткин для сокращения фронта должен был отдать приказ об отходе нашего центра на позиции по реке Хуньхе, а на линии длинного загиба правого фланга, упорно теснимого японцами, отказался от дальнейших попыток к переходу в наступление.

Вечером 24 февраля Куропаткин отдал приказ об отступлении на север. Последней каплей, переполнившей «чашу потерянной надежды» и повлиявшей на это решение, был никем не предусмотренный прорыв японцев у Киузаня на рассвете 24 февраля. Говорю «никем» потому, что он одинаково был неожидан для обеих сторон. При отходе 1-й армии на линию реки Хуньхе ей предназначался чрезмерно широкий фронт, далеко не отвечавший силам армии, причем из 4-го Сибирского корпуса, в расположение которого входило селение Киузань, было приказано Куропаткиным выделить значительные силы для усиления пестрых и скороспелых оборонительных отрядов на правом фланге общего фронта. В результате исполнения этого приказа участок

по обе стороны Киузаня занимался жидкой цепочкой из нескольких рот. Следовавшие по пятам 4-го Сибирского корпуса части 12-й японской дивизии из армии Куроки не могли встретить на этом ослабленном участке сколько-нибудь серьезного сопротивления. Но, кроме того, им помогла природа. С утра 24 февраля поднялся буран, который дул с юга на север и нес в лицо русским тучи песка с долины реки Хуньхе. Сибиряки, окутанные непроницаемым туманом этой желтой пыли, потерявшие оптическую связь по фронту и в глубину, внезапно обнаружили прямо перед собой силуэты японских пехотинцев. Под прикрытием бурана, переправившись вброд через Хуньхе, их цепи подошли без выстрела вплотную к нашим позициям. Удивляться тому, что фронт наших 12 рот был прорван, не приходилось. Не существовало в распоряжении старших штабов и резерва, чтобы восстановить положение. Оставалось принимать меры в глубине, чтобы японцы, свободно вошедшие в Киузаньскую долину, не продвинулись слишком далеко на север и не расширили бы прорыва по обе ее стороны.

Я чуть не сделался жертвой этого несчастного эпизода у села Киузань, откуда, припомнит читатель, началась четыре месяца перед тем моя активная служба Генерального штаба.

Дело в том, что накануне прорыва, 23 февраля, когда штаб 1-й армии отошел на север от линии реки Хуньхе, я был послан со срочным наказом на крайний правый фланг армии, в штаб 1-го армейского корпуса. Проволочная связь с ним во время передвижений была утрачена, и я должен был доставить диспозицию по армии со словесной инструкцией на будущее. Я совершил со своим ординарцем-казакom длинный путь почти к самому Мукдену, исполнил поручение и, после короткого отдыха, утром отправился в обратный путь той же дорогой, вившейся между бесчисленными сопками. При этом я пользовался, кроме несовершенной карты, китайскими проводниками, которые, кстати сказать, как правило, оказывались хорошо знавшими местность не только в крупных чертах, но и в мелочах — до последней тропы. Так же хорошо знали «ходи» и тактическую обстановку вокруг, часто — раньше, чем о ней получались донесения от войск в штабы.

Нам нужно было пересечь Киузаньскую долину, немного севернее селения. Но мой китаец повел нас в какой-то обход и на мои протестующие жесты отвечал упрямым «шанго» и маханием руки в направлении более северном, чем то, которое я предполагал кратчайшим.

Пришлось покориться и послушно следовать за проводником по какой-то тропе и по безлюдной горной местности. Когда при этом явном обходе мы, наконец, пересекали Киузаньскую долину, китаец был взволнован. Песочный туман несся к нам из этой долины, а в нем, в расстоянии каких-нибудь 1000 шагов, виднелся медленно подвигавшийся вдоль долины развернутый кавалерийский строй. Я решил, что

это была наша казачья полусотня, возвращавшаяся с разведки, и лишь спрашивал себя: почему такой строй у себя в тылу, а не колонна?

Ответ на этот вопрос я получил по приезду в штаб армии. Рано утром в тот день совершился прорыв у Киузаня, наши части отошли, и начальство интересовалось, что и в каком месте я видел в Киузаньской долине.

По сопоставлению времени мне стало ясным, что конный развернутый фронт мог быть только японским. Китаец и песчаная завеса помогли двум изолированным всадникам избежать непосредственной и неприятной встречи с кавалеристами армии Куроки!

Отступление первой Маньчжурской армии Линевича совершилось в большом порядке, с рядом удачных сдерживающих боев на разных рубежах, и Киузаньский прорыв явился за весь длинный период этой операции единственным печальным обстоятельством.

Однако Мукденское сражение было проиграно до того. В первой же армии нарушившаяся на сутки связь была восстановлена, и дальнейший отход продолжался беспрепятственно, «согласно с планом».

Офицеры Генерального штаба высылались вперед для разведки и выбора позиций, удобных для арьергардных боев. Недостатка в таких рубежах в горной местности не было. Дни нам приходилось проводить в седле, а ночью еще выполнять штабную работу по своим специальностям. Для отдыха оставалось мало времени, но постоянное движение на чистом зимнем воздухе было приятно, все мы втянулись в эту жизнь и не чувствовали утомления.

Не помню, с каким поручением послали меня в Телин, следующий большой, после Мукдена, город к северу, во время общего отхода, но сохранилась в памяти мрачная картина в духе верещагинских полотен: серый день, пыль, большая площадь у серой железнодорожной станции, на которой аккуратными рядами сложены солдатские трупы в серых шинелях — сотни их — и снующая мимо безучастная, ко всему привыкшая толпа в таких же серых шинелях...

На этот раз Куропаткину удалось опять вывести армии «из тяжелого положения», но с большими усилиями и с большими потерями. Среди последних было много людей, попавших в плен вследствие наступившей в последние дни организационной неразберихи под Мукденом. Те выпавшие из управления части, которые мудро взяли направление по Полярной звезде на север, ускользнули и собрались потом на наших колонных путях отступления. Но отдельные группы блуждали на поле сражения, пока их не окружили и не забрали японцы. Оставили мы им и некоторое, мало заметное число орудий.

В общем же могло быть гораздо хуже, будь у противника свежие резервы и, в особенности, кавалерия*. Упорным боем мы успели измотать и истощить силы японцев. Они удовлетворились достигнутым успехом и серьезно не преследовали.

Это позволило нам, прикрываясь арьергардами, благополучно отойти на новые позиции, Сыпингайские, названные так по имени железнодорожной станции, где расположился штаб главнокомандующего.

Впечатление от Мукденского поражения, при всей относительности его, было тяжелое; в Петербурге оно выразилось в том, что Куропаткин был отозван, а на его место назначен наш Линевиц.

Совершенно понятно, что Куропаткину не хотелось возвращаться ни с чем и предстать на суд Государя и страны до окончания войны. Он «бил челом», прося оставить его в армии на любой должности. Государь дал ему в командование первую армию, главным образом, те самые войска, с которыми он начал Маньчжурскую кампанию в 1904 году.

Таким образом, Линевиц с частью своего штаба и с неразлучным Орановским отправился на запад, а Куропаткин приехал к нам в горы, на восток, захватив с собой своих преданных приближенных и адъютантов, в том числе Володичку Остен-Сакена.

В качестве генерал-квартирмейстера у нас появился новый человек, генерал-майор Эверт**.

Долго служить под его руководством мне не пришлось. Орановский, уезжая в Сыпингай, взял с собой барона Винекена на должность начальника разведки, а тот спустя некоторое время выхлопотал и мой перевод помощником к себе.

Тем не менее, я успел пробыть недели три-четыре в штабе 1-й армии при Куропаткине. Офицеры Генерального штаба были представлены ему с церемониалом. Их построили в шеренгу на дворе усадьбы, где помещался командующий армией и генерал-квартирмейстерская часть. У дверей дома Куропаткина стояли парные часовые. После некоторого ожидания в дверях появился «Володичка» и возгласил: «Командующий!»

* Их слабая дивизионная конница представляла ничто в сравнении с числом сотен и эскадронов, которые мы собрали в Маньчжурии. Нельзя сказать, что мы сумели искусно распорядиться этим превосходством. Организованный нами зимой 1904 г. набег на Инкоу не принес никакой пользы и получил остроумное прозвище «наполза». Другое дело, если бы наша конная масса произвела переполох в тылу левого фланга японцев непосредственно перед нашим январским наступлением и в связи с ним (Сандепу). — *Прим. авт.*

** После войны — командующий войсками в Забайкалье, а в войну 1914—1917 гг. — командующий армией и Западным фронтом. Кавалер Георгия 3-й степени и генерал-адъютант. — *Прим. авт.*

Вышел Куропаткин и медленным шагом обошел всех нас, подавая руку и задавая вопросы. Мне он сказал: «А вас-таки задело в бою, я слышал». Это было первое известие, полученное мною о ранении брата. Куропаткин знал, что ранен Геруа, но забыл, который.

С водворением на позициях так называемого «мирного времени» части и штабы начали снова прочно устраиваться. В штабе армии открылась церковь, столовая, лавочки. Появился спутник Куропаткина Сапфирский со своей белой краской, желтым песком и воткнутыми вдоль дорожек деревцами.

Офицеров начали отпускать по очереди в тыл, в Харбин, на короткий отдых и «проветривание». Попросился и я в Харбин, где жили вместе моя жена и сестра Ольга.

Вскоре по возвращении состоялся мой перевод в штаб главнокомандующего.

В штабе Линевича собралась вся наша старая хуаньшаньская компания: Винекен, Кузнецов, Шуберский, Сахаров, милый усатый Вахрушев*, ведавший личным составом Генерального штаба, и еще несколько других.

Но жили мы уже не в фанзах, на горячих канах с походными на них кроватями или спальными мешками, под мелкорешетчатыми окнами во всю стену с бумагой вместо стекол; поместились мы в пульмановских вагонах поезда главнокомандующего, поставленного в открытом поле на специальной ветке недалеко от станции Сыпингай.

Вагоны были комфортабельные, и обедали мы все вместе в вагоне-столовой. У Винекена было в распоряжении четырехместное отделение, а у меня, рядом, двухместное.

Тут составлялись, вычерчивались и утверждались разведывательные сводки, велись частные беседы на всевозможные темы, включая родственные; писались письма и шифровались телеграммы. В окна поезда часто стучал и мрачно гудел вокруг маньчжурский ветер. В свободное время, лежа на своем узком диване, я читал «Шерлока Холмса» Конан-Дойла в грубом русском переводе и многого не понимал в английской жизни. Что такое, например, Сити?

Испытали мы здесь и настоящий период дождей, напоминавший библейский рассказ о 40 днях и 40 ночах и превративший глинистую почву в хлюпающую трясиину.

* Во время войны 1914 г. командовал своим родным Пермским полком и водил его в контратаку верхом. Умер в Сербии в 30-х годах. Это был симпатичный, умный и очень скромный человек, образец для корпуса офицеров Генерального штаба. — *Прим. авт.*

Мы деятельно готовились к новому бою («Сыпингая не отдам!»); 3-я армия генерала Батьянова была оттянута в общий резерв и усилена. Отдыхая от Мукденской встряски и залечивая раны, мы хорошо укрепились и получили значительный приток людей, орудий и материальной части.

На фронте царило полное затишье. Оказалось оно дурным предзнаменованием: 14-го мая, как удар грома, пришло известие об уничтожении эскадры Рожественского в Цусимском проливе.

Затем начались переговоры о мире. Защищать Сыпингайские позиции или наступать от них так и не пришлось. Война была кончена.

Все же армии продолжали стоять на своих местах в готовности, на случай, если переговоры оборвутся. Мы следили за ними скорее с надеждой на продолжение войны, а я, имея больше свободного времени, взялся за карикатуры и изображал, к удовольствию генерал-квартирмейстерской части, как Витте в Вашингтоне укладывает и снова раскладывает свои чемоданы в зависимости от хода переговоров.

Нужно было отдать должное Витте: он держал себя с японцами с достоинством и даже победителем! Без сильной и бодрой армии, стоявшей в готовности там, далеко, на Сыпингайских позициях, это было бы невозможно.

Во время нашего штабного сыпингайского сидения в вагонах было приятно иногда сесть верхом и совершить хорошую поездку. Нас время от времени посылали на разведку. Выпало и на мою долю такое поручение, и я с удовольствием, в обществе другого, старшего офицера Генерального штаба, казачьего разъезда и при отличной погоде совершил разведку путей большого района, не лишённого живописности. Удовольствие, однако, было отравлено тем, что мой компаньон, подполковник и бывший казак, настаивал на сбережении наших коней и заставлял нас идти почти все время шагом!

Я впервые понял, что этот спокойный аллюр в чрезмерной порции может утомить гораздо больше, чем любой другой.

Как-то Сахаров, Шуберский и я получили приглашение от наших бывших сослуживцев в штабе первой армии и отпросились у начальства на 3–4 дня «в отпуск» в первую армию. Получилась длинная поездка верхом и приятная перемена обстановки. В штабах первой армии и 4-го Сибирского корпуса мы встретились с несколькими товарищами, которые наладили ряд развлечений, включая «скачки» на приз! С благословения старика Зарубаева*, выдающегося во время войны командира 4-го корпуса, капитаны Крымов

* После войны генерал-адъютант и инспектор пехоты. Знал в молодости в Сибири семью Пелино и, может быть, моего отца. — *Прим. авт.*

и Марушевский* успешно играли роль хозяев, принимая гостей из штабов Главнокомандующего и первой армии. Представителями штаба Куропаткина были наши однокурсники по Академии гродненский гусар Половцев и ахтырский драгун Голеевский**, которые давали кавалерийские советы.

Когда на фронте было заключено наконец официальное перемирие, штаб Главнокомандующего приступил к постепенной ликвидации дел. Винекен командировал меня в Харбин*** для напечатания типографским способом, в форме книги, всех изданных нами разведывательных сводок с их схемами. Работа эта была медленная, и я фактически расстался с поездом, переселившись в Харбин, где соединился со своей женой.

Там прошла вся осень 1905 года. Сначала мы жили с относительным комфортом, в одном из русских правительственных домов, построенных в качестве квартир для служащих и имевших вид дач. Но вернулся хозяин квартиры (военный инженер Симановский) и нам, под конец, нужно было переселиться в гостиницу. Моя сестра Леля уехала в Россию раньше.

Одновременно подступили зима и революция. В Харбине стало опасно ночью переходить пустыри русской части города без оружия. В гостинице было грязно, неудобно; выдавленное стекло в окне заткнули подушкой, и никто не заботился о том, чтобы вставить новое.

Мы были рады, когда закончилась и была благополучно сдана моя работа. Это обозначало мое освобождение из штаба и возвращение в Петербург. В качестве последнего «прости» мне повесили на шею Станислава с мечами (минуя орден Святой Анны 3-й степени). Еще

* **Крымов** — в 1917 г. командир конного корпуса. Застрелился в Санкт-Петербурге после столкновения с Керенским. **В. В. Марушевский** — начальник Генерального штаба перед большевистским переворотом 1917 г., а в 1919 — командовал русским отрядом в Архангельске против большевиков. — *Прим. авт.*

** **П. А. Половцев** — после войны скоро вышел в отставку, а в 1914 г. поступил на службу, командовал Татарским полком в так называемой «Дикой дивизии», а в 1917 г. коротко командовал войсками в Петрограде у Керенского. В 1941 г. — живет у себя в именье в Монте-Карло и состоит одним из директоров знаменитого игорного дома. Напечатал свои мемуары на английском языке, исторически интересные только в отношении описания хаоса в дни его командования петроградскими войсками. Керенский произвел его в генерал-лейтенанты. Бежал затем с женой через Кавказ и Персию.

Н. Л. Голеевский был впоследствии помощником военного агента в Лондоне и затем в Вашингтоне, где, кажется, оставался во время войны 1914—1917 гг. Способный и культурный человек. В эмиграции как-то бесследно потерялся. — *Прим. авт.*

*** **Харбин** — город в северо-восточном Китае. Основан русскими в 1898 г. как станция на Китайско-Восточной железной дороге. — *Прим. ред.*

раньше, в течение лета, меня в числе других офицеров нашего выпуска из Академии перевели в Генеральный штаб; я надел его форму и сделался капитаном (переименован из штабс-капитанов гвардии). Винекен остался на некоторое время в армии, заканчивая дела, и вернулся лишь в начале 1906 года.

Путешествие наше в декабре в Россию заняло вместо прежней недели около трех. Всюду по линии бушевали революционные толпы; они останавливали поезда, которые простаивали часами и днями на пустынных разъездах. В Иркутске мы переселились на несколько дней в гостиницу, пока революционный комитет решал, пропустить ли дальше «буржуазный» поезд, давно потерявший свой титул «экспресса».

Но были и удовольствия: мы обогнули Байкальское озеро по выстроенной во время войны у подножия скал железной дороге (прежде надо было переправляться либо на пароходе, либо по льду озера). Путь этот мы совершили на рассвете, в меняющихся красках которого грозные горы, теснящиеся к озеру, представляли незабываемую панораму. Мы с женой простояли полночи на площадке вагона, любуясь игрой красок мрачного пейзажа, в котором лиловые и синие тона постепенно изгонялись зловеще-красными, оранжевыми и неясно-розовыми, предвещавшими восход золотого солнца, и угловатыми линиями суровых скал, подчеркнутыми кружевом снежного узора.

Поезд местами, где не надеялись на прочность пути и побаивались обвалов, шел медленно, еле-еле, и можно было смотреть на эту декорацию, как из ложи театра.

Красиво было также Иркутск зимой, в 40-градусный мороз, тихий, весь в искрах и бриллиантах на солнце, с деревьями, убранными снегом, на фоне глубоко-синего неба и с величественной Ангарой. Какая разница с летним Иркутском*, жарким, пыльным, душным и бесцветным.

В общем, переезд сошел благополучно, если не считать, что в нашем отделении лопнула водопроводная труба и на ковре нарядного «международного вагона» получился непредусмотренный и не просыхавший узор от наводнения. Кроме того, на одной из бесконечных ночных остановок у нас украли корзину из сетки в коридоре. Там находились только кое-какие китайские вещи, купленные нами «на память», вазы и т. п., не имевшие особой художественной или материальной ценности.

Достигнув, наконец, Москвы, пересели с облегченным вздохом в поезд Николаевской железной дороги. И это была большая удача: движение по этой линии революционеры остановили на следующий день!

* **Иркутск** — город в России, основан в 1661 г. — *Прим. ред.*

В Петербурге предстояло решить, где взять службу и стараться ли остаться в столице (Сахаров и Шуберский, кончившие Академию выше меня, уже предназначались в штабы Петербургского округа, а я был следующим кандидатом). Но Петербург со своим чиновничьим, чернильным людом произвел на меня гнетущее впечатление. Хотелось из него уехать и освежиться. Привлекал меня Киев, которого до того я никогда не видал. Без труда я был назначен на первую открывшуюся там вакансию — в штаб 42-ой пехотной дивизии.

Взяв затем двухмесячный отпуск, я уехал с женой за границу, в круговую поездку с билетами Кука: Берлин, Франкфурт-на-Майне, Люцерн-Лугано, Генуя, Сан-Ремо — французская ривьера, и обратно, через Мюнхен и Вену*.

Несмотря на то, что мой опыт в кампании 1904—1905 годов ограничивался работою в штабе армии, все же он принес мне новые знания и практическое понимание военных проблем. Обстановка была настоящая, условия конкретные, люди и характеры живые. Происходившее там становилось известно не только в крупном армейском масштабе; мы знали в достаточных деталях и боевую работу корпусов и дивизий. На наших глазах — недавних школьников — рос боевой опыт армии, исправлялись ошибки мирного воспитания и намечались основы новой тактической доктрины — на основании уроков Русско-японской войны.

Само собой разумеется, что я хорошо познакомился и с вопросами постановки в армии разведки.

СЛУЖБА ПО ГЕНЕРАЛЬНОМУ ШТАБУ В КИЕВЕ

Службу свою в Киеве** я начал в марте 1906 года. Приехал я один, имея в виду выписать жену, остановившуюся в Петербурге у родителей, после того, как будет подыскана подходящая квартира. Взял я, в конце концов, недурную квартиру в пять комнат в доме Ганке, № 3 по Круглой Университетской, на краю лучшей и «барской» части горо-

* **Берлин** — столица Германии; Франкфурт-на-Майне — крупный город на западе Германии; Люцерн и Лугано — города в Швейцарии; Генуя и Сан-Ремо — города в северной Италии; Мюнхен — «столица» Баварии; Вена — столица Австро-Венгрии. — *Прим. ред.*

** **Киев** — один из крупнейших городов Российской империи, здесь же располагался штаб Киевского военного округа. — *Прим. ред.*

да — в Липках. В двухэтажном доме было всего четыре квартиры и при нем довольно большой, заросший и тенистый сад. Кончался сад на обрыве, с которого открывался вид на низменную и захудалую часть Киева — Лыбедь. Другой плоской частью был знаменитый торговый квартал Подол, распластавшийся на самом берегу Днепра. Это было еврейским царством.

Остальной Киев устроился на холмах — пяти или, может быть, семи — не могу утверждать, но твердо помню три горы: две по обе стороны Крещатика; по одной мне нужно было взбираться, чтобы попасть в штаб дивизии, мимо стоявшего на вершине древнего Софиевского собора; по другой и очень крутой — чтобы попасть обратно в Липки и домой. Наконец, на третьей, с которой мне регулярно приходилось иметь дело, находилось предместье Печерск с его Лаврой, катакомбами и военным училищем, где я преподавал.

Киев сразу произвел приятное впечатление своим живописным расположением на берегу Днепра, бульварами, садами и заметной после Петербурга мягкостью климата. Приехал я раннею весной. На севере еще не сошел снег, на Неве прочно стоял лед, а в Киеве распускались почки, и деревья покрывались легкою свежелою зеленью. Теплый ветер, тополя и каштановые деревья на бульварах напоминали о юге.

С крутых скатов Царского сада и с вершины, на которой стоял бронзовый святой Владимир с торжественно поднятым крестом, открывался чудесный вид на разлившийся Днепр. Вода далеко заливала низменный противоположный берег, Черниговской уже губернии, до самого горизонта, и казалось тогда, что Киев был расположен на берегу моря.

Если впечатление о Киеве создавалось приятное, то этого нельзя сказать про мою первую штабную службу мирного времени. В подчинении у начальника штаба дивизии, полковника, полагалось два помощника — один по хозяйственной, другой — по строевой части, этот последний — Генерального штаба. Кроме того, обыкновенно состоял в прикомандировании отдельный офицер из строя для заведования мобилизационной частью.

Хозяйственно-мобилизационная часть требовала особой тренировки и возможного постоянства лиц, ведавших ими. На этих помощниках лежала львиная доля существенных и ответственных вопросов, с которыми приходилось иметь дело штабу дивизии. Все остальное относилось на долю «строевой» части. В громадном большинстве это была пестрая переписка вверх и вниз по командной лестнице по самым разнообразным вопросам. Лишь изредка перепадало что-нибудь из области обучения и воспитания войск, что требовало некоторого размышления и точно подходило под рубрику «строевой части». И в каждую данную минуту в русской армии на этой бесхарактерной

бумажной работе, носившей образное название «текущей», сидела сотня капитанов Генерального штаба, примерно по числу пехотных и кавалерийских дивизий.

Начальником штаба оказался у меня Александр Петрович Карцев, как нельзя лучше подходивший для демонстрации того, во что может обратиться офицер Генерального штаба, прошедший аккуратно через все бумажные этапы его карьеры. Бумага, или ласкательно «бумажка», приобрела для него, независимо от сюжета, священное значение. Чем больше, тем лучше! После окончания официальных штабных часов Карцев, задержав нас, помощников, на лишние полчаса, сам оставался в штабе еще на другие полчаса в обществе дежурного писаря, на случай прихода новой «почты». Принося в жертву без всякой нужды свое свободное время, он искренно и без рисовки думал, что приносит пользу делу.

Когда же наступали лагеря и дивизионные маневры и необходимо было составлять боевые приказы и диспозиции, Карцев становился мучеником. Он запирался в кабинете на часы, окружал себя уставами и справочными книжками по тактике, и таким образом, в поте лица своего, «высиживал» требуемые распоряжения. Своему помощнику по «строевой» части он не доверял этой работы, которой сам боялся, и младший офицер Генерального штаба, в памяти которого еще были свежи нужные шаблоны, к ней почти не привлекался, продолжая никогда не перестававшую «течь» рядовую переписку.

При всем том не уважать Карцева было не за что. Это был человек так же крепко сшитый морально, как и физически. Честный, упрямый и тупо добросовестный, он мог развить воловью работоспособность. Другой вопрос — было ли достаточно только этих качеств для хорошего офицера Генерального штаба.

Интереснее и живее был начальник дивизии генерал Мартсон, тоже Генерального штаба. Умный и спокойный, он смотрел в суть военного дела, которое понимал и за которым следил. Будучи холостым и со спартанскими привычками, Мартсон отдавал этому делу много времени. Особенно чувствовалось его руководство в лагере под Киевом, на реке Сырце, среди войск и их тактических упражнений в поле.

Между прочим Мартсон организовал и успешно провел дивизионный маневр, главным эпизодом в котором являлась переправа в боевых условиях дивизии через реку с наведением понтонного моста. Это отличалось от обычных трафаретных маневренных сражений и было встречено войсками с увлечением.

Моим постоянным канцелярским компаньоном и соседом был «хозяйственный» адъютант штаба Сергей Александрович Тюменев. Он совершенно искренно любил эту свою штабную работу, не считал служебных часов и сделался виртуозом по нахождению всевозможных

справок в законах и в массе разных «руководящих» приказов. Часто его изыскания походили на решение сложной задачи при помощи логарифмических таблиц.

Его канцелярские таланты не засушили его, однако, и не убили милых человеческих черт, благодаря которым он привлекал к себе людей. Сошелся с Тюменевым и я. Это был очень неглупый, во всех отношениях порядочный человек, добродушный и обладавший приятным запасом хохлацкого юмора.

Свою скромность и житейскую мудрость он доказал, когда в 1906 году тогдашний командир лейб-гвардии Преображенского полка В. М. Драгомиров*, помнивший и знавший Тюменева по прежней службе в Киеве, предложил ему перейти в Преображенский полк, сразу ротным командиром.

Небывалое предложение это было следствием возмущения 1-го батальона преображенцев в лагере под Красным Селом, поднятого при первом глупом предлоге агитаторами со стороны. От революции 1905 года, к тому времени почти подавленной и шедшей на убыль, все еще расходились круги, главным образом в форме отдельных последних попыток взбунтовать армию.

Виновный батальон в полном составе был раскассирован, офицеры переведены в армию. На его место формировали новый и набирали офицеров из армейской пехоты. Старались, конечно, выбрать лучших, и Драгомиров вспомнил о Тюменеве.

Как ни льстило ему это предложение, свалившееся так неожиданно с неба, Сергей Александрович отказался; в этот отказ не входили материальные соображения, так как ему было обещано необходимое в полку существенное добавление к жалованью. Тюменев понимал, что армейскому офицеру было не так легко войти в гвардейскую среду и тем более сразу в командной должности ротного командира.

К сожалению, после моего перевода в Петербург я скоро потерял Тюменева из виду. Сейчас вспоминается он мне таким, каким я его знал в 1906—1909 гг., его слегка сутулая фигура, природные выдержанные и мягкие манеры, негромкий голос, а главное, его речь по образцу выработавшейся на юге России и в которую прочно вошли некоторые хохлацкие слова и обороты. Он говорил, например, «я думал за вас», что означало «я думал о вас»!..

Пробыл я в штабе 42-й пехотной дивизии при Карцеве всего около полугода. Осенью 1906 года я начал отбывать полагавшийся

* Сын Михаила Ивановича. В кампанию 1914—1915 гг. начальник штаба 3-й армии и затем Юго-Западного фронта. Командир 8-го корпуса в 1916 г. Умер в эмиграции в 20-х годах. Издал том своих воспоминаний о войне. — *Прим. авт.*

по закону годичный срок командования ротой, выбрав 168-й пехотный Миргородский полк* той же дивизии. С удовольствием простился я на время со своим канцелярским столом и с текущей перепиской!

КОМАНДОВАНИЕ РОТОЙ В 168-м ПЕХОТНОМ МИРГОРОДСКОМ ПОЛКУ

Вступая в командование ротой в Киеве и в ряды армейского пехотного полка, я, естественно, задавал себе вопрос, в какой мере поразит меня разница со службой в гвардии. Очень скоро я убедился, что различия были чисто внешние и несущественные. Почти полное отсутствие караулов и, следовательно, практики в несении гарнизонной службы; никаких больших военных церемоний, и потому ничтожный процент плац-парадной тренировки; ограниченное число старшего начальства, даже в столице военного округа, и, как следствие, меньшее напряжение внутренней жизни полков.

Офицерский состав беднее и проще, но по своему среднему культурному уровню едва ли заметно ниже офицерства гвардейского полка, подбиравшегося в большинстве из тех же военных училищ. Запущенность и отсталость офицеров зависела главным образом от стоянки. В глухих местах без «отдушин» бывало, что они постепенно опускались. Но Киев был большой университетский город, третья столица Империи.

Наконец, солдаты казались после гвардии карликами, «крупой», употребляя военный жаргон. Но недостаток вершков, разумеется, не отражался на служебных качествах людей и, как показала вскоре война, на их боевой крепости.

Кроме своего Миргородского полка, я мог искоса наблюдать еще два полка той же 42-ой дивизии, стоявших в Киеве. Существо всех трех было ровное: выдержанное, достаточно подтянутое, самолюбивое и надежное.

Как раз в тот год, 1906—1907, войска подверглись испытанию в их надежности. Вспышка революции 1905 года еще не вполне улеглась. Будучи подавлена, она в течение еще двух лет пробовала из своего подполья пробиться наверх. Правда, попытки делались все более и более разрозненными и единичными, но все же в казармы подбрасывались революционные летучки, призывавшие к вооруженному восстанию,

* 168-й пехотный Миргородский полк — старшинство с 1877 г., на момент службы Геруа не был участником боевых действий. — *Прим. ред.*

и нет-нет ловились за устной пропагандой какие-то темные личности, которые проникали в ротные помещения.

Офицерству приходилось быть очень начеку, вести с людьми постоянные беседы и прибегать к усиленной охране винтовочных стоек по правилу «береженого и Бог бережет».

Но киевский гарнизон, за исключением одной саперной роты, на революцию не откликнулся; солдаты сами помогали офицерам, представляя по начальству найденные прокламации и задерживая агитаторов.

Моя 6-я рота только раз была вызвана как-то зимой по тревоге для «усмирения беспорядков», как это называлось на офицерском языке. Было получено сообщение, что толпа рабочих собралась в предместье Киева и угрожающе двигается на город. Задача вызванной роты заключалась в том, чтобы выйти навстречу толпе, остановить ее и рассеять. Задача во всех отношениях неприятная, так как в случае упорства рабочих и неуспеха предварительных уговоров и предупреждений рота должна была открыть огонь.

На мое счастье, в последнюю минуту, когда я уже готовился выводить роту из казарм, раздав людям боевые патроны и тщательно, испытующе посмотрев каждому солдату в глаза, пришла отмена приказа. Толпа разошлась после давления, оказанного одной полицией. Гора свалилась с плеч! Как приятно было отобрать от солдат боевые патроны!

Летом 1907 года роту командировали в местечко Шостку* Черниговской губернии для поддержания порядка в этом районе с господствующим рабочим населением. В Шостке находился один из важнейших пороховых заводов.

Я сменил там роту другого полка и пробыл на своем дежурстве всю вторую половину лета. Повезло и в этом случае: рабочие сидели смиренно и ничем не проявляли своих революционных настроений. Быть может, однако, что самое присутствие роты, в виде молчаливой угрозы, оказывало свое влияние на заводскую массу.

В результате, получилось скорее приятное времяпровождение. Оставляя всегда одну полуроту в местечке на случай волнений, я уходил с другой в поле и там, среди колосившейся ржи, упражнял своих миргородцев в тактике. Погода все время была превосходная. Возвращались весело, с красивыми песнями, которые в роте пели очень хорошо.

Начальства у меня, не считая артиллерийского ученого генерала-начальника порохового завода, никакого в Шостке не было. Со-

* **Шостка** — основан в 1739 г. Город с 1924 г. В настоящее время в составе Беларуси. — *Прим. ред.*

вершенно самостоятельно я составлял расписание занятий и вел их. Один из двух субалтернов роты, Кононович-Горбацкий (женатый на дочери генерала Куна, тульского приятеля отца), представлял для меня приятную компанию.

Офицеры роты, квартировавшей в Шостке, приглашались на разные собрания и увеселения, которые устраивались дружным личным составом завода. Все это были люди с высшим техническим образованием, милые и интересные. Среди них оказались недурные певцы и музыканты, а среди их жен — певицы, декламаторши и любительницы-актрисы.

Чрезвычайный интерес представлял собою самый завод. Нам любезно показали производство порохов во всех его стадиях, а начальник завода прочел мне ясную лекцию о новой пуле и о новом роде бездымного пороха, который только что был введен. Сведения эти мне пригодились для лекций юнкерам военного училища, где я преподавал тактику. Нужно сказать, что эти данные, технические и баллистические, оказались там откровением, так как никто из преподавателей ничего не знал на эту специальную тему.

Зловещий вид имел деревянный барак, в легких стенах которого начинались динамитом капсюли и производились другие работы с сильными взрывчатыми веществами. При входе в этот барак посетитель должен был надевать войлочные туфли; в такой же мягкой обуви были и все рабочие, среди которых, между прочим, едва ли не большинство были молодые женщины. Мне объяснили, что delicate пальцы женщин более подходили к мелким и точным манипуляциям, требовавшимся в этой опасной работе. Она велась маленькими группами, достаточно удаленными друг от друга, а одна девушка, помню, сидела посередине помещения в самостоятельной будке, вроде телефонной, в «одиночном заключении». Предполагалось, что в случае взрыва в этой будке погибнет или пострадает только ее обитательница.

В одном из отделений, где был склад взрывчатых веществ, постройка позволяла рассчитывать, что при взрыве газы, следуя в сторону наименьшего сопротивления, вышибут целиком одну стену, которая нарочно была сделана слабой; это должно было спасти остальные части барака. За год или два перед тем такой взрыв и случился. К счастью, кажется, в такое время, когда никого в бараке не было.

Из воспоминаний о пребывании в Шостке стоит еще упомянуть о примере жестокого крестьянского самосуда, на который пришлось натолкнуться роте во время наших полевых занятий. Мы нашли во ржи, около межи, труп крестьянского парня с разбитой головой — от очевидных палочных ударов. Впоследствии нам объяснили, что это был известный в округе конокрад и что у крестьян установился обы-

чай расправляться с конокрадами таким решительным и упрощенным способом. Виновного подстерегали несколько человек и избивали палками до смерти. Полиция и суд смотрели на этот вид расправы сквозь пальцы, и все дело оканчивалось казенным протоколом. Все равно крестьяне ни за что не выдали бы виновников.

Мое командование ротой и общение с ней в Шостке, незадолго до конца строевого ценза, были приятны еще потому, что только к этому времени я справился со многими затруднениями, которые навалились на меня с самого начала. Порученная мне 6-я рота числилась одной из самых слабых в полку; даже, может быть, она определенно стояла по службе последней из 16 рот. Ротный командир М. Квятковский, милый, воспитанный и мягкий человек, не был способен на какие-либо крутые меры, чтобы поддерживать внутренний порядок, дисциплину и бодрость в роте. При любом кризисе он терялся и стремился лишь к одному: чтобы проступки и промахи не доходили до начальства. Легко можно себе представить получавшийся плачевный результат. Постоянно покрываемые солдаты получали совершенно превратное представление об основах воинского воспитания.

Правая рука Квятковского, фельдфебель, стареющий, многосемейный и вялый, тоже боялся начальства как огня и углублял систему своего ротного командира. В то время как последний замалчивал прорехи перед батальонным и полковым командиром, фельдфебель скрывал мелкие проступки солдат от ротного командира!

Командир полка — умница Николай Фердинандович фон Стааль — отлично знал, что придумать худшую комбинацию, чем Квятковский и его фельдфебель, было трудно. Тем не менее, он жалел последнего и ограничивался только тем, что открыто возмущался регулярным приростом фельдфебельской семьи. Называл он его не иначе как «шляпа», про себя употребляя, наверное, более сильное, но непечатное слово.

Нелегко мне было начать свою деятельность с перевоспитания пожилого фельдфебеля. Прежде всего предстояло вывести из нормального обычая роты самовольные отлучки солдат, этот главный признак внутреннего расстройтва воинской части. Помимо бесед с солдатами и начальствующими нижними чинами на эту тему, я из-за каждой уловленной отлучки (ибо вначале их продолжали скрывать) поднимал шум, доводя случай до строгих взысканий властью командира полка. Раз как-то, по другому поводу, мне стоило немалого труда убедить добродушного и ленивого хохла, батальонного командира Басанько, вмешаться в дело и разнести роту, начиная с меня самого, что называется, «в пух и прах». Рота была специально для этого построена, и Басанько исполнил мою просьбу более или менее удовлетворительно, если и без особой искренности и охоты.

Прошло не менее трех-четырёх месяцев, прежде чем в роте, потревоженной от многолетнего сна, сказались положительные результаты принятых мер. Процент самовольных отлучек стал заметно сокращаться и довольно скоро превратился в нуль. Я вздохнул с облегчением.

Должен сказать, что лучшими моими помощниками оказались унтер-офицеры. Когда от этих молодых и способных людей требовалась энергия, и им была предоставлена полагавшаяся по закону власть, до того искусственно сокращенная, они горячо взялись за дело. Взводы стали соперничать в дисциплине и выправке, лица солдат из пассивных и безучастных постепенно превращались в живые и осмысленные; в роте становилось чище и наряднее. Фельдфебелю оставалось плыть по новому течению.

Из взводных унтер-офицеров я очень хорошо помню уравновешенного, прямого и умело требовательного Чехова, из которого мог бы выработаться полезный организатор в любой области; быстрого Кочеткова, с живой искрой в глазах, и талантливого Белобородова.

Этот солдат был особенно интересным типом. Схватывавший все на лету, честный, понимавший приказания с полуслова, хорошо грамотный, Белобородов быстро выдвинулся в унтер-офицеры в начале второго года своей службы. Происходил он из зажиточной купеческой семьи Пермской губернии и имел повадку человека независимого.

Я готовил его во взводные командиры. Как вдруг, в один несчастный вечер он напился и, ворвавшись в чью-то фельдфебельскую квартиру, произвел буйство. Случай был таков, что даже Квятковский не решился бы свести его на нет.

Белобородова пришлось немедленно разжаловать в рядовые. Но я чувствовал, что этот самолюбивый и умный солдат может вернуть свои нашивки, если обратиться к этим его качествам. Я позвал Белобородова в ротную канцелярию, запер дверь и в присутствии одного только бесполезного фельдфебеля произнес короткую речь. В ней я, в заключение, дал ему обещание, что сделаю его не только снова унтер-офицером, но и взводным, если он даст мне честное слово, что до конца службы не возьмет в рот водки. Помню, я сам был взволнован, в моем голосе должны были звучать душевные ноты. Белобородов, этот здоровяга и силач, прослезился; торжественно, перед образом, висевшим в канцелярии, он дал мне обещание. Я его обнял дружески, и Белобородов вышел из комнаты, в которой не знал сначала, что именно его ожидает, другим человеком.

Он сдержал свое слово, а я свое: я быстро провел его через одну нашивку, потом через две и, наконец, он получил взвод и третью нашивку.

Но я подверг Белобородова и рискованному испытанию. После того, как он снова сделался ефрейтором, пришло приказание командировать от роты расторопного и, конечно, трезвого унтер-офицера для сопровождения партии новобранцев. Командировки эти были совершенно самостоятельны, путешествие — долгим и сложным, по железным дорогам через всю Россию; в руках унтер-офицера находились довольно значительные суммы.

Я решил послать Белобородова и только спросил его, может ли он хорошо выполнить ответственное поручение и оправдать мое доверие. Получив твердый утвердительный ответ, я командировал Белобородова. Он вернулся после продолжительного отсутствия со свидетельствами разных местных воинских властей, с которыми ему приходилось иметь дело, об образцовом порядке как в его партии, так и в отчетных ведомостях о деньгах, израсходованных на довольствие и другие нужды.

Об этом было отдано даже в приказе по полку, что немедленно и окончательно восстановило авторитет Белобородова.

На моих младших офицеров в деле воспитания людей опереться было труднее. Вообще, субалтерны приходили в роту только на занятия и, отбыв этот долг, исчезали. К тому же только Кононович-Горбацкий представлял собою охочего и приятного помощника. Другой офицер на мое открытое и доброе к нему отношение ответил, как это скоро определилось, недобросовестным исполнением своих несложных обязанностей и лживостью. При этом он много воображал о своих способностях и докучал мне запутанными разговорами на разные «умные» темы. Любимым коньком его было превозношение малороссов над великороссами; вторые, по его мнению, были и некультурны, и нечистоплотны, тогда как первые отличались всеми совершенствами. Я пробовал возражать, но должен был убедиться, что ему «хоть кол на голове теши».

Почему этот молодой человек с чисто немецкой фамилией вел явно украинскую пропаганду, оставалось непонятным.

В деле обучения роты мне легче всего давалась тактика и рассыпной строй; вторым номером шло сомкнутое ученье, некоторые секреты которого я, пожалуй, так и не постиг. Что касается стрельбы, то в этом отделе я всегда чувствовал себя чужим, прежде всего потому, что сам стрелял плохо. Причиной этого, в значительной степени, мог быть сильный астigmatизм моего зрения. Но о существовании этого недостатка я тогда не подозревал и не употреблял исправляющих очков. Как бы то ни было, мне оставалось довольствоваться ролью формального руководителя стрельбы, полагаясь на педагогические приемы лучших стрелков в роте.

На ротном командире лежало еще ведение хозяйства, в котором на первом месте было пищевое довольствие. Хотя в мирное время

приходилось кормить всего около ста с небольшим человек и полк доставлял провизию, все же хлопот было достаточно. Расходование продуктов находилось в руках самих солдат — каптенармуса, выборного артельщика и кашевара. Но нужно было их проверять и направлять.

Хозяйственные ведомости и книги никогда не доставляли мне удовольствия. В частной жизни я не вел никаких денежных операций и считать мне было нечего. Отсюда — отсутствие опыта. Но, с другой стороны, у большинства ротных командиров тоже отсутствовал этот опыт в их частной жизни, а в казенной многие из них обнаруживали настоящие хозяйственные таланты. Однако, чтобы новичку войти во вкус даже маленького ротного хозяйства, одного года была мало.

Вообще, когда я расставался со своей 6-й ротой — и не без сожаления, так как сошелся с ней, — я отдавал себе отчет, что только на следующий год можно было пожать плоды первого года командования и полученных уроков. Очевидно, это сознавалось в армии, ибо вскоре срок цензового командования ротой для офицеров Генерального штаба повысили до двух лет.

Проводила меня рота сердечно, выразив желание сняться в одной группе и подарив на память серебряный подстаканник с надписью. Скромный подарок этот особенно тронул меня как составившийся из складчины солдатских грошей. Я тщательно хранил эту вещь, постоянно напоминавшую мне о хлопотливом, но интересном годе в рядах милых миргородцев.

Унес еще я с собой чувство глубокого уважения и любви к командиру полка того времени. Н. Ф. фон Стааль представлял собою лучший образец строевого начальника из офицеров Генерального штаба. Умный, образованный, внимательный и отзывчивый, в меру требовательный, всегда ровный, Николай Фердинандович умел быть и начальником, и другом. В нем совершенно отсутствовали встречавшиеся иногда неприятные черты штабного офицера-академика: самомнение, заносчивость и фокусничество. Он пользовался своею доступностью, чтобы нравственно влиять на офицерскую среду и незаметно, неслышно ее воспитывать.

В этом смысле был похож на фон Стааля мой предшественник по командованию Козловским полком во время войны — А. С. Саввич. Если бы этот тип полкового командира был распространен шире, дух и высокое качество русской армии поднялись бы еще выше.

За год службы в Миргородском полку я не помню ни одной полковой попойки, несмотря на наличие подходящих предлогов, и не помню офицеров, предававшихся алкоголю в маленьких компаниях или — еще того хуже — в одиночку. Даже в лагерях, где случаев больше и офицеры постоянно толкутся в собрании, они пили за стойкой не

обычную водку, а... молоко! Привычка эта оказалась заразительной, и я присоединился к молочной диете. Уничтожали мы этот напиток для младенцев ведрами.

Такое хладнокровное отношение к спиртному и даже полный отказ от него незаметно сумел внушить офицерам командир полка, Николай Фердинандович фон Стааль. Поборол он еще у себя в полку и другую нездоровую традицию, существовавшую во всей армии. Как известно, хоровая песня занимала и занимает, вероятно, до сих пор большое место в русском солдатском быту. На походе, идя на ученье и, особенно, возвращаясь с него, люди поют под ногу. Среди солдатских песен было много веселых и залихватских, но совершенно непечальных. К этому явлению все привыкли. Офицеры только улыбались, если слышали какое-нибудь новое летучее словечко в развитие известного хлесткого текста.

Стааль нашел между офицерами полка любителя хорового пения. Выписали ноты благопристойных песен, обучили им песенников во всех ротах и изгнали навсегда неприличный репертуар. Н. Ф. Стааль пользовался в Киевском округе репутацией выдающегося командира и должен был бы, после полка, быстро пойти вверх по служебной лестнице. К сожалению, он тяжело и неизлечимо заболел, вышел в отставку и вскоре скончался.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ШТАБ 42-й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ

Когда я вернулся через год, начальником штаба дивизии уже был А. С. Лукомский. Карцев получил полк.

Александр Сергеевич Лукомский, румяный и круглолицый, занимал в военных кругах Киева привилегированное положение. Он был женат на дочери М. И. Драгомирова, имя которого продолжало витать над Киевом и после того, как он в 1903 году удалился от дел в тишину маленького Конотопа*. Продолжало и после его смерти, последовавшей в 1905 году, вскоре после окончания нашей неудачной войны с Японией. От нее осталось нам от Драгомирова меткое замечание в ответ на первое презрительное отношение наше к «япошкам»: «Японцы макаки, а мы кое-каки».

Командующим войсками и генерал-губернатором Драгомиров оставил после себя, как бы в наследство, своего начальника штаба —

* **Конотоп** — город, первое упоминание в 1635 г. Сейчас в составе Украины. — *Прим. ред.*

В. А. Сухомлинова. Обязанный многим Драгомирову, этот заместитель его невольно должен был взять под свое крыло и умную Софию Михайловну с ее мужем. Чувство независимости Лукомского увеличивалось еще тем, что у него были свои личные средства. Когда Сухомлинов пошел дальше вверх, пошел за ним и Лукомский. А когда Сухомлинов пал во время войны в шуме необычайного скандала*, Лукомский уже так прочно стоял на своих собственных ногах и на служебных верхах, что на нем это совершенно не отразилось.

Вообще, это был холодный, размеренный, самодовольный, но серьезный и сноровистый работник, который составил себе репутацию в штабе Киевского округа как знаток мобилизационного дела. Впоследствии (в 1910 году) он стал во главе его в Главном Управлении Генерального штаба. Об этом вспомнили, когда в 1914 году наша русская сложная мобилизация прошла гладко, и в благодарность Лукомскому создали для него одну новую награду: по представлению Сухомлинова, тогда военного министра, ему заменили владимирскую ленту на ордена Святого Владимира 4-й степени — георгиевской лентой (дать орден Святого Георгия по статуту было нельзя). Шутники немедленно на это изобретение откликнулись и назвали новый орден «Владимир Георгиевич».

Появление Лукомского в 1907 году в штабе 42-й пехотной дивизии ничем особенным не ознаменовалось, однако, отношения у меня с ним без всякой видимой причины установились осторожные и натянутые.

Между тем переменялся и начальник дивизии. Мартсон, получив повышение, уехал в Вильну. На его место приехал Н. А. Епанчин, знакомый еще с Пажеского корпуса, где он преподавал мне тактику. С моим братом у него были хорошие служебные отношения в штабе 1-й гвардейской пехотной дивизии в 1899—1900 годах. Затем Н. А. Епанчин был директором Пажеского корпуса и в год столетнего юбилея был зачислен в Свиту Его Величества. С этой должности, уже в чине генерал-лейтенанта, он и приехал в Киев командовать дивизией.

Вскоре Епанчин ввел новшество в использовании капитана Генерального штаба у себя в дивизии. Мне было поручено регулярно,

* Сухомлинов был предан в 1916 г. особому Верховному суду в связи со шпионским делом некоего Мясоедова (жандармского офицера), который до войны был с ним в близких сношениях. Мне случилось присутствовать на одном из открытых заседаний суда в зале Собрания армии и флота и видеть бывшего военного министра на скамье подсудимых. Это было жалкое зрелище. Сухомлинов, однако, оправдался по главным пунктам обвинений, в которые были включены также небрежности по управлению военным министерством и даже взяточничество. Дело ограничилось устранением его от службы. — *Прим. авт.*

раз в неделю, выезжать в поле верхом со старшими офицерами трех полков дивизии, стоявших в Киеве, по очереди, и решать с ними тактические задачи. Занятия эти были интересны, полезны для строевых офицеров и мне по душе. Кроме того, они освобождали меня почти на целый день от канцелярской работы. Затем Епанчин прибавил к этому короткие вечерние лекции, тоже раз в неделю, для офицеров полков. В выборе тем предоставлялась полная свобода, лишь бы они были злободневными и спорными, а доклад не должен был занимать больше 20 минут. После доклада происходил обмен мнений, в котором охотно принимали участие и старшие, и младшие офицеры. Эти легкие лекции и следовавшие за ними прения были встречены в полках с явной симпатией и носили оживленный характер.

Мне казалось тогда, кажется и теперь, что эти умеренные поправки к бумажной службе офицера Генерального штаба в дивизии шли навстречу пользе дела и делали честь их инициатору.

Но Лукомский посмотрел на эти нововведения иначе. В них он увидел предоставление мне отдельной и заметной роли, в которой я был совершенно самостоятелен и не зависел от начальника штаба. Не смея идти наперекор мысли и приказанию Епанчина, Лукомский, как это мне постепенно становилось понятным, затаил чувство ревности против исполнителя. Быть может, он подозревал — и совершенно неправильно, — что я сам устроил себе эти занятия по старому знакомству с Епанчиным.

Как бы то ни было, наши отношения, и без того не отличавшиеся товарищеской теплотой и искренностью, сделались еще более формальными и, вдобавок, под каким-то бессмысленным грозovým облаком.

Затем, летом 1908 года, в лагере, произошел следующий загадочный случай.

Тюменев в штабе при Лукомском уже не было, кажется, он вернулся в свой Луцкий полк командовать ротой. Его место занял некий С., который раньше состоял в прикомандировании к штабу сверх штаба, для заведования мобилизационной перепиской. Теперь ею занялся сам начальник штаба — только что с должности заведовавшего этой частью в штабе округа. Но ключ от секретного железного шкафа, где хранились секретные документы, был и у меня, в дубликате.

Как-то, вскоре после получения в штабе нового мобилизационного распоряжения, С. попросил меня, в отсутствие Лукомского, дать ему этот документ «до завтрашнего дня» с целью необходимых и срочных выборок для хозяйственной части, которую он вел в штабе. Так как я знал этого своего сослуживца с 1906 года и не имел никаких оснований ему не доверять, и просьба показалась мне нормальной, я выдал ему на его слово просимый документ.

На «завтрашний день» его потребовал сам Лукомский. Я доложил, что эти бумаги находятся, в доверительном порядке, на руках у С. Позвали его. С. посмотрел на нас обоих изумленными глазами и заявил, что он никакого документа от меня не получал. Как я ни старался восстановить в его памяти обстоятельства передачи, С. упрямо стоял на своем. Положение становилось серьезным: пропал важный секретный документ вследствие непростительной небрежности офицера Генерального штаба! Лукомский доложил об этом небывалом происшествии Епанчину и отправился с таким же докладом к начальнику штаба округа — мрачному генералу Маврину.

Епанчин вызвал меня, и я мог повторить ему только то, что было. Между тем в штабе округа доклад Лукомского произвел «радостное» впечатление скандала на заснувшей зеркальной поверхности штабного быта. Против фамилии капитана Геруа «из пажей и гвардейцев» поставили, вероятно, черную отметку. На меня было приказано наложить взыскание, сравнительно легкое: властью начальника штаба дивизии. Возможно, хотя я этого не знаю, что за меня заступился Епанчин.

Мне был объявлен выговор в приказе по штабу дивизии. Это было достаточно неприятно, но было бы гораздо хуже, если бы этот параграф украсил бы приказ по дивизии, корпусу или по штабу округа! Дурная слава разбежалась бы шире и громче. Приказ же по штабу дивизии читало всего с полдюжины людей, причастных к нему. В том числе, конечно, мой «милый» сослуживец С.!

Прошло некоторое время. Я успел, проглотив горькую пилюлю, отодвинуть этот неожиданный эпизод в прошлое, если не в забвение, как С. явился к Лукомскому с потерянным документом в руках! Он нашел-таки его среди своих бумаг! Лукомский, однако, не поместил об этом в приказе по штабу. Забывчивый С. не получил никакого возмездия, а я остался «с выговором»*. Черная отметка у моей фамилии не

* Гораздо позже, в далекой перспективе прошлого, случай этот начал представляться мне в другом виде, а именно — выходящим за пределы мелкой бумажной трагедии маленького штаба и личных отношений. Вспомнилось, что в 1906 г., еще при Карцеве, к штабу был одновременно с С. прикомандирован очень бойкий и гладкий прапорщик М. из прибалтийских немцев. В конце года он вышел в запас офицеров и уехал к себе в Ригу. Оттуда он мне написал письмо, весьма меня удивившее. В нем М. просил меня «время от времени» сообщать ему киевские военные новости и вообще держать его в курсе наших дел, объясняя это тем, что он сроднился с 42-й дивизией и т. п. Я сухо ответил ему, что он напрасно будет ждать от меня подобных сообщений. На этом дело кончилось. Но кто мог поручиться, пришло мне потом в голову при воспоминании о случае с пропавшим секретным документом, что М. не завязал других отношений в штабе? С. мог передать в чьи-нибудь руки мобилизационную

имела никаких служебных последствий, но мои отношения с Лукомским окончательно испортились — и мои нервы тоже, на время.

К моему счастью и теперь особенно кстати, я получил предложение от инспектора Киевского военного училища, где я начал преподавать с осени 1906 года, занять должность «штатного» преподавателя. Это означало временный переход со службы Генерального штаба, с сохранением его формы, в военно-учебное ведомство. Через какой-нибудь месяц я расставался с канцелярией, вообще со штабными интересами, а главное — с Лукомским.

Замечательно, что последний, узнав на стороне о моем предстоящем назначении, и тут хотел учинить мне неприятность и сделал замечание, что я ему не доложил о предстоящем уходе! Казалось, он досадовал, что жертва для дальнейшего преследования ускользала. Я ответил, что дело еще не решено и находится в периоде запросов; так это и было...*

После моего ухода налаженные Епанчиным летучие тактические занятия со строевыми офицерами дивизии прекратились, так как мой преемник не справился с этой задачей. В начале зимнего периода я получил письмо от Лукомского с просьбой продолжать, в порядке услуги, мои еженедельные доклады в полках дивизии. У меня не было на это времени, а также и желания оказывать одолжение человеку, от которого я только что с удовольствием отделался. Я ответил отказом по недосугу.

Мы встретились с Лукомским, отдохнув друг от друга, через два года в Петербурге. Несмотря на то, что наше знакомство возобновилось, что мы обменивались редкими визитами, что мы с женой были в числе приглашенных на большой вечерний прием по случаю переезда Лукомского в обширную казенную квартиру в доме военного министерства, несмотря на все эти проявления вежливости, тень киевской тучи нас не покидала. Мы встречались везде и всегда, даже в эмиграции, как люди, держащие камень за пазухой.

6 декабря 1909 года я был произведен, наконец, после долгих шести лет в чине капитана, в подполковники и одновременно назначен на службу в Главное управление Генерального штаба.

бумагу, например, для сфотографирования, и ему ничего не оставалось, как симулировать потерю памяти. Несмотря на косвенность этих улик, недостаточных для обвинения, сопоставление письма М. с поведением С. вызывало на размышления. — *Прим. авт.*

* Мне предстояло в жизни, во время войны, испытать еще раз такое предвзятое и активное недружелюбие со стороны начальника в лице генерала В. В. фон Нотбека в 1-ой гвардейской пехотной дивизии. — *Прим. авт.*

Прощался я с военным училищем не без сожаления. Работа меня интересовала и мне удавалась. Культурная среда преподавателей была приятна. Не мешал и большой заработок, равнявшийся, примерно, содержанию бригадного командира. Переходил я в Петербург на жалованье, которое сравнительно можно было назвать нищенским.

Собственно о Киеве и о жизни в нем я увозил смешанные впечатления.

Красивый город, чудесный Днепр, хороший климат; интересные фрески в древних соборах; Васнецов и Нестеров в новом Владимирском соборе; чопорная аристократия Липок; простое и симпатичное офицерство армейских полков; озабоченный, хлопочущий и, подчас, важный Генеральный штаб.

Об этом последнем муравейнике и поговорим теперь.

В Киеве были тогда расположены штабы: округа, 21-го армейского корпуса*, дивизий — 42-ой пехотной и 9-й кавалерийской — и крепости. Общее число нас, офицеров Генерального штаба, достигало, вероятно, сорока, принимая во внимание чинов для поручений при командующем войсками, управления военных сообщений и прикомандированных к военному училищу для преподавания военных наук.

Начальником штаба округа был длинный, мешковатый и угрюмый Маврин. Генерал-квартирмейстером, который ведал службой Генерального штаба и его личным составом — жизнерадостный и чрезвычайно, до утомительности, говорливый Баланин, бывший семеновец. С ним и с его светской женой мне приходилось встречаться в одном частном доме в Петербурге, где он служил в 90-х годах еще в чине полковника.

Офицеры Генерального штаба больше служили, чем дружили. Сближению мешали и занятость, и разношерстность по воспитанию, и социальное неравенство дам, но, главное, не образовалось центра, вокруг которого могло бы происходить такое сближение.

Дружеские отношения лично у меня установились, кроме моего полкового и пажеского товарища Штубендорфа, приехавшего в штаб 21-го корпуса в 1907 году, только с Н. Н. Духониным.

Это был способный и очень деятельный офицер с открытым, прямым характером. Он начал службу в лейб-гвардии Литовском полку, а в Киеве был моим предшественником в штабе 42-й пехотной дивизии, откуда его перевели в штаб округа. Но встретились и сошлись мы с Духониным, главным образом, в военном училище, где оба преподавали.

* Командир корпуса генерал Рузский, командовавший 3-й армией в 1914 г., главнокомандующий Северного фронта в 1917 г., генерал-адъютант, участвовавший в низложении Государя Николая II в Пскове 3 марта 1917 г. Расстрелян большевиками на Кавказе. — *Прим. авт.*

Так же мила была и его видная и красивая жена, Наталия Владимировна, в пару к своему мужу со своим пылающим румянцем и темными густыми, вьющимися волосами. Николай Николаевич носил бодро, в колечки закрученные кверху усы и маленькую эспаньолку под нижней губой. Если бы не близорукие глаза и вечное пенсне, он походил бы на гидальго из испанской мелодрамы. Не годился бы для этой роли и его певучий голос, тонкий, с наклонностью к дисканту.

Трагическая судьба его хорошо известна. Сделав быструю и выдающуюся карьеру во время войны, Георгиевский кавалер двух степеней за командование полком (что было редкостью), Духонин к 1917 году оказывается начальником штаба Юго-Западного фронта (когда я занимал должность начальника штаба XI армии на том же фронте), а ко времени прихода к власти большевиков начальником штаба Верховного главнокомандующего и калифом на час — главнокомандующим в роковой день прибытия большевистской власти в Могилев*, где была Ставка. Первое, что сделали большевики — зверски убили несчастного Духонина и с издевательством выбросили его тело из вагона на рельсы.

Его вдова спаслась из России и была поставлена во главе женского русского института в Белой Церкви, в Югославии. Мой друг А. Я. Бретцен имел случай посетить ее летом 1939 года и написал мне, что Наталия Владимировна ласково вспомнила обо мне и нашем киевском знакомстве.

Служили офицеры Генерального штаба в Киеве усердно и хорошо. Стратегическая подготовка к войне с Австро-Венгрией, против которой географически был расположен Киевский военный округ, стояла на достаточной высоте. Это доказал 1914 год.

Особенно занимались разведкой, и в этой трудной области достигали иногда совершенно исключительных результатов. Достали, например, план мобилизации одного из постоянных корпусов австрийской армии. Между прочим, Духонин ездил в 1908 году на большие маневры австрийской армии, но не в качестве официального представителя «дружественной» державы, а с фальшивым паспортом австрийского бюрогера, в качестве скрытого соглазятая. Я читал секретный отчет Духонина об этой поездке и был поражен богатством собранного им материала. Нечего и говорить, что авантюра заключала в себе ежечасные опасности. Из рассказов Николая Николаевича можно было бы составить столько же глав для книги романтических

* **Могилев** — город, основан в 1267 г. В 1915 г. сюда переехала Ставка Верховного Главнокомандующего. Сейчас на территории Беларуси. — *Прим. ред.*

приключений, сколько было дней в распоряжении Духонина во время его австрийской разведки. В случае, если бы Духонин был схвачен и его деятельность обнаружена, ничто не могло его спасти. Секретные агенты ехали за границу на свой личный риск.

Подготовка округа в смысле тактической тренировки войск в период, следовавший немедленно за Русско-японской войной, находилась на перепутье. До этой войны два пограничных военных округа, Киевский и Варшавский, были ведущими, но каждый из них вырабатывал свою собственную доктрину и свои приемы воспитания войск. В обоих округах дело было поставлено очень строго и серьезно, но по-разному. Объяснялось это тем, что в 80-е и 90-е годы во главе этих округов стояли две яркие и сильные личности — И. В. Гурко в Варшаве*, в течение 12 лет, М. И. Драгомиров — в Киеве, в течение 14 лет. Их собственная подготовка, боевой опыт и взгляды были различны, и отпечаток этого различия явственно лежал на образовании и воспитании войск вверенных им военных округов. Отпечаток этот не сразу стерся и после ухода Гурко и Драгомирова со своих постов в преклонном возрасте.

Опыт И. В. Гурко, кавалерийского генерала, был чисто практический и строевой. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов он провел две крупные операции: под Горным Дубняком и Телишем в октябре 1877 года и трудный зимний переход через Балканы**. Уроки эти несомненно просвечивали потом в системе тренировки войск, которую установил Гурко в Варшавском округе.

Горный Дубняк был вопиющим примером неудачного управления и безалаберной траты средств и человеческих жизней. Редут, защищавшийся четырьмя турецкими батальонами с четырьмя орудиями, был взят после кровопролитнейшей бойни в течение целого дня штурмом 24 отборных гвардейских батальонов, поддержанных огнем 48 орудий! И взят под ночь, почти случайно, когда уже отчаялись в успехе. Через четыре дня такое же этапное укрепление под Телишем сдалось после искусно организованной артиллерийской бомбардировки без пехотной атаки и с потерями в 3 человека.

Гурко не мог не запомнить этот пример и требовал в округе разумного управления, благодаря которому могут быть уменьшены потери в людях. На разборе одного из маневров, указав на ошибки какого-то генерала в плане и исполнении задачи, Гурко спросил его: «Если вы действовали так в мирной обстановке, что было бы на войне?» Гене-

* **Варшава** — польский город, основанный в XIII в. С 1815 г. по 1915 г. (фактически) — в составе Российской империи. — *Прим. ред.*

** Красивый набег за Балканы, в Казанлыкскую долину, был чисто кавалерийским опытом. — *Прим. авт.*

рал ответил ходячей военной фразой: «Мы легли бы костями». Гурко вспылил и оборвал его: «России нужны не ваши кости, а победа!» Быть может, вид русской братской могилы под Горным Дубняком пронесся в эту минуту перед его мысленным взором.

Опыт перехода Балкан зимой и воспоминание о тысячах замерзших в их снегах заставили Гурко обратить внимание на приучение войск к действиям в зимнюю стужу и на выработку приемов для борьбы с холодом на марше и на биваках. Введенные им как правило зимние маневры отличали Варшавский округ от других.

Серьезная постановка стратегических вопросов в округе была налажена умным, работающим и требовательным А. К. Пузыревским, бывшим профессором Академии, долго состоявшим в должности начальника штаба у Гурко. Последний, «страстно любивший военное дело», как он сказал о себе, и сам отлично разбирался в вопросах подготовки к войне с Германией, которая смотрела на Гурко с уважением и не без опаски.

Киевский «оракул» и знаменитый острослов М. И. Драгомиров имел сравнительно короткий, но счастливый боевой опыт форсированной переправы через Дунай у Зимницы* в июне 1877 года. После этой классически удавшейся ему операции Драгомиров со своей 14-й «железной» дивизией был на Шипке**, но в начале августовских боев был ранен и эвакуирован.

Краткость этих испытаний сделала то, что в Драгомирове боевой генерал был побежден профессором и теоретиком. В области умственных построений и задачи им необыкновенно простой и убедительной формы Михаил Иванович не имел себе равных. В основу своего учения он положил вопрос воспитания войск, которые до того больше муштровались, чем нравственно воспитывались. Николаевская жесткая традиция все еще не была изжита, хотя она годилась для тогдашних двадцатипятилетних и пятнадцатилетних сроков службы и была явно непригодна для пяти трехлетних сроков конца XIX века. В эти сроки солдат мог быть превращен в недурной автомат, но нельзя было ожидать от скороспелых частей того воинского духа, который был свойственен закаленным полупрофессиональным армиям николаевской эпохи. Между тем дух, рассуждал Драгомиров, повторяя древнюю истину, является главным залогом военного успеха. При подготовке войск в новых условиях предстояло справиться с этим вопросом, несмотря на всю его сложность в безграмотной тогда крестьянской России.

* **Зимница** — город в Румынии. — *Прим. ред.*

** **Шипка** — деревня и одноименный перевал в Балканских горах. Ожесточенные бои за него велись в августе 1877 г. между русскими и турецкими войсками. — *Прим. ред.*

Драгомиров-философ правильно указал пальцем на наше больное место. Но как учитель он пошел по ложному пути.

Мысль его обратилась к Суворову и его воспитательным заветам. Тут, следуя суворовскому «догони и перегони Цезаря и Аннибала», Драгомиров взялся догнать и перегнать Суворова-педагога.

Но времена и техника были не те. Либеральный культ солдата-трехлетки не делал из него «чудо-богатыря» и воина, «который понимал свой маневр». Внедрение идеи преимущества штыка перед огнем не уничтожило губительности последнего из скорострельных магазинных винтовок и пулеметов. Логичный Драгомиров даже открыто противился со всею силою своих авторитета и остроумия замене в начале 90-х годов в русской армии однозарядных винтовок пятизарядными.

В погоне за «чудо-богатырем» получились непредвиденные результаты: войска Киевского округа прославились своею распущенностью, а среди начальства расцвела наклонность к вычурным служебным фокусам, считавшимся в духе учения Драгомирова.

После Русско-японской войны 1904—1905 годов с ее наставительными и отрезвляющими огневыми уроками, надо было перестраивать наши военные доктрины, и в Киевском округе особенно. Ведущим округом на этот раз сделался Петербургский, где взялись за дело пересмотра энергично и с увлечением.

Заработал по иному, поглядывая на столицу, и наш Киев, сбросив с себя псевдо-суворовскую оболочку. Но наверху стоял беспечный В. А. Сухомлинов. Общего руководства не было. В разное разное новых мелких тактических приемов почти вовсе не уделялось внимания технике управления войсками.

В этой области мог и был должен помочь наш местный Генеральный штаб. Ему следовало разобраться в накопившемся после войны печатном и другом материале; обратиться к живому голосу строевых начальников, получивших боевой опыт в Маньчжурии; расшевелить мозги и энергию в войсках; преподать последним, на основании выводов, обновленную тактику*.

Но во главе нашего Генерального штаба в Киеве стоял Маврин, отставший от военной науки и откровенно к ней безразличный, продукт канцелярской школы мирного времени. Назначение его впоследствии, во время войны, вестись тылами и снабжением Юго-Западного фронта гораздо больше к нему подходило.

* Превосходной ареной для обсуждения злободневных военных вопросов в Петербурге было Общество ревнителей военных знаний, основанное и энергично руководимое полковником Генерального штаба Е. Ф. Новицким. — *Прим. авт.*

Следующей за Мавриным величиной киевского штаба был генерал-квартирмейстер Баланин. Из этого человека, еще молодого, жизнь была ключом, но он успел настолько пропитаться, прослужив долго в Главном штабе, соками старых методов и приемов, что было трудно ожидать от него инициативы пробуждения к творческой и освежающей деятельности.

Инициатива отсутствовала и дальше, на подчиненных этим двум генералам низах Генерального штаба; да она и не поощрялась, и ее не искали.

Максимум военно-научного усилия, проявляемого штабом округа, заключался в организации казенных докладов в его стенах. Доклады эти были чрезвычайно редки, составляли событие, и выбором тем никто не руководил. Из чужих сообщений я помню только одно — Лукомского о мобилизации, точное, но плоское и бесцветное. Я делал двухчасовое сообщение об операции под Сандепу и старался оттенить вопросы управления, столь плачевные в японскую войну.

Так как все немногие доклады были позитивные и военно-исторического содержания, то обмена мнений по ним не производилось. Если бы штаб округа подхватил идею Епанчина, примененную им в 42-й пехотной дивизии, и развил бы ее на высотах киевского Генерального штаба, мог бы создаться полезный тактический форум, подобный петербургскому Обществу ревнителей военных знаний.

Но покой status quo был предпочтительнее хлопот и волнений, которые предвещались организацией докладов по спорным текущим вопросам.

Затем существовал институт полевых поездок офицеров Генерального штаба, производившихся не больше раза в год, раннею осенью. За время моей службы в Киеве я участвовал в двух таких поездках. Одна была в Волынской губернии, в живописных окрестностях Дубно*, описанных Гоголем в «Тарасе Бульбе»; другая — в Подолии, тоже по-своему характерной и интересной.

В смысле пейзажа, вольного воздуха, случайных стоянок и мимолетных знакомств и верховой езды, эти поездки доставляли большое удовольствие. Но задачи мы решали по рецептам, внедренным в наших руководителей с академической скамьи; связи между работами отдельных офицеров не было; разборы и выводы тоже носили старомодный и трафаретный характер. Мы не двигали тактику вперед, не развивались сами, топтались на месте.

* Дубно — первое упоминание города в 1100 г. Ныне находится в составе Украины. — *Прим. ред.*

По возвращении домой в памяти оставались лишь бытовые впечатления, вроде приезжавших на станцию Волочиск, на границе с Австро-Венгрией, офицеров ближайшего австрийского гарнизона со специальной целью «хватить» рюмку русской водки, другую и закусить селедкой или аппетитным горячим пирожком за стойкой вокзального буфета.

Примерно в те же годы (1906–1907) А. Г. Винекен был командирован новым начальником Генерального штаба Ф. Ф. Палицыным в союзную Францию на большую полевую поездку офицеров Генерального штаба.

По его рассказу, эта поездка и наши русские отличались друг от друга как небо и земля. Насколько наши всегда и везде проходили в легкой, безответственной атмосфере, напоминая пикник, настолько французские, под влиянием Фоша, представляли собою скелет настоящей армейской или корпусной операции. В распоряжении руководителей состояли богатые средства связи, позволявшие выполнять задачи с воображаемыми войсками на верных дистанциях и интервалах. Операция разыгрывалась в математически точных координатах пространства и времени, что, разумеется, требовало колоссальной подготовительной работы штаба руководства и продолжения ее в течение всего периода поездки. День каждого офицера был расписан по минутам.

Метод этот приучал к техническому совершенству полевой работы штабов и давал живое представление об условиях, с которыми придется считаться в военное время. Старшее руководство непрерывно вносило поправки и вводные задания, приближая исполнителей к этим условиям.

Нечего и говорить, что любоваться красотами природы и флиртовать под вечер с попутными дачницами было некогда. «Я под конец настоящего трудового дня, — говорил Винекен, — был так разбит, что немедленно после общего ужина группы валился на кровать, зная, вдобавок, что ровно в 6 часов утра прозвучит призывная кавалерийская труба и нужно будет начинать следующий день!»

Французская постановка, разумеется, требовала, кроме кропотливой предварительной разработки военной игры в поле, еще и значительных материальных затрат. Но, казалось бы, для пользы дела лучше редко да метко.

Дешевле должны были обходиться военные игры на карте. И такие игры могли служить существенной подготовкой к полевым поездкам. Но они не производились вовсе: совершенно отсутствовала техника ведения военных игр не в одном Киеве, а во всей России, и руководство было любительским.

Каждый раз, когда брались где бы то ни было за это занятие, из него ничего не выходило*. Ничего не получилось и из попытки нового начальника Генерального штаба Ф. Ф. Палицына «показать» нам в Киеве, «как это делается».

Палицын был военно-образован, хорошо знаком с методами германского Генерального штаба, справедливо поклонялся им и задался мыслью привить эти методы к русским условиям. К сожалению, эти условия часто оказывались сильнее Палицына, а сам он был, по натуре, большой медлитель и противник порывистых и крутых мер. Но Россия XX века не походила на Пруссию середины XIX, и кандидату в русские Мольтке не было дано, как его прусскому образу, времени, чтобы исподволь и постепенно переродить наш Генеральный штаб. Палицын получил в свое распоряжение всего три года, после чего начатая им работа была подкошена во младенчестве его преемником, бросившим следить за наукой Сухомлиновым, не любившим кропотливого труда и неспособным вдохновлять на него других.

Хотя Сухомлинов пробыл собственно в должности начальника Генерального штаба меньше года, но он стал потом военным министром и уничтожил самостоятельность начальника Генерального штаба.

В начале 1907 года Палицын приказал Киевскому округу произвести большую военную игру, объявив, что придет руководить ею сам. Можно себе представить, как вдруг зашевелился наш муравейник в ожидании этого набега «новой метлы»**.

Неизвестно почему, всем офицерам Генерального штаба раздали литографированные, написанные бисерным почерком А. А. Самойло, записки об устройстве австро-венгерской армии с приказом выучить эти сведения наизусть. Несчастный Баланин должен был затем проэкзаменовать каждого офицера в усвоении кучи мельчайших справочных данных, секретность которых сильно преувеличивалась. Для производства экзамена генерал-квартирмейстер выбрал неожиданное место — телефонную будку со стеклянными боками в штабе округа. В полумрак этой коробки заманивался очередной офицер и подвергался, как грешник в католическом конфессионале, подробному допросу. Нужно ли к этому прибавить, что эта зубрежка пропала даром;

* В начале 1911 г. собрали всех крупных начальников в Петербург для военной игры, но в последнюю минуту чего-то испугались и отменили. Слабо была проведена крупная игра в Киеве в начале 1914 г., незадолго до войны, и не дала выводов. — *Прим. авт.*

** Палицын, правда, наезжал уже раза два в округ для руководства полевыми поездками офицеров Генерального штаба, но «метла» все же оставалась «новой». — *Прим. авт.*

Палицын не последовал примеру Баланина и не приглашал нас на проверку сведений о числе мотков проволоки, возимых в обозе 2-го разряда гонведного полка.

Как бы то ни было, Палицын наконец приехал; мы были ему представлены в штабе округа в 8 часов темного зимнего утра (намек на цену рабочего времени?), и в тот же день началась игра.

На огромных столах были разложены простыни карт. Стороны разведены по своим залам, а разные «штабы», представленные каждый одним офицером, по своим углам.

Первой вступила в дело конница. Кавалерист Палицын, кавалерист Сухомлинов, кавалеристы помоложе, настоящие и представлявшиеся, погрузились с головой в действия разъездов, разведывательных эскадронов, кавалерийских дивизий. Штабные, покончив со своим «исходным положением», чинили карандаши и держали наготове свои полевые книжки. Прошел день, другой, третий. Может быть, больше, даже наверное больше. Военная игра все еще не выходила из авангардного периода и боев охранений и разведки. Главные силы все еще бивакировали и квартировали. Между тем, время продолжало идти, и календарь с укоризной смотрел на Палицына: намеченный им срок пребывания в Киеве приближался к концу, в Петербурге ждали другие дела.

Если темп игры останется тем же, на окончание бумажной операции, задуманной в широком армейском размахе, понадобится не несколько дней, а месяцы. Скомкать и пройти на полевом галопе все то многое и существенное, что оставалось разыграть? Но против этого должна была восстать сама природа Палицына, которая требовала подробностей, полноты и точности.

Если бы Палицын взялся написать военно-ученый трактат, он, как Клаузевиц, затратил бы на него всю свою жизнь, но не решился бы издать свои десять или больше томов, боясь незаконченности и несовершенства своего труда.

Сочетание условий календаря, недостатка времени и достоинств Палицына решило участь военной игры. Она была остановлена, не достигнув и четверти своего пути. Гора родила мышь. Материала для удовлетворительного разбора не хватало; однако Палицын собрал нас, участников, воевавших и не воевавших, сделал разбор и сказал ключительное слово. Это, как все, что делал Палицын, вышло деловитым, но длинным, медленным, тягучим и без искры. В голове не осело никаких мыслей от этого мягкого и расплывчатого наставления.

После ухода Палицына в 1908 году с должности начальника Генерального штаба мы не видим его больше на видных постах ни до войны, ни во время войны. Можно подозревать в нем поэтому еще одну черту характера: он не любил и избегал слишком крупной и пря-

мой ответственности. Мудрый и осторожный, Палицын предпочитал оставаться в тени, в роли нештатного советчика — философа. Именно в такой роли он состоял при нашей Ставке во время войны. Лишь под конец он принял назначение на должность нашего военного представителя в Париже, и надо думать, что этот дипломатический пост был ему по душе. Но проявить себя там ему не удалось: грянула русская революция и смешала все старые карты*.

То обстоятельство, что во главе Киевского военного округа стоял кавалерист и бывший начальник Офицерской кавалерийской школы, отразилось на офицерах Генерального штаба киевского гарнизона в одном приятном отношении. Сухомлинов завел конные выезды по «искусственному следу», или так называемые «лисички».

Собственных лошадей, как правило, офицеры Генерального штаба не держали, сидеть им приходилось большую часть времени не в седле, а на штабном стуле. В случае же полевых поездок верховые лошади наряжались от ближайшей кавалерийской части. В Киеве — от жандармского полуэскадрона, полагавшегося при штабе округа.

Раза два в лето Сухомлинов, сопровождаемый большой верховой группой офицеров Генерального штаба, выезжал на эту воображаемую охоту по пушному зверю. Полковник Ганжа, тоже кавалерист, знавший технику «лисички», заранее разведывал кусок пересеченной местности и затем, в день выездов, изображал из себя зверя, обозначая свой след мелко нарезанной бумагой. Мы гнались за ним разными аллюрами, виляя по оврагам и холмам, продираясь через кусты или рощи, прыгая через канавы и изгороди. Это было весело и здорово.

Офицер, который, наконец, срывал с плеча Ганжи, шедшего увилистым галопом на своем собственном гунтере, белую развевавшуюся ленту, получал приз: золотой жетон в виде лисы.

Я любил эти конные развлечения, и все другие офицеры, вероятно, были тоже рады провести полдня в поле и в движении вместо сидения в душной канцелярии.

* Из того, что было слышно о Палицыне во время его безответственного состояния при высших штабах во время войны, можно заключить, что в нем отсутствовало настоящее военное чутье и что он не был военным психологом. Известно, что он был против смелой, но своевременной по обстановке атаки Юденичем Эрзерума и даже не поверил донесению о взятии крепости. Будучи послан в 1915 г. в Литву наладить отношения между действовавшим там довольно путанно генералом Горбатовским и штабом Юго-Западного фронта, Палицын предложил лекарство: в течение трех дней оставить Горбатовского в покое и не досаждать ему указаниями! — *Прим. авт.*

Как-то раз, вместо «лисички», Сухомлинов устроил нам поездку в поле под предлогом решения тактической задачи. Выехали мы с картами, планшетами и полевыми книжками. На этой летучей проверке наших знаний и умения распоряжаться сообразно с обстановкой обнаружилось, до какой степени в нас сильны были шаблоны, застывшие со времени задач, которые мы решали еще в Академии. Особенно стремились «занять позицию», расписать ее по участкам и ждать противника.

Выехав на место, я обратил внимание на то, что в данном случае все выгоды были на стороне маневра (плохой обстрел, но удобные подступы для скрытого движения). Соответственно с этим, я удержал в своем решении главные силы в кулаке для удара во фланг наступающему воображаемому противнику, разведывая и охраняя остальными силами. Такое активное решение оказалось единственным. Оно заслужило одобрение нашего судьи, Сухомлинова, и косые взгляды остальных товарищей по мундиру.

Когда я уезжал на службу в Петербург, офицеры Генерального штаба киевского гарнизона поднесли мне подарок. Выбор его поручили Н. Н. Духонину, и тот спросил меня, что бы я хотел сам. Я ответил: вещь, которая всегда находилась бы перед моими глазами. Духонин обнаружил хороший вкус, найдя стильные часы ранней николаевской эпохи на письменный стол. Часы эти действительно всегда смотрели на меня своим большим циферблатом, когда я занимался за своим столом и когда писал профессорскую диссертацию.

Военное училище тоже почтило меня подарком — нарядным бюваром с тяжелой серебряной доской, на которой был выпуклый орнамент *оухé*. Эта чернота спасла бювар, когда воры ограбили мою квартиру в Измайловских казармах после революции в 1917 года. Они взяли все, что казалось им явным серебром или золотом (пропали все мои ордена), но доску на бюваре они сочли, должно быть, за железо! То же и массивную статуэтку затемненного серебра — подарок лейб-гвардии Егерского полка.

Кроме всех этих воспоминаний — мелких, средних и больших, — я уносил из Киева одно главное: здесь родились мои дети.

Дочь Елена — 6 (19) июня 1906 года и сын Владимир — 8 (21) декабря 1908 года. Оба ночью — дочь под утро, сын — в начале ночи. Принимала говорунья Петровская, так как акушер Яхонтов оба раза опоздал. Произошло это еще в квартире на Кругло-Университетской. В 1909 году, весной, мы переехали на другую, тоже в Липках.

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА В ПЕТЕРБУРГЕ

Вернуться в Петербург, где прошла большая часть жизни, было приятно. Но я никогда не жалел о четырех годах, проведенных в Киеве. Мы не только познакомились с «матерью городов русских» и первой по времени столицей русского народа, но я побывал еще на Волыни, в Подолии, в Полтаве* и в местечке Шостке Черниговской губернии.

В Полтаву меня командировал Киевский отдел Императорского военно-исторического общества, действительным членом которого я состоял. В конце июня 1909 года предстояло празднование 200-летнего юбилея Полтавского сражения. Наш Киевский отдел решил выпустить к этому времени «Путеводитель» по местам, где так ярко блеснул военный гений Петра Великого.

Мне пришлось пешком обойти и поле сражения, делая схематическую съемку местности — в сравнении с картой боя, — и все памятки в Полтаве и вокруг, связанные с этим событием.

Результатом моей работы явилась брошюра, изданная Киевским историческим отделом и моя статья в «Русском инвалиде» о Полтавском поле — 200 лет тому назад и теперь**. Существенные черты его уцелели, и, стоя в известных точках, можно было вообразить себе, как шведы протискивались через подставленную им Петром ловушку — дефиле и редуты, — чтобы затем, в состоянии расстройств, быть атакованными свежей русской армией из укрепленного лагеря.

В Главном управлении Генерального штаба я получил назначение в отдел 2-го обер-квартирмейстера, ведавшего нашей разведкой за границей и изучавшего армии и возможные театры военных действий как наших возможных противников, так и союзников. Параллельный

* **Полтава** — первое упоминание в 1174 г. Ныне в составе Украины. — *Прим. ред.*

** Этим не ограничилось мое участие в Полтавском юбилее. Лето 1909 г., обычные училищные каникулы я проводил с семьей под Петербургом, в Ораниенбауме, у родителей жены, чем воспользовался профессор А. К. Байов; он занимался устройством юбилейных популярных лекций в Петербурге, тоже от имени Военно-исторического общества, деятельным членом которого состоял. Байов предложил мне сделать сообщение для рабочих одного из крупнейших казенных заводов. Лекция в каком-то общественном зале Петербурга собрала огромную аудиторию в несколько сот человек. — *Прим. авт.*

отдел 1-го обер-квартирмейстера представлял собою главную лабораторию по вопросам стратегическим и оперативным — подготовки к войне в широком смысле. Деятельность обоих отделов объединял генерал-квартирмейстер, непосредственно подчиненный начальнику Генерального штаба. В распоряжении генерал-квартирмейстера состояло, кроме того, так называемое «особое отделение», носившее печать таинственной важности и занимавшееся наиболее секретными делами тайной разведки и контрразведки.

Моим обер-квартирмейстером оказался генерал-майор Е. К. Миллер, назначивший меня в отделение, ведавшее всеми Балканскими государствами. В этом отношении мне повезло, так как я получил своим прямым начальником полковника Сергея Ефимовича Гущина — человека исключительных душевных качеств, у которого ум и способности охотно уживались со скромностью. Он был казак и начал свою службу в Донском войске. Холостой, превосходный служака, выдержанный как со старшими, так и с младшими, Гущин представлял собою образцовый тип офицера Генерального штаба. Работать с ним было и приятно, и полезно.

Спокойной и приятной была также общая атмосфера во всем нашем отделе, благодаря Е. К. Миллеру. Образованный и светски-воспитанный, бывший лейб-гусар, перед своим назначением на должность обер-квартирмейстера — наш военный агент в Риме, Миллер принес с собою обычаи и привычки человека общества, офицера хорошего гвардейского полка и европейца, плюс свое природное доброжелательство. Он завел в помещении отдела общие завтраки, на которых председательствовал сам и которыми пользовался, чтобы короче узнавать своих офицеров и сближать их между собою*.

Tel maître tel valet** — вся наша группа в своих взаимных отношениях приобрела характер дружной полковой семьи. Всего нас было около 15 человек. Среди них я встретил кое-кого из старых знакомых, начиная с А. Г. Винекена; сослуживцами оказались еще мой товарищ по Пажескому корпусу С. Н. Потоцкий***, по академии — С. Л. Марков**** и В. Г. Скалой. Увидел я также здесь А. А. Самойло, специалиста

* Во время войны Евгений Карлович был начальником штаба 5-й армии и командиром корпуса. Во время Гражданской войны командовал белыми войсками в Архангельске. В эмиграции, после похищения А. П. Кутепова, возглавил Общевоинский Союз русских офицеров-эмигрантов и в 1937 г. подвергся участи своего предшественника: был похищен большевиками среди бела дня в Париже. — *Прим. авт.*

** «Какой хозяин, такой и слуга» (*фр.*). — *Прим. ред.*

*** Во время войны военный агент в Дании. — *Прим. авт.*

**** Достиг на войне должности начальника штаба Юго-Западного фронта у А. И. Деникина. Бежал с ним и Корниловым из Быховской тюрьмы

по Австро-Венгрии в штабе Киевского округа и автора бисерных иероглифов, портивших глаза участникам военной игры 1907 года, опisanной раньше*.

Знал я и генерал-квартирмейстера — Юрия Никифоровича Данилова, тоже по Киеву, где он два года перед тем командовал 166-м пехотным Ровенским полком**.

В отличие от профессора Н. А. Данилова — рыжего, — наш получил прозвище «черного», которое удержалось за ним и тогда, когда эта чернота заменилась сединой, и одним воспоминанием оставались черные густые брови, придававшие лицу выражение свирепости. Под кличкой «черного Данилова» он был известен не на одних верхах и в штабах, но и в строевой армии.

Это был несомненно умный, добросовестный, строгий к себе и к другим работник и честный человек. С 1909 года он представлял собою в Главном управлении Генерального штаба единственную постоянную величину вплоть до начала войны 1914 года. За эти 6 лет над ним сменилось 4 начальника Генерального штаба. Невозможно было ожидать, чтобы они оставили по себе какой-либо след даже при наличии желаний и подготовленности, чего не было. Таким образом, вся стратегическая работа по выработке плана войны лежала на плечах Ю. Н. Данилова.

Так как затем Данилов остался в роли генерал-квартирмейстера в течение первого года войны при начальнике штаба — нуле, — то он и сделался легкой мишенью для критиков русской стратегии, теоретической и практической, на протяжении этих шести лет. Ю. Н. Данилов сам помог нападкам на себя, напечатав в эмиграции свои воспоминания, в которых прямо и честно изложил ход соображений, легших при его участии в основу нашей стратегии.

Я не пишу историю войны 1914—1917 годов и заново на эти страницы своей записной книжки лишь воспоминания о лицах, с которыми меня сводила судьба, и о событиях, которых я был свидетелем; поэтому я не вникаю здесь в суть предъявляемых Данилову-«черно-

на юг России, играл выдающуюся роль в Добровольческой армии и был убит в бою с красноармейцами. — *Прим. авт.*

* Самойло, рисовавшийся своими крайними правыми убеждениями, при большевиках поступил к ним на службу и, вообще, остался в советской России. — *Прим. авт.*

** Генерал-квартирмейстер Ставки в 1914—1915 гг. Автор изданного в эмиграции труда о стратегической подготовке и стратегии России в последнюю войну — «Россия в мировой войне 1914—1915 гг.» (Берлин, 1924). В сентябре 1915 г. командовал 25-м армейским корпусом. Был потом начальником штаба Северного фронта и затем командующим 5-ой армией. За свою работу в Ставке имел орден Святого Георгия 4-й степени. — *Прим. авт.*

му» обвинений, подчас в резкой и грубой форме. Скажу только, что не трудно казаться мудрым критиком после того, как все карты открыты и ошибки стали очевидными.

Данилов мог ошибаться, но едва ли не хуже его ошибался прославленный и «победоносный» Людендорф, его германский коллега.

В моей памяти Юрий Никифорович стоит как один из лучших офицеров нашего Генерального штаба, серьезный, скромный, трудо-способный и внимательный к деталям. Если Ф. Ф. Палицына некоторые считали подходящим на роль русского Мольтке, то невольно приходит в голову, что Данилов в методах своей работы походил на Палицына. И так же, как Палицын, он был медлителен и осторожен; так же стремился к совершенству, глубине и законченности. Каждый мало-мальски ответственный доклад Данилов примеривал и взвешивал, проверял и изучал, пока все оказывалось, наконец, на месте, ясно, убедительно и отделанно. Вошла в поговорку любимая отметка Юрия Никифоровича на полях меморандума: «Прошу уточнить». С. Е. Гушин возвращался с очередного доклада генерал-квартирмейстеру, клал передо мной бумаги, которые уже не раз путешествовали туда и обратно, и с выразительным жестом говорил: «Ну, Борис Владимирович, подумайте, что мы тут можем уточнить!» Это означало изыскание дополнительных данных — и можно вообразить наш триумф, когда документ после этого получал долгожданную подпись Данилова.

То же самое испытывали и другие отделения, но больше всего доставалось переделок и уточнений оперативным нашим собратьям во главе с Н. Н. Стоговым*. Тут было столько подвижных и условных вопросов!

«Особое» отделение со всеми своими архисекретами держалось особняком. Начальствовал им полковник Николай Августович Монкевиц, высокий, с плывущей походкой, подтянутый и всегда хорошо одетый, с очень заметной косиной в глазу. Он был умен, ловок, имел гладкие дипломатические манеры и любил хорошо пожить; впоследствии Монкевиц оказался на месте также и в строю, хорошо командуя на войне пехотной дивизией и, кажется, корпусом**.

* Во время войны начальник штаба 8-й армии у Каледина (1916), георгиевский кавалер. В 1917 г., ко времени большевистского переворота, начальник Главного штаба. В эмиграции — ближайший помощник Кутепова и потом Миллера по управлению Офицерским союзом. — *Прим. авт.*

** В эмиграции состоял при генерале Кутепове и в 1926 г. исчез в таинственных условиях, сообщив в полицию Парижа, чтобы не беспокоились искать его тело. Интересно, что осенью этого года, за месяц до этого исчезновения, я снимал у него комнату в Фонтенбло, где писал этюды, и его дочь, а иногда и сам Монкевиц сопровождали меня по местам, которые хорошо знали и рекомендовали. Были основания считать, что он не кончил жизнь са-

Из секретных достижений особого отделения вспоминаю рассказ, на ухо, о том, как были сняты копии важных документов, хранившихся в письменном столе военного агента одной из великих держав, полковника Н. Было известно, что в квартире этого полковника полагался истопник, обязанность которого заключалась в «заправке» всех печей в 5–6 часов утра, когда все еще спали. Наше особое отделение устроило болезнь всегдашнего истопника и подослало на его место своего человека. Неслышно ступая по квартире в традиционных валенках профессионального истопника, этот наш агент мог попробовать все хранилища, где рассчитывали найти нужные бумаги. Но предполагалось, и это оказалось верным, что они лежали в ящике письменного стола в кабинете. Псевдоистопник успешно сделал сначала слепки с замков, а затем, заказав и получив по ним ключи, произвел разведку ящиков этого стола. Документ был почти немедленно найден и скопирован в крупных чертах. Понятно, что эти выборки мог сделать толково лишь офицер Генерального штаба.

Другой случай того времени из области тайной разведки получил огласку вследствие шумного и драматического его окончания.

Нашему военному агенту в Вене полковнику Марченко удалось купить услуги одного из старших офицеров австрийского Генерального штаба, стоявшего во главе важного отделения военного министерства. Через этого человека мы начали получать регулярные донесения о последних «новостях», имевших отношение к вариантам стратегического развертывания австро-венгерской армии против России. Но мелочные сведения приносили сравнительно мелкие суммы, а *l'appétit vient en mangeant**. Очертя голову, жадный до светских удовольствий авантюрист продал, наконец, исправленное мобилизационное расписание своей армии. Оно прогостило одну ночь у Марченко и было успешно, страница за страницей, сфотографировано. На утро расписание вернулось, казалось, благополучно, в бронированный шкаф министерства, а австрийский полковник мог поздравить себя с крупным кушем.

Но куш этот был и последним! Образ жизни этого офицера, постепенно расширявшийся в сторону *wein, weib und spiel***, обратил на себя внимание. Все знали, что он не имел своих средств. Начали следить; подставили ловушку и поймали с поличным.

Потушить скандал было трудно. Как поступить с русским военным агентом, который пользовался дипломатической неприкосно-

моубийством, а бежал, куда — неизвестно. В небольших суммах Офицерского союза обнаружилась растрата. — *Прим. авт.*

* «Аппетит приходит во время еды» (фр.). — *Прим. ред.*

** «Вино, женщины и игра» (нем.). — *Прим. ред.*

венностью? К Марченко прибыл, под покровом ночи, придворный чин и от имени самого Императора передал ему «совет» покинуть пределы Австрии в 24 часа. Марченко ничего не оставалось, как лихорадочно улечься и уехать.

Утром венцы прочли в газетах о том, что хорошо им знакомый блестящий и веселый офицер военного министерства покончил с собой по неизвестной причине. На самом деле заряженный револьвер был вручен этому предателю после его ареста одним из его сослуживцев по приказанию начальника Генерального штаба. Марченко по приезде в Петербург был милостиво принят Государем и вскоре награжден, вне очереди, орденом Святого Владимира 4-й степени*.

Если мы покупали в Австрии полковников, то наши противники покупали у нас под носом писарей. Спустя некоторое время после описанного попался в шпионаже старший писарь нашего 2-го обер-квартирмейстера Ершов. Он прекрасно и долго симулировал свою бедность и забитость, именно по этой причине был оставлен на сверхсрочную службу и автоматически стал старшим писарем и «журналистом». Никаких умственных способностей это существо не обнаруживало, но, видимо, усердно старалось, и начальство продолжало держать его «из жалости». Мы все знали, сколько у него детей и чем больна жена, и даже делали сборы в пользу его семьи. Усердие Ершова выражалось, между прочим, в том, что он добровольно оставался в канцелярии после окончания служебных часов, как он объяснял, для приведения в порядок и подшивки дел.

Поведение это, наконец, начало внушать подозрения. И кончилась эта печальная история уличением, арестом и судом «бедного и жалкого» Ершова, под этой личиной торговавшего нашими секретами. Улики были слишком сильны, его осудили за измену и повесили.

В Балканском отделении, где я служил, нам приходилось постоянно иметь дело с нашими военными агентами, в шести государствах.

Старшим и самым положительным из этих представителей был Иван Алексеевич Хольмсен. Выдержка и степенность его говорили о шведском происхождении, а четыре языка, не считая русского, которыми он владел свободно — об его образовании.

Донесения Хольмсена из Константинополя отличались регулярностью, аккуратностью и полнотой. В нем всегда чувствовались ис-

* М. К. Марченко в чине капитана был в Академии руководителем по тактическим занятиям в той партии, в которой состоял и я. В конце года он оценил мою работу полным баллом. Марченко — конногвардеец, хорошо образованный человек, историк (по эпохе Петра I). Начальник Николаевского кавалерийского училища к началу войны. Был женат на дочери Горемыкина (министра), свойственнице моей жены. Умер во Франции около 1935 г. — *Прим. авт.*

кусный организатор и удачное соединение военного с дипломатом, с нажимом на военную специальность*.

Неудачное соединение представлял собою Максим Николаевич Леонтьев, сидевший в Болгарии. Ему нравилась дипломатическая роль, что, по всей вероятности, действовало подчас на нервы нашего представителя министерства иностранных дел. Еще больше эта политическая складка действовала на наши нервы, так как вместо донесений о военных делах и составления нужных нам работ по изучению болгарской армии и болгарского театра мы получали толстые пакеты, заключающие — по терминологии Леонтьева — «разговоры» его с разными политическими деятелями Болгарии, включая и самого царя Фердинанда. Но пока Леонтьев «разговаривал», болгары строили новую железную дорогу через Шипкинский перевал, о чем наш военный агент «забыл» донести. Запрошенный — почему, Леонтьев храбро ответил, что эта железная дорога не имеет никакого стратегического значения!

Как кажется, Максим Николаевич, или «Максимка» по заглавному прозвищу, был избалован в своих политических вторжениях в область нашей дипломатии Палицыным, в бытность его начальником Генерального штаба. Палицына самого клонило к этой области, и его подкупала литературная и гладкая форма леонтьевских рапортов. Не замечая за этой маской отсутствия содержания, Палицын искренно писал на полях: «Прочел с интересом». Резолюция, конечно, сообщалась в Софию и служила поощрением автору.

С уходом Палицына «разговоры» начали молчаливо подшивать к делу, и в мое время они составили объемистый, но бесполезный фолиант.

Как раз в те годы (1910–1912) делались с нашей стороны попытки заключить с Болгарией прочный военный союз на случай войны с Германией, Австро-Венгрией и Турцией. К сожалению, переговоры не привели к желаемому результату, главным образом потому, что

* Перед войной И. А. Хольмсен был произведен в генерал-майоры и назначен командиром бригады 1-й гренадерской дивизии в Москве. Выступил на войну начальником второочередной пехотной дивизии и в несчастном бою в Восточной Пруссии в начале 1915 г. был взят в плен. Тем не менее, впоследствии награжден Георгием 4-й степени. В эмиграции мы встретились в Лондоне, и Иван Алексеевич одно время состоял моим помощником, когда я был начальником специальной военной миссии для связи Англии с нашими добровольческими армиями. Мы подружились. В дополнение к его приятным качествам светского и просвещенного человека Иван Алексеевич обладал юмором, оживлявшим его природную деловитость. В эмиграции он напечатал интересную работу о той операции, в которой погибла его дивизия. — *Прим. авт.*

Царь Фердинанд всегда держался австрийской ориентации. В разгар переговоров в 1911 году в Россию приезжал на Красносельские маневры тогдашний начальник Генерального штаба генерал Фичев. Я был назначен при нем состоять. Одновременно с поездкой Фичева в Петербург Царь Фердинанд отправился с визитом к Францу Иосифу в Вену! Это двуличие послужило причиной подчеркнуто холодного приема Фичева Государем. Как нарочно, в то время присутствовала на маневрах большая французская депутация, которую Государь, Двор и военные власти столь же подчеркнуто обласкали. Контраст в приеме был совершенно очевиден каждому.

Более удачный военный договор был заключен в мое время с маленькой Черногорией, которая вообще пользовалась нашей поддержкой, не только нравственной, но и материальной. Особое покровительственное отношение к Черногории было подчеркнуто известным тостом Императора Александра III во время визита князя Черногорского Николая I. Он выпил за здоровье «единственного искреннего друга России». Тост этот сочли в дипломатических кругах Европы бестактным, но смолчали. Слишком внушительна была фигура и политика Александра III.

По заключении с Черногорией примерно в 1911 году конвенции Россия обязывалась, помимо увеличения обычных субсидий, реорганизовать черногорскую армию, превратив ее из примитивной милиции в регулярную армию, способную в случае войны с Австрией или Турцией оказать сопротивление и полезное содействие России.

Военным агентом нашим в Цетинье состоял Николай Михайлович Потапов, способный и деятельный офицер, научившийся ладить с капризным и двуличным королем и со страстными и жадными до денег и почестей его помощниками. Но на роль реорганизатора армии нужно было назначить особое полномочное лицо. Выбрали некоего полковника Генерального штаба Егорьева. Высокий и худой как жердь, узкоплечий, с крошечным вздернутым носом, оседланным пенсне, с бородой и волосами цвета мочалы, он, вероятно, бросался в глаза на «брюнетном» фоне черногорцев, смуглых, коренастых, с их орлиными носами и зоркими глазами.

Егорьеву был пожалован чин черногорского генерала и присвоен театральный национальный костюм свирепого балканского воина: короткая куртка вроде болеро, щедро расшитая золотом, широкий шелковый пояс красного цвета с заткнутым в него древним пистолетом, живописные шаровары и высокие сапоги. Геройский костюм этот очень нравился Егорьеву, который вообще считал свою наружность видной и воинственной. В бытность в Петербурге, в скромной форме русского полковника, он громко здоровался с встречаемыми им на улицах воинскими командами, и те отвечали ему, недоумевая,

что это за начальство*. Когда офицерам Генерального штаба дали сабли в дополнение к шашке** (кажется в 1912 году), Егорьев носил ее «по-гусарски», так, чтобы она волочилась по земле, и ему доставляло удовольствие назойливое дребезжанье металлических ножен по плитам петербургского тротуара.

Мы подтрунивали над этим мелким тщеславием человека, которому никак нельзя было отказать в уме, способностях и даже таланте. Но именно эти черты и его желание господствоватьгодились в черногорском войске, которое нельзя было взять скромностью, понятливостью и одной деловитостью.

Высокомерность и оперная форма черногорского генерала импонировали тамошним воякам всех степеней, имевшим психологию горных разбойников. Они ожидали «атамана» и получили его!..

В результате выработки конвенции и переговоров, в которых наше отделение принимало ведущее участие, Гушин и я густо украсились черногорскими орденами. Я получил черный крестик на бело-красной ленте в свою грудную колодку, красивый голубой крест на шею (носил по борту ниже русских орденов) и большую золотую медаль — по случаю какого-то юбилея короля.

Получил я в 1912 году награду и от болгар в память моего состояния при Фичеве в предыдущем году. Это был огромный и тяжелый крест на шею темно-красного цвета на желтой ленте (чем меньше страна, тем крупнее ордена, заметил кто-то***).

И оба эти славянские государства изменили делу славян во время войны 1914—1918 годов! Наши контракты, на которые было потрачено столько усилий, оказались ничего не стоящими «клочками бумаги». Черногория, в наказание, потеряла по Версальскому миру свое место на карте как самостоятельное государство. И династия Негошей ушла в небытие и забвение. Я не знаю, где и как кончилась карьера нашего инструктора и «черногорского» генерала Егорьева****. Но были

* В русской армии можно было вести короткий разговор с сомкнутым строем, здороваться, прощаться, благодарить. Но для этого нужны были служебные отношения с данной воинской частью. — *Прим. авт.*

** Шашка в кожаных черных ножнах носилась на плечевой портупее. Сабля — на поясной портупее. — *Прим. авт.*

*** Орден этот вручил мне лично генерал Радко-Дмитриев, победитель турок в 1912 г., в бытность свою в Петербурге. Мимолетная с ним встреча оказалась полезной впоследствии — во время войны, в 1914 г. Скажу об этом в своем месте. — *Прим. авт.*

**** Н. М. Потапов остался в России после большевистского переворота и одно время, в 1918 г., был начальником Генерального штаба Красной армии, когда большевики еще пользовались услугами и знаниями кадровых офицеров старой армии. — *Прим. авт.*

загублены даром как его труды, так и большие русские деньги. Что сказал бы Александр III о своем «единственном друге» Николае I Черногорском, старавшемся сосать двух маток и взвешивавшем, к постоянному огорчению Потапова, не выгоднее ли опереться на Австрию?..*

Из рутинных балканских дел мне пришлось составить очередной справочный сборник о географии, статистике и вооруженных силах Болгарии. Он был напечатан в 1910 году, и выдержка из сведений об армии помещена во втором томе сытинской «Военной энциклопедии».

В 1911 году Главное управление Генерального штаба приступило к изданию ежемесячного журнала, освещавшего разные злободневные вопросы; среди них видное место занимали данные об иностранных государствах. Моей долей сотрудничества была поставка статей о балканских делах. Помню, я поместил, между прочим, отчет о маневрах в Турции по обстоятельным донесениям солидного И. А. Хольмсена.

Издание этого сборника было обязано чистому случаю и легкомыслию военного министра Сухомлинова. Как-то, едуци с очередным докладом к Государю, он увидел у себя на столе среди приготовленных бумаг книжку: № 1 «Сборника Морского Генерального штаба». Скользнув по заглавию, министр решил, что это новое издание нашего сухопутного Генерального штаба, и с этой мыслью вложил в свой докладной портфель и эту книжку.

Кончив в Царском Селе свой доклад, Сухомлинов показал сборник Государю, отрекомендовав его как начало полезного литературного предприятия Генерального штаба.

Однако внимательный Государь, прочтя заглавие, заметил: «Да, но ведь это сборник Морского Генерального штаба!» Сухомлинов не потерялся. Он извинился и объяснил, что в совершенно такой же обложке и в таком же формате только что вышел № 1 подчиненного ему Генерального штаба, что он нечаянно захватил чужую книжку и обещал привезти настоящую через неделю — в свой следующий доклад.

Вернувшись в Петербург, находчивый министр немедленно приказал составить, напечатать и сброшюровать в этот недельный срок № 1 нашего сборника, по внешности точную копию № 1 Морского журнала! Мы — внезапные сотрудники — не понимали, почему такая спешка, почему другие дела померкли на эти 5–6 дней и почему было необходимо воспроизвести шрифт, цвет и вид обложки по Морскому сборнику. Задачу мы исполнили успешно, но наше недоумение и история возникновения журнала разъяснились позже.

* В начале 1916 г. король Черногорский Николай, под впечатлением неудачного для России 1915 г., вступил с Австрией в переговоры о сепаратном мире и, когда они не привели к желаемому им результату, бежал в Италию. Это был азиатски хитрый и жадный человек, который в людях, имевших с ним близкое дело, вызывал чувства обратные уважению. — *Прим. авт.*

Будучи в курсе балканских дел, я поместил также несколько статей в «Русском инвалиде»*: о ходе восстания в Албании и об Адриатической железной дороге, о постройке которой препирались тогда Турция, Греция и Сербия, каждая преследуя свои интересы и ставя палки в колеса основному проекту, в проведении которого была стратегически заинтересована и Россия.

Для изучения этого последнего вопроса я был, между прочим, командирован через Дворцовую площадь, где в здании Главного штаба помещалось стильным полуциркулем наше Управление, на другой конец полукруга, в министерство иностранных дел (у Певческого моста). Там в мое распоряжение предоставили нужные нам дела, и я провел среди них немало интересных рабочих часов.

Наконец, был еще один балканский вопрос, к которому привлекли меня. Со времени нашей войны с Турцией в 1877—1878 годах и освобождения славян, кандидаты в офицеры болгарской, сербской и черногорской армий получили льготный доступ в наши военно-учебные заведения, включая и академии. Но общих правил не существовало, и руководствовались «явочным» порядком. Для выработки общего положения образовали особое совещание под председательством генерала Якубовского, члена Военного совета, прежде — помощника начальника военно-учебных заведений. Я был назначен делопроизводителем этой комиссии. В конце концов мы издали требуемое «Положение» о льготах и т. п., но в моей памяти сохранились не наши довольно многолюдные заседания, а мои визиты к Якубовскому. Я принёс к нему на дом составленные мною журналы заседаний на утверждение и редакцию, если нужны были поправки.

Выражение «на дом» не подходило к образу жизни Якубовского, который по непонятной мне причине помещался в гостинице третьего разряда, переезжая из одной в другую. При этом гостиницы не только были дешевые и непрестижные, но и имели не особенно приличную репутацию. По крайней мере, я, входя в них с деловым портфелем под мышкой и выходя, с осторожностью оглядываясь, не видел ли меня кто-нибудь из знакомых.

Старик Якубовский умер в скорости после окончания работ нашей комиссии, и я, будучи на похоронах, убедился в том, что он был женат. Таким образом, он проживал вне своего настоящего дома в странных студенческих условиях. Иметь с ним дело было приятно: он быстро схватывал суть дела, давал ясные указания и толково боролся в заседаниях с обычным явлением — желанием членов говорить не на тему и попусту растрачивать слова.

* «Русский инвалид» — официальная газета военного министерства в 1862—1917 гг. — *Прим. ред.*

Читатель мог заметить, что, говоря о делах и лицах Управления Генерального штаба, я обошел молчанием его начальника. Но это потому, что его присутствие и руководство вовсе не чувствовалось в нашем отделе 2-го обер-квартирмейстера, и я даже должен напяречь память, чтобы сказать без ошибки, кто именно был в то время начальником Генерального штаба. В 1909 году, до моего перевода, промелькнули на этой должности, как метеор, Сухомлинов и Мышлаевский. Последнего заменил генерал Гернгросс, тоже не надолго. Это был человек из петербургского «света» — бывший конногвардеец, мягкий и, как говорили люди, имевшие с ним служебные встречи, приятный. Службы Генерального штаба он совершенно не знал по той простой причине, что никогда не служил в штабах, держась строевой карьеры. Отбывал он возложенную на него «повинность» формально, не претендуя внести в подчиненный ему Генеральный штаб и работу Главного управления свежую струю. Я не помню, чтобы Гернгросс когда-либо появился в тех комнатах, где мы занимались. Не пробовал он собирать офицеров Генерального штаба и в своем просторном кабинете, чтобы познакомиться с ними и преподать те или другие руководящие начала. В нашем Управлении не делалось никаких публичных докладов, на которых можно было бы подвергать обсуждению военные вопросы. Начальник Генерального штаба не знал нас; не знали и мы его, хотя ежедневно работали под одной крышей. Не изменилось это положение и при преемнике тяжело заболевшего Гернгросса — Жилинском, тоже из петербургского «общества», бывшем кавалергарде, правда, прошедшем различные штабные этапы*.

В назначении этих лиц, гладких светски, но невежественных и безучастных, была видна рука Сухомлинова. Он настоял на снижении роли начальника Генерального штаба вообще и на уничтожении той самостоятельности, которая была дана этой должности при ее основании в 1905 году. Сухомлинов не желал также иметь в этой роли второго Палицына, задавшегося целью реформировать Генеральный штаб и самому стать не только основным ответственным стратегом, но и воспитателем. Не желал и второго Мышлаевского, импонировавшего своею самостоятельностью, умом и настоящей ученостью.

Намеренное обезличение должности начальника Генерального штаба привело, естественно, к тому, что оперативная, разведывательная

* В начале войны главнокомандующий Северо-Западным нашим фронтом, в значительной мере ответственный за Танненбергскую катастрофу. Пребывание Жилинского на посту начальника Генерального штаба не научило его стратегии. — *Прим. авт.*

и всякая другая деятельность почти всецело зависела от лиц, руководивших соответствующими отделами, и от объединявшего их генерал-квартирмейстера. Сказать, что работа шла дурно и не отличалась качеством, было бы несправедливо. Но она велась как бы через голову начальника Генерального штаба, который сделался при Сухомлинове канцелярской единицей, докладчиком и передатчиком чужих мыслей и соображений.

Что касается до стратегического руководства Сухомлинова, смело взвалившего на свои плечи огромную тяжесть ответственности по всем военным вопросам, то она выражалась в спазмодических, непродуманных и импульсивных мерах, о которых потом пришлось сожалеть (упразднение резервных войск и отнесение дислокации вглубь России) или от которых должны были отказаться (срытие крепостей в Привислинском крае).

Легковесность и мальчишеская беззаботность военного министра постоянно прорывалась в наших с ним сношениях. Выше был рассказан характерный эпизод с изданием «Сборника Управления Генерального штаба». Вспоминаю другой случай, вызвавший не одни только улыбки, а большое смущение. Шла речь о постройке линии железной дороги (кажется, на Кавказе). Заключение давали — наше Управление Генерального штаба и, независимо, министерство путей сообщения. К военному министру эти докладные записки поступили в разное время, на расстоянии недели, двух. Мнения ведомств были диаметрально противоположны, но Сухомлинов на обоих докладах положил резолюцию: «Согласен».

Едва ли и Государь считал Сухомлинова серьезным и глубоким, так как было известно, что он называл его за глаза, добродушно, но с иронией: «наш гусар». Сухомлинову был сохранен гусарский мундир Офицерской кавалерийской школы, которой он одно время командовал, и военный министр носил эту форму учебного заведения предпочтительно перед мундиром Генерального штаба. Ему нравились малиновые чакчиры и гусарские шнуры!..

В конце 1909 года я вернулся из Киева на службу в Петербург, в Главное управление Генерального штаба, а в январе 1910 года меня вызвал в Академию А. К. Байов. Он предложил мне, во-первых, ведение в будущем тактических занятий с офицерами, а во-вторых — взяться за писание диссертации на профессию. Работа моя перед тем в Киевском военном училище в качестве штатного преподавателя военных наук расположила меня к последним, и я с готовностью согласился на оба предложения. За выбором темы для испытательного сочинения Байов направил меня к Б. М. Колюбакину. Было очевидно, что оба эти мои оппонента на третьей теме сговорились между собою

о желательности привлечь меня к научной работе в Академии, как скоро узнали о моем переводе в Петербург.

Поехал я на Никольскую площадь к Борису Михайловичу.

Кабинет-библиотеку он устроил себе в большой комнате в три окна, которая всяким другим жильцом была бы использована как гостиная. Посредине стоял простой деревянный стол, своей голой доской и размерами напоминавший помост. На нем в величайшем беспорядке, как это вскоре было доказано, лежали груды бумаг, тетрадей, книг. А на них лежала толстым слоем пыль. Было видно, что прислуге запрещалось дотрагиваться до этого стола. С другой стороны, и хозяин, видимо, не прикасался к нему и его содержанию в течение долгого времени. Когда он захотел показать мне одну книгу и начал рыться в ухабах бумажно-книжного склада на столе, нужная книга так и не отыскалась.

В углу комнаты стоял стильный круглый стол хорошего вкуса и удобные кресла, на полу азиатские ковры — воспоминание о Кавказе. На стенах до потолка — картины, масло и акварель, гравюры, рисунки. У одной стены — книжные полки и шкафы. В другой комнате, рядом, продолжение картинной галереи и холостяцкая спальня походного типа.

Деловой наш разговор кончился быстро. Колюбакин предложил мне взять тему, до того никем не затронутую — о роли маневра в решительном сражении. Придуманное им заглавие носило типичный для Колюбакина отпечаток чрезмерной законченности военно-научной фразы, что делало название тяжелым. Однако возражать мне не приходилось. Название это было: «Маневр, как средство достижения цели боя». Таково и заглавие моей книги, напечатанной после защиты диссертации.

Покончив с этим вопросом и дав мне несколько намеков, как развивать заданное и где черпать вдохновение, Колюбакин повел меня вдоль стен, с любовью показывая и объясняя экспонаты его собрания. Оно было пестрым, но интересным, и обнаруживало, что Колюбакин был сам художником. Действительно, он, как и его друг Н. П. Михневич, «баловался красками», но своих вещей скромно не показывал. То, что он собрал, было обязано его художественному пониманию и регулярным поискам у старьевщиков-антикваров Александровского рынка и других мест. Антиквары эти хорошо знали высокого бакенбардиста-офицера и приберегали для него товар. Но, как настоящий коллекционер, Борис Михайлович не только хотел купить интересующую его вещь, но и купить ее дешево. Колюбакин с удовольствием приводил ряд примеров из этой области его случайных находок и непонимания торговцем их цен.

В числе редких изданий у Бориса Михайловича был интересный альбом зарисовок Лилье де Лиль Адама, художника, сопровождавшего Наполеона в русском его походе в 1812 году. Перед Бородинским сражением он нанес на своем планшете расположение русских войск, как

оно представлялось с французских позиций. Панорамный рисунок этот изумительно точно передавал места русских полков, и Колюбакин сделал кальку, где надписал их названия. Между прочим, в эмиграции, в Лондоне, мне удалось приобрести за гроши 2–3 листа этого альбома литографий, но листы не столь интересны.

Колюбакин был интересен, когда говорил на военные темы, но он не замыкался в этой области и представлял собою тип широко образованного человека. Помогало ему свободное владение языками, французским и немецким.

Устная защита мною диссертации в феврале 1911 года прошла благополучно. Кроме Колюбакина моими оппонентами были Н. Н. Головин (старше меня годом по Пажескому корпусу), уже профессор Академии, и полковник Добророльский, назначенный, по положению, от Главного управления Генерального штаба.

Этот оппонент со стороны сделал несколько замечаний, обнаруживших его собственное невежество в научных определениях и терминах. Академические оппоненты не столько возражали, сколько говорили на ту же тему, а Борис Михайлович назвал мою работу «художественной» и снова, как семь лет перед тем, приветствовал меня почти в тех же выражениях — «как молодого ученого».

Когда настал мой черед отвечать на замечания оппонентов, я не благодарил их, как это сделал медоточиво и заискивающе М., защищавший диссертацию в тот же вечер, а яростно возражал, отстаивая свои положения. Схватив, в заключение, мел, я набросал на доске, в порядке импровизации, дополнительный исторический пример в подкрепление моих идей.

Брат, который присутствовал на этом публичном вечернем собрании в большой аудитории имени Г. А. Леера, нашел эту часть моей защиты наиболее удачной, эффектной и произведшей благоприятное впечатление на слушателей. Среди них было много «больших» генералов, в том числе, насколько помню, и Куропаткин, Шахейскую операцию 1904 года которого я привел и разобрал в своем этюде как отрицательный образец. Присутствовал и мой тесть, Э. В. Гильхен. Откровенный нелюбитель офицеров Генерального штаба, но сдержанный и скрытный, он не высказал мне своего мнения. Однако то, что Колюбакин назвал меня «ученым», показалось ему по меньшей мере преждевременным...

В общем, все три или четыре диссертанта, выступавшие в тот вечер, были признаны в последовавшем немедленно после защиты заседании конференции достойными ученых степеней. Но каждый из нас получил по одному черному шару. Не было сомнений, что положил их Бонч-Бруевич. Почему, и кто был Бонч-Бруевич, речь будет дальше.

Как бы то ни было, все кончилось для нас хорошо. И произошло это в пятницу и 13-го!

Но назначение мое теперь зависело от участи профессорской диссертации, которая должна была решиться в начале февраля 1912 года. Одновременно начальник Военной Академии генерал Щербачев предложил мне перейти в академию, не ожидая защиты моей ученой работы, на вновь образованную должность «преподавателя». Я отказался, заявив, что в случае неудачи моей диссертации я предназначаюсь на службу военным агентом и что воспользуюсь этим предложением.

Но диссертация прошла; мое назначение экстраординарным профессором состоялось 1 февраля 1912 года. Кончилась моя двухгодичная с лишним служба в Управлении Генерального штаба и началась военно-научная, в Академии.

Я уносил с собой хорошие воспоминания об интересной и живой работе в красивом здании на Дворцовой площади и о симпатичной среде моих сослуживцев.

Когда в Петербург наезжали наши балканские военные агенты, мы обыкновенно приветствовали друг друга не только в канцелярии, но и за рюмкой водки в традиционном Hôtel de France на Большой Морской, в нескольких минутах ходьбы от нас.

Германское же отделение (Скалой, Водарь и Рябиков) завели обычай праздновать день рождения кайзера по немецкому ритуалу. Все чины разведывательного отдела приглашались на завтрак в ресторан Лейнера на углу Большой Морской и Невского, посещаемый преимущественно немецким купечеством Петербурга. Там, в отдельном кабинете, под управлением Рябикова, прошедшего год в прикомандировании к германскому пехотному полку для изучения языка, мы воспроизводили церемониал немецких офицерских собраний: деревянно вскакивали по сигналу, кричали «hoch», «prosit», «die erste rackette commt», стучали огромными пивными кружками по столу и пили тост за здоровье Вильгельма!..

Получил я на прощанье с Главным управлением Генерального штаба и вещественное доказательство наших товарищеских отношений: милый подарок. Мой письменный стол украсился еще полезной и нарядной лампой и серебряным пресспапье.

НИКОЛАЕВСКАЯ ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ. ПРОФЕССУРА

Прошло шесть лет, и я, после маньчжурской войны и службы в Киеве, вошел снова в стены Академии, сначала руководителем занятий по тактике и лектором, а еще через год — профессором по кафедре военного искусства.

Я уже писал, что обо мне вспомнили А. К. Байов и Б. М. Колюбакин. Но, кроме того, в моем приобщении к академической работе оказался, как я скажу в своем месте, заинтересован молодой профессор — реформатор Н. Н. Головин*.

Наступило бурное время «переоценки ценностей» после неудачной Русско-японской войны. Оно захватило и Академию. За умом-разумом командировали за границу сначала одного профессора, потом другого — Головина. Проведя год во Франции при тамошней военной академии (*Ecole supérieure de guerre*), Головин проникся убеждением, что принятые в ней методы являются как раз тем, что было нужно нам для обновления учебной системы, застывшей на приемах и принципах 60-х годов прошлого века и связанных с именем Милютина.

Французская школа ставила изучение теории и даже военной истории на второе, вспомогательное, место, выдвигая вперед практические упражнения по стратегии и тактике. Это потребовало тщательной и мелочной разработки так называемого «прикладного метода», состоявшего в решении офицерами задач как на планах, так и в поле. Горячим сторонником и проводником этой системы был талантливый Фош — тогда начальник академии. Выдающаяся личность Фоша несомненно способствовала тому, что Н. Н. Головин всецело подпал под его влияние и под влияние учебно-воспитательного метода французской высшей военной школы.

По сравнению с петербургской системой это было, как говорится, небо и земля. Решали задачи и у нас, но мало по числу, неглубоко по качеству и слишком широко, с уклоном в сторону общих мест и шаблонов. Из офицеров старались выработать сразу начальников дивизий и командиров корпусов, обходя технику действий малых частей, начиная с самых низов. В результате получались будущие начальники-верхогляды, неспособные при отдаче приказа мысленно объять всю область предполагаемого исполнения. Между тем только при этой способности общая идея приказа могла получить жизненную форму.

Русские офицеры Генерального штаба и славились среди строевых офицеров, особенно боевых, как не понимавшие жизни и витавшие «в облаках». Они пребывали в теоретическом «небе».

Наоборот, французские кандидаты в будущее полководцы с самого начала их тренировки спускались с «небес» принципов и основ на твердую землю трудностей при их осуществлении. Офицер, умевший толково и ясно распорядиться батальоном, батареей, заставой, разъездом, мог столь же толково и жизненно поставить задачи не скольким батальонам и т. д.

* Старше меня годом по Пажескому корпусу. Потом офицер гвардейской конной артиллерии. — *Прим. авт.*

Для изучения мелкой техники действий тактика была разделена по родам войск (пехота, артиллерия, кавалерия и т. д.). Когда эта сторона дела была усвоена, приступали к решению задач на действия крупных соединений из всех родов войск. Это входило в отдел «высшей тактики».

В русской Академии руководитель выдавал задачи своей партии, каждому офицеру отдельную, для решения на дому. Во французской — вся партия, человек 10—12, получали одно и то же задание и работали над ним в стенах академии под непрерывным и близким наблюдением руководителя. Он, конечно, должен был предварительно сам продумать задачу во всех подробностях и прорешить ее, чтобы иметь возможность направлять работу своих офицеров с наибольшею для них пользою. По мере хода задачи она развивалась посредством вводных данных обстановки; руководитель играл роль противника, погоды, тех или иных случайностей.

Упражнения эти должны были вырабатывать в офицерах способность быстро применяться к условиям обстановки, принимать решения и не теряться в словах и редакции приказаний. Пресловутая справочная книга по тактике, полная шаблонов в духе письмовника, таблиц и размеров — эта опора среднего русского офицера, даже офицера Генерального штаба, при решении задач — теряла при этом методе свою притягательную силу. Решавший соображал свободно, не искал для приказаний казенных, «Высочайше утвержденных» выражений; обыкновенный здравый смысл шел наряду со знанием.

Общность задачи для всей партии делала ее одинаково всем интересной, давала случай взаимной критики и обмена мнений. Время от времени профессор по данному отделу тактики решал «показную» задачу в аудитории для всего курса, подчеркивая ту или иную сторону, на которую следовало обратить внимание. В общем, цель всех занятий этого рода была оторвать их, насколько возможно, от кабинета и приблизить к жизни.

Педагогическая мысль эта не была открытием французом. Раньше их в Пруссии, как раз в годы успешных ее войн с Данией, Австрией и Францией, пользу прикладного метода при изучении тактики возвестил преподаватель берлинской военной академии Верди — дю-Вернуа, немец с французской кровью (1832—1910). Начиная с него, метод этот прочно утвердился в расадниках германских офицеров Генерального штаба и старших начальников.

С таким же успехом русская Академия могла обратиться за вдохновением и в Берлин. Но наши союзные отношения с Францией, направленные против Германии, были причиной того, что мы посылали своих «ходоков» в Париж. Там им были раскрыты все двери и предоставлены все возможности изучить предмет постановки наук в высшей военной школе.

Н. Н. Головин, вернувшись из Франции после годичной командировки, горячо взялся за проведение вывезенных им идей. Разбудить консервативную нашу Академию было нелегко. Произвести перемены в преподавании курса тактики было нельзя, не затронув общего учебного плана. Новый метод требовал большого числа учебных часов для тактики. Необходимо было урезать время по другим предметам и сделать перекройку программ, что сейчас же встретило сопротивление, активное или пассивное, профессоров и преподавателей, читавших другие курсы*.

Настойчивый и умный, хотя и неоригинальный, Головин, однако, не отступил перед выставившими препятствиями и трудностями. С верой и энергией борца-фанатика он вступил в открытую войну с противниками предложенных им решительных перемен. Образовалось два лагеря. К лагерю Головина примкнул и я. Еще сидя в Киеве и ничего не зная об академических делах, я напечатал в 1909 году в «Русском инвалиде» две статьи — одну о необходимости ввести прикладной метод преподавания тактики в военных училищах, другую — о тактике артиллерии и необходимости перейти от 6-орудийных батарей к 4-орудийным. Головин обратил внимание на эти статьи. Когда я приехал в Петербург, он имел со мной беседу, показавшую ему, что в моем лице он найдет искреннего единомышленника и сотрудника. Я и был всецело на стороне прикладного метода, который старался привить в Киевском военном училище, где преподавал в 1909 году.

Когда в лагере защитников старого режима не хватило логических доводов, они пустили едкий слух, что реформы имеют политическую, революционную подкладку и окрестили их сторонников насмешливым, но и пугающим прозвищем «младотурок».

К счастью для Головина начальником Академии в 1909–1910 годах, когда завязалась эта война, был генерал Д. Г. Щербачев, человек свежий, непричастный до того к академической жизни, не считая, быть может, ведения некоторых практических занятий. Непосредственно перед своим назначением он командовал двумя полками в Петербурге — Новочеркасским и лейб-гвардии Павловским** — и был зачислен в Свиту Его Величества. Вообще, он производил впечатление скорее строевого, чем штабного офицера и, тем менее, ученого. Высокий,

* Между прочим был введен курс службы Генерального штаба, отсутствие которого в Академии, носившей с 1855 по 1900 г. название Академии Генерального штаба, было необъяснимым. Чтение нового курса взял на себя Головин. — *Прим. авт.*

** 145-й пехотный Новочеркасский полк — старшинство с 1796 г. Перед Первой мировой входил в состав 37-й пехотной дивизии; лейб-гвардии Павловский полк — старшинство с 1790 г. Входил в состав 2-й гвардейской пехотной дивизии. — *Прим. ред.*

стройный, подтянутый, с кавалерийскими усами под горбатым носом, с острым взглядом темных глаз, густой шевелюрой седеющих волос, со своей бодрой походкой Щербачев напоминал картинный тип французского генерала вроде Буадефра.

Решительность перестройки академической системы не могла пугать нового начальника с его строевым складом и быстрыми ухватками. К тому же он когда-то, в молодые годы своей службы в Генеральном штабе, составил и напечатал практическое, довольно элементарное, руководство для решения задач по тактике. Теперь перед ним открывалась возможность двинуть это дело в масштабе, ширина которого подкупала.

Головину не стоило особого труда склонить Щербачева на свою сторону. После этого число голосов в конференции Академии за реформу выросло, и скоро «старотурки» остались в беспомощном меньшинстве.

Во главе его оказались А. К. Байов, правитель дел Академии, профессор по курсу русского военного искусства, и М. Д. Бонч-Бруевич, академическая «классная дама» и дважды провалившийся кандидат на профессию.

Первый был честен, неподкупен и искренен в своем убеждении, что прикладной метод развалит научно-воспитательную ценность нашей Академии, направляя ее на путь, как он говаривал, унтер-офицерских школ и полковых учебных команд. Второй был бесчестен, бездарен, завистлив, сгорал скрытым властолюбием, а также ненавистью ко всем тем, кто мешал, по его мнению, блеску его карьеры*. Завязавшаяся в Академии борьба давала ему случай не только насолить кое-кому из тех, кто забаллотировал его диссертации**, но и выдвигнуться в качестве вождя оппозиции; предположения перемен грозили крушением основ, научных и политических! Это Бонч-Бруевич пустил в оборот кличку «младотурок» в качестве отправной точки дальнейшей интриги.

Если Головин заручился поддержкой начальника Академии и большинства конференции, то Бонч-Бруевич искал ее во влиятельных кругах вне Академии. Начальником Генерального штаба был безличный Жилинский. Военным министром — беспечный Сухомлинов. Почва благодатная.

* В Киеве он бросил жену с пятью малыми ребятами, цинично объявив, что она была слишком проста для супруги будущего командира полка. Бонч-Бруевич женился после этого на декоративной даме, бездетной вдове сослуживца по штабу в Киеве. — *Прим. авт.*

** Обе представляли жалкую, чахлую и беспомощную попытку научных этюдов. — *Прим. авт.*

Сухомлинов знал Бонч-Бруевича по службе в Киеве, где он сначала состоял для поручений при Сухомлинове — командующем войсками, а затем преподавателем в Киевском военном училище. Сухомлинов получил верноподанного Бонч-Бруевича по наследству от М. И. Драгомирова. Последний любил компанию за стаканом вина, и молодой тогда офицер Генерального штаба Бонч-Бруевич показал свою способность «засиживаться за столом далеко за полночь». Сухомлинов не поддерживал этой традиции после ухода маститого Драгомирова, но Бонч-Бруевич сумел снискать доверие и его преемника. Между прочим, он предпринял обновление классического учебника тактики Драгомирова, издания 1883 года и во многом устаревшего к началу XX века. Сухомлинов этому сочувствовал, а Драгомиров, сам теперь устаревший и доживавший в деревне Конотопского уезда свои дни, согласился редактировать дубовую переделку Бонч-Бруевича и сохранить свое авторское имя. Драгомировский учебник был испорчен. Но вся эта комедия поставила имя Бонч-Бруевича рядом с почтенным мировым именем Драгомирова.

Как бы то ни было, когда в 1909–1910 годах бывший начальник штаба, а потом преемник Драгомирова Сухомлинов оказался в Петербурге на должности военного министра, появление у него в кабинете киевского сослуживца Бонч-Бруевича было естественным и нормальным. Их связывала память о Михаиле Ивановиче. Оставалось пустить в этом кабинете корни, что и удалось без усилий. Переиздавался полевой устав (опять-таки на замену драгомировского). Один проект, на основании новых влияний в тактике и недавно пережитого опыта Русско-японской войны, составила академическая группа Головина. Противники этой группы во главе с Бонч-Бруевичем довели до сведения военного министра и начальника штаба о зловредном будто бы направлении этого проекта. В результате была образована новая комиссия, вне Академии. Главной пружиной в ней и главным писателем оказался, в качестве ложного эха Драгомирова, Бонч-Бруевич.

Устав, как и учебник тактики, получился несвязный и плохой, но во время регулярных своих визитов к Сухомлинову по вопросам устава Бонч-Бруевич сумел сделаться постоянным неофициальным докладчиком по делам Академии.

Докладчиком — термин неверный. Скорее — доносчиком.

Пока, таким образом, Головин с приверженцами прикладного метода насаждали новую постановку занятий в Академии, как казалось, с официального благословения, под это молодое здание велся подкоп — с благословения тех же официальных кругов!

Интрига победила.

Через три года опыта, только что ставшего на ноги, «крамольное гнездо» проводников прикладного метода было разгромлено Сухом-

линовым. Щербачев получил корпус в Киеве. Головин — драгунский полк (правда — вне очереди) в Финляндии, Н. Л. Юнаков — другой чемпион — пехотную бригаду в Москве. Над остальными чувствовалась еще гроза. Было неизвестно, в кого ударит следующая молния.

Начальником Академии 1 января 1914 года был назначен к ответственному его изумлению полустатский Н. Н. Янушкевич. Этот малозаметный профессор военной администрации представлял собою тип скромного подчиненного, всегда готового сказать: «чего изволите». На первом же заседании конференции он так и очертил свою программу: «Мы будем делать то, что нам прикажут военный министр и начальник Генерального штаба». С военным министром Янушкевич был знаком не менее Бонч-Бруевича по своей службе, одновременно с профессурой, в канцелярии военного министерства.

Не стоит останавливаться на том, как сразу же было приступлено к искажению идей, проведенных Головиным, в тщетной попытке удержать из них кое-что, а в остальном вернуться к старой системе; не стоит потому, что через полгода вообще вся академическая работа была остановлена войной.

Перед этим успел уйти покорный Янушкевич, шагнув, опять-таки неожиданно для всех и, вероятно, для себя, на ответственную должность начальника Генерального штаба. Она автоматически привела его на еще более ответственную должность начальника штаба Верховного Главнокомандующего в июле 1914 года. Карьера Янушкевича была головокружительная. Ей мог позавидовать любой победоносный полководец. Но к обеим высоким должностям этот «счастливчик» не был подготовлен и оказался на них не в своей тарелке.

Янушкевича в Академии сменил раннею весной 1914 года князь Енгальчев, человек Академии посторонний, бывший командир лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка, находившийся перед новым своим назначением в отставке.

Упоминаю об этом главным образом потому, что имел с ним беседу, в которой снова всплыл на свет Божий Бонч-Бруевич и которая показывает, какие планы строил этот интриган на будущее Академии и свое собственное.

Шли весенние экзамены. Накануне дня, когда я должен был экзаменоваться по своему предмету — тактике пехоты, — я получил записку князя Енгальчева, приглашавшего меня, едуци утром в Академию, заехать к нему на квартиру. Жил он в собственном доме на Васильевском острове, в дальнем его конце, где-то у Тучкова моста. Академия находилась на «Песках». «Заезд» был такого радиуса, что мне пришлось встать очень рано, чтобы попасть вовремя в оба места. Енгальчев, однако, не задержал меня, а пригласил почти сейчас же ехать вместе в Академию. Ему подали парную коляску, и мы поеха-

ли. Тут начальник Академии завел со мной разговор, сначала издали и осторожно: что я думаю по поводу издания руководства по тактике, которое отвечало бы современности и примирило бы разные противоречивые течения.

Я ответил, что такое издание было бы, конечно, желательным. Не возьмусь ли я, спросил далее Енгальчев, за составление такого руководства? Задача эта очень трудная, сказал я, но, состоя профессором по кафедре тактики, я не имел бы права отказаться от этого поручения и приложил бы, конечно, все свои силы, чтобы выполнить его с честью.

Енгальчев помолчал, как бы собираясь с духом, и затем задал мне вопрос: «Но вы ничего не имели бы против, если бы вам предложили показывать для проверки, критики и одобрения вашу работу, время от времени, авторитетным лицам на стороне? Например, полковнику Бонч-Бруевичу?»

Надо сказать, что этот вредитель с псевдодрагомировской репутацией к этому времени уже сделался «авторитетом на стороне», так как получил полк в Киевском военном округе.

— Вы подумайте, — закончил свою беседу Енгальчев.

Мы подъезжали к Академии.

— Я могу ответить вам сию же минуту, не прося срока на размышление, — сказал я. — Профессор Академии есть лицо независимое, облеченное доверием конференции, ответственное только перед ней и начальником Академии. Ходить к кому бы то ни было на сторону за указаниями и утверждением значило бы подорвать не только свой личный престиж, но и авторитет Академии.

— Пусть этот разговор останется между нами, — заключил Енгальчев.

Мы приехали. В этот день начальник Академии провел больше часа на моем экзамене и выразил мне свое удовлетворение принятой мною системой спрашивания. Она была всецело построена на прикладном методе. Я проверял теоретические сведения офицера, задавая летучие задачи.

На чьей стороне были вообще симпатии Енгальчева — неизвестно. Но, оглядываясь назад, мне приходило потом в голову, что высшее начальство, порешив в принципе пойти по подсказкам Бонч-Бруевича и устранить, как говорили наши враги, Головина и Ко, приглядывалось, кого можно пощадить и на кого, быть может, в свое время опереться.

В разгаре борьбы в Академию нагрянули внезапно однажды — Сухомлинов, в другой раз — начальник Генерального штаба Жилинский. И тот, и другой посетили мою лекцию и просидели на ней полный час.

В самой Академии, во враждебном лагере, у меня был покровитель — А. К. Байов, считавший, вероятно, что мое увлечение непрочно

и что с уходом главного виновника академического переворота меня можно было бы направить по другому пути. Дружеское отношение Байова ко мне лично я всегда чувствовал, несмотря на мою принадлежность к ненавистным «младотуркам», хотя он никогда и не высказывал мне этих чувств. Впоследствии, на войне, в 1915 году Байов, в должности начальника штаба III армии, пожелал взять меня к себе в штаб на должность генерал-квартирмейстера. Я предпочел предложенную мне одновременно младшую должность командующего лейб-гвардии Измайловским полком.

Что бы ни замышлял на 1914 год Бонч-Бруевич и вдохновляемый им Сухомлинов — война положила всему конец. И к лучшему! Ибо Сухомлинов оставался бы у дел, а не был бы предан суду, как это случилось с ним во время войны, и Академия могла получить в недалеком будущем еще один горький сюрприз: Бонч-Бруевича своим начальником.

Интересна его карьера во время и после войны. На войне он бесцветно занимал высшие штабные должности. А в первые же дни прихода к власти большевиков Бонч-Бруевич, этот оплот консерватизма и исторических основ русской монархии, пристал к новым господам. Все равно, какие господа. Кто палку взял, тот и капрал! С привычной услужливой ужимкой он сразу предложил им свои услуги, открыв собой линию «военспецов».

Из всей моей службы — строевой, штабной и педагогической — эта последняя область была наиболее мне по душе. Тут я чувствовал себя свободнее, легче и счастливее. Научная работа мне давалась, и, как лектор, я не испытывал смущения перед аудиторией, какова бы она ни была. Читал я юнкерам, офицерам, рабочим (в Петербурге, летом 1909 года, по случаю Полтавского юбилея), докладывал торжественным и критическим аудиториям. Я видел, что слушали меня с искренним вниманием и интересом. Думаю, что это не было самообольщением, так как до меня доходили отзывы правдивых слушателей. Уже в эмиграции мой ученик по Киевскому училищу написал мне: «Знаете ли вы, что на ваши лекции приходили юнкера из других отделений?» Самый процесс лекторства меня занимал. Я стремился усовершенствовать свою речь, ее построение, свободу выражений, запас слов; была вера в свои силы и в то, что при знании предмета я всегда смогу, в случае надобности, импровизировать — не только читать по заранее обдуманному твердому тексту. Эта способность позволяет лектору увлекаться и увлечь за собой и слушателей.

Я никогда не читал, в буквальном смысле слова, по рукописи, как делали некоторые осторожные профессора, а говорил, держась только лежавшего перед мною схематического конспекта. Но зато я знал

точно, когда я был в ударе и говорил хорошо, захватывал слушателей, и когда нет. В первом случае они неотступно следят за лектором; если он сделает несколько шагов в сторону от кафедры, их глаза дружно, как по команде, его провожают. Во втором случае — они постепенно от него «отпадают». Слышится шелест развертываемой газеты; видны головы, склонившиеся над книгой. В передних рядах еще соблюдается приличие: на вас смотрят, хотя и без искры интереса. Чем дальше вглубь аудитории — тем хуже. Там что-то пишут, читают, просто спят!

Лекторам, которые жалуются на невнимание, рассеянность и невежливость слушателей, следует говорить: «Врачу, исцелися сам!» И подсказать им два-три правила: 1) не ходить взад и вперед, с размеренностью метронома, читая лекцию самому себе под нос (профессор военной географии и статистики А. М. Золотарев); 2) не говорить заведенным на один тон голосом, тем менее, если этот тон похоронный или хриплый (Баскаков); 3) не быть рабом своих записок и листков (Гейсман) — разве только лектор выработает тонкую технику чтения по рукописи, искусно его маскируя (Н. Л. Юнаков).

Нарушение первых двух правил есть верное средство убаюкать самую благодарную аудиторию, каковы бы ни были содержание и построение доклада.

Опыт у меня был пятилетний. Два года в Киевском военном училище, где первый год я совмещал лекторство со своей штабной должностью, а второй — принадлежал училищу всецело, то есть читал каждый день и весь день. Мои предметы были тактика и военная история. И три года в Академии. В эти академические годы я имел еще лекции по военной истории — раз в неделю — в родном Пажеском корпусе.

Работа в Академии была особенно приятна. Зависимость профессора от начальника и конференции Академии была формальная и почти номинальная. В пределах порученного ему предмета он являлся полным господином. От него ожидали создания курса наново, не повторения того, что читал его предшественник по кафедре. Поэтому труд был творческий или, по крайней мере, должен был быть таковым. Это развязывало профессору руки.

Кроме лекций, нужно было вести еще практические занятия, зимние — в Академии и летние — в поле, в приятных окрестностях Гатчины или Царского Села. По введении прикладного метода преподавания тактики этих занятий стало больше, они потребовали длительной и тщательной подготовки руководителя, но все же, за вычетом этих обязательных часов, у профессора оставалось достаточно времени, которым он мог распорядиться по своему усмотрению. Были дни, когда не только вечер, но и утро или вторая половина дня оказывались свободными. Это давало широкую возможность спокойных занятий дома в своем рабочем кабинете.

Мне кажется, что таких независимых должностей существовало в военном ведомстве немного. И для человека вроде Б. М. Колюбакина, который был счастлив в области абстрактных идей и чистой науки, такое служебное положение не оставляло желать ничего лучшего и могло быть конечным.

При этом оно и оплачивалось очень хорошо. Кроме довольно высокого оклада, профессор получал дополнительное вознаграждение за практические занятия, за статьи, помещаемые им в академическом журнале, за оппонирование по темам и т. п. Некоторые профессора доводили общую сумму своего годовичного заработка до 10 000 рублей и больше. В России это было очень много и почти равнялось содержанию корпусного командира. Я в 1914 году, на третьем году профессуры, мог считать себя еще начинающим и тем не менее получал до 8000 рублей в год.

Первый порученный мне курс был тактика инженерных войск, по которой в Академии до того было сделано очень мало, и это малое заключалось в жидких и устаревших литографированных записках. Между тем этого рода войска получали все большее и большее значение. К ним причислялись вновь рожденные воздушные и автомобильные части. Я начал с переименования предмета в «тактику технических войск»; термин этот легче обнимал разросшиеся разнообразные механические части. За мной немедленно последовал — по совпадению мысли или буквально — закон: военно-инженерная академия была переименована в военно-техническую. После этого термин привился вообще.

В первый же год разработки нового курса я успел его оформить для печати. Эта книга дала мне звание ординарного профессора (младшая степень носила не менее странное название «экстраординарного»). Я поднес ее Государю весной 1913 года при представлении ему по случаю этого назначения. Оно давало права командира полка, из которых в ученой нашей деятельности только одно имело практическое значение: возможность путешествовать по железной дороге в вагонах 1-го класса с билетом 2-го...

С получением «ординарного» я получил и другой курс для чтения: тактику пехоты. Здесь тоже надо было начинать сызнова. Опыт Русско-японской войны принес много свежих идей, сильно были выдвинуты огневые вопросы. В Германии и во Франции появился ряд трудов, устанавливавших новую доктрину пехотного боя. Весь этот материал, практический и теоретический, надо было переварить и привести в законченную форму. Работа эта меня захватила, я подходил к вопросам под своим, до меня не использованным углом зрения, и, шаг за шагом, устанавливал на своих лекциях этапы нового курса. Офицеры лихорадочно записывали: печатных и литографированных пособий не было. Посадили даже на мои лекции с разрешения началь-

ства стенографиста. Лично я надеялся сам отделать, написать и напечатать курс для следующего выпуска, то есть 1915 года. Виднелись уже подразделения труда: маневр, огонь, удар... Группировались никем еще не тронутые исторические примеры... Вообще, казалось — идеи, факты бежали навстречу, по пословице «на ловца и зверь бежит»...

Война опрокинула мои мечты и расчеты. Профессору пришлось от теории тактики пехоты перейти осенью 1914 года к ее применению и проверке на боевой практике.

Последнее мое выступление перед войной был публичный доклад в большой Лееровской аудитории, в которой я обычно читал свои лекции младшему курсу. Князь Енгальчев выбрал меня, чтобы сделать этот доклад перед закрытием Академии и нашим общим разъездом на фронт. Цель лекции была — дать общее понятие о наших противниках.

Сравнивая их, я сделал вывод, что с австрийцами нам будет легко, но что придется повозиться с германской армией. Оригинальности в этом заключении не было, так же чувствовали все, но я указал, что и германская армия, и ее доктрина несут в себе в конце концов зародыш поражения. Он скрыт в чрезвычайной самоуверенности и в тяготении к шаблону. Этим последним являлось учение о глубоких двойных охватах, ведущих к кольцевому окружению; на военной игре в Берлине в 1905 году война на русском фронте была победоносно закончена «в три счета» пленением одной за другой всех русских армий.

Действительность показала, что немцы обожглись на безусловности этой доктрины (первая Марна) и должны были перейти на технику прорыва. Трудность осуществления прорыва привела, в свою очередь, к тому, что немцы начали искать легких решений на второстепенных театрах, побеждать, так сказать, по линиям наименьшего сопротивления (кампания против России 1915 года и Балканская 1916 года). А эта стратегическая ошибка привела к окончательному поражению Германии в 1918 году.

Три года, проведенные перед войной в Академии, вспоминаются с удовольствием. Работа интересовала, начальство не докучало, а участие в насаждении прикладного метода придавало этой работе живость и темп, которые отсутствовали бы при старой системе; она прикурнула в выбитом, удобном для руководителя русле. Офицеры решали, а руководитель проверял задачи на дому. В Академии производился разбор, причем из шести офицеров партии пятеро, незнакомые с содержанием разбираемой индивидуальной задачи, выносили

из этого разбора мало; чужие ошибки их не трогали, они ждали своей очереди. Руководители руководили каждый по-своему, вразброд. Хотя над группой партий и полагался старший руководитель, профессор, для объединения взглядов и приемов, но его видели редко, да и трудно ему было постоянно присутствовать на занятиях. Часто у него была еще служба и вне Академии. Число партий было велико, и на все не хватало личного учебного состава Академии, состоявшего из профессоров, игравших роль курсовых офицеров военных училищ. Это вынуждало приглашать значительное число руководителей со стороны. Контроль над этой категорией был еще труднее.

Пережитая нами французская система все это отменяла. Задачи, решавшиеся сообща, при непосредственном участии руководителя, позволили иметь большее число офицеров в каждой группе и сократить численность групп. Посторонние руководители исчезли, а для усиления академического учебного персонала ввели новую должность — преподавателя, что отвечало упраздненным в 1890 году адъюнкт-профессорам*.

Как уже упоминалось выше, задачи прорешались группой руководителей прежде чем предложить их слушателям; это сближало тактические понятия первых и уничтожало возможность их разногласия и противоречий, столь естественных при прежнем методе, где каждый руководитель был «сам себе голова».

В этот период борьбы двух «роз» по вопросу изучения тактики много было пролито чернил и желчи в военной печати на тему о единой «доктрине». Одни доказывали ее необходимость, другие уверяли, что установление твердого учения убьет творчество и лишит военное искусство гибкости.

Сторонники тактической раздробности упускали из виду разницу между доктриной (что означает дух школы) и доктринерством, в котором одолевает форма и метафизика.

Кроме сказанного выше о новом порядке практических занятий, следует подчеркнуть, что постоянное общение учебного персонала превращало его в монолит, основанный не на одних формальных связях, но и на дружеских — взаимного понимания и уважения. Это имело существенное педагогическое значение. Но несомненно, что все это требовало от нас большого напряжения — как перед лицом своих аудиторий и партий, так и за кулисами Академии. Энергичный Головин поддерживал в нас возжженный им огонь и, собирая старших руководителей время от времени на частных квартирах, вне Академии, заставлял их самих учиться на задачах и набираться нужных навыков.

* Их полагалось всего три и они являлись помощниками профессора по определенной кафедре. — *Прим. авт.*

С другой стороны, тесная работа их с офицерами позволяла узнать не одни их умовые качества, но и характер.

Плюсы этой системы очевидны. Но у нее были и минусы. Они еще не могли сказаться в наше пионерное время, когда все были полны энтузиазма и своего рода жертвенности; однако в будущем можно было предвидеть, что напряжение уступит место усталости. Что руководители, утомленные непрерывным составлением разнообразных заданий, начнут повторяться. Что слушатели поэтому будут заранее знакомы с типом этих заданий и их решением. Появилась бы ядовитая стереотипность, которая подтачивала бы здоровье прикладного метода.

Не допустить этого можно было одним средством: периодически обновлять учебный персонал, постоянно имея в его среде молодые, свежие силы. Но это легко было сказать, трудно исполнить. Люди, попавшие на завидные, в общем, места в Академии, естественно, их держались.

Французская военная школа, руководимая выдающимся Фошем, хорошо прошла через испытание и показала это во время войны 1914—1918 годов. Но после него, вероятно, с нею случилось нечто подобное тому, о чем я говорю. Напряжение ослабло, дух Фоша отлетел, и к войне 1940 года Франция получила линию Мажино, как рецепт победы, и последовавший за ним небывалый разгром в поле. Автор капитального труда «Маневр в бою» должен был перевернуться в гробу!

Признаки изнашивания в некоторых жрецах прикладного метода в нашей Академии были заметны уже на третьем году опыта, то есть очень рано. Один из них, добившись звания экстраординарного профессора и, следовательно, более прочного положения в конференции Академии, говорил мне: «Все это прекрасно, но не можем же мы бесконечно бегать на поводу у Головина? И не пересаливаем ли мы предварительными занятиями руководителей?»

Такое настроение, хотя бы единичное, было, конечно, на руку коренным врагам новой системы, и они его использовали.

А Б. М. Колюбакин, между тем, вышучивал нас, не стесняясь присутствия наиболее умеренных и наименее фанатичных адептов нового (увы, на деле очень старого) учения, и когда Головин*, Юнаков**, Кел-

* После профессуры — командир Финляндского драгунского полка и затем лейб-гвардии Гродненского гусарского полка (1914). Кончил войну начальником штаба Румынского фронта у Щербачева. В эмиграции основал Высшие военно-научные курсы. В 1939 г. напечатал в «Русском инвалиде», издававшемся в Париже, историю академической реформы, которую он проводил. Георгиевский кавалер. — *Прим. авт.*

** Лейб-гвардии Семеновского полка. Профессор, потом командир 1-й бригады 1-й гренадерской дивизии. На войне — начальник штаба армии. Остался в России. — *Прим. авт.*

чевский* были далеко. Изображая в лицах группу новаторов, отправляющихся на лекцию своего собрата — это слушание чужих лекций тоже было введено в порядок вещей, — Колюбакин поднимал плечи, выпячивал грудь, раздвигал баки, делал несколько шагов и торжественно провозглашал: «Смирно! Господа офицеры! Тактика кавалерии идет!» Борис Михайлович не хотел бы, конечно, чтобы коллеги приходили на его сокращенную им до получаса и импровизируемую лекцию о военном искусстве древних!..

За стенами Академии союзниками академических «старообрядцев» являлись те многочисленные полковники, которые прежде приглашались руководить практическими занятиями по тактике, а теперь их лишились.

Враждебная сплетня и молва в Петербурге ширилась к удовлетворению Бонч-Бруевича. А из Петербурга она ползла и дальше.

Но на войне можно было без натяжек заметить, что офицеры двух выпусков «по-новому» оказались на высоте. Тоже, по-видимому, и их бывшие руководители, так как все они без исключения достигли старших должностей по управлению войсками и, в большинстве, удостоились еще и статутных Георгиевских наград.

КОМАНДОВАНИЕ БАТАЛЬОНОМ В ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ЕГЕРСКОМ ПОЛКУ

Я носил форму лейб-гвардии Егерского полка десять лет и переменил ее на мундир Генерального штаба летом 1905 года, когда я был на театре войны в Маньчжурии. Я мог вскоре вернуться в строй полка для годовичного командования ротой, но по домашним обстоятельствам предпочел выполнить требуемый ценз в Киеве, где служил после Русско-японской войны.

Летом 1913 года я, однако, опять состоял в рядах родного полка, командуя, в чине полковника, первым — то есть тоже родным — батальоном. За протекшие восемь лет в полку произошли заметные перемены к лучшему по сравнению с сонным чекмаревским временем. Улучшился подбор офицерской молодежи, благодаря внимательному участию в этом важном вопросе общества офицеров. Прежде он решался всецело командиром полка и зависел от его личного вкуса или безвкусыя.

* Артиллерист. После профессуры по тактике артиллерии занимал во время войны ряд высших должностей, кончая постом командующего армией (уже во время революции). Георгиевский кавалер. В эмиграции (примерно в 1925 году) застрелился в Берлине. — *Прим. авт.*

Ряд удачных командиров (Сирелиус, Зайончковский — оба Генерального штаба, и Яблочкин — способный и ловкий, Георгиевский кавалер за японскую войну и природный оратор) сильно подбодрили и подтянули полк в строевом отношении. По стрельбе он сделался едва ли не первым в гвардии, без былого нащелкивания процентов, и имел призовой кубок за лучшую стрельбу в округе.

Видимым признаком Высочайшей милости к полку за эти годы было назначение в 1909 году командира роты Его Величества капитана Б. И. Квицинского флигель-адъютантом, а в 1911 году командира полка генерал-майора Яблочкина в Свиту Его Величества.

Было приятно снова принимать участие в Красносельской лагерной жизни; видеть ежедневно великана Тита Гостилова, теперь возмужавшего и потолстевшего, окунуться в знакомую «егерскую» атмосферу... Водить 1-й батальон к маленьким лагерным победам на смотрях и на маневрах!

Интересно и, казалось мне, продуктивно наладились полевые занятия с унтер-офицерами батальона, которых я старался посвятить в нехитрые тайны мелкой тактики и подготовить быть заместителями офицеров.

В последний день больших маневров, заключавших собой лагерный сбор, я временно командовал Егерским полком. Яблочкин уехал незадолго перед тем в отпуск, а старший полковник вывихнул ногу и не мог сесть на лошадь. Следующим по старшинству оказался я и должен был вступить в командование полком накануне «решительного» боя.

Разыгрался он на подступах к Царскому Селу. Лейб-егеря с батареей составляли отдельную колонну и имели назначение совершить переход в определенный район. Колонна была атакована во фланг на походе. Вместо возможного решения по букве — заслониться и идти дальше по своему назначению — я развернул все силы и перешел в контратаку. Маневр этот очень понравился Великому князю Николаю Николаевичу, который как раз к этому времени подъехал к нам в автомобиле, желая видеть, как будет решена задача. Оставшись «отменно доволен», Великий князь на этом ходе поставил точку и дал общий отбой.

Забавное совпадение: атаковал меня мой брат Саша со своим 7-м Финляндским стрелковым полком. Но у меня было четыре батальона против его двух, и победу признали за мной. В полку назвали этот эпизод «братоубийственной войной».

17 августа праздновалось, уже в Петербурге, столетие Кульма. Парад принимал на дворе Рузовских казарм Великий князь Николай Николаевич, одетый, как всегда для лейб-егерей, в форму лейб-гвардии Гусарского полка, — Телишского собрата.

Я последний раз маршировал перед фронтом полка во главе своего первого батальона, стараясь, будучи пешком, «печатать ногу» и лихо салютовать великому князю. Не могло придти в голову, что примерно через два года лейб-егеря окажутся под моей командой в настоящем бою, далеко, под Вильной, и тоже только на 24 часа.

Благодарное воспоминание сохранил я об офицерском составе 1-го батальона в мое короткое командование. Смело могу сказать, что никогда во время моей службы я не имел под своим начальством лучших офицеров. Все были однородного барского воспитания, выдержаны, дружны между собою и люди долга — отличные работники.

Из старых моих знакомых было три ротных командира — Н. В. Ротштейн, будущий автор прелестных очерков из полковой жизни*, Веселаго и князь И. И. Кугушев — жизнерадостный, солидный, с добродушием сенбернара. Из остальных упомяну бойкого, падкого на веселую компанию, но безукоризненного служаку Кузнецова; способного, вечно молодого и энергичного В. В. Каменского, который в 1917 году сделался моим адъютантом в штабе XI армии, а в эмиграции выдвинулся как один из «столпов» Егерского объединения; А. А. Воронова, красивого брюнета, типичного строевика, украшавшего роту Его Величества; князя Друцкого 1-го и маленького князя Бориса Оболенского, будущего георгиевского кавалера, милейшего юношу с выдающейся военной складкой.

Удивительно одинаковая и трагическая судьба постигла трех князей 1-го батальона: все они были убиты в течение первого года войны.

ОПЯТЬ В АКАДЕМИИ

Я не ожидал, что мне еще придется вернуться в Академию. На фронте перед мною открылась широкая дорога, штабная и строевая. Осенью 1916 года спохватились, что надо продолжать готовить офицеров Генерального штаба, и открыли Академию. Начальником был назначен генерал Петерс, о прежней службе которого ничего не было известно. Он обратился к старым профессорам — не захотят ли они вернуться в Академию. Получил в том числе и я такое предложение. В это время я занимал должность генерал-квартирмейстера Особой армии у генерала Гурко. Шла боевая операция под Луцком, против Владимир-Волынского участка. Я отказался.

* «Синие дали» (Ревель, 1938). — Прим. авт.

Но примерно через год, когда революция развалила армию, и после Корниловского выступления, я сам вспомнил об Академии как возможном убежище в то смутное время.

В связи с делом Корнилова, Деникина и Маркова я и мой генерал-квартирмейстер полковник Н. В. Соллогуб были вызваны из штаба XI-ой армии из Каменец-Подольска в Бердичев, где это дело разбиралось. Там меня допрашивали, но, в конце концов, отпустили, несмотря на то, что я, будучи начальником штаба XI-ой армии, состоял фактически в заговоре с Деникиным и Марковым и готовился к задуманному военному перевороту. Чтобы обвинить меня не хватило документальных доказательств. Отпустив, предложили принять корпус.

Видя, как фронт шел под уклон, и невероятную неразбериху управления, захваченного солдатскими комитетами и митингами, я от принятия корпуса уклонился, а решил предложить себя Академии. Начальником ее был тогда — в сентябре 1917 года — А. И. Андогский, по выбору Керенского*. Этот молодой оппортунист состоял перед войной в числе насадителей прикладного метода и, между прочим, был под моим крылом в порученном ему отделе тактики пехоты. Это был круглый, аккуратный, отчетливый человек, совсем как его изумительный почерк. Никакая спешка или настроение духа не влияли на печатную красоту и закругленность этих крупных стоячих букв. Такою же медлительно уравновешенностью отличались его характер и его идеи. Как профессор он никогда бы не блистал, но все у него было бы в образцовом порядке и в приличном согласии с модным течением.

Как администратор, призванный к этому по должности начальника Академии в такое исключительно неустойчивое время, Андогский был на месте: никто не был способен лучше него держаться равнодействующей линии и лавировать между революционной властью и старой консервативной инерцией Академии.

Я соединился со своим бывшим «адъютантом» по прямому проводу Бердичев—Петербург и предложил свои услуги. Андогский немедленно и даже с видимою радостью сказал мне, что я могу считать это дело решенным и что соответствующая телеграмма будет послана в штаб Юго-Западного фронта.

Путешествовал я в Петербург с большим и неожиданным в революционных условиях комфортом. Одновременно со мной и Сол-

* Летом 1917 г. офицерам Генерального штаба на фронте было предложено выбрать нового начальника Академии. Были предложены Н. Н. Головин, М. В. Алексеев и я. Последнее — по инициативе Маркова, моего друга и сослуживца по Академии и штабу Юго-Западного фронта, теперь ставшего начальником штаба этого фронта. Голосование было письменным и революционно-вздорным. Керенский взял того, кто подвернулся под руку в Петербурге. — *Прим. авт.*

логубом «отъезжали» в тыл бывший командующий 7-й армией генерал Селивачев и его начальник штаба граф Каменский. Они тоже благополучно прошли через горнило Бердичевского судьбища и, под флагом оправдания, выхлопотали отдельный прямой вагон до Петербурга. Мы соединились в нем со всеми своими походными пожитками и денщиками. Запаслись провизией. На станциях денщики бегали сноровисто за кипятком, и чай не сходил с нашего вагонного стола. На одной из маленьких остановок где-то на полпути (везли нас медленно, с развальцем, перецепляя от одного поезда к другому) мы согласились принять к себе молодую даму; она оказалась знакомой Измайловского офицера Волсобурна. Таким образом, под конец мы были в развлекающем женском обществе, сошлись и сожалели, что путешествие не могло быть еще продолжено.

В Академии я встретил нескольких прежних сослуживцев, и в их числе неизбежного Б. М. Колюбакина. Мне был снова поручен курс тактики пехоты.

Состав слушателей был особенный и редкий: все сплошь боевые офицеры, командированные от своих частей не за одни умственные качества, но и за заслуги. Среди аудитории, украшенной орденами, белели многочисленные георгиевские крестики. Народ этот был закаленный, требовательный и критический.

Но чтение курсов и ведение практических занятий шли через пень в колоду. Стоявшая у дверей и заглядывавшая в окна революция мешала сосредоточиться и спокойно отдаться науке. Как профессора, так и слушатели чувствовали себя точно на куске, оторвавшемся от земли и блуждающем в пространстве вне связи с остальным миром. Знали, что этот метеор рано или поздно шлепнется о твердую поверхность и расплывется в порошок.

Случилось это почти через полгода, в феврале 1918 года. Севастопольские матросы-убийцы разнесли Академию. Но этот погром не застал хитроумного Александра Ивановича Андогского врасплох.

Он уже вел успешные переговоры об эвакуации Академии со всем ее сложным имуществом в Екатеринбург на Урале. Предлог: наступление немцев на Псков и Петербург. «Спасаю Академию и офицеров», говорил он. И метеор полетел на восток, дальше, чем предполагалось.

Мои мысли были направлены на запад, моя семья в качестве авангарда уже перебралась из Финляндии в Стокгольм, и потому я остался в Петербурге. Но мои вещи, для временного сокрытия моего дезертирства, поехали в Екатеринбург и потом в Сибирь. Надо отдать должное тогдашней Академии: несмотря на стремительный вокруг большевизм «товарищей» — рабочих, она уложила в дальнюю дорогу не спеша, основательно и даже нарядно. Подумать только, что нужно было поднять всю огромную библиотеку Академии!

С таким же тщанием было заколочено в ящики и личное имущество служащих. Потом длинные транспорты всех этих бесчисленных ящиков потянулись на станцию Вологодской железной дороги, а с нее поползли по рельсам на восток. Одиссея эта привела Академию в 1919 году на противоположный конец России, к самым дверям страны Восходящего Солнца — во Владивосток.

Сибирской одиссеей Академии закончился петербургский период ее истории. И последним сошедшим с тонувшего корабля русской военной науки был старик Б. М. Коллюбакин.

Большевики перевезли впоследствии библиотеку Академии, составившую основу ее имущества, обратно на запад, но уже не в Петербург, а в Москву.

В ШТАБЕ ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА

Вернуться к штабной службе мне пришлось гораздо скорее, чем это можно было предполагать. Два с половиною года в Академии перед войной 1914 года представляли короткий срок ученой деятельности, едва достаточный, чтобы погрузиться в нее как следует. Я только-только начал входить во вкус научных занятий и складывал в своей голове план следующего печатного труда, уже намечавшегося моими лекциями по тактике пехоты. Было жаль прервать эту работу; быть может, навсегда расстаться с ней. С другой стороны, обстановка в Академии с начала 1914 года резко изменилась, как я рассказал об этом раньше. Над Академией уже грянул один гром, но грозовая туча не рассеялась, и было неизвестно, как, чем и когда она разразится. Весьма возможно, что мне захотелось бы покинуть Академию, даже если бы не случилось войны, решившей этот вопрос за меня.

Немедленно после ее объявления, как я уже говорил выше, начальник Академии князь Енгальчев собрал весь учебный состав и объявил нам о роспуске Академии. Слушатели должны были вернуться в свои части. Административный и учебный персонал получал свободу выбора, куда ехать.

Это решение относительно Военной академии носило патристический, но торопливый характер. Осенью 1916 года были вынуждены снова открыть Академию, так как обнаружился острый недостаток подготовленных офицеров Генерального штаба*. По-видимому, никто не

* Всего в 1916–1918 гг. действовали три очереди (по два класса) ускоренных курсов. Как правило, на них проходили переподготовку строевые, имею-

предвидел долгой войны. Генералов пришлось во второй раз назначать начальниками штабов дивизий, на полковничьи должности.

Но нам всем, учебному составу Академии, решение отправить нас на фронт было по душе, так как каждый желал принять активное участие в войне с противником, сразиться с которым Россия готовилась в течение десятилетий.

Я записался на Юго-Западный фронт и должен был через несколько дней ехать в хорошо знакомый мне Киев*.

Мы с женой спешно ликвидировали свою маленькую квартиру в №2 по Фурштатской улице, в доме Черепеникова, сделали необходимые для похода закупки, и я отправился в путь в воинском поезде с воинской платформы Варшавской железной дороги. Я получил отделение в вагоне 2-го класса, где в числе других офицеров ехал на юг муж Великой княгини Ольги Александровны — Куликовский.

Мой вестовой, данный от Академии, с легко запоминаемой фамилией Пушкин, погрузился с нашими лошадьми в товарный вагон в том же поезде.

Жена с детьми спустя некоторое время переехала из окрестностей Петергофа**, где она жила на даче (в имении Знаменка Великого князя Петра Николаевича), в Кишинев***, к брату Михаилу Эдуардовичу.

В Киеве я и Сергей Леонидович Марков, преподаватель Академии, ехавший со мной из Петербурга, застали штаб фронта в начале организации в помещении дома генерал-губернатора и командующего войсками — генерал-адъютанта Иванова, теперь ставшего главным командующим. Начальником штаба у него был хорошо нам знакомый по ученическим годам в Академии бывший профессор Михаил Васильевич Алексеев.

Марков, как оказалось, был предназначен на должность начальника разведывательного отделения. Я — на должность начальника оперативного.

Но Марков вступил в исполнение своей должности, а я нет. На 24 часа раньше нас приехал из Главного штаба полковник Павел Павлович Лебедев («рябой» по прозвищу) и был назначен начальником оперативного отделения. Мне объяснили эту перемену срочностью и моим опозданием.

шие боевой опыт обер-офицеры. Однако отношение «старых» генштабистов к ним было отрицательным, поскольку первые считали, что те не получили необходимой фундированной подготовки. — *Прим. ред.*

* **Киев** — третий по величине город Российской империи. — *Прим. ред.*

** **Петергоф** — основан в 1710 г., город на берегу Финского залива. — *Прим. ред.*

*** **Кишинев** — известен с 1436 г. Ныне столица Молдавии. — *Прим. ред.*

Только одно отделение оставалось незамещенным — цензурное. По степени важности оно находилось на противоположном полюсе сравнительно с оперативным.

Но делать было нечего. Я вступил в управление этим отделением, в котором никого, кроме меня, не было.

Генерал-квартирмейстер генерал-майор Пустовойтенко, о котором я до того никогда не слышал* и который до войны занимал должность начальника штаба пограничной стражи Киевского округа, предоставил мне самому найти себе помощников.

Я решил задачу просто: был конец июля, Киев был полон офицерами, призванными из запаса. В своих прапорщичьих погонах и новеньком снаряжении они тоскливо слонялись по улицам, ожидая распоряжений от штаба тыла, куда им отправиться.

Идя из штаба фронта по Липкам** в штаб тыла, помещавшийся в здании штаба округа, я встретил двух таких «прапоров». Один был высокий, полный, румяный, с добродушным выражением на круглом лице. Другой — плотный и короткий, с маленькими светлыми усами и острыми глазами. Оба мне «kozyрнули», а я остановил их.

Кто они и куда назначены?

Матвеев и Осипов. Не имеют пока никакого назначения.

Откуда и чем занимались?

Первый — бельевым делом в Москве. Второй — журналист и репортер из Петербурга.

«Эврика!» — сказал я себе. По меньшей мере, один вполне подходит для цензурного отделения. Тут же я сделал Осипову предложение поступить в него моим помощником. Но как быть с Матвеевым? Симпатичная наружность; но в какой мере бельевая торговля готовит к цензуре?

Из моей заминки выручил меня Осипов.

— Я с удовольствием возьмусь за эту работу, но разрешите мне попросить Вас взять на службу также и Матвеева. Мы с ним сдружились и хотели бы служить — где бы ни пришлось — вместе.

Мне нравилось лицо Матвеева, и понравилась эта товарищеская просьба Осипова.

В какие-нибудь десять минут штаб тыла передал этих двух молодых людей в мое безоговорочное распоряжение.

* Из воспоминаний А. С. Лукомского я узнал, что на эту должность предназначался по мобилизации он, но в последнюю минуту его не пустили с должности начальника канцелярии военного министерства, очистившейся с отъездом на фронт «рыжего» Данилова. Случай уберег меня от новой служебной встречи с Лукомским. Но и он не примирился бы с тою пассивною ролью, которую Алексеев отводил своему генерал-квартирмейстеру. — *Прим. авт.*

** *Липки* — историческая местность в Печерском районе Киева. — *Прим. ред.*

На другой день я их представил начальству, и мы начали работу.

Круг обязанностей цензурного отделения по закону был весьма расплывчатым. Корреспонденция фактически прочитывалась войсковыми цензорами. Штаб фронта лишь направлял их деятельность и решал спорные случаи. Мы должны были читать газеты — свои и иностранные, поскольку удавалось получать эти последние. Делать сводки и выборки из них. Иметь дело с корреспондентами и с иностранными военными агентами.

Все это казалось жидковатым, как бы лишенным какого-то основного стержня. Надо было выдумать этот стержень. И вот мы с Осиповым порешили приступить к изданию фронтовой газеты. Она должна была связать войска с тылом и Россией, давать ориентировку в общей политической и военной обстановке, рассказывать о подвигах наших войск и отдельных лиц, развлекать...

Доклад мой на эту тему получил полное одобрение М. В. Алексеева и его утверждение.

Так родился «Армейский вестник».

Счастливым событием это произошло в первых числах августа в Бердичеве, куда к этому времени штаб фронта перешел из Киева.

Как полагается, новорожденная газета появилась на свет в крошечном виде — это был небольшого формата лист в две страницы. Но росла она очень быстро. Увеличивался и формат, и число страниц.

Вначале я составлял номер целиком сам, но постепенно у меня появились сотрудники, не говоря уже о шустром Осипове, который с увлечением вошел в знакомую ему газетную игру — в новой для него военной форме.

Кроме налаживания корреспонденций «с мест», то есть из толщи войск и с боевых участков, надо было справиться с другим затруднением: своевременной и широкой доставкой газеты в войска. Прошло некоторое время, пока старшие штабы прониклись уважением к нашему органу печати и начали принимать меры к тому, чтобы «Армейский вестник» попадал в полки и в окопы, а не застревал на передаточных пунктах в тылах корпусов и дивизий.

Встретилось препятствие однажды и с печатанием. Газета печаталась в походной типографии штаба фронта. Штаб переехал из Бердичева* в середине августа в Ровно**, а затем, на время решительного Люблинского сражения***, на станцию Луков, к югу от города Седлеца****.

* **Бердичев** — город, известен с 1320 г. Ныне — Украина. — *Прим. ред.*

** **Ровно** — первое упоминание в 1283 г. Ныне — Украина. — *Прим. ред.*

*** Видимо, имеются в виду бои в 4-й армии (командующий А. Е. Зальца, затем — А. Е. Эверт), составная часть Галицийской операции. — *Прим. ред.*

**** **Седлец** — основан в 1448 г. Ныне — Седльце, Польша. — *Прим. ред.*

Мы оказались близко к боевому фронту, и потому большие тяжести оставили в более глубоком тылу, в том числе громоздкую типографскую машину. Казалось, придется приостановить выход газеты! Но, к счастью, шрифты можно было доставить, и предстояло только найти место печатания.

Я вспомнил о Седлеце, где, разумеется, была типография. Мы набрали газету в Лукове, а затем я сел в автомобиль и, бережно держа гранки на коленях, отправлялся в Седлец. Путешествие это, верст в 30, занимало всего около часа. Я прибывал под вечер, сдавал набор в типографию. Ночью происходило печатание, и рано утром я вез пачки газет, пахнувших свежей краской, обратно в Луков.

Кстати, о переходе штаба Юго-Западного фронта за его крайний правый фланг и в район тыла Люблинского сектора. Сделано это было намеренно, чтобы придать упорства 4-ой армии, с трудом сдерживавшей превосходные силы австрийцев, и иметь возможность непосредственно влиять на ход боя, от которого зависел исход Галицийской операции.

Это приближение штаба фронта к войскам, дравшимся на решающем участке, было тем шагом, который следовало сделать Жилинскому на Северо-Западном фронте в начале августа, во время нашего наступления в Восточную Пруссию. Управляя издалека, штаб этого фронта утратил связь с быстро развивавшимися событиями и не мог внести никаких поправок в разноречивую и стратегический беспорядок действий двух наших армий, которые, в конце концов, потерпели жестокое поражение. Армии эти не чувствовали чуткого управления свыше, а штаб фронта не знал того, что происходило в армиях*.

Близость штаба Юго-Западного фронта к Люблину позволяла Алексею пристально следить за всем происходившим и вливать в войска уверенность, не мешаясь в мелочи исполнения.

В критические дни Люблинского сражения, когда в 4-ой армии обнаружались признаки колебания**, меня командировали в штаб армии для передачи инструкций и для получения личного впечатления об обстановке. Мне дали автомобиль и вооруженного «конвоира», не считая шофера.

* Речь идет о Восточно-Прусской операции, которая началась 4 (17) августа 1914 г. Несмотря на первые победы (в частности, 1-й армии под Гумбиненом 7 (20) августа), русские войска потерпели сокрушительное поражение. Сначала была разгромлена 2-я армия генерала Самсонова под Танненбергом 13–18 (26–31) августа, а затем и 1-я армия с большими потерями отошла за границу. Одной из причин поражений истории называют слабую координацию действий армий со стороны штаба Северо-Западного фронта. — *Прим. ред.*

** Вероятно, речь идет о боях середины августа, когда австрийцы пытались прорвать положение 4-й армии генерала А. Е. Эверта. — *Прим. ред.*

Но, когда я приехал в Люблин*, положение на фронте упрочилось, и настроение в штабе армии казалось твердым. Я продолжал свой путь дальше, к полям, где только что разыгрались горячие схватки. Во время этой поездки мне удалось переночевать на биваке родного лейб-гвардии Егерского полка. Кажется, это было в день полкового праздника — 17 августа. Егеря оказали мне милое «полевое» гостеприимство и напоили меня чаем с вареньем! А на другое утро, следуя дальше на юг, я встретил походную колонну другого гвардейского полка, пересекшего мне дорогу; остановившись на перекрестке, я пропустил таким образом этот полк мимо себя, отдав честь знамени и козыряя офицерам, из которых многих знал.

Это были измайловцы! Не могло прийти в голову, что через какие-нибудь девять месяцев я сам буду вести походную колонну этого полка.

Из мест, в которых я побывал во время этой поездки, запомнилось особенно поле боя у деревни Красник, где еще были живы следы недавнего сражения. Здесь нашим артиллерийским огнем была уничтожена австрийская батарея, и трупы лошадей в трагических позах, с торчащими кверху застывшими ногами, лежали по обе стороны дороги.

После победоносного разрешения Люблинского кризиса штаб наш перешел в город Холм, ближе к середине фронта**.

Поместились мы в просторном здании мужской гимназии. Отсюда в начале сентября Алексеев и Пустовойтенко отправили меня сопровождать японского майора Генерального штаба (что-то вроде Никишима) — нашего союзника — по галицийским полям сражений.

Поездка эта, как мы увидим, совершенно неожиданно оказалась важной и существенной лично для меня.

Мы побывали во Львове, где провели несколько дней; представились русскому генерал-губернатору Галиции графу Бобринскому во дворце, увешанном портретами Габсбургов и теперь населенном адъютантами новой власти, разными новоиспеченными чинами по управлению краем. Повидали поле сражения 8-й армии у Городка*** и по реке Верещице. Проехали через всю Восточную Галицию к реке Сан по дорогам, по обе стороны которых печальными шпалерами были выстроены, в большем или меньшем живописном беспорядке, бесчисленные трофеи: австрийские пушки, зарядные ящики, всевозможные обозные повозки.

* **Люблин** — первое упоминания 1198 г. С 1792 г. в составе России. Ныне — Польша. — *Прим. ред.*

** Сосредоточение новой 9-й армии и направление резервов позволили 4-й и 5-й армиям переломить ход боев на правом фланге Юго-Западного фронта в боях 20–27 августа (2–9 сентября) 1914 г. — *Прим. ред.*

*** **Городок** — основан в 1213 г. Ныне — Украина. — *Прим. ред.*

Мой японец желал закончить свое путешествие в 3-ей армии, в штаб которой мы и направились. Он был расположен в городе Ярославле* на реке Сан.

Командующий армией болгарин Радко-Дмитриев, два года перед тем познакомившийся со мной в Петербурге, узнал меня и, после одного из общих обедов в столовой штаба, спросил, в чем заключается моя служба на войне. Я сказал, прибавив, что мне, как профессору тактики пехоты, следовало бы практически прикоснуться к этой тактике.

Не пожелаете ли Вы принять полк у меня в армии? — спросил меня Радко-Дмитриев. Я, конечно, ответил утвердительно и с энтузиазмом.

Я непременно скажу об этом дежурному генералу, — сказал командующий армией, — а Вы, со своей стороны, тоже передайте ему от моего имени, чтобы Вас занесли в кандидатский список.

Дежурный генерал — еще не произведенный в этот чин полковник Шиллинг — оказался знакомым по моей службе в Киеве. Это был гвардейский офицер (кажется, лейб-гвардии Финляндского полка), очень симпатичный и доброжелательный. Он с охотой записал меня кандидатом командующего армией «вне очереди» и обещал проследить за тем, чтобы назначение не затянулось.

Через день-другой я, расставшись со своим косоглазым компаньоном, зашел к Радко-Дмитриеву откланяться перед отъездом в штаб фронта. Я еще раз поблагодарил его за внимание и доверие, а генерал выразил надежду скоро увидеть меня в своей армии.

Как ни благопрятно, казалось, складывалось это непредвиденное приглашение, я все же не слишком верил в его осуществимость; поэтому по возвращении в штаб и к своей цензуре не только не поделился ни с кем своими надеждами, но и сам почти забыл о них.

Тем больше я обрадовался и взволновался, когда через какую-нибудь неделю меня разбудили ночью и передали телеграмму командующего 3-ей армией с запросом к командованию 123-м пехотным Козловским полком**. Такой же запрос обо мне получил, конечно, и Главнокомандующий фронтом.

Решение зависело теперь всецело от генералов Иванова и Алексеева. По старшинству я еще был очень далек от кандидатуры на полк (всего два с половиной года в чине полковника). При своем назначении я опережал многих старших по Генеральному штабу и всех своих сверстников.

* Ярослав — основан в 1031 г. Ныне — Польша. — *Прим. ред.*

** 123-й пехотный Козловский полк — сформирован в 1863 г. (старшинство с 17 мая 1797 г., когда 14-й егерский батальон был преобразован в полк). Накануне войны дислоцировался в Харькове. — *Прим. ред.*

К счастью, ни старик-артиллерист Иванов, ни понимавший мои побуждения Алексеев не были формалистами. Выражаясь принятым у нас официальным языком, «препятствий к назначению» не последовало, а добродушный Иванов даже почти благословил меня на эту измену штабному стулу.

Будь я начальником оперативного отделения, ничего этого не произошло бы, прежде всего потому, что мне не пришлось бы захватить в качестве туриста в штаб 3-ей армии; а, во-вторых, потому, что, случись такое предложение, меня не отпустили бы.

Заместить начальника цензурного отделения — последнюю спицу в колеснице генерал-квартирмейстерской части — не представляло затруднений. Само отделение прочно стало на ноги. Оставалось поддерживать и развивать заведенную рутину.

Мой штат расширился. В качестве помощника я получил офицера Генерального штаба, причисленного к нему ротмистра лейб-гвардии Гродненского полка Добржиаловского, хорошо и быстро вошедшего в курс дела. Кроме этого маленького гусара, у нас появился еще переводчик — сапер, по происхождению чех, фамилию которого я забыл.

«Армейский вестник» приобрел внешний вид настоящей газеты и известность.

Торопливо собрался я в дорогу, точно опасаясь: не раздумали бы! Сослуживцы проводили меня милым обедом в скромной интимной обстановке и добрыми пожеланиями; а мои бывшие подчиненные еще и обдуманно подарком, глубоко меня тронувшим.

Это был бювар формата первого номера «Армейского вестника» с серебряной верхней доской, на которой была воспроизведена гравировкой заглавная часть газеты и на месте текста — факсимиле подписей моих сотрудников и дружеская надпись.

Как они умудрились соорудить этот художественный предмет в захолустном Холме* — и в такой короткий срок, — не знаю.

Впоследствии, где бы я ни был на фронте, я аккуратно получал «Армейский вестник» в конвертах, на которых был типографским способом напечатан мой адрес. А в первую годовщину со дня рождения газеты редакция прислала мне сердечное приветствие.

К этому времени редакция разрослась; во главе ее был поставлен известный писатель Родионов (автор нашумевшего обличительного романа «Наше преступление»); по виду и формату она ничем не уступала любой газете**.

* Холм — город, основан в 1392 г. Ныне — Хелм, Польша. — *Прим. ред.*

** Осипов, однако, в конце 1915 г. тоже перешел в строй и поступил, по моему следу, в лейб-гвардии Измайловский полк, в его запасный батальон. Матвеев умер — этот, по виду, здоровяк! — *Прим. авт.*

* * *

Во время моего двухмесячного пребывания в штабе Юго-Западного фронта, с конца июля по, примерно, 20-е сентября, я имел возможность наблюдать стратегическую работу штаба под руководством лучшего у нас мастера этого дела — М. В. Алексеева.

Организовал он ее, однако, по-своему, отделив творческую часть работы от исполнительской. Для первой он привлек двух своих чинов «для поручений» — генерала В. Борисова и полковника М. Дитерихса. С их помощью Алексеев принимал в своем кабинете решения и их разрабатывал. В готовом виде, часто написанные четкою рукою самого Алексеева (напоминавшею почерк Милютина), эти распоряжения передавались генерал-квартирмейстеру Пустовойтенко или, через его голову, оперативному отделению. Последнему оставалось только исполнить: то есть переписать, иногда что-нибудь прибавить, дать справку, резюмировать, разослать. Роль ответственного органа управления, таким образом, сводилась почти к автоматической работе. Недостатка в работе, разумеется, не было; требовалось быть в курсе обстановки во всех мельчайших подробностях; требовались точность, быстрота, налаженность. Но творчества не требовалось. Оно исходило из таинственного кабинета Алексеева.

При этих условиях значение генерал-квартирмейстера в оперативной работе сводилось к нулю. Алексеев не включил Пустовойтенко в созданную им стратегическую тройку. Иногда он присутствовал на совещаниях, но для всех было очевидно, что в его советах не нуждались.

Он представлял резкий контраст с серьезными и озабоченными Борисовым и Дитерихсом. Моложавый, с хорошей талией и довольно красивым лицом, со своей холеной черной бородкой и тщательно причесанными «на пробор» начинающими седеть волосами, всегда щеголевато одетый, любивший бросить на себя взгляд в зеркало — Пустовойтенко и внешностью подчеркивал эту разницу, в особенности в отношении Борисова — неряшливого, не следившего за своей бородой и чистотой ногтей и сапог.

Приближение Алексеевым Борисова и Дитерихса объяснялось тем, что с первым он был дружен давно; знал его философско-стратегические наклонности и ценил его военно-научные труды, хотя склонные к отвлеченности и к доктринерству (Борисов особенно занимался Наполеоном); второго Алексеев помнил по Академии и потом имел случай убедиться еще раз в чрезвычайной серьезности этого молодого офицера Генерального штаба*.

* М. К. Дитерихс был старше меня годом по Пажескому корпусу и года на три по Академии. Из камер-пажей он необычно вышел не в гвардию, а в

Но из этих двух помощников главным советчиком был доктринер Борисов, имевший, кроме своей глубокой теоретической подготовки, еще и опыт заведования оперативным отделом Главного управления Генерального штаба по должности 1-го обер-квартирмейстера при Палицыне.

Не раз, входя по какому-нибудь делу к Алексееву, я заставал его и Борисова склонившимися над огромной картой, разложенной на специально устроенном столе. Они разговаривали тихими голосами, как заговорщики, и не сразу замечали вошедшего.

Когда через год Алексеев сделался начальником штаба Верховного главнокомандующего у Государя, он взял с собою в Ставку и своего нештатного товарища — стратега, нахмуренного Борисова, и штабного генерал-квартирмейстера, беззаботного Пустовойтенко.

Положение в Ставке изменилось: при Великом князе Николае Николаевиче начальник штаба Янушкевич был ничем, а генерал-квартирмейстер Юрий Данилов — главной оперативной пружиной. Теперь стало наоборот.

* * *

Время моего пребывания в штабе Юго-Западного фронта было временем крупного проигрыша нами сражения на Северо-Западном фронте, в Восточной Пруссии (благодаря которому, однако, французы и англичане справились с немцами под Парижем)*, и блистательной Галицийской операции нашего фронта.

К первому стратегическому эпизоду относится воспоминание о приезде в Ровно, на свидание с Ивановым и Алексеевым, Великого князя Николая Николаевича.

Произошло это 4 августа старого стиля, на другой день после первого заметного боя на нашем фронте, когда австрийская кавалерия атаковала Владимир-Волыньск и была отбита нашим пехотным Бородинским полком. Это был 18-й день нашей мобилизации. Считалось, что мы можем, с некоторой натяжкой, перейти в общее наступление на 28-й день. Об этом знали, конечно, наши союзники — французы. Но в первых числах августа определилось сильное давление немцев в обход левого крыла французов и англичан через Бельгию, и фран-

туркестанскую конно-горную батарею. Во время войны был впоследствии генерал-квартирмейстером штаба фронта, а в 1916 г. командовал русскими войсками на Салоникском фронте. Во время гражданской войны командовал армией у адмирала Колчака в Сибири. В эмиграции стоял у главы русского Офицерского союза в Китае, где и скончался в 1937 г. — *Прим. авт.*

* Речь идет о сражении под Марной 5–12 сентября 1914 г. (по нов. ст.), в ходе которого немецкий блицкриг (а с ним и план молниеносной войны) был остановлен. — *Прим. ред.*

цузские представители в Ставке торопили ее с началом наступления, чтобы оттянуть на русский фронт внимание и силы немцев.

Как кажется, целью приезда великого князя в Ровно было желание услышать лично от Иванова-Алексеева (так и следовало видеть их под этой двойной фамилией) согласие на начало наступления десятью днями раньше. Мы все, чины штаба, встречали поезд Верховного главнокомандующего на станции Ровно. После совещания, состоявшегося в вагоне великого князя, ему и приехавшим с ним чинам был предложен завтрак на вокзале.

К этому времени мы все уже знали, что желаемое союзниками решение состоялось и отдается приказ о немедленном переходе границы и атаке неприятеля.

Надо было видеть восторженное волнение во время завтрака французских военных агентов, не чувствовавших под собою ног от сообщенного им известия. Тогда они были благодарны! После войны, о России, начавшей в тот памятный день длинную серию тяжелых самопожертвований на пользу общего союзного дела, выбитой затем из колеи этими жертвами, забыли в порядке общечеловеческой забывчивости о благодеяниях (вспомним еще раз Болгарию и Черногорию)*.

Но 4 августа 1914 года было другое дело. Сиял от принятого решения сам великий князь. Сияли и сгруппировавшиеся около его высокой, господствовавшей надо всеми фигурой, офицеры во французских и английских формах.

КОМАНДОВАНИЕ 123-м ПЕХОТНЫМ КОЗЛОВСКИМ ПОЛКОМ

Я прибыл в штаб 3-ей армии поездом, одновременно со своими лошадьми. Представился Радко-Дмитриеву, получил от него пакет для передачи в какой-то крупный войсковой штаб и верхом выехал в 31-ю пехотную дивизию, в которую входил мой Козловский полк; она находилась в боевой линии и в бою на левом берегу реки Сан.

* Автор воспроизводит официальную мифологию того времени, что Россия вступила в защиту Сербии. Осенью 1915 г. на стороне Германии выступила Болгария, что вызвало негодование в России и стало очередным свидетельством слабости «общеславянской» идеологии. Не очень понятно, почему в этот перечень включена Черногория, войска которой активно сражались и только ввиду общей обстановки на Балканах были вынуждены капитулировать в начале 1916 г. Отметим, что после войны Болгария стала одним из центров русской эмиграции. — *Прим. ред.*

Приказ по армии о допущении меня к командованию полком состоялся 23 сентября.

Назначение мое командиром полка состоялось просто. Казалось, одним прыжком я преодолел все канцелярские барьеры, которые могли быть подставлены человеку, выдвинутому вне кандидатского списка. Но не тут-то было! Всемогушие канцелярии, застигнутые врасплох, вскоре оправились, и мне пришлось испытать их силу в области бумажного подравнивания. Формула «допущения» к командованию отдельной частью означала переходное состояние, дававшее «допущенному» все законные права и возлагавшее на него всю ответственность; но затем требовалось «утверждение» Высочайшей властью, выражавшееся в приказе о «назначении» командиром полка. Лишь после такого приказа можно было надеть форму полка.

Сместить «допущенного» без серьезных оснований отрицательного свойства было невозможно. Но в Главном штабе, ведавшем изданием Высочайших приказов о назначениях, нашли выход: нужно было только тянуть с отдачей этого приказа до того времени, когда, по спискам старшинства, «допущенный» дозреет до утверждения в должности!

В результате этого хитроумного канцелярского изворота я командовал 123-м пехотным Козловским полком полгода и успешно водил его в сражения, оставаясь все это время номинально в Генеральном штабе и продолжая носить его форму. Для этого пришлось прибегнуть еще к одной уловке: назначить меня фиктивно начальником штаба какой-нибудь дивизии с тем, чтобы я был на этой должности заведомо «мертвой душой».

Довольно долго — в течение 4–5 месяцев — такой дивизией, лишенной начальника штаба, была 5-я пехотная, находившаяся где-то далеко, на чужом фронте. И лишь под конец, к весне 1915 года, меня переназначили в свою собственную 31-ю пехотную дивизию, когда ушел командовать полком ее начальник штаба полковник Казанович.

Это обстоятельство дало возможность начальству вызвать меня в апреле 1915 года в штаб дивизии, оставшийся вовсе без офицера Генерального штаба (исполнявший обязанности начальника штаба капитан Кардашенко тоже получил другое назначение и уехал).

Создалось совсем нелепое положение: неутвержденный командир полка «временно» исполнял свои прямые обязанности начальника штаба! Ибо считалось, что я вернусь командовать полком при первой возможности. К тому же теперь ожидали со дня на день Высочайшего приказа о моем назначении*.

* Согласно послужному списку, Б. В. Геруа 27 июля (по ст. ст.) был назначен 27 июля 1914 г. и. д. начальника военно-цензурного отделения. 21 сентября

Как мы увидим дальше, этот долго зревший приказ о моем назначении командиром козловцев так и не состоялся, что, однако, не помешало моим невидимым уравнителям сказать обо мне в Высочайшем приказе о награждении меня Высочайшим благоволением 27 октября 1915 года: «Командиру 123-го пехотного Козловского полка полковнику Геруа». То же было сказано впоследствии о награждении Георгиевским оружием «за бои 8–23 октября 1914 года».

После этого я мог считать себя «утвержденным» — в прошлом, со времени отличия, то есть с начала октября 1914 года!

Характерно, что Главный штаб, перед моим назначением командующим лейб-гвардии Измайловским полком в первых числах мая 1915 года, хотел — во имя все того же канцелярского торжества — избежать в Высочайшем приказе «скачка» с должности начальника штаба дивизии на командира гвардейского полка; для этого отдать предварительно приказ о моем назначении командиром козловцев, хотя бы на три дня. Но раздумали и отважились на «скачок».

Сколько хлопот доставил полковник Геруа Главному штабу!..

Все это введение было нужно, чтобы объяснить пятидневный перерыв в моей строевой службе — между Козловским и Измайловским полками — и мое возвращение на штатную должность.

Возвращение это оказалось на короткое время, но такое, когда каждый боевой день можно было считать за три. Оно совпало с ударом фаланги Макензена по всему фронту 10-го армейского корпуса и с нашим трагическим отступлением из Галиции.

* * *

Я точно помню дату приказа по 3-ей армии о допущении меня к командованию Козловским полком: 23 сентября 1914 года.

Думаю, что приказ был отдан, когда я фактически уже ехал в полк из штаба Юго-Западного фронта, после обмена служебных телеграмм, и что он совпал с моим проездом через штаб 3-й армии. Последний находился тогда в Ярославле на реке Сан, а армия вела бои на его западном берегу, примерно в двух переходах.

Командующий армией Радко-Дмитриев, победитель турок в болгарской кампании 1912 года, которому я был обязан своим назначением вне очереди, напутствовал меня по-военному и дал какие-то бума-

сдал должность и направился на временное командование 123-м п. п. Приказ по 3-й армии вышел 23 сентября, 25 сентября прибыл к полку, 2 октября вступил в командование, 6 декабря назначен высочайшим приказом начальником штаба 5-й п. д., а 23 февраля 1915 г. Высочайшим приказом назначен начальником штаба 31-й п. д. О том, что это были формальные назначения, свидетельствует запись, что только 5 апреля 1915 г. он сдал 123-й Козловский полк и прибыл в штаб 31 п. д. См: Ф. 409. Оп. 1. Д. 180090. Л. 6. — *Прим. ред.*

ги для доставки в штаб 10-го корпуса. Полк входил в его состав. Я выехал верхом немедленно, с ординарцем и со своим вьючным конем, минуя, для скорости, штаб корпуса и направляясь прямо в штаб своей 31-й дивизии. По дороге пришлось переночевать в какой-то бедной галицийской деревушке — примитивно, на соломе и на полу.

Отправив из штаба дивизии порученные мне бумаги по назначению и узнав, что начальник дивизии находится впереди, на позиции, я зарыснул дальше, чтобы представиться там генералу.

Он знал меня. Дивизией командовал бывший преобразенец Павел Дмитриевич Шипов, художник, с которым я встречался когда-то в «Соляном Городке» в Петербурге*, на собраниях общества «Понедельников»**.

По мере приближения к позиции все больше и больше обозначалось, что на ней шел бой. Громче была стрельба, все чаще в ясном небе показывались, расплывались и таяли розовые дымки австрийских шрапнелей.

Нашел я Шипова на гребне высоты, занятой нашей пехотой. Она, очевидно, была под обстрелом, хотя в ту минуту огонь притих. Люди сидели и лежали в наскоро вырытых мелких окопах. Но Шипов со своей небольшой свитой во весь рост расхаживал позади окопов, в лихо, набекрень, заломленной папахе, играя казачьей нагайкой. Со времени наших последних встреч он, в дополнение к длинным русым усам, отрастил бороду, расчесанную надвое, *à la russe*. Высокий, стройный и красивый, Шипов культивировал эти данные природы во имя картинного русского стиля и даже носил в левом ухе серьгу. Русые волосы, все еще густые и на голове, однако, сильно смешались с седыми. Если прежде Шипов подходил бы без грима под молодого стольника XVII века, то теперь это был чиновный боярин с полотна К. Маковского.

Он возил с собою в походе краски и иногда усаживался писать этюды на какой-нибудь горушке, находившейся под периодическим огнем противника.

Во всем его поведении и отношении к людям сквозило средневековое рыцарство «без страха и упрека». Шипов считал, что и все другие держатся таких же правил чести и благородства. Не знаю, случилось ли ему испытывать горькие разочарования, но не сомневаюсь, что оснований для этого было постоянно более чем достаточно.

Шипов остался в жизни одиночкой, всецело посвятив себя живописи и военному делу. Эти два искусства у него дружно переплета-

* **Соляной городок** — комплекс зданий в центре Санкт-Петербурга. Получил название по соляным складам. — *Прим. ред.*

** Вероятно, имеется в виду общество «Мюссаровские понедельники», целью которого являлась помощь семьям бедных художников. — *Прим. ред.*

лись, так как он рисовал и писал исключительно на батальные темы. Помнится, одно его большое полотно (кажется, переправа уральских казаков через реку) было приобретено для военной галереи Зимнего дворца. Свое художественное образование Шипов получил в Париже. Ему позволили провести с этой целью за границей довольно продолжительное время, оставаясь в Преображенском полку.

В своих картинах он все военное идеализировал и стилизовал все в том же духе *à la gusse*. А в практике смотрел на него весьма упрощенно, полагая, что победы достигаются одною доблестью войск и их начальников.

Поощряя подчиненных в этом направлении и показывая личный пример, Шипов предоставлял разработку приказов и технику их осуществления своему штабу. Во время Русско-японской войны он с успехом откомандовал одним из сибирских стрелковых полков. Быть может, эта удача укрепила его в мысли о правильности такой системы управления, в которой начальник является лишь организатором духа, а штаб делает все остальное.

В начале войны 1914 года Шипов командовал бригадой в 31-й пехотной дивизии, и из этого периода в ней сохранился легендарный рассказ о том, как он нацеливал для атаки вверенные ему полки. Махнув широко рукой в одном направлении, он говорил: «Вам идти сюда!»; повторив указательный жест в другом направлении — «а вам туда!» и т. д. На вопрос озадаченных полковых командиров, не будет ли еще каких-нибудь приказаний, Шипов твердо объявил, что «это все», и, сделав широкий крест в воздухе над командирскими головами, прибавил: «И да поможет вам Бог!».

Замечательнее всего было то, что Бог держал руку Шипова и неизменно помогал. Несмотря на случавшуюся путаницу, перекрещивания частей и т. п., как следствие приказаний, лично отданных Шиповым, бои оканчивались в худшем случае вполне благополучно, а в лучшем видными победами.

Можно было уверовать поэтому в Божье покровительство, милостиво сопровождавшее тактически упрощенные эксперименты Шипова.

Получив дивизию, он, конечно, оказался всецело в руках своего начальника штаба в области решения задач и их исполнения. Но, подписав нужные боевые приказы, Шипов выезжал к войскам туда, где было горячо, и своим невозмутимым спокойствием прибавлял уверенности командирам и солдатам.

Вступить в командование Козловским полком тотчас по прибытии мне, однако, не удалось. Не знаю, почему уже произведенный в генерал-майоры и назначенный бригадным командиром А. С. Саввич, мой предшественник, не спешил сдавать полк. Возможно, что, ввиду про-

исходивших отступательных боев, решили подождать с переменной полкового командира и дать время новоприезжему войти в курс событий. К тому же в дивизии существовал другой бригадный — некий Цецович, черногорского происхождения, на редкость глупый и бесполезный, но все же состоявший налицо. Может быть, хотели сначала отделаться от этой обузы при штабе дивизии и сплавить Цецовича куда-нибудь. Когда это впоследствии удалось, вспоминали о нем только в связи с двучолкой, которая полагалась бригадному командиру и судьбой которой Цецович был с утра до вечера так поглощен, что не оставалось места для других интересов. Можно было подумать, что он возил в ней какие-нибудь сокровища или держал там, как в банке, все свое состояние.

Впредь до моего фактического вступления в командование полком мне оставалось селиться и передвигаться с А. С. Саввичем, постепенно знакомясь с полковыми делами и помогая ему в оперативной части. Человек это был умный, воспитанный, доброжелательный и прямой; ладить с ним не представляло для меня никаких затруднений; мы очень скоро сошлись на дружескую ногу.

Стратегически в Галиции в конце сентября происходило следующее: австрийцы, потерпевшие крупное поражение месяц тому назад и отступившие вглубь Галиции, к Карпатам, успели там оправиться и, собравшись с силами, перешли в новое наступление. Наши части, выдвинутые при преследовании на западный берег реки Сан, должны были, в свою очередь, под напором превосходных сил, отходить с боями. Мы, в конце концов, отошли на линию реки Сан, на которой удержали ряд предместных позиций.

Одновременно австрийцы оживились под Перемышлем, который мы пробовали взять открытой силой. Опираясь на форты крепости, они сами перешли в наступление. Наше положение там пошатнулось. Несомненно, противник превосходил нас в числе орудий и особенно в калибрах и весе снарядов. Кроме того, казалось, что гарнизон Перемышля получил значительные подкрепления.

Ввиду такой обстановки на южной части Галицийского фронта было решено поддержать дравшиеся там войска присылкой резервов с севера. Как широко это было сделано, я не знаю, но 31-я пехотная дивизия попала в число выделенных войск, была временно исключена из состава своего 10-го корпуса и двинута походным порядком к Перемышлю*.

Подошла она в тыл войск, действовавших к востоку от крепости, около 1 октября. И чуть не в самый день прибытия в новый район

* **Перемышь** — город с 1389 г. В начале Первой мировой — крупнейшая австро-венгерская крепость. Осаждена в сентябре 1914 г. Сдалась 9 (22) марта 1915 г. Ныне — город Пшемьсль, Польша. — *Прим. ред.*

последовал приказ по дивизии: «Генерал-майору Саввичу вступить в командование 2-й бригадой, а полковнику Геруа — в командование 123-м пехотным Козловским полком».

Таким образом, без прямого дела я провел в дивизии всего не больше пяти-шести дней.

С радостью, с приподнятым духом и с жутким чувством вдруг надвинувшейся большой ответственности, подъехал я рано утром к полку, который выстроился в ожидании выступления в дальнейший поход.

Здороваясь в первый раз с батальонами, я заметил, что для офицеров и людей мое появление в роли командира именно в то утро было полной неожиданностью. Вечерний приказ по полку накануне еще был подписан Саввичем.

Мы сделали небольшой переход и подошли совсем близко к боевой зоне. Двигались и остальные три полка дивизии, и наша артиллерийская бригада, но, вероятно, другими путями, ибо я не помню их соседства. Хотя, быть может, 124-й пехотный Воронежский полк (той же бригады Саввича) находился поблизости.

Полк остановился еще совершенно засветло на отдых — вроде большого привала — на какой-то открытой площадке, окаймленной лесками. Едва я успел отвести батальоны в стороны и поставить их в маскированное положение, как прилетел одинокий аэроплан и бросил бомбу — тоже одинокую — как раз в середину пустой площадки.

Воздушные флоты и бомбометание были тогда в младенчестве! Мы, офицеры, с любопытством побежали посмотреть на результат разрыва. Нашли крошечную воронку, ничтожность которой вызвала бы сегодня ироническую улыбку.

Пока же полк стоял наготове, в низине, отделенной от ближайшего поля сражения лесистой горкой, и вне артиллерийского огня противника. В ожидании распоряжений я с батальонными командирами и штабом полка вышел пешком на противоположную опушку роши, служившей нам ширмой, и были поражены открывшейся перед нами панорамой. Теплый, сухой день склонялся к вечеру. Против нас солнце спешило спуститься за горизонт, на покой, играя своими последними лучами на осеннем золоте кудрявой буковой роши, которая тянулась вдоль высокого кряжа и вдоль опушки которой мы медленно подвигались, любуясь картиной. Внизу расстилалась на далекое расстояние волнистая равнина, совершенно открытая, постепенно поднимавшаяся к западу и уходившая в лиловую полосу леса на границе с безоблачным небом, начинавшим розоветь. Бежали розовые тона и длинные тени и по жнивью полей, широких, ничем не перегороженных. И высоко, на фоне еще бледно-голубой части неба, появлялись и исчезали розовые дымки австрийских шрапнелей.

Шло наступление каких-то наших частей, и нам сверху оно было видно как на ладони. В бинокль можно было следить за постепенным успешным продвижением длинных пехотных цепей, за перебежками резервов.

Все это представлялось огромной моделью поля сражения, оживленной движущимися крошечными фигурами солдат, игрушечными повозками и орудиями. Освещенная приятным розовым светом заката, картина эта не говорила об ужасах войны и — если бы не разрывы шрапнелей — напоминала бы маневры мирного времени.

Мы чувствовали себя в положении зрителей в театре, наблюдавших представление из царской ложи бельэтажа. Такого четкого и широкого вида мне затем больше не пришлось видеть в течение всей войны.

Но я заплатил за это удовольствие ценою своего превосходного Цейса. Повесив бинокль на сучок дерева, я отошел вместе с другими в сторону на несколько шагов, а по возвращении — *e presto!* Мой Цейс исчез бесследно. Пустой и молчаливый сучок смотрел сиротливо и сконфуженно. Царская ложа на галицийской горке охранялась плохо!

Едва мы успели вернуться после представления в свой нарядный буковый лесок и поужинать, как пришло приказание: полку выступить немедленно на поддержку такой-то дивизии, дравшейся на подступах к Перемышлю.

Уже стемнело. Через час-другой должна была наступить настоящая ночь, черная, безлунная.

Собрав своих батальонных командиров, я объяснил им обстановку и тут же, в лесу, продиктовал свой приказ. Помню, я испытал удовлетворение, что это заняло всего несколько минут и вылилось легко, как самоуверенно мне казалось, с должными краткостью, ясностью и полнотой. По-видимому, тренировка на прикладном решении задач в Академии не пропала даром. И впоследствии на войне я не переставал чувствовать себя дома в этой области быстрого, на ходу, составления и редактирования приказаний.

Переход был короткий, но в назначенный район полк подошел уже в полной темноте. Я явился к кому следовало и получил комплимент: «Никак не ожидал вас так скоро!»

Полку было приказано считать себя пока в резерве и отдыхать. Люди составили ружья и устроились около них на ночлег на земле, покрывшись шинелями. То же самое сделал и их командир. Земля была жаркая, под головой только кожаная походная сумка, приходилось часто поворачиваться с боку на бок, но октябрьская ночь была сухой и тихой, а сон крепкий — еще не старого человека, которому до 40 лет оставалось два года. Козловцы отдохнули отлично.

На другой день, 2 октября, мы по-прежнему только слышали шум боя впереди, но не получали задачи. Лишь поздно вечером, когда совершенно стемнело, полку было приказано передвинуться немного на север, следуя параллельно фронту, и стать в резерве за другим боевым участком. Где в это время были и что делали остальные три полка дивизии, я не помню. Вообще, в этот период действия козловцев представляются мне оторванными и не связанными с работой своей дивизии в целом. Мы, правда, постоянно чувствовали руку и глаз Саввича, но можно было подозревать, что 31-я дивизия, попав в район и в подчинение чужого корпуса (12-го) в качестве гастролера, употреблялась новым начальством враздробь, по полкам, для так называемого «затыкания дыр» в боевой линии или для укрепления пошатнувшихся участков.

Во время указанного ночного передвижения полка со мной лично случился следующий эпизод. Я ехал со штабом впереди колонны. Было так темно, что выражение «хоть глаз выколи» как нельзя лучше определяло видимость. Приходилось полагаться на инстинкт и зрение лошади, отдав поводья и позволяя ей самой выбирать и, в местах зарослей, пробивать себе дорогу. Делал это мой конь успешно, и я чувствовал, что он понимал свою роль и возложенную на него ответственность. Ступал он заботливо, сосредоточенно, иногда приостанавливался, точно соображая, что делать дальше, и спрашивая меня. В ответ я давал ему легкий посыл-поощрение шенкелями, и мы продолжали движение. Вдруг совершенно для меня неожиданно мы вскарабкались на какую-то очень крутую насыпь, почти отвесную. И затем я понял, что у нас под ногами, наконец, та твердая и прямая дорога, к которой мы пробирались. Едва я успел поздравить себя с этим, как мы с конем полетели кувырком вниз, в неизвестную черноту! Это была секунда. Я услышал лязг металла, чей-то крик и знал, что сам шлепнулся о твердую землю. Вскочив, я разобрал силуэт моей лошади, лежавшей на спине, с седлом, съехавшим на живот, и старавшейся перевернуться и встать на ноги. Я помог ей поводом. Когда мы пришли в порядок и седло было водворено на свое место, я не без удивления мог установить, что ни лошадь, ни я не пострадали от этого приключения. Кроме факта самого падения с высокой насыпи, по которой шла дорога, упали мы на составленные в козлы ружья с примкнутыми штыками. К счастью, лошадь копытом распластала пирамидку, на которую мы падали. Слышанный мною металлический лязг произошел от распавшегося ружейного «козла». Пострадал только солдат какого-то резерва, ночевавшего под прикрытием дорожной насыпи; лошадь ударила его копытом, и это он вскрикнул.

Когда мы снова взобрались благополучно на дорогу, на ней недоуменно стояла верхом моя небольшая свита.

— Где вы были, господин полковник? Мгновение, и вы куда-то исчезли как по волшебству!

Командир полка рассказал свое приключение, и колонна тронулась дальше.

На рассвете мы подробно осмотрели лошадь. Оказалось, что все же штык оставил след на предплечье левой передней ноги. Но рана не была глубокой и при внимательном уходе зажила быстро.

Сутки мы простояли в ближайшем резерве за новым участком, где вот уже несколько дней кипел упорный бой за обладание ключом позиции: горой, которая, как округлая вышка, командовала окружающей местностью. Наша пехота только что отбросила австрийцев за вершину, но они получили подкрепление и перешли в контратаку. Происходило это в районе дальнего артиллерийского огня с одного из фортов Перемышля. Наша артиллерия — только полевая, дивизионная — явно уступала противнику в силе и интенсивности огня.

Штаб полка приютился в каком-то одноэтажном домике почти без мебели, может быть, в бывшей школе. Мы находились так близко к боевой линии, что к нам залетали ружейные пули. На моих глазах, в полушаге, был убит на крылечке дома солдат — вестовой. Пуля попала прямо в сердце, он мгновенно рухнул, и было видно, как краска быстро и плавно сбежала с загорелого лица, сменившись мертвенной синеватой бледностью.

В одной из комнат дома складывали на полу, на соломе, некоторых из раненых и делали им первичную перевязку в ожидании дальнейшей эвакуации в тыл. В числе раненых был австрийский солдат, большого роста и богатырского сложения. Осколок снаряда попал ему в живот, положение бедняги было безнадежно, и зияющую рану лишь для приличия прикрыли бинтом и ватой. Но раненый не мучился и не страдал (быть может, ему сделали впрыскивание). Он даже нашел нужным похвастаться своей раной, приподняв слой окровавленной ваты и показав мне ужасное широкое отверстие, через которое можно было видеть внутренности. Ему хотелось поговорить со мною о своих домашних, и он пытался достать и показать мне какие-то письма и фотографии. С моим элементарным немецким языком я не мог быть бойким собеседником, но жестами старался подбодрить и обнадежить его, читая в его добрых, вопрошающих глазах желание одного ответа: что он будет жить! Наконец, он попросил меня принести ему воды.

Когда, через две или три минуты, я вернулся с чашкой воды, мой австриец уже был мертв, и по его открытому потускневшему глазу неторопливо ползла муха.

В ночь на 4 октября полк получил, наконец, определенную задачу: сменить другой полк в окопах на позиции несколько севернее, на высоте впереди замка и деревни Мезенец. Смена произошла до

рассвета, в полной темноте. Меня со штабом провели по какому-то открытому пространству в блиндаж полкового командира. Это был узкий окоп, углубленный в землю только на высоту стоящего человека и перекрытый поверху накатником и небольшим слоем земли. В окопе было устроено нечто вроде передней, имевшей два шага в квадрате. В этой прихожей помещались телефоны и телефонисты — связь с батальонами и со старшими штабами. Собственно командирское помещение имело в длину не более пяти шагов, с узким посередине проходом между двумя земляными ступеньками. Они служили нам диванами для сидения, как в омнибусе, и лежанками. Со мной находились полковой адъютант Рязанцев, заведующий связью Рыбин и начальник полковой пулеметной команды Васильев.

Утро 4 октября* наступило осенне-серое; небо было покрыто густыми облаками. Но противник принял меры, чтобы оживить его. С первым светом он обрушился на нашу позицию всею силою артиллерийского огня, которым располагал. Стало совершенно очевидно, что за этой энергичной подготовкой последует атака. Защищали мы лысую, плоскую высоту, поспешно укрепленную. Считалось достаточным вырыть узкие щели, в которых стрелки могли стоять в рост, и прикрыть их головы легкими козырьками от шрапнельных пуль и легких осколков. Сообщение с резервами и с тылом производилось по узким ходам сообщения, по которым можно было двигаться только вереницей, по одному человеку в ряд. Чтобы уберечь эти коридоры от продольного обстрела, ходы сообщения строились зигзагами и, по возможности, в складках местности, менее подверженных огню противника. Прочность укрепления позиции много зависела от ее устройства в глубину и от связи фронтовой передовой линии огня с резервами. Если бы бой не начался сразу после смены полка, я мог бы днем ознакомиться с характерными чертами порученного мне сектора обороны и принять меры к тем или иным улучшениям. Теперь приходилось пользоваться тем, что было, и зарядиться известною долею фатализма. То, что было, судя даже по карте, показалось мне малонадежным и поверхностным. Позиция не успела получить должного развития. Ничего или очень мало было сделано, чтобы парализовать трудности сообщения с тылом через эту ужасную лысину, которую противнику ничего не стоило держать под густым артиллерийским огнем. Штаб полка догадался расположить в каких-нибудь 600 шагах от среднего батальонного участка и на самой вершине лысины. Будучи прижат к одному из батальонов, командир полка своей близостью мог только мешать работе этого батальона, а с другими

* Судя по боевым документам, автор несколько путает даты. Более подробное описание этих боев см. во вступительной статье. — *Прим. ред.*

батальонами сообщение шло не из глубины, а вдоль боевого фронта. От блиндажа полкового штаба не было вырыто через плешь никакого хода сообщения в тыл, начинавшийся в парке замка Мезенец. Люди, перебегавшие днем, под градом снарядов, открытую высоту, напоминали беспомощных обывателей без зонтиков и макинтошей, застигнутых проливным дождем.

Непрерывность обстрела была такова, что свист снарядов сливался в один сплошной монотонный гул, производивший на слушателя неожиданный результат: вместо того чтобы тревожить, этот свист успокаивал и клонил ко сну!

Как и следовало ожидать, австрийцы под вечер атаковали наши окопы, но были отбиты огнем с коротких дистанций; устроившись, атаковали еще раз и опять были отбиты. Наступила темная ночь. Все стихло. Мы лихорадочно исправляли повреждения в окопах и проводили дополнительные ходы сообщения. Не сомневались, что на утро противник возобновит атаку.

Действительно, вскоре после 7 часов утра началась та же монотонная долбежка, на которую отвечала откуда-то наша артиллерия, явно более слабая. Штаб полка продолжал сидеть на своей вершине под центром купола, образуемого встречными траекториями чужих и своих снарядов. Из штаба дивизии периодически раздавался по телефону басистый и уверенный голос Саввича, которого сделали начальником бригадного боевого участка. Милый Александр Сергеевич ободрял и поощрял. Я жаловался, что у нас нет своей батареи, которая могла бы обслуживать огнем частные нужды полка и содействовать ближним огнем отбитию атак. Саввич обещал это дело устроить и переговорить с дивизией, а если понадобится, то и с корпусом.

Пока что мы в этот день снова отразили приступ австрийцев своими бедными средствами. Помнится, что в некоторых местах дошло чуть не до штыковой схватки.

На другой день повторилось примерно то же самое, но я успел перевести штаб несколько более вглубь и за середину участка, начинавшего получать особое значение. Наша плешь была сильно обстреляна, и одна шрапнель влетела в «прихожую» и там разорвалась, убив одного телефониста и ранив двух. Я в эту секунду стоял в проходе блиндажа и был только окутан дымом. Но пулеметчик С. И. Васильев, который сидел на «диване» и с которым я в то время разговаривал, вдруг упал, как подкошенный, на бок. Мелькнула мысль, что он убит, но оказалось, что Васильев только впал в глубокий и долгий обморок. Когда он очнулся, выяснилось, что он оглох: у него под напором струи газов лопнула барабанная перепонка правого уха, которое было обращено ко входу. С наступлением темноты Васильева пришлось эвакуировать. Контузия была тяжелой.

На третий день боя я получил-таки желанную батарею. Но, увы, моему удовольствию суждено было продолжаться недолго: едва ставшая у замка батарея открыла, что называется, рот, как противник засыпал ее 6-ти и 8-дюймовыми гранатами. Вскоре эти снаряды начали удачными очередями ложиться на самую батарею, и она, понеся потери, отправилась «искать новую позицию». Вдогонку ей неприятель послал с форта парочку 12-дюймовых «чемоданов», которые взрыли в господском польском парке огромные воронки. Больше мы о батарее ничего не слышали.

Между тем обстановка складывалась так, что австрийцы, не добившись результата против центра позиции на Лысой горе, перенесли удар на ее правый фланг. Здесь проходило прямое шоссе от крепостного форта и через село Мезенец. Шоссе это было проложено в складке местности между двумя возвышенностями. Южную занимал мой правофланговый батальон, северную, лесистую — N-й полк соседней N-й дивизии*. Лесистая горка командовала над моей высотой. Удержание ее для обороны шоссе и подступов к селу Мезенец с запада являлось делом насущным.

Весь день 6 октября шел горячий бой по всей дуге этого сектора. Но не подлежало сомнению, что главные усилия противника направлены на участок у шоссе и, в особенности, на Лесистую горку. Положение моего правофлангового батальона позволяло обстреливать косым огнем австрийские цепи, наступавшие к северу от шоссе на соседний полк. Мы делали в этом смысле, что могли, но тут главным образом нужны были пулеметы. А их было всего по паре на батальон; полк еще не принялся за собиранье неприятельских пулеметов, к чему мы пришли в мое командование, нарушая правило сдавать все трофеи!

Все, казалось, шло благополучно, пока уже вечером, когда совершенно стемнело, я не получил донесения от полуроты, державшей связь с моим соседом справа, что этот сосед отступил, очистив Лесистую горку. На мое сообщение по телефону об этом внезапном и неприятном событии генералу Саввичу, он ответил, что примет меры к выяснению обстановки и восстановлению положения. Через некоторое время Саввич «прогудел», что действительно N-й полк исчез, куда — неизвестно, и что искать его выехали офицеры штаба 12-го корпуса. Также, что к Лесистой горке выдвинут срочно наш Воронежский полк из дивизионного резерва.

Мы провели тревожную ночь. Но на утро выяснилось, что воронежцы успешно заняли место испарившегося полка и отбросили, не-

* Вероятно, имеется в виду 74-й пехотный Ставропольский полк из 60-й пехотной дивизии. — *Прим. ред.*

смотря на темноту, части противника, которым удалось взобраться на Лесистую горку. С другой стороны, нашли и собрали где-то в тылу N-й полк.

Через несколько месяцев я прочел в официальной военной газете «Русский инвалид», что командир этого полка получил орден Святого Георгия 4-й степени как раз за это дело 6–7 октября 1914 года. Подвиг был описан картинно и убедительно*. В штабах, ведавших N-м полком в ту памятную ночь, очевидно забыли, как тогда искали этот полк, но имели в своем составе талантливых и услужливых друзей доблестного полковника Н. К сожалению, вопрос награждения по статуту знаком ордена Святого Георгия выродился у нас с самого начала войны в самую уродливую форму, уронившую значение этой боевой награды**. Нельзя было быть уверенным, видя крест на чьей-либо груди, что он действительно заслужен. Мы еще встретимся с другими подобными примерами.

7 октября я перенес штаб полка далее вглубь позиции, в самую деревню Мезенец, оттянув при этом в полковой резерв свой 4-й батальон. Он расположился с наступлением темноты у меня под рукой — в парке замка Мезенец.

Целый день австрийцы подготавливали артиллерийским огнем новую атаку, а под вечер произвели несколько атак по всему фронту полка. Атаки снова были отбиты, но на участке левого батальона противнику удалось ворваться в наши окопы и удержаться в них.

Как только это известие дошло до меня, я лично пошел к 4-му батальону, стоявшему в резерве, и приказал командиру, подполковнику

* Вероятно, имеется в виду командир 74-го пехотного Ставропольского полка 19-й пехотной дивизии Н. Г. Архипович. Орден Св. Георгия 4-й ст. получил за то, что «в бою 8 октября 1914 года у д. Мизинец, находясь лично в передовых линиях полка, атаковал вдвое превосходного в силах противника, отбросил его и завладел важным пунктом на фронте корпуса, чем устранил опасный прорыв, образовавшийся вследствие очищения, по недоразумению, своих позиций двумя нашими полками; при атаке было захвачено три пулемета» (Военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия за период с 1914 по 1918 гг. // Кузьмин А. В., Мазяркин Г. Н. Максимов Д. Н., Юшко В. Л. Кавалеры. М., 2008. С. 57). — *Прим. ред.*

** Статут был наново пересмотрен и переиздан незадолго до войны. Он нажимал не столько на подвиги личной храбрости, сколько на достигнутые результаты, на трофеи и, вообще, внешние признаки победы. Существовал даже пункт о взятии в плен Главнокомандующего. Этот дух статута открывал широкие возможности старшему командному составу и сокращал их для рядового офицерства. Орденские знаки присуждались Думой, которая судила по письменным свидетельским показаниям товарищей и подчиненных. Эти показания легко можно было подтасовать при желании провести кандидата. Также легко было и провалить представление достойного лица. — *Прим. авт.*

Пургасову, немедленно двинуть батальон к потерянному нами участку позиции и штыковой атакой, без огня, выбить австрийцев.

Иван Иванович Пургасов* был офицер редких достоинств: лично храбрый, понимавший и любивший военное дело, самолюбивый, умный и подвижный, даже всею своею сухою и подтянутою наружностью типичный солдат. Я едва имел время с ним познакомиться, как и вообще с офицерами полка, но все же сразу почувствовал в Пургасове надежного и незаурядного помощника.

Блестящим выполнением этой первой важной задачи, полученной от меня, Пургасов подтвердил мое впечатление. Ночная контра-така эта удалась, мы выбили противника, захватили много пленных и пулеметы.

Я был рад представить его потом за это дело к Георгиевскому кресту, который он и получил, в данном случае по достоинству и по заслугам.

К утру 8 октября, после упорного четырехдневного боя, Козловский полк продолжал удерживать свою «лысину» и все пункты порученного ему сектора обороны.

Но 8-го артиллерийская бомбардировка усилилась. Было видно, что к прежним батареям прибавились новые и что огонь тяжелой фортовой артиллерии сосредоточен на нашем участке. Очереди 8-ми и 9-дюймовых гранат и периодически посылаемые 12-дюймовые «чемоданы»**, летевшие томительно долго, с гулом приближающегося паровоза, изрыли почву вдоль и поперек. В некоторых местах окопы были сравнены с землей, засыпаны.

На этот раз штаб полка обходился без блиндажа: телефоны поместили в подвале каменного костела. Я лично предпочитал держаться наверху, стоя за восточной стеной церкви. Оттуда можно было, по обстрелу, следить за ходом боя. Тут же неподалеку, за живой изгородью открыто стояли наши верховые лошади. Почти как на маневрах мирного времени. Погода была чудесная, солнечно, ясно и далеко видно.

Костел, расположенный на горке, естественно привлекал к себе внимание противника. Здесь мог быть артиллерийский наблюдательный пункт. Я сказал бы: должен был быть. Но, повторяю, в этом бою полка мы не имели ни одной батареи, которая специально защищала бы нас и не видели в районе полка ни одного артиллериста-разведчика или наблюдателя***.

* Мемуарист здесь и далее по тексту неточен. Пургасова звали Андрей Андреевич.

** Так в русской армии называли тяжелые снаряды. — *Прим. ред.*

*** Отметим, что в апреле 1915 г. командир 31-й артбригады в отчете об этих боях подробно рассказывал об усиленной боевой работе подчиненных ему частей, а также указывал, что 8 (21) октября командир 4-й батареи выслал

Противник этого не знал и потому направил огонь своего 12-дюймового орудия на костел. «Чемоданы» стали ложиться вокруг, взрывая огромные воронки и подбрасывая вверх столбы черной земли, смешанной с дымом. Снаряды ложились все ближе и ближе, и, наконец, костел был удачно взят вилку. Близкий недолет потряс здание так, что оно буквально покачнулось — сначала в одну сторону, потом в другую, точно в раздумье: упасть или нет, и затем стало на место. Лишь осколки пробили крышу костела, и нас обсыпало градом черепков.

Затем перелет ударил поблизости от нашей коновязи. Несколько людей и лошадей было убито и ранено. Легко ранены были мой конь и мой вестовой, взятый из академического полускадрона и носивший громкую фамилию Пушкин.

Примерно около полудня положение на участке стало критическим. Резервов у меня никаких не осталось, и отбивать противника контратаками было нечем. Не располагал резервами и штаб дивизии, так как Шипов, получив от меня по телефону тревожное донесение, мог предложить в качестве резерва только самого себя.

— Хотите, я приеду к вам? — спросил он меня. Конечно, я отказался от этой поддержки — чисто нравственной, — прося найти роту или две с пулеметами.

Между тем австрийцы повели атаку по всему фронту. Главное давление было вдоль шоссе. Мой крайний правый фланг, вытесненный из своей основной позиции, зацепился за кладбище. Неприятель теперь обстреливал его, имея в виду им овладеть. Как раз в это время мне донесли, что прибыла рота, присланная по настоянию Шипова из соседней дивизии. Я вышел к этому «последнему» резерву навстречу и решил лично направить его для усиления слабого гарнизона кладбища и, если бы понадобилось, повести в контратаку. Рота, по числу людей, оказалась полуротой, и командовал ею фельдфебель. Какого она была полка, не помню, но знаю, что второочередного, с синими отличиями, то есть второго по номеру в дивизии.

Я взял с собою полкового адъютанта и кое-кого из связи. Сначала мы пошли по пахоти целиной, от закрытия к закрытию, но было очень вязко, нога утопала в глинистой почве; скоро это мне надоело, и я сказал сопровождавшим меня, чтобы они продолжали движение осторожно и целиной, а я пойду прямо по шоссе.

Я встретил тут новую роту, шедшую согнувшись в пришошейной канаве, в этом случайном ходе сообщения, приближавшем к кладби-

поручика Барковского для непосредственной координации огня с 123-м полком: «Находясь целый день под ружейным, артиллерийским и по временам пулеметным огнем, давал очень ценные показания, как для стрельбы 4 батареи, так и для других батарей» (РГВИА. Ф. 2361. Оп. 1. Д. 162. Л. 65 об.). — *Прим. ред.*

шу. Поздоровавшись с людьми, я пошел впереди них вместе с фельдфебелем. Противник заметил наше движение и открыл огонь — шрапнельный вдоль канавы и пулеметный во фланг, со стороны Лесистой горки. Пулеметные пули густо шлепались на шоссе, поднимая взбрызги пыли, как это делают первые тяжелые капли дождя. Одна шрапнель разорвалась очень метко и низко, как раз над головой нашей маленькой цепочки. Она так окутала дымом фельдфебеля, что я думал, он убит. Но дым рассеялся, и я увидел фельдфебеля живым и даже не раненным.

Мы продолжали движение.

Я остановился, когда рота развернулась и побежала к кладбищу, которое отстояло теперь шагах в пятистах.

Что фактически могла сделать эта горсточка чужих людей, случайно где-то перехваченных? Получилась небольшая оттяжка, но противник, в явно превосходящих силах, поддержанный интенсивным артиллерийским огнем, продолжал наседать.

Против центра позиции и на левом фланге тоже шли атаки. От окопов оставалось одно воспоминание, а полк понес такие потери, что батальоны сократились наполовину. Вступив в бой с почти полным составом офицеров, полк насчитывал теперь на все четыре батальона не более 10 офицеров.

Надо было быть готовым на все, и я дал штабу полка указание, куда отойти. Батальоны знали раньше о направлении своего отхода на новую позицию.

При себе я оставил только офицера для связи, поручика Рыбина, приказав вестовым с нашими верховыми лошадьми скрыться в ближайшей молодой роще.

Влиять на ход боя я в эти минуты более не мог. Мне показалось, что я чего-то не сумел выполнить, что не все возможное было сделано и что я с позором «провалился» как командир полка. С этой мыслью, граничащей с отчаянием, пересекал я поле, как вдруг увидел, что какая-то часть, вероятно, рота — не козловцы — в беспорядке «утикает» в тыл без офицеров.

Я бросился к этой роте, как к последнему средству, посланному судьбой. Остановив людей и накричав на них, я приказал Рыбину привести роту в порядок, развернуть и вести в направлении на парк и замок Мезенец, к которым — я был уверен — должен был с другой стороны приближаться противник.

Наступление это, совершавшееся по открытому полю, сейчас же было замечено австрийцами, и они обстреляли нас шрапнелью. Они не могли видеть превращения отступавшей роты в наступающую, так как перехватил я ее в кустах и в роще, и ее появление из-за этих закрытий должно было казаться им подходом свежего резерва.

Рыбин через несколько минут был ранен в голову (к счастью, довольно легко, как оказалось впоследствии) и должен был покинуть строй. Но пущенная вперед рота выполнила свою задачу и окопалась наспех по сю сторону господской усадьбы, преграждая дальнейшее распространение противника вглубь нашей позиции. День начинал клониться к вечеру. Я присоединился к нашим лошадям и, выждав, пока шрапнели перестали обсыпая нас пулями и ветками, сел на лошадь и поехал на новую позицию полка. Въехал я на нее спереди, так сказать, со стороны неприятеля! В штабе полка обрадовались, увидев меня, — там начинали тревожиться за мою участь. Успокоились они, успокоился и я, убедившись, что полк занял новую линию, как говорилось официальным языком, стройно и в порядке. Уступили мы противнику на пятый день жестокого боя всего-навсего около километра-двух в глубину, потеряв только наше выступное положение и выпрямив общую линию.

Австрийцы, понесшие, очевидно, тоже большие потери, достигнувшие успеха главным образом благодаря своей артиллерии, не преследовали и удовлетворились занятием района Мезенец.

Не посыпались на голову козловцев с их новым командиром и громы со стороны старшего начальства. Наоборот, оно оказалось довольно: стратегически удалось задержать наступление численно превосходного противника, рассчитывавшего на решительные результаты; слабый Козловский полк на растянутой позиции сделал в этой операции гораздо больше, чем можно было ожидать.

На другой или третий день, когда наступило очевидное боевое затишье, в полк приехал П. Д. Шипов. Он неожиданно вошел в амбар, в котором, на задворках какой-то деревушки, приютился штаб полка. Шипов сказал мне, что получил мой подробный рапорт о пятидневном бое, что читал его с волнением и проникся почтением к боевой работе полка.

— Что касается до его славного командира, — прибавил он, дружески меня обняв, — то я низко кланяюсь ему и сочту своим долгом представить Вас, Борис Владимирович, к высшей боевой награде.

Затем Шипов обошел по окопам роты; увы, их стало восемь из прежних шестнадцати, так как я вынужден был свести понесший большие потери полк в два батальона при 10 офицерах. Шипов умел просто и искренно говорить с солдатами, не поддельваясь под псевдопростонародный язык, и не играл в Суворова. Он сердечно поблагодарил уцелевших офицеров и солдат за доблесть в бою. В дальнейшем моем командовании козловцами, а потом измайловцами, ни один из начальников дивизии (Шипова в 31-й дивизии скоро сменил Генерального штаба генерал Поликарп Кузнецов) не утруждал себя благодарить людей за боевую службу, которая стоила благодарности

старшего начальства. Только корпусной командир — старик Безобразов — приехал нарочно в Измайловский полк поблагодарить его за Красновостав*...

Как бы обещав мне «высшую боевую награду», то есть Георгиевский крест, Шипов натолкнулся, по-видимому, в своем штабе на противодействие, в результате которого меня представили не к кресту, а к Георгиевскому оружию.

А когда эта награда была объявлена (без малого через год), я с величайшим удивлением прочел описание подвига полка — до того он оказался искаженным. Говорилось об отражении непрестанных атак превосходных сил противника и удержании позиции в течение почти двух недель (с 4 по 23 октября) с переходом в контратаки и со взятием 150 пленных и пулеметов. На самом деле никаких повторных атак после 8 октября австрийцы не производили; мы заняли новую позицию спокойно, без помех, и все части дивизии успели на ней укрепиться. Так мы и простояли, вернее, просидели вплоть до смены, состоявшейся в последних числах октября. Противник ограничивался довольно редким артиллерийским обстрелом, скорее пристрелочного характера.

Размазав и расплющив бой во времени, умолчал про трудности, в которых он велся в течение пяти дней, когда артиллерия противника нас косила, а мы отбивали атаки главным образом штыками, штабные редакторы представили дело бесхарактерным и бледным. Шипов же, как я уже говорил, находился в этой области штабного писательства в руках своего начальника штаба**.

Остаток пребывания 31-й дивизии под фортами Перемышля озаменовался для Козловского полка только тем, что как-то, после передвижения его на новую высоту, австрийская 12-дюймовка чуть не взорвала на воздух штаб полка в полном его составе. В тот период войны практика устройства глубоких блиндажей на русском фронте, особенно в Галиции, еще не пустила корней. Погода оставалась хорошей, и штаб полка расположился вблизи опушки леса на вершине высоты, соорудив из ветвей легкий шалаш. Он способен был защитить лишь от дождя и отчасти от ночного холода.

В одно утро, когда весь штаб и командир сидели в этом декоративном павильоне, мы сначала услышали протяжный бас «идущего»

* **Красновостав** — город с 1394 г. В составе России с 1815 г. Ныне — Красновостав, Польша. — *Прим. ред.*

** В 1914 и 1915 гг., командуя 74-й дивизией в Карпатах, в письме к Грекову (своему бывшему начальнику штаба, а в 1915 г. — начальнику штаба 1-й гвардейской пехотной дивизии) Шипов просил кланяться «Борису Геруа, геройское командование которого козловцами он так хорошо помнит» (слова привожу примерно). — *Прим. авт.*

12-дюймового снаряда, а затем глухой удар, разваливший наш картонный домик и произведший маленькое землетрясение. Снаряд попал в откос горы как раз в створе шалаша, в нескольких от него шагах. Но «паровоз» не разорвался, лишь глубоко зарывшись в землю!

Мы ушли после этого предупреждения немного глубже в лес, построив другой цыганский навес; пробыли в нем несколько дней, пока полковые саперы не соорудили еще дальше в тылу, в том же лесу, настоящий блиндаж, солидное и комфортабельное, даже отапливаемое подземное помещение, в котором можно было даже рискнуть раздеться. Это был мой первый серьезный блиндаж на войне, не считая тех легкомысленных, которые я описал выше, рассказывая о бое на «лысине».

После смены дивизия выступила походом обратно к нижнему Сану, на север. Это заняло несколько дней. Как и прежде, полк следовал самостоятельно, и мы не встречались с другими полками дивизии. Раз или два нас обогнал Шипов, когда полк отдыхал на привале. Солдаты получали горячую пищу, которая была сытна и превосходна, а офицеры закусывали, расположившись пикником на лужайке не без удобства и хозяйственно. На это был мастер Пургасов, страстный охотник, привыкший уютно раскладываться в поле в любых условиях.

— Как у вас мило славно, — похвалил Шипов. — Я заметил, что полки, которые умеют устраиваться хозяйственно, и дерутся хорошо!

Подходя к Сану, полк должен был пройти мимо штаба нашего корпуса — 10-го, — в подчинение к которому дивизия возвращалась. Командир корпуса Протопопов со штабом пропустил полк, здороваясь с ротами. Два батальона вместо четырех, но люди имели подтянутый и бодрый вид; играла музыка; четко отбивая ногу и молодежато повернув головы на начальство, козловцы проходили с сознанием честно исполненного боевого долга.

Поход этот был приятен. Солдаты могли размяться после сидения в окопах на позиции. Погода не изменяла, оставаясь солнечной и сухой. Красивая местность в предгорьях Карпат, холмистая, с рощами в их позднем осеннем уборе, начинавшем спадать на землю и покрывать ее желто-красными пятнами все гуще и гуще, доставляла удовольствие. Время от времени на какой-нибудь попутной горушке показывался стройный силуэт тонконогой козы, и тогда Пургасов с досадой восклицал: «Вот бы где поохотиться! Было бы у нас седло козы на ужин!»

В конце концов дивизия осела на восточном берегу Сана, к югу от Ярославла; она была назначена в резерв с тем, чтобы зализать раны, нанесенные ей под Перемышлем, и получить пополнения. В это время другие наши войска 3-ей армии, снова отбросив австрийцев от Сана, выдвинулись примерно на переход вперед, на западный его берег.

Я не помню точно названия большого галицийского села, в котором поставили полк на самом берегу реки, но имя этого села было совершенно русским. Село опускалось к Сану с высоких скатов и, кажется, соответственно называлось Высоцким. Большинство населения в нем было «русинским», то есть, попросту говоря, русским*. Крестьяне говорили на наречии, похожем на малороссийский язык, и одевались как хохлы, особенно бабы и девки. В селе красовалась большая каменная церковь — униатская, то есть, в своем существе православная; по крайней мере, мы не замечали в службе особой разницы, и солдаты отправлялись в эту церковь командами, так, как это делалось в России. Население казалось зажиточным, в отличие от многих русинских деревень, которые мы проходили в Восточной Галиции и которые поражали своей бедностью и забитостью. Этим относительным благосостоянием объяснялось то, что храм был довольно хорошо украшен внутри и содержался в порядке.

Роты быстро завязали дружеские отношения с крестьянами, одноплеменность которых была очевидна. В церкви наши певчие усилили местный хор и ввели в конец службы русское многолетие с провозглашением здравия «Благочестивейшему Государю нашему Императору Николаю Александровичу», «Императрицам» и «Всему Царствующему дому». Местные хохлушки, наряжавшиеся для церкви в пестрые блузы, ленты и юбки, пели это многолетие не только хорошо, но и с видимым увлечением.

В селе находилась еще усадьба какого-то польского пана, бросившего дом перед приходом русских и отступившего вместе с австрийцами. Во время боев в этот дом попал австрийский снаряд, пробил дыру в стене гостиной или столовой во втором этаже и разорвался на паркете, образовав в нем большое зияющее отверстие. Помещик, впрочем, позаботился заблаговременно увезти куда-то почти всю мебель и обстановку, так что дом казался внутри казармой, несмотря на архитектурные претензии.

* * *

Мы простояли в Высоцком не менее недели в первых числах ноября. За это время австрийцы перестали оспаривать линию Сана и широким фронтом отступили за Карпаты, намеренно оторвавшись от нас

* **Русины** — этническая славянская группа, проживающая в Галиции и Карпатах. Греко-католики (униаты). Начиная с XIX в. Россия оказывала поддержку русинскому движению, что способствовало в годы Первой мировой позитивному отношению русин к нашей армии. В свою очередь это вызвало обвинения в предательстве Австро-Венгрии и жестокие репрессии, которые некоторые исследователи приравнивают сегодня к геноциду. — *Прим. авт.*

и заставив потерять соприкосновение. Это был очевидный стратегический ход. Как мы скоро увидим, противник подготавливал удар на левом берегу верхней Вислы, опираясь на Краков*. Очищение Западной Галиции и уход за Карпаты имели в виду отвлечь наши силы от Привислинского театра.

Но эти заключения тогда не могли входить в узкий кругозор командира полка. Нам сказали, что австрийцы отступают и что мы их преследуем. 31-я дивизия тронулась с места, переправилась еще раз через Сан и направилась в общем направлении на Ясло**. Поход носил мирный характер. Никаких встреч с противником не происходило. Любопытно, что один из ночлегов полка пришелся на ту самую деревню, в которую я впервые приехал к полку в конце сентября, и что штаб полка остановился в доме того же самого ксендза.

По мере приближения к Ясло местность становилась гористее и живописнее. Мы вступали в предгорья Карпат. Становилось холоднее.

Ясло — довольно большой и благоустроенный город — проходили днем, весело маршируя под музыку. Жители высыпали из домов поглазеть на москвитов. Так же, вероятно, пропускали они мимо себя несколько дней перед тем какие-нибудь австрийские части, шедшие в горы.

По их следу втянулись в горы и мы. Остановившись на дневку в деревушке по дороге в Зимгород, мы считали, что пойдем и дальше. Куда? Вероятно, за Карпаты. Зная только то, что происходило на пяточке, в ближайшем соседстве, полк считал, что не сегодня-завтра, преследуя противника, он перевалит через главный хребет в Венгерскую равнину.

Между тем сразу наступила зима. Выпал снег, и стало морозно.

Но идти за Карпаты нам не пришлось. В этой деревушке, которую уже следовало назвать горной, был получен приказ: ввиду сильной атаки австрийцев от Кракова вдоль Вислы, следовать туда на поддержку. Расстояние было большое, но перебросить войска на север по железным дорогам оказалось невозможным. Поэтому предстояло походное движение усиленными переходами, без дневков.

Шли мы по верху кряжа между реками Вислока и Вяла, и слева от нас, на запад, тянулся другой, более высокий кряж. Он успел покрыться снегом и в солнечную погоду переливался гаммой зимних красок. Движение было утомительным — 35–40 верст (до 50 километров) в день, — но все же мы любовались этой чудесной панорамой.

* **Краков** — основан в 1257 г. Ныне в составе Польши. — *Прим. ред.*

** **Ясло** — основан в 1365 г. Ныне в составе Польши. — *Прим. ред.*

Во время перехода я натолкнулся на сапожный вопрос. В зимних условиях обувь изнашивалась быстрее. Начали появляться беспсапозные солдаты, и в ротах накапливались отсталые, которых приходилось везти на подводах. Никакой надежды получить сапоги из тыла, от интендантства, не было, а свои полковые запасы приходили к концу. Я вызвал своего заведующего хозяйством подполковника Ляпунова, с которым мы вообще держали частые конференции по вопросам довольствия полка. Офицер этот был совершенно на своем месте в этой хлопотливой и ответственной должности: щепетильно честный, законник, находчивый и решительный, но и чрезвычайно упрямый. Я предложил Ляпунову закупить на полковые суммы в городах столько сапог, сколько удастся (к счастью, галичане носят высокие сапоги), и образовать при обозе особый сапожный эшелон.

Я знал, что в полку состоял большой экономический фонд и что не может быть препятствия в деньгах. Но такая операция являлась, конечно, вмешательством в область интендантства, и, с точки зрения буквы, была незаконной. Я считал, что бессмысленно копить деньги только ради увеличения запасных сумм (обычное явление в полках во время войны при щедрых отпусках от казны) и что лучше истратить часть их на текущую насущную нужду, притом связанную с боевой готовностью полка.

Ляпунов стал на точку зрения буквы закона и уперся. Мы едва не поссорились, но, в конце концов, порешили сознательно отступить от закона, причем я сказал: «Беру всю ответственность на себя, и когда нас с Вами, Александр Михайлович, притянут после войны к суду, я скажу, что заставил Вас исполнить мое приказание».

Ляпунов по-джентльменски возразил: «Ответим вместе». И затем, с присущими ему энергией и организаторским талантом, превосходно наладил сапожный вопрос. Через какие-нибудь два дня кризис миновал. И больше не было отсталых.

* * *

При подходе к Висле Козловский полк с двумя батареями назначили в авангард дивизии. Остальные три полка следовали по той же дороге в положенном расстоянии сзади.

Полк пересек Вислу по легкому понтонному мосту где-то между устьями Дунайца и Вислоки. На реке начался ледоход перед тем, чтобы сковать ее льдом на зиму. Едва мы успели переправиться, как лед сорвал и разбросал понтоны. Авангард оказался отрезанным от главных сил. Положение это продолжалось дня два-три, пока не навели с большим трудом другой мост.

Между тем козловцы прибыли в тыл того района, где шел упорный бой и где могла потребоваться наша помощь. Однако в тот самый

вечер какой-то полк удачной ночной атакой далеко отбросил написавших австрийцев и даже захватил штаб неприятельского полка с командиром. Наша помощь не понадобилась.

Когда на северный берег этого участка Вислы перешла вся дивизия, она приступила к выполнению дальнейшего движения в северном направлении. Козловцы по-прежнему составляли авангард. Выступили вечером. Находясь в голове колонны, я получил донесение, что к хвосту колонны и к обозу 1-го разряда подъезжал командующий 3-й армией Радко-Дмитриев, спрашивал обо мне и приказал мне кланяться.

Ночной марш наш представлял один из примеров плохой налаженности штабной работы. Считалось, что мы имели противника впереди и собирались его атаковать. Мне было приказано «овладеть» деревней Ивановкой, где предполагались австрийцы. По приказу можно было заключить, что слева у нас, со стороны фортов Кракова, нет ни неприятеля, ни своих! Я последовал установленной для себя привычке вести деятельную разведку полковыми средствами. Очень скоро, на походе из донесений моих конных разведчиков мне стало ясно, что мы идем по тылам сплошной линии наших войск, обращенных лицом на запад и ведших бой. Наконец мне дали знать, что мы проходим вблизи штаба пехотной бригады N-й дивизии. Я сам проехал туда и получил подробную ориентировку.

Но вопрос деревни Ивановки и предстоящей атаки этого селения оставался еще открытым. Наступила полная ночь. Мы дошли до какой-то деревни, отстоявшей от Ивановки в расстоянии, отвечавшем переходу от походного порядка к боевому. Но тут я получил донесение от своей передовой разведки, что она побывала в пресловутой деревне Ивановке и что она занята нашим пехотным полком вот уже несколько дней!

Не без иронии донес я об этом открытии в штаб дивизии. У последнего были в распоряжении более богатые средства разведки, чем у командира пехотного полка, и он мог быть точно и своевременно осведомлен об обстановке в районе ближайшего перехода дивизии. На самом деле этот переход совершался в полной безопасности, надежно со всех сторон прикрытый, и являлся не фронтальным по отношению к противнику, а фланговым.

В ту же ночь я получил приказание сменить поблизости на позиции фанагорийских гренадер*. Они только что, после двухдневного упорного боя, штыками отбросили венгров с одной важной высоты. Венгры — лучшие войска в австрийской армии — атаковали яростно, высота переходила из рук в руки, пока, наконец, в тот вечер

* Речь идет об 11-м гренадерском Фанагорийском полке (3-я гренадерская дивизия). — *Прим. ред.*

фанагорийцам не удалось окончательно утвердиться на этой позиции и продвинуть линию вперед.

На утро, по смене, мы могли воочию убедиться, какой это был жаркий бой и даже как именно он развивался. Трупы еще не были убраны с поля сражения и наглядно изображали, как сначала противник проник было в селеньице, которое находилось на самой вершине высоты, и как штыковой контратакой был снова сбит с нее. Линии трупов схематически, точно на плане, показывали перебежки цепей и стремление неприятеля охватить высоту.

В деревушке на вершине, состоявшей из дюжины брошенных и разбитых снарядами домов, была в лицах изображена страшная сцена рукопашного боя. Фанагориец, проткнувший штыком, раскинулся рядом с венгерцем, в груди которого застряло русское ружье. Несколько таких же «говорящих» групп лежало тут в живописных неподвижных позах батальной картины. Был конец ноября. Снег в этой части Галиции еще не выпал, но крепкие утренние морозы уже начались. Почва была тверда, как железо, и убитые были покрыты тонким белым слоем инея. Благодаря этой погоде, над полем сражения, так густо обозначенным трупами, не чувствовалось никакого зловония. Один венгерец, очевидно, сползал с вершины горы назад на четвереньках, когда цельный русский снаряд пронизал его торс насквозь, расплыв голову и образовав обугленную трубу в теле. Было поразительно, что человек не упал затем плашмя, а так и остался стоять на четвереньках.

На подступах к деревушке погиб от русской пули командир венгерского батальона — молодежавый майор. Можно было догадаться, что он храбро вел своих людей в последнюю атаку. Рядом с ним лежала обнаженная сабля. Он был одет в теплое, на меху, короткое пальто серо-синего цвета с дорогим меховым воротником. Из его походной сумки высыпались разные мелкие предметы, в том числе такие, которые говорили, что майор и в условиях войны был не прочь поухаживать, случайно, но осторожно. Теперь лицо его, точно припудренное инеем, бесстрастное и каменное, было обращено к небу.

Через какие-нибудь полчаса его тело раскатают козловцы, назначенные для уборки трупов, над огромной братской могилой, и полетит оно туда, чтобы с глухим звуком мешка с песком хлопнуться о слой тел, брошенных туда раньше... И унтер-офицер Козловского полка, стоящий на краю открытой ямы для счета погребаемых, поставит еще одну черточку в свою книжку. Мы похоронили на той вершине, а также потом внизу, в роще, несколько сот австрийских трупов.

Что касается фанагорийцев, то их тел оказалось мало, так как гранадеры успели сами позаботиться ночью о своих убитых. Тех же, кто остались неубранными, мы положили в отдельную от австрийцев братскую могилу.

Над павшими гренадерами и над венгерцами отслужили православную литию и поставили кресты с надписью. Тем и закончили недавнюю боевую драму, разыгравшуюся на высоте, которая теперь находилась в тылу нашей козловской позиции.

Противник после неудачной атаки отступил к линии фортов Кракова. Мы продвинулись вперед, выровнявшись с соседями справа и слева.

На этой позиции полк простоял дней десять, если не больше. Боевого соприкосновения с противником не было, и нам никто не мешал заниматься укреплением окопов и разными улучшениями. Даже артиллерия австрийцев ничем себя не проявляла. За время этой стоянки произошел только один заметный — и притом досадный — эпизод. Через центр козловского участка пролегало прямое шоссе от одного из фортов крепости. Как-то днем со стороны противника к нашим цепям подлетел открытый автомобиль с офицерами-австрийцами в качестве пассажиров. Это случилось так внезапно, что люди не сразу нашлись, что сделать, а когда сообразили и схватились за оружие, было уже поздно. Автомобиль, влетевший в наше расположение, успел дать задний ход. Несколько пуль, пущенных ему вслед, не принесли вреда ни ему, ни седокам. Последние, вероятно, штабные офицеры, хорошо и весело позавтракавшие, должны были благодарить судьбу, что их автомобильная прогулка по шоссе кончилась так благополучно.

Козловцы же с досадой чесали у себя за ухом и говорили: «Головотяпы мы: знатную добычу выпустили из рук!»

За время стояния под Краковом, к северо-востоку от крепости, полк получил пополнение офицерами и солдатами; я смог снова вернуть его в четырехбатальонный состав.

* * *

Пока развивались события под Краковом и на путях к средней Висле, окончившиеся после многодневного боя поражением победоносной вначале австрийской армии Данкля, те австрийцы, которые в свое время скрылись за Карпатский хребет, вновь ожили. Как мы видели, необходимость существенно поддержать нашу операцию на Висле заставила нас почти наголо очистить Западную Галицию, оставив в ней только кордон заслонов и частей охранения и наблюдения. Это давало возможность Карпатской группе австрийцев перейти в наступление с юга против левого фланга и даже тыла наших армий, сосредоточившихся для контрудара в районе Вислы, в западном направлении, на Краков. Как раз в конце ноября, когда, казалось, наш контрудар увенчался полным успехом и Данкль был отброшен к Кракову, карпатские австрийцы смяли один за другим наши заслоны, прикры-

вавшие операцию с юга, и начали серьезно угрожать нашему левому флангу. Маневр этот мог свести на нет только что достигнутые, не без труда, наши успехи под Краковом.

Но по времени вспомогательное наступление австрийцев было согласовано плохо и оказалось запоздалым. Правда, оно вызвало у нас смущение и тревогу на несколько дней, пока армейский корпус (24-й?), прикрывавший наш фланг, подавался под напором превосходящих сил австрийцев на север и все ближе к Висле. Но там положение уже настолько упрочилось к 1 декабря, что можно было освободить 3-ю армию и, сняв ее с позиций, направить для ликвидации флангового удара Карпатской австрийской группы.

Чтобы обеспечить беспрепятственность и широту этого контрманевра, надо было отвести части сначала на восток, перехода на два, и, выиграв таким образом глубину и разбег, лишь затем начать наступление на юго-запад и на юг. Получилась операционная линия, сломанная под углом примерно в районе Сандомира*.

Однако этот кружной угловой путь удлинял движение, а создавшаяся угроза требовала от 3-ей армии быстроты. Поэтому войска шли усиленными переходами, и, насколько помню, 31-я дивизия совершила предварительный марш в тыл к Сандомиру в течение одних суток. Помню, во всяком случае, что под конец этого перехода, ночью, я совершенно потерял чувство, где я нахожусь, всецело завися от своей лошади; временами я крепко спал, сидя в седле, и даже видел сны!

Должно быть, 2 или 3 декабря мы уже были на правом берегу Вислы. Боевые новости становились веселее: противник, наступавший между реками Дунайцем и Вислокой, встретив наши первые подкрепления потесненного фронта, стал заметно ослабевать и выдыхаться. Еще день-другой, и он был сам вынужден к отходу под нашим напором.

31-ой дивизии пришлось вступить в боевую линию в этот период начавшегося преследования. Неприятель подавался широким фронтом в общем направлении на Тарнов**, довольствуясь арьергардными боями. В начале этой операции на долю 31-ой дивизии выпала пассивная роль механического следования по стопам австрийцев, сумевших посредством одного усиленного ночного марша оторваться от нас и потерять соприкосновение. В виде трофеев доставались нам лишь отсталые или заблудившиеся австрийцы.

Поворотным днем, оживившим этот довольно бесцветный поход, вдруг — и совершенно непредвиденно — явилось 6 декабря.

* **Сандомир** — первое упоминание в начале XII ст. С 1815 г. — в составе Российской империи. Ныне — в составе Польши. — *Прим. ред.*

** **Тарнов** — город с 1330 г. В составе Австро-Венгрии с 1772 г. Ныне — Тарнув, Польша. — *Прим. ред.*

Вечером накануне части дивизии заночевали в тесном соприкосновении с австрийцами на позиции.

Козловский полк находился в резерве и провел ночь на квартирах, неподалеку от деревни, где стоял штаб 31-й дивизии.

Утром 6-го пришло неожиданное и радостное известие: воронежцы на рассвете атаковали противника, расположенного против них, прорвали фронт, захватили участковую артиллерию и многочисленных пленных, целые батальоны со всем их начальством.

Вскоре эти серо-синие колонны австрийцев, почти без конвоя, появились в селении, где стоял штаб дивизии. Проходили они бодро и весело, зубоскаля и перебрасываясь шутками с русской солдатней, высypавшей поглазеть на живые трофеи.

Все эти пленные, без исключения, оказались чехами.

Успех воронежцев имел мелкое тактическое значение, так как дивизия в этом полковом предприятии не принимала никакого участия и в последовавшем затем общем преследовании не развила того, что было достигнуто на коротком фронте одного полка. Это не помешало штабу дивизии, с генералом Кузнецовым и полковником Б. К. Казановичем во главе, донести наверх об этой операции телеграммой в красках особого пафоса: победа пришлась на день полкового праздника воронежцев и на день именин Государя. Взятые орудия и пленные повергались к стопам Его Величества в виде именованного подарка, а бой изображался как лучший способ отпраздновать полковой праздник.

Телеграмма эта, быстро переданная в Ставку Верховного главнокомандующего (Барановичи), пришла туда во время посещения ее Царем. После обычной в день 6 декабря церковной службы — теперь в походной церкви — депеша была поднесена Государю Великим князем Николаем Николаевичем.

Высокий именованный, тронутый этим приятным совпадением победы с днем его Ангела, в ответной телеграмме объявил благодарность полку-имениннику, а его командира, полковника Энвальда, поздравил кавалером ордена Святого Георгия 4-й степени*. Случай оказался одним из тех счастливых и редких, когда награждение совершенно избегало хождения по канцелярским мукам и совершилось с быстротою рикошета.

Но как же могла состояться атака одного полка, самостоятельно, под единственным предлогом боевого празднования дня полкового святого, Николая Угодника?

* Поскольку все ордена были императорскими, то сам император в изъятии из законов мог самостоятельно жаловать их. Этим правом он неоднократно пользовался, в том числе и касательно награждения орденом Св. Георгия 4-й ст. Обычно собранные свидетельства о подвиге рассматривались на заседании Георгиевской думы, собираемой при штабе армии или фронта. — *Прим. ред.*

Официальный рассказ, сделавшийся немедленно известным, гласил, что Энвальд попросил по телефону, в ночь на 6-е, разрешения произвести атаку на своем участке, ручаясь за успех. Штаб дивизии возражал и колебался, но Энвальд настаивал. В конце концов, ему разрешили, возложив на него всю ответственность за предприятие.

Результат превзошел ожидания самого Энвальда и привел в восторг штаб дивизии*.

Но через несколько дней после боя просочилась другая версия этого оригинального дела.

Поздно вечером 5 декабря на фронте Воронежского полка перебежало несколько солдат-чехов. Они сообщили, что являются посланниками чешского полка, который занимает позицию против воронежцев. «Если вы атакуете нас перед рассветом, — заявили они, — полк не окажет никакого сопротивления, а офицеры и солдаты сдадутся в плен».

Энвальду оставалось решить: довериться ли этому жесту славянского братства, передаваемому устами перебежчиков, или воздержаться от понятного соблазна легких победных лавров?

Мы знаем, какое решение принял и привел в исполнение командир воронежцев. А также то, что, не воздержавшись от этого соблазна, он все же искусно воздержался от сообщения в штаб дивизии предварительных переговоров с перебежчиками-чехами. День Николая Угодника подвернулся как нельзя более кстати, и Чудотворец — знаменитый русский Патрон Святой Руси — отблагодарил мудрого Энвальда и его воронежцев за находчивость.

* В официальном приказе перепутана дата, вместо 6 декабря 1914 г. — 6 марта 1915 г. «Указ капитулу Российских императорских и царских орденов. В воздаяние отличного мужества и храбрости, оказанных в делах против неприятеля командовавшим 124-м пехотным Воронежским полком, ныне командиром бригады 42-й пехотной дивизии генерал-майором Евгением Энвальдом, ВСЕМИМИЛОСТИВЕЙШЕ повелели МЫ его кавалером ИМПЕРАТОРСКОГО Военного Ордена НАШЕГО Святого Великомученика и Победоносца Георгия четвертой степени за то, что 6 марта 1915 г., лично руководя действиями четырех батальонов, оборонявшими высоту у дер. Шашувки, обстреливавшуюся сильным огнем артиллерии противника, не только отбил все яростные атаки австрийской дивизии, но сверхчеловеческими усилиями четвертой контратакой своих храбрецов сбросил австрийскую дивизию с высоты и далеко гнал противника, работая штыками и прикладами; вследствие чего ПОВЕЛЕВАЕМ Капитулу выдать сему кавалеру пожалованные орденские знаки и грамоту на оные. На подлинном Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано: "Николай". В Ставке».

10 марта 1915 года Контрасигнировал: военный министр, генерал-адъютант Сухомлинов (РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 27020. Л. 305). — *Прим. ред.*

Но пройдет всего три дня, и воронежцы создадут помимо своей воли новый интересный случай, который повлечет за собою более сложное, запутанное и несправедливое разрешение.

8 декабря дивизия, продолжая следовать на юг за отступавшими австрийцами, подходила к длинному высокому лесистому кряжу, через который предстояло перевалить из одной долины в другую. Дорог через хребет было достаточно, что допускало движение широким фронтом мелкими полковыми колоннами*.

31-ой дивизии предстояло наступать с утра 9-го, составляя правый фланг 10-го корпуса; левее должна была двигаться 9-я дивизия этого корпуса. Правее 31-й дивизии, несколько уступом позади, наступали части другого корпуса (какого — не помню; быть может, ближайшими частями были полки 33-й пехотной дивизии).

Наступление началось, согласно этому порядку, ранним утром 9 декабря. В правой колонне дивизии шел 124-й пехотный Воронежский полк; в средней и левой колоннах — полки 1-й бригады дивизии.

123-й пехотный Козловский полк оставался в дивизионном резерве и должен был следовать по пути воронежцев, держась от их главных сил в расстоянии нескольких километров.

В полку налицо состояло 3 батальона, так как 4-й батальон (так же и по номеру) был выделен в тыл, в смешанный корпусной резерв.

В то время как остальные полки дивизии уже шли в походных колоннах, довольно беззаботно поднимаясь в гору и переваливая затем через хребет (считалось, что противник находится в полном отступлении), козловцы только немного продвинулись по дороге Воронежского полка и остановились в районе деревни Ионины. Нужно было выждать, пока главные силы Воронежского полка отойдут вперед на требуемое расстояние.

Штаб дивизии, также выжидая, не трогался с места и оставался в той деревне, где ночевал с 8-го на 9-е. Она находилась километрах в 4—5 позади временного расположения Козловского полка.

Ввиду того, что мы производили марш, проволочная связь была снята и связь поддерживалась только конными разведчиками. Приостановка дивизионного резерва, то есть козловцев, не могла быть продолжительной, рассуждал штаб дивизии, почему он не позаботился о сохранении телефонной связи и с этим своим резервом.

Между тем в направлении Воронежского полка и вправо началась артиллерийская стрельба. Был, вероятно, десятый час утра; может быть, немного позже.

От моих разведчиков скоро пришло донесение, что воронежцы перевалили через кряж, но что произошла какая-то заминка.

* Официальное описание боя см. в приложении. — *Прим. ред.*

Обо всем этом я послал записку в штаб дивизии с просьбой указать, что мне делать в случае боя, признаки которого я наблюдал поблизости.

В ответ пришло категорическое письменное приказание: «Считать себя в распоряжении начальника дивизии и ничего не предпринимать без его приказания».

Однако во время этой переписки обстановка впереди, на кряже, явно изменилась к худшему. Розовые австрийские шрапнельные разрывы стали пачками показываться над лесистыми вершинами хребта и были отлично видны с того места в тылу, где я находился. Разрывы эти угрожающе придвигались все ближе и ближе к нам. Еще до получения приказа начальника дивизии я счел необходимым приготовить полк ко всяким случайностям и развести свои три батальона на такие интервалы и дистанции друг от друга, чтобы из этого положения легко было произвести любое развертывание для боя. Мало того, свой 1-й батальон я пододвинул, по пути воронежцев, поближе к перевалу, ту сторону которого сейчас, в одиннадцатом часу утра <...> не все для нас «обстояло благополучно».

Шум боя становился громче. Он расширялся и приближался. Становилось несомненным, что противник внезапно атаковал на марше как правую колонну дивизии, так и части соседней дивизии чужого корпуса.

Видеть, слышать все это и сидеть смирно, покорно, безучастно, по записке штаба дивизии, который оставался нелюбопытным, слепым и глухим, я не мог.

Я решил прежде всего лично убедиться в положении вещей в районе перевала, предварительно послав приказание командиру 1-го батальона, уже нацеленного в этом направлении, быть начеку и, если нужно, атаковать во фланг противника, действующего против воронежцев.

Сам я со штабом рысью поехал на перевал.

Здесь я застал следующую картину:

Среди деревьев и кустов, по лесной дороге на самой вершине этого участка горной цепи, слева — конная группа, едущая назад, в тыл; командир 2-го дивизиона 31-й артиллерийской бригады полковник Веверн, окруженный своими офицерами; по лицу Веверна текут из-под фуражки кровавые струйки; справа — несут в тыл носилки, на которых лежит чье-то тело, покрытое офицерской шинелью. Это — командир 6-й батареи капитан Дросси*, мой недавний ученик по Офицерской артиллерийской школе, живой и способный офицер. Спрашиваю: «Ранен?» — «Никак нет, убит».

* П. И. Дросси находился в чину подполковника и являлся командиром 5-й батареи. — *Прим. ред.*

Веверн объяснил мне потрясенным голосом: венгры смяли воронежцев, дивизион оказался беззащитным в первой линии, офицеры отстреливались из револьверов, две батареи удалось отвести назад, но 6-ю батарею пришлось бросить, вынув замки из орудий. Во время этой короткой схватки и был убит бедный Дросси, а Веверн и еще кое-кто из офицеров ранены мелкими осколками шрапнели*.

Пока я слушал этот короткий и неприятный рассказ, из густых зарослей по противоположному скату высоты выбежал на меня, едва я успел спешиться, командир 3-ей роты козловцев капитан Калишев. Первый батальон исполнил мое приказание, дававшее ему свободу атаковать по обстановке, и его левофланговая рота, 3-я, успела спуститься по ту сторону перевала. Там, лихорадочно объяснял мне Калишев, она натолкнулась на нашу батарею, на которой уже хозяйничали австрийцы. Что я прикажу делать?

Я приказал единственно нужное и возможное: немедленно атаковать этих австрийцев и вернуть батарею. Железо необходимо было ковать, пока оно горячо, пока это были первые австрийцы на батарее.

«Нельзя терять ни минуты», — сказал я Калишеву. И прибавил: «Отбейте батарею, идите в штыки, и я обещаю вам Георгия. С Богом!»

Очень удачно, что именно Калишев случайно оказался со своей ротой на этом участке в эти тревожные минуты. Это был офицер выдающейся храбрости, уже успевший получить с начала войны, за 3 месяца, несколько ранений, залечив которые, он немедленно возвращался в строй.

Калишев лихо выхватил из ножен свою шашку и побежал обратно к роте. Почти сейчас же в скрывших его маленькую фигуру зарослях раздалось его «ура», поддержанное ротой. Я знал, что она пошла в штыки без выстрела и что от батареи ее отделяли какие-нибудь 100–150 шагов.

Вдали, налево, слышалась ружейная перестрелка, вероятно, у воронежцев. Справа, где должны были находиться теперь остальные три роты первого батальона, не доносилось из лесу ни звука. Я снова сел верхом и поехал в эту сторону.

Скоро меня встретил на опушке командир батальона подполковник В. П. Пьянов-Куркин (тогда еще капитан) — тоже отличный боевой офицер, мужественный, решительный и распорядительный. Он доложил мне, что удар его пришелся как раз вовремя: венгры взобрались лесом на хребет и выходили на опушку. Еще несколько минут,

* Любопытно, что сам Б. В. Веверн в своих воспоминаниях-заметках никак не описывает эти бои. См.: *Веверн Б. В.* 6-я батарея. 1914–1917 гг. Повесть о времени великого служения Родине. Т. 1. Париж, 1938. — *Прим. ред.*

и они могли бы начать распространяться в охват правого фланга на-шей дивизии и вразрез между двумя наступавшими корпусами.

Атака козловцев захватила венгров враспloh, они дрогнули и были прогнаны за лес, потеряв пленных (в том числе батальонного командира), раненых и убитых. Несколько венгерцев еще лежало тут же на земле; один — пронзенный насмерть штыком. Была видна работа и прикладов. Поле сражения, можно сказать, еще дышало недавней рукопашной схваткой.

Пройдя с Куркиным к его ротам, я убедился, что они достаточно продвинулись вперед, чтобы обеспечить удержание высоты и, в случае нужды, отбить контратаку противника.

Но последний мог еще спуститься с другой лесистой вершины, еще далее вправо; тут он встретил бы мой 2-й батальон, который я, следуя на первый перевал, выдвинул к этой второй высоте.

В общем все кончилось удачно: Калишев прогнал венгров с батареи, захватив пленных. Появление козловцев на крыже и на подступах к нему и их атака остановили наступление противника и разрушили его план.

Между тем вначале он обещал много: воронежцы были застигнуты враспloh и должны были второпях перестраиваться из походной колонны в боевой порядок, повернувшись к стороне открытого фланга на 90°. Батареи находились в середине колонны и потому сразу оказались в первой линии и были атакованы. Пока удалось, отступая, выделить резервы вглубь и организовать позиционную оборону, обстановка для нас была критической. В это беспорядочное время мы и вынуждены были бросить 6-ю батарею.

Притихли боевые шумы постепенно и правее, на фронте соседнего корпуса. Что касается воронежцев влево, то они, зацепившись за ряд высот, остановились и отбили дальнейшие атаки противника огнем. Поправлять и налаживать дело на этом участке штаб дивизии из своего неподвижного «далека» командировал генерала Саввича. Саввич, в своей должности бригадного, играл как бы роль активного боевого помощника канцелярского начальника дивизии и неизменно посылался туда, где обстановка портилась и становилась угрожающей.

Саввич своими глазами видел, между прочим, атаку 3-ей роты козловцев на захваченную было венграми нашу 6-ую батарею. Впоследствии это пригодились, как увидим; но еще более важной оказалась мудрая предусмотрительность Калишева, который сдал батарею артиллеристам под расписку. Для принятия ее с наступлением темноты прибыли с орудийными замками только унтер-офицеры и бомбардиры (показалось странным, что не прислали офицера). Калишев настоял на выдаче ему письменного удостоверения, что орудия приняты в полном порядке, как они были оставлены — без замков.

Этому клочку линованной бумаги, вырванному из чьей-то записной книжки, и неуверенным строчкам полуграмотного артиллерийского унтер-офицера (фейерверкера) козловцы вообще и Калишев в частности были обязаны затем, в последующие дни и даже месяцы, восстановлением правды вокруг этого грустного эпизода с батареей.

Поздно вечером, когда бой повсюду стих и обе стороны так или иначе приготовились к ночлегу, я получил приказ из штаба дивизии произвести ночную атаку противника, удержавшегося на соседней справа высоте.

Предприятие это, мысль о котором была, очевидно, внушена дневным успехом Козловского полка, могло повести к печальным результатам. Австрийцы и мы остановились друг против друга в лесу. Никаких предварительных разведок подступов к позиции неприятеля козловцы не произвели и не имели на это времени. Наступившая декабрьская безлунная ночь набросила на лесистый кряж свой непроницаемый черный покров. Вести людей в атаку в этой тьме и через лес, еще более затруднявший связь и управление, значило подвергнуть полк риску поражения. Это было бы слепое движение очертя голову и могло привести к совершенно бесполезным потерям и расстройству. Между тем одержанный нами 9 декабря успех обошелся полку, к счастью, очень дешево. Потери были незначительны.

К тому же атака эта ничем не вызывалась, кроме желания пожать новые лавры. Правда, австрийцы сидели рядом на высоте, но они были с двух сторон прочно закупорены козловцами. Если бы противник продолжал цепляться за этот уединенный пункт, можно было бы через день-другой сбить его с него, подготовив атаку на основании тщательных разведок позиции и силы ее занятия.

Будущее показало, в какой степени торопливый приступ был бы бесполезен.

Пока же мне пришлось выдержать настоящий бой по телефону со штабом дивизии. Начав доказывать опасность атаки в сравнительно спокойных тонах, натолкнувшись на тупое упрямство начальника штаба дивизии, я вспылил и сказал: «До тех пор, пока я командую полком, я отказываюсь вести людей в этих условиях на убой и на почти верную неудачу; если угодно настаивать на этом приказе, прошу отчислить меня от командования полком».

И оборвал разговор.

От командования отрешен я не был, а атаку отменили.

Контрнаступление противника, захватившее нас врасплох, имело только тот результат, что остановило наше преследование на довольно широком фронте и заставило от походного порядка перейти к обороне.

Австрийцы, с другой стороны, будучи отбиты 9 декабря, тоже насторожились оборонительно. По-видимому, у них не хватало свежих

резервов, чтобы возобновить атаки. В нашей же активности они могли усмотреть, что мы располагали такими резервами.

Как бы то ни было, мы простояли так друг против друга еще три дня, ничего не предпринимая и как бы выжидая, кто первый тронется с места.

Наконец 12 декабря я получил приказ произвести, в связи с переходом дивизии в наступление, ту атаку, от которой я отказался 9 декабря. Теперь, во всеоружии разведок (в том числе моей личной), такая атака представлялась уместной и возможной. Она была назначена на рассвете 13-го. Но, когда в полутьме зимнего раннего утра мы пошли к окопам неприятеля, нас встретило молчание.

Австрийцы как раз в эту ночь отступили, маскируя свой отход огнем оставленных на время частей охранения. Скрытности отхода способствовала лесистость вершины и южных скатов хребта.

Нам оставалось продолжать движение по пятам неприятеля, который время от времени посылал в нашу сторону издали, как бы оглядываясь, ружейные пули. Они посвистывали, но не вредили.

На этом заканчивается изложение маленькой боевой истории, заключавшей в себе две импровизации: атаку воронежцев 6 декабря при любезном содействии чехов и атаку венгров 9 декабря во фланг воронежцам. Эта вторая импровизация чуть не обошлась дорого 31-й дивизии и ее соседям справа. Своевременная, хотя и своевольная, атака Козловского полка спасла положение или, во всяком случае, явилась ценным тактическим вкладом в сумму усилий, спасших положение.

Посмотрим теперь, как эти факты представились в штабе дивизии и что из этого вышло.

Первыми вестниками событий на участке Воронежского полка в то памятное утро 9 декабря были члены конной группы офицеров-артиллеристов, которых я встретил на вершине едущими в тыл... Они доложили о нападении австрийцев на дивизион и о том, что офицеры отбили его огнем из револьверов. Окровавленное лицо командира дивизиона полковника Веверна являлось живой иллюстрацией. Но из рассказа выпало, очевидно, одно обстоятельство: что 6-я батарея не успела взять в передки и отъехать в глубину наскоро сформированного боевого порядка и что эта батарея фактически была покинута с уносом замков и прицелов... Весьма возможно, что по пути в штаб дивизии артиллеристы получили уже сведение, что батарея отбита. Так или иначе, об этом эпизоде промолчали.

Штаб дивизии немедленно составил восторженное донесение о геройском поведении офицеров 2-го дивизиона. Телеграмма быстро побежала наверх и в тот же день была доложена Государю, который продолжал еще оставаться в Ставке Главнокомандующего.

Царь отозвался на это донесение так же импульсивно, как три дня перед тем на именованную атаку воронежцев. В своей ответной благодарственной телеграмме Государь поздравил всех офицеров 2-го дивизиона 31-й артиллерийской бригады Георгиевскими кавалерами.

В числе получивших белый крест в этом ускоренном порядке, без Думы, оказался и тот офицер, который во время боя находился при парках, в нескольких верстах от поля сражения, и даже не имел понятия о его ходе. Носил он потом свой крест сконфуженно, под ироническими взглядами офицеров 31-й пехотной дивизии.

Когда в штабе дивизии получилось, вдогонку, донесение командира Козловского полка об атаке 1-го батальона, вырвавшей нашу 6-ю батарею из рук противника, этот рапорт произвел неприятное впечатление.

Удостоверить совершившееся значило для начальника дивизии, командира корпуса и т. д. отвергнуть версию артиллеристов или внести в нее существенную поправку. Как сделать это теперь, после Высочайшей резолюции и экстраординарной награды офицеров 2-го дивизиона за спасение всех трех его батарей? Порешили просто: набросить канцелярскую вуаль на дело Козловского полка — точно его и не было. К тому же командир полка, как начальник дивизионного резерва, провинился, самовольно выйдя из непосредственного подчинения начальнику дивизии и нарушив его категорический приказ никому не двигаться без приказа!

Саввичу впоследствии стоило немалого труда заставить Кузнецова с Казановичем приподнять эту вуаль, когда в штаб дивизии поступили мои представления к Георгию командира 1-го батальона Куркина и командира 3-ей роты Калишева. Ведь последнего я почти поздравил Георгиевским кавалером, посылая его в атаку.

К счастью, оба офицера получили, в конце концов, заслуженные ими заветные кресты. Расписка артиллерийских унтер-офицеров тут очень пригодилась.

Представил к этому ордену Саввич, как начальник боевого участка, и командира козловцев, обратив его «неповиновение» в «проявление частной инициативы, приведшей к победе». Существовал такой пункт в Георгиевском статуте. В этом представлении снова фигурировала, в копии, знаменитая расписка. Но, увы, она в данном случае не помогла, и представление, первоначальное и повторное, потерпело крушение в Думах. Удивляться этому не приходилось: начальник дивизии и корпусное начальство едва ли поддержали козловскую версию искренно и с увлечением. Мне известно, что на рапорте Саввича насчет «инициативы» и пр. Кузнецов написал на полях примерно следующее: «Хорошо, что все так удачно кончилось, ибо нарушение приказа дивизионным резервом могло привести к пагубным результатам».

Итак, в дни 6–9 декабря 1914 года на 31-ю дивизию выпал экспансивный дождь офицерских Георгиевских крестов. Но он не замочил меня!..

Уже после революции, осенью 1917 года, ко мне в Петербург пришел офицер Козловского полка с письмом, подписанным тогдашним командиром полка (тем самым Куркиным, который командовал у меня 1-м батальоном в бою 9-го декабря 1914 года) и всеми наличными офицерами. В этом письме высказывалось «возмущение» по поводу того, что обошли Георгиевской наградой командира, которому было обязано славное дело козловцев — одна из лучших страниц их боевой истории. Я рад, что это своего рода полковое «свидетельство» на белый крестик сохранилось в моих бумагах, уцелевших после повального исчезновения во время революции всех документов, отмечавших мое прошлое. Трогательное письмо козловцев, не имевшее никакого практического значения, выражало больше, чем мог сказать крест: коллективную оценку командира его бывшими сотрудниками и однополчанами.

* * *

После 13 декабря мы еще несколько дней следовали за отступавшим противником, пока он не остановился на линии рек Дунайца и Бялы, южнее Тарнова. Мы, т. е. 3-я армия, снова своим левым флангом уперлись в проходы через Карпатский хребет. На фронте 31-ой дивизии против реки Бялы, в виде последнего штриха, решили отбросить австрийцев за эту реку и, таким образом, тактически улучшить нашу позицию. В боевой линии на этом участке стоял Козловский полк, и потому на него, а также, кажется, на пензенцев, левее, легла эта задача.

Козловцам предстояло выбить австрийцев из деревни Сташкувки, расположенной на высоте по сю сторону долины реки Бялы. Я решил произвести атаку на рассвете, стараясь захватить неприятеля врасплох. Если память мне не изменяет, сделали мы это под Рождество (ст. ст.). Австрийцы еще не успели как следует укрепиться, и быстрая, с налета, атака козловцев удалась как нельзя было лучше. Наши потери оказались совершенно ничтожными, а противник оставил в наших руках много пленных и пулеметы.

Затем обе стороны начали серьезно окапываться и как бы устриваться на зиму. Траншеи наши все же не получили такого солидного развития, как это установилось на французском фронте и о чем нам сообщали, время от времени, сводки и брошюры, издававшиеся Ставкой. Только пензенцы на своей лесистой горе — тактическом ключе позиции дивизии — постарались подойти к этому идеалу. Но укрепленные деревом окопы и убежища были в самое короткое время разнесены и сравнены с землей в день решительной атаки Макензена 19 апреля 1915 года.

На своем участке я рассчитывал главным образом на маневр частных резервов в случае атаки и потому, вспоминая уроки Севастополя, боролся с идеей сплошной линии окопов. Тактика эта принесла плоды при нескольких мелких попытках австрийцев прорвать позицию козловцев во время зимнего стояния.

Самой серьезной попыткой была атака 23 февраля 1915 года на деревню Сташукву. Противнику удалось захватить участок нашей позиции, но штыковой удар батальонного резерва выбил австрийцев и принес нам трофеи.

Здесь кстати отметить, что в моей боевой практике мне ни разу не привелось вести длинное огневое наступление на неприятеля. Все произведенные мною атаки были короткие, штыковые, и были построены на быстроте и внезапности. При численной слабости русской артиллерии и почти полном отсутствии тяжелых калибров, применение этого чисто пехотного способа неизменно давало требуемые результаты и сокращало наши потери. Но, конечно, для этого нужны были относительно небольшие дистанции, отделявшие нас от противника.

Во время зимы мы не страдали от холода. Несмотря на нахождение в предгорьях Карпат, климат для русского человека представлялся мягким.

Штаб полка довольно долго был расположен вблизи позиции, шагах в 800 от ближайших окопов. Это была крошечная деревушка, скорее хутор, незаметно приютившаяся в складке лощины, ведшей в нашу сторону от противника.

Над этой группой домов постоянно жужжали перелетные ружейные пули. Как-то в штаб полка прибыло три-четыре представителя Союза земства и городов. Мы угостили их завтраком, а затем повели показывать австрийцев. Для этого нужно было сделать только шагов 20, ибо из-за изгороди нашего двора позиция противника ясно виднелась даже простому глазу, а в бинокль и подавно. Штатские гости никак не ожидали такой близости, привыкнув, по-видимому, что полковые штабы находились в версте-двух от линии окопов. Пока земские посланники любовались в бинокль австрийскими окопами, в которых было заметно даже движение отдельных людей, что-то просвистало мимо их ушей. Просвистало и повторилось.

— Что это такое? — спросили они.

— Пули, — ответили мы.

Гости заторопились в обратный путь и быстро нас покинули, хотя мы гостеприимно предлагали им пройти дальше в наши окопы.

Выжила штаб полка из этого уютного места, в конце концов, артиллерия противника. Она принялась периодически «ошпаривать» нас гранатами — хутор и соседние горки. Иногда они проделывали это

ночью, и на утро мы выходили смотреть на черные воронки, большими пятаками рисовавшиеся на ярко-белом снегу.

Впоследствии мы перешли в деревню далее в тылу, когда ее освободил штаб бригады.

За зимние месяцы позиционной войны вспоминаю два случая.

Было воскресенье. В походной церкви, при обозе 1-го разряда, шла служба, на которой присутствовал батальон, состоявший в резерве, и я с одним из офицеров полкового штаба. Церковь была устроена в большом амбаре. Служили истово, а певчие пели особенно хорошо и старательно. Обедня подходила к концу.

Вдруг в торжественный момент выноса Святых Даров мы услышали густой и грозный шум медленно идущего «паровоза», т. е. 12-дюймового снаряда. Было впечатление, что он летит прямо на нас.

Шум приближался. Священник побледнел, но голос его не дрогнул! Не дрогнули и голоса хора! Среди солдат никто не обнаружил волнения. Казалось, все затвердели.

Затем где-то в тылу раздался громовой удар. «Паровоз» действительно летел через нас, но нацелен был в штаб бригады. Упал он и вырыл огромную воронку совсем рядом со зданием школы, где помещался штаб и где в то время чины его завтракали. Меткость была поразительная. В окнах школы выбило все стекла. Их осколками и мелкими осколками гранаты были ранены многие, в том числе А. С. Саввич и командир воронежцев Энварьд. К счастью, легко.

Я немедленно по окончании обеда поехал в штаб бригады и застал Саввича и Энварьда садившимися в бричку, чтобы отправиться на перевязку. Ни тот, ни другой не эвакуировались и вскоре вернулись в строй.

Австрийцы стреляли изредка дорогими снарядами из этого крепостного орудия, которое, очевидно, установили на железнодорожной платформе и передвигали по рельсам, шедшим вдоль и позади их фронта.

Другой случай относится к области стрельбы из пушек по воробьям. В качестве воробья выступил я.

Я имел обыкновение, отправляясь с очередным визитом на позицию, брать с собою только одного конного ординарца. Мы следовали ложиной, которая вела примерно к центру позиции, доезжали до тылов и там оставляли лошадей хорошо укрытыми.

Как-то раз при посещении окопов 2-го батальона, обойдя эти окопы, я немного посидел у командира батальона, который угостил меня полевым завтраком. Затем я пошел к нашим лошадям, и скоро мы с ординарцем зарысили назад по ложине. Вдруг свистнул одинокий снаряд, и в полуверсте впереди над ложиной разорвалась шрапнель. Мы продолжали движение.

Через несколько минут другая шрапнель шумно и эффектно разорвалась перед самой головой моей лошади. Приближения снаряда мы не слышали, так как были, очевидно, точно в створе траектории. Вы никогда не слышите той пули, которая в вас попадает.

Лошадь, окутанная дымом, бросилась в сторону. Ординарец спешился и подбежал ко мне. Но все обошлось благополучно. Если бы вместо маленького перелета это был маленький недолет, я получил бы весь заряд шрапнели, которая кончила бы мою жизненную карьеру! Известно, что сноп пуль и осколков шрапнели летит вперед.

Всю эту сцену видели офицеры и люди резерва, расположенного неподалеку. Им показалось, что я убит, и они даже предупредили об этом по телефону штаб полка.

Посидев с четверть часа в ближайшей хате и оправившись, я поехал дальше и вскоре обрадовал своим появлением офицеров штаба.

Очевидно, австрийцы видели, как я подъехал к позиции, может быть, слышали, как люди отвечали в окопах на мое приветствие, и решили подстеречь «командира». Первая шрапнель была пристрелочной. Когда мы подъехали к отмеченному месту, орудие выпустило шрапнель «на поражение». И, вероятно, с австрийского наблюдательного пункта представилось, что снаряд ловко подстрелил воробья!

* * *

Два слова о форме Козловского полка. Будучи третьим в дивизии, он имел белые околыши на фуражках и белые петлицы на шинелях. Погоны у солдат и просветы на золотых погонах у офицеров — синие (всегда у второй бригады, тогда как в первой — красные). На погонах и эполетах (дно на последних — синего сукна) — цифра «123».

Парадный мундир двубортный с белым лацканом. В отличие от гвардии, где все лацканы были красные (кроме четвертых полков в дивизиях), армейские полки имели лацканы по основному цвету полка; таким образом, пензенцы имели красные, тамбовцы — синие, козловцы, как сказано выше, — белые и воронежцы — темно-зеленые.

В парадном строю дивизии это должно было быть красиво.

Головной убор — небольшая папаха из серой мерлушки.

Ко всему этому пришли незадолго до войны ошупью и после нескольких лет проб и исканий.

Сначала заменили псевдорусский двубортный мундир без единой пуговицы и на крючках двубортным с пуговицами. Затем, в 1911–1912 годы порешили отказаться от темно-зеленых мундиров в армии и иметь только форму защитного цвета «хаки». Сохранив однобортный китель этого цвета, нацепили на него, для парадной формы, фальшивый лацкан. Он пристегивался крючками изнутри, а его наружные пуговицы не играли никакой полезной роли. С точки зрения покроя это была

вопиющая бессмыслица. Выше пояса находился двубортный лацкан (хотя и фальшивый), а ниже виднелся разрез однобортного кителя. На обшлаге пристегивались у офицеров при парадной форме галунные петлицы. Сложность и вздорность этих изобретений интендантского ведомства скоро были замечены, и тогда снова вернулись — для парада — к традиционным темно-зеленым мундирам описанного выше типа, против которого не могло быть возражений со стороны портных.

* * *

Как я говорил выше, в начале апреля 1915 года меня вызвали из полка для исполнения должности начальника штаба 31-ой пехотной дивизии. Вернуться в полк после этого не пришлось. 9 мая состоялся Высочайший приказ о моем назначении командующим лейб-гвардии Измайловским полком.

О командовании козловцами я уносил самые приятные воспоминания. За эти полгода мы были не в одной серьезной переделке, и я ни разу не имел случая пожаловаться, хотя бы про себя, на дух, воспитание и боевую надежность моих подчиненных, офицеров и солдат. Я получил от А. С. Саввича отличное наследство, и мне оставалось только поддерживать и взращивать то, что он насадил. Состав офицеров был более чем на высоте. Я всегда знал, что они поймут меня и помогут — от сердца и энергично.

Я уже отметил выше И. И. [А. А.] Пургасова, В. П. Пьянова-Куркина, А. И. Калишева и А. М. Ляпунова как выдающихся офицеров. С благодарностью вспоминаю капитана Гальваса (командира 3-го батальона) и подполковника Н.* с его скобелевскими баками и голубыми глазами.

Полковой адъютант Рязанцев, милейший юноша Рыбин, С. И. Васильев, Кременецкий и многие другие, фамилии которых, к сожалению, забылись, встают в памяти.

Хорошая закваска в спаянном полку вела к тому, что и прибывавшие на пополнение прапорщики из штатских профессий очень быстро обрабатывались и превращались в настоящих офицеров.

Два из них, Разумов, банковский чиновник из Одессы, и Мазуров, коммерсант и скрипач, показали себя прекрасно во время «великого отхода» из Галиции и погибли героями. Мазуров штыками своей полуроты спас нашу батарею.

Пока мы сидели зимой в окопах, он часто давал там концерты на скрипке. Мы слушали его по телефону из штаба полка, а австрийцы — из своих окопов, показывая свое одобрение аплодисментами.

* Кажется, его фамилия была Недригайлов. В начале революции 1917 г. этот блестящий и умный офицер, командуя каким-то второочередным полком, погиб от рук солдат. — *Прим. авт.*

Что было замечательно в полку — это наличие духа предприимчивости. Едва ли не самым видным представителем этого ценного духа являлся подпрапорщик, потом прапорщик и подпоручик Морозов. Это был большой и крепко сшитый, с рыжеватой бородой, крестьянин, природный вождь, ничего и никого не боявшийся, быстро заслуживший все четыре степени солдатского Георгия и затем офицерские погоны. Он почти в одиночку ходил по ночам «добывать языка» к австрийцам, как на медведя с рогатиной. В цепи он из принципа никогда не ложился, расхаживая с палкой под пулями, чтобы лучше видеть своих людей и поощрять к мужеству трусливых. Когда офицеры настаивали на том, чтобы он не держался, как мишень, Морозов самоуверенно отвечал: «Меня не тронут!» И, действительно, он очень долго успешно испытывал свою судьбу. Но, в конце концов, летом 1915 года нашлась-таки роковая пуля, которая сразила этого неподдельного героя.

Когда козловские офицеры узнали, что я уезжаю из дивизии, они пригласили меня на прощальный обед. Много офицеров не могло присутствовать, так как полк стоял на позиции, но все же выделили депутацию человек в 12. Присутствовал и прежний командир, теперь временно командовавший дивизией — Саввич*.

Погода была превосходная, раннего лета, и мы обедали где-то на воздухе, в садике галицийской дереvушки.

Офицеры поднесли мне подарок, который меня глубоко тронул. Это был большой золотой хронометр с секундомером для ношения на руке. Трогательно было то, что они заблаговременно, несмотря на беспоконную боевую обстановку, командировали в Петербург подполковника со скобелевскими баками выбрать часы у Павла Буре! Трогательная и далекая от шаблона надпись на часах: по одному краю — «Мало прожито, но много пережито», а по другому — «Другу-командиру — козловцы».

К счастью, ценный подарок этот, свидетельствующий о тесной связи, которая установилась у меня с офицерами, благополучно пережил все тревоги революции и беженства. Часы находятся при мне.

* В числе присутствовавших помню Владимира Павловича Пьянова-Куркина, которого встретил следующий раз через 4 года уже в эмиграции, в Париже. Я обрадовался ему как родному. Он сумел без знания французского языка сразу сделаться парижским «такси» и в возрасте 50–70 лет содержал своим тяжелым трудом семью (жену и трех падчериц). Я не раз пользовался их радушным русским гостеприимством, и меня забавляло, что Владимир Павлович — уже сам генерал-майор — относился ко мне как батальонный командир к командиру полка! Рак свел его в могилу в 1939 г., перед новой войной. Это был человек редких душевных качеств, добрый, твердый, прямой, честный и чрезвычайно, до застенчивости, скромный. Такие люди встречаются в жизни не часто. — *Прим. авт.*

Осенью 1917 года козловский посланник привез мне в Петербург, вместе с «Георгиевским свидетельством», в подарок от офицеров полковой нагрудный знак (белый эмалевый крест с арматурой) и маленькое его повторение для моей жены в виде золотой брошки.

Эта последняя, кажется, тоже сохранилась.

НАЧАЛЬНИК ШТАБА 31-й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ

Вызвали меня в штаб 31-й дивизии около 1 апреля. Козловский полк находился в дивизионном резерве, пользуясь заслуженным отдыхом после непрерывной зимней стоянки на позиции. Дивизия с декабря держала участок линии по реке Дунаец (левый приток Вислы), к югу от города Тарнова по направлению к Горлице*.

Штаб дивизии был расположен в селе Розембарк**, если не ошибаюсь, в доме ксендза. Напротив, в пяти минутах ходьбы, находился деревянный деревенский костел. В него по праздникам и в некоторые будние дни приводили из окрестных селений детей на так называемую «школу». Ксендз с кафедры преподавал им после службы или короткой молитвы не только нравственное поучение, но и хорошие манеры — как чистить зубы, например, и т. п. Колонки детворы, змейками стекавшиеся в определенный час со всех окружающих пологих холмов в нашу котловину, были очень красивы, особенно когда яркое солнце играло на пестрых платьях девочек и мальчиков. Каждая цепочка шла под командой «тети» или двух, тоже приодетых по-праздничному.

Мы ходили иногда из штаба на эти беседы и невольно сравнивали культурное влияние светски образованного католического духовенства на свою сельскую паству с тем беспорядочным, стихийным религиозным мистицизмом, который лежал в основе духовной работы русских деревенских священников, плохо обеспеченных и дурно направляемых.

Местность своим рельефом напоминала нам, что мы находимся на отрогах Карпатского хребта. Она была волнистой и открытой. Селения часто скрывались в ее складках, и большие пространства казались поэтому пустыми.

* **Горлицы** — известен с XIV в. С 1772 г. в составе Австрии. Ныне — Горлице, Польша. — *Прим. ред.*

** **Розембарк** — ныне деревня в составе Малопольского воеводства, Польша. — *Прим. ред.*

Весна наступала рано. Уже в начале марта везде стаивал снег, а в апреле в воздухе разливалась ровная, приятная теплота. Холмы и деревья быстро зеленели.

Наслаждаться мягкой весной Галиции и пейзажем, слегка напоминавшим русскую Подолию*, пришлось мне, однако, недолго.

В штабе дивизии я встретил мало мне до того известного генерала Кузнецова, начальника дивизии, и еще двух генералов: командира 31-й артиллерийской бригады Телешова и командира 2-ой пехотной бригады Александра Сергеевича Саввича. Со вторым я успел хорошо познакомиться и даже сойтись во время нашей совместной боевой работы осенью и зимой. В конце сентября, в период перехода дивизии со среднего Сана под крепость Перемышль, мы с ним всегда помещались вместе на одной квартире. Виделись нередко в течение долгой позиционной стоянки под Тарновым и ежедневно разговаривали по телефону, когда Саввич был начальником нашего боевого участка.

Это был человек крепко и мужественно сшитый, умный, веселый и твердый. Эта твердость сказывалась как в его служебных отношениях, так и в его жизненных правилах и понятиях. Он терпеть не мог обиняков, обходных путей и соглашательства. Смотрел на вещи здраво, просто и прямо. Командуя козловцами до меня, и еще в мирное время, он превосходно воспитал офицерский состав этого полка. Работать с ним мне было легко и приятно.

Каковы были военные качества А. С. Саввича, лучше всего он сам рассказывал в письме, которое у меня сохранилось и которое он мне написал в октябре 1915 года, когда мы уже с ним служебно расстались. Сообщая о том, что он получил 81-ю пехотную дивизию — второочередную, — Александр Сергеевич пишет: «С 8 августа циркулирую с ней (с дивизией) не только из корпуса в корпус, но и из армии в армию. В настоящее время как будто бы пришился к Гренадерскому корпусу (к Куропаткину)... Хотя дивизия и, как говорится, «Господа нашего Иисуса Христа», но, откровенно говоря, не хуже других. Помощники у меня отличные... весь штаб на высоте своего призвания. Получил я дивизию 8 августа и предназначался в гарнизон Бреста, т. е. на съездение, но, нисколько не смущаясь, быстро и весело поехал и явился команданту. Провожали меня точно в могилу, а я вот на удивление всем жив, здоров, и того и вам желаю».

И почерк у Саввича был четкий, бодрый и веселый, как его стиль и как он весь. У такого начальника всегда будут «отличные помощники».

Саввич не имел академического стажа, но был умен и умел себя образовать; он по заслугам выдвинулся сравнительно быстро из обык-

* **Подолия** — историческая и географическая область в районе северных притоков среднего Днестра. Ныне территория Украины. — *Прим. ред.*

новенной армейской среды. Происходил Александр Сергеевич из хорошей дворянской семьи юга России; в нем чувствовались личное достоинство и традиции хорошего помещичьего уклада.

Таким же барином был и артиллерист Телешов. Он вспомнил, между прочим, что недавно скончавшийся генерал Гильхен, мой тесть, служил в 31-ой артиллерийской бригаде во время войны 1877–1878 годов, участвовал в штурме Плевны* и имел пожизненно мундир бригады.

Начальник дивизии Кузнецов носил редкое длинное имя, которое я уже забыл**, и за которым можно было подозревать происхождение из духовенства, любившего щеголять такими необычными именами. Это был человек небольшого роста, плотный, с черной, седеющей острой бородкой, обильно распространявшейся на щеки; был он «мрачно» умный и с патентом офицера Генерального штаба; несообщительный — в противоположность жизнерадостному Саввичу. Служить с ним было все же возможно без трений. Едва ли Кузнецов был вообще способен на дружеское сближение, но, раз уверовав в подчиненного, он не мешал ему работать и шел навстречу.

Параллельно со службой он систематически вел какие-то записки в крошечных книжках, которые вынимал из кармана по несколько раз в день и что-то в них записывал. Быть может, это был дневник, в котором историк мог бы потом найти хронику событий — больших и малых — не только по дням, но и по часам. Тайна этих аккуратных заметок мелким почерком осталась нераскрытой и, наверное, ушла в могилу с автором.

В подчинении у меня должны были находиться два ближайших помощника: офицер Генерального штаба по «строевой» части и «хозяйственный» адъютант. Но первого, после отъезда Кардашенко, не заместили, почему помощник у меня оказался один, если не считать офицеров, присланных из полков для связи, и офицера, заведовавшего обозом.

Должен тут же отметить, что я ни разу не ощутил отсутствия в штабе младшего офицера Генерального штаба, несмотря на горячее боевое время, которое пришлось пережить. Я предпочитал сам составлять и диктовать все тактические распоряжения, это ускоряло процесс, а мой хозяйственный помощник оказался отличным сотрудником «на все руки». Это был капитан Федор Иванович Васильев, офицер

* Осада Плевны в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг. продолжалась с 8 июля по 28 ноября (ст. ст.). Три штурма окончились неудачей, овладеть удалось только после осады. Падение Плевны обезопасило правый фланг русских войск и позволило начать наступление в сторону Стамбула. — *Прим. ред.*

** Его звали Поликарпом. — *Прим. ред.*

124-го пехотного Воронежского полка, очень неглупый, степенный, с правильными чертами лица, просившимися на византийскую икону. Он, как и Саввич, происходил из мелкопоместного помещичьего круга Харьковской губернии. Младший брат его Сергей служил под моим начальством в Козловском полку и ведал полковой пулеметной командой.

При всей своей степенности Федор Иванович был расторопным офицером, быстро схватывал суть дела и быстро приводил в исполнение все ему порученное. Я с удовольствием узнал в эмиграции, что он и его семья — тоже степенная и точная, в отца — находились в Египте, в Александрии*. Мой измайловский сослуживец А. Я. Бретцель подружился с ним и привлек к своему изданию исторического сборника «Измайловская старина».

В Египте же, по странной случайности, в Каире**, очутился с семьей и А. С. Саввич.

С обоими харьковцами я обменялся дружескими письмами, Ф. И. Васильев вспомнил кое-что из нашего общего прошлого и, в том числе, загадочные записные книжки Кузнецова.

В общем, личный состав штаба 31-ой пехотной дивизии — командный и исполнительный — казался достаточно хорошо подобранным. Слаженность управления и отсутствие разногласий вскоре были доказаны на практике в обстановке чрезвычайного боевого испытания.

* * *

Одним ранним и поистине прекрасным утром мы были разбужены непривычным громом орудий, превратившимся скоро в сплошной гул. Так приветствовал нас на рассвете 19 апреля 1915 года (ст. ст.) фельдмаршал Макензен.

Начиналось второе Галицийское сражение, в результате которого нам суждено было, шаг за шагом, потерять плоды первого, пожатые осенью 1914 года.

В войсках 10-го армейского корпуса ждали атаки — слишком очевидны были признаки подготовки к ней противника. В течение недель перед тем велась редкая, но систематическая артиллерийская пристрелка по нашим позициям и тылам. Появились новые виды снарядов — шрапнели с двойным разрывом, более мощные гранаты. Летали чаще аэропланы, как бы разглядывая сверху наше расположение

* **Александрия** — древний город в Египте. Стал одним из центров русской эмиграции 1-й волны на африканском континенте. — *Прим. ред.*

** **Каир** — столица Египта. Также был одним из центров русской эмиграции. — *Прим. ред.*

и делая съёмки вдоль и поперек русской укрепленной полосы. Никто им не мешал: своя авиация почти отсутствовала, противоаэропланнх батарей не существовало. И лишь пехотные солдаты развлекались, стреляя в небо из ружей и извещая беспорядочной трескотней выстрелов о появлении над головами неприятельских летчиков.

Наконец, противник производил усиленные разведки нашей передовой линии. Захваченные нами пленные принадлежали иногда к новым частям, появившимся перед фронтом корпуса. Некоторые из более разговорчивых пленнх показывали, что прибыли сильные подкрепления, артиллерия и, главное, германцы, которых до того не было на этом участке фронта.

Обо всем этом войска, конечно, доносили наверх. Сводка штаба корпуса шла в штаб 3-ей армии. Армейская — в штаб фронта... Но никто как будто не реагировал на сведения о возможном сосредоточении против нас значительных сил. Задачи оставались прежние, пассивно оборонительные на непомерно растянутом фронте. О подкреплениях не было и помину: наша стратегическая мысль усердно работала в направлении организации удара крайним левым флангом Юго-Западного фронта и носилась с проектом нашего вторжения в Венгрию и похода на Будапешт*, а оттуда — на Вену**!

На этот удаленный от нас фланг весной 1915 года и слали те резервы, которыми еще располагали Юго-Западный фронт и Ставка.

Планы эти, разумеется, как нельзя лучше играли в руку противника.

Как-то в конце февраля или в начале марта я получил в штабе Козловского полка секретную сводку сведений о группировке наших сил вдоль Карпатского хребта, по линии, в которой 10-й армейский корпус представлял собою загнутый назад правый фланг, глядевший не на юго-запад, а на запад.

Разобравшись в этой сводке и зная о нашем широком плане, я изумился его легкомыслию. Силы наши казались кружевом, одинаково слабым на всем протяжении.

Где находились и откуда можно было взять крупные резервы — не корпус или два, а больше, — чтобы образовать, во-первых, необходимый для удара кулак и, во-вторых, для развития наступления с чрезвычайным удлинением наших сообщений?

Не дело командира полка выступать с возражениями против плана Верховного главнокомандующего. Тем не менее, я не удержался и в полуофициальном порядке написал в штаб дивизии рапорт с изложением своих тревожных мыслей. Я не смел упомянуть о снаряжном

* **Будапешт** — столица Венгрии. — *Прим. ред.*

** **Вена** — столица Австро-Венгрии, сейчас — Австрии. — *Прим. ред.*

голоде, который перестал быть секретом в войсках; всякая большая наступательная операция могла при нем обратиться в катастрофу.

Мне неизвестно, какая участь постигла мой рапорт, написанный, разумеется, в холодных, выдержанных в строгих рамках дисциплины тонах. Передали ли его дальше, в штаб корпуса, или погребли в бумагах штаба дивизии под небрежной рубрикой «К делу»? Или еще прибавили: «Всяк сверчок знай свой шесток»*.

10-й корпус состоял из дивизий: 9-й, 31-ой и 61-ой. В таком порядке они и стояли, считая справа налево, на позиции к югу от Тарнова до Горлицы.

Позиция тянулась на 50 верст, и, в среднем, на каждую версту фронта приходилось по одному батальону. В тылу корпуса и даже армии не было резервов. Так как мы собирались наступать на противоположном нашему фланге, этот наш участок считался второстепенным и строго оборонительным. Мы должны были удержаться без резервов, без корпусной артиллерии и почти без снарядов.

Стратегию этого рода нельзя было назвать иначе как бесшабашной.

Нас спас Макензен! Русское отступление под напором его фланги летом 1915 года совершилось, несмотря на огромные потери, с сохранением все же стратегического достоинства. Что случилось бы, зарвись мы за Карпаты с негодными средствами, вообразить легко. Перед нашими глазами пример одной такой дивизии (48-й, Корнилова) в начале немецкого наступления. Она успела спуститься с гор в Венгерскую долину, оказалась отрезанной и попала в плен вместе с ее начальником.

Как было сказано, 31-я дивизия занимала центральный участок позиций 10-го корпуса. На ее правом фланге наши окопы шли по двум высотам, лесистой и лысой, далее, примерно в середине, вдоль окраины деревни Сташкувка** (взятой козловцами в декабре 1914 года); на левом фланге пензенцы занимали лесистую горку, считавшуюся ключом всей нашей позиции. Полковник Евсюков — выдающейся храбрости и энергии командир — тщательно укрепил эту горку и за-

* Уже в эмиграции я узнал из труда Ю. Данилова, что упрямое тяготение к этому широкому плану вторжения в Венгрию и походу на Вену со стороны главнокомандующего Юго-Западным фронтом генерала Иванова, известного до того пессимиста, а также поддержка его Великим князем Николаем Николаевичем в условиях нашей явной немощи 1915 г., были загадкой тогда и остались загадкой потом. Ю. Данилов возражал на эту идею, но тщетно; так же тщетно просил он, в связи с этим вопросом, освободить его от должности генерал-квартирмейстера Ставки и отпустить в строй. — *Прим. авт.*

** **Сташкувка** — село, известно с XIV в. Ныне в составе Польши. На его территории сохранились ряд захоронений Первой мировой войны. — *Прим. ред.*

тем отказывался от смены пензенцев с этого участка. Слишком много было потрачено ими тут труда, и полк хотел сам защищать свое «родное» детище.

Вступив в начальствование штабом дивизии, я съездил на пензенскую горку и убедился в том, что она действительно была приготовлена к обороне лучше других участков. Воспользовавшись подручным лесом, пензенцы прочно одели окопы бревнами, устроили солидные блиндажи и перекрыли кое-где ходы сообщений. Все это имело надежный вид и могло устоять против огня обыкновенной полевой артиллерии. Ружейный обстрел с позиции был хорош, и противнику приходилось подниматься под ним по довольно пологому скату.

С точки зрения галицийского боевого опыта позиция дивизии была вообще укреплена удовлетворительно, а пензенская горка казалась чуть не совершенством. Впоследствии, повидав под Ломжей* окопы, которые мы строили против германцев, я убедился, что наши галицийские были далеко позади в смысле законченности и отделки. И уже, разумеется, не могли быть сравниваемы с теми сооружениями, о которых нам сообщали, время от времени, с французского фронта.

В Галиции, откуда мы собирались наносить удар левым флангом, сдерживая противника на правом, следовало, казалось бы, озаботиться соответственным укреплением на этом оборонительном фланге ряда позиций и рубежей в глубину. Это должно было придать обороне пружинность и возможность маневрировать с относительно малыми силами. Ничего сколько-нибудь планомерного и серьезного в этой области сделано не было.

Таким образом, в распоряжении 3-й армии для решения поставленной ей задачи были: жидкие окопы передовой линии в расстоянии прямого выстрела от противника; кое-какие тыловые окопы на линии полковых и дивизионных резервов, т. е. в сфере огня первого боя, открывающего операцию; ничтожные вследствие длины позиции войсковые резервы и слабая дивизионная артиллерия.

Не хватало самых насущных средств: тяжелой артиллерии, авиации и даже снарядов для дивизионной артиллерии. Будущий бой не был подготовлен и в смысле укрепления в глубину.

Снарядный голод обнаружился официально в начале 1915 года, когда мы услышали изумительное приказание расходовать в день не больше 8 патронов на оружие!**

Если атака 19 апреля лишь подтвердила наши ожидания, то сила огневого урагана, обрушившегося на войска корпуса, превзошла вся-

* **Ломжа** — город с 1418 г. Ныне в составе Польши. — *Прим. ред.*

** Первые перебои со снарядами стали наблюдаться в русской армии уже в октябре 1914 г. — *Прим. ред.*

кое воображение. В непрестанной долбежке наших позиций принимали участие, кроме обыкновенных полевых орудий, 3- и 41/2-дюймовых калибров, гаубицы и mortarы в 6, 8 и 9 дюймов. Наша жалкая числом и мощностью артиллерия, несмотря на ее героические усилия, была беспомощна против этой лавины стали, свинца и чугуна.

На фронте 31-й дивизии удалось взять в плен германского офицера и найти на нем карту с нанесенными германо-австрийскими батареями. Будучи эшелонированы по дальности и калибрам, они стояли тесно в несколько рядов — точно в колонне.

К полудню наши скромные окопы были разбиты, засыпаны, сравнены с землей.

И, тем не менее, пехота не дрогнула и держалась в ожидании приступа! Донесения были твердые!

Больше всего досталось ключу позиции — пензенской горке Евсюкова. Как ни основательны были ее окопы и блиндажи — они оказались развороченными. Бревна летели вверх, как спички. Защитники окопов, оглушенные, перемешанные с убитыми, в дыму и в песке, отупелые, прижимались к остаткам своих брустверов, сжимая в руках винтовки в ожидании пехотной атаки. Это были не люди, а автоматы.

И они все же отбивали попытки противника подойти вплотную и ворваться на позицию...

В 2 часа дня положение стало еще хуже. У нас не оставалось никакой надежды на возможность удержаться хотя бы до следующего дня. Люди стояли в рост на месте своих бывших окопов, отбрасывая немцев где ружейным огнем, а где штыком. Над козловцами у села Сташкувки, в дополнение к общему аду, летали вдоль и поперек аэропланы и бросали сверху металлические стрелы.

Нечто подобное происходило и на участках соседних дивизий, 9-ой и 61-ой; в особенности тяжело было под Горлицей.

Было решено додержаться до сумерек — а наступали они не рано, — и ночью отойти на так называемые «заранее подготовленные» позиции в тылу.

Нельзя было удивляться этому единственно возможному решению. Удивительно было то, что наша пехота смогла устоять в течение целого дня и начать свой переход в порядке*. Чрезвычайно трудны были поддержание связи и передача приказаний. Телефонные линии поминутно рвались. Но телефонисты вели себя настоящими героями, и связь — хоть на короткое время — восстанавливалась. Не менее храб-

* Против наших 6 дивизий и 300 орудий на фронте Тарнов — Горлица, как выяснилось потом, было 14 неприятельских дивизий — из них 7 германских — и 1500 орудий. — *Прим. авт.*

рости требовалось и от людей, посылаемых с письменными приказами. Благодаря исключительной дружности действий всех чинов дивизии, от старших офицеров до последнего стрелка, она благополучно отошла ночью на указанную ей линию. Потери в людях и в имуществе были велики, но мы не потеряли ни одного орудия (свидетельство того, что противнику не удалось как следует прорвать наш фронт и вклиниться в расположение дивизии).

В дальнейшем продолжалось то же самое, день за днем, хотя в смысле огня ничего подобного первому дню не повторилось. Объяснялось это невозможностью быстро передвигать и располагать в массе тяжелые батареи. Их обдуманное сосредоточение на реке Дунаец несомненно заняло несколько недель — не часов. Если бы 3-я армия имела директиву — в случае обнаружения подготовки атаки на нас не принять боя и своевременно отойти на тыловую позицию — действительно укрепленную, — весь артиллерийский план неприятеля был бы сорван, вся эта ювелирная работа по постановке батарей пропала бы даром. Для новой атаки понадобились бы новые недели. А мы сохранили бы силы, уступив лишь незначительную полосу местности.

Так именно поступили в 1917 году немцы, сорвав приготовления франко-английского фронта и неожиданно отойдя на заранее устроенную крепкую линию «Гинденбурга»*.

То же самое могли и должны были сделать мы весной 1915 года.

Мне говорили, что Радко-Дмитриев считал такой маневр наилучшим ответом на возможное решительное наступление противника и предлагал этот способ штабу Юго-Западного фронта. Но разумный голос командующего 3-ей армией оказался голосом вопиющего в пустыне...

После того как мы были сдвинуты силою с места, не без понятного общего расстройств, нам вместо подкреплений (их и не было поблизости) слали систематически одно стереотипное и сердитое приказание из Ставки: «Держаться, во что бы то ни стало!» и «Ни шагу назад!»

В этот злосчастный период во главе Юго-Западного фронта продолжал стоять генерал-адъютант Иванов, но стратега Алексеева при нем сменил генерал Владимир Драгомиров, бывший начальник штаба 3-ей армии. Алексеев уехал командовать Северо-Западным фронтом. Драгомиров не обладал способностью Алексеева рассуждать холодно

* **Линия Гинденбурга** — построенная зимою 1916–1917 гг. протяженностью в 160 км крупная оборонительная линия, которую немцы считали неприступной. Была частично прорвана уже во время битвы при Камбре осенью 1917 г. — *Прим. ред.*

и проявлять в своих расчетах выдержку. Его обвиняли в нервности и во вредной импульсивности*.

Тем не менее, едва ли он один повинен в том, что произошло; план наступать левым флангом в Венгрию зародился и упрямо поддерживался еще при Алексееве. Напрасно также Ставка валила потом всю ответственность на Иванова и на Радко-Дмитриева за неукрепление тыловой полосы 3-ей армии**.

Спрашивается, о чем же думало Верховное командование в течение 3—4 месяцев, во время которых наша беспомощность выяснилась хотя бы в виде постоянной торговли между фронтом и Ставкой о резервах? Если Ставка держалась политики невмешательства, то перед лицом несчастной, сделавшейся безоружной русской армии это было не предоставлением пресловутой свободы действий, а преступлением.

Припомним, что командир пехотного полка, на основании одних только своих скудных сведений, пришел в ужас от наступательного замысла фронта. И попробовал ударить в тревожный колокол! Это случилось примерно за полтора месяца до удара Макензена. Но в Ставке должны были знать обстановку подробнее и испугаться нашего безрассудного плана гораздо раньше!

Неверно и утверждение, в оправдание Ставки (книга Ю. Данилова), что о готовившемся ударе против 3-ей армии узнали только «в середине апреля» (по новому стилю, по старому — в начале), и потому не могли принять меры. Как я уже говорил выше, войска непрерывно доносили о разных симптомах, которые накапливались, начиная с конца февраля. Все это казалось столь необычайным и подозрительным, что тут не нужно было и авиации, на отсутствие которой жалостливо ссылается Ю. Данилов.

Укрепление тылов армий нельзя было предоставить на единоличное усмотрение их штабов, в распоряжении которых не хватило бы и средств. Тут, конечно, требовался фронтный план, в зависимости от возможной постановки задач армиям в случае необходимости подаваться с боем назад.

Так как ничего серьезного и согласованного не было в этом отношении ни придумано, ни подготовлено высшими инстанциями, можно заключить, что наверху господствовал оптимизм и легкомыслие — результат осенних блестящих побед в Галиции. Легкомыслие это едва ли было не под стать сухомлиновскому, который объявил в начале войны, что «у нас все готово и всего в избытке».

* По расстроенному здоровью Владимир Михайлович Драгомиров вскоре сошел со стратегических верхов, и мы его больше не встречаем до конца войны. — *Прим. авт.*

** *Данилов Ю. Н.* Россия в мировой войне, 1914—1915 гг. / Ю. Н. Данилов. Берлин: Слово, 1924. 396 [3] с.

Но вернемся к нашему отступлению.

Я записывал свои впечатления без карты и без точных справок о датах и т. п., поэтому я могу дать только общий абрис операции, сохраняя верность основных ее черт. Отходили мы шаг за шагом, по ночам, иногда коротким пехотным переходом, иногда усиленным, чтобы оторваться от наседавшего противника и успеть устроиться на новой позиции.

Общее направление для 10-го корпуса получилось примерно на Пильзно*, Ржешув** и далее к нижнему течению реки Сан (Ниско?).

Днем дрались — удавалось продержаться на некоторых рубежах два и более дней, — ночью шли.

Несмотря на чрезвычайную усталость и огромные потери, дух войск не падал. Это было подлинное чудо!

Трудность управления увеличивалась от включения в участки дивизии случайных чужих частей и от того, что в разгар боя приходила свирепая депеша: «Ни шагу назад!» Между тем, мы отлично знали, что отойти все-таки придется, даже если на нашем участке дневные атаки противника будут отбиты. Важно было быть готовым к этому и заблаговременно распорядиться. Я выработал следующий прием.

Как только завязывался наш очередной дневной бой, я решал по карте, на основании общих данных об обстановке, добываемых от штаба корпуса, в каком направлении и по каким путям нам придется отходить в случае, если этого потребуют обстоятельства. Сообразно с этим моим решением, в котором, само собою понятно, рядом с твердыми фактами стояли и догадки, я составлял полевые записки с инструкциями командирам полков и артиллерии, что делать и по какой дороге идти по получении приказа об отходе. Записки эти доставлялись задолго до темноты по адресу в строго секретном порядке. Таким образом начальники частей, в свою очередь, получали возможность заблаговременно обдумать порядок выхода из боя и дальнейшего отступления.

Замечательно, что «догадочная» часть моих решений всегда оказывалась правильной, и в записки ни разу не пришлось вносить второпях какие-либо коренные изменения. Это в высшей степени способствовало упрощению сложных операций вывода войск из боя. Действия пехоты и артиллерии, прикрытые последней, выделение арьергардов, маскирование отхода разведчиками и другими мерами — все это выходило согласованным и четким.

* **Пильзно** — город с XIII в. С 1772 г. в составе Австрии. Ныне в составе Польши. — *Прим. ред.*

** **Ржешув** — основа в XIV в. С 1772 г. в составе Австрии. Ныне город Жешув в Польше. — *Прим. ред.*

Штабу дивизии оставалось затем только регулировать детали, в зависимости от частных, вторгавшихся в нашу схему. Как бы ни была трудна обстановка, эта техника управления, с которой быстро освоились все старшие чины дивизии, оправдывала себя. Мы никогда не чувствовали себя захваченными врасплох и ни на минуту не потеряли связи друг с другом. А это могло случиться так легко!

Странно, что на верхах плохо отдавали себе отчет в невозможности остановить обвалившуюся на нас лавину как по мановению жезла при нашей бедности решительно во всем. Даже целая свежая армия, если бы таковая оказалась в готовности, не смогла бы повернуть дело в нашу пользу без снарядов и массы пулеметов.

В тылу правого крыла Юго-Западного фронта имелись два естественных рубежа, на которых предполагали устроиться и дать последний отпор противнику — линии рек Вислока и Сан. Но, раз прорвав наш фронт в одном месте, противник расширял этот прорыв и искал случая прорвать в другом. Если нам удавалось, отойдя, выпрямить линию, она оказывалась вогнутой в наше расположение где-нибудь рядом, фланг или фланги попадали под угрозу, и ничего не оставалось, как отступать дальше. Только при этой тактике нам удалось избежать окружения и пленения целых дивизий или даже корпусов.

Ю. Данилов в своих воспоминаниях признается, что в воображении Ставки пределом нашего отхода считалась линия реки Вислока — два перехода к востоку от линии Дунайца. Можно думать, что после того как мы не удержались на этом первом значительном рубеже, в Ставке начали сердиться на войска и обвинять их в недостаточном упорстве. Войска, потерявшие уже до половины своего состава, немало орудий и дравшиеся по-прежнему с гомеопатической порцией артиллерийских снарядов и пулеметов!

Пехоте в особенности трудно было отстаивать свои пушки. Артиллерийский огонь нужно было поддерживать во что бы то ни стало в течение всего дня, до наступления темноты. Батареи располагались не слишком глубоко, чтобы иметь возможность действительным огнем поражать не только передовую линию неприятеля, но и его тылы с артиллерией. Как бы ни напирал под вечер противник на наши окопы, как бы ни казалось положение на некоторых участках шатким, нельзя было менять позиции батарей далее вглубь. Помимо вызываемой такой переменной сокращения зоны нашего огня, получился бы перерыв в этом огне, пока выбиралась новая позиция и совершался переход. Да и самый переезд нелегко было совершить днем под обстрелом.

В результате батареи «брали в передки» не ранее того, как начиналось отступление пехоты, т. е. в сумерках. Если в это время неприятель производил атаку, артиллерия подвергалась большой опасности. Малейшая неустойка пехоты — и батареи оказывались легкой добычей.

В нашей дивизии чуть не случилось такое несчастье в один из тяжелых дней — и на участке моего Козловского полка, которым временно командовал тогда молодчина И. И. [А. А.] Пургасов. Австрийцы, было, подбежали к нашей батарее, как прапорщик Мазуров — поступивший в армию из какой-то штатской профессии, отличный скрипач — ударил в штыки со своей жидкой полуротой, бывшей в прикрытии, и спас пушки. Насколько помню, он пожертвовал собой — либо был убит, либо ранен и попал в плен, но совершил подвиг и сделал большое дело.

31-я дивизия вообще не потеряла за время отхода ни одного орудия.

Скверно было, когда противнику удавалось сдвинуть нас с позиции до наступления темноты. Тогда приходилось принимать особые меры, чтобы сдержать преследование и восстанавливать порядок в частях, начавших отходить до приказа свыше. В 31-ой дивизии за первые две недели отступления это случилось только раз. Начальник дивизии Кузнецов приказал подать лошадей и со всем штабом выехал на поле сражения. Было часов 6 вечера, солнце склонялось к горизонту, но до темноты оставалось часа два. Гористая местность была покрыта где нашими лежащими стрелковыми цепями, где колонками, отходившими назад по долинам. Над полем густо рвались неприятельские шрапнели. Гранаты взрывали землю.

Была прекрасная погода, и если бы не шло взаимное уничтожение людей, картина могла показаться интересной и красивой.

Появление начальника дивизии, отдача встреченным частям нескольких твердых приказаний (и, между прочим, я сам повернул и расположил цепью на ближайшем переломе местности какую-то небольшую часть) сыграли свою роль. Отход принял упорядоченный вид. «Начальство тут и едет вперед, к позициям», — сказали себе те, кто видел это начальство, успокоились и воспрянули духом.

Встретился верхом по пути к перевязочному пункту мой полковой адъютант Рязанцев, только что раненный пулей в ногу.

Работа по управлению дивизией была в эти дни непрерывная, требовавшая личного вмешательства и присутствия то в одном, то в другом месте. Начальник дивизии вскоре заболел и, перемогаясь, полеживал на соломе со своей маленькой книжечкой в руках. Таким образом, командование фактически перешло к генералу Саввичу, нашему бригадиру. С ним я состоял в самых лучших отношениях, мы работали как один человек; подчас было очень тяжело, но сохранилось бодрое воспоминание об этом периоде нашей горячей и дружной полевой деятельности.

Обыкновенно распоряжения вырабатывал я и затем тут же, по утверждению их Саввичем, диктовал для скорости состоявшим при штабе офицерам приказ, который без задержки мог быть разослан в части. Образовалась полезная привычка ничего не упускать и говорить

простым языком, без книжных штампованных фраз. Часто я объяснял положение и мысль чертежом.

Так как каждый офицер записывал приказ в книжке с копиркой на нескольких листах, сразу получалось много экземпляров приказа.

Помогала, несомненно, и та большая практика, которую я имел в Академии, руководя тактическими занятиями по прикладному методу.

Всегда старались — и успевали в этом — отдать основные распоряжения настолько рано, чтобы войска получили их до наступления ночи. Для этого нужно было опять-таки многое предугадать и не ожидать приказа из штаба корпуса, который обычно приходил или передавался по телефону поздно.

Было теперь к чему «приложить» теоретические навыки и приемы!

Во время этого отступления в район дивизии попадали чужие части и подчинялись — для боя — нам. Необходимо было лично установить, где эти части и каково их состояние; для этого нужно было скакать на передовую линию, чтобы войти в живую связь с их начальниками.

Составление диспозиции в этом случае осложнялось, так как требовалось формирование боевых участков пестрого состава, вроде куропаткинских «отрядов», с подчинением их — часто только на одни сутки — случайным начальникам «приблудившихся» полков или батальонов.

Штабу отдыхать было некогда, а начальнику его — тем менее. Как-то ночью, едва я бросился на свою солому, чтобы поспать 2–3 часа, как меня кто-то вызвал телефону. Я взял трубку злой! Чей-то голос спрашивал какую-то справку, с которой, думал я, можно было и подождать. Я соответственно оборвал говорившего, упомянув при этом и черта. В ответ последовало: «Говорит командир корпуса». Нужно отдать справедливость человеческому и уравновешенному генералу Н. И. Протопопову — он не рассердился и понял причину моей резкости. Саввич же остался очень доволен и смеялся своим сдобным смехом.

Когда мы приближались к Сану, я так устал и измотался, что спросился у Саввича «на отдых» в тыл. На фронте как раз наступило затишье. Саввич отпустил. По приезде в город, где стоял штаб корпуса (кажется, это был Ржешув), я, конечно, явился Протопопову. Он спросил меня о положении, а затем сказал: «Теперь пойдите в тыловую нашу гостиницу, поешьте как следует и ложитесь спать. А завтра днем зайдите ко мне». Я так и сделал.

— Ну, как вы себя чувствуете сегодня? — спросил меня командир корпуса, когда я к нему явился на другой день. — Готовы ли ехать обратно в дивизию?

— Отдохнул и готов ехать, — отвечал я.

— Ну, вот и отлично! Пожалуйста, кланяйтесь Саввичу и продолжайте работать.

Сел я в какую-то тяжелую войсковую бричку и к ночи уже был снова на своем посту.

На реке Сан наша дивизия вошла в пределы России, на самой границе с Австрией. Штаб стал в селении, название которого ускользнуло из памяти. Тут была Русская церковь; штаб расположился в довольно уютном доме священника, где был фруктовый сад, напоминавший Малороссию. Противник на нашем участке уже был не тот — ослабевший и тоже уставший. Он приостановился на левом берегу реки. Мы удержали за собой предместные укрепления, из-за которых происходили схватки, вскоре прекратившиеся. Наступила для нас передышка. Главный нажим неприятель перенес южнее, и серьезные бои загорелись под Перемышлем.

Погода продолжала быть превосходной. Полки приводили себя в возможный порядок и подсчитывали свои потери. Штаб пехотного полка военного времени был 3000 человек, и примерно в этом числе, пополнившись за время зимней стоянки, полки вступили в бой 19 апреля. К 1 мая на реке Сан в них оставалось, в среднем, по 800 человек, и полки имели вместо четырех по два батальона, каждый мирного состава, т. е. всего по 100 человек в роте.

Еще тяжелее была убыль офицеров. В Козловском полку, например, целыми оказалось 10 офицеров. На роту приходилось по одному офицеру. Среди них едва ли не большинство были прапорщики, т. е. скороспелые офицеры военного времени.

И еще хуже, пожалуй, обстояло дело с имуществом. Пулеметов, которых вообще у нас далеко не хватало (вступили в войну с жалкими 8 пулеметами на полк!), почти не осталось. То же самое произошло с полевыми телефонами и запасами проволоки, телефонной и мотками колючей для искусственных препятствий. На восстановление всего этого требовалось время.

Между тем подступали новые бои. Кое-что удалось получить; подъехало несколько офицеров и пришли кое-какие пополнения (вопрос этот в тылу был налажен недурно), но не хватало ружей!

Снарядный голод в артиллерии продолжался; после интенсивного расхода их в течение десятидневной операции он обострился. На линии реки Сан было буквально запрещено стрелять «без крайней необходимости».

Саввич поручил мне составить реляцию о действиях дивизии во время отступления. Каждая минута была свежа в памяти, и нужные документы были под рукой. Тишина на фронте позволила сосредоточиться и серьезно засесть за составление описания. Получилось оно довольно детальным, обоснованным и должно было бы удовлетворить будущего историка; во всяком случае, помочь ему разобраться в живо менявшейся обстановке и в путанице мелькавших событий.

Оригинал послали по командной лестнице наверх, но я сохранил для себя копию, о пропаже которой сожалею. Уцелел ли где-нибудь

оригинал, попал ли в какой-нибудь советский исторический архив или подвергся участи большинства документов, погибших в первые месяцы большевистской революции?

В последних числах апреля на этой мирной стоянке пришли почти в одно и то же время, одна за другой, две телеграммы обо мне: первая предлагала мне должность командующего лейб-гвардии Измайловским полком; вторая — генерал-квартирмейстера 3-ей армии.

В первом случае вспомнил обо мне, вероятно, генерал-адъютант Безобразов, командир Гвардейского корпуса, с которым мы познакомились на летних пулеметных сборах корпуса (я дважды, в 1913 и в 1914 годах, был начальником штаба этих сборов).

Во втором случае — А. К. Байов, мой сослуживец по Академии, теперь начальник штаба 3-ей армии. Помнил меня, наверное, и командовавший армией Радко-Дмитриев, вызвавший меня для командования полком.

Я без колебаний принял первое — строевое — предложение. Было приятно вернуться в родной Гвардейский корпус и быть, наконец, назначенным командиром полка, да еще такого старого.

Вскоре после этого 31-ю дивизию сдвинули с места вдоль по Сану на юг и снова в пределы Галиции (к Сеняве?). Мы должны были совершить усиленный марш ночью и принять участие в контратаке против прорвавшегося на том участке противника. Помнится, с нашим маленьким числом и маленькими средствами мы не смогли достичь заметного успеха, но все же остановили австрийцев на назначенном рубеже.

Затем нас еще передвинули, в том же районе; кажется, что даже вызвали на время в резерв.

Здесь была получена телеграмма, что 9 мая (ст. ст.) состоялся Высочайший приказ о моем назначении командующим Измайловским полком. Мой пятидневный опыт начальствования штабом дивизии и управления дивизией в незаурядной боевой обстановке кончился.

Задержавшись на три-четыре дня, чтобы сдать дела, я сердечно и с сожалением простился с Александром Сергеевичем Саввичем. Мы расстались как жили и работали — друзьями.

КОМАНДОВАНИЕ ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ИЗМАЙЛОВСКИМ ПОЛКОМ

В мае 1915 года полк стоял на позициях под Ломжей.

Приехал я в этот пыльный тогда городок 5 июня. Навестил брата, исполнявшего должность генерал-квартирмейстера 12-й армии, и представился Безобразову, командиру Гвардейского корпуса.

Генерал, знавший меня по пулеметным сборам гвардии, встретил ласково, но предупредил:

— Вы принимаете трудный полк!

В штабе корпуса было много знакомых и совсем петербургская атмосфера. Б. А. Энгельгардт, бывший член Думы, а теперь офицер для поручений при штабе, рассказал, как вершились дела в нем при графе Ностице:

— Мы обсуждали операции на французском языке, как генералы 12-го года.

В какой-то казенной бричке я поехал к полку через штаб 1-ой гвардейской дивизии и там представился генералу Гольтгоеру, бригадиру, исполнявшему обязанности начальника дивизии. Настоящий серьезно заболел и был эвакуирован.

Гольтгоер накормил меня завтраком, но о полке не говорил — быть может, потому, что тут же за столом сидел измайловский полковник Офросимов, заведовавший чем-то хозяйственным при штабе дивизии.

Полк находился в резерве, что было удобно для его приема; штаб стоял в помещицьем доме Кисельницы.

О своем вступлении в командование я отдал приказ 6 июня.

Было неизвестно, от кого я принимал полк. Оказалось, что в штабе полка орудовал импровизированный парламент, состоявший, кроме чинов штаба, из всех четырех батальонных командиров и двух вольноопределяющихся унтер-офицеров из команды конных разведчиков. Вся эта компания жила и заседала в штабе полка.

Когда я приказал обратиться каждому к исполнению своих прямых обязанностей, мне показалось, что это было встречено с удивлением и неодобрением. Впрочем, я думаю, что полковой адъютант Н. Н. Дорохов и заведовавший оперативной частью И. В. Белозеров понимали странность управления, установившегося в полку, и благословляли исчезновение «депутатов», превращавших штаб полка в род клуба. Полк существовал без настоящего хозяина почти четыре месяца. Мой предшественник генерал Круглевский был ранен в феврале. Ему пришлось отнять руку. На возвращение его не было надежды, но, тем не менее, с назначением преемника тянули.

Состояние полка в сборе в тылу позиций позволило принять его в строю. Батальоны были выстроены в резервных колоннах, в двух местах, чтобы не было слишком большого скопления. Хотя бомбардировка с воздуха находилась тогда в самом зачаточном состоянии, все же наши густые сомкнутые колонны могли привлечь внимание и сблизить какого-нибудь случайного немецкого летчика.

Впечатление от сомкнутого строя полка получилось плачевное. Батальоны и роты были плохо выравнены по фронту и в затылок; стояли они на неправильных, неровных дистанциях и интервалах.

Снаряжение у солдат было пригнано кое-как и разнообразно. Люди стояли мешковато и не выказывали никакого подъема при виде нового командира.

Офицеры не отставали от солдат и смотрели «буками».

В двух ротах были заявлены претензии, потом, при разборе, оказавшиеся правильными. Заявление жалоб считалось в войсках — и не без основания — признаком внутреннего беспорядка части.

Во время моего обхода рот люди шевелились и даже слышались разговоры. В одной роте пример этому подавал сам фельдфебель, которого я должен был тут же подтянуть.

Если в строевой части полка все показалось мне нестроевым, то в тыловой, нестроевой, к моему великому удивлению и неожиданному удовольствию, все казалось в отличном строевом порядке. Единственная часть, которая представилась мне молодцевато и по-гвардейски, была хозяйственная, с ее тыловыми командами, обозными и нестроевой ротой. Этой частью заправлял молодой и энергичный капитан А. В. Есимонтовский. Постоянное отделение от полка и самостоятельность позволяли начальнику хозяйственной части, если он хотел и умел, лепить из нее часть «по своему образу и подобию». А так как А. В. Есимонтовский любил во всем отчетливость и нарядность, то и вверенные ему обозные и мастеровые легко перещеголяли своих запущенных строевых собратьев.

В таком же отличном состоянии представился мне санитарный отдел с его обозом и санитарами. У полкового врача Пороховского была несомненная строевая жилка, и он охотно шел в ногу с Есимонтовским, держа своих людей, лошадей и повозки в образцовом порядке. Впоследствии, при моем поощрении и замене неповоротливых казенных санитарных рыдванов легким двукольным обозом*, Пороховский неизменно радовал мой глаз подтянутостью своей санитарной колонны, каковы бы ни были боевые условия.

При обозе 2-го разряда я нашел и своего старого знакомого — протоиерея Сахарова, который был священником лейб-гвардии Егерского полка, когда я был молодым офицером.

Хорошее впечатление о тыле полка не могло разогнать моей заботы в отношении строевого полка, которым долго никто не занимался и который не только не напоминал о гвардии, но скорее походил на захолустную и захудалую часть.

Уже через три дня после моего приезда и приема полка его поставили на позиционный участок. Приехал как-то и прошелся со мной,

* Удалось мне сделать эту замену благодаря крупному денежному подарку для полка старухи княгини Вяземской, кишиневской знакомой брата моей жены. — *Прим. авт.*

частью по окопам, частью по тылам, песочным и пыльным, генерал Гольтгоер. Встречавшиеся измайловцы не блистали выправкой, плохо становились во фронт и отдавали честь, на что командующий дивизией и обратил мое внимание, приказав заняться этой стороной дела. Замечание, хотя и сделанное в мягкой и деликатной форме, все же оставалось замечанием командиру недалекой давности. Приходило в голову: наезжало ли старшее начальство в полк с репутацией «трудного» во время четырехмесячного междуцарствия и что оно сделало, чтобы сдерживать этот ополз гвардейства и даже элементарной дисциплины? Получали ли временно командовавшие полковники головной мойки и было ли известно о введении в полку, под конец, соборного начала в управлении?

Таковы на протяжении самых первых дней моего командования оказались мои впечатления и переживания, предвещавшие новому командиру мало веселого. Предстоял путь в неизвестное, ответственное будущее по крутому подъему и против ветра, с преодолением неожиданных препятствий, среди которых могли оказаться и капканы.

— Да, это нелегкий полк, — сказал я себе, начав подъем!..

Позиции под Ломжей, после наших легкомысленных в Галиции, представились мне солидными и прочными. Служба в окопах неслась внимательно и хорошо, что подавало надежду на добрую боевую работу с полком. Он уже и имел такую репутацию в других полках дивизии. Ко мне зашел с визитом офицер лейб-егеря — князь Борис Оболенский — и так образно определил эту репутацию: «У измайловцев — кабак кабаком, а в результате выходит хорошо!» Тогда же Оболенский сказал мне: «А мы ждали тебя командиром к нам». По-видимому, лейб-егеря тогда начинали уставать от дельности генерала Б., у которого это почтенное качество соединялось с утонченным бездушием и желчностью в отношениях*.

За время позиционного стояния я успел познакомиться с офицерским составом (кого не знал раньше) и разобраться в делах. Но стояние скоро кончилось, так как через несколько дней был получен приказ гвардии двигаться на юг, где в то время продолжал угрожающе развиваться удар Макензена.

Полки постепенно сменялись с позиций и выступали походом на Белосток**, где сажались в поезда. Дальнейшая переброска до Холма

* Вероятно, имеется в виду генерал А. П. Буковский, командовавший полком в 1913–1916 гг. Кавалер ордена Св. Георгия 4-й ст. и Георгиевского оружия. Затем командовал бригадой 3-й гвардейской пехотной дивизии, а также различными дивизиями. — *Прим. ред.*

** **Белосток** — основан в конце XVII в. В составе России с 1807 г. Сейчас — в Польше. — *Прим. ред.*

происходила по железной дороге. Измайловцы выступили из Ломжи 13 июня и осели к югу от Холма, в районе села Бзите*, 23-го.

Днями походного движения я воспользовался, чтобы вернуть людям после длинного позиционного периода маршевые привычки и сноровки. Скоро мне удалось побороть цифры отсталых в ротах, говорившие не столько о невтянутости, сколько об отсутствии заботы у фельдфебелей и взводных. Состав полка был полный, около 3000, по штатам военного времени, так как после Ломжинских боев в феврале он пополнился до краев. Постепенно, шаг за шагом, я старался прибрать к рукам офицеров и солдат. Мне казалось, что я успеваю в этом. Под Бзите мы, как и вообще весь Гвардейский корпус в районе Холма, состояли в стратегическом резерве, и я смог отдать, при отличной летней погоде, часть времени занятиям по одиночной выправке и сомкнутому строю — во имя восстановления строевого духа.

Историческая сторона всего дальнейшего описана мною с достаточною подробностью в статье «Боевой и мирный календарь измайловцев с июня 1915 по июнь 1916 гг.», напечатанной в 1932 году на машинке в журнале «Измайловская старина» (№ 10, 11, 12 «И. С.» и мои письма в № 24)**.

Поэтому я не буду здесь излишне повторяться, но остановлюсь, как сделал уже выше, на фактах и воспоминаниях, которые в том рассказе были бы не у места и могли бы задеть чувство узкого полкового патриотизма офицеров, моих бывших сотрудников. По отношению к большинству из них я не чувствую ничего, кроме благодарности за их работу и исполнение долга, особенно в бою; к отдельным офицерам — чувство более глубокое, личной привязанности; но наряду с этим я не могу вычеркнуть из моей памяти некоторых «пятен на солнце», которые не были случайными и переходящими, а являлись результатом сложной и даже загадочной нравственной структуры корпуса офицеров лейб-гвардии Измайловского полка в течение нескольких десятилетий до войны.

Во время нашей стоянки вокруг пыльной деревни Бзите, на юге, в двух переходах, шли бои, и если мы не двигались вперед, то поле сражения само любезно подвигалось к нам. Шумы становились все слышнее и слышнее. И вечером 4 июля, когда полку было наконец приказано наступать к Красноставу, ему нужно было совершить лишь небольшой переход, чтобы оказаться утром 5-го сразу в передовой линии.

* Ныне селение Бзите, Польша. — *Прим. ред.*

** Издавался полковником А. Я. фон Бретцелем, скончавшимся осенью 1940 г. в Александрии. См. № 10, 11, 12, 24 этого журнала. — *Прим. ред.*

Измайловцы и преображенцы должны были сменить потрясенных непрерывными боями армейцев на участке позиции к северу от Красностава, по обе стороны реки Вепрж. Река являлась границей между полками.

Измайловцы на восточном берегу сменили на рассвете едва державшихся тульцев, которых оставалось так мало, что окопы казались занятыми точно условно, пунктиром. Между тем природные свойства позиции были выгодны: она шла по опушке не слишком большого леса на гребне, с которого открывался дальний обзор и обстрел в сторону Красностава; тылы окопов и сообщения были хорошо скрыты лесом. В некотором расстоянии за ним находились удобные позиции для батарей.

Как только свежая, полнокровная часть заняла эту позицию, ее потенциальные тактические условия сразу ожили и показали себя в бою 5 июля.

Измайловцы едва имели время осмотреться в окопах, как были атакованы от Красностава отборными — выяснилось впоследствии — немецкими войсками. Сюда для производства нового очередного прорыва германцы подвели гвардию и неожиданно нарвались на русскую гвардию, тоже свежую.

Весь день шел упорный бой как у измайловцев, так и у преображенцев. Повторные атаки противника были обоими полками отбиты. В 6 часов вечера бой стал утихать. Выражаясь языком сводок, прусские гвардейцы были с большими потерями отброшены в район Красностава. У нас создалось искреннее настроение одержанной победы и желание на следующее утро перейти в наступление. Лично я готовил нужные для того распоряжения.

За день боя измайловцы были усилены по моему совету в штабе дивизии гвардейской стрелковой бригадой, развернувшейся левее и обозначившей охватывающее положение (хотели подкрепить наш участок по самому плохому рецепту — прямо с тыла).

Кроме того, предоставили в мое распоряжение батальон или два семеновцев из дивизионного резерва. Я их не тронул, справившись с задачей дня собственными силами. Но в случае перехода в наступление эта свежая часть и гвардейские стрелки слева должны были бы сыграть большую роль.

Однако атаковать нам не пришлось. Где-то на фронте, кажется, правее преображенцев, противнику удалось глубоко прорвать наши линии. Понадобилось исправление общего фронта и новый отход.

Измайловцы отошли перед рассветом скрытно и в образцовом порядке. Я пропустил мимо себя каждую роту и дождался последних разведчиков, прикрывавших отступление.

Вообще Красноставский бой показал мне, какой солидный и надежный боевой материал представлял собою полк. Потери были значительны, и из строя выбыло убитыми и ранеными несколько офицеров.

Но измайловцы справедливо гордились днем 5 июля 1915 года и занесли его в боевую хронику полка на табельный листок. До Свиныхов 1916 года это сражение казалось лучшим с начала войны. Правда, мы оборонялись, но оборонялись активно, а противником была прусская гвардия*.

Мне удалось добыть Георгиевский крест офицеру-пулеметчику Б. С. Гескету, лично взявшемуся за стрельбу, когда прислуга была переранена. Его довольно скоро пронесли мимо меня через лес на носилках. Он, в свою очередь, был ранен, и тяжело, в правую руку. Потерял способность ею владеть**.

Командующему полком была объявлена Высочайшая благодарность (Государь сам поднял на эту ступень представление, просившее о так называемом «благоволении»). Из орденов мне, в полковничьем чине, давать было нечего***, а произвести в генералы, очевидно, сочли преждевременным. «Благоволения» и «благодарности» обозначали у нас какие-то права на ускоренную выслугу пенсии.

Вскоре после Красностава, во время дальнейшего отхода и временного стояния измайловцев в резерве, в полк приехал корпусной командир генерал Безобразов специально поблагодарить офицеров и солдат за бой.

* Впоследствии какой-то неизвестный поэт 9-й роты в составленной им рифмованной истории полка за время войны в форме песни с припевом сказал о Красностае:

«Геру полковник славный
Своей жизни не щадил,
Смело принял бой неравный,
Швабов гордых победил». — *Прим. ред.*

** **Гескет Борис Сергеевич** — штабс-капитан лейб-гвардии Измайловского полка. Награжден за то, что «будучи в чине поручика, в бою 5 июня 1915 года под Красноставом, выдвинув на левом фланге полка 4 пулемета, действуя впереди наших цепей под губительным артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем, не только остановил встречное наступление частей германской гвардии, но и отбросил немецкие цепи, чем дал возможность полку, пройдя дефиле, развернуться впереди леса и вполне прочно устроиться на позиции, что привело к решительному отражению встречного удара немцев; штабс-капитан Гескет был тяжело ранен ружейной пулей». Указ. соч. / Кузьмин А. В., Мазяркин Г. Н., Максимов Д. Н. Юшко В. Л. С. 133. — *Прим. ред.*

*** Весьма странное утверждение, так как Б. В. Геру не был награжден орденом Св. Станислава 1-й ст. — *Прим. ред.*

Новый начальник дивизии генерал В. В. Нотбек*, принявший дивизию перед Красноставом, не считал нужным и психологически полезным сделать то же самое.

Начиная с Красностава, полк включился в тот огромный стратегический отход из Галиции, в котором еще так недавно я участвовал в рядах 31-й дивизии. Между прочим, в Холмщине она оказалась в июле где-то поблизости, и я получил привет и пачку новостей (частью грустных) от милых козловцев.

Отступали мы, задерживая противника почти ежедневными боями, через Влодаву** к Бресту***, к которому подошли в первых числах августа. За этот монотонный и томительный период (дрались, недосыпали, маршировали ночами, копали днем, несли потери) крупным внутренним событием явилась смена командира корпуса. Приходившийся по вкусу гвардии Безобразов сцепился по какому-то тактическому вопросу с тогдашним командующим 3-ей армией****, в составе которой мы вели бои под Холмом, и, потеряв, по обыкновению, равновесие, апеллировал, на правах генерал-адъютанта, к Государю! Кончилась эта схватка отъездом Безобразова в Ставку, привезшего туда свою раз навсегда установившуюся ненависть к генералу Лешу, и назначением к нам корпусным командиром генерала Олохова.

Это был бывший офицер Генерального штаба, спокойный и дельный, имевший и гвардейский стаж, так как командовал и гвардейским пехотным полком, и одной из гвардейских дивизий.

Олохов приехал в полк, когда мы готовились за Брест-Литовском погрузиться в поезда, чтобы следовать на север, в район Вильны***** — куда точно мы, конечно, не знали. Но было известно, что и там начала серьезно портиться обстановка.

Новый командир корпуса, поздоровавшись с теми частями полка, которые можно было ему показать в суе железнодорожной посадки, отвел меня в сторону, на пустые запасные пути, и здесь, гуляя и по-товарищески, допросил, как я справляюсь с полком. В то время мои первые впечатления успели сгладиться под влиянием сильных боевых испытаний, в которых, казалось мне, установилось взаимное понимание и взаимное уважение между офицерами и командиром. Я переживал медовый месяц своего союза с Измайловским полком,

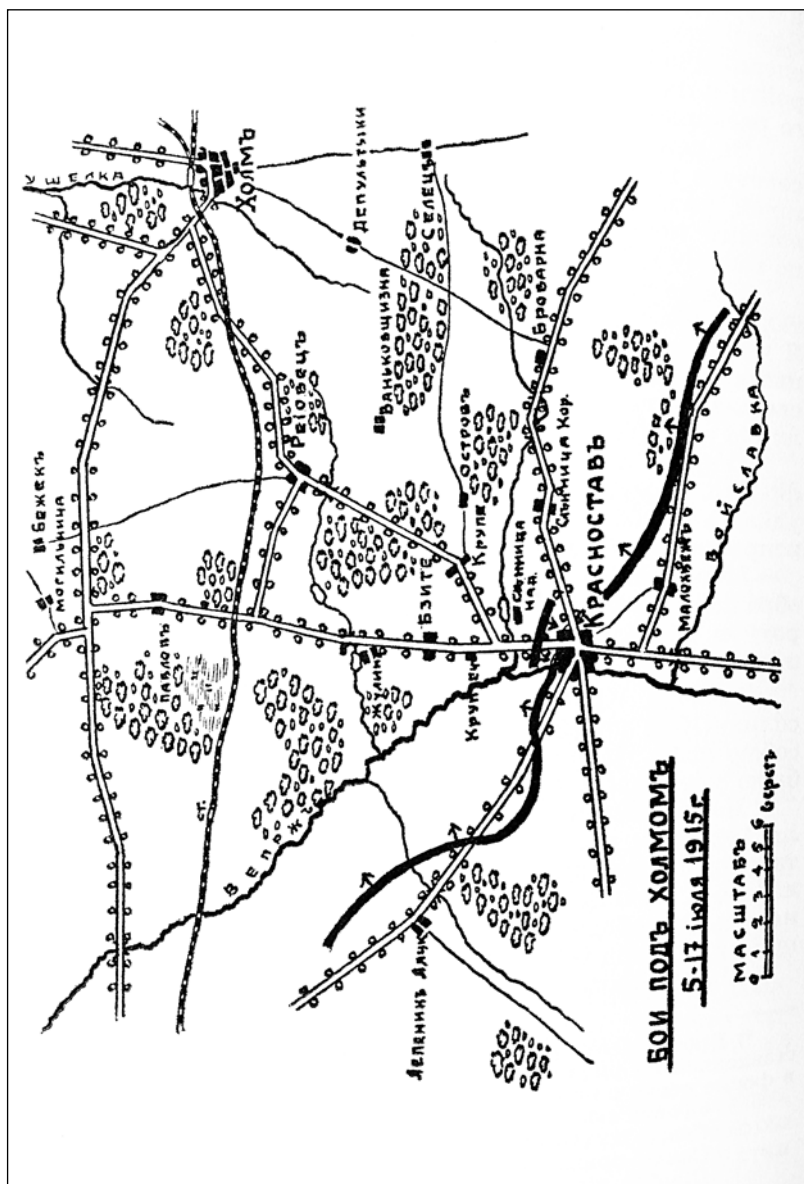
* Бывший лейб-егерь и офицер Генерального штаба, сын другого почтенного лейб-егеря. Оба сына генерала В. В. Нотбека во время войны служили в Егерском полку. — *Прим. ред.*

** **Влодава** — город с 1534 г. Ныне в составе Польши. — *Прим. ред.*

*** **Брест** — основан в X в. Ныне — в составе Белоруссии. — *Прим. ред.*

**** Генерал Леш, сменивший Радко-Дмитриева. Последнего сделали «козлом отпущения» за стратегический недосмотр Ставки. — *Прим. авт.*

***** Ныне г. Вильнюс, столица Литвы. — *Прим. ред.*



обнаруживая в нем скрытые добрые качества и возможности. Как раз в те дни конца июля я написал своей жене: «Становлюсь до корней волос измайловцем».

— Мне известно, как удачно вы сумели прийти по душе и по вкусу офицерству. Это немалое достижение, ибо измайловцы всегда славились капризным отношением к своим командирам. — И затем прибавил, смеясь: — Подавай им, по меньшей мере, кавалергарда!

Слышать со стороны о том, что я как будто достиг первоначальной цели своей программы и приблизил прямой и простотой сердца офицеров, было приятно. Увы, не за горами ожидали меня разочарования. Семейное счастье с измайловским офицерством, плохо дававшееся их командирам, оказалось недолговечным и для меня.

Погрузка была закончена на станции Березовка 5 августа. В составе дивизии нас перебросили по железной дороге до Вилейки; затем, нервно и суетливо, повернули круто на восток, видимо, на защиту подступов к Петербургу; успокоившись, вернули с полдороги назад и, наконец, высадили 9 августа в Вильно.

Отсюда, походом, 1-я гвардейская пехотная дивизия и вообще весь Гвардейский корпус были двинуты на пути к северу от Вильны. Противник стремился охватить нас в этом направлении. Нам надлежало его в лучшем случае отбросить, в худшем — остановить.

В середине августа (начиная с 18-го) и до первых чисел сентября на подступах к Вильне шли упорные бои, в которых гвардия сдержала напор германцев. Но силы их, особенно артиллерия и пулеметы, неизменно превосходили наши, и приходилось шаг за шагом подаваться назад.

Крайним северным рубежом, до которого 17 августа дошли измайловцы, были позиции впереди колонии Консыставо (верст 80 от Вильны). Здесь мы натолкнулись на крепко занятую и природно сильную позицию у деревни Явнюны, сбить немцев с которой не удалось ни преображенцам у Гудулина, ни семеновцам, ни измайловцам; эти три полка имели охватывающее положение, но противник всюду командовал со своих высот. Мы понесли чувствительные потери.

Измайловцы потеряли из офицеров храброго в военное, а в мирное время беспутного Скобельцына*, командира 4-го батальона, и талантливое поэта Бориса Хомутова**.

* Паж одного выпуска с моим братом (1891). — *Прим. авт.*

** Хомутова принесли в землянку, когда я находился на позиции и шел артиллерийский бой. Раны его (от пулемета) в область живота были безнадежны. Он весь был в глине, так как упал ничком. Я обмыл ему лицо и руки холодным чаем и старался его приободрить и обласкал. Бедняга пожал мою руку и сказал: «Какой вы добрый, господин полковник!» Я никогда не забуду этих слов и страдающего взгляда его красивых глаз. Он скончался в тот же вечер. — *Прим. авт.*

27 августа под Консыставом мы получили известие, что в командование армиями вступил сам Государь. Прокричали в резерве «ура» и проиграли гимн, но чувство было смешанное и неясное. Великий князь Николай Николаевич, правда, не оправдал быстро созданную ему репутацию великого стратега, не обнаружив основного условия для этого диплома. Ни тени предусмотрительности. Но и Государь, как стратег, был большим вопросом. Очевидно, настоящим Верховным главнокомандующим становился новый начальник штаба — М. В. Алексеев, неизмеримо более к этой роли подготовленный, чем его предшественник, ничтожный и сладкий Янушкевич.

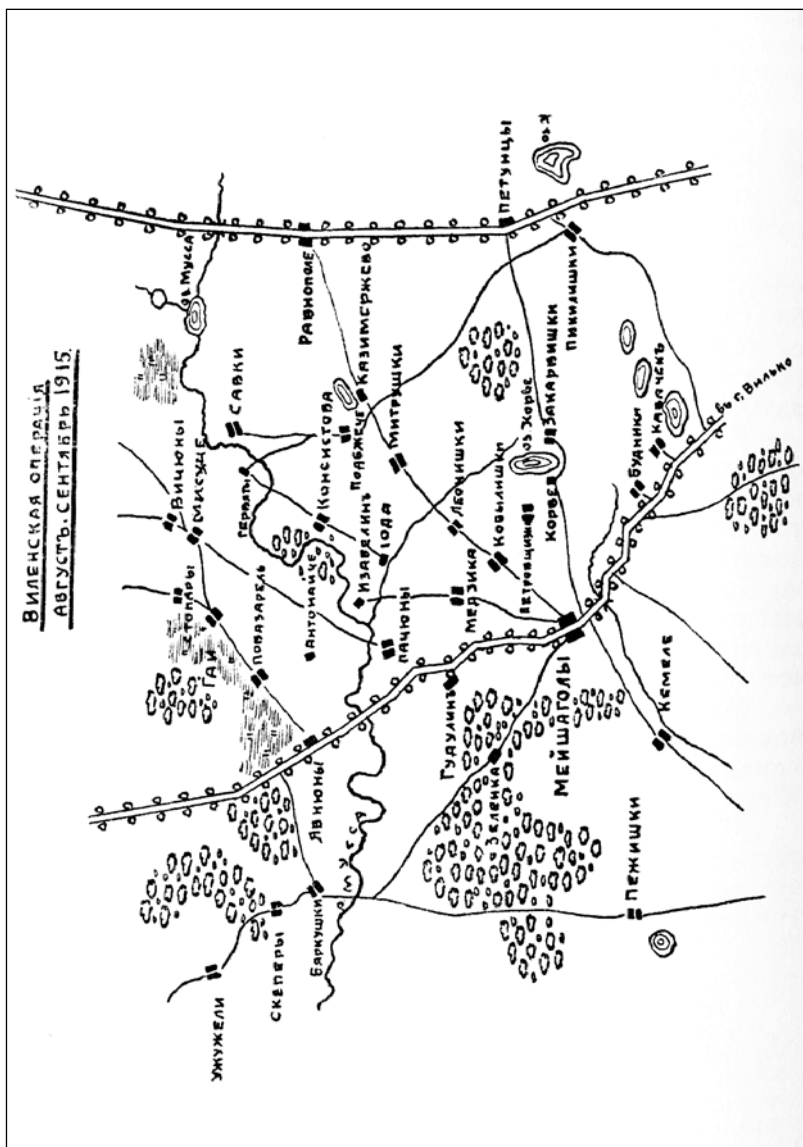
Получив подкрепления, немцы против нас перешли в наступление и вынудили к отходу, который вначале принял беспорядочный характер — дело происходило днем. Однако с этим удалось быстро справиться, и к вечеру полк стройно занял новую позицию. На ней 30-го я командовал 2-й бригадой дивизии (измайловыми и егерями), успешно отбил серьезную атаку немцев и заслужил свои генеральские погоны.

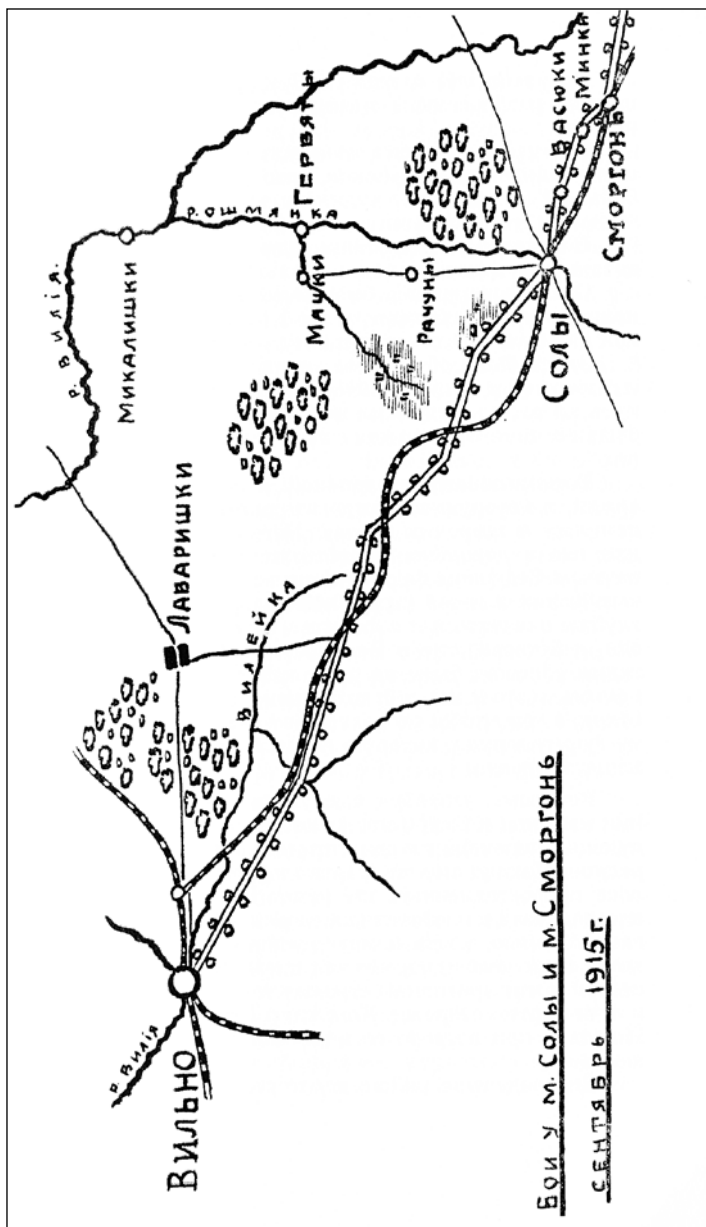
При отходе на эту позицию произошло мое первое столкновение, по полковому телефону, с Нотбеком, начальником дивизии. Он позволил себе резко отозваться о действиях полка, в почти угрожающих тонах, совершенно не отдавая себе отчета в том, что во все эти тяжелые дни сделал полк, теперь оставшийся почти без офицеров и сжавшийся до 800–900 человек. Я вспылил и не менее резко оборвал генерала. Полк исполняет свой долг и не заслужил разноса на поле сражения. Что касается до его командира, то он готов сдать полк другому.

Нотбек «сократился». Но, как покажет будущее, не переменялся в своих отношениях к измайловцам и их командиру.

После боя 30 августа полк был «на минутку» осажен в резерв. Дивизия, в зависимости от давления немцев то в одном месте, то в другом, передвигалась, подаваясь назад и влево. В первых числах сентября главнейшая угроза обозначилась на шоссе Мейшагола — Вильно. Гвардия вошла на этом участке в боевую линию и загородила немцам дорогу. В ночь на 3-е сентября измайловцы сменили на фронте в окопах лейб-гвардии 4-й Императорской фамилии стрелковый полк. Я нашел командира — знакомого еще по Пажескому корпусу — Н. Н. Скалона (Георгиевского кавалера за японскую войну, сослуживца по 10-му армейскому корпусу, где Скалон командовал в 9-й дивизии 36-м пехотным Орловским полком) спокойно сидящим в какой-то одинокой халупе, шагах в 800–1000 от передовых окопов. Противник его пока что не тревожил, и он чувствовал себя прекрасно.

Это место штаба напомнило мне знаменитый блиндаж на лысине под Мезенцом одиннадцать месяцев тому назад. Управлять полком в случае боя с линии батальонных резервов было бы чрезвычайно трудно, и, может быть, пришлось бы уходить под огнем, снимая телефоны.





Учтя эти неприятные возможности, я приказал расположить штаб полка далее в глубине, где за серединою участка и у проходившего здесь шоссе удобно находился лесок. Раскинув близ самой опушки свой цыганский табор, штаб погрузился в сон. Но сон оказался кратким. Едва стал пробиваться первый свет, часов в 5 утра, как нас разбудила артиллерийская бомбардировка. Немцы обрушились на измайловский участок. Вскоре начали отвечать наши батареи. Загорелся бой.

Силенок у нас было мало, но мы вышли в тот памятный день из тяжелого положения с честью, лишь немного осадив на позиции и остановив дальнейшее продвижение несомненно превосходящих сил противника на следующем гребешке.

Одинокая халупа штаба Императорских стрелков оказалась в той полосе, которую нам пришлось уступить противнику.

Немцы наступали так бодро, что были видны невооруженным глазом с наших батарей, и два батарейных командира приехали ко мне просить разрешения сняться с позиций, чтобы не потерять орудий.

— Ни в каком случае, — приказал я. — Наоборот, усильте огонь и продолжайте его, хотя бы понадобилось перейти на картечь.

Не сомневаюсь, что эта непоколебимость нашего артиллерийского щита, в связи с симулированным подходом на виду противника не существовавших резервов — писаря и музыканты при штабе, предводимые полковым адъютантом (это была его блестящая идея), — существенно повлияли на благополучный для нас исход дела. А были жуткие часы!

Бой этот мы назвали «Линдиснишки» по имени широко разбросанной в этих холмах захудалой деревни.

Мы провели затем тревожный темный вечер, так как у гвардейских стрелков, влево, в стыке с нами, был большой лес, и им все чудилось, что немцы туда просочились и что это лежит на нашей совести!

Незадолго до полуночи, однако, получилось приказание отступить далее, к Вильно.

Отход совершился беспрепятственно, под покровом ночи, и на другой день части 1-ой гвардейской пехотной дивизии еще раз вступили в литовскую столицу.

Здесь была объявлена дневка. Полк расположили по квартирам вблизи Антоколя*. Я имел случай взглянуть на тот дом, где жил мой отец в 1898—1899 годы и где я бывал в чине подпоручика лейб-гвардии Егерского полка.

Воспользовавшись дневкой, я съездил в штаб 10-й армии, в которую мы тогда входили, чтобы узнать обстановку в широких чертах.

* Вероятно, имеется в виду древний район Вильно Антоколь (ныне Ан-такальнис). — *Прим. ред.*

Черты эти складывались для нас в довольно неприятную гримасу. Противник на этом Северном фронте пытался левой частью стратегических клещей (правой он давил с юга) как можно глубже охватить нас с фланга и с тыла и отрезать войска, действовавшие в Виленском районе. Неприятелю, таким образом, было на руку наше здесь упорство. Но понимали это и мы, и было решено произвести большой отход, с тем, чтобы оторваться от немцев и уничтожить ту форму мешка, которую принял в этом районе абрис нашего фронта.

Вечером [...] сентября выступили в общем направлении на Солы и Сморгонь, на юго-восток. Два-три последующих перехода гвардии представляли собой явление редкое. Пехота вместе с артиллерией шла в узкой полосе предоставленных им немногих дорог; противник наседал сзади и обозначал свое пребывание справа и слева. Ночью, когда немцы пускали свои зеленые ракеты, было очевидно, что мы идем, окруженные с трех сторон, и что противник стремится преградить нам путь и с четвертой стороны. Командир преображенцев граф Игнатьев при встрече со мной сказал: «Идем в Потсдам!»

Впоследствии район, в котором мы двигались, нанесенный на карту, вырисовался в форме груши, узкая часть которой была обращена к нашим тылам. Через это горлышко, в конце концов, гвардия благополучно проскочила и вышла из ловушки. Фронтovому и армейскому командованию удалось остановить, а затем отогнуть немецкие клещи.

7 сентября полк поставили в резерв за позицией у господского двора Рачуны. Впереди шел оживленный бой в течение недели, маленький помещичий дом, где сбилось в кучу несколько штабов и где я спал под роялем, обсыпало осколками и шрапнельными пулями, но в дело измайловцев не ввели.

Я вынужден был свести полк в два батальона. В нем оставалось 8 офицеров и 800 солдат. Все — не офицеры и солдаты, а тени.

Под Рачунами мы простояли трое суток и были двинуты далее на юго-восток, через Солы к Сморгони*. У Солы мы увидели еще свежие следы кавалерийского немецкого набега — произведенные разрушения. Переход до Сморгони был невелик, и еще до полудня 11 сентября полк достиг назначенной ему линии, шедшей влево и к югу от самого города Сморгони. Город заняли лейб-егеря, а левее измайловцев стали семеновцы. Преображенцев назначили в резерв.

Едва я успел дать указания по разбивке и укреплению позиции, как над нами разорвалась пара шрапнелей, за которой последовало

* **Сморгонь** — основан в 1503 г. В составе России с 1793 г. Сейчас в составе Белоруссии. В 1915 г. около города установилась линия фронта, что дает местным краеведам возможность поддерживать миф о «русском Вердене» и «810-дневной» обороне города. — *Прим. ред.*

несколько беглых очередей. Очевидно, какие-то два конных орудия противника успели подъехать близко, опередив пехоту, и хорошо увидели наши цепи, приступавшие к самоокапыванию.

Штаб полка вместе со штабом преображенцев расположился верстах в двух за позицией, в железнодорожной будке, которую мы заслуженно прозвали «клоповником».

Под Сморгонью гвардия простояла две недели, до 26 сентября. Не считая артиллерийского огня, боев не было. Противник выдохся и только раз попробовал атаковать непосредственно левее 1-ой гвардейской дивизии, но был отбит. Ход этого последнего боя можно было довольно хорошо наблюдать с фланга, с наших позиций. На них мы углубляли и совершенствовали свои окопы. В брошенную жителями Сморгонь солдатня ходила за так называемыми «покупками», возвращаясь с разною дрянью, а иногда и с хорошими товарами, вроде, например, сапожного, которым славилась Сморгонь. Знаю только, что впоследствии один из полковых мастеров-сапожников сшил мне превосходные высокие сапоги из отличной сморгонской шагрени. Я довольно щедро заплатил сапожнику по петербургским ценам, но не спрашивал, во что ему обошлась шагрень в Сморгони!

Набеги на город дали возможность командиру 8-й сводной роты штабс-капитану Козеко удовлетворить его артистический вкус (он пописывал недурные стихи) и превратить свой командирский блиндаж в кокетливый будуар, с подушками, коврами и занавесками.

Я посещал окопы чаще по вечерам, так как тогда можно было незаметно подъехать с тыла даже в полковой бричке. Раз как-то, по возвращении в «клоповник», меня вызвал по телефону командир 2-го сводного батальона Николай Владимирович Муфель.

— Едва вы отъехали, — доложил он, — как граната ударила точно в то место, где вы сиделись в экипаж. Позвольте вас поздравить!

Тут я вспомнил, что действительно слышал, отъезжая, одиночный удар гранаты позади, но не обратил на это внимания.

Хуже гранатных развлечений был неожиданный налет начальника дивизии. Нотбек в одиночестве пришел пешком с тыла вдоль линии железной дороги. Я его встретил у «клоповника» и отрапортовал, в ответ на что Нотбек, худой, желто-бледный и злой, сделал мне резкий выговор за дурную дисциплину в полку. Ему попался по дороге солдат, который не узнал генерала, кое-как отдал честь, был неряшливо одет и т. п.

К сожалению, тот небольшой запас подтянутости мирного порядка, который я нашел в полку при приеме три месяца тому назад, был растерян и утрачен. Постоянные бои, отсутствие сна и отдыха, окопная жизнь, марши не давали возможности оглядеться и заняться внешним видом людей.

Теперь, казалось, операции замирали (хотя в районе Вилейки только что удалось парализовать грозивший прорыв немцев). С наступлением более спокойного времени можно было обратиться к постепенному превращению офицеров и солдат-теней в прежнюю плоть и кровь.

Я решил посмотреть роты (их стало немного) в сомкнутом строю и задать им тон. У самого штаба полка находилась удобная площадка, к которой можно было подвести роту в мелких строях, скрытно, через ряд небольших молодых рощ.

Рота выводилась сначала в резерв, а затем я вызывал ее к себе. Легкие смотры эти я производил обыкновенно утром. Был в этом известный риск, так как и будка наша иногда обстреливалась, да и аэропланы летали. Но, к счастью, все обошлось благополучно, и только в одной роте, при ее возвращении, ранило легко двух солдат.

И это была рота, представившаяся хуже других!

Вид у нее оказался как в воду опущенный. Лица унылые, одежда бестолково пригнанная. Ответ на мое приветствие вялый.

Объявив роте о своем первом впечатлении, я посмотрел с сожалением на печального ротного командира капитана Ф. и сказал:

— Да и ротный командир не побрился!

Действительно, на щеках у него была щетина, по меньшей мере, трех дней.

Плохо проделали и несложное сомкнутое ученье.

Зато, помню, другая рота (молодцеватого Подладчикова) представлялась нарядно и почти по-красносельскому.

Значит, можно было и в тех трудных условиях, при желании, добиваться порядка и приличного воинского вида.

К достижению результатов в этом направлении мы и приступили, начиная со Сморгони.

Гвардию сменили здесь армейские части 26 сентября и двинули на квартиры в районе среднего, так называемого «Западного» фронта, в широком просторстве в районе Постава*, к югу от озера Нароч. Полку было назначено большое село Сергеевичи с окружающими мелкими деревнями. Но нас вначале было так мало, что почти весь полк поместился в Сергеевичах.

Здесь, в стратегическом резерве, простояли мы около шести недель, прибыв 2 октября и выступив на юг, в Галицию, 14 ноября. К границе нас подвезли по железной дороге, потом мы шли — в большой мороз и при ледяном встречном ветре — пешком. Стали вокруг Волочиска** около 30 ноября; измайловцы — в большом селе Остапье; штаб полка в замке какого-то польского графа.

* **Поставы** — первое упоминания 1409 г. С 1793 г. в составе России. Ныне Белоруссия. — *Прим. ред.*

** **Волочиск** — основан в XV в. Ныне в составе Украины. — *Прим. ред.*

Под Рождество гвардию перевели дальше на юг, причем измайловцев расположили на широких квартирах вокруг села Мыслова-Русское по реке Збручу, на австрийской границе.

Мысль о передвижении гвардии на юг была связана с зимней наступательной там операцией 7-ой армии*. Но она не удалась, и к помощи стратегического резерва для развития успеха прибегнуть не пришлось.

Зато с октября по декабрь наша мысль была занята обещанным смотром гвардии Государем. Фактически после нескольких фальшивых тревог смотр состоялся 15 декабря, под Волочиским. Он оставил мрачное впечатление. Государь приехал к 1-ой дивизии в полной уже темноте. Люди, стоявшие по щиколотку в грязи размокшей пахоти, не могли видеть Царя. Лично меня он узнал и сказал несколько милостивых слов. После смотра все начальники отдельных частей были приглашены на обед в вагоне Государя. Он был гостеприимен, но крайне бледен — и физически, и в разговоре. За столом я сидел несколько наискосок от Государя; казалось, он очень устал и был рад, когда вся эта церемония кончилась, и он прощально пожал нам руки. Мы не могли думать тогда, что это было настоящим прощанием!

С вопросом о Царском смотре связано следующее бытовое воспоминание. В конце октября, под Сергеевичами, наладив обучение полка с азав и добившись уже кое-каких результатов в области возвращения к гвардейскому виду, я уехал в отпуск на три недели.

Не успел я приехать в Петербург (моя семья жила тогда в Финляндии), как мне передали из запасного батальона полка, что почти назначен день Царского смотра и что он должен состояться на фронте в ближайшее время.

Мне ничего не оставалось, как сейчас же сесть в обратный поезд и вернуться к полку.

Приехал я туда, никого не предупредив, вечером, часов в 9, когда было уже совершенно темно. Когда я вошел в зальце дома, который занимал штаб полка, передо мной открылась живая и неожиданная картина: вокруг длинного стола посередине комнаты сидело несколько офицеров во главе с моим заместителем — старшим полковником — вперемешку с дамами. Компания эта заканчивала свой ужин.

Дамы оказались женами соответствующих офицеров. На хозяйском месте председательствовала жена старшего полковника...

Все сконфуженно встали. Смушение и остоленение хозяев и гостей можно было сравнить с последней, немой, сценой из «Ревизора».

* Речь идет о попытке в декабре 1915 г. 7-й армии генерала Д. Г. Шербачева при поддержке 9-й армии П. А. Лечицкого развить наступление в районе р. Стрыпа для оказания содействия Сербии. — *Прим. ред.*

Я предложил продолжать трапезу и выразил свое «приятное» удивление видеть полковых дам в семейной обстановке на фронте. Председательский стул опустел, и я сел на него.

Полковой адъютант между тем справлялся по телефону насчет смотра. Оказалось, что его не будет, и, следовательно, я мог ехать назад в Петербург.

Поиграв в любезного хозяина с час, я покинул милую компанию, чтобы поймать свой поезд. До железной дороги нужно было ехать еще несколько верст на лошадях.

Под Волочиским гвардия простояла в резерве около двух с половиною месяцев. За это время совершилось реформирование ее в три корпуса — два пехотных и кавалерийский. Получилась маленькая армия, которой присвоили название «войск гвардии». Командовать ими вызвали традиционного Безобразова. Начальником штаба к нему назначили моего недавнего постоянного боевого соседа, командира преобразенцев графа Н. Н. Игнатьева.

В середине февраля 1916 года нашу группу перевезли на Северный фронт. Она продолжала оставаться в резерве Ставки. Широкие квартиры сначала были отведены вокруг Режицы (в тылу Двинска*). Полк осел в своих деревнях 22 февраля.

К Пасхе нас передвинули слегка на юг, и мы встретили ее 10 апреля в местечке Прели, где штаб полка располагался в довольно удобной барской усадьбе.

7 мая двинулись еще более на юг, походом, в район Западного (среднего) фронта, где расположились, начиная с 17 мая, вокруг местечка Глубокое.

Все эти месяцы пребывания в резерве позволили серьезно налечь на обучение, воспитание и приведение полка в порядок, по существу и по виду. Я образовал полевую учебную команду для подъема унтер-офицеров на уровень знающих заместителей офицеров. На этот важный вопрос, возникавший каждый раз в упорном бою, в войсках не обращалось должного внимания. Получилась своего рода полковая академия, в которой все, начиная с отдания чести, преподавалось выбранными специалистами. Я сам вел популярный курс тактики.

Вместо пришедшего в негодность снаряжения (ранцы были давно утрачены) выработали из подручного материала род брезентовой спинной котомки и однообразную, аккуратную пригонку всего снаряжения. Внешность солдата немедленно выиграла. Из других полков прислали людей посмотреть изобретение измайловцев и перенять его.

* **Двинск** — город с 1582 г. В составе России с 1772 г. Ныне — Латвия. — *Прим. ред.*

Я лично руководил тактическими учениями рот, стараясь развить в этом отношении молодых офицеров и унтер-офицеров.

Результаты, в смысле восстановления гвардейства, были представлены весьма успешно гвардейскому капризному начальству, съехавшемуся на полковой праздник 29 мая. Роты проходили церемониальным маршем в развернутом строю, имея тогда после пополнения 100 рядов! Равнение и шаг поразили гвардейских командиров, набивших себе руку и глаз на красносельской парадности и отчетливости.

Примерно через месяц такое же впечатление произвел полк на походе, «бурей» пройдя мимо Безобразова в Молодечно*. Несмотря на пыль, жару, потные лица, люди выглядели бодро и молодцами, а колонны, носка ружья и свободный шаг не оставляли желать лучшего.

За эти месяцы мне удалось добиться того, что офицеры заразились самолюбивым желанием шеголять выправкой полка перед другими, и среди командного состава у меня образовалось много искренних союзников.

В этом путешествии «в гору», которое я начал год тому назад, впереди рисовалась уже заветная вершина.

Но 11 июня, во время следующего похода гвардии дальше на юг, из района Глубокого в район Молодечно, я был неожиданно вызван в штаб «войск гвардии» для временного исполнения должности генерал-квартирмейстера. Оно превратилось в постоянное. Через месяц, уже на Стоходе, во время боев под Луцком**, состоялись почти одновременно мое назначение и мое производство в генерал-майоры со старшинством с 30 августа 1915 года.

Вместе с тем, я был зачислен в списки лейб-гвардии Измайловского полка. Это давало мне право пожизненного ношения полкового мундира.

Когда я еще стоял одной ногой в полку, а другой в штабе, мне привелось дважды представлять полк: 26 июня офицеры-преображенцы дали торжественный обед офицерам-измайловцам, как своим неизменным и прочным боевым соседям и товарищам. Такой привет и такое братское объединение были случаем необыкновенным. Они свидетельствовали о той высокой, чисто боевой репутации, которую заслужили измайловцы в глазах таких же прочных и доблестных преображенцев.

Другой случай — представление полка в строю новому корпусному командиру Великому князю Павлу Александровичу.

* **Молодечно** — город, первое упоминание в XIV в. В составе России с 1793 г. Ныне — Белоруссия. — *Прим. ред.*

** **Луцк** — первое письменное упоминание 1085 г., в составе России с 1795 г. Ныне — Украина. — *Прим. ред.*

Великий князь высказал мне свое сожаление, что «такой блестящий» (или что-то вроде этого) «командир покидает полк».

* * *

Форма одежды Измайловского полка сходилась с козловской в том, что и у него, как у третьего полка в дивизии, были белые околыши на фуражках и петлицы на воротниках шинелей. Но лацкан на мундире был красный с белой вокруг опушкой.

Головной убор при парадной форме — ведрообразный кивер, напоминавший эпоху Наполеоновских войн, но низкий. Солдаты имели короткие твердые султанчики; офицеры — высокие, белого цвета. У генералов султан был трехцветный из петушиных перьев, черно-желто-белый.

По воротнику мундира у офицеров и на клапанах обшлагов шло золотое шитье. Каждый гвардейский полк имел свое особенное. Измайловское представляло собою как бы заплетенную женскую косу, кончавшуюся кисточкой. Вокруг этого шитья прочно утвердилась легенда, что, когда при основании полка спросили императрицу Анну, какое дать полку шитье, она показала на свою косу, которую как раз в то время заплетала.

Ни один из полковых историков не потрудились разобраться в этом сказании, хотя и романтично-красивом, но лишенном основания: дело в том, что в XVIII веке у офицеров русской гвардии на тогдашних длиннополых кафтанах вовсе не было шитья, а борты и петли были обшиты галунным, для всех одинаковым позументом. Единственное, что сделали историки, — обошли этот вопрос молчанием.

Между тем, помимо опровержения легенды, представляло интерес выяснить происхождение шитья-косы, фактически введенного лишь с 1800 года, при переходе от кафтанов к мундирам со стоячим воротником.

Как документально опровергнуть легенду, так и установить, откуда измайловцы получили свое шитье, выпало на мою долю. Занялся я этим в эмиграции в 1938 году. Списавшись с берлинским Цейхгаузом и с немецким художником-экспертом по формам, я не только точно определил, что шитье было заимствовано из Пруссии, но и получил в подарок воротник Берлинского кадетского корпуса с вышитой на нем золотом косой с кисточкой, совершенно идентичный с измайловским. Разница заключалась только в том, что последний был темно-зеленого сукна с красным кантом, а немецкий — красного с синим кантом.

В Пруссии история этого шитья относится не ближе как к 1720 году, когда оно впервые принадлежало гвардейскому гренадерскому батальону. В Лондоне мне удалось достать репродукцию фамильного

портрета, на котором изображен молодой Фридрих II с семейством. Все мужчины в кафтанах гвардейского гренадерского батальона с описанным шитьем по петлицам и на обшлагах. Впоследствии этой части, уже в мундирный период, дали другое шитье (плоское, серебряное), но старое сохранилось вплоть до 1918 года в Берлинском кадетском корпусе.

Такова подлинная история происхождения шитья — косы лейб-гвардии Измайловского полка.

Расставаться с полком было тяжело. Став искренним измайловцем, задавшись целью поднять полк на пьедестал, которого он заслуживал всей своей почти двухвековой славной историей, я вложил в работу все свое понимание и все сердце. Каковы бы ни были подчас огорчения и разочарования, плоды этого труда становились очевиднее и очевиднее. Падали препятствия, строился новый фасад на прочном фундаменте полковых чести, достоинства, самолюбия и традиций. Еще бы год-другой, мечтал я, и обновленное здание гордо и красиво возвысится, подведенное под купол.

Но шла война. Рассчитывать на год-другой командования вообще было невозможно, даже если не знать, что готовила всем нам судьба в недалеком будущем...

Именно потому, что, командуя измайловцами, я решал сложную задачу, полк стал моим «детисцем»; так выразился я в письме к своей жене, когда сообщал о моем уходе и вызванных им грустных чувствах.

Начальником 1-ой гвардейской пехотной дивизии был отдан по моему адресу прощально-благодарственный приказ. Как видно из предыдущего, Нотбек не выказывал в течение моего командования избытка приязни к Измайловскому полку и его командиру. Тем более поразила меня тон этого последнего приказа, звучавшего как проявление искренней дружбы и неподдельной теплоты. Приказ сохранился у меня.

В эмиграции многочисленный Союз зарубежных измайловцев преподнес мне ко дню 40-летия со времени производства в офицеры, в 1935 году, художественно исполненный адрес с рядом схем походов 1915 года и иллюстраций. Первыми подписали адрес Великие князья Андрей Владимирович (измайловец со дня рождения) и Гавриил Константинович (ставший зарубежным измайловцем*).

Кроме того, редактор-издатель «Измайловской старины» поместил в № 24 мою биографию и воспоминание о моем командовании одного из офицеров (Б. В. Фомина).

* Брат Константина Константиновича, служившего в полку при мне и зверски убитого большевиками в июне 1918 г. Это был красивый, жизнерадостный и всеми любимый юноша, продолжавший в полку Константиновскую династию, заложенную его замечательным отцом. — *Прим. авт.*

В 1939 году, после кончины Н. М. Киселевского, я сделался председателем Измайловского союза, как бы снова вступив в командование измайловцами — увы, без солдат.

ГЕНЕРАЛ-КВАРТИРМЕЙСТЕРСТВО В ШТАБЕ ОСОБОЙ АРМИИ

Хотя я и отказался весной 1915 года от предложенной мне должности генерал-квартирмейстера, предпочтя полк, судьбе было угодно настоять примерно через год на моем назначении генерал-квартирмейстером.

В конце 1915 года из войск Гвардейского корпуса было образовано три корпуса: два пехотных (каждый по две дивизии) и один кавалерийский (две дивизии). Это не вызывало новых формирований. 3-я гвардейская пехотная дивизия, действовавшая до того в отделе, была притянута и составила с гвардейской стрелковой дивизией 2-ой гвардейский корпус. Вся конница тоже была собрана и сведена в корпус.

В сущности, образовали новую маленькую частную армию из отборных частей, по-видимому, в целях иметь «ударный» резерв, и наименовали ее «войска гвардии».

Армейское управление ее составилось из кадров штаба гвардейского корпуса, а во главе этого «отряда», как его называли сначала, был поставлен бывший корпусной командир, популярный в гвардии генерал-адъютант В. М. Безобразов*.

Начальником штаба он выбрал к себе командира Преображенского полка Свиты Его Величества генерал-майора графа Н. Н. Игнатъева (товарища моего брата по Пажескому корпусу и нашего родственника по бабушке Пелино). Игнатъев кончил Академию одновременно с моим братом, но в Генеральный штаб не пошел, отказавшись от внеочередного производства в чин, и вернулся в свой Преображенский полк. Перед началом войны он стал его командиром.

На должность генерал-квартирмейстера, сначала получившую название «обер-квартирмейстера», пригласили полковника В. Н. Доманевского, до того состоявшего при штабе Гвардейского корпуса «для поручений».

С самого начала войны этот офицер Генерального штаба завоевал себе в управлении корпусом выдающееся положение. Кому-ни-

* Он был не у дел с конца июля 1915 г. после своей ссоры с командовавшим 3-ей армией генералом Лешем во время нашего отхода от Холма. — *Прим. авт.*

будь нужно было занять такое положение знающего и энергичного штабного офицера, ибо начальником штаба корпуса первое время был граф Ностиц — величина светская и добродушная, но в смысле знаний и опыта совершенно отрицательная. Наверху, над Ностицем, стоял Безобразов, здравого смысла которого было недостаточно, чтобы возместить отсутствие военно-научного образования. Штабная работа для этого гвардейского кавалериста представлялась делом простым. Требовалось нечто вроде строевого порядка, а о ремесле оперативных распоряжений Безобразов — или «воевода», как его называли в гвардии, — не имел понятия. Он не мог «направлять» своего начальника штаба, и оба они — без Доманевского или какого-либо другого властного и осведомленного офицера — представляли бы в стратегическом управлении корпусом на войне корабль без руля и без ветрил.

Низы штаба Гвардейского корпуса составлялись по признаку, главным образом, принадлежности к гвардейским войскам и даже, по возможности, отдаленности от службы в Генеральном штабе. Доманевский в этой среде, со своим честолюбием и охотой быть заправилкой (*grand faiseur*), естественно и скоро сделался тем центром в штабе корпуса, к которому потянулись все нити.

В тот период, когда штаб корпуса развернулся в штаб Гвардейского отряда, а Доманевский стал обер-квартирмейстером, его помещение превратилось в приемную, в которую являлись не по одним вопросам квартирмейстерской части; там можно было увидеть и начальника артиллерии, и санитарного инспектора, и командиров полков, и краснокрестных деятелей. Доманевский выслушивал просьбы, брался устраивать дела и перемещения, плел сети всевозможных интриг. Приехать в штаб Отряда и миновать Доманевского было нельзя.

Никто не пытался оспаривать положение, захваченное им в штабе гвардии. Про него говорили: «Талантливый Доманевский».

Вдумываясь, однако, в действия гвардии в те периоды, когда его участие и влияние были вне сомнения, не видно, чтобы талантливость Доманевского оставила по себе заметные следы. В Люблинских боях осенью 1914 года Гвардейский корпус вводился в дело по частям (в чем управление корпуса, впрочем, было мало повинно), и бои не связались в общую корпусную операцию.

Ломжинский эпизод в феврале 1915 года, когда три гвардейские дивизии были остановлены во встречном бою германской ландверной бригадой, потеснены ею назад и принуждены к обороне, представляет собою печальный пример управления.

Нельзя было признать талантливым и литературное произведение, оставшееся в руках Безобразова — в подкрепление кавалерийских идей последнего, — об употреблении Гвардейского конного корпуса в массе для нанесения удара противнику в решительную минуту боя.

Странна была эта проповедь в 1916 году тактики кавалерии Мюрата 1812 года. Но выбить эту мысль из головы Безобразова было невозможно, и гвардейская кавалерия во время Стоходских боев летом 1916 года береглась для того, чтобы ринуться в тамошные мшисто-болотистые теснины под пулеметами противника!

Мне лично не пришлось наблюдать оперативную работу Доманевского; я никогда с ним не служил; но по рассказам сужу, что он обладал большой работоспособностью и огромной памятью. Но также и огромным самоумением, которое превосходило размер его полезных способностей.

Вскоре после Ломжинских боев, насколько помню, Доманевский уехал командовать одним из уланских полков и был возвращен в штаб гвардии, как я уже упомянул, в конце 1915 года на определенную теперь ответственную должность руководителя оперативной части в штабе под начальством графа Игнатьева.

Доманевский оставался все тем же природным «заправилой», но Игнатев не был повторением безличного и бесхарактерного Ностица*.

Несмотря на свою грузную с детства фигуру и физическую мягкость — в корпусе Игнатьева прозвали «дядя Распух», — он в нужных случаях был далек от мягкости.

Твердость свою он доказал в тяжелых боях преображенцев во время летних и осенних отступательных операций 1915 года. Вместе с тем он был умен и самолюбив. В служебных отношениях, как я смог убедиться, Игнатев доверял своим помощникам и предоставлял им свободу, но это не значило, что он позволил бы подчиненному «сесть себе на шею» и, еще менее, выказывать к себе открытое неуважение.

А это был как раз тот путь, на который вступил потерявший всякое чутье и зазнавшийся Доманевский.

Скромный по натуре Игнатев сам сознавал свою неподготовленность к большой штабной работе и рад был учиться, но не выслушивать дерзости и насмешки от своего ближайшего помощника, хотя бы и с репутацией «талантливого». Игнатев все же обнаружил довольно долгое терпение; тут могла играть роль поддержка Доманевского как Безобразовым, так и некоторыми старшими чинами вновь сформированного и еще не укрепившегося штаба. Кроме того, быть может, в начале совместной работы Игнатьева и Доманевского последний только набирал силу и разбег, и поведение его было сравнительно приличным.

* Летом 1915 г. его заменил в штабе корпуса генерал Антипов — более опытный офицер Генерального штаба. В это время Доманевского в штабе не было. Не было и Безобразова. Корпусом командовал генерал Олохов, офицер Генерального штаба. — *Прим. авт.*

Но чем медленнее назревала ссора, тем круче и сильнее должен был оказаться конечный взрыв!

Гвардия в эти первые месяцы 1916 года не вела боев и не стояла на позициях, состоя в стратегическом резерве Главнокомандующего и перемещаясь в тылу, в зависимости от обстановки, с одного фронта на другой.

В первых числах июня мы шли походом с севера к Молодечно. Это было время удачного перехода в наступление Юго-Западного фронта генерал-адъютанта Брусилова и развития крупной победы под Луцком.

Кроме приятных и освежающих известий с этого фронта, стали доходить на марше и неприятные слухи из штаба Гвардейского отряда, только что официально переименованного в «войска гвардии», а именно о разладе между Игнатьевым и Доманевским.

На следующий день, 9-го, я привел полк, исполняя маршрут, на очередную ночную стоянку. Расположив его по квартирам в деревушке и устроившись со штабом в отведенной мне избе, я умылся и пошел в близкое поле ржи пройтись перед ужином и отходом ко сну. Возвращаясь, я увидел, подходя к дому, полкового адъютанта, ожидавшего меня на пороге с каким-то пакетом.

— Из штаба «войск гвардии», привез мотоциклист, — доложил адъютант, — и ожидает ответа.

В глазах офицера, строго деловых, все же светилась искорка любопытства.

Но я не мог удовлетворить его: в конверте заключалось письмо от Игнатьева — секретное.

В нем он спрашивал меня, соглашусь ли я принять должность генерал-квартирмейстера в штабе «войск гвардии».

В тот же день я простился с офицерами полка, сдав командование старшему полковнику, и выехал в Молодечно, где стоял штаб гвардии.

И Безобразов, и Игнатьев встретили меня тепло, как гвардейского товарища и старого пажа. Игнатьев откровенно рассказал мне, что служба с Доманевским сделалась совершенно невыносимой и что даже «Воевода», которого Доманевский долго держал под обаянием своего авторитета, должен был, наконец, признать создавшиеся отношения невозможными. Доманевский к тому же постоянно пил и в «приподнятом настроении» превращался в заурядного нахала. Дерзил он, забываясь, и старику Безобразову не менее, чем Игнатьеву.

Я начал принимать должность и подчиненные мне части (телеграфные, авиационные), как вдруг появился Доманевский, решивший лично сдать должность и уйти «с треском». Он произнес речи перед телеграфистами и другими малочисленными командами, а в виде такого же жеста в отношении чинов квартирмейстерской части составил

прощальный приказ, который вручил мне для отпечатания и издания. Содержание этого документа было изумительно: в нем сказался весь Доманевский и его мания величия.

К каждому из офицеров он обратился с отдельным словом начальнического наставления, вроде «А полковнику Л. советую побольше выдержки» и т. д., заключив это отпуском всех прегрешений своих помощников, а мне — пожеланием удачно справиться со своей должностью.

Отдачей такого небывалого приказа Доманевский хотел, вероятно, заменить им благодарственный приказ самому себе, на который, разумеется, не мог рассчитывать в тех острых условиях.

Но, само собою понятно, что это произведение не увидело света, так как ни Игнатъев, ни я не могли допустить оглашение этого странного документа*.

* * *

В начале июля гвардия была посажена в поезд и перевезена на Юго-Западный фронт, к Луцку, где решили ввести ее в дело для развития достигнутого там успеха. Штаб погрузился 1 июля.

Таким образом, я сразу попадал с ним в гущу боевых действий и должен был на первых же порах окунуться в настоящую оперативную работу.

Нельзя сказать, чтобы я чувствовал себя вполне в своей тарелке в новой роли.

Атмосфера в штабе была приятная и гвардейская, но в чисто штабном отношении не хватало должной техники. Я уже говорил выше, что преподавать и наладить ее не могли ни Безобразов, ни Игнатъев. За вычетом ушедшего Доманевского в штабе осталось всего два офицера с некоторым штабным опытом и в форме Генерального штаба. Умудрились составить штаб не только почти исключительно из гвардейских офицеров, но и продолжавших носить мундир своих полков. Так, ответственным разведывательным отделением квартирмейстерской части ведал полковник лейб-гвардии Конного полка Н. Н. Б., с академическим значком, но до того никогда в штабах не служивший. Другим, второстепенным отделением начальствовал полковник лейб-гвардии Гродненского полка В. Помощники начальников отделений в моем отделе были два семеновца, один лейб-гренадер и один гвардейский конно-артиллерист — все со школьной, академической скамьи, но не получившие еще права на перевод в Генеральный штаб и носившие форму своих частей.

С моим приездом появился еще один мундир, измайловский.

* Копия его сохранилась в моем личном архиве — как курьез. — *Прим. авт.*

Этот строевой гвардейский вид штаба гвардии и почти полное отсутствие серебряного прибора и аксельбантов Генерального штаба, непопулярных в войсках, нравились гвардейскому офицерству. Когда какая-нибудь строевая часть проходила мимо нашего штаба, музыка или хор кавалерийских трубачей играли по одному колену трех полковых маршей: кавалергардского — для Безобразова, преображенского — для Игнатьева и измайловского — для Геруа.

Отношения у меня с Безобразовым и Игнатьевым установились прямые и добрые. Довольно скоро стало ясно, что мое «временное» командирование решено превратить в постоянное назначение. Возникал вопрос, как быть с моим полковничьим чином и с полком? Назначить меня генерал-квартирмейстером до утверждения в должности командира полка, т. е. до производства в генералы, было бы странно и неловко. На это я не мог согласиться, и оба мои начальника хорошо это понимали. Повторялась скучная история с Козловским полком!

К производству я был представлен за боевое отличие 30 августа 1915 года, в день, когда я командовал при отходе к Вильно родной 2-ой бригадой, состоявшей из Измайловского и Егерского полков. Но это представление совершало утомительное «хождение по мукам», т. е. по высшим штабам, в которых оно либо попадало «под выжидательное сукно», либо просто погребалось, либо снова выплывало на свет Божий. Просматривая мои письма к жене за этот период, я вижу, что порядочно надоедал ей вестями о приключениях этого незадачливого путешественника — моего производства. Вспоминались слова А. С. Саввича: «Поразительно, с каким трудом дается вам то, что причитается, и что другие получают без малейшего труда и волокиты».

Но теперь, под крылом Безобразова, умевшего стоять за своих подчиненных, дело это приняло более энергичный и благоприятный оборот, и мне оставалось недолго ждать своего превращения в генерала.

Познакомиться с Безобразовым ближе было интересно. Он получил первое понятие обо мне еще до войны, когда я исполнял обязанности начальника штаба пулеметных сборов Гвардейского корпуса — два лета подряд, в 1913 и в 1914 годах. Он остался доволен организацией и проведением этих учебных стрельб и занятий, а также нашими подробными отчетами, выводы которых подтвердились наступившим вскоре боевым опытом. Мы указывали на то, что пулемет достиг зрелости и употребление его должно быть расширено; оно должно быть выведено из пробного периода, вследствие которого у нас на батальон полагалась жалкая пара пулеметов.

За мою работу на этих сборах Безобразов представил меня к ордену Святого Владимира 3-й степени вне очереди, и я неожиданно для себя получил его 6 декабря 1914 года, будучи уже на фронте. Получил

и недоумевал — за что и откуда. Лишь по прибытии на службу в штаб «войск гвардии» я узнал источник награждения. Однажды Безобразов спросил меня, посмотрев на мой шейный крест, успевший украситься «мечами», тот ли это Владимир, к которому он меня представил два года тому назад.

В. М. Безобразов* принадлежал к числу редких старших начальников, сумевших стать близко к войскам. Его знали и ценили офицеры, а через них верили в него и солдаты. Объяснялось это доступным, человечным и заботливым характером Владимира Михайловича. Известная мягкость не мешала его служебной требовательности, которая в гвардии выражалась в достижении во всем отчётливости и в поддержании особого духа, построенного на том, что кому больше дано, с того больше и спросится. Безобразов считал, что гвардию на войне нужно беречь для крупных задач и не трепать ее по мелочам. Это ему она была обязана выводом в стратегический резерв в 1916 году для приведения в порядок, почти напоминавший мирное время, и в настоящую численность военного времени. В Измайловском полку под Сморгонью, осенью 1915 года, после 2 1/2-месячной боевой страды насчитывалось менее 1000 человек (800–900) и 12 офицеров, а на походе к Молодечно — 5000, при почти полном числе офицеров.

Без помощи благоволившего к «Воеводе» Государя меру эту едва ли удалось бы провести. Но Безобразов ее добивался и добился, напоминая, что гвардия не только «ударное» войско, но и оплот престола. Государь поддержал.

К сожалению, как увидим в своем месте, наша тыловая гвардия, запасные петербургские полки, разросшиеся до размеров армии, но безоружные, бездельные и без офицеров, сохраняли свою независимость и оказались не оплотом, а одной из главных причин гибели престола.

А крепкие действующие войска находились далеко и были оторваны от столицы большим расстоянием, когда разразились первые волнения в Петербурге в 1917 году.

Хорошим качеством Безобразова было его желание учиться и также способность понять и принять новую мысль. Но в некоторых своих «коньках» он был упрям и несдвигим — как, например, в вопросе употребления конницы.

* Родился в 1857 г. Из пажей вышел в лейб-гвардии Гусарский полк в 1877 г. Командир 26-го Бугского драгунского (1896) и затем Кавалергардского полков. Далее — начальник Офицерской кавалерийской школы (1906), начальник гвардейской кавалерийской дивизии и командир Гвардейского корпуса (1911), генерал-адъютант. Скончался в Ницце в 1932 г. — *Прим. ред.*

Владимир Михайлович умел слушать, но сам даром слова не об­ладал и начинал обыкновенно ставшей известной во всей гвардии фразой: «Ну, вот это...»

Каждый офицер знал, что может, если нужно, непосредственно обратиться к гвардейскому «батке», который не откажет в искреннем и разумном совете, продиктованном житейскою мудростью, или в по­мощи.

Командовать гвардией, держать ее в руках и пользоваться общим ее доверием было нелегко: вокруг офицерства сплетались сложные петербургские влияния, в жизнь гвардии вмешивались великие князья, Двор, всяческие сановники и тузы, не говоря о дамских салонах с их маменьками и тетушками.

Угодить всем было невозможно, но Безобразов вел свою собственную прямую линию и не боялся наживать врагов на стороне. Их расплодилось во время войны много между Ставкой и Петербургом. Безобразов отдавал себе в этом отчет и как-то в откровенной беседе со мною ска­зал: «У меня есть доброжелатели, но врагов больше. Они свалят меня».

Слова эти оправдались, увы, слишком скоро!

Лично для себя Безобразов не искал почестей, но за вверенные ему войска болел и — как увидим ниже — не останавливался перед лю­быми средствами, чтобы заступиться за них и выдвинуть их заслуги, не прибегая при этом к прикрасам и искажениям.

Физически Владимир Михайлович был большой и несколько грузный человек, с крупными чертами лица, со слегка вьющимися седыми волосами на голове и с еще темной бородкой. Один из адъютантов Безобразова уверял, что я — по этому признаку в распределе­нии седины — его «двойник» или что нарочно загримировался под «Воеводу».

Последняя кличка подходила и к его древне-барским манерам, и к наружности. Боярская шуба или кафтан XVII века пошли бы к нему гораздо больше, чем китель защитного цвета или немецкий ко­лет и кираса Кавалергардского полка.

Из особенностей, напоминающих старину, помню необычайное число образков и крестов, которые Безобразов носил на груди, под рубашкой, на золотой цепочке. Это было собрание величиною с кулак. Оно было видно, когда Владимир Михайлович расстегивал китель и во­рот рубашки, сидя в своем блиндаже в жару. И именно в жару этот ме­таллический клубок на голой груди должен был давать себя чувствовать.

Безобразов был хорошего здоровья и вынослив в свои тогдашние 59 лет, но начал сдавать на ноги и предпочитал сидеть, если это было можно. Поэтому, в случаях, когда генерал посещал полки, он нико­гда не спешил без особой нужды и оставался верхом, разговаривая с людьми или с офицерами.

Безобразов связал духовно существование свое и гвардии настолько, что, уйдя в эмиграцию, не переставал в своих мечтах о возвращении старого порядка в России видеть в первую голову Императорскую гвардию под своей командой. Он даже совершил поездку по Европе, составляя из эмигрантов список скрытых кадров Гвардейского корпуса, преимущественно из тех, кого лично знал. Не знаю, кого он взял к себе начальником штаба, но адъютантом предназначался полковник, который занимал эту должность в 1916 году и которому в 20-х годах перевалило за 45.

Это наивно-романтическое мечтание все же симпатично и характерно для Безобразова, в воображении которого, очевидно, командование русской гвардией являлось полным завершением его земных желаний.

Владимир Михайлович был похоронен в Ницце со всеми возможными воинскими почестями от французов как кавалер Большого креста Почетного легиона. Как командира Гвардейского русского корпуса его проводили в могилу многие бывшие подчиненные и поклонники, проживавшие на юге Франции, а у его гроба стояло дежурство из когда-то молодых, а теперь седых и лысых гвардейских офицеров, одетых в неважное штатское платье.

Я довольно много уже сказал выше об Игнатьеве. Хочу прибавить здесь лишь несколько слов. Как и в Безобразове, в нем ничего не было иностранного, что так часто встречалось в России на верхах общества, армии, чиновничества и особенно Двора. Николай Николаевич был сыном Николая Павловича, яркого славянофила и знаменитого офицера-дипломата, ярко блеснувшего в этой роли еще в 1860 году, когда 28-летний генерал-майор Игнатьев в Китае добыл для России левый берег рек Амура и Усури*, а затем стяжал себе славу Сан-Стефанским договором с Турцией в 1878 году**. Игнатьевы нашего поколения оставались верными русской традиции. В семьях, его собственной и его брата (киевского губернатора в конце 1900-х годов, потом министра народного просвещения), боролись с принятой в русском высшем обществе манерой шеголять французскою и другою иностранною речью. Это, конечно, не мешало изучению языков, и сам Николай Николаевич хорошо их знал, но не приправлял разговор без надобности и в изобилии французскими пассажами.

* Речь идет об Айгунском договоре 1858 г. между Россией и Китаем. — *Прим. ред.*

** Заключен 19 февраля (3 марта) 1878 г. по итогам русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Одни из ключевых положений — присоединение ряда территорий на Кавказе и независимость Болгарии. Пересмотрен в рамках Берлинского конгресса 1878 г. — *Прим. ред.*

Он много читал и постоянно себя образовывал; хорошо знал историю. Был религиозным, опять-таки по-русски — с иконами, с не рассуждающей верой, с глубоким духовным философским мышлением. У Игнатьева бывали минуты, когда он вдруг становился «не от мира сего». Он даже определенно говорил мне, что мечтает... о монашестве! Совершенно несомненно, что его честолюбие оставалось в зачаточном состоянии, и его немалые служебные достижения — Государева Свита, командование первым, старейшим полком, Георгиевские крест и оружие, штаб «войск гвардии», впоследствии, уже после революции, командование 1-ой гвардейской пехотной дивизией — все это скользило по нему, совершенно не затрагивая его духовной сущности.

В последний раз я видел его в эмиграции, в Англии, в 1920 году на работе в саду своего брата, который арендовал тогда ферму близ Гастингса, переименованную им, к ужасу английских почталыонов и лавочников, в «Круподерку» — как называлось киевское имение графов Игнатьевых.

Николай Николаевич в русской рубаше мастерил курятник, во все горло распевая народные русские песни. Если бы не эти песни, я легко мог представить себе Игнатьева за этой работой в монашеском подряснике — и вполне счастливым. Он не мечтал о скрытых кадрах штаба «войск гвардии» или 1-ой гвардейской дивизии!

Довольно скоро судьба улыбнулась ему и послала место по душе: болгары, в память его отца, предоставили ему должность библиотекаря в военном министерстве.

Приходилось слышать, что русские люди, встречаясь с ним в Софии, поражались его отвлеченности и бесстрастному отношению к тому, как «русский народ сам устроил свою судьбу».

* * *

Как я уже коротко сказал выше, порядки, завещанные мне Доманевским в генерал-квартирмейстерской части, меня не удовлетворили и беспокоили. Было очевидно, что всю работу он стремился сделать сам, и потому его ближайшие помощники превратились в слепых и даже несколько запуганных исполнителей. В условиях этой единоличной системы не имело особенного значения — насколько эти помощники сами по себе были подготовлены и на месте.

Первое, что мне бросилось в глаза, — это именно их несоответствие порученным им отделениям. Конногвардеец Б. имел самые наивные представления об организации армейской разведки и о составлении сводок. Первые же его доклады показали, что он с делом не знаком и не может сам служить тем живым и надежным справочником, всегда наготове, которым должен быть хороший начальник разведывательного отделения.

Во главе оперативного отделения стоял подполковник Л. Генерального штаба, из финляндских уроженцев, едва не получивший от моего предшественника напутствие «выказывать больше выдержки». Как раз в выдержке этому честному, усердному и военнообразованному офицеру никак нельзя было отказать — недаром в нем текла скандинавская кровь. Но по той же причине это был сравнительно тяжело-дум и медлитель, не подходивший к темпу оперативной работы.

Больше на своем месте казался начальник службы связи, подвижной и толковый капитан Генерального штаба Т., но, в общем, лица были приставлены, точно нарочно, к делу, в котором они могли принести наименьшую пользу. На всей организации генерал-квартирмейстерского отдела лежал очевидный отпечаток любительства. Несомненно также, что велик был процент гвардейских офицеров, самоуверенно устроившихся на серьезных штабных должностях с мыслью, что «не боги горшки обжигают».

Правда, у новорожденного штаба «войск гвардии» и ее квартирмейстерской части еще не было боевого испытания — нахождение в стратегическом резерве слишком походило на красносельское времяпровождение, — но это не могло служить оправданием слабой налаженности штабной работы. Все нужные ее элементы должны были состоять в полной готовности и исправности, как хорошо собранная, смазанная и проверяемая машина.

Мне пришлось начать с перемещения Л. на более подходившую ему должность начальника разведывательного отделения и с удаления Б. в распоряжение Безобразова. Начальника оперативного отделения приходилось просить со стороны, из числа офицеров, которые имели уже в этом деле опыт. В этом отношении мне очень повезло: предложили начальника оперативного отделения 1-ой армии, составившего себе отличную репутацию. Это был подполковник Николай Владимирович Соллогуб, который со своей стороны стремился перевестись в войска гвардии — сам бывший гвардеец (начал службу в лейб-гвардии 2-м Царскосельском стрелковом полку).

Прибыл этот офицер как раз во время боев гвардии на реке Стоходе и сразу показал себя способным сделаться настоящей правой рукой генерал-квартирмейстера, что естественно требуется от начальника оперативного отделения. Это был умный, знающий, тактичный, уравновешенный человек и превосходный организатор. Ловкими своими руками он быстро слепил из имевшегося материала основное отделение штаба, постепенно завоевавшее себе авторитет и всеобщий почет. Вместе с тем он объединил вокруг себя подчиненную ему молодежь Генерального штаба, сделав для них работу приятной и интересной. Благодаря Соллогубу спокойная и уверенная атмосфера водворилась сначала в круге его непосредственного влияния, а затем ею заразились и соседи.

С этим выдающимся офицером мне суждено было работать, с маленьким перерывом, вплоть до фактического окончания войны, т. е. до осени 1917 года. Я привлек его на должность генерал-квартирмейстера в штабе 11-й армии, когда я был ее начальником штаба, и вместе с ним мы потом «сели на скамью подсудимых» при разборе так называемого Корниловского заговора в первых числах сентября, в Бердичеве*. И вместе с ним, оправданные, при немом содействии судейского генерала, уехали в Петербург, отряса прах от революционной пыли, окутавшей густым облаком фронт, войска и штабы.

Подчинен мне был по должности генерал-квартирмейстера авиационный дивизион гвардии. Состоял он из старомодных Ньюпортов** и т. п., летать на которых, по мнению захваченных нами австрийских и германских летчиков, означало самоубийство. Машины действительно имели ненадежный вид. Они постоянно портились; вечно чинились и латались. Дивизионом командовал кавалергардский ротмистр Н. С. Воеводский***, а в числе летчиков-«самоубийц» находился мой старый знакомый по лейб-гвардии Егерскому полку — Н. Н. Моисенко — «Великий»****. Оба — пажи.

Помощь нашей авиации вообще, а гвардейской в частности, была ничтожной. Мы слишком заметно уступали противнику в этой области и состязались с ним вяло, по мере наших нищенских сил и возможностей.

Воздушная разведка, фотографирование и бомбардировки требовали разделения задач и большого числа аппаратов. Протягивая ножки по одежке, авиация наша работала, постоянно прихрамывая, спорадически и универсально.

Это была не военная авиация, а игрушка.

1 июля штаб гвардии двинулся из Молодечно по железной дороге на Юго-Западный фронт. Войска направлялись на Луцкий его участок, а Безобразов, Игнатьев и я проехали в Бердичев на свиданье с Главнокомандующим, генерал-адъютантом Брусиловым.

Свидание это произошло 4 июля. Начальником штаба у Брусилова был генерал Клембовский (бывший измайловец), а генерал-квартирмейстером у него мой киевский сослуживец Н. Н. Духонин.

* **Бердичев** — известен с XIV в. В составе России с 1793 г. Ныне — территория Украины. — *Прим. ред.*

** Речь идет об истребителях французской авиакомпании Ньюпорт. — *Прим. ред.*

*** В эмиграции, в Лондоне, успешно занялся делом большого магазина антикварной мебели. — *Прим. авт.*

**** После революции устроился летчиком во французскую авиацию, а затем пошел по актерской части, кончив перед войной 1939 г. в роли конферансье и почти директора известной балиевской труппы «Летучая мышь». — *Прим. авт.*

Совещание оказалось коротким, так как роль гвардии была предрешена. Ее сосредоточивали к западу от Луцка с целью развития успехов, достигнутых в этом районе 8-ой армией. Предполагали прорвать свежей ударной массой фронт противника на путях к Ковелю* и овладеть этим пунктом, в то время как 8-я армия будет содействовать, наступая левее, на Владимир-Вольнск**.

Сообщив нам это решение, Клембовский и Духонин провели нас в оперативное отделение, где на большой стенной карте показали, на каких участках фронта гвардия должна была сменить понесшие потери и усталые войска. Это участок упирался почти на всем протяжении в реку Стоход с ее широкой болотистой долиной. На сухом месте, на правом фланге, к северу от реки, был расположен 3-й армейский корпус, который на время операции подчинялся Безобразову.

В заболоченных окопах по реке Стоходу стояли части 39-го корпуса Стельницкого, которые нам предстояло сменить.

С грустью и недоумением взглянули мы на поле нашей будущей атаки. Сначала открытая и плоская, как ладонь, полоса Суходольских болот, необходимость форсировать реку, а затем лесисто-болотистые дефиле, которые тянулись до самого Ковеля и которые можно было защищать малыми силами с достаточным числом пулеметов и орудий против превосходных сил.

Сомнениям нашим не дано было развиваться и вылиться в спор, так как вслед за общими указаниями последовало со стороны Брусилова и его оперативного штаба прямое указание — что делать. Как бы решая задачу за Безобразова, Клембовский с Духониным указали нам и участок, на котором должен был быть произведен удар.

Это был как раз болотистый фронт левого фланга, где нам предстояло сменить 39-й корпус.

В распоряжение Безобразова давалось еще два корпуса (1-й армейский и 30-й), кроме двух своих Гвардейских и Гвардейского кавалерийского корпуса. Таким образом, получалась настоящая армия.

Почему штаб Юго-Западного фронта так точно и узко обозначил нашу задачу, выяснилось впоследствии. Директивой Ставки было указано «атаковать Ковель с юга».

Идти на Ковель с юга, не замочив ног и не попав в лесистые теснины, было нельзя.

Старый гвардеец Безобразов поступил в этом вопросе по-строеному и, как бы приложив руку к козырьку, сказал: «Слушаю-с!»

* **Ковель** — город с 1518 г. С 1795 г. в составе России. Ныне — Украина. — *Прим. ред.*

** **Владимир-Вольнск** — первое упоминание в X в. В составе России с 1795 г. Ныне — Украина. — *Прим. ред.*

Будь на месте Безобразова другой, скажем, Василий Гурко, он не покорился бы так легко решению задачи за него и настоял бы затем на изменении ее редакции в окончательной директиве.

Единственное, что мы выговорили у Брусилова — это отсрочку, чтобы успеть познакомиться с местностью, произвести разведку противника и основательно расположить артиллерию. Штаб фронта तो рошил и хотел, чтобы мы атаковали через пять дней!

Одновременно должен был перейти в наступление весь Юго-Западный фронт. Левым нашим соседом являлась 8-я армия Каледина*, правым — 3-я генерала Леша.

Кипучая наша штабная работа началась немедленно после получения этих указаний, данных, к сожалению, на словах. Впоследствии нас обвинили наверху в неудачном выборе участка для удара. Хорошо еще, что сохранилась на бумаге эта фраза позднейшей директивы Ставки «атаковать Ковель с юга».

Штаб «войск гвардии» перешел 5 июля в местечко Олыка, где расположился в обширном и мрачном замке какого-то польского магната. В этом замке были все средневековые атрибуты: башни, бастионы, рвы — и даже в одном из них медведи на цепях.

В ближайших окрестностях можно было видеть бывшие австрийские позиции, взятые нами во время первого майского удара.

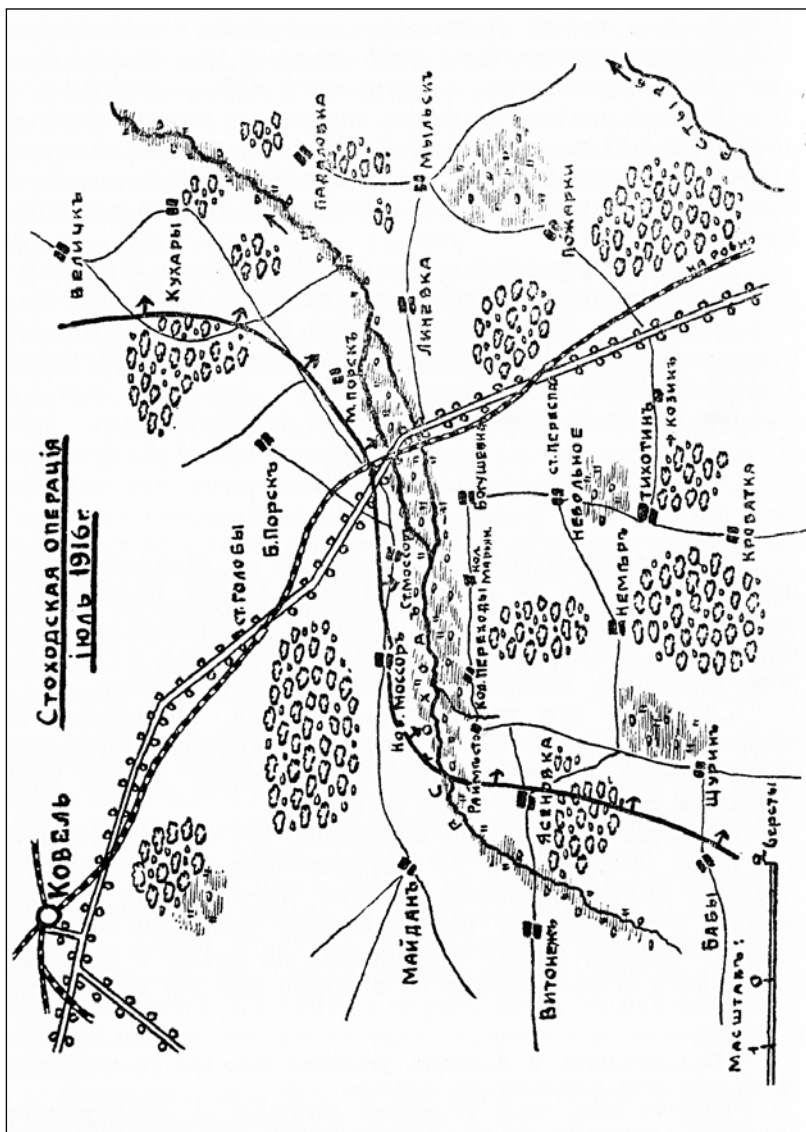
Простояли мы в Олыке три дня, а 9-го перешли в местечко Рожиче, в небольшом расстоянии к северу от города Луцка; этот последний Безобразов миновал намеренно, чтобы не стоять в одном месте со штабом 8-ой армии, там расположенным.

Все эти дни до атаки, назначенной теперь на 15 июля, прошли в непрерывной подготовке к ней — в сосредоточении войск, их предбоевой группировке, разведках, особенно для артиллерийского огня.

Времени все же было мало, так как превосходная летняя погода вдруг сменилась проливными дождями и сделала трудными условия наблюдения. Оно могло быть только наземным, так как весь наш авиационный дивизион к этому времени числился инвалидом, а старшие штабы не дали других средств — вероятно, и не могли. Новые самолеты прибыли к нам и были собраны лишь к 27 июля, т. е. явились горчицей после ужина.

Погода снова исправилась дня за два до атаки, но все многочисленные болота долины реки Стохода за время дождей сильно разбухли и не успели подсохнуть к 15-му числу. Это увеличило вязкость

* Выдвинулся в начале войны как начальник 12-й кавалерийской дивизии. Потом командир 12-го корпуса. В 1918 г., в период Гражданской войны, выборный атаман Войска Донского. Застрелился, когда это войско развалилось и большевики начали овладевать Донской областью. — *Прим. авт.*



и труднопроходимость полосы, которую предстояло пересечь войскам, чтобы дойти до самой реки.

Наше исходное для атаки положение имело вид ломаной линии, исходящий угол которой оседлывал шоссе Ковель—Луцк и упирался в реку Стоход. Южнее линия, по которой гвардия сменила части 39-го корпуса, упиралась в треугольник болот восточного берега течения Стохода. Правее шоссе образовывался входящий угол, частью шедший по самому берегу Стохода (здесь стоял на позиции еще до нашего появления 1-й армейский корпус), частью пересекавший излучину реки (позиция 30-го армейского корпуса).

Как уже было сказано выше, на участке главного удара, отведенном для гвардии — для атаки Ковеля «с юга» — предстояло сначала переправиться через Стоход — правда, проходимый вброд, но текший по широкой мокрой долине, — а затем втянуться в узкие проходы между болотами и лесами по направлению к Озеряне.

На правом фланге гвардейского фронта мы поставили 1-й Гвардейский корпус; на левом — 2-й, добившись от штаба фронта представления нам здесь лишних 4 верст по фронту, чтобы получить «кусочек» более сухого места.

Оба корпуса, в особенности 2-ой, были эшелонированы в глубину с расчетом образования достаточных резервов для поддержки и развития удара. Так как, несмотря на очень сильный состав полков (свыше 3000 человек каждый), каждый батальон при довольно растянутом фронте был на счету, я поднял вопрос о постановке на пассивном (по крайней мере, в начальный период атаки) участке Стохода, в исходящем угле нашего расположения, спешенной кавалерии. Ее было у нас более чем достаточно. Игнатьев поддержал меня, но Безобразов, живший идеей Доманевского об употреблении гвардейской конницы не иначе как в составе цельного корпуса, решительно этому воспротивился.

Пришлось лишиться двух семеновских батальонов и посадить их «наготове» в лесах на левом фланге 2-го Гвардейского корпуса.

1-й армейский корпус и 30-й получили задачи наступать правее Ковельского шоссе, стремясь выдвинуться за Кухарский лес и выйти на это шоссе с востока, в связи с действиями гвардии. Местность на этом участке фронта — сухая и доступная — более благоприятствовала наступлению с прорывом, чем приходившаяся на долю гвардии. Но армейские корпуса, не успевшие пополнить свои потери, стояли в меньшем численном составе.

Правее войск гвардии должна была наступать 3-я армия Леша (с которым Безобразов поссорился при отходе Гвардейского корпуса от Холма примерно год тому назад и сложил свое командование). Левее — 8-я армия Каледина.

День 15 июля — именины нашего «Воеводы» — выдался, как говорится, «на заказ». Была прекрасная, пожалуй, слишком жаркая погода. Условия наблюдения оказались хорошими, и наша артиллерия справилась с задачей разрушения неприятельских пулеметных гнезд, проволочных заграждений и окопов. На артиллерийскую подготовку атаки было дано 7 часов.

Ровно в 1 час дня люди штурмующих полков вышли из окопов и дружно двинулись в атаку.

Вскоре стали поступать сведения, пестревшие именами полков, взявших те или другие участки неприятельских окопов. «Овладели третьей линией», «ворвались во вторую линию», «остановились перед неразрушенной проволокой», «артиллерия пробивает дополнительные проходы»...

В общем, было ясно, что от первого толчка противник не устоял и что наши гвардейцы недаром имели долгий отдых; они справились и с неприятным болотом, и с австрийцами, поддержанными более упорными германцами.

Лейб-егеря имели красивое дело у колонии Переходы — хорошо укрепленной деревушки близ правого фланга гвардейской атаки.

В таком же духе обозначился результат дневного боя на фронте армейских корпусов. Они также продвинулись за линию неприятельских окопов, заходя при этом своим правым плечом.

К вечеру наша ближайшая задача — прорвать основную позицию противника — была выполнена. Оставалось на другой день довершить этот успех и развить его.

Днем в Рожище понаехало с тыла много всякого лишнего люда, движимого желанием до некоторой степени приобщиться к ожидавшимся «блестящим» победам войск гвардии.

Тут были корреспонденты, разные краснокрестные, думские и земские деятели: частью знакомые, частью новые лица.

На самой середине большого внутреннего двора усадьбы, в которой был расположен наш штаб, сидел Великий князь Борис Владимирович на одиноком венском стуле, вынесенном специально для него из соседнего помещения. Сидел он на полном солнцепеке и имел мрачно-скупающий вид*. Но один из сопровождавших его офицеров не терял времени, ибо поместил затем в газете «Новое время» описание дня 15 июля, каким он был в штабе гвардии, и притом напечатал кое-какие детали, которые относились к нашим планам и должны были составлять военный секрет.

* Незадолго перед тем Великий князь Борис Владимирович был назначен атаманом всех казачьих войск. Собственно к операции он не имел никакого отношения. — *Прим. авт.*

После 5 часов дня эскадрилья немецких самолетов совершила первый налет на Рожище, как бы мстя нам за удавшийся удар. Бомбы причинили много вреда, хотя самолетов было всего шесть, а бомб 30; но у нас ничего в смысле убежищ еще не было сделано — или очень мало. Были хорошо спрятаны и прикрыты только наш телеграф и телефоны, но и то, кажется, поторопились с этим после первого налета.

В числе жертв был мой товарищ по Пажескому корпусу Юрий Михайлович Хитрово, в мирное время служивший, в придворном звании, по Министерству Двора и ставший во главе гвардейского краснокрестного передового отряда за несколько дней до нашего большого боя. Это был симпатичный, способный и образованный человек с большим юмором, недурной поэт, по натуре глубоко штатский; он очень скоро после окончания корпуса покинул военную службу. Судьба же приготовила ему чисто боевую смерть.

Лично для меня 15 июля ознаменовалось получением из Ставки телеграммы о состоявшемся назначении меня генерал-квартирмейстером штаба войск гвардии*.

За неделю перед этим состоялось мое столь долгожданное производство (Высочайший приказ от 7 июля). Я оказался задним числом «старым» генералом, ибо мне дали старшинство в 10 месяцев (с 30 августа 1915 года), и в этом смысле я с избытком наверстал время и даже обогнал многих.

Вспоминаю, что в день получения телеграммы об этом из Ставки от Кондзеровского (дежурного генерала, старого егеря) у нас в Рожище было совещание корпусных командиров о предстоящей атаке.

Я участвовал в нем вначале в чине полковника, а после перерыва вернулся в генеральских погонах, о которых позаботился милый Игнатьев.

Начальник штаба 1-го армейского корпуса генерал-майор Ф. Ф. Новицкий заметил по этому поводу:

— Вот выгодно служить в гвардии: полчаса тому назад был полковник, пошел закусить и вернулся генералом!..

16 июля войска армии Безобразова продолжали бой, продвинувшись дальше на некоторых участках, но, к сожалению, продвижение это было «до отказа». Крупнее успех выпал в этот день на армейские корпуса. Впоследствии сделалось известным, что они сильно расстроили находившуюся против них 41-ю гонведную дивизию и совершенно уничтожили 31-й гонведный полк.

* Подлинный текст телеграммы генерал-квартирмейстера Ставки Пустовойтенко: «14 июля последовало Высочайшее соизволение на назначение командира лейб-гвардии Измайловского полка генерал-майора Геруа генерал-квартирмейстером штаба войск гвардии с переводом в Генеральный штаб и с зачислением в списки командуемого им полка». — *Прим. авт.*

Гвардия имела накануне дело с 29-й австрийской дивизией и частями 19-й и 121-й германских дивизий.

За два дня боя были взяты трофеи: до 10 000 пленных, примерно поровну распределившихся между гвардией и нашим правым крылом, из них германцев — до 1000 человек нижних чинов и 19 офицеров. Австрийских офицеров взяли до 150. Среди разной добычи было много пулеметов, но самым существенным трофеем являлись 46 орудий, из них 17 большого калибра. Это показывало глубину проникновения в позиционный район неприятеля.

Но в тылу у него были заранее заготовлены укрепленные опорные пункты и позиции, которые он успел занять подошедшими резервами. Выгода внезапности удара исчезала. У нас все было введено в дело и для пробития этих новых «пробок» в глубине расположения противника не хватало собственных резервов. Штаб фронта, со своей стороны, не собирался нас поддерживать и помогать развить достигнутый успех.

В ограниченности его на участке гвардии, кроме трудной местности, играло роль полное отсутствие у нас тяжелых калибров артиллерии. Нечем было скоро и решительно разрушить, например, солидно укрепленную позицию у деревни Витонез на левом берегу Стохода или предместное укрепление у Ловишенского дефиле. Мы докатились до этих «пробок» и остановились. Против Витонеза предпринимали позже новые атаки, но мы смогли лишь утвердиться на неприятельском берегу Стохода на ближайшей к селению высоте 90.

Тактический результат этих боев получился бледный: мы лишь выпрямили прежнюю ломаную линию, сделав захождение флангами по обе стороны вершины исходящего угла — пассивного участка на Стоходе, у шоссе.

Стратегически достигнутое продвижение, разумеется, никак не выразилось на карте 10-верстного или 25-верстного масштаба.

Оставалось утешаться некоторыми трофеями. Но и тут гвардию и Безобразова постигла неудача, как увидим ниже.

21 июля Безобразов, взяв меня, выехал в Луцк на совещание с Брусиловым. В этом совете, носившем вначале характер разноса, принимал участие и командующий 8-ой армией Каледин. Из трех стратегических «тузов» блистал быстротою суждений и схватки молодой, сухой Брусилов. Остальные два были тяжеловаты, но в Каледине все же чувствовались и уверенность, и опыт. Увы, Безобразову не хватало и этих качеств. Бедняга путался в цифрах и даже фактах и, начиная свои соображения фразой «ну вот это», не умел выпукло выразить свою мысль и убедить начальство. Быть может, вследствие этого нам и было отказано в дополнительном корпусе для повторения удара — на этот раз на сухом, правом участке нашего фронта. Повторить разрешили, но приказали рассчитывать только на свои собственные силы и средства.

Нам, таким образом, ничего не оставалось, как сделать крупную перегруппировку и собрать на правом фланге не менее трех корпусов. С этой целью 1-й Гвардейский корпус был введен на участок между 1-м армейским и 30-м, которые должны были потесниться и образовать у себя резервы. На участке вдоль реки Стохода с его болотами растянули 2-ой Гвардейский корпус и, частью, посадили в окопы спешенную конницу. Помня уроки даром простоявших двух кавалерийских дивизий в дни 15 и 16 июля, Безобразов на этот раз не возражал против «святотатства».

Три корпуса на участке примерно в 8 верст кажутся довольно крепким молотом. Но у них по-прежнему была только их полевая артиллерия, не было ни одного самолета, а число штыков, сравнительно с началом боев, значительно сократилось. Мы понесли серьезные потери в предыдущих боях. Большой процент потерь легко объяснялся огненным превосходством неприятеля — в орудиях, калибрах и пулеметах; то, чего удалось достигнуть, было достигнуто доблестью и порывом пехоты, шедшей вперед невзирая на этот огонь, косивший наши цепи.

Нельзя было уменьшить потери и посредством маневра. Начать его мечтали после совершения прорыва — неизбежно лобовой операцией. Но этим мечтам не суждено было сбыться, как мы знаем.

24 июля закончили все передвижения в предвидении новой атаки, а 26-го произвели самую атаку.

Она кончилась неудачей.

Нужно было овладеть Кухарским лесом (близ реки Кухары), который тянулся перед фронтом 30-го и 1-го Гвардейского корпусов и был сильно занят противником. По выходе на западную опушку этого неглубокого леса атакующий мог рассчитывать преследовать сбитого неприятеля по открытой, слегка волнистой местности и захватить Ковельское шоссе. Но для успеха этого преследования необходимо было, конечно, деятельное и точное участие артиллерии. Между тем наши артиллерийские наблюдательные пункты на протяжении почти всего фронта атаки были ослеплены Кухарским лесом, который стоял перед нами как ширма. Заглянуть за нее можно было с самолетов. Повторяю — в нашем распоряжении тогда трагически не имелось ни единого аппарата, и мы не знали, когда придут ожидавшиеся новые. Откладывать атаку в этом неопределенном ожидании Безобразов не хотел. И без того на него уже сыпались сверху и с боков упреки за малые результаты операции, достигнутые с непомерно большими потерями. Безобразов торопился держать «переэкзаменовку» и верно расценивал несомненно критическое отношение верхних штабов ко всякой его просьбе об отсрочке новой атаки.

Драма этого раздвоения между тактической необходимостью и личной психологией начальника предстала с особой яркостью, когда на другой день после неудавшейся атаки мы получили известие, что пришли самолеты!..

Помимо трудностей артиллерийского наблюдения в глубину неприятельского расположения, нужно было еще совладать с неумением и с нелюбовью русских войск действовать в лесах. Этот наш недостаток был хорошо известен всем и каждому в русской армии. Иностранцы же справедливо изумлялись — почему, принимая во внимание огромные площади лесов, которыми было покрыто чуть не $\frac{2}{3}$ Европейской России, не говоря уже о Сибири. Казалось, русские должны были быть экспертами в лесной войне.

Так как ближайшей задачей нашего ударного крыла было овладение восточной окраиной Кухарского леса и прохождение через него, лесной бой являлся первым актом пехотной атаки. Штаб войск гвардии выпустил по этому случаю краткое наставление — в страничку или две — с напоминанием основных особенностей лесных действий, о характере строев, о том, как держать связь и т. п. Сделано это было скорее для очистки совести, ибо нельзя было рассчитывать на магическую силу слов, хоть бы и верных, прочитанных в полках за день или за два до боя.

Люди в бою действуют по привычкам, усвоенным во время тренировки, и если правильные приемы не были привиты постоянными упражнениями, инструкция, выпущенная в последнюю минуту, бесполезна.

Наш лесной эпизод усложнялся еще тем, что на левом фланге, где 1-й армейский корпус соприкасался с 1-м гвардейским, линия наших окопов, из которых предстояло выходить для атаки, шла под входящим тупым углом. Необходимо было такое тщательное нацеливание частей, чтобы не произошло перекрещивания, особенно естественного и губительного в лесу. Гвардейцы могли двигаться более или менее прямо перед собою, но армейским частям, чтобы избежать перекрещивания с гвардейцами, нужно было дать облические направления, что всегда выполняется с трудом.

На совещании в штабе 1-го Гвардейского корпуса, руководившего организацией атаки, я подчеркивал необходимость детальной разработки этого важного вопроса. Кое-что в диспозиции было соответственно изменено, но дальше этого не пошли, и во время боя перекрещивание в лесу случилось, вызвав понятные путаницу и смещение.

Все же бой 26 июля в своем начале развивался более чем благополучно.

После того как наша артиллерия успешно проделала проходы в неприятельских проволочных заграждениях впереди леса и подби-

ла некоторые из пулеметных гнезд, пехота дружно вышла из окопов и с большим подъемом пошла на штурм.

Вскоре противник бросил свою позицию на восточной опушке, и мы преследовали его, ворвавшись в лес. Некоторые полки (в том числе измайловцы) вышли на западную опушку. Тут необходим был перенос артиллерийского огня на возможную новую позицию неприятеля в тылу и на его батареи — пушечные и пулеметные. При помощи одних боковых наблюдателей сделать это в сколько-нибудь удовлетворительной форме не удалось.

Между тем противник, ничем не связанный, открыл жесточайший огонь по восточной опушке Кухарского леса, вгоняя обратно в него нашу пехоту и не давая зацепиться на окраине. Не удалась и попытка частей, наступавших по открытому участку к югу от леса, обеспечить захват его действиями во фланг отступавшим австрийцам. Все это время неприятельская авиация была очень деятельна, и, по всей вероятности, план нашей атаки был ясен для противника как на ладони.

Мы, наоборот, смутно представляли происходившее по ту сторону леса и рвались наугад. Общее управление атакой сделалось бессильным и раздробилось, перейдя в руки мелких командиров, даже не полковых и батальонных, а ротных и взводных.

С наступлением темноты, по мере того как становилось очевидным, что удержать за собой лес не удастся, части отошли в исходное положение, и обе стороны вернулись в прежние берега.

Мы снова понесли чувствительные потери. Измайловцы лишились одного из лучших своих офицеров и ротных командиров — Обручева. Полк возвратился на свои старые позиции без него. Подумали, что он был ранен и взят в плен. Но через некоторое время, когда стороны успокоились и осели на своих позициях, австрийцы нашли способ передать в наши окопы небольшой пакет, который заключал, во-первых, сообщение, что тело убитого штабс-капитана лейб-гвардии Измайловского полка Обручева было найдено в лесу и предано земле с воинскими почестями; во-вторых, золотые часы и орден святого Владимира, снятые с покойника.

Обручев был внучатый племянник маститого измайловца Н. Н. Обручева — авторитетного начальника Главного штаба в царствование Александра III*.

Итак, Безобразов со своим штабом не выдержал переэкзаменовки, к явному удовольствию недоброжелателей, о которых говорил мне «Воевода».

* В эмиграции мне удалось случайно купить экземпляр истории лейб-гвардии Измайловского полка издания 1883 г., принадлежавший Н. Н. Обручеву. — *Прим. авт.*

Во главе этих врагов он ставил М. В. Алексеева — фактически Главнокомандующего при Государе, не пытавшемся вмешиваться в стратегические планы своего начальника штаба и предоставлявшем ему в этой области полную свободу. Но образование отдельного Гвардейского отряда на правах частной армии было всецело обязано Государю, на которого сумел повлиять Безобразов; он доказывал с основанием, что вплоть до осени 1915 года гвардию истощали и обезличивали, постепенно лишая ее той «отборности», которая оправдывала ее существование, и вместе с тем отдаляя от естественной ее роли опоры престола.

Теперь, когда самостоятельное, в армейском масштабе, употребление войск гвардии не принесло блестящих плодов, когда заданного им Ковеля они не взяли, оставшись почти на месте, можно было доложить Царю: «Вот видите, Безобразов со своей пресловутой гвардией ничего не сумели сделать».

Что Алексеев, сын фельдфебеля, «протрубивший» в строю армейского полка до Академии 13 лет, действительно не любил гвардию с ее преимуществами, сомневаться трудно. Это можно было заметить даже в Академии, наблюдая отношение профессора Алексеева к слушателям — гвардейцам.

Насколько, однако, данная Ставкой Безобразову задача, заранее определявшая ограниченность ее выполнения, являлась результатом недоброжелательства — остается вопросом. Но вот что безусловно: после боев 15–16 июля Ставка в своих ежедневных бюллетенях отметила их мимоходом и совершенно умолчала о существенных трофеях, взятых на фронте армии Безобразова.

Правда, в те же дни на фронте соседней 8-й армии одним из корпусов (8-м Владимира Драгомирова) был достигнут, благодаря искусно проведенной внезапности, эффектный успех у Кошева, затмивший до некоторой степени то, что было сделано гвардией; но это не должно было затемнять добросовестности сообщений Ставки, которая оповещала сплошь и рядом о сотне взятых пленных или паре пулеметов.

При этом нужно отметить, что ни в одной из армий Брусилова во время июльского наступления всего Юго-Западного фронта не повторились удачи майского — Луцкого — прорыва; наши ближайшие соседи, 3-я и 8-я армии, тоже не достигли никакого стратегического результата и поставленных им ближайших целей; в общем, весь фронт остался на прежней линии.

Между тем удачи на флангах группы Безобразова 15–16 июля могли развязать руки этой группе и помочь свободе ее продвижения.

Условия были не те, что в мае. Противник оправился после нанесенного ему крупного поражения, был теперь настороже и, кроме того, подперт по всему фронту германскими частями.

Прождав напрасно некоторое время бюллетеня Ставки о боевой добыче войск гвардии с приданными армейскими корпусами, Безобразов решил доложить о своих боях и своих трофеях Государю непосредственно.

Принимая семь месяцев тому назад Гвардейский отряд, Безобразов испросил у Государя разрешения обращаться прямо к нему в качестве его генерал-адъютанта по чрезвычайным вопросам, касающимся гвардии.

Он считал теперь, что такой чрезвычайный случай наступил. Мне было приказано составить черновик письма, в начале которого Безобразов ссылаясь на это разрешение Государя и затем излагал вкратце июльскую операцию: задание, отсутствие нужных для выполнения его средств и ход боев по дням. Заканчивалось письмо перечислением взятых орудий и пленных*.

Лично прокорректировав представленный ему текст, Безобразов послал переписанное и им подписанное личное письмо Государю со своим адъютантом — полковником Кавалергардского полка П. П. Родзянко. Это было 1 августа.

4 августа появилось сообщение Ставки: «По дополнительно полученным сведениям, войсками гвардии Безобразова за время последней операции взято в плен...» (следуют цифры).

Это было ответом Царя на письмо Безобразова.

Фраза о дополнительных сведениях была, конечно, чисто канцелярским извинением, так как само собою разумеется, что все эти цифры имелись в Ставке в ближайшие же дни после боев и имелись полностью.

Заступившись за вверенные ему войска, Безобразов, однако, не смог отстоять себя и свой штаб. И в Могилеве**, и в Бердичеве им поставили плохую отметку за полководчество, что громко и не без удовольствия обсуждалось многими. Пересуды эти нашли отражение в воспоминаниях английского военного агента полковника А. Нокса, состоявшего при Ставке и посвятившего Стоходской операции несколько ядовитых строк.

Одновременно заболтал и Петербург, где в гостиных очнулись мамушки и тетушки; вместо славы взятия Ковеля — разочарование

* Черновик письма Безобразова с его собственноручными поправками, а также копии директивы штаба фронта и одной оперативной телеграммы его, свидетельствующие об узкой задаче гвардии, сохранились у меня. Документы эти были помещены с моим пояснением в №... «Измайловской старины». — *Прим. авт.*

** **Могилев** — город с 1267 г. В составе России с 1772 г. Ныне — в Белоруссии. В 1915–1918 гг. здесь находилась Ставка Верховного главнокомандования. — *Прим. ред.*

и впечатление от громадных потерь*. Раненные гвардейские офицеры обыкновенно эвакуировались для лечения в Петербург и его ближайшие окрестности. Незрелые тактические рассуждения этой молодежи становились основой для салонной критики и толков**.

Со времени боя 26 июля за Кухарский лес прошло около месяца. За это время состоялся полковой праздник лейб-гвардии Егерского полка, стоявшего 17 августа в дивизионном резерве. Я ездил на это скромное, чисто «полевое» торжество, начатое молебном и кончившееся симпатичным ранним обедом на чистом воздухе. Погода была прекрасная. Это был последний случай, когда я приятно провел время среди старых товарищей — лейб-егерей. Пили здоровые полков и друг друга. Звонко раздавались звуки медных труб полкового оркестра, то исполнявших свою музыкальную программу, то игравших «туши» под тот или другой тост, и бодрое «ура». В мою честь музыка играла одно колено Егерского и одно колено Измайловского марша...

30 июля правофланговая армия Безобразова была передана неделю на шесть из Юго-Западного фронта в соседний, Западный.

Операция на всем Юго-Западном фронте после июльской неудачи замерла. Вернее — притаилась, так как высшее командование все же надеялось возобновить наступление. Считалось, что войска отдохнут, подтянутся и будут в состоянии нанести противнику еще один удар, в духе майского. От мысли организовать этот удар на участках армий Безобразова и Каледина отказались, т. е. по-прежнему предметами действий являлись Ковель и Владимир-Волыньск.

Но руководство операцией предполагалось объединить в руках свежего и надежного генерала «со стороны», расставшись при этом с Безобразовым, штабом войск гвардии и самостоятельностью последних.

В последние дни августа мы узнали, что Безобразов отзывается в Ставку, что его армия расформируется и что вместо нее образу-

* Собственно гвардия потеряла до 30 000 человек из примерно 50 000 общей цифры потерь всех четырех корпусов армии Безобразова. Принимая во внимание, что полный штатный состав пехотной дивизии, в котором гвардия вступила в бой, был 12 000 штыков, можно сказать, что численность штыков сократилась на силу двух дивизий или наполовину. — *Прим. авт.*

** Лучше всего эти петербургские настроения резюмированы в письме из Петербурга Великого князя Николая Михайловича Государю от 13 августа 1916 г., напечатанном в советском издании писем великого князя (1925).

Там говорится: «От души скорблю о потерях гвардии и об отрицательных результатах ее геройских подвигов, вследствие нераспорядительности и отсутствия руководства начальствующих лиц. Почти все офицеры в один голос обвиняют генерала Безобразова, который из-за своего невероятного упрямства и воображения, что он даровитый полководец, вот уже третий раз напрасно губит без результата тысячи дорогих Тебе жизней...» — *Прим. авт.*

ется новая, которой присвоили необычное название «Особой». Было ли это имя придумано потому, что армия являлась как бы преемницей Гвардейского отряда или чтобы избежать номера 13 — неизвестно*.

Не успела прийти телеграмма об этой перемене, как приехал на станцию Рожище** командующий Особой армией и объявил, что немедленно примет чинов «бывшего штаба войск гвардии». Это был генерал Василий Иосифович Гурко.

Случилось все это чрезвычайно быстро и, хотя в воздухе уже давно чувствовалась собравшаяся гроза, произвело впечатление неожиданности.

Насколько помнится, было 22 августа. Серенький денек ранней осени. Порывы ветра поднимали пыль с немощеных улиц Рожище; приходилось защищать от нее глаза.

Чины штаба построились в шеренгу на дворе усадьбы, где помещались Безобразов и генерал-квартирмейстерская часть.

С нами не было ни Безобразова, ни Игнатьева. Оба отбыли на станцию Рожище, где для них был приготовлен вагон; в тот же вечер они должны были отправиться в Могилев.

Новое начальство не заставило нас долго ждать. Быстрыми шагами к правому флангу нашей шеренги подошел маленький, худощавый генерал в кителе с золотыми «кавалерийскими» погонами и с серьезным лицом, на котором выдавались длинные черные усы. Это был Гурко. Указанием на его бывшую службу являлись два нагрудных знака, Академии Генерального штаба и лейб-гвардии Гродненского гусарского полка, и два Георгиевских креста.

За Гурко шел незнакомый мне генерал-лейтенант Генерального штаба в несколько странной коричневой куртке. Скорее полный; выпуклые, точно вытарашенные бледно-серые глаза; небольшие усы, навошенные на концах бриллиантом. Мы сразу поняли, что это начальник штаба, а потом узнали его имя — Михаил Павлович Алексеев, однофамилец начальника штаба Верховного главнокомандующего.

Представление закончилось в несколько минут. Мы разошлись в ожидании своей участи.

Ожидание это напомнило живую картину: как в корпусе и потом в Академии, сбившись в кучки, ждали после экзамена выхода классного наставника с листом отметок; баллы громко оглашались, и мы узнавали, кто и как выдержал экзамен.

* Армия под № 13 существовала короткое время, год перед тем, во время нашего общего отхода из Галиции. Она была образована в начале июля 1915 г. и расформирована через месяц. Командовал ею генерал Горбатовский. — *Прим. авт.*

** **Рожище** — первое поселение основано в XIV в. Ныне в составе Украины. — *Прим. ред.*

Я успел сходить на станцию к отходу поезда Безобразова и попрощаться с ним и с Игнатьевым. Провожавших было немного. Протянув мне руку в последний раз из вагонного окна, Безобразов тепло поблагодарил меня за работу, назвав при этом «просвещенным генерал-квартирмейстером».

Поезд увез обоих с тем, чтобы мне уже не встретить их в следующий раз раньше эпохи эмиграции, через четыре года.

Очень скоро всем стало ясно, что штабом войск гвардии не собираются воспользоваться как кадром или скелетом для формирования нового штаба. На все главные места были вызваны помощники М. П. Алексева, с которыми он работал в Двинске, откуда Гурко командовал 5-й армией.

Среди всеобщего разгрома штаба войск гвардии уцелели только генерал-квартирмейстер и оперативное отделение его отдела. В последнем, очевидно, опытный штабной глаз Алексева усмотрел с первого же знакомства деловитость и налаженность. Отделение это и затем не испытало никаких перемен и оставалось в своем личном составе времени штаба войск гвардии.

Что касается до меня, то Алексеев подверг меня, в первую очередь, доброжелательному допросу, в котором коснулся и прошлой операции, и того, каково было личное влияние на нее Безобразова и Игнатьева. Я откровенно согласился с Алексеевым, что штабная работа у нас носила любительский характер — по причинам, приведенным мною выше; но вместе с тем я решительно заступился за Безобразова, указывая, что возводимые на него вины за Стоходские бои несправедливы; что главная его вина состояла в покорности условиям, в которые поставили его и вверенную ему армию.

Мне приходило впоследствии в голову, что это мое мнение о «павшем» начальнике сыграло известную роль в дальнейшем дружеском ко мне отношении как Алексева, так и Гурко.

Как бы то ни было, я остался, и мне предстояло пройти полезную и интересную школу по моей должности под руководством этих двух генералов. Сотрудничество между ними на войне было долгое — Алексеев раньше исполнял должность начальника штаба 6-го корпуса, которым командовал Гурко в 1915 году, и они сжились. Это накладывало, по индукции, особый отпечаток единства и на все отделы штаба в их подчинении. И оба генерала были, несомненно, выдающимися организаторами и администраторами.

Ввоз двинских специалистов оправдал себя очень скоро. Штаб Особой армии прочно стал на ноги и, как мне кажется, сделался едва ли не самым образцовым в русской армии.

Благодетельными оказались и двинские прививки, сделанные отделу генерал-квартирмейстера. Для должной постановки разведы-

вательного отделения был вызван подполковник Рузский, набивший себе руку на этом деле. В частности, он принес с собой тонкости фотографической техники воздушной разведки и изучения ее результатов в «мастерской» разведывательного отделения. Область эта была новостью, и налажена она была далеко не во всех штабах даже к концу войны, как мне пришлось лично убедиться впоследствии.

Разведывательное отделение раздвинулось так, что из квартиранта одной жалкой комнаты в Рожище превратилось потом в Луцке в хозяина двухэтажного особняка.

Приданы были армии и отряды самолетов, с которых можно было делать снимки неприятельских позиций. В масштабе французского фронта число наших самолетов казалось ничтожным, но все же это было лучше, чем прежнее «ничего».

Появилось «контрразведывательное» отделение, не имевшее своей особой жизни в штабе войск гвардии и лишь теоретически числившееся при разведывательном отделении. Во главе контрразведки был поставлен бывший жандармский офицер, которому это неприятное и даже противное дело было хорошо знакомо и в котором он находил некоторую прелесть. Замечательно, как люди, гоняющиеся за шпионами, сами перенимают их приемы и манеры и потом никогда не могут от этих привычек отделаться. Мой ротмистр-контрразведчик, приходя с докладом, всегда как-то особенно таинственно стучал в дверь моего кабинета, бесшумно ступал, точно на цыпочках, и оглядывался — нет ли где спрятанных посторонних ушей. Докладывал он вполголоса, что невольно заставляло и меня понижать свой голос, обычно чрезмерно громкий. Мы походили на двух конспираторов. По окончании доклада «контрразведчик» уходил таким же тихим порядком и старался закрыть дверь так, чтобы она не стукнула.

Служба связи разрослась под энергичным руководством очень большого, толстого, очень добродушного и очень добросовестного офицера Генерального штаба Гюленбегеля — финляндского шведа. В январе 1919 года, когда я перешел из Советской России в Финляндию, этот милый человек, уже состоявший тогда в финской армии, немедленно появился со своими услугами — и я сильно в них нуждался.

Заведовать цензурным отделением вместо гродненского гусара приехал подполковник Генерального штаба Замбрицкий. При своей явно польской фамилии он не имел ни одной польской черты в наружности и характере. Это был человек маленького роста, с темной растительностью на лице, замкнутый, необщительный, смотревший почти исподлобья. Но мне приходилось иметь мало дела с этим сумрачным офицером, так как цензурное отделение доставляло наименьшее количество хлопот, а выписан он был из Двинска специально для Гурко. Дело в том, что Гурко, чутко отзывавшийся на потребности жизни,

решил, по своей инициативе, прийти на помощь войскам в вопросе ведения позиционной войны и создать полевой устав, регулирующий этот новый вид войны. Для исполнения этой кропотливой работы Гурко привлек Замбрицкого, лично направляя и редактируя новорожденный устав. В штабе Особой армии заканчивалось то, что было начато в штабе 5-й.

Замбрицкий считал себя, не без основания, принадлежащим в штабе, прежде всего, лично Гурко. К сожалению, устав вышел из печати только к 1917 году и потому не успел принести той пользы, которая имела в виду и которую он действительно мог принести.

Организация работы в штабе получила стройный характер, расписанный по часам, притом без напряжения и суеты. Колеса завертелись как в машине, где все части точно пригнаны и где нет места трениям и сбоям.

Два раза в день Гурко и Алексеев принимали в оперативном отделении доклад по всем данным обстановки на фронте вообще и нашей армии в частности. Производилось это перед ранним обедом, который подавался в общей столовой в 1 час дня, и перед ужином, начинавшимся в 8 часов вечера.

Делал доклад по висячей большой карте Н. В. Соллогуб своим спокойным, уверенным тоном.

Не менее двух раз в день в спокойное время — и много раз в боевое — я ходил с докладом к М. П. Алексееву.

Он очень быстро приручил меня и заставил себя уважать. Помню, в один из первых докладов еще в Рожище, «на развалинах штаба войск гвардии», в атмосфере всеобщего смущения, он подметил, что и молодой генерал-квартирмейстер чувствует себя не совсем уверенно. Алексеев спросил мое мнение по какому-то деликатному вопросу; я замялся; тогда Алексеев сказал:

— Говорите смело: ведь Вы же генерал!..

Этой одной фразой был «сломан лед», и между нами на все дальнейшее время сотрудничества установились прямые и доброжелательные отношения.

Михаил Павлович, несомненно, был и умница, и добряк, в котором через оболочку служебной требовательности и точности всегда просвечивали живые человеческие черты. Присущ ему был и спасительный юмор.

Что касается до штабной работы, то в этой области он являлся мастером — любил и понимал ее. В отличие от своего однофамильца М. В. Алексеева, предпочитавшего все главное выполнять самому, Михаил Павлович умело распределял, руководил, тактично влиял вверх — к начальству и вниз — к подчиненным. В штабном деле он мог служить образцом и был для многих из нас учителем.

Как офицер Генерального штаба он не проявлял ни самомнения, ни заносчивости, нередко встречаемых в этой среде с патентом «мозга армии». Ум Михаила Павловича был практический, характер твердый и простой, отношение к людям внимательное.

При всех этих условиях работа под его непосредственным начальством шла легко и продуктивно. Я сохраняю самое доброе воспоминание о шести месяцах нашей совместной службы в штабе Особой армии.

Потом мы разлучились и встретились мельком — и в последний раз — в Петербурге, после большевистского переворота. Снимал он с женой маленькую квартирку где-то в районе Мариинского театра. Мы провели вечер в рассуждениях о революции вообще и о русской в частности. В руках Михаила Павловича был найденный им у букиниста французский томик о разложении армии Конде в революционные годы. Это было то самое, что творилось в России в 1917 году!

Мне неизвестно, как, в конце концов, Алексеевы применились к тяжелой обстановке нового пролетарского режима. Их не оказалось в эмиграции.

Когда я записываю эти штрихи давно ушедшей жизни, мое воображение переносит меня в Рожище и в Луцк, где стоял штаб Особой армии, и перед моими глазами находятся две иллюстрации: моя акварель, изображающая спальню генерал-квартирмейстера в Луцке вечером, при лампе, с глубокой амбразурой монастырского окна, завешанного черным на случай неприятельских налетов; и довольно большой портрет В. И. Гурко.

Я написал его осенью 1921 года в Лондоне. Гурко изображен в сидячем положении, по колени, на фоне голубого неба, дальних русских лесов и лабиринта траншей, о которых он так много думал, составляя свой устав. На розовой полосе горизонта — клубы дыма от горящей деревни. Седящая голова Гурко непокрыта; на плечи декоративно наброшено (по его мысли) старое пальто — на серой, общеофицерской, а не красной генеральской подкладке. Генерал опирается обеими руками на серебряный эфес кавказской казачьей шашки; с эфеса спадает жирная кисть темляка на широкой георгиевской ленте. Генерал похож! На меня смотрят его серьезные, даже суровые глаза и удачно схваченное выражение рта — сжатого и решительного. Это Гурко в деловые минуты. Мой профессор живописи, увидев портрет, заметил: «Это человек маленького роста, с большой, умной головой, твердый человек, шутить с ним опасно!»

Наблюдение верное, но Гурко умел и посмеяться, и тогда его лицо совершенно преображалось. Жесткие складки заменялись сетью разбегавшихся веселых морщинок, а в глазах светилось добродушие.

Именно к этому выражению лица шло ласкательное «Гурочка», которым за глаза называл Василия Иосифовича его начальник штаба Алексей.

Когда что-нибудь озабочивало Гурко или он сердился, речь его напоминала бурный поток, с басовыми нотами, несущийся по камням. «Командующий бурлил», говорили про него. Гроза или забота миновали — и Гурко снова входил в свои берега спокойной и справедливой деловитости.

Все знали, что Василий Иосифович горяч, но отходчив. Провинился как-то подчиненный мне командир телеграфной роты. Гурко приказал вызвать его к себе. Я присутствовал при этом разговоре «командарма» (по сокращенному коду) с телеграфным подполковником, если только можно назвать так бурный монолог Гурко, нервно ходившего по кабинету, и испуганно-молчаливое стояние навывтяжку виновного. Но вот, все, что требовалось, было сказано; поток стал спадать; Гурко вдруг переменил тон. «Кстати, — сказал он, смотря скорее ласково, чем гневно, на бледное лицо "разнесенного им в пух и прах" офицера, — раз вы тут, не можете ли вы мне объяснить...» — и задал ему какой-то чисто технический вопрос из области электрических проводов. Я оставил их в долгой и почти товарищеской беседе на эту тему, причем уничтоженный было подполковник превратился в учителя, а «командарм» — в прилежного ученика!..

Штаб Особой армии оставался первое время, в начале сентября 1916 года, в Рожище. Как я упоминал выше, мысль о возобновлении атаки не была оставлена, и на перемену командования смотрели наверху как на обеспечение успеха наступления. Гурко присматривался, знакомился с положением, обходил окопы, добирался иногда по зигзагам ходов сообщения до передовых «секретов», но не торопился. Пока же главной чертой нашего пребывания в Рожище были почти ежедневные бомбардировки его с воздуха. Налеты, начавшиеся 15 июля, вообще сделались регулярными и постепенно усиливались. Мы соответственно зарывались в землю. Местечко покрылось блиндажами. Вырыли «генеральский» комфортабельный блиндаж и для меня при доме, в который я перебрался после отъезда Игнатьева и который находился в нескольких минутах ходьбы от основной усадьбы штаба.

Но блиндаж этот не принес мне пользы: каждый раз, как я решался провести ночь в сырости моего подземного убежища, аэропланы не прилетали. Но стоило мне лечь спать в доме, как рано утром, часов в 5, меня будил гром рвавшихся вокруг бомб. Соскочить с кровати и бежать тогда, в одной рубашке, через двор в блиндаж было стыдно и карикатурно! Приходилось продолжать делать то, что мы делали с Игнатьевым, когда о блиндажах еще не было и помину: осколки вы-

бывали дробь по стенам и по крыше нашего домика, а мы с Игнатьевым терпеливо выжидали, когда этот дождь пройдет.

Как-то раз воздушные бомбардиры налетели на Рожище вечером, часов в 8, когда уже стало темно, и чины штаба, под председательством Гурко, ужинали в саду под открытым небом. Это было испытание нервов. Свист бомб, шум разрывов и жужжанье самолетов, кружившихся над местечком, были плохим музыкальным развлечением при ужине. Несмотря на то, что программа была приурочена к началу трапезы, нашлось немного охотников досидеть за ней до конца. Покинул стол, не дождавшись жаркого, один; его примеру последовали другие... Бегства не было; ужинавшие «отступали» поодиночке, в порядке и с видом беспечности; но стол быстро опустел! Остался до последней чашки кофе лишь сидевший на конце длинного стола Гурко и его два соседа: старик петроградский улан — балтийский немец, доброволец и чин для поручений, состоявший еще при Безобразове, — и я. Должен сознаться, что, выпив свой кофе, я счел свой долг выполненным и ушел. Гурко с уланом остались в дружеской и спокойной беседе. Они «пересидели» бомбы!..

Самолетов у нас по-прежнему было еще так мало, что мы не могли ни воспрепятствовать этим налетам, совершавшимся безнаказанно, ни сколько-нибудь серьезно мстить за них тем же оружием.

Тем не менее, летчики наши не упускали случая подняться днем навстречу неприятельским аэропланам и вступить с ними в бой, если соотношение сил это позволяло.

Мы все были свидетелями, к сожалению, одной такой схватки, кончившейся гибелью нашего аппарата и двух летчиков. Это было единоборство в чистом голубом небе на незначительной сравнительно высоте, над окраиной Рожище. Самолеты кружились один около другого, как две птицы, то снижаясь, то вздымаясь кверху. Раздавались ясные звуки коротких пулеметных «пачек». С величайшим волнением следили мы — кто в бинокль, а кто и простым глазом — за исходом этой дуэли. Вдруг наш аппарат как-то странно дернулся, пошатнулся, как подстреленная птица, и стал, кружась и извиваясь, быстро, быстро падать...

Немец же плавно поднялся ввысь и полетел «домой» с победным донесением...

На другой день мы торжественно, с воинскими почестями хоронили наших героев-летчиков. Венок от авиационного отряда был вставлен обломок пропеллера*.

* У меня сохранились фотографии, изображающие, как Гурко со штабом несут на руках гроб одного из авиаторов к лафету — боевой погребальной колеснице. — *Прим. авт.*

* * *

Со вступлением Гурко в командование армией на Ковельском участке изменился характер оперативных сношений со штабом Юго-Западного фронта. Последний, так же как и Могилев, уже не навязывал своих планов и не подсказывал, а спрашивал мнения и совета Гурко. В длинных переговорах по прямому проводу было видно, как постепенно Гурко забирал в свои руки вопрос управления будущей операцией вообще, т. е. и за пределами своей собственной армии. Волшебная лента аппарата Юза выстукивала пространные и убежденно мотивированные соображения «командарма Особой», в ответ на которые ползла и закручивалась в моток покорная и на все сдающаяся лента «наштаюза» или самого «Главкоюза».

Так, шаг за шагом, выработалась общая линия предстоящих действий фронта, построенная в зависимости от плана Особой армии и внушенная наверх ее командующим. В средствах для исполнения этого плана Гурко не получал отказа. В результате, армия его разбухла до невероятного числа корпусов* — одно время их было 12 или 14! Вспомним, что Безобразову отказали в ОДНОМ — для развития его удара.

Посыпались в армию и добавочная артиллерия, и авиация, и разная техническая мелочь. Армия действительно заслуживала название «Особой».

Первое, что сделал генерал Гурко в области оперативной идеи, вникнув в условия, существовавшие на направлении Луцк—Ковель — он отказался от главного удара на Ковель. Отрицательные условия эти, разумеется, не родились с образованием новой армии; именно они и остановили успех войск Безобразова. Но такова была сила аргументации Гурко, что и у штаба фронта, и у Ставки вдруг открылись глаза на то, что им следовало видеть без посторонней помощи. Теперь они уверовали в непогрешимость тех самых доказательств, которые в свое время представлял своим не научным языком Безобразов и которые отвергались как лепет ребенка!

Участок атаки было решено сдвинуть на юг, на более доступную местность и на направление, ведущее к овладению Владимиром-Волынским.

В связи с этим в подчинение Гурко перешла часть корпусов, прежде входивших в состав соседней 8-й армии Каледина, фронт Особой армии значительно раздвинулся, а 8-я армия со своим штабом спустилась еще далее на юг.

* Хорошо помню корпуса: 39-й, 25-й, 34-й, 40-й, 30-й, 1-й, 1-й Туркестанский, 4-й, 8-й, 5-й, 1-й и 2-й Гвардейские. — *Прим. авт.*

Все эти оперативные и географические перемены вызвали естественный переход штаба Особой армии в Луцк, где до того стоял штаб Каледина, и откуда, как из центра, удобно было руководить операцией по фронту широкого сектора, глядевшего своим правым крылом на Ковель, а левым — на Владимир-Волыньск.

Штаб прочно осел в здании старого католического монастыря с очень толстыми стенами и сводами.

В нижнем этаже вдоль длинного коридора поместились: служба связи, Алексеев и Гурко — рядом, оперативное мое отделение и общая столовая.

Мне отвели целую квартирку в кельях второго этажа. Получились просторные кабинет, спальня и комната для денщика.

Понаташили, усердием коменданта штаба, кое-какую мебель из города в дополнение к моей походной койке и повесили над довольно потертой оттоманкой олеографию, изображавшую голову типичной печатной «красавицы» с роскошными волосами и бюстом.

Вскоре после перехода штаба армии в Луцк у нас началась горячка подготовки к наступлению в направлении на Владимир-Волыньск. Не подлежит никакому сомнению, что в основу этой операции была заложена мысль нанесения противнику сильного частного удара; он должен был выражаться прежде всего в прорыве укрепленной полосы неприятельских позиций на кратчайшем пути к Владимиру-Волыньскому, а затем в решительном преследовании и в расширении этого прорыва.

Фронт для атаки был выбран намеренно узкий — одного корпуса — с тем, чтобы собрать за ним наибольшее количество артиллерии. Будучи эшелонирована в глубину, подкрепленная на этот раз более тяжелыми калибрами, с организацией флангового и перекрестного обстрела, артиллерия эта — предполагалось — могла создать мощный ураган огня и напомнить, хоть и в слабой степени, огневой удар Макензена в Галиции в 1915 году.

Необходимостью сосредоточить возможно большее число батарей и иметь — для развития прорыва — готовые ринуться вперед резервы и объяснялось то необычное число корпусов, которое было подчинено Гурко на время этой операции.

Ударным и ведущим корпусом был выбран 25-й, считавшийся крепким и имевший во главе его известного генерала Л. Г. Корнилова. Он недавно перед тем бежал из австрийского плена и был награжден после этого за свою храбрость и прежние подвиги крестом Святого Георгия 3-й степени.

Гурко принимал личное и деятельное участие в разработке деталей атаки. Мы ездили с ним в штаб Корнилова для совещания на эти темы. Само собой разумеется, что часть других корпусов должна была принять участие в атаке на флангах 25-го корпуса; в особенности

рассчитывали на их содействие левее, где нужно было овладеть двумя нелегкими укрепленными местными предметами — так называемым Квадратным лесом и селом Свиноухи, тоже с лесом. Повторяю — леса давались нам всегда трудно.

Штаб перешел в Луцк в первых числах сентября и не сразу расположился в монастыре. Сначала было какое-то казенное здание, быть может, гимназия. Именно в нем мы пережили сентябрьскую операцию. Настоящее начало подготовки к ней нужно отнести к 10 сентября, когда Особая армия снова была возвращена в состав Юго-Западного фронта.

14-го противник атаковал нас сам в стык Особой армии и 8-ой (у села Свиноухи). Это заставило отложить нашу атаку на несколько дней. Она была начата на участках 8-ой и Особой армий 19-го, и на фронте Особой продолжалась с величайшим упорством до 22-го. Двумя днями раньше, 17-го, перешли в наступление южные армии Юго-Западного фронта — 11-я и 7-я.

Несмотря на тщательность разработки плана, произвести прорыв на Владимиро-Волынском направлении не удалось. На ураган нашей артиллерийской подготовки противник отвечал не меньшим огневым потоком по атакующей пехоте и по батареям. Мы овладевали первой или второй линией окопов, но за ними, в глубине, оказывались еще новые линии, опорные пункты, укрепленные местные предметы. Неприятель обрушивался из них на наши цепи огнем свежих пулеметов, хорошо защищенных, и русская пехота либо «залегала у проволоки», как доносили войска, либо «отходила в исходное положение».

Потери были большие.

Гурко, тем не менее, решает повторить атаку через 3 дня. Фронт ее расширяется, и для удобства управления образуется две группы корпусов — северная и южная.

С благословения Брусилова Особая армия, насыщенная войсками, снова идет на штурм 25 сентября... Опять порыв, опять кое-какие мелкие частные успехи и опять общая неудача.

Становилось ясным, что противник с самого начала не был достигнут врасплох; что против нашей ударной группы он был достаточно силен, по всей видимости, ожидая повторного Ковельского наступления*. Не помогла и своего рода предупредительная атака 6—7 сентября на фронте соседней слева 8-й армии. Она велась с большой энергией, достигая некоторых успехов, и заставила противника насторожиться и притянуть резервы, особенно ввиду обнаружения на этом фронте нашей гвардии, переданной из Особой в 8-ю армию**.

* Впоследствии определилось, что силы были примерно равные. — *Прим. авт.*

** Между прочим, видное участие в этой атаке принял лейб-гвардии Измайловский полк, показавший, что мое тактическое обучение не пропало да-

Для нас же, в смысле результата, новое наступление не дало и того, чего достигла армия Безобразова в июле на менее доступном Стоходе (теперь пассивное крыло). И нельзя даже было похвастаться взятыми орудиями и пленными!..

По своему упорному характеру Гурко не мог так легко признать себя побежденным. По мере того как перед ним вырисовывалась картина неудачи, он своим находчивым умом придумывал, как обратить неуспех решительного прорыва в успех «вспомогательной» операции широкого стратегического значения.

Энергичнее застучали Юзы, длиннее и чаще сделались непосредственные разговоры Гурко по прямому проводу со штабом Юго-Западного фронта. Стойко и убежденно доказывал Гурко, что дальнейшие повторные атаки должны иметь в виду новые цели: удерживать против нашего фронта возможно большие силы неприятеля и даже заставить его перебросить подкрепления с французского фронта, где еще не кончилась Верденская операция.

Я не могу утверждать, что эта коренная перемена задачи, внушенная генералом Гурко наверх, была формально закреплена соответственно отредактированной директивой. Едва ли, ибо правило всякой хорошей демонстрации — держать войска в неведении, что они демонстрируют. Но изменение задачи и согласие штаба фронта и Ставки были закреплены на лентах переговоров Гурко с этими штабами. С этой минуты никто уже там не ожидал радостного известия о падении Владимира-Вольнского. Гурко же оставалось превратить в намеренную систему удары накоротке, получившиеся такими в начале операции вследствие невозможности прорвать укрепленную полосу неприятеля. Так Гурко и поступил.

Вместе с тем он, как автор новой задачи, оказался первым прозревшим бессмысленность дальнейших стремлений к захвату Ковеля и Владимира-Вольнского. Ни тот, ни другой пункт не имели решительно никакого стратегического значения. Вначале шел вопрос о нанесении нового удара австрийской армии в надежде на вывод ее из строя. Слово «Ковель» затем, после неудачи (с ударом явно опоздали), из указания направления атаки превратилось в самоцель. Гурко ловко выдернул эту занозу из стратегического мышления Ставки и фронта.

С переменной задания цель наших атак — привлекать на себя и отвлекать от французского фронта силы противника — оправдывалась чистыми стратегическими интересами.

ром. Был ночной и лесной бой, брали три линии окопов, почти все офицеры выбыли из строя, но роты успешно и толково велись унтер-офицерами. Полк взял в плен свыше 1000 пленных с офицерами — все германских частей, пулеметы и т. п. (бой от развалин Корытниц на позицию у села Свинохи). — *Прим. авт.*

Нужно было теперь продолжать «долбить» — в некоторое подобие упрямых атак немцев в то же время под Верденом, — но следовало избегать при этом чрезмерных потерь, чтобы не сделать диверсию слишком дорогой. Для этого Гурко решил повторять атаки постоянно свежими войсками, сменяя части, понесшие, если так можно выразиться, достаточные, не слишком чувствительные потери.

Метод этот вызвал чрезвычайно сложную штабную работу, всецело легшую на наши «оперативные» плечи. В то время как на фронте велся бой, в тылу маршировали, но больше ночью, чем днем, дивизии наших многочисленных корпусов. Необходимо было вовремя и скрытно подвести к позициям следующую смену; эшелонировать, согласно расписанию, колонны одних, поставить временно по квартирам других. Требовалась ювелирная работа по всем этим расчетам, чтобы избежать перекрещиваний, опозданий, стеснения на сравнительно ограниченной площади нашего тыла. И, наконец, думать о скрытности!

В течение двух недель оперативная часть штаба не смыкала по ночам глаз, а в это время тыл Особой армии кишел как муравейник. Кто шел, кто располагался на отдых, кто развертывался перед вступлением в боевую зону...

В этот лихорадочный период Гурко интересовался двумя главными вопросами: какие были потери за день и какие новые данные мы имеем о противнике на нашем фронте. Сведения о потерях регулировали смену войск, а в сведениях о неприятеле искали, не появились ли у него свежие части и, особенно, нет ли перебросок с французского театра.

При новой постановке задачи мы приветствовали каждый признак усиления неприятеля, прямой или косвенный, и радовались тому, что в обычных условиях должно было нас тревожить и огорчать.

Несомненно, неприятель не мог тогда снять с нашего фронта ни одного солдата, и были указания, что он подтянул с других участков и ввел в боевую линию свои резервы. Что касается до дальнейших перебросок, наиболее для нас желанных, я не могу припомнить, имелись ли твердые доказательства таких перебросок.

Долбление на фронте Особой армии с аккомпанементом на участке 8-й было прекращено 4 октября. Все корпуса получили прописанную им более или менее гомеопатическую дозу кровопускания, а бои, «от всего сердца», за ненужный «Квадратный лес», в которых урон сильно превзошел норму, вошли в историю гвардии как пример ее доблести и упорства.

После всего этого Гурко мог донести, что «демонстративная задача» Особой армии была выполнена, подкрепив этот вывод сводкой сведений о числе неприятельских частей, обнаруженных или предполагавшихся, с той или другой долей вероятности, против нашего фронта.

Сын маститого фельдмаршала, героя балканской войны 1877–1878 годов, Василий Иосифович мог последовать теперь примеру своего отца, снявшего шапку перед лейб-егерями, отбитыми с огромными потерями от Телишского укрепления 12 октября 1877 года*. Да, они были отбиты, но выполнили свою демонстративную задачу: удержали против себя турок и способствовали взятию Горного Дубняка.

Солдаты сочинили тогда песню, начинавшуюся куплетом:

Генерал Гурко явился,
Слово ласково сказал.
Своей правою рукою
Горный Дубняк показал...

Василий Гурко показал было вначале решительную местную цель, тоже обозначенную двойным именем — Владимир-Волынск. Гвардейцы его отца взяли Горный Дубняк, а корпуса Особой армии даже не приблизились к Владимиру-Волынскому...

Но за «демонстрацию», как эта операция была потом переименована, за искренность боевого порыва войск и понесенные ими потери стоило снять шапку перед дивизиями Особой армии октября 1916 года и низко им поклониться.

* * *

Четырехмесячная, начиная с мая, чрезвычайная активность русского Юго-Западного фронта 1916 года имела следующие стратегические результаты: мы оттянули на себя австрийцев с нового итальянского фронта и спасли итальянцев накануне полного их разгрома; существенно помогли французам под Верденом, заставив и германцев броситься на восток для спасения австрийцев; вызвали выступление на нашей стороне торговавшей и колебавшейся Румынии. Последнее — к сожалению, ибо оно лишь на короткое время отвлекло немцев от главных театров и на очень долгое подорвало русскую стратегию: пришлось разжигать и без того жидкий фронт наш, перебросив несколько корпусов для выручки разбитых румын; русская линия — и так растянутая — растянулась теперь непомерно. Выступление Румынии, которого по близорукости так добивались союзники, принесло им только вред.

Наконец, неудачи австро-германцев на русском фронте и германцев под Верденом послужили причиной замены руководителя германской стратегии 1916 года Фалькенгейна стариком Гинденбургом в компании с Людендорфом.

* Речь идет о боях 12 (24) октября 1877 г. за Горный Дубняк. Кавалерии И. Гурко удалось взять укрепленный турецкий лагерь, тем самым прервать снабжение осажденной Плевны, что ускорило ее победу. — *Прим. ред.*

Велики были потери, понесенные русской армией в течение летних и осенних операций; закончились они в ноябре красивой победой 9-ой армии в Буковине. Являлся вопрос — могли ли мы позволить себе роскошь таких потерь?

После того как все на нашем фронте успокоилось, Брусилев собрал в Бердичеве совещание всех командующих армиями на Юго-Западном фронте. Гурко взял на это совещание и меня. Поехали особым поездом. Я — с толстым портфелем всевозможных справок.

Совещание состоялось в поезде Главнокомандующего, а после него там же — обед. Я встретил впервые после начала войны Д. Г. Щербачева, ставшего с тех пор командующим 7-ой армией, генерал-адъютантом, имевшим не только маленького Георгия на груди, но и большого — на шее.

На совещании наметили план на зиму — готовиться к весеннему наступлению — и остановились на нуждах армии, чтобы их удовлетворить.

Технически мы становились сильнее, но возник вопрос «морали».

Начиная с октября, в окопы стали проникать листки революционного направления. В них велась прежде всего антивоенная пропаганда, издавала подготавливавшая дорогу для большевистского лозунга: «Мир без аннексий и контрибуций».

Штабам и войсковым командирам прибавилась еще одна забота: борьба с этим просачивающимся ядом и пресечение притока прокламаций. Несмотря на принимаемые меры, пропаганда медленно, но верно делала свое дело, и на фронте имели место, хотя и редко, случаи неповиновения и нарушения дисциплины. Был такой случай и в нашей Особой армии. Пострадал командовавший второочередной дивизией генерал Генерального штаба. Отрешенный от командования несчастный козел отпущения был в отчаянии и плакал у меня в кабинете настоящими слезами! Но выручить его было не в моих силах. Я только сделал все, что мог, чтобы поддержать беднягу нравственно, огладить его, объясняя трудное положение в этом вопросе командующего армией.

В оперативном отношении Особая армия, как почти и все остальные на русском фронте, на пороге третьей зимы, осела в своих окопах и приступила к их усовершенствованию. Вернулись к позиционной войне. Части получали подкрепления и приводились, если не в штатный, то в более сильный состав. Но в этих подкреплениях заключался и элемент ослабления: солдаты были уже не те, что прежде; обучение и воспитание в тылу были далекими от совершенства; офицеры постепенно вырождались в армию «прапорщиков», среди которых появились и будущие демагоги первой и второй революций будущего года. Наконец, именно через эти пополнения доставлялись в армию упомянутые выше листовки.

Жизнь в штабе вошла в известную рутину. Гурко ездил на позиции, тщательно знакомился с ними и с начальниками и, возвращаясь, думал о том, как можно усилить тот или другой участок. Составлялись инструкции и приказы (тактические обыкновенно поручались мне и чаще всего утверждались Гурко в моей редакции без поправок). И, конечно, шли очередные доклады.

Случалось, Гурко командировал меня на позиции. Однажды пришлось объехать и обойти длинный участок, побывав и в передовом окопе в расстоянии трех десятков шагов от выдвинутого неприятельского. Какой-то грузный немец в каске приподнялся из окопа с бревном на плече. Свистнула откуда-то наша пуля. Немец спрятался, а из окопа просвистало несколько ответных германских пуль.

В этот период затишья я решил испробовать воздушный полет, для чего вручил себя в руки подчиненного мне командира авиационного отряда. На аэродроме меня одели в особый костюм, маску и т. п. Я только что кончил этот маскарад и вышел из ангара, как прилетел немец и пронесся над нами так низко, что ничего не стоило бы его подстрелить, будь под рукой готовый пулемет. Но пока люди бросились за пулеметом, немец поднялся ввысь и улетел. Он не стрелял и не бросил бомбы. Нужно думать, что он не мог этого сделать, будучи в каком-то затруднении, заставившем его так снизиться на несколько секунд над нашим аэродромом.

Почувствовав, что упустили немца, мы с моим капитаном поднялись, в свою очередь, и полетели к неприятельским позициям. Я помешался позади пилота, в очень неудачном положении, в открытом треугольнике хвоста; в моем распоряжении был легкий пулемет Льюиса — «на всякий случай». Чувство при подъеме испытывалось странное — совершенно незаметное отделение от земли. Потом — географическая карта с ее линиями и планами. Интересно, что принятые у нас для карт условные знаки лесов, деревень и полей совершенно походили на их вид с большой высоты. Но мне, с непривычки, все же трудно было ориентироваться по имевшейся у меня карте. Разговаривать с пилотом было нельзя из-за страшного шума; когда я орал ему во все горло в ухо, прочно закрытое наушниками маски, мои слова подхватывало сильное течение воздуха, который мы рассекали, и слова эти уносились куда-то ветром! Думаю, что все это было по сравнению с теперешним очень первобытным. Полетав с час над позициями, мы повернули домой и благополучно спустились на аэродроме. Мы не встретили в воздухе ни одного неприятельского самолета.

При спуске земля как-то неожиданно подбежала под аппарат; вот мы ее коснулись и плавным движением вдоль аэродрома дошли до остановки.

После этого полета я порядочно оглох и отделался от глухоты и шума в ушах только через несколько дней.

С тех пор мне никогда больше не привелось летать.

Помимо моих прямых обязанностей на меня возлагались изредка и поручения вне области генерал-квартирмейстера. Так, однажды Гурко приказал мне осмотреть некоторые лечебные заведения, расположенные в Луцке, и навести страх на те, где я замечу халатную постановку дела. В одном случае этим разрешением пришлось воспользоваться.

В свободное время, благодаря стоянке в городе, можно было пойти в кинематограф. Фильмы были неважные — техника тогда вообще хромала, — но все же представляли развлечение. Помню, я видел фильм «Портрет Дориана Грея» Оскара Уайльда.

Мирная атмосфера, водворившаяся в Луцке, лишь изредка нарушаемая воздушными налетами противника, вызвала приезд некоторого числа жен штабных офицеров. Образовалось даже нечто вроде «салона» в квартирке моложавой и недурненькой жены полковника Ш., ведавшего подвижным магазином Офицерского экономического общества гвардии.

Приехала и жена начальника штаба. Она поместилась отдельно от мужа и работала в одном из госпиталей. Жена Гурко, видная и умная дама, была энергичной начальницей передового санитарного отряда на нашем фронте и жила вблизи позиций, навещающая мужа в Луцке время от времени. После революции, когда Гурко выехал из России, изгнанный Керенским, супруги Гурко перебрались во Францию «кончать войну». Там жена Гурко и погибла, убитая случайной бомбой с аэроплана во время работы на перевязочном пункте.

В конце октября заболел от переутомления начальник штаба Верховного главнокомандующего М. В. Алексеев и получил от Государя отпуск для поправления здоровья на Кавказ. В начале ноября генерал Гурко был вызван в Ставку, чтобы заменить его на время болезни.

Во временное командование Особой армией вступил генерал Балуев, командир 5-го корпуса. Это был человек кубического склада, плотный, широкоплечий, с короткой шеей и мясистым квадратным лицом, со щеткой жестких волос на голове, еще не очень седых. На его толстом носу сидели очки, а на лице, во всю щеку и часть на подбородке, было малиновое родимое пятно, сильно его безобразившее. К этому, однако, можно было привыкнуть, а по уму и характеру Балуев оказался приятным начальником. Твердый и определенный, умевший ясно и просто взглянуть на вещи. Тяжеловесность его исчезала в нужные решительные минуты, и он мог тогда быть быстрым не менее Гурко.

Балуев легко сошелся с М. П. Алексеевым и со штабом. Жизнь и быт наши продолжали течь по выбитой уже колее.

На Рождество я получил отпуск и провел три недели со своей семьей в Триканда, в Финляндии. Проезжая обратно в армию через Петербург, явился Гурко, который председательствовал там в военно-политической комиссии, составленной из представителей союзных держав.

Был январь 1917 года, какой-нибудь месяц или полтора отделяли Россию от крушения Империи.

Вскоре после моего возвращения в армию (меня заменял во время моего отсутствия барон А. Г. Винекен, бывший начальником штаба Гвардейского кавалерийского корпуса) возвратился из Могилева и Гурко. М. В. Алексеев, по выздоровлении, вступил в исполнение своей должности при Государе.

Внутренние события надвигались быстро, но разрешились они неожиданно.

Запасные батальоны гвардии в Петербурге, по числу людей — дивизии, забрасывались прокламациями и всякой революционной литературой. При моем проезде через Петербург в январе мне рассказывал об этом наводнении П. В. Данильченко, командовавший полчищем праздных и невооруженных людей в разбросанном квартале лейб-гвардии Измайловского полка. Он показал мне образцы листовок, которые постоянно какими-то путями попадали в казармы. Дисциплина, как говорил мне энергичный, но в этом случае бессильный командир, висела на волоске. На одного офицера приходилось несколько сот полумужиков. Влиять на них было трудно, держать твердо в руках невозможно. Такая плачевная организация запасных частей в Петербурге была преступлением. Она явилась одной из причин такого быстрого успеха уличного бунта, превратившегося в общий революционный пожар*.

На фронте, конечно, ничего подобного петербургскому развалу не было. Пропаганда, как я сказал выше, проникала в траншеи, кое-где достигала результатов, но, в общем, войска оставались твердыми, и никому не приходило в голову, что мы накануне революции.

* Еще осенью 1915 г. я подавал с фронта (из-под Сморгони) рапорт о необходимости вывести из столицы всю эту огромную массу бесполезных и неуправляемых людей, оставив лишь строго необходимое число, которое возможно было обучать и держать в порядке. Лично докладывал я о том же начальнику штаба Гвардейского корпуса генералу Антипову. Но начальство в Петербурге (печальной памяти карьерист генерал Чебыкин), наоборот, раздувало эту толпу. Были основания предполагать, что Чебыкин мечтал стать командиром нового Гвардейского «резервного корпуса». Однако он избежал командования этим сборищем в решительные дни революции, так как был в отпуску по болезни на Кавказе. — *Прим. авт.*

Поэтому первые известия о ней 27 февраля явились громом с неба, которое казалось нам чистым и голубым или почти таким. Четыре дня до отречения Государя прошли в почти непрерывных разговорах по прямому проводу со штабом фронта. На моей обязанности было принимать лично днем и ночью эти длиннейшие ленты с выстукиваемыми на них «последними новостями». Ползли из машины неожиданные слова, медленно складывавшиеся в совершенно невероятные фразы. С накрученными на руку лентами, напоминавшими макароны, я шел сначала к начальнику штаба, а потом к Гурко.

Делать было нечего! Революция шла помимо нас. Главнокомандующие фронтами, не исключая Великого князя Николая Николаевича, «уговаривали» Государя отречься! А фронты, сами по себе, продолжали сидеть в окопах, пассивно, недоумевая. В столице кипел котел, а мы, прикованные к позициям против «врага внешнего», испытывали состояние паралитика, у которого голова еще кое-как работает, но пошевелиться он не может!

В середине ночи на 4 марта я принес Гурко ленты с известиями об отречении Государя. Генерала разбудили. Как теперь помню, что он вышел ко мне в пижаме из верблюжьей желтой шерсти и сел на стол. Я стоял напротив. По мере того как Гурко постепенно разворачивал моток лент, нервное лицо становилось все более и более изумленным и озабоченным. И, наконец, когда он дочитал до того места, где говорилось об отречении Государя и за сына, он откинулся на спинку кресла и своим «бурливым» голосом воскликнул:

— Как это было можно! Теперь Россия потонет в крови!..

Повторяю, мы ничего не делали, только читали и принимали к сведению, что в одну ночь из верных монархистов превратились в республиканцев... Но В. И. Гурко, так недавно видевший Государя каждый день, делавший ему доклады, видевший и Наследника, который был в Ставке, не мог оставаться в роли безучастного зрителя этой катастрофы, которой подверглась династия.

Он написал Государю письмо. Оно было коротким, но задушевным. Впоследствии оно попало в печать, и все могли познакомиться с содержанием письма. Гурко оказался единственным человеком, который ощутил потребность выразить свою симпатию и пожелания Монарху, которого он был приближенным слугой. И причем Гурко — из числа приближенных генералов — не имел вензелей Государя, этого признака особой Монаршей милости. Эти вензеля имели М. В. Алексеев, Рузский, Брусилов и Эверт. Еще один человек выказал благородство и мужество в эти смутные дни и тоже не генерал-адъютант. Это был Лечицкий, командовавший 9-й армией. Он немедленно подал в отставку.

Письмо Гурко нужно было отправить с верным офицером, чтобы тот сумел передать его в Могилеве в собственные руки Царя. Выбрали одного офицера лейб-гвардии Уланского Ее Величества полка.

Он привез обратно милостивый благодарственный ответ Государя.

Благородный порыв Гурко был вознагражден: когда правительство Керенского нашло это письмо осенью 1917 года в бумагах арестованного Государя, Гурко тоже был посажен в крепость, а затем выпущен с условием покинуть Россию.

При этом ему разрешилось взять известную сумму денег, а его жене — ее драгоценности!

Насколько знаю, это был единственный случай революционного взыскания, наложенного в форме остракизма.

Изгнание произошло для Гурко вовремя: недалек был приход к власти большевиков. Через два месяца, оставаясь Гурко в России и под арестом, ему пришлось бы встретиться с ЧК.

Письмо спасло его.

* * *

К тяжелым воспоминаниям этого кошмарного периода у меня лично прибавляется еще одно: самоубийство А. Г. Винекена.

За время нашего стояния в Луцке я виделся с ним довольно регулярно, так как он занимал должность начальника штаба Гвардейского кавалерийского корпуса, а последний входил в состав Особой армии. Штаб корпуса был расположен не так далеко от Луцка, под городом Ровно. Винекен приезжал в штаб армии по делам, останавливался — по-родственному и по дружбе — у меня и не раз ночевал.

Мы с ним иногда обедали нарочно не внизу, в общей столовой, где нужно было сидеть среди разного начальства (мое место было, например, прямо напротив Гурко), а у меня, наверху, где мы могли в тишине предаваться за трапезой и стаканом бордо разным воспоминаниям. Вспоминали японскую войну и службу в Главном управлении Генерального штаба; вестового Винекена — гродненского гусара Пищухина, обливавшего его по утрам из ведра во всякую погоду холодной водою; мечтали о том, как вернемся когда-нибудь в Петербург и будем «щеголять» в полковых формах — Винекен в своей серебряной гусарской, я — в измайловской. Саша Винекен был человек, любивший семейность, и потому он часто навел разговор на то, где и что делают Мара Шмурило или Аля Ден; затем смеялся своим коротким, открытым смехом и спрашивал меня: «А как поживает Соня Гильхен?»

Сохранилось его письмо к моей жене, написанное 10 декабря 1916 года. Он писал в нем: «Что касается моего здоровья, то жаловаться не могу... Для меня служит большим утешением близость Вашего мужа. Хотя мы оба страшно заняты, но все же удастся иногда встретиться»

и поговорить по душе с милым Борисом Владимировичем. И эти разговоры всегда меня утешают, успокаивают и подбадривают. *Car nous passons tous par un temps tres dur*».

Во время моего отпуска, как раз вскоре после этого письма, Винекен заменял меня в штабе армии, и его одинаково полюбили как М. П. Алексеев, так и временные подчиненные — чины отдела генерал-квартирмейстера.

В марте, в разгар революционных известий с тыла и с фронта и наших стараний примениться к возглашенным новым порядкам, Винекен как-то приехал в штаб по делам корпуса, в котором, как и везде, шло глухое брожение. Он ночевал у меня, жаловался, что переутомился, что хотел бы поехать в отпуск отдохнуть*. Действительно, Винекен вскоре подал рапорт об увольнении в отпуск, но по разным причинам разрешение оттягивалось. Это его беспокоило и нервировало. Наконец, я узнал, что он получил разрешение ехать.

Велико было удивление мое и всех других, знавших жизнерадостность Винекена, когда почти одновременно мы услышали, что он застрелился.

Я немедленно выехал на автомобиле в Ровно, в окрестностях которого стоял штаб Гвардейского кавалерийского корпуса. Бедный Винекен лежал в открытом гробу в зальце помещичьего дома; стояли почетными часовыми два гродненских гусара. Больно было видеть лицо друга, искаженное, с уродливой раной в области виска.

Командир корпуса генерал Хан Нахичеванский сказал мне, что совершенно не понимает причины самоубийства. Правда, Винекен последнее время явно страдал неврастенией, видимо, на почве переутомления. Но у него в кармане уже был отпускной билет! Он мог ехать в нужный ему отпуск в любую минуту.

Тело его нашли рано утром у стола, в кресле. Он был полураздет. На голову он, с очевидным намерением не чувствовать холода стали револьвера, нахлобучил папаху.

На столе нашли записку примерно такого содержания: «Я поступаю так потому, что чувствую себя больше не в силах работать с пользой во время, когда это особенно нужно». Затем он дал указание, что сделать с деньгами, и завещал 100 рублей своему денщику.

* После смерти баронессы М. Медем, регулярно собиравшей в Петербурге родственников, этот семейный долг принял на себя А. Г. Винекен. В конце 1913 г. (кажется) он устроил первый общий обед; сделал он это широко и нарядно у себя на Кузнечном переулке. За стол село около 25 гостей — только родственники. В гостиной на мольберте находился альбом фотографий всей родни — нововведение Саши Винекена. Все это было очень симпатично обдуманно и носило теплый характер. Но первое такое собрание у Винекена было и последним. — *Прим. авт.*

На отпевание съехались делегации от полков корпуса, многие офицеры — с красными бантами на груди! Помолились, возложили венки, простились с покойником и на руках отнесли гроб к могиле под звуки печальной молитвы «Коль славен», которую играли кавалерийские трубачи. Могила была вырыта тут же в усадьбе помещицкого дома, в дальнем углу большого сада...

Мне оставалось написать о том, как мы похоронили Александра Георгиевича, его вдове Ольге Николаевне. Я, в качестве дальнего родственника, оказался единственным представителем семьи на этих похоронах, и с этой мыслью бросил последнюю горсть земли на гроб друга*.

В день официальной присяги Луцкого гарнизона Временному правительству кому-нибудь из старших начальников нужно было возглавить церемонию. И Гурко, и М. П. Алексеев уклонились от этой неприятной обязанности, перепоручив ее мне. Я спросил, могу ли я провести ее без речей, без которых теперь не обходилось ни одно появление начальства перед войсками. Нет, я должен сказать «пару слов», указав на необходимость поддержания, прежде всего, порядка и дисциплины.

— Вы сумеете это сделать, — поощрил меня начальник штаба.

Гарнизон Луцка состоял из разных тыловых команд и полустроевых частей, которые были построены в усадьбе местной православной церкви. Вышли эти части, не нюхавшие пороха, с красными бантами вместо орденов и с красными знаменами, над изготовлением которых нужно было повозиться. На них красовались всевозможные надписи, одобрявшие свободу и революцию. Кое-где длинные тексты были нашиты на полотнища, укрепленные на двух шестах. Плакаты эти держали развернутыми по два солдата. Кстати, слово «нижний чин» было накануне изгнания из официального языка, как «унижающее», а вместо него вводился общежитийский термин «солдат». Мало кто подозревал, что в переводе, по существу, это слово значит «наемник».

Должен сказать, что я не надел красной розетки на этот случай, как ни разу не сделали этого Гурко и Алексеев. За все время революционного угара на фронте я служил кратковременным русским правительством того времени, не свидетельствуя своей «приверженности революции» посредством красных знаков на моей груди.

После службы и молебна в церкви состоялось чтение присяги на дворе перед фронтом, пестревшим красными знаменами и плаката-

* Уже в эмиграции офицер-журналист напечатал о смерти Винекена, описывая те кошмарные дни, что он пал жертвой преследования солдат. Как видно из записки, версия эта не имеет никаких оснований. — *Прим. авт.*

ми. Мы, по-старому, держали во время этого чтения поднятой правую руку с пальцами, сложенными в крестное знамение. До свержения религии еще было далеко.

Затем я произнес свое «слово», а после него пропустил всю эту солдатню мимо себя церемониальным маршем. Он скорее напоминал деревенский крестный ход с той разницей, что вместо икон и хоругвей несли лес красных знамен и плакатов.

Все это обошлось без происшествий, и я благополучно вернулся в своем Паккарде в штаб. Вернулся с облегченным вздохом, но и с уверенностью, что мы покатымся по наклонной плоскости, от чего нас не спасет никакое красноречие.

Пришлось мне потом отдельно обойти все подчиненные мне, как генерал-квартирмейстеру, части. И везде говорить, говорить, говорить...

К счастью, в то время, когда на армию с тыла напирал враг внутренний, облекшийся в овечью шкуру законного правительства, враг внешний ничего против русского фронта еще не предпринимал и лишь со злорадством следил за постепенным разложением этого фронта. Снаряжался знаменитый «пломбированный вагон», чтобы торжественно доставить в Россию из Швейцарии большевиков с Лениным во главе. Высадилась в Петербурге эта компания 19 апреля — событие историческое, послужившее впоследствии основанием к переименованию Петровской столицы в Ленинград...

В армии шли перемещения старших начальников — торопливые и часто ни на чем не основанные; раздался приказ № 1, сразу подорвавший дисциплину и ошелмивавший офицера; начались реформы и чистки первого штатского военного министра Гучкова, еще в мирное, царское время готовившего себя к этой должности.

В период этой сумятицы на верхах войска продолжали по инерции сидеть в окопах, благодаря самоотверженной деятельности младшего офицерского состава, внезапно превратившегося в корпус правых «демагогов», старавшихся опрокинуть или хотя бы сдержать левую пропаганду; последняя забирала все левее и левее, все ближе и ближе к большевизму и марксизму. Шел упорный и сознательный подкоп под боеспособность армии. Были выкинута лозунги «Мир хижинам, война дворцам» и «Мир без аннексий и контрибуций».

Как кажется, в конце марта Гурко получил назначение Главнокомандующим Западным фронтом. Его лично знал и по-своему ценил Гучков; они работали до войны вместе в комитете Государственной думы по обороне, а знакомы были еще с бурской войны (1899—1901), на которую поехали, один — состоять при англичанах, другой — при бурках.

Гурко, конечно, увез с собой М. П. Алексеева. Особую армию принял генерал Балуев. Кто получил штаб? Не уверен, но кажется — красивый и стройный Вальтер, которого я знал по Русско-японской войне*. Возможно, что до его приезда обязанности начальника штаба исполнял я. Служить мне с новым начальством пришлось недолго.

Особой армии дали другой участок, непосредственно прилегавший с юга к Пинским болотам (после расформирования 3-й армии Леша, прозевавшей здесь 22 марта противника, отнявшего у нее Червищенский плацдарм на реке Стоходе). Соответственно, перешел на новый участок и штаб армии. К северу от реки Припяти, в тех же болотах стояла 2-я армия, начальником штаба которой тогда состоял мой брат. Явилась возможность поговорить с ним по прямому проводу и увидеть на ленте начальные слова: «Здравствуй, Боба!»

Записать об этом апреле 1917 года нечего, так как ничего, кроме углубления революции, и не происходило, а 1 мая и я расстался с Особой армией, получив назначение начальником штаба 11-ой армии. Армия входила в состав Юго-Западного фронта; командовал ею генерал Гутор (Генерального штаба, командир лейб-гвардии Московского полка в 1910–1912 годы, боевой командир 6-го корпуса перед назначением в 11-ю армию).

Штаб армии стоял в городе Кременце**.

НАЧАЛЬНИК ШТАБА 11-й АРМИИ

Как-то, незадолго до мартовского переворота, М. П. Алексеев показал мне аттестацию, которую он дал мне и которую утвердил Гурко. Аттестации писались на всех чинов армии и представлялись в высшие инстанции. Для генералов они обозначали их дальнейший служебный путь — вверх, вниз или шаг на месте.

В заключение моей аттестации, составленной в похвальных выражениях, говорилось, что я достоин выдвижения на «должность начальника гвардейской дивизии». Меня несколько удивило тогда, почему не было сказано еще «или на старшую должность Генерального штаба». Я и сейчас не знаю — почему, после знакомства со мной на чисто штабной почве, я рекомендовался на строевую должность. Но

* Вальтер был начальником цензурного отделения штаба Линевица в 1905 г. После войны был военным агентом в Китае. Сын его вышел из Пажеского корпуса в лейб-гвардии Егерский полк перед войной 1914 г. — *Прим. авт.*

** **Кременец** — известен с XIII в. В составе России с 1793 г. Ныне — Украина. — *Прим. ред.*

думаю, что Алексеев (если это была его мысль), сознательно или нечаянно, верно определил мои наклонности. Я всегда предпочитал живое дело канцелярскому: командовать, а не сочинять доклады для других; вращаться среди людей, а не среди бумаг. Начальствование штабом дивизии вылилось у меня, благодаря созданным условиям, в прямое командование дивизией. И я чувствовал себя дома и прекрасно! Принять теперь дивизию на законном основании, да еще гвардейскую, мне улыбалось.

Однако, вопреки аттестации, я получил не строевое назначение, а штаб армии! Это было большое повышение, так как этой должности были присвоены права командира корпуса.

Я приехал в Кременец в первых числах мая.

Уездный город Волынской губернии, сам по себе ничтожный, был живописно втиснут в расщелину между крутыми обрывами высоких холмов, напоминая собою горный аул. В ближайшем соседстве высилось маленькое плоскогорье, на котором сохранились развалины замка-крепостцы XV или даже XIV века. Уцелела, главным образом, башня, носившая имя какой-то легендарной польской королевы*.

Штаб армии был расположен в самом городе, в центре, в одном из казенных русских зданий.

Назначение генерала Гутора командующим 11-ой армией состоялось во время всеобщей перетасовки старшего командного состава, вероятно, в конце апреля. До него армией командовал Баланин, тот самый, который был в 1906—1909 годы генерал-квартирмейстером штаба Киевского военного округа и о котором я имел случай говорить раньше. А до Баланина — во время майского прорыва Юго-Западного фронта — Владимир Сахаров, начальник штаба Куропаткина в период Ляоянских боев 1904 года, считавшийся автором красивого плана этого сражения (сочетание обороны с контрударом).

Начальником штаба армии до меня был генерал Юрий Романовский, Георгиевский кавалер за Порт-Артур**, младше меня годом по Пажевскому корпусу, потом улан Ее Величества.

Генерал-квартирмейстером состоял генерал-майор Георгий Гиссер, мой сослуживец дважды — по Главному управлению Генераль-

* В Кременце я побывал до войны, еще в 1908 г., на полевой поездке офицеров Генерального штаба Киевского военного округа. Неподалеку от Кременца, близ границы с Австро-Венгрией, находилась историческая Лавра Почаевской Божьей Матери — православная святыня среди населения с сильным католическим уклоном. С открытой террасы монастыря, расположенного высоко, открывался вид на дали уже в пределах Австрии. — *Прим. авт.*

** Оборона Порт-Артура с июля по декабрь 1904 г. было одним из крупнейших сражений Русско-японской войны, вошло в историю благодаря стойкости русского гарнизона. — *Прим. ред.*

ного штаба в 1910—1911 годы, где он ведал скандинавским отделением (знал шведский язык), и по Академии, где одновременно со мной занял профессорскую кафедру, но по статистике.

Алексей Евгеньевич Гутор представлял собою тип жизнерадостного генерала, излучавшего из себя энергию и оптимизм. Служба по Генеральному штабу не наложила на него отпечатка формализма и рассудочности. По всей вероятности, в бою он не боялся риска и способен был броситься в дело очертя голову. Вследствие этой черты характера он нырнул и в захватившую его революцию с надеждой, что и в этих условиях можно воевать и побеждать.

К революции Гутор подходил и по своей «красной» внешности: у него было красное лицо, рыжие волосы и усы и красная форма лейб-гвардии Московского полка! Ко всему этому шел и огромный красный бант, который он носил рядом со своим Георгием и которого не стеснялся. Пылкий темперамент дополнял картину.

Но все же Гутор был прежде всего честным патриотом и солдатом. Как таковой, он считал своим ограниченным умом, что нужно сделать «тактические» уступки налетевшему шквалу, но гнуть свою линию и, в конечном результате, выиграть стратегически: победить немца, а через эту победу — и революцию.

Из старших генералов армии немногие сразу поняли, что революцию не перехитрить. Первым оказался командующий 9-й армией строгий и умный Лечицкий, немедленно после переворота подавший в отставку. Немного применялся к революции и В. И. Гурко, у которого хватило терпения только месяца на два воевать с внутренним врагом по должности Главнокомандующего Западным фронтом.

Встретил меня Гутор приветливо, по-дружески, и я понял скоро, что с его стороны всегда найду поддержку и открытое, прямое отношение. Он не замедлил предупредить меня, что в то время как он кипит и варится в соку новоявленных солдатских комитетов и доморощенных стратегов из их среды, штаб представляет собою полусонное царство.

В последней оценке Гутор был совершенно прав. После отъезда Романовского штабом временно заправлял Гиссер, продолжая, видимо, традицию невозмутимого покоя, установившуюся в штабе армии с каких-то отдаленных или не очень отдаленных времен. Романовский с женой жили в особняке-флигеле усадьбы штаба. Гиссер с женой и чуть ли не с детьми (которых у него было много) — тоже отдельно от него, счастливо мирною жизнью. Все офицеры, у которых были жены, повыписывали их и водворили вокруг, на частных квартирах.

Отдел генерал-квартирмейстера был расположен в здании штаба тесно и неудобно. Комната оперативного отделения на несколько часов в течение дня и на всю ночь запиралась на висячий замок. Господа офицеры или отдыхали, или кушали в эти запретные часы.

Случайный посетитель в такие перерывы работы не знал, к кому обратиться, и тщетно толкался в запертые двери, в том числе и кабинета генерал-квартирмейстера.

Последний, к моему удивлению, не собирался остаться в этой должности при мне. Он, очевидно, рассчитывал сам занять должность начальника штаба и теперь, обиженный, объявил мне о своем отъезде в Петербург. Нужно заметить, что он был значительно старше меня по прежней службе в Генеральном штабе, в штаб-офицерских чинах.

Запущенность господствовала под управлением Гиссера не только во внешнем облике несения службы, но и по существу. Офицеры Генерального штаба были лишь поверхностно в курсе порученных им дел. Получить быстро толковую и исчерпывающую справку было невозможно.

Разница с образцовым штабом Особой армии была разительная.

Нечего и говорить, что никаких ежедневных докладов командующему армией у оперативной карты не производилось. Все носило семейный и домашний характер.

Мне сразу же пришлось наложить руку на эти порядки из «Спящей красавицы» и разорвать паутину, которая начинала обволакивать штаб, год тому назад победоносный (11-ая армия отличилась во время Брусиловского прорыва летом 1916 года)*.

Распечатали закрытые двери, учредили постоянное дежурство офицеров Генерального штаба. Раздвинули помещение. Сам я отказался от семейной квартиры во флигеле и приказал отвести мне пару комнат в здании штаба, рядом с помещением командующего армией. Кроме того, мне очистили тут же большой служебный кабинет, в котором я мог расположить на особом столе хорошую оперативную карту. Она отсутствовала в кабинетах Гиссера и Романовского!

Как они вели работу — я не мог понять.

Мои нововведения были встречены молодежью Генерального штаба с молчаливою враждебностью. Я не мог счесть этих офицеров виноватыми и потому действовал мягко. Но они уже вкусили от революции «свобод», и вводимый мною более строгий режим казался им бесполезным измышлением и угнетением.

Офицеры, в сущности, были вконец избалованы, и следовало произвести смену некоторых из них. Но это, разумеется, было совершенно невозможно в те сумбурные времена. Мне даже не удалось получить нового генерал-квартирмейстера, и я долго совмещал эту должность со своей собственной.

* В ходе первых двух недель наступления армия продвинулась на правом фланге на 35—40 км и на левом — на 10—15 км. — *Прим. авт.*

Лучшими и подтянутыми оказались отделы дежурного генерала, этапный, хозяйственный и др. Во всяком случае, с этими отделами постепенно наладились правильные служебные отношения.

Пока я знакомился с делом и наводил порядок в отделе генерал-квартирмейстера, бедный Гутор отражал непрерывные атаки всевозможных депутатов, комитетчиков и приезжих с тыла «товарищей» разных толков якобы для связи и помощи, но фактически для углубления развала. Иногда Гутор приглашал и меня на эти заседания. Солдаты и какие-то прапорщики заседали с удовольствием и сознанием своей силы. Вели они себя развязно с «господами генералами» (титул «превосходительство» был отменен), разваливались на диванах и креслах, если таковые были к их услугам. Не слишком живописная группа эта всегда утопала в табачном дыму.

Но самым ужасным была безысходная глупость всех этих нескончаемых разговоров. «Товарищи» мешались решительно во все, требуя объяснений, почему такая-то дивизия стояла на позиции на два дня дольше, чем другая; почему такой-то полк переводится на другой участок; не является ли происходящая перегруппировка контрреволюцией и т. п.

На заседаниях этих встретился я с прапорщиком 13-го Финляндского стрелкового полка Крыленко, который уже успел проложить себе дорогу в председатели армейского комитета. Откровенный большевик этот энергично вел свою работу по разложению армии, действуя по указке из Петербурга от «Ильича»-Ленина. Внешностью у будущего убийцы Духонина и первого большевистского «Главковерха» была невзрачная и отталкивающая, но держал он себя уверенно, вызывающе и нахально.

Как я ни старался уклоняться от стратегических собеседований с депутатами от войск и комитетов, все совершенно избежать этого не удавалось. Но я принял меры, чтобы мои посетители не засиживались в моем служебном кабинете. Достигнуто это было тем, что я приказал очистить комнату от стульев, оставив только свой собственный и один для очередного настоящего докладчика. Если ко мне «товарищи» являлись ватагой, я принимал их стоя, а им сесть было не на что. Иногда я выходил навстречу к входным дверям, припирая таким образом «депутатов» к выходу. Деловые, но негостеприимные приемы эти действовали лучше, чем плакат с надписью: «Не отнимайте времени попусту». Получив быстрые ответы на свои обыкновенно idiotские вопросы и не получив приглашения покурить, хотя бы стоя, депутаты, помявшись, ретировались. Но сравнение с радушием командующего армией было, очевидно, не в мою пользу.

Заметил я на опыте этих свиданий, что чем учнее, высокопарнее и непонятнее были мои объяснительные речи, тем скорее «товарищи» удовлетворялись моими объяснениями.

Труднее было мое положение, когда случилось волнение в типографии штаба армии и солдатский ее комитет потребовал меня «к ответу». Забыл точно, по какому поводу: кажется, я уволил очевидного смутьяна, наслушавшись жалоб от дежурного генерала, в отдел которого входила типография. Уволенный, разумеется, поднял бурю и организовал протест типографских рабочих. Я решил лично отправиться в львиную берлогу и приказал там собраться депутации. Последняя предполагала судить меня, но я повернул дело так, что я оказался судебным следователем, депутаты — свидетелями, а бунтовщик — обвиняемым. И этому способствовала режиссерская часть: я сидел один за отдельным столиком, а депутаты стояли на приличном расстоянии в приличных позах полукругом — вроде хористов на сцене.

Кончилась эта история благополучно, и вышел я из львиной берлоги победителем между шпалерами усмиранных наборщиков и метранпажей. Но, сделай укротитель малейшую ошибку, конец мог бы получиться другой.

Между тем мы лихорадочно готовились к наступлению. Гучков — неудавшийся Карно из промышленников — 30 апреля закатился за горизонт, и судьбы революционного военного министерства оказались врученными будущему неудачному Бонапарту из адвокатов — Керенскому. Он уже превратился в первого консула, совместив всю военную власть с должностью премьера, ответственного перед Петербургским советом рабочих и солдатских депутатов. Номинальным премьером оставался еще — до начала июля — князь Львов, но это была явная пешка, и Керенский забрал власть по всем отраслям управления в свои руки. Для фронта был торжественно провозглашен лозунг: «Война до победного конца!»

Наши близорукие союзники — французы и англичане — не оплакивали падение старого режима, к которому привыкли, в глубине сердец своих, относиться без симпатии и даже враждебно. Переворот и республика казались им посланным с неба средством упрочить военное положение на русском фронте и заставить «освобожденный» русский народ «сознательно» принести себя еще раз в жертву для выигрыша войны на французском театре.

Русская армия явно разваливалась, но Керенский решил, тем не менее, ответить на понукания союзников организацией большого наступления, решенного в принципе еще при Царе, в феврале. Прежде всего, для этого нужно было теперь навинтить требуемую «сознательность». Считалось, и с основанием, что без этой пропаганды ни один солдат не тронулся бы с места.

Начался ораторский период войны на многострадальном русском фронте. Встарь и искони веков полководцы обращались к войскам перед сражением с поднимающим дух словом. Чем короче — тем

сильнее и лучше. Но перед ними были войска, скованные дисциплиной. Весной 1917 года перед нами находились толпы недоумевавших солдат, у которых отняли все то, во что они слепо верили. Теперь требовалось не несколько сильных слов, а систематическое накачивание новых побуждений. «Защита революционных завоеваний», «свобода в опасности» и т. п. Все это было для уха простолюдина ново и жидко, для его практического ума не очень убедительно («бери землю и грабь» большевиков оказалось куда понятнее и ближе сердцу). Полились длиннейшие речи, в которых мелькали шаблонные и пресные либеральные лозунги среди вычурной и пустой фразеологии, призывавшей, во имя этих лозунгов, снова и добровольно надеть на себя оковы дисциплины и проникнуться наступательным порывом. Надо было бороться со здравым возражением солдата: нам довольно за глаза и обороны!..

«Великая молчалница» — армия вдруг заговорила, и как! Привыкшие только командовать поручики и капитаны учились теперь искусству говорить. Когда-то запрещаемые массовые сборища сделались ежедневным и будничным явлением. Выдвинулись ораторские таланты во всех чинах и из среды самих солдат. Шлюзы были подняты, поток красноречия несся беспрепятственно и разливался широко.

Нельзя было отказать в налаженности и действенности предпринятой кампании «организации духа», как мы говорили. По позициям и в тылу армии разъезжали набившие себе руку — или, вернее, язык — отдельные уполномоченные ораторы («оратели», по солдатской терминологии) или целые группы их. Образовались профессионалы — адвокаты дисциплины и наступления, переезжавшие из одной армии в другую. Часто это были интеллигентные молодые люди, солдатская или матросская форма которых позволяла им обращаться к бывшим «нижним чинам» на братских основаниях.

Работа эта была каторжная и не всегда благодарная. Едва, бывало, успевали «навинтить» какой-нибудь полк, как его «развинчивал» другой молодец по указке Крыленко! В штабе армии пришлось образовывать особый политический отдел, который всегда был в курсе: на какие части можно положиться, какие требовали только «допинга», какие — более продолжительного лечения. Организаторы духа появлялись на минуту в штабе армии, узнавали очередь обработки полков или целых дивизий и исчезали в указанном направлении.

Выезжал к войскам с той же целью и командующий армией в моем сопровождении. В таких случаях собирали где-нибудь на линии резервов большой «митинг», и Гутор обращался к густой толпе солдат с нарочно на этот случай установленной платформы. Даром слова Гутор не отличался и, наверно, предпочел бы прогалолировать верхом перед строем войск, приказав им кричать «несмолкаемое русское "ура"». Он

упрекал меня в том, что я не выступал на этих митингах. Я отговаривался, что все нужное сказано и что мне нечего было бы прибавить.

Невоенное зрелище это и море задранных кверху, по направлению к одной точке, солдатских голов производили на меня тяжелое впечатление. Кто мог подумать, что мы давали тогда первый урок военного воздействия на психологию масс в современных условиях при помощи платформы, словоизвержения и природной склонности толпы превращаться в слепое орудие фанатика-оратора? Через десяток лет море зачарованных голов будет — вместе с изумленной Европой — смотреть в Риме в одну точку — Муссолини. А через два — техника волшебного водительства масс с высоты платформы будет возведена в совершенство Адольфом Гитлером!

Какими бледными и неотделанными кажутся теперь те первые уроки этого искусства на полях Волыни!..

И каким мизерным «вождем» представляется сам Керенский, в свою очередь приехавший на фронт попробовать на войсках свою гипнотическую силу, в которую он верил не менее Муссолини и Гитлера. Но какая сырая, наивная и жалкая техника!

Приехал он на фронт и в 11-ю армию уже после новой перетасовки командования, в результате которой Гутор получил Юго-Западный фронт вместо Брусилова, сменившего в Ставке Алексеева на должности Верховного главнокомандующего. Нашу армию получил генерал И. Эрдели.

О выступлении Керенского и моем знакомстве с ним я скажу позже, когда будет речь об июньской наступательной операции.

Несмотря на то, что мне пришлось работать с Гутором всего каких-нибудь две недели, всевозможного дела было так много, что его можно было бы уложить в гораздо более длинный срок; этот необыкновенно горячий период оставил поэтому яркий отпечаток в моей памяти. Налаживание штаба и его пробуждение от дремоты; подготовка оперативных соображений для назначенной и близкой атаки, в которой 11-й армии отводилась ведущая роль: моя работа и за начальника штаба, и за генерал-квартирмейстера; кипение в котле солдатских комитетов, резолюции и словопрения; выезды с Гутором на позиции — кампания «организации духа»; совещания там со старшими начальниками по поводу тактических деталей и о мерах поднятия морального здоровья войсковых частей...

У Гутора были хорошие военные качества: живость, подвижность, способность принять толковое решение, уметь на нем настоять и, если надо, рискнуть. Но, как и Безобразов, он слишком легко прикладывал руку к козырьку и говорил: «Слушаю-с!» Сказав эти полтора слова революции, он от ее руки и кончил свою военную карьеру, которой был искренно и с пониманием предан.

Хорошим военным считался — и справедливо — также Эрдели. Он начал службу в лейб-гвардии Гусарском Его Величества полку, по окончании Академии служил в штабах Петербургского округа, командовал армейским, а потом гвардейским кавалерийским полком (лейб-гвардии Драгунским), перед войной был генерал-квартирмейстером штаба Петербургского округа, а в самом начале войны на той же должности в 9-й армии Лечицкого. В 1915 году он — начальник 14-ой кавалерийской дивизии.

После этого, предвидя, что в дальнейшем, по своей кавалерийской линии, он едва ли близко познакомится с настоящей войной во всем ее объеме, Эрдели попросил дать ему пехотную дивизию. Он принял 64-ю (второочередную), командовал ею, насколько знаю, хорошо; получил корпус и вскоре 11-ю армию.

Это был высокий, стройный, красивый мужчина, очень молодой, с сохранившимися темными волосами на голове, аккуратно причесанными, с небольшой острой бородкой. Кроме военного дела Эрдели любил и понимал музыку. Он мог считаться выдающимся пианистом-любителем*.

Мне, конечно, пришлось знакомить нового командующего армией со всей обстановкой на фронте и в тылу армии. От него не укрылось неблестящее состояние вверенного мне штаба, что он высказал мне с одновременным комплиментом лично по моему адресу: «Во всем штабе, — сказал Эрдели, — только один человек находится в полном курсе дела — это вы!»

Между тем надо было продолжать и развивать начатую при Гуторе работу по подготовке к наступлению.

Оно было назначено на 10 июня, но потом, вследствие негативности «духа», отложено на 18-е.

Инициатива и нанесение главного удара возлагались на 11-ю и отчасти на соседнюю слева 7-ю армии (Бельковича). Направление — на Львов, причем мы своим левым флангом должны были прорываться через укрепленную позицию неприятеля, нацеливаясь на Зборов и Злочев. 7-ой армии, штаб которой ко времени боя перешел в Бучач, были указаны Бржезаны (Бережаны) как ближайший предмет действий. В дальнейшем этой армии надлежало согласовать свое движение с 11-ой армией в зависимости от достигнутого успеха и хода боя.

Удар наносился в стыке наших двух армий и против стыка двух неприятельских: 2-й австрийской (Бем-Ермоли) и германской «группы» Ботмера.

* Это помогло ему немного в эмиграции, где он оказался совершенно без средств. Сделавшись парижским «такси», Эрдели прирабатывал игрой на рояле и уроками музыки. Скончался в 1939 г. — *Прим. авт.*

Все остальные русские армии к северу и к югу от фронта, выбранного для первоначального удара, получили выжидательные задачи — в общем, пассивные; в лучшем случае — вспомогательной атаки (8-я армия Корнилова — соседка 7-ой слева).

Нашим соседом справа, к северу от района Броды*, была моя знакомая Особая — со знакомым Балуевым. Эта армия, на участке которой приходилось много болот, получила оборонительно-наблюдательную задачу, как бы составляя опорное крыло Юго-Западного фронта, пока центр (11-я и 7-я армии) и левый фланг (8-я армия) будут заходить в охват района Львова с юга.

Это сужение района атаки и относительное безучастие всего прочего огромного русского фронта не обещало крупных результатов и объяснялось тем, что «навинчивать» наступательный дух с одинаковым успехом по всему этому фронту считалось проблемой неразрешимой. Полагали, что если будет победа, она эхом отдастся и в другие армии, заразит их «сознательным порывом» и даст возможность сдвинуть с места вперед и эти армии.

С другой стороны, теперь сила всего русского фронта менее чем когда-либо соответствовала его длине: число корпусов и дивизий перестало иметь определенное значение. Играло роль число надежных в смысле настроения единиц; их было менее половины, а ненадежные или сомнительные представляли собою опасный балласт, содержащий в себе взрывчатые вещества. Мерить стратегические и тактические возможности прежним масштабом было нельзя.

Командованию в этих диких условиях не оставалось ничего, как представляться перед противником, что мы продолжаем быть боевой силой; стоявшие на позициях войска, внушительные в изображении карандашом на карте, являлись лишь бессильным условным знаком; в некоторых случаях, на некоторых участках, деревянные мишени были бы лучше, ибо, в случае атаки противника, они не дрогнули бы и остались на месте.

Протягивая «ножки по одежке», русское командование сделало все возможное, чтобы обеспечить первоначальный успех на сравнительно узком фронте атаки. 11-ая армия получила шесть корпусов и один конный (справа налево: 1-й Туркестанский, 32-й, 5-й, 17-й, 49-й и 6-й армейские и 7-й конный); 7-я армия — пять корпусов (41-й, 7-й, 34-й, 22-й и 3-й Кавказский); 8-я армия Корнилова, на более растянутом южном фронте, — шесть корпусов (33-й, 12-й, 16-й, 11-й, 23-й и 18-й армейские).

* **Броды** — город, первое упоминание в XI в. После раздела Речи Посполиты — в составе Австрии, пограничный город. Ныне — на Украине. — *Прим. ред.*

По-видимому, это являлось максимумом того, что активный фронт мог вместить без чрезмерного численного обнажения других фронтов. Качество упало; там, где прежде можно было положиться на один батальон, теперь ставили два; цеплялись за число, как за спасительное средство при исчезновении дисциплины и воинского духа.

Обращает внимание то, что ударная армия — 11-я — по числу корпусов только на один превосходила 7-ую и равнялась 8-ой. Равномерность этого распределения находит объяснение в том, что в руках Главнокомандующего Юго-Западным фронтом оставалось пять корпусов (не считая еще одного конного), которыми Гутор предполагал «подпереть» и развить успех на том или другом участке — в зависимости от того, как и где этот успех сложится.

Корпуса эти были: два Гвардейских, 5-й, 25-й, 45-й армейские и 5-й конный.

Как увидим, из них было введено в дело четыре (включая гвардию), но не ранее 22 июня, когда эксплуатация победы явно опоздала.

Возникает вопрос, почему решили против стыка неприятельских армий бить тоже стыком, что раздваивало удар в направлении на одну цель — Львов. Не проще ли было отвести ударной 11-ой армии такой фронт, чтобы она своей серединой нацеливалась на участок Злочев* — Бржезаны, спустив 7-ую армию несколько южнее и дав ей направление вдоль верхнего Днестра в обход Львова**? При этом бездействовавшие корпуса правого фланга 11-ой армии могли быть переданы — впереди Брод — в Особую армию, а активные правофланговые корпуса 7-й армии — в 11-ую.

Неестественность принятого решения вызвала и неуклонное облическое базирование 11-ой армии. Ядро тыловых управлений оставалось в Кременце, скорее ближе к правому флангу фронта, а собственно оперативная часть переехала перед боем в Тарнополь*** и Озерну — за крайний левый фланг. Сообщения шли, таким образом, в ближайшем тылу, почти параллельно фронту армии.

На перемену разграничительных линий и базирования 11-ой и 7-ой армий времени было достаточно, мы готовились к наступлению и молили в штабных стратегических мельницах все связанные с ним вопросы целый месяц. Как увидим дальше, 11-я армия была

* **Злочев** — город с 1523 г. С 1772 г. в составе Австрии. Ныне — город Золочев, Украина. — *Прим. ред.*

** **Львов** — основан в XIII в. С 1772 г. в составе Австрии. В 1914–1915 гг. столица занятой нами Восточной Галиции. Ныне — Украина. — *Прим. ред.*

*** **Тарнополь** — город с 1540 г. С 1772 г. в составе Австрии. Ныне — Тернополь, Украина. — *Прим. ред.*

поставлена в особо тяжелое положение, когда разразился контрудар противника, именно вследствие этих условий базирования.

Если бы неприятель тогда стал развивать свой успех не в южном направлении — на Тарнополь и еще южнее, во фланг 7-й армии, а в северном — на Броды и Кременец, положение 11-ой армии сделалось бы катастрофическим. Она могла быть разрезана на две части и отброшена от своих тылов.

Как бы то ни было, мы готовились к наступлению своим левым флангом, согласно директивам штаба фронта (Гутор—Духонин) с чрезвычайным усердием. В тактическом отношении обдумывалась каждая мелочь.

К сожалению, у меня нет под рукой верстовой карты районов атаки, которая помогла бы припомнить некоторые характерные подробности. Без них приходится ограничиваться самыми общими чертами.

Были выбраны три предмета действий по линии неприятельской укрепленной полосы, в секторе западнее села Озерна: на правом фланге — город Збараж*; в центре — открытое волнистое пространство, в котором по гребню высот тянулись австрийские окопы; на левом фланге — район села Конюхи. Здесь противник укрепился по окраине деревни и по опушке леса — за нею и в стороне. Опять надо было атаковать нелюбимый местный предмет — лес!

На всех трех участках мы располагали довольно удобными подступами, благодаря складкам местности. Эти подступы являлись естественными ходами сообщений для маневрирования резервов. Соображения эти послужили, между прочим, к выбору фронта атаки.

Естественные подступы были усилены и искусственными окопами для резервов параллельно фронту и поперек.

Особенное внимание было обращено на разработку артиллерийского огня. Вопрос этот поручили полковнику Кирею, выдвинувшемуся по этой части с 1916 года и составившему себе прочное имя. Это был еще совсем молодой человек, артиллерист, но и с образованием Военной академии, давшим ему широкий тактический кругозор. Он увлекался своим делом, поражал своей неутомимостью и был вездесущим. Работать с ним было очень приятно и полезно.

Кирей водил Эрдели и меня по окопам и наблюдательным пунктам, показывая противника в перископную трубу «в натуральную величину» и строил общий план артиллерийской атаки.

Проволочные заграждения, пулеметные гнезда, опорные пункты и все линии окопов неприятеля в глубину были систематически сфотографированы с воздуха, и мы имели вполне удовлетворительные

* **Збараж** — первое упоминание в XIII в. После раздела Речи Посполиты — в составе Австрии. Ныне — Украина. — *Прим. ред.*

планы позиций, которые предстояло разрушить и штурмовать. Позиции эти были сильны и обладали хорошим обстрелом.

Были приняты все меры, чтобы скрыть наши приготовления и обеспечить таким образом внезапность нападения.

В смысле числа сосредоточенных для атаки сил удалось достигнуть арифметического превосходства, в пехоте, вероятно, без малого вдвое*.

Но поправкой к арифметике в пользу наших противников было то, что они не справляли, как мы, праздник революции!

Для производства прорыва на выбранном участке назначили два корпуса, которые считались более надежными: 6-й — им раньше командовал Гурор, а еще раньше, в 1915 году, Гурко — и 49-й генерала Селивачева. Но по числу дивизий эти два корпуса представляли величину, превышавшую штатную силу, так как 6-й корпус получил две дополнительные дивизии и состоял из пяти дивизий вместо трех (а именно: 4-я, 16-я, 2-я Финляндская стрелковая и второочередные 151-я и 152-я). Целью такого усиления было получить в наше распоряжение больше артиллерии и резервов для развития удара. Эшелонированный в глубину на узком фронте 6-й корпус, нацеленный на Конюхи и правее, мог представить из себя достаточно веский молот.

49-й корпус, кроме своих двух Финляндских стрелковых дивизий (4-й и 6-й) и 82-ой второочередной, получил отдельную бригаду, только что сформированную из чехословаков, в разное время передавшихся нам или взятых в плен. Бригадой командовал полковник Троянов. Чехословаки, державшие себя в стороне от русской революции, являлись едва ли не самой дисциплинированной частью на нашем фронте.

Таким образом, для удара было всего назначено девять дивизий (считая крепкую «братскую» бригаду за дивизию).

Не помню, кто командовал 6-м корпусом, но командира 49-го забыть трудно. Это был генерал Селивачев, составивший себе вообще, а в те смутные дни в особенности славу ловкого, толкового и энергичного начальника. Небольшого роста, худой, с необыкновенно длинным лицом, в усах и бороде, точно из-под кисти Ел Гресо**, и с еще более длинным лысым черепом, возвышавшимся в форме цилиндра, Селивачев обращал на себя внимание. Голова эта сослужила плохую

* Такое же примерно соотношение указывает для всех фронтов этого периода А. Керсновский в своем труде «История русской армии» (Ч. IV). Он считает, что у нас было 216 пехотных дивизий против 132 неприятельских. Но 72 наших дивизии были без артиллерии — следствие неудачной реформы: формирования новых дивизий из четвертых батальонов пехотных полков (поспешная реформа Гурко в конце 1916 г.). — *Прим. авт.*

** **Доменикос Теотокóпулос** (1541–1614) — живописец эпохи испанского ренессанса. — *Прим. ред.*

службу Селивачеву в Академии Генерального штаба: учился он очень хорошо, а в Генеральный штаб его не выпустили. Сказали: «Нельзя с таким природным цилиндром, над которым будут шутить!»

Но под цилиндром были отличные мозги, а на войне Селивачев доказал и свою волю.

Мне пришлось встретиться с ним через три месяца в других обстоятельствах... Об этом скажу в своем месте.

Деятельность наша с начала июня вплоть до дня атаки была кипучая. Эрдели собирал в районе позиций совещания, на которые приглашались для выработки деталей и окончательной формы атаки старшие начальники, пехотные, артиллерийские, инженерные, авиационные и их штабы. Некоторые из этих совещаний были многоядными*.

Одновременно знакомились на местах будущей атаки с разными частностями.

Наконец, продолжалось «навинчивание» наступательного духа. В армии, по новой моде, был образован особый «ударный батальон», род гвардии, которая поставляла и «уговаривателей», проповедовавших в окопах и в резервах насущную необходимость наступления и готовилась показать и пример, если понадобится.

А за неделю до атаки прибыл на фронт 11-ой и 7-ой армий и сам «Главноговаривающий», как метко прозвали тогда Керенского.

Нужно признаться, что мы с любопытством ожидали появления революционного военного министра. До тех пор знали о нем понаслышке; помнили, что был такой депутат Государственной думы, социалист, охотно говоривший с трибуны; читали теперь его пламенные речи, которые он произносил по всякому поводу в столицах. Интересно было посмотреть на того, кто, по-видимому, взялся направить рвавшиеся во все стороны пары революции в военную машину и заставить вертеть ее колеса «до победного конца».

Первое посещение Керенским штаба 11-ой армии — вернее, его оперативной части, выехавшей в район будущей атаки — состоялось в какой-то случайной деревушке, в здании местной школы.

Из автомобиля с красным флажком на радиаторе выскочил небольшой человек, весь в «хаки», в кителе с рубашечным воротником, в высоких сапогах. Он, при быстром взгляде на его силуэт, напоминал управляющего господским именем во время летних объездов помещичьих угодий.

* Во время одной из моих поездок в автомобиле на фронт при проезде через Тарнополь мне представился и подошел с рапортом комендант города. Я узнал в нем давнего знакомого: это был генерал-лейтенант Карлштадт, когда-то мой воспитатель в 5-м классе Первого кадетского корпуса! Выглядел он по-прежнему молодцом. Мы крепко, по-дружески обнялись. Теперь он оказался во временном подчинении у меня! — *Прим. авт.*

Человек подбежал неловко и с деланною уверенностью к подъезду дома, где мы его ждали, по узкому проходу, оставленному любопытными солдатами, которые собрались поглазеть на новое начальство. Если бы не однообразный желто-зеленый цвет этих импровизированных шпалер, они походили бы на добровольный почетный караул из зевак у дверей церкви в ожидании приезда невесты.

Почти стиснутый этими шпалерами у подъезда, Керенский пожал несколько солдатских рук, наудачу и к смущению удостоенных писарей и обозных, со словами: «Здравствуйтесь, товарищ!» Все это было необычайно и неуклюже. Несмотря на короткость первых минут первого знакомства, сразу становилось ясным, что не Керенскому повелевать парами революции, которые сами треплют его, как бессильную тряпку.

У нижней ступеньки лестницы, ведущей на балкон дома, Эрдели представился министру, представил также меня и некоторых младших чинов штаба. На балконе сели вокруг длинного стола — Керенский, конечно, во главе его. Была предложена какая-то закуска, может быть, завтрак с чаем.

Мы оглядывали друг друга. Никакого доверия к нам и понимания нас не отражалось в косых, исподлобья, взглядах маленьких, бесцветных глаз Керенского. Все эти генералы и полковники были для него людьми с другой планеты. Чувствовалось, что в нашем присутствии ему не по себе и что он напряженно играет непривычную и трудную роль, которая свалилась на него неожиданно и случайно. Сон ли это или действительность? Та же мысль была и у нас.

Под маской отрывистых, резких манер и решительных слов скрывалось что-то другое; игра была не только трудная; она была двуличной.

Кстати, о маске. Где я видел точно такое лицо? Нездорово-бледное, с рыжей щеткой на голове, без бороды и усов, с крупной бородавкой? И такое выражение глаз и рта: загадочное, говорящее о тщеславии и о слабости, о зависти и мстительности, о фальши и холодности? Вообще, где я видел такую редко отталкивающую маску?

Вдруг меня осенило: Гришка Отрепьев!

Именно такое лицо смотрело на нас теперь. Нет, это не был Бонапарт!

Не будучи Бонапартом и в области военных знаний, Керенский не мог вести с нами оперативных разговоров. Он слушал доклад Эрдели с притворным вниманием, вставляя ничего не значащие «конечно», «еще бы» и т. п. Едва ли этот военный министр свободно читал военную карту. Когда перешли на вопрос о состоянии «революционной сознательности» войск, Керенский почувствовал себя дома и оживился.

На этом летучем заседании на балконе деревенской школы составили расписание, по которому Керенский будет объезжать наши резервы и накладывать последние штрихи в области подъема духа; как ни энергично велась наша армейская наступательная пропаганда, все же оставались части «под вопросительным знаком». Нет-нет придет донесение, что вчера еще «здоровый» полк проснулся в состоянии апатии или даже пораженчества. Вкрапленные повсюду товарищем Крыленко большевики тоже не дремали и, где могли, заставляли солдатно выносить резолюции против наступления, а то и против войны. Немедленно мчался туда очередной говорун-«ударник». К следующему дню та же солдатня выносила свирепую резолюцию о немедленной атаке!

Митинги для Керенского назначались большею частью под вечер, чтобы не привлекать массовыми сборищами внимания воздушной разведки неприятеля и обстрела как воздушного, так и артиллерийского, наземного.

Ни Эрдели, ни я не имели времени сопровождать министра на все эти митинги. Но на одном из них мы присутствовали.

Для сборища была выбрана обширная лужайка в какой-то котловине. Огромная толпа солдат без оружия стала толстым кольцом по краям, оставив в середине большое пустое пространство. Это напоминало цирк с его ареной.

Начинало смеркаться, когда — по расписанию, после двух или трех других митингов — подъехал автомобиль Керенского. Приняв у входа внутрь кольца нечто вроде рапорта командующего армией, министр взбежал своей всегдашней суетливой походкой на арену и остановился в ее центре. Начальствующие лица задержались в почтительном удалении.

Керенский, поздоровавшись с «товарищами» такой-то дивизии и получив еще не отмененное «здравия желаем», приказал всем сесть на землю. Солдаты — кто сел, кто лег. Мы, начальствующие, опустились на «компромиссное» колено, как в церкви во время «вечной памяти».

Керенский остался стоять. В смутных очертаниях вечера вырисовывался силуэт господского управляющего. Речь его была громкая, трескучая и пустая. Голоса скоро не стало хватать, и Керенский начал хрипеть. Знакомые и избитые выражения революционных речей, которые мы уже читали в газетах и которые набили оскомину, все эти «солнце свободы», «пробуждение гражданского долга» и т. п. сопровождалось энергичными жестами. Оратор то потрясал кулаком, то раскрывал свои объятия, время от времени поворачиваясь всем телом то в одну, то в другую сторону.

Дергающийся силуэт этот постепенно окутывался темнотой быстро наступавшей ночи. Наконец он слился с нею. Тогда какие-то служивые

пиротехники, оказавшиеся в разных местах солдатского кольца, зажгли площадки с бенгальскими огнями. Теперь Керенский то ярко освещался зеленым зловещим светом, то снова утонул в темноте ночи. Для полного сходства с цирком не хватало сильного луча прожектора, который мог бы взять солиста на арене в свой яркий кружок, и оркестра музыки!

По окончании митинга считалось, что министр уговорил дивизию (хотя, разумеется, здесь присутствовали только ее представители). Мы проводили Керенского в его автомобиль, а тот повез его убеждать еще одно собрание «солдат-граждан».

Нельзя не признать, что работал гражданин министр в те дни не жалея ни себя, ни своего языка.

* * *

18 июня, в хороший жаркий день, напомнивший день атаки гвардии на Стоходе почти ровно 11 месяцев тому назад, 6-й корпус атаковал позиции австрийцев в районе села Конюхи. Атаку на Зборов* решено было произвести 49-м корпусом на другой день, после того как внимание и резервы противника будут отвлечены южнее, к участку у Конюхов. Позиция против 49-го корпуса считалась сильнее, так как австрийцы укрепились там, между прочим, на командующей высоте «Могила».

6-й корпус, после предварительной интенсивной артиллерийской подготовки, стройно, по плану, вышел из окопов — как в дореволюционное время — и вскоре овладел первой линией обороны противника. Артиллерия перенесла огонь на следующие линии, вторую и третью, а пехота затем взяла с боя и эти линии. Пройдя насквозь Конюховский лес, мы вышли на западную его опушку. Успех был повсеместный, и к вечеру корпус достиг намеченных предметов действий.

19 июня такой же блестящий успех повторился на Зборовском участке. Финляндские стрелки 4-й дивизии произвели красивую атаку горы «Могила» и, несмотря на упорное сопротивление, овладели этим ключом позиции.

Вообще неприятель в оба дня боя, хоть и застигнутый нами врасплох, защищал каждый шаг с большим упорством. Но в артиллерийском огне он нам явно уступал, и мы пожинали плоды отличной и гибкой организации огня полковником Киреем и другими артиллеристами армии.

Корпус Селивачева разбил 9-й австрийский корпус. Мы имели здесь дело с одной германской дивизией (223-й), одной венгерской (32-й) и одной наполовину чешской (19-й австрийской).

* **Зборов** — основан в XII в. После раздела Речи Посполиты — в составе Австрии. Ныне — Украина. — *Прим. ред.*

Корпус этот был так потрясен, что ночью его сменили германским 51-м корпусом.

Эта быстрая смена пострадавших частей свежими и более крепкими была налажена у противника хорошо и явилась одной из главных причин, почему наш первоначальный успех часто получал, при попытке развить его, своевременный отпор.

На эту тактику следовало отвечать подобными же сменами атаковавших войск, расстроенных боем, и производить немедленно повторный удар на том же участке свежими силами. Мы же обыкновенно давали первой волне передышку и затем возобновляли атаку теми же войсками. Если они натыкались на противника, оправившегося при помощи смены, развитие прорыва не удавалось.

Трофеи 11-й армии за 18 и 19 июня были значительны: 6-й корпус взял 10 орудий и 5000 пленных, 49-й — 15 орудий и 6000 пленных.

Пропустив день для устройства на новой линии и введя в боевую линию свежий 17-й корпус, мы снова атаковали 22 июня, имея в виду сбить противника с его новой позиции. Но позиция эта оказалась заранее укрепленной, тыловой, и наши солдаты-товарищи уже были не те. Их хватило ненадолго. Они успели израсходовать внушенный им пыл и вернулись к рассуждениям. Даже в перволинейных окопах заболтали «комитетчики»: мы де свое выполнили, чего еще нужно!

Атака 22-го имела бледный и частичный успех с захватом еще свыше 1000 пленных и 17 офицеров.

Всего за эти три дня боев 11-я армия взяла*: 31 орудие, 33 пулемета, 300 офицеров, 18 500 нижних чинов.

В соседней слева 7-й армии тоже был упорный и успешный бой 18 и 19 июня, в котором она прорвала фронт неприятеля у Дикого Лана и нанесла поражение 25-му германскому резервному корпусу у Бржезан. Как и у нас, в дело было введено только 3 корпуса. И, как у нас, на достигнутом первом успехе победа заглохла. Выдохся искусственно навинченный порыв — кончилось наступление...

* * *

Во время этой июньской операции штаб армии расположился к западу от Тарнополя, в местечке Езерна. Отсюда, как из угла сектора, легко было проехать в ту или другую точку дуги, на которой разгорались бои.

18-го числа Эрдели и я с передовым отделением связи выехали на линию резервов 6-го корпуса. Ранним утром автомобиль подвез нас

* Эти цифры приведены в упомянутом выше труде А. Керсновского «История русской армии», ч. IV (1938). — *Прим. авт.*

к полуразрушенной деревушке, где ожидал своей очереди двинуться вперед один из батальонов. Оставив машину в складке местности, мы пешком направились по ложине к деревушке. Она была частью внизу, частью на довольно заметной горке.

Артиллерия противника обстреливала наши тылы редким огнем, точно пристреливаясь.

Увидя командующего армией, командир батальона, не старый капитан (к тому времени редко можно было увидеть батальонного командира в штаб-офицерском чине), пошел навстречу нам с рапортом.

Принимая рапорт, Эрдели заметил, что офицер был мертвенно-бледен, рука его у козырька слегка дрожала, слова были неуверенные. Эрдели это покорило. Заметил он также, что и ближайшие солдаты имели какой-то растерянный вид.

— Что с вами, капитан? — строго сказал он офицеру. — Потрудитесь взять себя в руки! Подайте команду людям, чтобы я мог с ними поздороваться!..

Капитан сейчас же «подтянулся», но доложил: за минуту перед тем упала граната в самую середину нагорной части деревни, убила и ранила несколько человек и произвела смятение среди остальных.

Мы появились как раз после этого. Впечатление не успело еще изгладиться.

Поднявшись на горку, мы действительно увидели результаты разрыва гранаты, угодившей в группу солдат. На площадке были разбросаны и еще не убраны отдельные члены разорванного на мелкие части человека. Лежало два или три тела. А прислонившись к стенке, за которой укрывалось несколько человек, сидел в естественной, живой позе, с чайной кружкой в руке, солдат... без головы.

В конце концов, Эрдели переехал за центр 6-го корпуса, откуда мы и следили за ходом боя; это была какая-то небольшая высота в чистом поле. Видеть с нее много было нельзя, но быстрая связь позволяла следить за пульсом боя. Мимо проходила в передовую линию резерв, вызванный командующим армией. Эрдели приказал мне провести эту часть и указать направление, что я и исполнил.

Интереснее поместились мы в день боя 19-го. На высоте, с которой открывался широкий вид на местность у Зборова и дальше, на Злочев, стояла довольно необъяснимая башня. По лестнице можно было подняться на верхнюю площадку. Оттуда обзор был, конечно, еще шире и глубже.

В подвале башни я поместил наши телефоны, а мы с Эрдели наблюдали за ходом боя с верхушки. При этом Эрдели, чтобы видеть еще лучше, взобрался на дымовую трубу и, свесив с нее свои длинные ноги, рассматривал в бинокль происходящее впереди.

На мое приятное удивление этой способности спокойно сидеть на «тычке» и на высоте примерно 300 футов, ни за что не держась, Эрдели ответил: «Я — как кровельщик, совершенно не боюсь высоты».

Мы хорошо видели — я скромно, с площадки, защищенной стенками по пояс, Эрдели гордо, с печной трубы, — как стрелки штурмовали гору «Могила» и радостно слышали донесенное ветром отдаленное «ура» штыковой атаки на вершину, носившую такое мрачное название. К общему нашему благополучию, противник, бросая редкие снаряды поблизости, не обстреливал башни, которую не мог не видеть хорошо. Артиллерия его слишком была занята целями в полосе самой атаки.

Не помню точно, в какой день вскоре после победы приехал Керенский объявить благодарность «революционным сознательным воинам» от имени «свободного русского народа и Временного правительства».

Было приказано собрать где-нибудь в районе позиций «депутации» от всех отличившихся полков. Мы выбрали крошечную невзрачную деревушку, запрятанную в лощинке, прикрытую холмами со всех сторон. Селение это называлось Окоп. Керенский мог, если бы захотел, рассказывать потом, что действие происходило в окопе, и говорил бы почти правду.

Безоружные депутаты построились по полкам полукругом, лицом к автомобилю Керенского. Это уже не был строй прежнего времени. Стояли в печальном беспорядке, держались мешковато, смотрели мрачно и исподлобья.

Министр, стоя в автомобиле, произнес, вернее, прокричал свою поздравительную речь, считая и самого себя победителем и сообщив радостную весть, что таким-то полкам, наиболее отличившимся в этом первом «революционном наступлении», пожалованы — точно не припомню — не то красные знамена, не то красные ленты на знамена с соответствующей надписью.

Люди продолжали смотреть волками, ничем не обнаруживая ни интереса, ни тем менее подъема. Загадочный клубок защитного цвета!

Речь напоминала застольный тост и заключалась, как полагается, казенным «ура».

После этого Керенский удостоил благодарственным рукопожатием Эрдели и меня, а первого (пошептавшись со своим начальником походной канцелярии) поздравил с производством в полные генералы.

Церемония кончилась. Министр вышел из автомобиля-трибуны и предложил солдатам доложить ему об их нуждах. Строй, и без того мало на него походивший, превратился в откровенную толпу. Керенского тесно обступила кучка солдат.

Один из них, смелый и развязный, немедленно приступил к исполнению «нужд».

Они сводились к тому, что «мы де свое дело сделали» и что пора части сменить и отвести в тыл.

Керенский, только что с кафедры призывавший к продолжению героического натиска сознательной русской армии на врага во имя защиты «горячо любимой родины и завоеванных свобод», вступил с этим представителем того и другого в полемику. Диалектическая борьба оказалась неравной. Адвокатская логика и казуистика разбивалась об упрямые заявления депутата, как о стену, что «повоевали и хватит! Другие-то ничего не делали!» Окружающие братцы, теперь «товарищи», одобрительно побрякивали и вставляли свое: «Верно, господин министр, что и говорить».

Господин министр попробовал переменить тему. Не тут-то было! Посыпались со всех сторон самые неожиданные вопросы, требования, жалобы... Разговор вступал в фазу «стрижено-брито» и «заладила сорока Якова».

Кое-как смяв эту словесную канитель в неуклюжую резолюцию, что «начальство все это разберет», Керенский наконец вырвался из солдатского кольца, которое росло и напирало.

Отбыл куда-то министр со своими приближенными. Поехали обратно в Езерну и мы с Эрдели. Сев в автомобиль, Эрдели рассмеялся и сказал: «Нечего сказать, хороши и мы с вами: не потрудились надеть оружие для встречи военного министра!» Действительно, только тут я заметил, что мы оба были без шашек.

Хорошо, что противник не пролетал над селом Окоп и над митингом 11-й армии в тот чудный летний день. Не только заманчиво было бы бросить сверху бомбу в эту гущу, но возможно было дать знать и артиллерии. Деревушка отстояла от передовой линии всего верстах в трех и могла быть легко обстреляна. Упади там один снаряд — что бы это было!

Впоследствии выяснилось, что главным говоруном на памятном благодарственном митинге, говорившим от имени доблестных полков июньского наступления, был какой-то тыловой писарь.

По возвращении в штаб я был тронут заботливым вниманием моего денщика Федора Божко: он приготовил мне генерал-лейтенантские погоны. И был искренно огорчен, когда пришлось их спрятать!

Заслужил ли я третью звездочку? Не знаю. Знаю только, что с оперативной точки зрения атака 18–19 июня, предпоследняя заметная победа старой русской армии*, удалась без единой осечки и что

* Последней явилось успешное наступление (тоже короткое) 8-й армии Корнилова в Буковине через неделю, 27 июня. — *Прим. авт.*

мое личное участие в плане ее и в деталях исполнения (согласование, связь) выразилось в процентах, превышавших 50. Припомним, что у меня все еще не было и генерал-квартирмейстера!

По-видимому, так это и оценил мой милый Федор Божко, независимо от простительного пристрастия.

После вялого боя 22 июня становилось ясно, что должны быть приняты более решительные меры для возвращения прежней боеспособности войск и что на одном уговаривании далеко не уедешь.

23 июня (хорошо помню эту дату) я составил на эту тему телеграмму в штаб фронта. В ней обрисовывалась реакция, наступившая в полках сразу после израсходования заряда нравственного «допинга», и указывалось на те трудности, с которыми придется встретиться командованию впредь в этих ненормальных условиях. Телеграмма была в одну страничку, но выражения — определенные и прямолинейные. В сущности, мы расписывались в своем бессилии и предупреждали старшее командование, чтобы оно не питало излишних иллюзий насчет дальнейшего «блеска». Эрдели подписал, не внося в редакцию никаких изменений. Телеграмма пошла.

На другой день внезапно в штаб приехали Гутор с Духониным. Входя в комнату, Гутор с укоризной сказал мне: «Зачем, зачем послали вы такую телеграмму?!» Оказывается, она была получена, когда в штабе фронта находился Керенский. Наступление 18–19 июня он считал своим детищем; оно, в параллель с прошлогодним наступлением Брусилова, даже было окрещено именем Керенского. Свободная армия показала себя настоящими сынами отечества! И вдруг находятся малодушные генералы, которые отрицают это!

Гутор, по-прежнему оптимист и узкий солдат, приехал, очевидно, нас подбодрить. Справимся со всеми затруднениями, снова атакуем... И назначил даже число — 30 июня. Предполагалась атака всем фронтом.

Но не в одной 11-й армии шли в войсках митинги. Явление это с удвоенной пышностью расцвело повсюду. Психология тылового писаря, препиравшегося с Керенским в Окопе, одолевала.

Надо было сызнова «навинчивать» полки; дело шло хуже и медленнее, чем в первый раз. Пришлось отложить наступление на середину июля.

11-я армия была усилена двумя корпусами — 25-м и 45-м (шесть дивизий).

Но, как узнали мы гораздо позже, после войны и противник против нас получил подкрепление в пять дивизий 3-го и 10-го корпусов, переброшенных с французского фронта. Там все было спокойно, а наша атака оказалась достаточно — и неожиданно — тревожной. Нужно было предупредить повторение и помочь ходу русской революции.

Между тем она углублялась теперь на фронте и без помощи немцев. Как только часть попадала в резерв, на нее набрасывались вкрапленные в тыл армий агитаторы, большевики и полубольшевики, и через день-другой в этой части начиналось брожение. Число «заболевших» полков и целых дивизий росло. Нашей контрагитации уже не хватало. Бунтовщики, вооруженные и с пулеметами, занимали в тылу позиции и окапывались. Против этих укрепленных лагерей приходилось высылать «ударные батальоны» или кавалерию, которая, к счастью, не подавалась пропаганде. Надежными также оставались артиллеристы.

В тылу разыгрывались, таким образом, междоусобные маневры и даже маленькие бои с боевыми патронами. Бунтовавшая часть окружалась; высылали переговорщиков; брали людей в полон и разоружали. Из офицеров в таких полках и батальонах заодно с мятежниками оставались только единицы — революционные карьеристы.

Самым ярким примером такого карьериста был штабс-капитан лейб-гвардии Гренадерского полка Дзевалтовский. Кадровый офицер этот, с очевидною польскою кровью, прогремел как неукротимый председатель солдатского полкового комитета, ставшего на «платформу» мирного и сытного существования в тылу, без начальства и без боевых тревог. Разбойничья банда эта выгнала всех офицеров с командиром полка во главе, и в один прекрасный день мы нашли их в саду главной квартиры 11-й армии расположившимися живописным лагерем под кущами деревьев.

Как раз в это время (начало июля) нам был передан, ввиду предстоявшего наступления, 1-й гвардейский корпус, и его части квартировали в тылу армии между Езерной и Тарнополем. Изгнанники-офицеры лейб-гвардии Гренадерского полка и явились, на законном основании, под крыло штаба 11-й армии.

Понадобилось снарядить «карательную экспедицию», чтобы порочить отложившихся лейб-гренадер и арестовать их атамана.

К счастью, полки родной 1-й гвардейской дивизии удерживались от развала успешнее; нечего и говорить, каких усилий это стоило кадровому офицерскому составу. Старых офицеров оставалось мало, а среди нового поколения «прапорщиков» было достаточно зыбких натур, поддавшихся революционному угару. Помню, как-то в Кременец приехал ко мне один такой прапорщик-измайловец из Петербурга. В мое командование это был довольно расторопный унтер-офицер — конный разведчик, в котором трудно было угадать будущего демагога! Теперь он держал себя со мной «на равной ноге» и развязно пытался поучать, как и что нужно делать. Но он не принес непосредственного вреда полку, так как отделился от него и «работал» на стороне. Отделился, впрочем, не совсем по своей воле. От него удачно отделалось начальство.

Несмотря на заколдованный круг, в котором приходилось врашаться армии, она все же продолжала деятельно готовиться к тому, чтобы вырваться из этого круга и снова атаковать противника. Стратегическая цель оставалась той же: помочь союзникам!

Великодушие это, в условиях, когда мы не знали, как помочь самим себе, поощрялось военными представителями союзных армий. В штаб 11-й — ударной — армии наезжали французские, английские, румынские и итальянские генералы и офицеры. Они «бодро смотрели вперед» и уверяли нас, что еще одна решительная победа, и российская новорожденная республика станет на ноги! Итак, не задумывайтесь и идите на штурм!

Во время знаменитого митинга с Керенским после победы 18—19 июня мне случилось, между прочим, стоять рядом с капитаном французского Генерального штаба Н.

«Ah! — говорил он мне утешительно, смотря на вялую и критическую толпу людей в защитных рубахах. — *Ça ne fait rien!**! Наш француз-республиканец тоже много и долго ворчит перед наступлением. Мы де не пойдем и т. п. Но ударит час — и нет на свете лучшего солдата при атаке! *Mais oui, ce sont des grognards historiques!*** Вы увидите, что то же самое будет у вас».

Подхлестывая русских республиканцев, все эти иностранные офицеры отнимали у штабов время, требуя разные сведения и всевозможные справки.

Однажды был набег на штаб армии целого букета генералов, и Эрдели поручил мне сделать им доклад о наших планах. Я проклинал эту лекцию, так как нужно было говорить по-французски!

Приготовления наши были прерваны внезапным переходом в наступление австро-германцев. Получив вовремя, как раз в период митингов конца июня, в подкрепление те пять дивизий, о которых было сказано выше, неприятель образовал особый Злочевский отряд генерала Винклера***. Ему было дано направление на Злочев—Тарнополь. Всеми войсками на фронте против 11-й армии командовал принц Леопольд Баварский, и ударная группа, нацеленная на наш левый фланг, состояла почти исключительно из германцев: одиннадцать дивизий из двенадцати.

Дивизий в нашей армии ко времени июльских боев было, казалось, более чем достаточно. Мы имели девять корпусов в боевой линии (считая с одним конным) и один корпус (45-й) в резерве. Но ого-

* «Это ничего не значит» (фр.). — Прим. ред.

** «Но да, это вечные ворчуны!» (фр.). — Прим. ред.

*** Эти подробности стали известными, конечно, уже после войны. Я пользуюсь трудом А. Керсновского. — Прим. авт.

лить оборонительный правый фланг опасались. Он прикрывал наши сообщения, шедшие от Кременца. Ослабить наши силы там значило пригласить неприятеля к себе в гости и подвергнуть армию большой опасности.

Наша группировка, в целом, была не оборонительной, а наступательной. Главные силы — пять корпусов — были собраны на нашем левом фланге для атаки, в то время как остальные должны были вначале удерживать свои позиции. Думаю, что арифметически мы превосходили на своем активном крыле силы противника.

Однако последний выставил здесь свои лучшие войска, а наши были уже далеко не те героические и стойкие полки, которые год тому назад дали Брусилову громкую победу. Очень далеко!

Болезнь духа не вознаграждалась и улучшениями материального порядка. Несмотря на то, что многое в этой области если не исправилось, то поправилось, все же мы по-прежнему уступали противнику в артиллерии и не сравнялись с ним даже приблизительно в авиации. Такой пустяк, как стальной шлем для нашего многострадального пехотинца, только теперь появился на фронте в ничтожном числе и рассматривался с любопытством, как диковинная новинка. Недостаточно мы были снабжены и противогазами, хотя занимались этим уже год. Не уверен, например, был ли у меня самого противогаз. А если был, то хранился и пылился где-то вдали. Вообще, к этому вопросу относились легче, чем следовало.

Шансы предстоявшей схватки были неравны — и не в нашу пользу.

* * *

На рассвете 6 июля противник обрушился сосредоточенным и интенсивным огнем многих батарей на участок второочередной дивизии (152-й?), занимавшей позицию несколько севернее направления Злочев—Езерна. Скоро сделалось ясным, что это подготовка к серьезной атаке и преддверие к широкой наступательной операции. Ослабленные революционным режимом резервисты и, частью, необстрелянная молодежь с трудом выдерживали этот огонь, а вскоре откровенно дрогнули, когда к обыкновенным снарядам прибавились газовые, окутавшие окопы ядовитым дымом. Один полк очистил свою позицию и в беспорядке отошел, вернее, рассеялся в тылах. Воспользовавшись этой «калиткой», открывшейся во фронте дивизии, немцы вошли в открытый промежуток, охватили два соседних внутренних фланга. В течение какого-нибудь часа-двух обозначился прорыв на участке всей дивизии. Она отходила под давлением.

Брошенные на помощь резервы, корпусные, а потом и армейские, не смогли восстановить положение.

Они быстро вовлекались в отступление, которое неудержимо расширялось и превращалось в стихийное. Противник перенес огонь на тылы и на подходившие резервы. Пехота наша, утратившая свою традиционную стойкость, оказалась неспособной ни на контрудар, ни на импровизацию обороны в ближайшем тылу, чтобы затянуть прорыв. Только превосходные действия нашей артиллерии сдерживали натиск преследовавшего противника. Воздушные его силы содействовали пехоте бомбардировкой наших батарей и отступавших расстроенных частей. В нашем распоряжении, как всегда, было ничтожное число эскадрилий.

Наступило время, когда и артиллерия обороны вынуждена была сократить своей огонь. Батареи, угрожаемые с фронта и флангов наступавшим повсюду противником, одна за другой начали сниматься с позиций и переезжать на новые в более глубоком тылу.

События развивались с непрерывною быстротой. Штаб армии в Езерне постепенно становился ближе и ближе к полю сражения, которое надвигалось на нас.

Пришлось отдать распоряжение о переходе штаба армии в Тарнополь — с наступлением темноты. Еще раньше мною была принята «по секрету» мера предосторожности для отвода в район Тарнополя и к востоку от него всех обозов и поездов со снарядами и продовольствием.

Благодаря этой мере, мы после отхода за Езерну почти ничего не потеряли из наших передовых армейских запасов.

К 7 июля положение на фронте 11-й армии было таково: географически только на южной трети этого фронта шли решающие бои, и здесь мы были потеснены в общем направлении на Тарнополь. На остальных $\frac{2}{3}$ противник проявлял себя слабо, и мы удерживали свои позиции. Но в отношении сил в отступление было вовлечено на сравнительно узком участке больше половины корпусов, причем нажим неприятеля распространялся постепенно с севера на юг. Сначала подался назад 25-й корпус, за ним 17-й. Далее, соседний 49-й перешел в контратаку (западнее села Перепельники), стараясь охватить фланг прорвавшегося неприятеля. Но эта атака только задержала ненадолго его распространение, и корпусу Селивачева пришлось тоже отходить.

Та же участь постигла корпус крайнего левого фланга армии — 1-й гвардейский и 5-й. Последний находился в стыке с 7-й армией. 7 июля немцы особенно нажали в этом месте, имея в виду врезаться между двумя армиями.

7-я армия, в свою очередь потесненная на своем правом фланге превосходными силами, начала общий отход.

Командование 11-й армии отдало 8 июля приказ об отводе своего левого фланга на тыловые рубежи впереди Тарнополя. Происходил

большой загиб этого фланга, в то время как центр и правый фланг армии, в общем, удерживали свои позиции.

С одной стороны, нужно было взять отступление в руки и упорядочить его в наших целях (удержание района Тарнополя); с другой, бороться с шаткостью тылов, обычно в такой быстро текущей и неблагоприятной обстановке. В тыл хлынули беглецы с фронта и своими преувеличенными, паническими рассказами о том, что «все пропало», побуждали чуткие обозы и конные транспорты той эпохи скакать без оглядки на восток. Чтобы остановить и предупредить эту скачку, понадобилось послать на дороги в тылу энергичных офицеров и «ударников». Вооруженные нагайками, они навели порядок в обозах и перехватили в дни 9–11 июля тысячи «сознательных защитников завоеванных свобод», ухидивших с фронта и сеявших в тылу панику.

Отход войск левого фланга совершался все же в рамках внешнего военного приличия, почему мы смели рассчитывать и рассчитывали отразить наседавшего противника на позициях к западу от Тарнополя. Здесь 11–12 июля отличилась — в последний раз — Петровская бригада 1-й гвардейской пехотной дивизии, полки Преображенский и Семеновский, успешно отразив атаку прусской гвардии с переходом в контратаку. Это было последним боевым напряжением русской гвардии, последним усилием офицеров и унтер-офицеров, превозмогших революционную расслабленность солдатской массы...

Но этот частный успех не послужил на пользу общему положению. Злочевская группа Винклера, прорвав фронт 11-й армии и отбросив ее левый фланг к Тарнополю, круто повернула на юг, выходя в тыл 7-й армии.

Связь с ней повисла на волоске, и был день (вероятно, 9 июля), когда мы могли только приблизительно знать о положении 7-й армии. Проволочная связь прервалась. Пришлось послать конные части и специальные разъезды, чтобы найти штабы ближайших корпусов этой армии и ее штаб. К счастью, через несколько часов удалось определить их места и направления отхода; но, к несчастью, последние отрывались от нашего левого фланга! Две соседние армии, вследствие неудачного базирования, отступали на свои тылы в расходящихся направлениях.

Как ни велико было поражение, все же оно не превратилось в полную катастрофу, благодаря отчасти принятию командованием быстрых мер, отчасти потому, что противник, перемещая свой нажим все более и более к югу, позволил 11-й и 7-й армиям оправиться и зацепиться за новый рубеж к востоку от Тарнополя.

В конце концов, к середине июля, после недели тревожных боев, мы остановились на меридиане реки Збруч, нашей прежней государственной границы.

В период с 19 июля по 9 августа тяжесть боев перемещалась все более и более на юг, в Буковину и на румынский фронт, причем наши армии там вели успешные арьергардные бои и даже переходили в энергичное контрнаступление, забирая трофеи и пленных. Казалось, что чем дальше были войска от столиц и прямой с ними связи, тем стойче они оборонялись и тем больше сохраняли наступательный дух. Эти «старорежимные» бои левого фланга Юго-Западного фронта вынудили германско-австрийское командование дать, наконец, отбой. Правофланговые корпуса 11-й армии к концу всей этой операции оставались примерно на своих старых местах (район города Броды и города Дубно), как бы составляя ось отступления.

Неудивительно было то, что случилось на Юго-Западном фронте в результате первого решительного наступления противника в ответ на вызов русской армии, перестроенной на новых, революционных началах. Удивительно было то, что военное наше поражение не приняло больших размеров и что нам удалось показать неприятелю фасад, напоминавший прежнюю русскую армию, с которой нельзя было не считаться. Что крылось за этим фасадом — другой вопрос!

Даже в смысле глубины уступленной нами территории — около 100 километров, — это оказалось меньше, чем уступили нам австрийцы на Вольни и в Подолии год тому назад. И в австрийской армии того времени не было ни революции, ни комитетов, ни солдатских резолюций!

Стоит отметить, что ко дню атаки на наш внешний фронт под Тарнополем, 6 июля, большевики точно нарочно подогнали атаку нашего внутреннего — в Петербурге. Восстание сорвалось, но послужило хорошей репетицией и смотром сил, которые решительно восторжествуют через четыре месяца.

Гораздо более Юго-Западного фронта был потрясен сам Керенский, которого едва успели провозгласить организатором победы в Петербурге, как эти лавры рассыпались в труху.

Виновниками были, разумеется, объявлены генералы. Начались смещения и перетасовки. Уже 8 июля Гутор был уволен, и Главнокомандующим Юго-Западного фронта назначен из 8-й армии генерал Корнилов. 10-го или 11-го Эрдели и Балувев перемещены один на место другого. Командующий 7-й армии Белькович заменен Селивачевым.

Штаб 11-й армии находился в Тарнополе с 7 июля дня три, после чего вернулся в Кременец. Сюда вечером 10 июля, когда войска левого крыла армии отошли на линию реки Стрыпы, приехал из Особой армии Балувев. Вторично я оказался у него в ближайшем подчинении. Он привез с собою Н. В. Соллогуба, моего способного помощника в штабе Особой армии. Оба они немедленно выехали на фронт, на наиболее запутанный его участок, чтобы разобраться на месте в обстановке. На

другой день, 12 июля, Балувев, в ужасе от виденных им условий и отношений в войсках, составил и послал энергичную телеграмму по команде и прямо военному министру.

Копия этой длинной, в две страницы, телеграммы случайно у меня сохранилась. Я не привожу ее, так как в ней говорилось то, на что не раз уже мною указывалось в этой главе по вопросу о безобразном духовном состоянии войск. В заключение, Балувев не предлагал, а требовал единственно возможного средства: восстановления дисциплины, введения полевых судов за ее нарушение и прекращения какой бы то ни было политической пропаганды в армии. О том же доносил Эрдели Гутору еще 23 июня, до неприятельского контрудара, только теперь раскрывшего глаза революционным оптимистам на невозможность одновременно митинговать и успешно воевать.

После 12 июля фронт 11-й армии начал упрочиваться; противник удовлетворился достигнутым.

Керенский, ставший с начала июля официально премьером в кабинете Временного правительства, вдруг и сам поверил в необходимость вернуться к старым военным порядкам. Все указывали на волю и твердость Корнилова. Он и был назначен 19 июля Главнокомандующим вместо Брусилова, слишком долго старавшегося «идти в ногу» с революцией.

Это вызвало другие перемещения. Деникин с Западного фронта был переведен, со всем штабом, на Юго-Западный, а на его место назначен Балувев, получив в подчинение целиком штаб Юго-Западного фронта, который должен был из Бердичева переехать в Минск*.

Чем было объяснить эту пересадку штабов? Последствия позволяют думать, что Корнилов возлагал известные надежды на Деникина, а тот отказывался работать в этом направлении с чужим штабом.

Таким образом, я прослужил в 11-й армии с Балувевым всего недели две. На его место в первых числах августа был назначен командир 7-го кавалерийского корпуса генерал Федор Федорович Рерберг — брат Петра Федоровича, бывшего начальником штаба 10-го корпуса, когда я командовал в Галиции в рядах этого корпуса Козловским полком.

* * *

Одновременно с наступающим постепенно боевым затишьем на фронте стало сказываться вступление в главное командование Корни-

* **Минск** — основан в XI в. В составе России с 1793 г. Ныне — столица Белоруссии. — *Прим. ред.*

Балувев, до пересадки штабов двух фронтов, был сначала назначен Главнокомандующим Юго-Западного фронта. Пересадка состоялась 2 августа. — *Прим. авт.*

лова, решительные меры которого постепенно установили в войсках политическое затишье. Керенский был вынужден пойти на уступки, восстанавливавшие власть военных начальников, а заменивший его на должности военного министра террорист и убийца Борис Савинков* приезжал на фронт, чтобы поддавать в этом контрреволюционном смысле «перцу» старшему командному составу; последний поощрялся в области мероприятий по насаждению дисциплины и подавлению комитетов. Они вскоре явились почти единственным воспоминанием о революционной организации; на отмену комитетов вожди не рискнули, но значение их резко упало, а перевыборы превратили их в послушные органы военного управления.

Введение полевых судов и несколько смертных приговоров действовали на солдатскую массу мгновенно и лучше, чем уговоры и длинные разъяснения. Быстрота, с которой совершилась перемена, казалась волшебной. Через какие-нибудь 2–3 недели армию нельзя было узнать. Командный состав вздохнул свободно и мог начать продуктивно работать над приведением в привычный внутренний порядок вверенных ему частей.

В начале августа на Юго-Западном фронте были произведены некоторые перегруппировки. 11-я армия получила участок примерно между двумя станциями, граничившими с Австро-Венгрией до войны — Радзивиловым и Волочиском. Штаб армии был переведен из флангового Кременца за середину фронта армии, в Старо-Константинов**. В этом своем положении армия непосредственно прикрывала Бердичев, где находился по-прежнему штаб фронта; штаб армии был расположен теперь на прямой линии между серединой армейских позиций и главной квартирой Деникина, нового Главнокомандующего фронтом.

В Старо-Константинове нам отвели широкий квартал каких-то казенных домов и барачков вне города, примерно в версте от него. Здесь был оазис зелени среди плоских, голых и пыльных окрестностей. Устроились штабные учреждения, личный состав и наши лошади с большим удобством. Я помещался в просторном одноэтажном деревянном доме вместе с командующим армией, причем служебными

* Убивал чужими руками, оставаясь в качестве организатора в тени. Его жертвой был Великий князь Сергей Александрович, убитый бомбой в Москве в феврале 1905 г. Савинков обладал легким литературным пером и сам описал свою террористическую деятельность. По его приличной наружности никак нельзя было догадаться о его специальности. Его можно было принять за чисто выбритого и хорошо одетого английского джентльмена поджарого типа, но глаза у него были холодные, стальные. — *Прим. авт.*

** **Старо-Константинов** — город с 1561 г. С. 1793 г. в составе России. Ныне — Украина. — *Прим. ред.*

кабинетами нам служили два соседних зала, каждый в несколько окон. Я имел возможность устроить у себя, на козлах, нечто вроде помоста и разложить на нем огромную оперативную карту крупного масштаба.

Но ни к каким новым операциям против внешнего врага мы уже не готовились. Карта служила больше для составления исторических описаний того, что мы пережили в июне и июле, в ответ на запросы сверху, где искали «стрелочника».

В Старо-Константинов прибыл, наконец, ко мне генерал-квартирмейстер, хотя и в полковничьем чине. Мне удалось получить на эту должность моего старого и способного помощника — Н. В. Соллогуба.

Он перевел за собой из Особой армии хорошо известных мне молодых офицеров оперативного отделения. С их приездом наладилась в отделе генерал-квартирмейстера знакомая, деловая и спокойная атмосфера.

Удобно и приятно было работать и с ровным Ф. Ф. Рербергом. Удалось включить в штаб армии одного измайловца (Б. В. Фомина) и одного лейб-егеря, В. А. Каменского, адъютантом ко мне; симпатичный и толковый офицер этот состоял в первом батальоне лейб-гвардии Егерского полка летом 1913 года, когда я командовал батальоном.

К сожалению, этому благополучию — вверх и вниз — не было суждено принести какие-либо плоды. Наступившее спокойствие оказалось затишьем перед внутренней бурей.

Создавшееся в августе разделение власти в новорожденном новом и все еще безымянном государственном устройстве между Керенским и Корниловым не обещало успеха. По мере того как Корнилов забирал в свои твердые руки фронт, то есть почти все мужское население России, способное владеть оружием, Керенский начинал чувствовать, что его роль как главы правительства подходит к концу. Этот самодовольный революционный карьерист, которого взмыл наверх случай — мартовский сумбур, — успел испить из сладкой чаши власти и опьянеть. Он не желал теперь отступить в тень и оказаться в положении номинального и беспомощного демократического вождя. Успел он также искренно поверить в свои таланты, чары и в свою светлую звезду.

До его ушей не достигла расценка этих талантов, сделанная остряками, никогда не иссякающими на Руси: «На безрыбье и рак — рыба; на безлюдье и Керенский — человек».

Каждый день дальнейшего оздоровления армии означал, с одной стороны, усиление военного вождя — Корнилова; с другой — утечку престижа и «обаяния» товарища Александра Федоровича.

Между тем и Корнилов не мог остановиться где-то на полдороге к диктатуре. Если Россия желала продолжать войну, рассуждал этот угрюмый и прямой казак, она должна проявить железную дисциплину

не только в армии, на самом фронте, но и во всем огромном тылу его. Корнилов требовал от Керенского подчинения ему всех железных дорог и заводов. Только единая военная власть способна была подтянуть этот расхлябанный революцией тыл — в сущности, всю страну.

Подписаться под таким законом значило для Керенского подписать себе отставку. Он тянул дело. Это не было ни «да», ни «нет».

Корнилову скоро стало ясно, что от премьера с его окружением не дождаться поддержки и либо надо кончать войну, либо свергнуть петербургскую верхушку, подлаживающуюся под полубольшевистский Совет солдатских и рабочих депутатов, все еще заседающий и разговаривающий.

Теоретически совершение переворота могло казаться легким. В самом деле, после того как миллионы штыков на фронте снова сделались послушными, что стоило повернуть кругом небольшую их часть, захватить власть в столицах, арестовать правительство и объявить военную диктатуру?

На практике, однако, дело обстояло гораздо сложнее.

Ближайшими к Петербургу и Москве войсками были армии Северного и Западного фронтов. Командовали ими бесцветный канцелярист Клембовский* и готовый играть на популярность у низов Балухев**. Оздоровление войск на этих фронтах распространялось медленнее, чем это происходило на южных фронтах, к югу от Припяти.

Так, 19—21 августа немцы, дав нам передышку в 10 дней, перенесли резервы и удар на противоположный фланг, под Ригу***, и с чрезвычайною легкостью овладели ею. Наша 12-я армия оказала бессвязное и случайное противодействие; большинство дивизий дрогнуло, бросившись в тыл почти без оглядки, потеряв до 9 тысяч пленными и оставив противнику свыше 200 орудий.

Это было повторение июльских Тарнопольских погромов. Но тогда офицерство еще было бессильно, а митинги процветали. Официально эти условия в августе исчезли, но Северный фронт, очевидно, не сумел еще с успехом воспользоваться правами, предоставленными военному командованию.

Таким образом, становится понятным, почему Корнилов решил в случае надобности опереться на более удаленный Юго-Западный фронт. Он знал его ближе и больше ему верил. Вся его боевая героиче-

* Бывший измайловец. В период Луцкого и Ковельского боев 1916 г. начальник штаба Юго-Западного фронта у Брусилова. — *Прим. авт.*

** Даже в своей решительной телеграмме от 12 июля Балухев требовал полной власти военным начальникам во имя «демократических свобод». — *Прим. авт.*

*** **Рига** — город с 1225 г. В составе России закреплена по итогам Северной войны. Ныне — столица Латвии. — *Прим. ред.*

ская служба во время войны прошла в войсках этого фронта, наиболее счастливого в смысле победоносности. Здесь Корнилов командовал дивизией, корпусом, армией, фронтом. Здесь сказались на его глазах первые положительные результаты восстановления дисциплины и правильных командных отношений.

Сюда, наконец, в предвидении необходимости использовать фронт в целях политических, Корнилов перевел, как было отмечено выше, Деникина со всем его штабом еще в начале августа. Деникина он знал едва ли не с Русско-японской войны и справедливо считал, что на этого человека можно положиться.

В такой мере вопрос надежности лиц и войск стоял на первом месте в планах Корнилова, показывает, что единственной частью, двинутой им на Петербург в конце августа, был 3-й конный корпус генерала Крымова, снятый с самого удаленного румынского фронта! Дело было в том, что Крымов* пользовался репутацией твердого и прямолинейного начальника. Корпус начали пододвигать издалека заблаговременно, с невинным видом, под предлогом вывода в стратегический резерв. Понадобились и особые секретные предосторожности, и большое время. Между тем под рукой, вблизи Петербурга, на Северном фронте имелось несколько конных дивизий.

Во второй половине августа ко мне приехал из штаба Деникина офицер Генерального штаба с конфиденциальным поручением нацупать почву — готов ли я включиться в работу по скрытой подготовке к задуманному перевороту в пользу военной диктатуры. Также, есть ли у меня люди, которые могли бы при этом помогать в штабе и в войсках, и верность которых была бы вне сомнения. Я сейчас же посвятил в дело Н. В. Соллогуба. Мы оба выразили свое согласие. Начальником штаба у Деникина был хорошо знавший меня генерал С. Л. Марков. Я трижды был его близким сослуживцем в период 1901–1914 годы. С самим Деникиным у меня было, если можно так выразиться, только шапочное знакомство. Лично он меня не знал.

Соллогуб, со своей стороны, привлек в конспирацию своих верных спутников со времени штаба войск гвардии и Особой армии, чetyрех офицеров, переведенных теперь в штаб 11-й армии.

Мы завязали небольшие ячейки в ближайших войсках и ждали указаний из штаба фронта. Таковых было мало. Можно подозревать, что все мы, начиная с Корнилова, в заговорщики не годились и что весь этот вопрос о предстоявшем выступлении Корнилова находился до конца в весьма сыром и неразработанном виде.

* Я лично знал его по войне 1904–1905 гг. Он уже тогда, в чине капитана Генерального штаба, выделялся в штабе 4-го Сибирского корпуса как храбрый и дельный офицер. — *Прим. авт.*

Но пока мы секретничали и шептались, внезапно, 27–28 августа, с оглушительным громом раздалась две радиограммы, одна за другой, по адресу «всем, всем, всем».

В первой Керенский объявлял Корнилова «изменником» и смещал его с верховного командования, а во второй — Корнилов, отвечая, отказывался сдать это командование и обзывал Керенского и К^о «немецкими наемниками».

3-й конный корпус до Петербурга не дошел, застряв в его окрестностях и повторив то, что случилось шесть месяцев тому назад с отрядом генерала Иванова, посланным усмирять столицу. Она обладала какими-то магическими токами, которые парализовали наступавшую вооруженную силу на самом пороге города. Конники Корнилова, как и Георгиевские кавалеры Иванова, шедшие, по-видимому, с самыми решительными намерениями, затем, оправившись от паралича, рассеялись, потеряв интерес, исчезли...

Крымов отправился в Зимний дворец разговаривать с Керенским и не вернулся к своему корпусу. По официальным данным он застрелился. Но только Керенский мог бы пролить свет на этот вопрос, оставшийся темным*.

Едва ли можно сомневаться в том, что отступившие временно на задний план революционные друзья Керенского в Могилеве и на фронте разгадали нехитрую игру Корнилова и донесли о ней в Петербург. Керенский решил первым перейти в наступление и сорвать этот план. Применив провокацию, он достиг своей цели. Искушенный интриган легко побил неопытного в подвохах и политически неуклюжего генерала.

Храбрый и честный воин, горячий патриот, Корнилов понимал только прямые пути и бескорыстные побуждения. Став на скользкую дорогу совершения переворота в случае дальнейшего упрямства Керенского, он все же до последней минуты рассчитывал встретить и у противника те же чистый патриотизм и отсутствие личных честолюбивых стремлений. Наивность эта погубила *coup d'etat***, который один только мог спасти Россию от надвигавшихся на нее бесчестия и унижений. И, будь на месте Корнилова авантюрист типа Савинкова или фанатик и реалист типа Гарибальди, переворот мог бы удался в 24 часа.

Свою неспособность «фехтовать в тесте» — по меткому выражению Бронштейна-Троцкого о февральских попытках усмирения — Корнилов доказал уже однажды, когда был назначен командовать войс-

* Корнилов получил предсмертное письмо от Крымова, но никому его не показал и не сообщил содержания. — *Прим. авт.*

** «Государственный переворот» (*фр.*). — *Прим. ред.*

ками в Петербурге в первых числах марта. «Пофехтовав» в этой гуще короткое время без успеха, он отпросился обратно в боевую линию на фронт. Там все было много проще, чище и понятнее.

Следующим шагом Керенского, после солдатской ответной радиogramмы «мятежного генерала», было объявить самого себя Верховным главнокомандующим и арестовать Корнилова.

Все произошло как раз обратно тому, чего добивался Корнилов и что могло вывести страну из революционной путаницы.

Вместе с ним были арестованы и заперты в Быхове на реке Днепре его начальник штаба, Лукомский — когда-то мой начальник в Киве, — и Эрдели — мой недавний начальник. На последнего, очевидно, успели донести из Особой армии. Арестованы были и привезены в Быхов также Деникин с Марковым. Группа других генералов была арестована в Бердичеве.

Шел разгром «контрреволюции» по всей линии.

Дошла очередь и до меня с Соллогубом.

* * *

Притихшие было и обузданные комитеты, комиссары и советы сразу подняли теперь голову. Они занялись охотой на мятежников. Роясь в переписке штабов, нашли две или три телеграммы за моей подписью, в замаскированном содержании которых можно было прочесть между строк распоряжение, продиктованное ожидавшимся «выступлением Корнилова», как окрестили его подсеченную на корню патриотическую попытку. Мы с Соллогубом были взяты под подозрение, о нас донесли в учрежденную следственную комиссию в Бердичев, а в ожидании вызова туда для снятия допроса мы очутились в положении поднадзорных.

Под моим окнами всегда маячили дежурные делегаты армейского комитета, и головы их показывались мрачным силуэтом то в одном, то в другом окне. Если мы отправлялись в город или на прогулку, в некотором расстоянии за нами шла пара комитетчиков, поворачивая туда, куда поворачивали мы, останавливаясь неподалеку от наших остановок. Нужно отдать этим «товарищам» справедливость: они соблюдали меру и приличие, и этот «негласный», но совершенно очевидный надзор не был стеснительным.

Кажется, 31 августа или 1 сентября пришла, наконец, из Бердичева телеграмма, требовавшая нас туда «к ответу».

Поехали мы с Соллогубом в поезде с полным комфортом, предусмотрительно забрав с собою весь наш небольшой багаж. Для нас прицепили отдельный мягкий вагон 2-го класса, в котором поместились мы, наши денщики и вещи.

Мы не рассчитывали вернуться!

На милость победителей пришлось оставить наших верховых лошадей. Впоследствии, когда солдаты принялись ликвидировать фронт, «товарищи» продали этих лошадей и седла в свою пользу.

Поезд отходил поздно вечером. На вокзал «проводить» начальника штаба армии и его генерал-квартирмейстера за несколько минут до отхода поезда явилась депутация от армейского комитета. Никто не произносил речей и не проливал слез. Важно было установить, что «контрреволюционеры» фактически отправились по назначению, и протелеграфировать об этом комитетчикам Бердичева. Когда поезд тронулся, один из «товарищей» заглянул, для верности, в окно нашего отделения. «Не сбежали бы в темноте!»

Ф. Ф. Рерберг все эти тревожные дни оставался в стороне, и его не трогали. Вероятно, он пробыл в роли фиктивного командующего армией еще некоторое время, опекаемый умеренным армейским комитетом 11-й армии.

В Бердичеве мы явились новому Главнокомандующему и в следственную комиссию. Место Деникина — одного из лучших генералов русской армии — занял безличный и до того мало кому известный Ф. Огородников. Боевые и стратегические заслуги начальников, после крушения Корнилова, перестали иметь значение для выбора на высшие должности. В глазах нового военного диктатора Керенского ценились теперь смиренные и послушные генералы.

Лично я помнил Огородникова со времени моих ученических лет в Академии. В чине полковника он занимал должность профессора статистики, совмещая ее с какой-то административной должностью в Главном штабе. Вследствие этого совмещения и природной лени Огородников плохо подготавливался к своим лекциям, а иногда и вовсе не готовился. В последнем случае он выходил из трудного положения, принося с собой им же составленный справочник, по которому он громко прочитывал своим слушателям несколько страниц. Надо думать, что об этих упрощенных профессорских приемах довели до сведения начальника Академии генерала Глазова, и тот явился как-то невзначай в аудиторию, где Огородников должен был читать свою очередную лекцию. Точно на заказ, Огородников совершенно к ней не подготовился, что нам всем, а также Глазову, сделалось ясным после первых же слов смутившегося и растерявшегося лектора. Живое помню, что тема была военно-географический анализ австро-венгерского театра войны. Читать по книжке Огородников не смел и нес бессвязную ерунду, заплетаясь, краснея и бледнея и тыкая указкой невпопад в большую карту Австро-Венгрии. Его было жалко!

После этого случая Огородников недолго оставался профессором.

Теперь печальной осенью 1917 года насмешливый рок поставил его во главе фронта, нацеленного на Австро-Венгрию. Однако про-

верить свои былые познания об этом театре Огородникову не пришлось. Большевики позаботились об этом.

Председателем следственной комиссии состоял генерал военно-судебного ведомства Батог, которого я тоже слегка знал. Следователи — их было много за длинным столом в какой-то зале, полной всякого народа в защитных формах — предъявили нам с Соллогубом телеграммы, о которых я упомянул выше. Так как содержание их ничего не выдавало явно, то нам не трудно было объяснить их обыкновенными мотивами служебной рутины. Затем в течение нескольких дней нас вызывали для ответов на разные казуистические вопросы и заставляли писать письменные показания.

Изумительно было то, что оба мы были оставлены на свободе и, хотя жили в городе врозь (нарочно), имели полную возможность сговариваться, чтобы наши показания не противоречили.

В ожидании решения комиссии мы не без тревожного предчувствия посматривали на белое отдельное здание вне города, на горе, в котором содержались в заключении пленники Керенского*.

Но судьба к нам благоволила: мы были оправданы.

Штаб фронта объявил затем, что нет препятствий к нашему возвращению на свои места в штаб 11-й армии или — в случае нежелания — к получению соответствующих новых назначений.

В вакансиях всякого рода недостатка не было: снова водворилась власть комитетов, которые забирали с каждым днем все большую силу и браковали без усталости командный состав, вынося генералам и офицерам «недоверие». Лучшие начальники уходили; на их место становились второстепенные, но податливые.

Я пробыл в должности начальника штаба армии четыре месяца и пережил четырех командиров. За июньские бои Эрдели представил меня к ордену и звезде Святого Владимира 2-й степени с мечами, минова Станислава и Анну. Но ни этой большой звезды, ни маленькой третьей звездочки на погоны, причитавшейся мне по должности, не пришлось увидеть: события слишком быстро шли под уклон, и из-за горизонта всходила над Россией уже новая звезда — кроваво-красная, пятиконечная.

Мне предложили корпус.

Принимать его в условиях развала, восстановленного Керенским, не представлялось заманчивым. Все на фронте, войска и штабы, люди и вещи как-то сразу полиняли и перестали иметь вид настоя-

* Впоследствии эту группу арестованных «корниловцев» перевели в Быхов. Когда их вели днем посередине улицы через город на вокзал, толпа подвергла их оскорблениям и насилиям. В них плевали и бросали камнями. — *Прим. авт.*

шего. Сколько еще времени могла продолжиться явная агония армии, сказать тогда было трудно. Но только крайние оптимисты могли еще верить в «продолжение войны до победоносного конца» в этой обстановке безделья, преследований командного состава и нескончаемых препирательств.

В первых числах сентября, между тем, Военная академия, в лице ее нового выборного начальника А. И. Андогского, стремилась войти в связь со старым учебным персоналом. В течение года она функционировала в виде скорее сокращенных высших курсов при случайном подборе преподавателей. С осени 1917 года собирались открыть занятия в широком масштабе довоенного времени. Для этого нужно было привлечь прежних профессоров и преподавателей.

Зная о предпринимаемых шагах в этом направлении, я решил соединиться из Бердичева с Андогским по прямому проводу и предложить свои услуги.

Младший мой сослуживец по Академии Андогский, случайно, благодаря Керенскому, выскочивший в ее начальники, встретил мое предложение с энтузиазмом. В несколько минут дело было решено. Я возвращался в Академию ординарным профессором, и приказ, сказал мне Андогский, «последует через два-три дня».

Так оно и случилось.

Соллогуб тоже не пожелал остаться на фронте и решил вместе со мной ехать в Петербург, где рассчитывал получить то или иное назначение.

Ехали туда же бывший командующий 7-й армией генерал Селивачев со своим начальником штаба графом Каменским — оба отставленные.

Благодаря связям в штабе фронта нам удалось раздобыть отдельный вагон-микст 2-го и 3-го класса, который прицепили к поезду и предоставили в наше полное распоряжение. Мы отлично в нем устроились со своими денщиками и всем своим полевым багажом.

Итак, война кончилась для меня в том самом Бердичеве, в котором она началась три года тому назад. В эти годы я побывал в Галиции, доходил до Карпат и до Кракова, бился со своими козловцами под фортами Перемышля; перебросился на север, в Привислинский край, под Ломжу и потом — к Холму, на подступах к которому отразил с измайловцами под Красноставом атаку прусской гвардии; отсюда, с боями, через Брест-Литовск к Вильне; передышка на позициях под Сморгонью; зима снова в Галиции; маршировка и перевозка с остановками снова на север — к Режице, на подступы к Пскову и Петербургу; пешком на юг, к Молодечно, и оттуда под Луцк; попал в третий раз в Галицию, под Тарнополь... И, наконец, далее через Вольту и Подолию — в Бердичев...

Круг завершился после всего этого калейдоскопа у разбитого корыта...

Ехали мы до Петербурга благополучно, хотя и медленно, с пересадками, которые для нас, однако, были только перецепками и не нарушали нашего дорожного комфорта. Денщики бегали на станциях за кипятком к чаю; отвоевавшие генералы закусывали, пили чай и вспоминали «дни, где вместе рубились они».

Примерно на полпути мы даже включили в свою компанию женский элемент, согласившись принять в наш вагон двух молодых дам, из которых одна была певицей и хорошей знакомой измайловского офицера.

В Петербурге для каждого из нас должна была открыться новая глава жизни.

часть вторая

**МАТЕРИАЛЫ
И ДОКУМЕНТЫ**

К собственно мемуарам и биографическому очерку представляем некоторые дополнительные материалы, позволяющие пролить свет на отдельные упомянутые события или сюжеты. Все они (публикуемые документы, статьи и главы из монографии) приводятся в хронологическом порядке.

Первым мы даем 2-е издание брошюры, написанной Б. В. Геруа как путеводитель для участников торжеств в честь 200-летия Полтавской битвы. Это была первая крупная юбилейная дата, которая масштабно праздновалась в Российской империи в начале XX в. С еще большим размахом отмечались 100-летие Отечественной войны 1812 г. и 300-летие воцарения Дома Романовых. На официальном уровне — пусть и в меньшем масштабе — внимание уделялось сохранению памяти и о других войнах, прежде всего наполеоновских и русско-турецкой 1877–1878 гг. Стоит подчеркнуть, что Б. В. Геруа, как штабист-интеллектуал, проявлял особый интерес к изучению военной истории Отечества. Во время службы в лейб-гвардии Егерском полку он участвовал в написании его официальной истории. Затем стал членом Императорского Русского военно-исторического общества, неоднократно выступал с историческими докладами и статьями.

Усиление внимания к прошлому является характерной чертой модернизирующихся обществ, поскольку формирование единой нации (неважно, на гражданской или этнической основах) неразрывно связано с созданием образа единого прошлого, которое наследуется национальным сообществом. В отличие от многих других европейских стран, в России начала XX в. зарождающаяся национальная модель сосуществовала с имперской, которая в свою очередь пыталась частично опираться на русский национализм. Потому обращение к значимым военно-историческим датам прежде всего было направлено на возвеличивание империи. Так, в популярном иллюстрированном журнале «Нива» журналист Д. Пахомов писал о значении Полтавы именно в имперском, а не националистическом ключе: «Это была грань между бывшим военным могуществом Швеции и ее падением, — грань, отделившая навсегда полудикую “Московию” от родившейся на полтавских полях Российской империи. И ныне вся Российская империя, во главе с Державным Главой, явилась в Полтаву, — поклониться ее двухвековым святыням, почтить всенародно, в ряде пышных торжеств, память Великого Петра и его славных сподвижников»¹.

В подавляющем большинстве случаев одна из целей различных памятных мероприятий заключалась в укреплении полковых традиций и тем самым была связана с поддержанием морального духа войск. Характерно, что основные коммеморативные практики, посредством которых в 1909 г. обращались к Полтавской битве, вовлекали прежде всего армию. Гражданские лица составляли ограниченный контингент внешних зрителей, хотя День Полтавской битвы являлся одним из государственных праздничных дней². В России эта победа стала одним из бесспорных символов успеха русского государства, превращения его в великую европейскую державу. Любопытно, что в Швеции, наоборот, Полтава со временем превратилась в символ краха державной политики, что позволило в дальнейшем отказаться от имперских амбиций в пользу внутренних реформ³.

Основные торжественные мероприятия 27–28 июля 1909 г. прошли непосредственно в Полтаве в присутствии императора Николая II. Участниками стали представители полков, которые 200 лет до этого принимали участие в баталии. Лейб-гвардии Преображенский и Семеновский полки явились в полном составе. Мероприятия включали принятие императором торжественного караула, депутации от Полтавы, посещение братской могилы, панихиду, открытие Памятника защитникам Полтавы и ряда монументов на поле сражения, а также проведение торжественного парада⁴. Среди открытых памятников — гранитный обелиск в память погибших шведов, 10 бетонных обелисков на сохранившихся редутах (в 1939 г. их заменили гранитными) и еще 3 памятника на других знаковых местах⁵. В декабре 1908 г. был учрежден Музей полтавской битвы⁶.

Прославление победы совмещалось со скорбью по убитым и отдаванием дани уважения противнику, а сами коммеморативные практики во многом определялись православной традицией. В качестве примера можно привести образ Св. Николая Чудотворца, перед которым Петр I молился накануне боя: после победы он был подарен бомбардирской роте лейб-гвардии Преображенского полка, предшественнице 1-й батареи 1-й гвардейской артбригады. Образ находился в ее офицерском собрании и был взят депутацией для участия в торжественных мероприятиях⁷.

Конечно, юбилейные торжества не ограничивались только Полтавой. Например, в прессе публиковались тематические статьи, в Санкт-Петербурге напротив Сампсониевской церкви (битва состоялась в день преподобного Сампсона) установили памятник Петру I. В качестве примера коммеморативных практик местного уровня можно привести приказ наказного атамана Оренбургского казачьего войска всем подчиненным разучить известную песню «Было дело под Полтавой»⁸.

Текст брошюры приводится по изданию: Краткий путеводитель для ознакомления с Полтавским полем сражения и историческими памятниками г. Полтавы, относящимися к бою. С двумя схемами и панорамой / сост. член императорского Русского военно-исторического общества Б. Геруа. Киев: Типолитография Штаба Киевского военного округа, 1909. 9 с. Орфография и пунктуация приведены к современным нормам, стилистика сохранена.

Вторым материалом, предлагаемым вниманию читателей, является отрывок из книги (профессорской диссертации) Б. В. Геруа «Маневр как средство достижения цели боя», вышедшей в 1912 г. Для публикации мы выбрали две главы: четвертую, посвященную сражению на р. Шахэ (во время описываемых событий он находился при штабе Маньчжурской армии), и пятую, на основании которой читатель может составить общее представление о военно-теоретических воззрениях автора. Отметим лишь, что здесь мы не находим того психологизма, которым отличаются воспоминания. Скорее наоборот, мысль Геруа направлена на выявление ключевого условия (а именно лишнего шаблона маневра), которое позволило бы полководцу искоренить влияние случайности и добиться необходимого успеха. Публикуемые главы представляют интерес

как с военно-исторической точки зрения, так и в качестве свидетельства особеннности развития военной мысли в России накануне Первой мировой войны. Отрывок публикуется по изданию: Геруа Б. В. Маневр как средство достижения цели боя. СПб, 1912. С. 89–127. Текст приведен к правилам современной орфографии и синтаксиса. Имена и географические названия унифицированы.

В воспоминаниях Б. В. Геруа подробно описывает бой 10 декабря 1914 г., когда благодаря действиям 123-го полка были спасены орудия 31-й артиллерийской бригады. Мемуарист останавливается на том, что потребовалось достаточно много усилий, чтобы добиться награждения героев этого боя. Вероятно, данный документ и появился в этом контексте, его целью было свидетельствовать о героизме козловцев. Вместе с тем он вносит ряд важных уточнений, показывая общий контекст происходивших событий. Документ публикуется в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. Стилистика сохранена. Название сохранено. Публикуется по: Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2361. Оп. 1. Д. 162. Л. 71–73.

Поскольку Б. В. Геруа подробно останавливается на боях во время Горлицкого прорыва, мы посчитали необходимым привести ряд документов, отражающих действия как 31-й пехотной дивизии, так и всего корпуса. На наш взгляд, это позволит расширить общее представление об оперативном контексте описываемых мемуаристом событиях. Кроме того, приводится несколько приказов за подписью генерала П. А. Кузнецова и его начальника штаба Б. В. Геруа. Документы подобраны из следующего издания: Горлицкая операция: сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914–1917 гг.). М., 1941. 408 с.

Из числа многочисленных эмигрантских публицистических работ мы выбрали статью Б. В. Геруа, опубликованную в газете «Часовой» в 25-ю годовщину начала Первой мировой войны. Материал иллюстрирует самовосприятие значительной части военной эмиграции. Оказавшись в зарубежье, прежде всего в бывших странах Антанты, русская военная эмиграция стремилась сохранить коллективную идентичность, в том числе на основе общего прошлого. Более того, многие считали необходимым повысить свой символический статус в принявших их странах, а потому неудивительно стремление доказать значимость русского фронта в годы Великой войны и решающий вклад русской армии в победу Антанты. Сквозь призму этой прагматической установки, обусловленной не в последнюю очередь раздражением ввиду забвения французами и англичанами роли российского союзника, стоит рассматривать данный материал. Отметим, что представление об альтруизме заимствовалось из официального дискурса дореволюционной эпохи: в переговорах с союзниками русское командование именно так нередко пыталось представить свои действия. Эти же идеи подхватывала и пресса. Причем некоторые журналисты, например, пытались оправдывать поражение в Восточной Пруссии в 1914 г. поспешностью наступления, вызванным необходимостью помощи союзникам. В действительности сохранившиеся оперативные документы не позволяют сделать такой вывод. Признавая готовность и желание русской Ставки действовать

в рамках общесоюзнической стратегии (к этому толкала относительная слабость русской армии и понимание, что только скоординированные усилия могут обеспечить скорейшую победу), мы должны особо подчеркнуть: принятие стратегических и оперативных решений осуществлялось прежде всего исходя из обстановки на русском фронте и желания в наступлении обрести победу (к сожалению, свои силы нередко переоценивались). Другими словами, за рассуждениями об «альтруизме и самопожертвовании» мы усматриваем более сложные процессы, а именно: дипломатическую игру, способ медийной репрезентации и некоторые особенности военно-стратегического планирования.

А потому представленный Б. В. Геруа нарратив мы призываем рассматривать с точки зрения контекста его появления, как пример определенной коммуникативной стратегии и использования интерпретаций пережитого прошлого для укрепления групповой идентичности. Статья в большей степени позволяет оценить социальную мифологию русских военных эмигрантов, в то время как к предложенным историческим интерпретациям стоит относиться с настороженностью. В конечном счете в мемуарах Б. В. Геруа ни о каком «альтруизме» не пишет.

Отметим, что это не единственная подобного рода статья. Например, популярность получила брошюра генерала А. П. Будберга, проживавшего в Сан-Франциско⁹. В ней он также стремился доказать значимость русского фронта Великой войны. В некоторых случаях указание на сыгранную роль в прошлом становилось основанием для выдвигания экономических требований. Так, в 1935 г. генерал Н. А. Епанчин направил письмо У. Черчиллю. Ссылаясь на статью последнего, в которой тот позитивно оценивал победу русских войск в сражении под Гумбинненом (20 августа 1914 г.), русский эмигрант указывал, что именно он командовал корпусом, обеспечившим победу, которая в свою очередь способствовала победе французских и английских войск под Марной. Потому Н. А. Епанчин попросил посодействовать в вопросе о назначении ему пенсии британским правительством. У. Черчилль ответил вежливым отказом¹⁰.

Материал публикуется в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации, стилистика сохранена. Исходное издание: Геруа Б. В. Стратегия альтруизма // Часовой. Брюссель, 1939. 1 авг. № 240–241. С. 5–13.

И в заключение мы предлагаем некролог, написанный на смерть Б. В. Геруа полковником А. Г. Конном и опубликованный в журнале «Измайловская старина» (№ 30). Материалы были переданы из библиотеки Свято-Троицкого Измайловского собора, за что мы выражаем благодарность начальнику канцелярии Д. Б. Леонтьеву.

Во всех представленных документах и материалах расшифровка сокращений дается в квадратных скобках, комментарии авторские и редакторские помечены соответственно, ссылки на источники приводятся после текста.

К. А. Пахалюк

КРАТКИЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ ДЛЯ ОЗНАКОМЛЕНИЯ С ПОЛТАВСКИМ ПОЛЕМ СРАЖЕНИЯ И ИСТОРИЧЕСКИМИ ПАМЯТНИКАМИ г. ПОЛТАВЫ, ОТНОСЯЩИМИСЯ К БОЮ*

С двумя схемами и панорамой

Поле сражения. Редуты. Ретраншемент. Братская могила. Музей.
Памятники Полтавы.** Остатки укреплений 1709 года, места их.
Храм Спаса. Памятник на месте отдыха Петра после боя. Памятник
коменданту А. Келену***. Памятник Славы.

* *Геруа Б.* (составитель). Первое издание путеводителя было вызвано потребностью минуты. Накануне юбилейных Полтавских дней, в мае 1909 г., Киевским военно-историческим отделом была устроена поездка в Полтаву для осмотра памятников, относящихся к воспоминанию о бое под Полтавой. Возникла мысль о бесплатном снабжении участников поездки кратким путеводителем. Я взялся составить последний.

При этом я пользовался сведениями, помещенными в труде г. И. Фр. Павловского «Битва под Полтавой» и в № 2, 3, 4 и 5 «Военного сборника» 1909 г. Кроме того, поле сражения и памятники Полтавы были осмотрены мною лично и я сделал на месте схематическое кроки поля сражения.

Позже, по предложению редакции «Военно-исторического вестника», я напечатал в № 3—4 «Вестника» 1909 г. «Путеводитель» в исправленном и дополненном виде. Наиболее существенное дополнение касается сведений о картографическом материале. Сведения эти почерпнуты мною из юбилейного издания Общества ревнителей военных знаний «Полтавская битва».

Настоящая брошюра — второе издание «Путеводителя» — представляет отдельный оттиск статьи, помещенной в «Военно-историческом вестнике».

Сравнительная схема Полтавского поля сражения (вид его теперь и в 1709 г.) печатается в том виде, в каком она была помещена мною в юбилейном номере «Русского инвалида» (Литературное приложение к № 139 1909 г.).

Панорама местности, снятая мною от братской могилы к стороне редуты, была также напечатана в приложении к № 139 «Русского инвалида».

** **Полтава** — город, первое упоминание в 1430 г. В 1667 г. вошла в состав Московского государства. Ныне — Украина.

*** **Келен Алексей Степанович** (? — 1715) — генерал-майор, участник Северной войны, комендант Полтавы.

ПОЛЕ СРАЖЕНИЯ

Редуты. Ретраншемент

Как известно, характер местности сыграл выдающуюся роль на Полтавском бою: основная идея сражения была построена ПЕТРОМ ВЕЛИКИМ на этой данной. А именно, ПЕТР ВЕЛИКИЙ чрезвычайно искусно воспользовался открытым пространством между двумя лесами Мало-Будищенским и Яковецким (у с. Яковцы*). Проход в этом промежутке был прегражден шестью редутами. Перпендикулярно к их фронту, к стороне возможного наступления шведов, приказано было построить еще четыре редута, из которых ко времени боя было готово только два. Редуты были построены в тесной огневой связи между собою. Редуты занимались лишь незначительной частью пехоты (полком), главные же силы ее оставались скрытыми за Яковецким лесом. Здесь был построен обширный ретраншемент, фронт которого был обращен к Будищенскому лесу, а открытая горжа упиралась в обрывистые берега р. Ворсклы между с. Яковцы и Патлаевка**. В этом укрепленном лагере и были расположены главные силы ПЕТРА.

Смысл редутов и связь их с расположением главных сил были следующие. Шведы, в случае их наступления, должны были втянуться в дефиле между лесами и прорываться через линию редутов под перекрестным огнем. — После прорыва шведы неожиданно попадали под продольный картечный огонь со стороны их правого фланга — из ретраншемента. Этим довершалось первоначальное расстройство шведов на линии редутов при прорыве. Оставалось воспользоваться благоприятной минутой, чтобы перейти от обороны к атаке и, опираясь на ретраншемент, нанести потерявшим порядок и стройность шведам решительное поражение. Таким образом, при переходе Шведов в наступление и бое *к востоку* от дефиле, ПЕТР ВЕЛИКИЙ осуществлял, гениально использовав местность, идею засады.

В случае наступления армии ПЕТРА к Полтаве, с целью вынудить шведов принять бой на равнине *к западу* от дефиле, редуты, которыми запиралось это дефиле, сыграли бы для нас роль опорных точек; если бы бой разыгрался не в нашу пользу, временное удержание этих редутов обеспечивало бы отступление главных сил армии к переправам через р. Ворсклу, у с. Петровка***, — переправам, которые, в свою

* **Яковцы** — село, основанное в конце XVII в. В настоящее время пригород Полтавы (Украина).

** **Патлаевка** — село, ныне входит в состав Полтавского района Полтавской области.

*** **Петровка** — село на правом берегу р. Ворсклы, ныне входит в состав Полтавского района Полтавской области.

очередь, были прикрыты укреплениями (тет-де-понт у моста, ретраншемент на всю армию впереди бродов).

Время и культура значительно изменили общую картину бывшего поля решения. К тому же от знаменитых укреплений остался лишь ничтожный след в виде участка вала главного ретраншемента, восстановленного по повелению ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I в 1854 году кадетами Полтавского корпуса*.

Определение мест, на которых находились редуты, встретило большие затруднения. Пришлось исходить — во-первых — из сохранившихся старых планов, точность которых подвержена сомнению уже по одному тому, что они противоречивы, и во-вторых — из тех точек на местности, которые сохранились до нашего времени. Такими точками являются: место старой церкви в с. Яковцах (имеется знак), Крестовоздвиженский монастырь**, кусок восстановленного вала ретраншемента и, наконец, места оврагов правого берега р. Ворсклы.

Наиболее достоверными планами Полтавского сражения, имеющими первенствующее историческое значение, являются:

1. *Схема Петра Великого, сделанная в 1709 г.* Важна для установления основной идеи расположения редутов и их числа.

2. *План кн. Долгорукова, 1772 г.* Видимо, это первая схема бывшего поля сражения. На плане изображено два редута. Можно думать, что показаны редуты, сохранившиеся к тому времени на местности.

3. *План капитана Лукина, 1807 г.* Результат съемки. Показано шесть редутов.

4. *План Г.-М. Хатова, 1819 г.*, приложенный к сочинению Бутурлина.

Видимо, это *сводка* имевшегося материала. Расположение редутов — по Петровской схеме. Местность разработана в согласии с Лукинским планом.

Хатовское толкование несомненно легло в основу всех позднейших планов сражения (приложенного к «Обзору войн» Леера и др.).

Из планов и схем иностранного происхождения оригинальными представляются: ген. Алларта, Гуссона, де Фера (1714). Все они показывают пять редутов и не на линии дефиле, а за Яковецким лесом, почти вплотную к последнему. Ясно видно, что у всех один источник, вероятнее всего, схема свидетеля событий — Алларта, инженера по специальности.

* **Полтавский кадетский корпус** — среднее военное учебное заведение, основан Николаем I в 1840 г.

** В настоящее вр. **Полтавский Крестовоздвиженский женский монастырь**, основан в 1650 г. как мужской монастырь.

Наконец, весьма ценным документом оказывается схема неизвестного автора с немецкими надписями — «боевые порядки». Главное здесь — подробное показание войск. Редуты, в числе девяти: шесть — запирают дефиле, а три — *косвенно* к фронту первых, под острым углом, вершина которого у правофлангового редута. Год и происхождение этого документа неизвестны.

Если наложить современную схему местности на общепринятый у нас план Полтавского сражения, то получается картина, изображенная на прилагаемом чертеже (№ 1). Площадь лесов 1709 г[ода] показана пунктиром.

Как видно, это площадь значительно уменьшилась и не совпадает с современной площадью. Однако общее впечатление о местности сохраняется, благодаря тому, что и в настоящее время между лесом у с. Малые Будищи* и лесом близ с. Яковцы образуется характерное *дефиле*.

Несмотря на разницу в ширине дефиле, по сравнению с общеизвестным планом — существующий ныне промежуток между лесами позволяет при взгляде от Братской могилы (лучше всего с колокольни церкви) к стороне Полтавы представить и оценить основную мысль ПЕТРА ВЕЛИКОГО и вообразить на местности ход самого боя.

Вид на дефиле показан на прилагаемой панораме, снятой с колокольни Сампсониевского храма (см. схему № 1).

Братская могила

По повелению ПЕТРА ВЕЛИКОГО, на месте погребения павших русских воинов был насыпан земляной курган, на котором на другой день после победы ПЕТР собственноручно водрузил крест. Впоследствии кургану этому присвоили название «шведской» могилы; название это, очевидно, неправильно, так как в могиле похоронены только русские, а шведы были погребены отдельно, в другом месте.

По отношению к месту решительного столкновения армий, русская братская могила оказалась близ левого фланга нашего построения для атаки шведов. В этом районе, как известно, и произошла главная сеча.

186 лет братская могила оставалась в том же виде.

В 1828 г[оду] переменяли крест и начертали на нем знаменитые слова: «А о Петре ведайте, что ему жизнь не дорога...» и т. д.

* **Малые Будища** — село, ныне в Зеньковском районе Полтавской области.

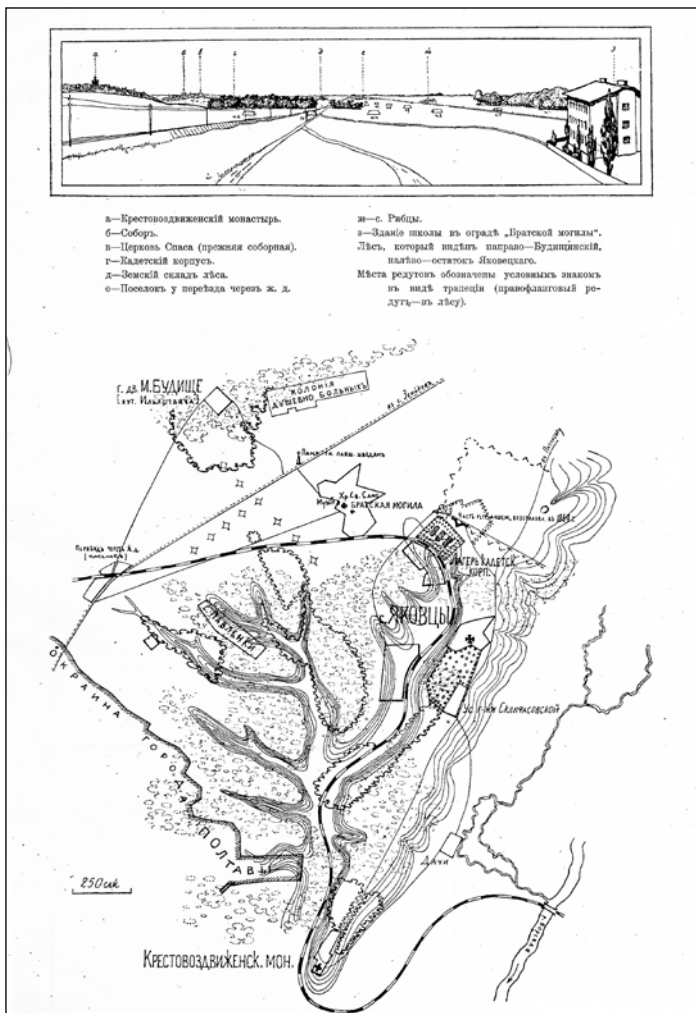


Схема № 1

- а. Крестовоздвиженский монастырь;
- б. Собор;
- в. Церковь Спаса (прежняя соборная);
- г. Кадетский корпус;
- д. Земский склад леса;
- е. Поселок у переезда через ж. д.;
- ж. с. Рибцы;

и — с. Рибцы.
 а — Здание школы в ограде «Братской могилы». Лес, который виден направо — Будищинский, налево — остаток Яковецкого. Места редутов обозначены условным знаком в виде трапеции (правофланговый редут — в лесу).

- з. Здание школы в ограде «Братской могилы». Лес, который виден направо — Будищинский, налево — остаток Яковецкого. Места редутов обозначены условным знаком в виде трапеции (правофланговый редут — в лесу)

В 1856 году крест опять переменяли и восстановили на нем надпись, сделанную ПЕТРОМ: «Воины за благочестие кровью венчавшиеся, лета от воплощения Бога Слова 1709 июня 27 дня».

В том же 1856 году состоялась освящение построенного рядом с курганом храма во имя св. Сампсона; церковь эта была сооружена на капитал, завещанный Черниговским помещиком тайн[ым] совет[ником] И[осифом] С[тепановичем] Судиенко для осуществления воли ПЕТРА ВЕЛИКОГО, выраженной в указе Монастырскому Приказу от 7 июля 1709 г[ода] «... во знак и вечное напоминание... преславной виктории... неподалеку от Полтавы построить монастырь мужской и в нем церковь каменную во имя Св. Апостолов Петра и Павла, да нижнюю Преподобного Сампсона странноприимца...»*

Интересно, что ПЕТР ВЕЛИКИЙ в 1723 г[оду] как будто отменил первоначальную волю насчет построения монастыря и церкви, выразив желание, чтобы «на пристойном месте, где та баталия была, сделать пирамид каменный». В исполнение же было приведено первое желание ПЕТРА.

Неизвестно, однако: думал ли ПЕТР о построении храма на месте битвы, рядом с братской могилой. В указе его от 7 июля 1709 года этого не видно; там сказано широко: «Неподалеку от Полтавы». В другом же случае, когда шла речь о постановке памятника, ПЕТР вполне определенно выражает свою волю относительно места, указав на самое поле сражения.

Вопрос о построении храма возник впервые в 1809 году, по мысли малороссийского генерал-губернатора кн[язя] Я. И. Лобанова-Ростовского**. И. С. Судиенко немедленно откликнулся, пожертвовав капитал, а ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР I ВЫСОЧАЙШЕ одобрил этот почин. Тем не менее, в течении 40 лет дело не подвинулось вперед; шла переписка, между прочим и о месте, где должен быть построен храм. Лишь в 1850 году было решено приступить к постройке. К этому времени капитал И. С. Судиенко достиг 130 тыс. рублей. Храм, освященный в 1856 году, был выстроен по проекту известного профессора живописи А. И. Шарлеманя***.

В 1890 году храм был расширен и заново перестроен, по проекту архитектора Свят[ого] Синода Никонова.

* Память этого святого празднуется церковью 27 июня.

** Лобанов-Ростовский Яков Иванович (1760–1831) — государственный деятель. В 1808–1816 гг. Малороссийский генерал-губернатор. Затем — в Государственном совете, член Верховного уголовного суда по делам декабристов.

*** Шарлемань Адольф Иосифович (1826–1901) — художник-баталист, автор ряда картин, посвященных боевой славе русского оружия.

С того же года на могиле начали сооружать новый памятник на средства, оставленные тем же И. С. Судиенко, освящение этого памятника состоялось в 1895 году.

Внутри холма был затем устроен храм, освященный в 1907 году.

К 200-летию юбилею, близ храма и могилы, построено здание музея **Полтавской битвы**.

Что касается места, где были погребены шведы, то определить его точно не удалось. Кости в большом числе находили в районе колонии умалишенных, русское правительство соорудило памятник павшим шведам недалеко от нашего храма, по направлению в Будищенскому лесу, у Зиньковской дороги. Шведское же правительство — верстах в двух на север, в местности, носящей название «побиванки».

Музей Полтавской битвы

Из многочисленных предметов, собранных пока в музее, наибольший интерес представляют:

1) 15 планов Полтавского сражения, полученных из военно-учебного архива Главного штаба;

2) 3 плана — из Шведского Королевского архива*;

3) карта города Полтавы в начале прошлого века с показанием укреплений, установленных по архивным данным;

4) снимки с картин Мартена**, изображающих два момента Полтавского боя (гравюры Симоно*** и Лармессена****). Картины замечательны тем, что были сделаны по заказу и указаниям Петра и *в перспективном изображении* дают полное представление о местности и расположении войск; первый момент изображает прорыв шведов через редуты; второй — решительное столкновение армий между ретраншементом и Будищенским лесом (эта последняя картина в гравюре Лармессена неверно подписана — как «Конечное разбитие шведской армии близ Переволочны»).

Эти документы имеют характер первоисточников; кроме того, в музее собрано значительное число портретов и рисунков.

Из последних, между прочим, интересен снимок с иконы, обращенной шведами в шахматную доску. Самая икона сохраняется в с. Жуках (верст 6 на северо-запад от Братской могилы), где одно время была главная квартира Карла XII.

* Некоторые данные о русских и иностранных планах помещены выше, в очерке поля сражения.

** Дени Мартен-младший — французский художник XVIII в.

*** Симоно Шарль — французский гравёр.

**** Лармессен Николай (1684—1755) — французский гравёр.

Ожидается оружие из Артиллерийского музея и некоторые другие предметы эпохи Полтавского сражения.

Над образованием музея особенно потрудился преподаватель Полтавского кад[етского] кор[пуса], действ[ительный] статс[кий] советник И. Фр. Павловский.

Памятники г. Полтавы Остатки и места укреплений 1709 года

Бывшие в 1709 г[оду] укрепления г. Полтавы были скрыты в начале прошлого столетия, тем не менее, общее направление крепостных валов и места бастионов были определены г. Данилевским в 1856 году по старому плану города и по рассказам жителей-старожилов. Прилагаемая схема № 2 показывает примерный вид крепости в эпоху Петра и положение ее относительно современного города.

Следы старых крепостных валов сохранились еще от так называемого Сампсониевского бастиона (за теперешней Соборной площадью), где видна отделка откосов обрыва, обращенного к р. Ворскле.

С этого бастиона открывается широкий кругозор на долину реки; можно проследить в бинокль общее направление движения русской армии от с. Крутой Берег* на Черняхово и к переправам у Петровки.

Шведы начали свои осадные работы против того места, где теперь находится юго-западный угол Городского Сада (на схеме № 7).

Внутри бывшей крепостной ограды сохранился интересный памятник: церковь времени осады — храм Спаса Нерукотворенного Образа (на схеме № 3).

Кроме того колонной обозначено место, где стоял дом славного коменданта полковника Алексея Келена, у которого останавливался Петр (на схеме № 4). Подробности об этом памятнике — ниже.

На углу Садовой и Институтской улиц, к 200-летию юбилею, сооружен памятник А. Келену, доблестно выдержавшему с гарнизоном двухмесячную осаду шведов (примерно на месте IV бастиона — на схеме № 6). Проект памятника — генерала от кавалерии бар[она] А. Бильдерлинга**.

* **Крутой берег** — село основано в XVII в., ныне в составе Полтавского района.

** **Бильдерлинг Александр Александрович** (1846—1912) — русский генерал, участник русско-турецкой 1877—1878 гг. и Русско-японской 1904—1905 гг. войн. В последней временно командовал армией. Художник.

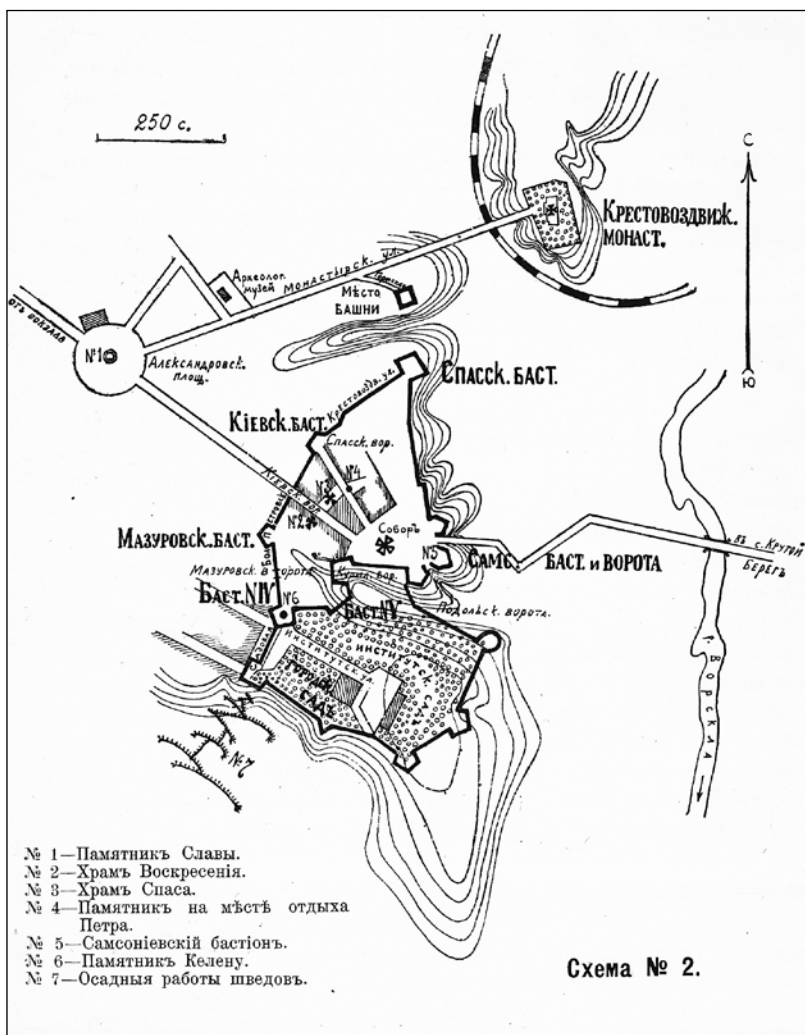


Схема № 2

№ 1. Памятник Славы;

№ 2. Храм Воскресения;

№ 3. Храм Спаса;

№ 4. Памятник на месте отдыха Петра;

№ 5. Самсониевский бастион;

№ 6. Памятник Келену;

№ 7. Осадные работы шведов

Церковь Спаса Нерукотворенного

Основанием храма служит наиболее сохранившийся придел Преображенской церкви во имя Спаса Нерукотворенного Образа; церковь эта во время осады Полтавы в 1709 г[оду] была соборной и находилась внутри города и крепости; в 1811 г[оду] она была разобрана.

Осажденные, узнавши о прибытии к армии русского Царя, поклялись в Преображенском соборе не сдаваться неприятелю и определили казнь тому, кто осмелится предложить сдачу города.

В этом же храме ПЕТР ВЕЛИКИЙ, одержав победу над шведами и вступив в Полтаву, благодарил Бога за спасение города и дарованную победу.

Иконостас этого исторического храма сохранен в первобытном виде и недавно бережно реставрирован; архитектура его в греческом стиле, а живопись древнерусская.

В 1837 году посетил Полтаву НАСЛЕДНИК ЦЕСАРЕВИЧ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ; осмотрев Спасскую церковь и заметив ее ветхость, пожертвовал на устройство каменной одежды над церковью 2000 рублей. Полтавское дворянство также ассигновало на это известную сумму, а ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ I повелел открыть на это повсеместную в России подписку. На собранные деньги (около 25 тыс. рублей) к 1845 году была сделана каменная одежда по проекту известного архитектора К. Тона*, надолго обеспечивающая сохранение достопамятного храма. На те же деньги построены: небольшая колокольня у храма и памятник на месте дома коменданта Келена.

Памятник на месте отдыха ПЕТРА ВЕЛИКОГО

В 1817 году на том месте, где стоял домик коменданта Келена и где Петр I отдыхал в день Полтавской победы, был сооружен каменный обелиск (модель которого находится в музее на Полтавском поле сражения). Когда этот обелиск пришел в ветхость, в 1849 году, по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелению воздвигнуть вместо него новый памятник, вылитый из бронзы, по проекту Брюллова**, художником Гамбургером***; памятник открыт в годовщину победы 27 июня 1849 года. Он

* **Тон Константин Андреевич** (1794–1881) — русский архитектор. Наиболее известен проектом Храма Христа Спасителя в Москве.

** **Брюллов Александр Павлович** (1798–1877) — художник и архитектор. Старший брат К. Брюллова.

*** **Гамбургер И. А.** — владелец литографической мастерской.

представляет прямоугольную пирамиду, на пьедестале из гранитных ступеней; сверху пирамиды лежат меч и щит, а наверху щита шлем полководца; на лицевой стороне надпись: «*ПЕТР I покоился здесь после подвигов своих 27 июня 1709 года — ниже: Воздвигнут 27 июня 1849 года в царствование ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I*». Под надписью находится барельеф — герб России, а на основании памятника — изображение отдыхающего льва.

Вокруг памятника восемь массивных чугунных столбов в виде вырытых на землю пушек; столбы соединены кронштейном.

Вне черты старого города к Полтавскому бою имеет отношение колонна в память битвы, воздвигнутая по преданию на том месте, где комендант Келен с гарнизоном встретил Петра, вступившего после победы в г. Полтаву. Колонна носит название «памятника Славы».

Памятник Славы

Первый по времени памятник, в воспоминание Полтавской победы, был сооружен частным лицом — полтавским гражданином Руденком в 1778 году. Этот памятник был внутри старого города около Воскресенского храма (на схеме второй № 2) и представлял собой оштукатуренный каменный столб с пирамидальной вершиной; в пьедестале памятника была вставлена медная доска с выгравированным изображением Полтавского боя (вариант известной гравюры с картины худ[ожника] Мартена, современника Петра).

В начале XIX века памятник этот был разобран, а доска была взята в церковь Воскресенья, построенную там же Руденком; в настоящее время она передана в музей в поле сражения.

Другой памятник Полтавской победе сооружался по инициативе кн[язя] Куракина*, первого малороссийского генерал-губернатора, ко времени столетия битвы, но был открыт с запозданием — 27 июня 1811 года. Памятник-колонна, как уже было сказано выше, находится на том месте, где по преданию, комендант Келен с гарнизоном встретил ПЕТРА, торжественно въезжавшего в Полтаву после победы над шведами; приходится это на современной Александровской площади.

Подножие колонны имеет вид гранитной крепости бастионного начертания с 18 чугунными пушками, заделанными по окружно-

* **Куракин Алексей Борисович** (1759–1829) — государственный деятель. Малороссийский генерал-губернатор в 1802–1807 гг. В 1807–1810 гг. — министр внутренних дел.

сти в пьедестал; из них 10 были на бастионах Полтавской крепости, а 8 взято в Переволочне*, где сдалась вся остальная шведская армия под начальством Левенгаупта**.

На пьедестале надпись: «Июня 27 дня 1709 года» и арматура из победных трофеев.

Проект памятника составлен профессором Академии художеств Томасом де Томоном.

По случаю столетия Полтавской победы была выбита медаль. На лицевой стороне портрет ПЕТРА I и надпись: «В царствование АЛЕКСАНДРА I — победителю при Полтаве». Обратная сторона — вид памятника и надпись: «Полтавской победе 27 июня 1709 г.»; в образе: «Воздвигнут 1809 года».

* **Переволочна** — село, основано в XIV в. около брода на Днепре. Здесь после Полтавской битвы капитулировали остатки шведской армии. В 1964 г. уничтожено во время создания водохранилища.

** **Левенгаупт Адам Людвиг** (1659–1719) — шведский генерал. После Полтавы попал в плен, умер в Москве.

Маневр как средство достижения цели боя *Отрывки*

Маневр Шахе—Бенсиху

Сентябрьская операция 1904 года

После боя под Ляояном 17–20 августа 1904 года русская армия отошла своими главными силами к Мукдену, за р. Хуанхе*. Японцы не преследовали и остановились на правом берегу р. Тайдзыхе, главными силами в районе *Янтай-Копи—Ляоян*. Наступил месячный перерыв в действиях. За это время мы успели получить в подкрепление два корпуса; силы наши дошли, в круглой цифре, до 20 000 штыков. Японская армия исчислялась нами в сентябре примерно в 150 000 штыков**.

Командующий Маньчжурской армией решил воспользоваться обозначавшимся полуторным перевесом в силах, видимым истощением энергии и средством японцев (отсутствием какого бы то ни было преследования и дальнейшее бездействие) и, наконец, превосходною маньчжурскою осенью, чтобы перейти в наступление и вырвать почин из рук противника.

Основною целью наступления ставилось: «*Нанесение поражения армиям противника и освобождение Порт-Артура*»¹¹.

Достигнуть этой цели предполагалось нанесением «*удара противнику в районе между Хунхе и Тайдзыхе*» и овладением «*правым берегом Тайдзыхе*»¹².

В представлении Командующего армией***, на основании имевшихся сведений, *главные силы* японцев группировались севернее р. Тайдзыхе в районе Ляоян—Янтай-Копи—Ваньпуза—Бенсиху,

* В современной историографии сражение под Ляояном, как правило, датируется с 24 августа по 3 сентября. Русская армия отбила атаки японцев, однако, ввиду преувеличенных данных о численности противника, А. Н. Куропаткин решил отойти, что оказалось для врага неожиданностью. — *Прим. ред.*

** Разведывательное отделение Штаба армии давало цифру 144 000 штыков. Насколько можно установить теперь, подсчет этот довольно точно отвечал действительности. — *Прим. авт.*

*** Речь идет о генерале А. Н. Куропаткине. — *Прим. ред.*

причем фронт японской армии обеспечивался укрепленными позициями у Ваньяпузы и Янтай-Копи. Здесь же обозначалось и наибольшее скопление войск, как бы два разных пятна. Кроме этой главной группы, предполагались второстепенные на флангах: восточная группа дотягивалась, в нашем представлении, до Цзянчана, западная — до Сяобейхе (см. схему № 31)¹³.

Приведенный выше план действий, по отношению к этой — предполагавшейся, в общих чертах, — группировке сил японцев, не выражал определенной оперативной идеи, так как в нем не указывалось *направления*, в котором собирались нанести главный удар, добиваться решения. Из этой формулировки выясняются, однако, две характерные черты:

1) что для достижения *основной — решительной — цели* (поражение противника и освобождение Порт-Артура) как будто считали достаточным *оттеснить* японцев за р. Тайдзыхе*;

2) что действия *не предполагалось* переносить на левый берег р. Тайдзыхе, считая, что бой должен начаться и кончиться («нанесение удара...») *на правом* ее берегу («в районе между Хуньхе и Тайдзыхе...»).

Несомненно, что первая мысль заглушала ту решительную нотку, которая слышалась в постановке основной цели. Вторая — определяла будущее *поле сражения*.

Действительно, именно к этому полю сражения оказываются, как увидим, приуроченными — как замысел *стратегического маневра* армии, так и *тактическое* его разрешение.

Исходное положение, которое занимали корпуса Маньчжурской армии перед переходом в наступление, показано на схеме № 31.

Четыре корпуса (XVII-й, I-й Сибирский, IV-й Сибирский и I-й армейский) были сосредоточены в окрестностях Мукдена, на правом берегу р. Хуньхе.

Уступами перед флангами этой главной группы были выдвинуты на левый берег: на западе — X-й армейский корпус, на востоке — II-й и III-й Сибирские корпуса, эшелонированные друг другу в затылок.

VI-й Сибирский корпус, только что прибывший из России, заканчивал свое сосредоточение к Мукдену**.

* В телеграмме Наместнику, а также в приказе по армии от 15 сентября говорится, что овладение правым (т. е. северным) берегом Тайдзыхе ставится «первоначальной» целью. Слово это, как будто смягчающее противоречие между установленной конечной целью и выбранным *средством* ее достижения (первая — решительна, второе — бесхарактерно), не изменяло существа дела в отношении организации всего маневра. Маневр был сообразен *всецело*, исчерпывающим образом, с «первоначальной» *нерешительной* задачей. — *Прим. авт.*

** **Мукден** — китайский город. В 1900–1905 гг. здесь действовало русское комиссарство. В настоящее время носит название Шэньян. — *Прим. ред.*

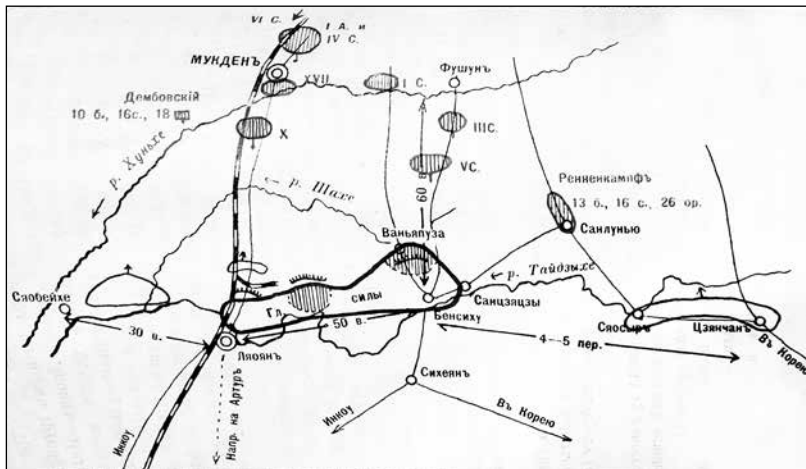


Схема № 31

Фланги армии обеспечивались: правый — отрядом генерала Дембовского, левый — отрядом генерала Ренненкампфа.

Фронт армии прикрывался конницей, поддержанной авангардами, выдвинутыми на левый берег р. Хунхе.

В общем, главные силы противников были разделены, примерно, тремя переходами. Передовые части — 5—10 верстами.

15 сентября по армии был отдан приказ, установивший организацию наступления¹⁴. В этом приказе, как и в предварительных соображениях, указывалась общая цель: *овладеть правым берегом Тайдысье*.

Громоздкая для управления «единая» армия была разделена на три основные группы:

1) *Западный отряд*, в состав которого вошли X-й и XVII-й армейские корпуса (64 бат[альона]); начальник генерал бар[он] Бильдерлинг;

2) *Восточный отряд* — I-й, II-й и III-й Сибирские корпуса (86 бат[альонов]); под начальством генерала бар[она] Штапельберга;

3) *Резерв*: корпуса — I-й армейский и IV-й Сибирский (56 бат[альонов]) и VI-й Сибирский корпус (32 бат[альона]). Последний корпус с началом наступления не слился с первыми названиями корпусами резерва, направленными за центром армии, а был выдвинут уступом за правый фланг Западного отряда*.

* По существу все три указанные группы были частными армиями, но, к сожалению, сымпровизированными, и притом лишь перед самым наступлением. — Прим. авт.

Самостоятельные отряды генералов Дембовского и Ренненкампа сохраняли и при наступлении задачи обеспечения флангов.

Западному отряду была указана ось движения Мукден — Копи-Янтай (прямо на юг), но не было поставлено никакой частной цели наступления.

Восточному отряду была назначена линия сосредоточения «для атаки позиций противника с фронта и правого его фланга...».

«Первоначально целью действий...» ставилось овладение позициями у Ваньяпуза.

Таким образом, мысль о нанесении главного удара *правому флангу* противника была высказана в задаче Восточному отряду.

Корпуса этого отряда должны были двигаться прямо перед собой на юг, на фронт около 15 вер[ст], причем правофланговый корпус (см. схему № 32) — I-й Сибирский — нацеливался на Ваньяпузу, а левая колонна — по оси Фушун—Санцзяцзы (на Тайдзыхе).

Из особых дополнительных директив, данных начальникам Западного и Восточного отрядов¹⁵, выясняется, что генерал Куропаткин допускал возможность производства охвата и обхода Восточным отрядом правого фланга японцев не только по правому, но и по левому берегу Тайдзыхе, однако — лишь при наличии особо благоприятных условий.

Западному отряду в директиве ставилась задача вести «демонстративное» наступление на фронте противника, «с целью притянуть на себя главные силы японцев»; при этом рекомендовался крайне осторожный, пассивный образ действий.

В той же директиве говорилось: «... предполагаю атаковать первоначально войсками Восточного отряда»¹⁶.

Сводя все приведенные выше данные относительно основной идеи маневра армии*, можно установить, что она определялась, в конце концов, в следующем виде:

1) Восточный отряд (86 бат[альонов]) — наносить главный удар на правый фланг противника, с охватом его на правом берегу р. Тайдзыхе, а при особо благоприятных условиях и с *обходом* по левому берегу, с тем, что отбросить армию Куроки к западу; при этом Восточный отряд, по отношению к действиям на всем фронте, *начинает* атаку;

2) Западный отряд (64 бат[альона]) — «в первые дни после сближения с противником» — очевидно, до выяснения результатов атаки Восточного отряда, действует *лишь демонстративно*, выжидательно, с готовностью обратиться к обороне; таким способом действий пред-

* Предварительные соображения, приказ 15 сентября и дополнительные директивы начальникам Восточного и Западного отрядов. — *Прим. авт.*

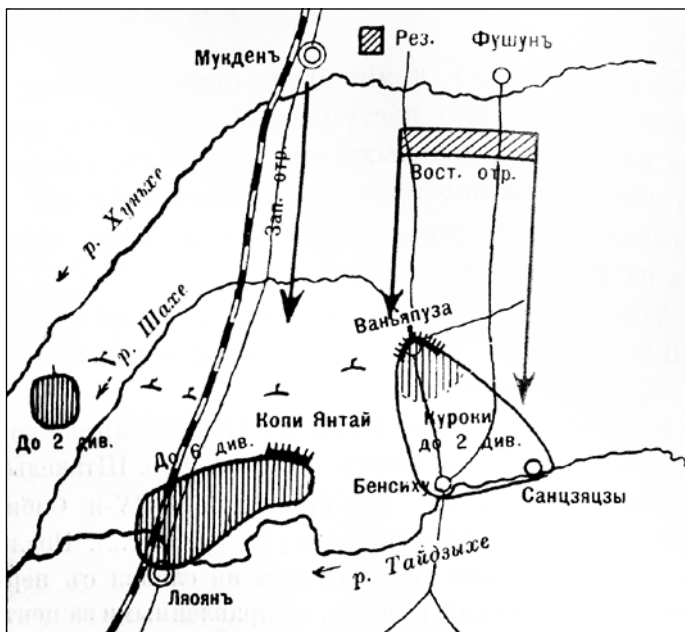


Схема № 32

полагалось связать «главные силы японцев» на фронте и «этим облегчить выполнение возложенной на Восточный отряд задачи»*.

В общем успех операции был всецело поставлен в зависимость от маневренных действий Восточного отряда.

Резерв генерала Куропаткина, — I-й армейский и IV-й Сибирский корпуса (56 бат[альонов]), — направленный за центром и как бы заранее нацеленный для заполнения, с развитием боя, промежутка между западной и восточной группами, — не могло иметь маневренного значения.

VI-й Сибирский корпус, — составлявший другую часть резерва, по окончании сосредоточения под Мукденом, был поставлен в маневренное, уступное положение относительно правого фланга всей армии, предназначенного для демонстрации, т. е. для вспомогательной операции.

Существенную маневренную помощь Восточному отряду мог оказать, по своему положению на левом фланге, отряд генерала Ренненкампа.

* Приказание начальнику Западного отряда 22 сентября. — *Прим. авт.*

Такова была организация стратегической части маневра.

Принимая во внимание то понятие, которое существовало в штабе армии о распределении главных сил японцев (см. схему № 31), мы не можем усмотреть достаточной заботы *о выигрыше, посредством маневра, правого фланга* японцев.

Наступление Восточного отряда приводило, в сущности, к постепенному *фронтальному* столкновению. примерно на линии Ваньяпуза—Санцзяцзы.

Объяснение этому противоречию между приказом атаковать противника «с *правого фланга*» и с фактическим *лобовым* направлением предназначенных для этого войск находим в директиве начальнику Восточного отряда, в которой рельефно выступает *способ действий* Восточного отряда, как его представлял себе Командующий армией. Операция должна была заключаться в *последовательном* овладении «позициями» противника на линии Ваньяпуза—Бенсиху. «Позиции» эти рисовались, видимо, генералу Куропаткину, обращенными фронтом на север и эшелонированными в глубину — уступами или даже в затылок*.

Предполагалось, что японское правое крыло встретит наше наступление *сосредоточенными силами* прежде всего на ближайшей к нам «позиции» у Ваньяпузы; на это настойчиво было указано и в приказе от 15 сентября, и в директиве. Возможность атаки этой первой «позиции», с охватом правого ее фланга, обеспечивалась положением корпусов Восточного отряда уступами слева и тем, указанным выше, их направлением, которое им было дано. В случае отхода противника на «следующие», по очереди, позиции — созданное уступное расположение облегчало повторение одного и того же охватывающего маневра.

Стратегический маневр тесно связан с той основной мыслью, которую хотят вложить в *тактический* маневр на поле сражения. Первый должен отвечать тем условиям *боя*, какие признается необходимым создать для подчинения противника своей воле и одержания над ним победы.

* «При атаке позиций у Ваньяпуза... цели (т. е. соединения фронтальной атаки с фланговой...) возможно будет достигнуть на коротке... При атаке *следующих позиций* на линии Ваньяпуза—Бенсиху потребуются и более дальние обходы... Пользуясь направлением достаточных сил против фланга противника, угрожая даже его путям отступления, вы можете заставить противника очистить *некоторые* позиции *без боя*... Иметь в виду, что японцами обыкновенно занимается *в глубину несколько позиций*, расположенных одна от другой в небольшом расстоянии». (Директива начальнику Восточного отряда 22 сентября.) Те же мысли в указаниях Штаба армии командиру III-го Сибирского корпуса 25 сентября: предполагается, что, выйдя от Уйнюнина к Саньшанцзы, можно действовать против *тыловой* позиции японцев (Русско-японская война.... С. 117). — *Прим. авт.*

В рассматриваемом случае мы видим лишнее подтверждение этого правила. Генерал Куропаткин «рисовал себе картины» — способы действий японцев: он видел правое их крыло *сосредоточенным* вполне или большею частью в районе Ваньяпузы, в переходе к северу от Тайдзыхе; он представлял себе затем наложение уступных позиций, которые предстояло атаковать, и упорную их оборону японцами шаг за шагом; исходя из этих «картин», Командующий Маньчжурской армией строил и свой *маневр* против правого фланга японцев, полагая, что между пунктом *фронтальной* атаки где-то к северу от р. Тайдзыхе и этой рекой будет достаточно *места* для производства охвата и даже обхода. Этим представлением поле действий Восточного отряда как бы заранее ограничивалось *правым берегом* р. Тайдзыхе. Действительно, при подобном взгляде на характер расположения и действий японцев на их правом фланге, с. *Санцзяцзы*, на которое была нацелена крайняя левая колонна маневренной группы, могло считаться *тыловым по отношению сил, сосредоточенных где-нибудь в переходе или полупереходе к северу*, следовательно, указанное направление левой колонны Восточного отряда отвечало возможности завершить маневр, не переходя р. Тайдзыхе.

Уяснение этой отправной точки зрения дает ключ и к тем инструкциям Командующего армией, в которых он допускает производство обхода по левому берегу как случай совершенно исключительный.

Едва ли нужно доказывать, что «картина», которая легла в основу этих соображений, была односторонней, и что скелет маневра, созданный «применительно» к воображаемым действиям противника, напоминал скорее противодействие этим последним, чем проведение в жизнь *своего решения*.

Из очерка самых событий делается ясным вся односторонность представления генерала Куропаткина об условиях будущего решительного боя. Стратегический маневр Восточного отряда, подчиненный этим предвзятым соображениям о возможном бое, был лишен, как увидим, необходимой гибкости и привел не к фланговому, а к лобовому удару.

Театр предстоявших действий резко д[е]лился на две части: *равнинную*, — примерно к западу от линии Эрдагоу—Янтай-Копи — и *гористую* — к востоку от этой линии. Восточному отряду предстояло наступать в горах. Район, в котором предполагалось это наступление, был нанесен [...] главнейших путей, проложенных по долинам, и важнейших перевалов. Подробности рельефа на той схеме совершенно отсутствовали; по ней можно было восстановить до некоторой степени лишь *направление* хребтов, не более. В Штабе армии не только не делали себе иллюзий относительно доступности этого района, но даже преувеличивали те трудности, которые мог встретить здесь Восточный отряд.

В обобщении рельефа, район будущих действий Восточного отряда может быть представлен в виде, показанном на схеме № 33.

Наступление началось 22 сентября. К вечеру 23-го главные силы армии едва подошли к р. Шахе, эшелонируясь более чем на переходе в глубину (см. схему № 34).

В этот день в Восточном отряде было получено весьма важное сведение: японцев заняли в ночь на 23-е долину Табегоу—Каотайцзы *фронтом на востоке*¹⁷.

Вследствие этого Сибирской казачьей дивизии генерала Самсонова, выдвинутой перед левым флангом Восточного отряда и занимавшей верховье р. Шахе, приказано занять указанную долину и *удержать*

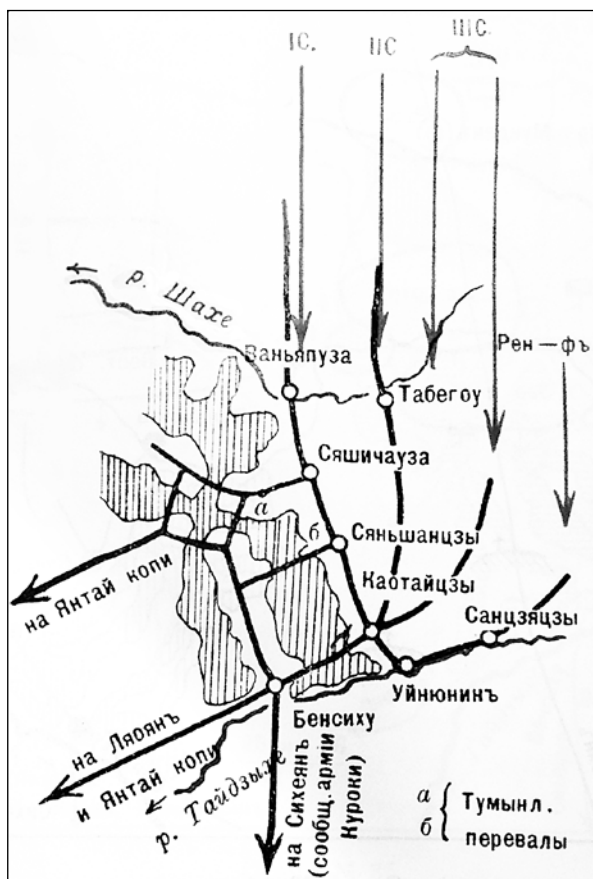


Схема № 33

ее до прихода туда пехоты. Вместе с тем генералу Ренненкампу предложено, после занятия им района Санцзяцзы в долине р. Тайдзыхе, оказать Самсонову содействие в направлении Каотайцзы—Бенсиху¹⁸.

Обозначавшееся, пока еще смутно, положение было предвестником дальнейшего хода дел: неприятель как будто готовился встретить нас *фронтом на востоке*; мы повернули свои передовые части на юго-запад, против намечавшегося фронта расположения японцев; крайняя же левая колонна Восточной группы — в лице включенного в ее состав отряда генерала Ренненкампа, нацеленного на юг восточнее с. Санцзяцзы, — уже меняет направление на запад, вдоль правого берега р. Тайдзыхе, на Бенсиху (схема № 34).

К вечеру 24 сентября главные силы армии лишь весьма незначительно продвинулись вперед, заняв Западным отрядом южный берег р. Шахе (см. схему № 34). Глубина расположения сокращается. Резерв (I-й арм[ейский] и IV-й Сибирский корпуса) вдвигается в линию между Западным и Восточным отрядами.

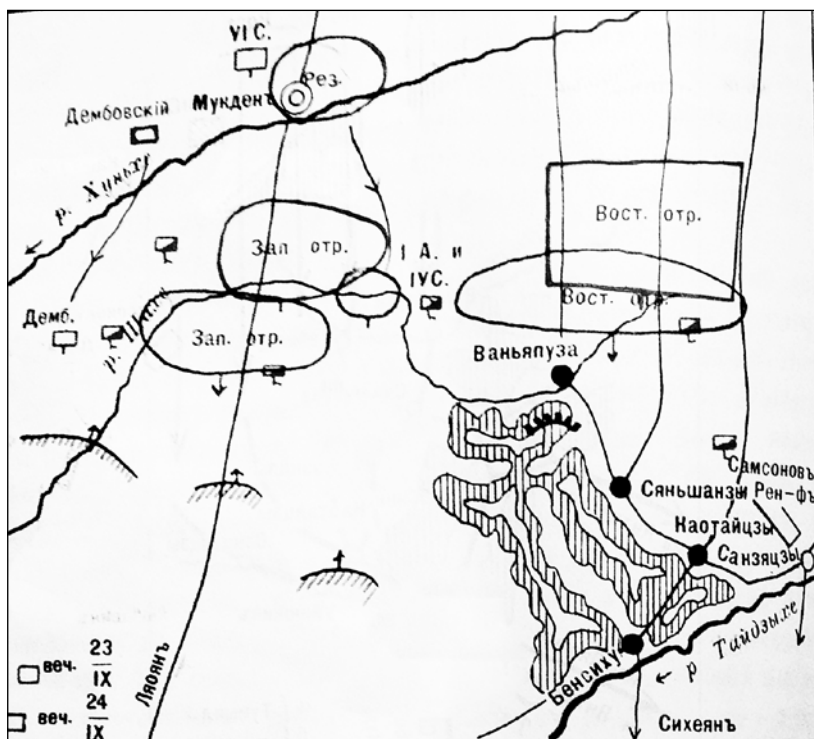


Схема № 34

Отряды Ренненкампфа и Самсонова занимают *фронтом на запад* район между Каотайцзы и р. Тайдзыхе.

На 25-е предполагалось решение первой частной задачи Восточного отряда — атака «позиции» у Ваньяпуза. К этой атаке была приспособлена группировка, охватывающая «позицию» с востока. Однако 25-го оказалось, что японцы, занимавшие эту позицию, успели скрытно отступить в ночь на 25 сентября, уклонившись от боя.

Генерал Куропаткин спешит подтвердить начальнику Восточного отряда, что дальнейшая его задача — атака «следующих» позиций японцев¹⁹.

Западный отряд в течении 25-го числа оставался на месте, укрепляя позицию, предназначенную для встречи противника, в случае его перехода в наступление.

С 24 сентября VI-й Сибирский корпус выдвинулся на левый берег Хунхе и расположился уступом за правым флангом Западного отряда, в каком положении и оставался почти до конца операции.

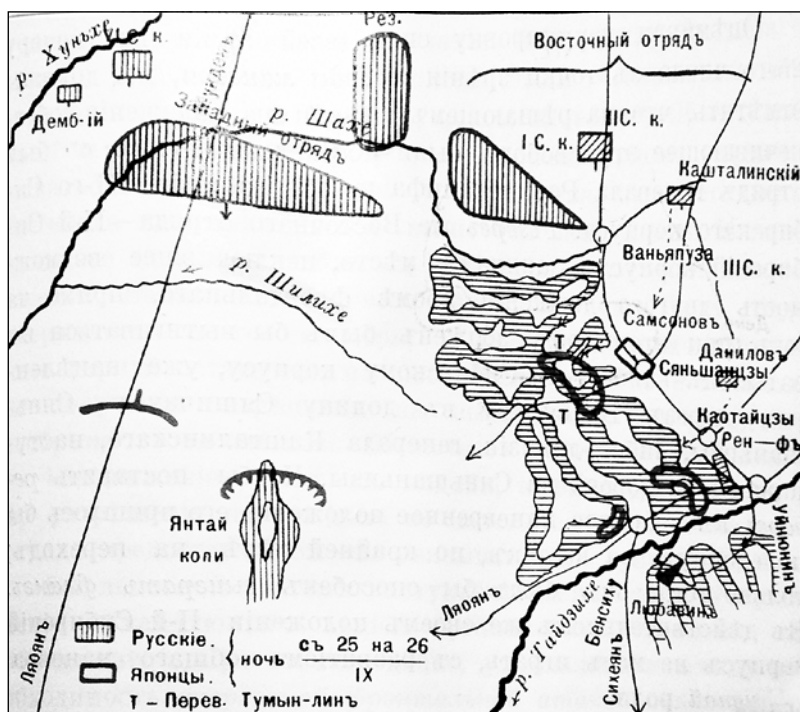


Схема № 35

Восточный отряд 25 сентября продолжал наступление. К вечеру части его заняли положение, показанное на схеме № 35.

25-е число было первым днем боевого соприкосновения с противником в Восточном отряде: отряд генерала Ренненкампа, получивший задачу поддержать генерала Самсонова и движением на Бенсиху содействовать наступлению главных сил Восточного отряда, оттеснил японцев из долины Каотйцзы—Уйнюнин и с боя занял этот последний пункт. При этом дело решилось обходом, произведенным одной сотней с 4-мя горными орудиями, направленными *по левому берегу р. Тайдзыхе*. Японцы отошли на Бенсиху.

Оценивая группировку сил всей армии к вечеру 25-го числа с точки зрения *свободы маневра*, мы должны отметить, что на решающем фланге в положение, обеспечивающее эту свободу, были поставлены только: слабый отряд генерала Ренненкампа и обе дивизии III-го Сибирского корпуса. *Резерв* же Восточного отряда — II-й Сибирский корпус — занимал место, исключавшее возможность другого движения кроме фронтального, прямо на юг; при этом он должен был бы вытягиваться в затылок — либо I-му Сибирскому корпусу, уже нацеленному через Ваньяпузу в долину Сяшичауза—Сяньшаньцзы, либо — дивизии генерала Кашталинского, наступавшей по дороге на Сяньшаньцзы. Чтобы поставить *резерв* в исходное маневренное положение, его пришлось бы передвинуть на восток, по крайней мере, на переходе; только тогда он был бы способен *выиграть фланг*. В действительном же своем положении II-й Сибирский корпус не мог играть, с развитием общего маневра, *активной* роли.

Совершенно то же самое можно сказать и про центральную группу армейского резерва (I-й арм[ейский] и IV-й Сибирский корпус).

Зато VI-й Сибирский корпус и обеспечивающий правый фланг армии отряд генерала Дембовского, как бы вися за этим флангом, представляли активную, *маневренную* группу. Но она находилась на второстепенном крыле армии.

В общем на всем фронте, в минуту, когда еще бой только назревал, когда надо было быть готовым ответить на «обращения неприятеля» властным проведением в жизнь *своего* плана и, следовательно, иметь для этого *средства*, — почти $\frac{3}{4}$ армии оказываются *скованными* группировкой, и лишь $\frac{1}{4}$ поставлена в положение, обеспечивающее маневр. Но и эта четверть разбита пополам, разделена между обоими флангами. При этом на восточном фланге, где ожидалось решение, маневренной группе, еще свободной 25 числа, не суждено было сыграть своей роли: обстановка *уже тягивала ее в бой на фронте*.

26 и 27 числа Командующий армией предполагал перейти к решительным действиям.

Ввиду этого он счел необходимым дать следующие дополнительные указания начальнику Западного отряда. В случае, если войска были «готовы к наступлению», Западному отряду рекомендовалось 26-го «выдвинуться несколько вперед», но авангардом не ввязываться в упорный бой²⁰. Директива эта логически вытекала из приведенной выше основной мысли Командующего армией, что боевые действия *должны начаться атакой Восточного отряда*. Идея эта еще раз подтверждается 25-го сентября: «Главным силам Западного отряда оставаться на занимаемой ими позиции впредь до получения разрешения на выдвигание их вперед, *сообразно с действиями Восточного отряда*». Разрешение на «выдвигание», как мы видели, и было дано на 26-е, но разрешения на *бой* дано не было. Наоборот, Западный отряд предостерегался от ввязывания в «упорный» бой.

В подобной системе наступления можно видеть стремление Командующего армией организовать «равнение не обходящего». При этом, однако, упускалась из виду необходимость *энергичной фронтальной атаки* связать противника и тем *обеспечить* действительным образом успех флангового маневра. В рассматриваемой операции это было тем более необходимо, что собственно *обхода*, т. е. дальнего стратегического движения, не предпринималось; по мысли генерала Куропаткина производилась лишь попытка сравнительно короткого *охвата* правого фланга японцев. В пассивном выигрыше времени, при этом условии, надобности не было. Наоборот, *время не терпело*: с каждой новой упущенной минутой наши карты, одна за другой, открывались неприятелю. Первоначальное впечатление *внезапности* — важнейшего элемента подготовки маневра — сглаживалось. Противник получал возможность принять меры для противодействия ему.

Прежде, чем переходить к очерку событий, начиная с 26 сентября, необходимо обратить внимание еще на одну типичную черту в организации маневра, а именно — на характер *управления* свыше действия маневренной группы. В приказании Командующего армией начальнику Восточного отряда от 25 сентября говорится следующее:

«...отдача, по вверенным Вам войскам, приказов для боя, имеющих решающее значение, *ранее получения моего одобрения главных оснований приказа*, не может быть допущена в видах согласования с Вашими действиями действий других корпусов...»²¹

Нельзя не отметить, что с минуты получения этого распоряжения начальник маневренной группы, уже стесненной по условиям развертывания в отношении места, лишался свободы пользования *временем* и обстоятельствами.

26 сентября генерал бар[он] Штакельберг приводит Восточный отряд в движение: I-й Сибирский корпус — на Ваньяпузу, III-й Сибирский — на фронт Сяньшаньцзы—Каотайцзы, отряд генерала Рен-

ненкампфа — на Бенсиху, резерв II-й Сибирский корпус — должен стать в *затылок* I-му Сибирскому.

Наступление совершается, как это видно из директивы начальника Восточного отряда командиру I-го Сибирского корпуса, все еще в предположении, внушенном свыше, о том, что главные силы правого крыла японцев группируются где-то немного южнее «позиции» у Ваньяпузы, примерно на высоте с. Сяньшаньцзы. Командиру I-го Сибирского корпуса рекомендовалось, действуя совместно с колонной генерала Кашталинского, следовавшей на Сяньшаньцзы, поддерживать противника в фронте и «энергично наступать на его *левый фланг*, стараясь... *выиграть тыл*»*.

В 10 часов утра командир III-го Сибирского корпуса получил сведения:

- 1) что Сибирская казачья дивизия, наступавшая от Сяньшаньцзы на Тумынлинский перевал, остановлена противником;
- 2) что отряд генерала Ренненкампфа ведет бой за перевалы западнее с. Уйнюнина.

Опасаясь за безопасность своего флангового движения по отношению фронта Сяньшаньцзы—Каотайцзы, командир корпуса выдвигает в угрожаемую сторону два боковых отряда, которые разворачиваются фронтом *на запад*: один — в направлении на Сяньшаньцзы, другой — на Каотайцзы—гора Лаутхолаза (командующая сопка севернее дороги из Уйнюнина в Бенсиху).

Это было *начало* поворота всего III-го Сибирского корпуса направо, фронтом на запад, а вместе с тем и *начало конца маневра*.

К вечеру весь корпус развернулся по обе стороны с. Каотайцзы. К Сяньшаньцзы продвигалась на место оттянутых к югу частей III-го корпуса левая колонна I-го Сибирского корпуса.

Перевалы перед фронтом I-го и III-го Сибирских корпусов занимал противник; то же и перед фронтом правой колонны отряда генерала Ренненкампфа, наступавшей в течение дня в направлении на Бенсиху по правому берегу Тайдзыхе и вошедшей в непосредственную связь с III-м Сибирским корпусом.

Совершенно определенно выяснилось, что *японцы повернулись фронтом на сев[еро]-восток*. Генерал бар[он] Штакельберг доносил Командующему армией на следующий день, 27 сентября:

«Противник занимает сильную позицию на с[еверо]-с[еверо]-восток, владея впереди сильно укрепленными позициями на перевалах...»²²

* В этом указании находим лишнее подтверждение приведенных выше доказательств, что старшее командование, во всех своих распоряжениях, исходило из «картины» нахождения *ядра* правого крыла армии Куроки значительно севернее р. Тайдзыхе (Русско-японская война.... Т. IV. С. 125). — *Прим. ред.*

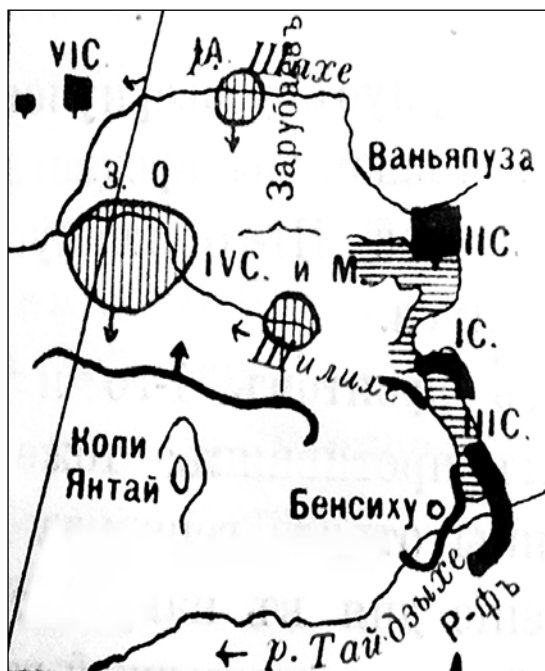


Схема № 36

Против фланга этой позиции держалась лишь левая колонна отряда генерала Ренненкампа, которая, вследствие своей слабости, не могла иметь решительного значения*.

Общее положение на фронте всей армии к вечеру 26-го сентября показано на схеме № 36.

Западный отряд подался на маленький переход к югу; левее его, в промежутке между восточной и западной группами, выдвинута вновь образованная, центральная, группа — IV Сибирский корпус и отряд генерала Мищенко под общим начальством генерала Зарубаева.

Резервы — Восточного отряда (II-й Сибирский корпус) и армии (I-й армейский корпус) продолжали оставаться за центром расположения.

VI-й Сибирский корпус и отряд генерала Дембовского по-прежнему сохраняли маневренное значение на правом фланге армии.

* В отряде Ренненкампа 26-го не хватало даже артиллерийских патронов. — *Прим. авт.*

На всем фронте стороны вошли в тесное соприкосновение. Назревал самый бой.

На 27 сентября Западный отряд получил задачу «укрепляться». Восточный — готовился к производству назначенной на 28-е атаки перевалов. Командиру III-го Сибирского корпуса было «разрешено» поддержать 28-го частью сил отряд Ренненкампа, на который предлагалось возложить «обход позиции у Бенсиху *по левому берегу Тайдзыхе*».

Надеясь на решительные действия сравнительно слабой колонны Ренненкампа, которая по своему составу и силе отвечала задаче обеспечения фланга*, но не отвечала задаче нанесения удара, забывали о наличии *отрядного резерва* — II-го Сибирского корпуса. Воспользовавшись перерывом в действиях 27-го, объяснявшимся признанной необходимостью произвести разведки подступов, и прибегнув к ночным маршам, можно было успеть выдвинуть этот корпус из-за фланга Восточного отряда и перебросить *на левый берег* р. Тайдзыхе.

Маневр это вполне отвечал бы основному плану: теперь уже было ясно, что *фланг* японцев упирался непосредственно *в правый берег* Тайдзыхе и потому прежние предположения об организации охвата и обхода по этому берегу отпадали.

Что касается Командующего армией, то он, 26-го, еще не будучи ориентирован в обстановке, продолжал жить первоначальными представлениями о сосредоточении японцев, где-то между Ваньяпую и Сяньшанцзы, что видно из данной им в этот день директивы Восточному отряду. Последнему указано *охватывать* противника, наступая *по правому берегу* Тайдзыхе прямо на запад к фронту Янтай-Копи—Канквантунь²³ (схема № 37).

День 27 сентября прошел на всем фронте в бездействии.

Неприятель также не обнаруживал пока своих намерений. Однако, в центре, против группы генерала Зарубаева, *впервые* был открыт артиллерийский огонь. Конный отряд генерала Мищенко имел стычку с японцами. Было очевидно, что противник пододвинулся к нам на фронте.

28 сентября в то время, как Восточный отряд повел, согласно выработанного накануне плана, атаку на перевалы, японцы перешли в энергичное наступление против нашего центра.

План атаки 28-го перевалов войсками Восточного отряда заключался в элементарном лобовом направлении на них корпусов — I-го Сибирского и III-го Сибирского, а также пехоты колонны генерала

* К 28 сентября отряд генерала Ренненкампа, включенный временно в состав III-го Сибирского корпуса и долженствовавший образовать левую его колонну, числил 10 ½ бат[альона] (из них 6 резервных), 5 сотен и 26 орудий (из них 6 горных). — *Прим. авт.*

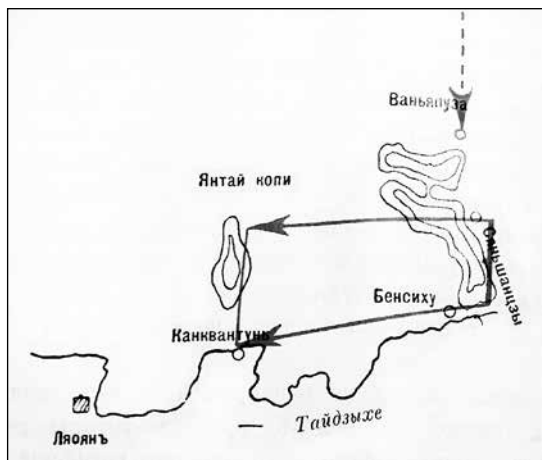


Схема № 37

Ренненкампа. Из состава последней на левый берег р. Тайдыхе был выдвинут, в поддержку действовавшей там с 26-го числа конницы, всего 1 батальон. Как видно, производство охвата фланга позиции японцев, который теперь только и мог быть осуществлен по левому берегу реки, маневра, предусмотренного, хотя и робко, предварительными соображениями начальника Восточной группы, — должно было лечь всецело на спешенную конницу, в лице 5 сотен забайкальцев (отряд генерала Любавина) и 9 сотен сибирских казаков, с 2-мя горными и 8-ю полевыми орудиями*.

Отряд генерала Любавина еще 27-го сентября занял положение в 2-х верстах к юго-востоку от с. Бенсиху. С этой позиции можно было взять под ружейный обстрел японский понтонный мост у Бенсиху. С нее же открывался обзор на тыл японской позиции, который мог быть обстрелян артиллерией.

С утра 28-го на левом берегу Тайдыхе японцы имели всего несколько рот, прикрывших переправу. Но за день этот слабый отряд усилился и даже пытался перейти в наступление. К вечеру же было получено донесение, что в верстах 13-ти к югу от Уйнюнина, т. е. на фланге наступления нашей конницы, находится японский отряд из

* Из состава Сибирской казачьей дивизии генерал Самсонов счел нужным оставить на переправе у с. Уйнюнин 3 сотни; там же был оставлен и выделенный в распоряжение генерала Самсонова батальон (Русско-японская война...». Т. IV. С. 179). — Прим. авт.

трех родов войск. В результате генерал Самсонов признал себя вынужденным ограничиться *удержанием* занятого района.

Между тем в этот день упорные лобовые атаки перевалов войсками Восточного отряда, стоившие огромных потерь, были отбиты по всему фронту.

II-й Сибирский корпус, резерв отряда, оставался нетронутым и в течение боя был расположен *в тылок* I-му Сибирскому корпусу — у Сяньшанцзы.

В ночь на 29-е были произведены снова частные попытки овладеть на фронте перевалами. Попытки эти не увенчались успехом.

С утра 29-го бой Восточного отряда на правом берегу Тайдзыхе прекратился. На левом — японцы усиливались и угрожали обходом левого фланга конного отряда Самсонова. У японцев появилась на левом берегу артиллерия. Генерал Самсонов, думая уже не о наступлении, а об удержании своего положения, просил поддержать его *пехотой**. В просьбе этой было отказано и сообщено командиру III-го Сибирского корпуса, что отрядный резерв, II-й Сибирский корпус, предназначается для поддержки войск группы Зарубаева...

Центр тяжести всей операции переносился *на запад*. В то время как на фронте Восточного отряда бой постепенно замирал, он разгорался все больше и больше на фронте Западного отряда и группы Зарубаева. К утру 29-го сентября войска эти, под натиском японцев, принуждены были отойти несколько на север.

Внимание Командующего армией сосредоточивается на мерах для противодействия возможному прорыву японцев между Западной и Восточной группами.

День 29 сентября можно признать днем отказа от задуманного основного маневра, *охвата правого фланга японцев*.

Восточный отряд перешел к обороне. 30-го он начал отступление.

Идею, вложенную в операцию, *нанести противнику поражение посредством охвата и обхода его восточного фланга*, с направлением главного удара *по правому* (северному) *берегу р. Тайдзыхе*, осуществить не удалось.

Зародыш неуспеха следует искать прежде всего в идейной части составленного плана действий. В основу последнего было положено предвзятое и, как оказалось впоследствии, ложное представление о способе обороны японцами своего правого фланга. Располагая све-

* Самсонов доносил, что для противодействия намечавшемуся охвату нужно не менее бригады пехоты с артиллерией, тогда как в его распоряжении «слабые сотни уже три дня бывшие в бою и 4 роты» (Русско-японская война... Т. IV. С. 229–230). — *Прим. авт.*

днями о противнике, рисовавшими группировку их, в общих чертах, в виде трех пятен — одного, самого крупного в центре (Ляоян—Янтай-Копи), двух — на флангах, мы не имели никаких надежных данных для суждения о подробностях расположения японских армий. Известно было только, что в центре у Янтай-Копи, а на востоке — у Ваньяпузы — японцами были укреплены позиции. Для определения верного направления удара против правого фланга неприятеля нужно было хотя бы примерно определить место этого фланга. В этом отношении высшему командованию Маньчжурской армии представлялось, что *значительные силы* правого крыла японцев сосредоточены на Ваньяпузской позиции; если же части противника и дотягиваются далее на восток по р. Тайдзыхе, примерно до Санцзяцзы, то они, по-видимому, могут быть рассматриваемы скорее как *тыловая* — относительно *главной группы, сосредоточенной у Ваньяпузы и несколько южнее**.

Не довольствуясь для составления оперативного плана данными, изображавшими расположение японцев схематически, в общих чертах, *и в этом виде отвечающими действительности*, дорисовали существенную подробность группировки, переносившую *правый фланг* ядра восточного крыла японцев на $\frac{1}{2}$ перехода к северу-востоку от Санцзяцзы (схема № 38).

Далее дорисовывали и способ действий японцев, заставляя их постепенно оборонять одну «позицию» за другой, начиная с ближайшей к нам Ваньяпузской, обращенной фронтом на север.

Исходя из этих соображений, надеялись осуществить охват и даже обход правого фланга японцев посредством *направления Восточного отряда на фронт Ваньяпуза—Санцзяцзы*. В самом деле, в случае, если бы наши предположения оказались правильными — две или три колонны Восточного отряда были бы нацелены вне правого фланга японцев и могли бы получить свободу маневра, *не переходя даже на левый берег р. Тайдзыхе*. Этим объясняется и соответствующая постановка задачи, ограничивающая действия Восточного отряда правым берегом реки.

Однако близорукость этих соображений не подлежит сомнению.

Находясь как бы под гипнозом значения «позиции» у Ваньяпузы, мы не предусмотрели возможности оставления ее без боя**, не допу-

* Телеграмма Командующего армией Наместнику 19 сентября, директива начальнику Восточного отряда 22 сентября. Ряд указаний во время операции, где району Ваньяпуза—Сяньшанцзы придается *исключительное* значение, как месту сосредоточения обороны правого японского крыла. — *Прим. авт.*

** Овладение этой позицией ставится ближайшей задачей Восточному отряду. Армия выжидает результатов этой операции. Теряются сутки на подго-

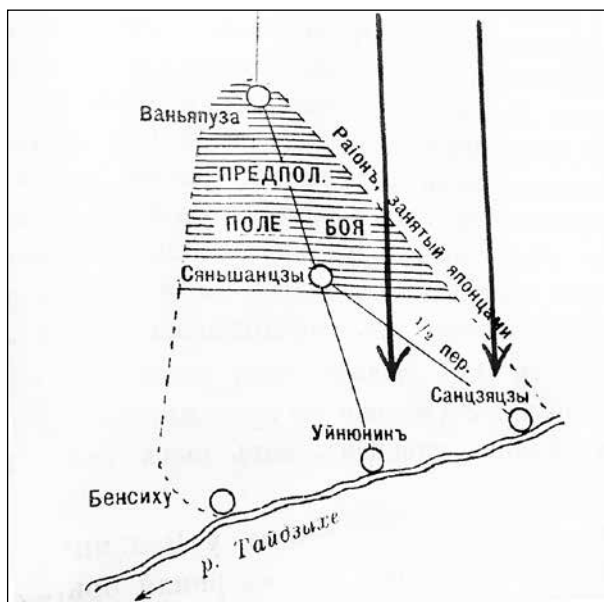


Схема № 38

скали сосредоточения правофланговой японской группы где-нибудь значительно южнее и поворота обороны *фронтом на северо-восток*.

Между тем было ясно, что условия местности этому благоприятствовали. Хотя у нас и не было настоящей карты района действий Восточного отряда, но и по той схеме, которая имелась, можно было определить направление *долин*, а следовательно, в связи с показанными перевалами, и общее направление *хребтов*. Направление же это способствовало перехвату на перевалах всех путей, которыми мы могли воспользоваться для производства охвата фланга японцев по правому берегу р. Тайдзыхе.

В случае организации японцами обороны этих перевалов фронтом на северо-восток, судьба нашего маневра, при направлении колонн восточного отряда прямо на юг на фронт Ваньяпуза—Санцзяцзы, предreshалась заранее: уступы, предназначенные для выигрыша фланга противника, должны были естественно делать захождение «левым плечом» против соответствующих групп неприятеля по мере вы-

товку к ней, неожиданное отступление японцев объясняется желанием навести нас на «главную» позицию. — *Прим. авт.*

яснения обстановки; в результате — эти группы постепенно *вводились бы в бой на фронте* и маневренное значение их уничтожалось (схема № 39).

Вместе с тем подверглась сомнению возможность вообще производства *охвата по правому берегу р. Тайдзыхе*, так как фланг японцев мог оказаться припертым к этой реке.

В действительности, позицию у Ваньяпузы занимала до вечера 24 сентября одна резервная бригада, выдвинутая в виде авангарда армии Куроки. Как только обозначалось наше наступление, авангард этот был спешно оттянут назад. Это вполне отвечало плану главнокомандующего японскими армиями маршала Ойямы: не ввязываясь в передовые частные бои, сосредоточить главные силы для контрманевра. Это последний намечался против западной нашей группы. На востоке было решено использовать свойства местности и, выставив на перевалы относительно слабый заслон, сдерживать здесь наше наступление.

В качестве этого заслона была выдвинута сначала резервная бригада, отозванная от Ваньяпузы, а затем она была усилена одной дивизией.

Медленность нашего наступления (40–50 [верст] в 4 дня) и топанье перед Ваньяпузской «позицией», а затем и перед перевалами (26-го числа) позволили резервной бригаде своевременно отступить и занять

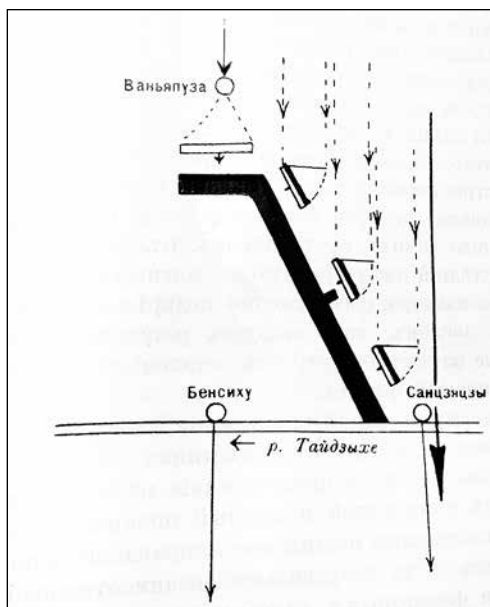


Схема № 39

перевалы фронтом на северо-восток, перехватив, таким образом, все пути, ведущие на запад из долины Сяньшанцзы—Уйнюнин; *правый фланг* заслона был дотянут до Тайдзыхе, между Бенсиху и Уйнюнином.

Так создалась обстановка, которая свела, как мы видели, маневр Восточного отряда к нулю.

Если бы нами не руководила предвзятая идея и мы, помня о *свободе маневра*, искали бы *правый фланг* японцев восточнее, соответственно с этим был бы соображен и выигрыш фланга посредством направления колонн более к востоку. При этом условии перенесение главного маневра на *левый берег* Тайдзыхе сделалось бы совершенно естественным.

Что касается *обеспечения* успеха задуманного маневра, то обращает на себя внимание еще одна характерная черта в идейной части.

Маневренная группа, наносящая главный удар, атакует *первой*. В зависимости от результатов этой атаки действующие силы, предназначенные для наступления на фронт. Эти последствия держатся явно «демонстративного» образа действий; Западному отряду не указано даже никакой определенной точки стремления; и хотя на него возложена задача *привлечь на себя противника*, с целью обеспечения атаки Восточного отряда, но предписывается достичь этого, *уклоняясь от наступательного боя*.

Вследствие такой постановки задач фронтальная группа бездействовала до 28-го сентября, когда она была вынуждена к бою самим противником. В предшествовавшие же дни последний имел полную возможность принять меры для контрманевра, своевременно подкрепить свой слабый восточный заслон, даже выждать результатов его действий и уже затем бросить все остальные силы на наш центр и *правый фланг*.

В общем в корне организации стратегической стороны маневра скрывались предвестники затруднений и неуспеха. Однако упорное преследование цели, развитие боя, сообразно с обстановкой, и частный почин исполнителей могли исправить как невыгодное направление маневренной группы, так и то неправильное взаимоотношение между лобовым и фланговым ударами, которое было установлено планом действий.

К сожалению, операция развивалась в весьма точном соответствии с этим планом. Ошибки в области идей были проведены в жизнь.

Обратимся к *исполнению* решительного маневра.

Несмотря на то, что 26 сентября начальнику Восточного отряда открылась правда, а именно, что японцы обороняются *фронтом на северо-восток* и что *правый их фланг упирается в Тайдзыхе*, он настойчиво продолжал преследовать задачу наступления правым берегом Тайдзыхе. К этому времени генерал Штакельберг уже не имел на внешнем

фланге свободной и притом могущественной маневренной группы, которую он мог бы немедленно перебросить на левый берег реки, с целью обхода по этому берегу правого фланга японцев*.

В руках начальника Восточного отряда оставался, впрочем, нетронутым резерв — II-й Сибирский корпус (схема № 40). Но маневренная свобода его была связана группировкой: для выхода на фланг ему пришлось бы сначала сделать значительное боковое движение к востоку. Однако бывают обстоятельства, в которых не жаль никакого напряжения.

К 28-му II-й Сибирский корпус, прочно прикрытый на марше с правого фланга остальными силами Восточного отряда, мог быть выдвинут к р. Тайдзыхе и приступить к настоящему выполнению того маневра, который был возложен на войска Восточного отряда и который, при выяснившихся данных, не мог быть произведен иначе, как *по левому берегу* р. Тайдзыхе.

Сами события настойчиво указывали на это направление: действия слабого отряда *спешной конницы* на левом берегу оказываются наиболее удачными. Положение этого отряда действительно угрожает флангу и тылу японской позиции. Мало этого — отряд этот угрожал сообщениям армии Куроки, шедшим от Бенсиху на юг к Сихеяну. Это заставляет японцев принять энергичные меры: к Сихеяну спешно выдвигается отдельная конная бригада принца Канина. 28-го и 29-го она наступает на отряд Самсонова, в связи с пехотой, прикрывающей переправу у Бенсиху.

Как мы знаем, начальник Восточного отряда не воспользовался ни средством, которым он еще располагал 26-го для организации охвата, ни указаниями фактов, выдвигавших все значение маневра *по левому берегу Тайдзыхе*. Несмотря на явную бесплодность героических усилий войск овладеть перевалами с фронта, начальники продолжают искать решения в лобовых атаках на правом берегу. Отряду же Самсонова, одиноко действующему на южном берегу реки, даже в минуту кризиса операции отказывают в поддержке.

С убеждением можно сказать, что одной из основных причин неудачи нашей операции Шахе—Бенсиху было непонимание существа и техники *маневра*.

Как в идейной, так и в исполнительной части были нарушены принципы *обеспечения* его успеха:

1) план стратегического маневра построен на одностороннем представлении обстановки, что лишало его гибкости;

* Напомним, что I-й и III-й Сибирский корпуса уже были нацелены для лобового удара, а отряд генерала Ренненкампа, действуя частью на правом, частью (конница) на левом берегу, производил короткий охват. — *Прим. авт.*

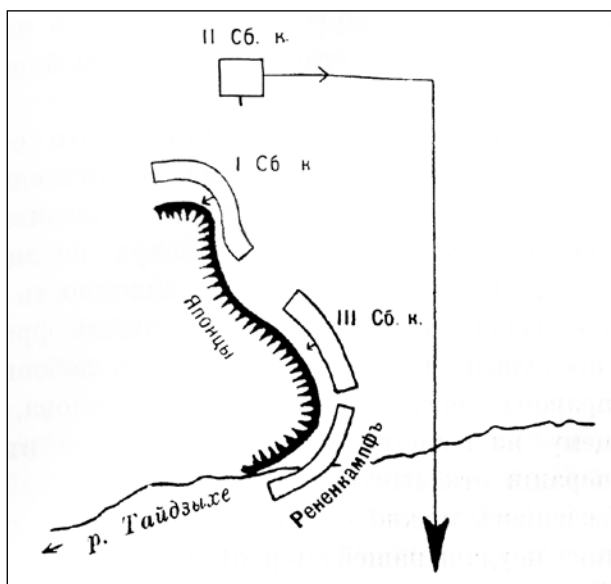


Схема № 40

2) был упущен важнейший элемент подготовки маневра — *внезапность* (крайне медленное наступление, отсутствие *деятельной демонстрации*);

3) *форма* наступления *связывала свободу* маневра (наслоение резервов за серединой фронта, даже в затылок действующим корпусам);

4) при выполнении тактического маневра не было действительного стремления продолжать выигрывать фланг и тыл противника.

Маневр по опыту Росбаха, Прейшиш-Эйлау и Шахе—Бенсиху

Рассматривая в предыдущих глава три операции, взятые из трех различных эпох, в двух из случаев представляющие, в руках великих полководцев, образцы военного искусства, дают достаточный материал для суждения об установленной в начале исследования точки зрения на стратегический и тактический маневр.

Примеры эти разворачивают перед нами не только цепью событий, во всей их неопровержимой убедительности, но и тот порядок *мышления* полководца, который приводит его к определенному решению. Это позволяет установить между мыслью полководца и фактами

логическую связь и получить уверенность, что правильное, в основе своей, решение, правильно обеспеченное и проведенное в жизнь, понижает господство *случая* до минимума. Фридрих Великий называл случай «его величеством». Маневр того же Фридриха под Мюхельном и Россбахом показывает нам, что «его величество случай» может быть, силой творческого гения полководца, даже при наличии неблагоприятных внешних условий, низведенных к нулю*.

Организация стратегического маневра, преследующего задачу поставить войска в положение, выгодное для решительного боя, составляет коренной вопрос в решении полководца. В самом деле, ложное направление этого маневра затруднит производство решительного тактического удара на поле сражения и поставит тактический маневр в тяжелые условия выполнения.

Правильность этого основного решения зависит от определения поля будущего боя. Чем противник дальше и чем он подвижнее, тем это определение становится труднее. Чаще всего сведения о неприятеле неуловимы, разноречивы.

Поэтому от полководца требуется способность широко обнять смысл всего совершающего на стороне противника и устоять от погони за мелочами, лишь затемняющими главные черты обстановки.

Наполеон, перед своим движением к Алленштейну, знает о неприятеле очень мало**. Хотя направление движения русской армии и определилось сначала на север, а потом на запад к нижней Висле, но можно было предполагать, что это лишь *частная* операция, направленная против корпуса Нея, неосторожно выдвинувшегося вперед. Как только выясняется, что это есть *общее* наступление, Наполеон решает ударить во фланг неприятелю и отрезать его от сообщений с Россией; не теряясь в догадках о подробностях группировки неприятеля, император представляет себе положение последнего в самых общих чертах и, в зависимости от этого широкого, а потому и менее предвзятого, предположения, намечает поле будущего боя, а именно верховье реки Алле.

Выбор этого, давая возможность захватить переправы на фланге и в тылу противника, отвечает решительной *частной цели*, поставленной Наполеоном. Но противник ближе к намеченному району, противник двигается. Нужно было обеспечить своевременный

* 5 ноября 1757 г. (период Семилетней войны) в битве при Россбахе прусский король Фридрих Великий нанес поражение объединенной армии Франции и Австрии (Священной римской империи), что позволило занять Саксонию. — *Прим. ред.*

** В 3-й главе своей книги Б. В. Геруа подобно описывает события наполеоновской войны 1806–1807 гг., а именно боевые действия в Восточной Пруссии. — *Прим. ред.*

выход армии к р. Алле, в частности, к ближайшему предмету действий — Алленштейну. Наполеон искусно пользуется для этого корпусами Нея и Бернадота, на которых возлагается задача задержать голову противника и тем выиграть время для развертывания главных сил; корпусу Нея, кроме того, обозначить левый фланг будущего развертывания и составить опору стратегического маневра. Этими мерами, в связи с выдвиганием вперед и вправо конницы, достигалась *свобода движения главных сил*, которые император нацеливает *правые* корпуса Нея; определяется ось стратегического маневра Пултуск—Алленштейн.

При выборе этого направления худшим «случаем» по отношению достижения основной цели Наполеона (резать сообщения противника с Россией) было своевременное уклонение Беннигсена от боя; «средним» случаем было нахождение, ко времени боя, главных сил русских по обе стороны Алле; наконец, «лучшим» случаем было вынуждение неприятеля принять бой на левом берегу р. Алле.

Как мы видели в своем месте, каждому из случаев отвечал свой тактический маневр, который мог быть произведен из намеченного Наполеоном исходного положения для боя. Притом, группировка корпусов на марше обеспечивала маневренное окрыление армии, а это последнее — свободу производства, в будущем, тактического маневра.

Наконец, широкое базирование (фронт Варшава—Торн) облегчало перемену, в случае необходимости, общего направления стратегического маневра. Подобная перемена могла понадобиться при отступлении армии Беннигсена на восток, на свои сообщения с Россией. Для вынуждения союзников, при этом условии, к бою Наполеону пришлось бы круто повернуть свою армию на восток, следовательно, временно отказаться от сообщения с Варшавой и опереться на Торн.

В плане Наполеона, после дел при Янково и Бергфриде, мы видим осуществление тех же основных начал организации стратегического маневра*: построение его в зависимости от условий будущего боя (сначала Ландсберг, потом Эйлау), стремление обеспечить свободу маневрирования на флангах и нацеливание крыльев *вне флангов* поля сражения, с целью поставить их в господствующее против них положение.

При этом марш-маневр скрывает в себе основную идею боя; при подходе к полю сражения ясно обозначены центр и оба, независимых в маневренном отношении, крыла.

* Речь идет о бое 22 января (3 февраля) 1807 г. за переправу через р. Алле. Ввиду превосходства французов русский авангард отошел к Прейсиш-Эйлау. — *Прим. ред.*

В результате Наполеону удается на поле сражения, без сложных предварительных на нем передвижений, создать исходное положение, угрожающее флангам противника.

В идее маневра Фридриха под Мюхельном и Россбахом не трудно усмотреть те же основные черты.

Определяя ось своего стратегического маневра, он также исходит из условий будущего боя, стремясь создать наиболее выгодную для себя обстановку в отношении будущего решения. Для того чтобы получить свободу своего маневра, король демонстрациями привлекает внимание союзников к Мерзебургу и Галле, заставляя их обнажить свои сообщения с Фрейбургом и сам становится в положение, угрожающее тылу и флангу неприятеля; таким образом получается возможность перейти от стратегического маневра к тактическому в *решительном* направлении.

На марше мы не видим у Фридриха стратегического окрыления в том виде, как оно организовывается впоследствии Наполеоном. Фридрих сосредоточивает всю армию до боя у Браунсдорфа в буквальном смысле этого слова. Однако различие это только внешнее. По условиям ведения боя современной Фридриху эпохи, зависевшем, в свою очередь, от данных административного порядка, — *маневренным* средством в настоящем значении этого слова являлась *конница*; она и окрыляла боевое расположение пехоты, составлявшей центр и игравшей в значительной степени роль опоры маневра кавалерии; сама же пехота, вследствие тесного, сомкнутого построения в развернутых длинных линиях, была лишена свободы маневрирования и была способна только к производству стройных эволюций.

Этому делению линейного боевого порядка на пехотный центр (опора маневра) и подвижные конные *крылья* отвечал и походный порядок того времени; армия передвигалась в двух-трех колоннах, на тесных интервалах, держась, в сущности, одной дороги; но движение открывалось конницей и замыкалось ею. Боевой порядок выстраивался из походного посредством эволюции к стороне фланга; кавалерийские крылья естественно оказывались на флангах пехоты в маневренном положении.

Несомненно, таким образом, что и связанный походный порядок эпохи линейных построений скрывал в себе основу будущего боевого порядка и, между прочим, маневренные крылья. Весь вопрос заключался в том, чтобы суметь вовремя и на месте воспользоваться средствами линейного боевого порядка и оживить мертвые по внешности формы.

Как под Мюхельном, так и под Россбахом первую мысль Фридриха Великого, вслед за решением атаковать противника, является

отделение самостоятельного маневренного крыла конница Зейдлица, с целью своевременно выиграть фланг неприятеля. Таким образом, постановка всего боевого порядка в положение, выгодное для боя, достигается маневренным окрылением того фланга, на котором король ищет решения.

Приложение этого принципа к жизни как Фридрихом, так и Наполеоном, различающееся только по форме, приводит в обоих разобранных нами частных случаях к успеху тактического маневра.

Обращаясь к организации стратегического маневра Шахе—Бенсиху, мы видим следующее.

Исходя из обстановки, рисуемой в общих чертах верно, но затемненной односторонним предположением определенного образа действий японцев, генерал Куропаткин направляет весь стратегический маневр, сообразуя выигрыш фланга с этим предположением (оборона японцами района Ваньпуза—Сяньшанцзы). В результате нацеливание маневренной группы без действительного выигрыша фланга противника и сведение задуманного охвата к тактическому лобовому удару.

В начале наступления группировка Маньчжурской армии приспособлена к ведению боя двумя группами (Восточный и Западный отряды). Однако сама жизнь заставляет, при сближении с противником, образовать и среднюю группу — центр, который на деле завязывает бой на фронте и принимает на себя первый удар (группа генерала Зарубаева).

Что касается правого крыла, т. е. Западного отряда, то ему была поставлена неподвижная, пассивная задача. VI-й Сибирский корпус, находясь в маневренном положении уступом за правым флангом Западного отряда, по существу, играл роль частного его резерва.

Таким образом, в организации стратегического маневра генералом Куропаткиным не хватало *идеи движения* на правом фланге, а также не хватало центральной группы *для завязки и ведения боя на фронте*. Правда, центр импровизируется во время наступления, он фактически привлекает внимание на себя неприятеля, но сам по себе он чересчур слаб, а задача Западного отряда *не изменена*; поэтому эта последняя группа, по отношению к центру, не имеет никакого маневренного значения.

У Фридриха и Наполеона мы видим в бою три основных группы, ведущих бой — центр и два крыла. Несмотря на внешнюю скованность линейного построения Фридриха, мы должны признать, что *по распределению им частных задач* между частями боевого порядка он располагал, по существу дела, под Россбахом, *центром*, который придерживал развернувшийся фронт союзников, *правым крылом*, получившим задачу принять, в случае надобности, на себя противника,

угрожавшего правому флангу, т. е. задачу *маневренного характера**, и, наконец, *левым* — решающим крылом (конница Зейдлица).

Возвращаясь к стратегическому маневру Шахе—Бенсиху, мы должны отметить, что он был приурочен к односторонне представленным условиям будущего боя, был лишен гибкости и настоящего маневренного окрыления, причем даже решающая фланговая группа оказалась фактически нацеленной на фронте противника.

В подобной организации стратегического маневра нельзя не видеть зародыша неудачи: маневр не выражал собою общей идеи решительного боя.

В отношении *выполнения* стратегического маневра мы усматриваем со стороны Фридриха и Наполеона стремление обеспечить успех маневра *внезапностью*, посредством быстроты и скрытности. Маневренная фланговая группа армии Наполеона (корпуса Нея и Даву) в течение недели с 20-го по 27-е января находится в непрерывном усиленном движении; переходы в 35 верст — явление заурядное, также как и ночные марши; при этом дело происходит в январе, при отвратительных дорогах.

С той же быстротой двигается Фридрих. Как только обстановка благоприятствует удару, он спешит, посредством быстрых передвижений, занять выгодное исходное для боя положение. Кроме того, и под Мюхельном, и под Россбахом король обеспечивает маневр скрытностью: в первом случае — началом движения до рассвета, во втором — местностью (Лундштедские высоты).

Куропаткин пытается заменить в подготовке маневра быстроту и скрытность *методичностью*, а именно — последовательным овладением «позициями» японцев и последовательным, в зависимости от достигаемых успехов, введением в дело собственных войск**. Переходы, в среднем, не превосходили 10—15 верст. Корпуса искусственно задерживались, без всякой видимой причины, как до боевого соприкосновения с противником, так и после завязки боя.

В результате медленного наступления Маньчжурской армии противник успел оглядеться, отдать себе отчет в маневре русских и принять меры к отражению удара.

В отношении *гибкости* формы наступления и способности парировать случайности мы видим в рассмотренных операциях у Напо-

* Роль «центра» по задаче играл в бою левый фланг линейного порядка, находившегося под началом принца Генриха Прусского. Правым крылом командовал принц Фридрих Брауншвейгский (Siebenjährige Krieg, V. С. 216). — *Прим. авт.*

** Генералом Куропаткиным был выдвинут, между прочим, принцип: «Время дорого, но успех еще важнее». Телеграмма генералу Штакельбергу 24 сентября, № 9974 (Русско-японская война...». Т. VI. С. 444). — *Прим. авт.*

леона и Фридриха общие черты: Наполеон легко исправляет ошибку в расчете времени занятия исходного положения под Алленштейном, происшедшем вследствие того, что корпуса Нея и Даву отстали на переход; впоследствии он искусно изменяет *форму* обхода, когда обстановка выяснила, что время не терпит и что ждать подхода корпуса Даву не приходится.

Справиться с этими трениями помогла свободная группировка сил императора.

Фридрих после того, как противник под Мюхельном успел изготовиться к бою и убрать свой фланг, меняет *форму* действий, перейдя по внешности к обороне; но выжидание это преследовало решительную цель: основа плана не менялась. Как только выясняется маневр союзников — мы видим со стороны Фридриха быстрое и искусное пользование бывшей к тому времени группировкой сил для организации тактического маневра.

Маневр генерала Куропаткина был приурочен, как было выяснено в своем месте, к действиям на правом берегу р. Тайдзыхе. Сообразно с этой мыслью дана определенная форма наступления. Обстановка выясняет ошибочность этой мысли. Однако генерал Куропаткин продолжает держаться все той же формы действий. Таким образом, вместо упорного преследования *основной цели*, в действиях его мы встречаемся с упорным сохранением *формы* стратегического маневра, вопреки подсказу обстановки.

В общем у Фридриха и Наполеона, в разобранных нами операциях, ярко выступает ясность и простота поставленной частной цели, отсюда — правильное определение поля боя, направление оси стратегического маневра и организации марша-маневра с расчетом выигрыша флангов; выигрыш это производится у первого — накоротке и против одного фланга по условиям ведения боя того времени*; у второго — издалека, со смелым нацеливанием фланговых колонн *вне флангов* будущего поля боя; несмотря на это различие по внешности, у обоих полководцев одно и то же стремление обеспечить себе перед боем маневренное господство над тем флангом противника, где ищут решения; у Наполеона, кроме того, маневренная подготовка довершения удара, посредством соответственного направления крыла, противоположного флангу решения.

В маневре Шахе—Бенсиху эти черты идейной стороны отсутствуют. Частная цель поставлена неясно («оттеснить японцев за р. Тайдзыхе»); она не отвечает общей цели — нанести противнику *решительное*

* Для того чтобы получить, при линейных порядках, господство обоими флангами противника, надо было иметь несомненное и притом двойное-тройное численное превосходство. Под Россбахом прусская армия уступала числом армии союзников больше, чем вдвое. — *Прим. авт.*

поражение; поле сражения очерчено не только с флангов и фронта, *но и с тыла*, причем тыловой его границей обозначена р. Тайдзыхе*; к этому полю сражения, в связи с предвзятыми предположениями о действиях японцев, приурочивается направление главного удара: тактический маневр заранее ограничен районом северного берега р. Тайдзыхе. Таким образом, выигрыш фланга понимается узко, в результате — стратегический маневр сам по себе оказывается лишенным гибкости.

Наконец, несмотря на сознаваемый полуторный перечень в силах, не обнаруживается стремления обеспечить маневренное господство и над левым флангом противника: Западный отряд напоминает, по пассивной своей роли, откинутый назад фланг косвенного боевого порядка XVIII века; та же задача *опоры* маневра не более. Однако необходимо оговорить, что Фридрих своим приказанием принцу Брауншвейгскому держать глаз *направо* этой и быть готовым действовать против угрожавших с этой стороны отдельных отрядов союзников — сообщал задаче этого крыла некоторую подвижность; в случае перехода указанных отрядов в наступление, принц Брауншвейгский, естественно, должен был *отделиться* от скованного линейного построения и обратиться в «маневренное», по существу, крыло.

Западному отряду генералом Куропаткиным дана задача: *принять наступление японцев*, но с неперменным условием *обратиться к обороне за укреплениями***.

Итак, мы видим, что Фридрих, в эпоху связанных боевых порядков и господства шаблона одностороннего маневра, стремится оторваться от этого шаблона посредством соответственной постановки задач, а что генерал новейшего времени приближает нас к идеям ведения боя заурядными генералами XVIII века.

В заключение разбора собственно *организации стратегического маневра* остается еще раз подчеркнуть, что успех операции Шахе—Бенсиху не подготовлен вовсе внезапно вследствие крайне медленного наступления. В этом отношении невольно напрашивается сравнение с маневром Наполеона под Алленштейном.

Перед Куропаткиным противник *стоит на месте*, положение его, в общих чертах, известно. Передовые части — в полупереходе и даже ближе от передовых частей противника, главные силы разделены примерно 60-ю верстами. Время благоприятствует движению.

* Нанесение главного удара по правому берегу р. Тайдзыхе, между этой рекой и р. Хунхе. — *Прим. авт.*

** Хотя VI-й Сибирский корпус и был поставлен по форме в маневренное положение уступом за флангом Западного отряда, но, по существу, корпус этот обратится в частный резерв отряда. Этот же последний был связан пассивной задачей. — *Прим. авт.*

Перед Наполеоном противник *куда-то идет*, но куда — еще точно неизвестно; положение его рисуется в весьма смутном виде; расстояние до предполагаемого места встречи — около 120 верст. Зима, дороги скверные.

Несмотря на эту поражающую разницу условий, время, которое понадобится обоим полководцам для совершения стратегического маневра, одно и то же, 5 дней...

В результате — в первом случае маневр разгадан противником, во втором — неожиданное появление всей французской армии перед Беннигсеном лишает его с самого начала уверенности в действиях.

Что касается акта *перехода от стратегического к тактическому маневру*, то опыт рассмотренных операций дает нам в этом отношении следующие указания.

Наполеон, сворачивая к полю боя стратегические крылья, ставит их в положение, благоприятствующее тактическому охвату с сохранением независимости их маневрирования. Благодаря этому, фланговые группы получают возможность, преследуя поставленную частную цель, развивать тактический маневр вглубь расположения неприятеля.

Вместе с тем перед боем обозначаются сами собою три указанные выше основные группы боевого расположения.

При этом маневренные крылья держатся уступом вне флангов центра (группировка вечером 22-го января перед боем у Янково—Берг=фриде и вечером 26-го января, накануне сражения при Прейсиш-Эйлау). Положение это обеспечивает вступление в бой сначала центра, с целью связать фронт неприятеля и дать возможность маневрирующим крыльям вступить в бой тогда, когда подготовка в этом отношении будет закончена.

Развертывание сил перед боем происходит *вне огня противника*, но в таком расстоянии от его флангов и на таких интервалах между основными группами (Алентштейн, Эйлау), чтобы со вступлением крыльев в бой могла бы быть установлена по фронту взаимная огневая поддержка (атака Сергалена правой дивизией центра совместно с левофланговой дивизией обходной колонны корпуса Даву).

Фридрих ставит перед боем решающее маневренное крыло также в независимое уступное положение, господствующее над правым флангом неприятеля и позволяющее впоследствии выиграть тыл противника.

В маневре Шахе—Бенсиху занятие армией исходного положения перед боем было произведено в согласии с идеями, вложенными в стратегический маневр; поэтому, не останавливаясь на критике этого развертывания, отметим только, что указанные выше ошибки в идейной части целиком переносятся в жизнь.

Переходя к разбору производства собственно *тактического маневра*, мы видим, что в руках Фридриха и Наполеона он является

могущественным средством для осуществления принципа частной победы на поле сражения.

Успех маневра обеспечивается у обоих полководцев относительной независимостью движения и развертывания охватывающего крыла, что дает возможность, опираясь на бой в месте связи этого крыла и центра, постепенно переходить от выигрыша фланга неприятеля к выигрышу его *тыла*.

Так, левый фланг развернувшейся пехоты Фридриха (по существу — центр боевого расположения) сдерживает неприятеля, заставляет его огибать свой фланг, а в это время конница Зейдлица — ударное маневренное крыло — бьет во фланг и тыл противника.

Еще выпуклее эта схема выступает в действиях корпуса Даву под Прейсиш-Эйлау; дивизии Даву развертываются из Мольвиттена по мере подхода, в уступном порядке; это позволяет каждому следующему уступу вступать в бой, не пристраиваясь к предыдущему, а сохраняя внешнюю независимость маневрирования; таким образом, каждый новый вступающий в бой уступ является по отношению своего предшественника свободной *маневренной единицей*, способной раздвинуть пределы охвата и облегчить задачу передних уступов, оставленных неприятелем. По отношению к дивизии Морана такую роль играет Фриан, по отношению к последнему — дивизия Гюденя.

В результате, несмотря на искусные меры и действия обороняющегося, обходная колонна упорно продвигается вперед и, наконец, выигрывает *тыл* противника, заставив его бросить путь отступления на восток.

При этом маневр корпуса Даву опирается сначала на бой у Серпалена*, в месте спайки маневренного крыла (дивизия Морана) и центра (дивизия С. Илера), а затем, когда обход переносится далее вглубь, — на Креггские высоты, которые маршал Даву спешит закрепить за собой выставлением на них артиллерии.

В технике выполнения корпусом Даву своей задачи нельзя не видеть редчайшего образца производства охватывающего маневра.

Что касается до обеспечения Наполеоном успеха осуществления рассмотренного тактического маневра, то можно отметить, что последний не был подготовлен внезапно: бой начался с действий маневренной группы. Однако жизнь сама потребовала затем энергичного боя и на *фронте*. Несомненно, что атаки корпуса Ожро и конницы Мюрата самым действительным образом исправили первоначальную ошибку. Неприятель был скован на фронте, внимание его отвлечено — время выиграно, и уже появление третьей дивизии корпуса Даву оказалось подготовленным и в смысле внезапности.

* Речь идет об одном из боев в ходе битвы при Прейсиш-Эйлау 7–8 февраля (по нов. ст.) 1807 г. — *Прим. ред.*

В маневр Фридриха под Россбахом успех удара подготовлен с этой стороны в полной мере: скрытностью (местность) и быстротой (выдвижение конницы).

Выполнение тактического маневра под Бенсиху, вытекая из неудачной стратегической подготовки, связано стремлением, несмотря на выяснившееся заблуждение относительности места нахождения правого фланга японцев, ограничить маневр во что бы то ни стало правым берегом р. Тайдзыхе. Правда, мелькает мысль об организации обхода и по левому берегу, но она быстро меркнет: не находят ни возможности, ни средств осуществить этот маневр. По-видимому, настоятельная необходимость в нем не сознавалась до конца старшим командованием.

Группировка корпусов «маневренного» крыла — Восточного отряда — не отвечала свободе маневра в настоящем смысле этого слова. Резерв — II-й Сибирский корпус — оказывается как бы «загороженным» другими корпусами и потому обреченным на пассивное выжидание.

При таких условиях выполнение тактического маневра не только не привело к выигрышу тыла, т. е. к окончательному решению, но и охват фланга свело к лобовому удару; другими словами — не было достигнуто никаких результатов.

Вообще как в замысле, так и в исполнении маневра, при сравнении рассмотренных трех операций, бросается в глаза, что Фридрих и Наполеон всеми средствами стараются сузить свободу действий противника и тем обеспечить достижение цели боя; старшее же командование Маньчжурской армией, наоборот, искусственно суживает свободу собственных действий, ограничивая ее во времени и в пространстве.

В результате, вместо подавления воли неприятеля и решающего морального его потрясения, быстрая утрата веры в удачу, наступление подавленности духа и сознания собственного бессилия.

Описание боя 10 декабря на правом участке 31[-й] пех[отной] дивизии

В 2 часа ночи с 9 на 10 декабря части дивизии занимали расположение:

а) 124[-й] полк* с 5[-й] батареей у высоты 350, имея правый фланг на перевале у с[ела] Синерница;

* 124-й пехотный Воронежский полк под командованием генерал-майора Е. В. Энвальда. — *Прим. ред.*

б) 122[-й] п[ехотный] Тамбовский п[олк]* на высотах к юго-западу у с[ела] Радошице;

в) 121[-й] п[олк]** от с[ела] Маслаки до фольварка Сроковице.

При 122[-м] и 121[-м] полках были три взвода 1-го дивизиона. Остальная артиллерия — в районе с[ела] Ядлова и Коваловы;

г) Козловский полк в 2-х группах: три батальона под начальством Командира полка в районе с[ела] Цу Ионины с задачей обеспечить правый фланг дивизии и связывать наше расположение с частями XI[-го] корпуса у с[ела] Рыглице; один батальон 123[-го] полка за 121[-м] п[олком] в с[еле] Чермна.

6[-я] батарея поднялась на перевал за участком 124[-го] полка, где полковнику Веверну было приказано обрекогносцировать позицию для занятия расположения с целью содействия нашему наступлению на следующий день.

В 7 часов утра по дивизии, согласно телеграммы Штаба корпуса № 4743, отдан приказ о дальнейшем наступлении на Биеч.

«Копия. К[омандира]м 121[-го], 122[-го], 123[-го] и 124[-го] п[ехотных] п[олков] 1914 г[ода] 10 декабря. 7 ч[асов] утра № 254. Из. М. Н. Ковалова. Карта 1/75000

1. Дивизии приказано наступать в направлении на Биев и занять фронт Бинаров— Сепетница. Левее нас наступает 9[-я] дивизия; правее, в направлении на Ольшины—Розембарк разведывает 7[-я] кавалерийская дивизия.

Приказываю:

А. Колонне г[енерал]-м[айора] Энвальда наступать через Ольпины, выс[ота] 345 — выс[ота] 381/сев[ерная] и южнее Подлесье/ на Бинаров и занять высоту 369.

Б. Колонне полковника Рытова наступать через высоту 314, фольвар[к] Нагорже, вост[очная] часть Подлесье на Цу-Бич, и занять гребень от фольварка Бинаров исключительно, до отметки 342 включительно.

В. Колонне полковника Евсюкова наступать через Свецяны на Сепетница и занять фронт от левого фланга 122[-го] полка до М. Н. Лисовек включительно.

Наступление всех колонн начать в 9 часов утра.

2. 3-м батальонам 123[-го] полка наступать в 3-х верстах колон[ной] генерала Энвальда и остановиться у Ольпины. Одному батальону того же полка наступать в 3-х верстах за колон[ной] полковника Евсюкова и остановиться у Свецяны у высоты 320.

* 122-й пехотный Тамбовский полк под командованием полковника С. М. Молчанова. — *Прим. ред.*

** 121-й пехотный Пензенский полк под командованием полковника Н. Ф. Евсюкова. — *Прим. ред.*

3. Корпусному резервы, выступив в 9 час[ов] утра, перейти в Цу-Ионины (южное).

4. Донесение присылать в М. Н. Ковалевы.

5. Заместители те же.

Подписал: генерал-майор Кузнецов. Скрепил: начальник штаба, полковник Казанович. С подлинным верно: За старшего адъютанта подпоручик Зарубаев.

В 9 ч[асов] 45 м[инут] утра начальник штаба корпуса по телефону передал приказание командира корпуса 124[-му] полку «приостановить» наступление»*. Главной причиной этого было неопределенная обстановка, складывающаяся на нашем правом фланге. XI[-й] корпус** развивал свои операции в направлении на Тухов и с наступлением 31[-й] дивизии в южном направлении образовывался опасный прорыв. Приказано правому флангу оставаться на месте, остальным частям дивизии продолжать движение, как бы заходя плечом.

Около 11 часов утра противник перешел в наступление против 124[-го] полка, а затем обозначилось наступление против всего фронта дивизии.

Командир 124-го полка доносил, что против него наступает около бригады и с[еле] Журова занято батальоном противника***.

В 11 ч[асов] 30 м[инут] утра командиру 123-го полка было послано приказание № 255, на поддержку 124[-го] полка выдвинуть один батальон к высоте 468, а затем в 11 ч[асов] 50 м[инут] утра всей дивизией было приказано перейти в наступление, чтобы встречным ударом отброситьседающего противника.

Дивизии отдан приказ № 84:

«Приказ 31-й пех[отной] дивизии № 84 1914 г[ода] 10 декабря М. Н. Ковалевы.

1. Противник перешел в наступление против нашего правого фланга.

2. Приказываю:

А. Правый боевой участок генерал]-м[айора] Саввича [сноска: назначен вместо заболевшего в 11 ч[асов] утра ген[ерала] Энвальда] 122[-й] п[олк] и 124[-й] п[олк] с приданными к ним частями. Сбить противника с выс[оты] 314 и высоты севернее с[ела] Ольпины и утвердиться на этих высотах.

Б. Левый боевой участок полковник Евсюков — 121[-й] полк с приданными к нему частями — атаковать выс[оту] 328 с крестом и утвердиться на ней.

* Выделенная фраза подчеркнута красным, слева на полях стоит 10 \ XII.

** Командир корпуса генерал В. В. Сахаров.

*** С[ела] Журова и Добротин накануне были свободны от противника [последняя фраза подчеркнута красным].

В. Общий резерв — одному батальону 123[-го] п[ехотного] полка наступать за 121[-м] п[олком], держать не ближе 3 верст. Одному батальону того же полка стать у выс[оты] 468; остальным двум батальонам под начальником полковника Геруа оставаться у Ионины (там, где стоят в настоящее время).

3. Донесения присылать в М. Н. Коваловы.

Заместители — генерал-майоры Телешов и Саввич.

Подлинный подписал: генерал-майор Кузнецов. Начальник штаба, полковник Казанович. С подлинным верно: за старшего адъютанта поручик Зарубаев.

В то же время превосходный в силах противник продолжал теснить 124-й полк. В 12 ч[асов] 15 м[инут] дня я приказал *запиской** командиру батальона, выдвинутого к высоте 468, ударить в фланг нападающего противника.

В 1 ч[ас] 30 м[инут] дня получилось донесение, что австрийцы наступают на наши батареи. Командиру 123[-го] полка послано приказание поддержать 124[-й] полк еще одним батальоном и двум[я] батальонами ударить во фланг нападающего противника. В это время на участке генерала Саввича происходило следующее:

Командир первого батальона 123[-го] полка капитан (ныне подполковник) Пьянов-Куркин в 12 ч[асов] дня за № 1 доносит командиру полка, что «выслал в цепь три роты по лесу и открыл огонь».

Тот же капитан в 12 ч[асов] 30 м[инут] доносит, что «по опросу взятого в плен австрийца наступало три роты австрийцев. После открытого огня бежали. Так что наш подход был вовремя, иначе были бы на батарее».

5-я батарея, бывшая при 124[-м] полку, имела 2-й взвод на позиции к югу от высоты 468 для стрельбы на юг, а 1-й взвод к сев[еро]-западу от этой высоты для стрельбы в западном направлении и 3-й взвод при батарейном резерве.

Наблюдательный пункт на высоте 468.

2-й взвод стрелял по батареям противника.

Когда появились цепи противника, открыл огонь по ним 2-й взвод, а затем выехал и присоединился к нему 3-й взвод, но так как стрелять с закрытой позиции было нельзя, то орудия эти, несмотря на огонь противника, были выкачены вперед на руках на открытую позицию.

Несмотря на успешный огонь нашей артиллерии, цепи противника продолжали надвигаться. Тогда был вызван взвод 6-й батареи.

Выехали вправо от шоссе и стали правее взводов 5-й батареи. Закрытой позиции не было и взвод выехал вперед. Артиллерия против-

* Выделенное слово вписано сверху ручкой. — *Прим. ред.*

ника наметила наши батареи и сосредоточила на ней весь огонь. При выезде 3-го орудия 6-й батареи в нем было убито 7 лошадей и ранено еще 5 нижних чинов. Одновременно ружейные пули ложились на батарею с фронта и с фланга. Ясно обозначилось направление удара противника на правый фланг 6-й батареи.

Бывшая при 5-й батарее часть прикрытия залегла у шоссе, все время поддерживая огонь по наступающим цепям противника. В это время австрийцы охватили более глубоко и с тыла было слышно «ура» козловцев, идущих на выручку правого фланга 124[-го] полка.

Батареи открыли огонь на картечь. 6-я батарея должна была прекратить огонь, т. к. 5-я батарея, повернув часть своих орудий на 90°, должна была стрелять через три орудия 6-й. В это же время были замечены австрийские цепи, спускавшиеся с высоты 517, по ним был открыт огонь 1[-го] взвода.

Первый батальон козловцев оттеснил из лесу австрийские цепи, а 3-я рота капитана Калишева была направлена на 5[-ю] батарею и в охват левого фланга наседающего противника.

Австрийские снаряды и пули засыпали батарею. Командир 124-го полка на поддержку своего правого фланга выдвинул из полкового резерва 14-ю и 15-ю роту. Противник наседал все более.

При содействии воронежцев, около 2 ½ час[ов] дня, батареи отбили ряд атак противника, но противник продолжал наседать, все глубже охватывая правый фланг 6-й батареи.

В батарее убили:

Убит командир 5-й батареи подполковник Дросси* и поручик Хламов П**; ранены штабс-капитан Кельберер и Вишневский. Контужен штабс-капитан Никифоров.

Оставшиеся офицеры, исполняя обязанности номеров, достреливали последние патроны, а затем, по приказанию полковника Верверна***, отошли за батарею.

Подполковник Селиков**** с мастером Суханевичем отправились в окопы между 5[-й] и 6[-й] батареями и залегли с прикрытием 4[-й] роты 124[-го] полка и стали отстреливаться. Подполковник Селиков здесь был ранен, а Суханевич вскоре убит.

Надо предполагать, что именно в это то время и проникли к трем орудиям 6-й батареи на позицию отдельные австрийские смельчаки.

В этот-то критический момент подоспел со своей 3-й ротой 123-го Козловского полка капитан Калишев. С обнаженной шашкой

* За этот бой посмертно награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. — *Прим. ред.*

** За этот бой посмертно награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. — *Прим. ред.*

*** За этот бой награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. — *Прим. ред.*

**** За этот бой награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. — *Прим. ред.*

впереди своей роты он бросился во фланг атакующим австрийцам, охватил их частью с тыла.

Австрийцы не выдержали и бежали от батареи, которая была таким образом спасена. В это же время остальные три роты того же батальона, под начальством капитана (ныне подполковника) Пьянова-Куркина, выдвинувшись к высоте 468, продолжали теснить части противника, направленные к более глубокому обходу.

Быстро ориентировавшись в лесу, слыша стрельбу слева от себя, капитан Пьянов-Куркин* понял тяжесть обстановки и решил, что только энергичная атака может спасти общее положение правого фланга. Так и вышло. Охватывая в свою очередь наседавших австрийцев, двигаясь примерно на Журова (правее батареи около 1 ½—2 вер[ст]), он с батальоном ударил в штыки. Австрийцы отступили и опасность для правого фланга дивизии этим миновала. Таким образом обе атаки капитана Калишева и подполковника Пьянова-Куркина хотя и решили общее дело — обеспечение правого фланга дивизии, — но каждая из них была самостоятельной.

Капитан Калишев** своей атакой спас 5[-ю] и 6[-ю] батареи от непосредственной опасности быть захваченными противником, а подполковник Куркин более крупным обходом и атакой отбил удар противника, направленный в обход и охват правого фланга дивизии, и тем предотвратил всю тяжесть его последствия и в свою очередь облегчил дальнейшее наступление дивизии.

Начальник 31-й пехотной дивизии, генерал-лейтенант Кузнецов (подпись)

* За этот бой был награжден орденом Св. Георгия 4-й ст.

** За этот бой был награжден орденом Св. Георгия 4-й ст.

БОИ ПОД ГОРЛИЦЕЙ. ДОКУМЕНТЫ

Поскольку Б. В. Геруа подробно останавливается на боях во время Горлицкого прорыва, мы посчитали необходимым привести ряд документов, отражающих действия как 31-й пехотной дивизии, так и всего корпуса. На наш взгляд, это позволит расширить общее представление об оперативном контексте описываемых мемуаристом событиях. Кроме того, приводятся несколько приказов за подписью генерала П. А. Кузнецова и его начальника штаба Б. В. Геруа.

Документы подобраны из следующего издания: Горлицкая операция: сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914–1917 гг.). М., 1941. 408 с

ПРИКАЗ

31-й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ

№ 131

14 (27) апреля 1915 г. 4 час. дня. *д. Розенбарк*

Признаки происходящей перегруппировки перед нашим корпусом несомненны.

Смена частей неприятеля происходит систематически по ночам постепенно.

Так, перед фронтом 9-й пехотной дивизии (левый фланг корпуса) исчезла 10-я австрийская дивизия, и вместо нее появились 3 полка 2-й австрийской дивизии, бывшей ранее под Лучковом и сильно там пострадавшей, и какие-то германские части неизвестного числа и состава.

С фронта 61-й пехотной дивизии ушел 3-й пехотный полк, но зато появился 30-й пехотный полк, ранее обнаруженный против 70-й пехотной дивизии.

Части 10-го гонведного полка, стоявшего долго против нашей дивизии, уже документально установлены против нашего соседа справа — IX корпуса.

Пленные показывают, что вообще 39-я гонведная дивизия уходит и сменяется другими частями.

Наше собственное наблюдение за полем дает косвенные подтверждения этого (разведки начальников, обнаруженные вчера против 124-го, а сегодня — против 121-го полка).

Важность возможно скорее установить, что именно находится против нашей дивизии, требует особого направления разведок и поисков по всему фронту дивизии с целью захвата пленных.

Приказываю начальникам боевых участков безотлагательно представить мне планы этих поисков и разведок по каждому из участков на ближайшие ночи, согласовав соображения с намерениями соседей, дабы не мешать друг другу.

Задача настолько важна, что для достижения благоприятных результатов не следует останавливаться перед более крупными предприятиями, чем обыкновенно, а также перед потерями.

Начальник дивизии генерал-лейтенант *Кузнецов*

Начальник штаба дивизии полковник *Геруа*

[Горлицкая операция: сборник документов.... С. 56–57]

ПРИКАЗ

31-й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ

21 апреля (4 мая) 1915 г. 5 час. 30 мин. утра

Атаковать противника сегодня на рассвете прямо перед собой, имея ближайшей задачей овладеть вчерашней нашей позицией, затем позавчерашней и развивать дальше успех в общем направлении левым флангом на 409, 437, а правым — в тесной связи с отрядом генерала Володченко. Левее нас будет наступать 61-я дивизия и свежие части III-го Кавказского корпуса генерала Ирманова, который руководит всей операцией.

Объявить всем, что командующий армией земно благодарит за героическую работу войск и верит, что последнее напряжение отбросит и уничтожит вконец зарвавшегося врага.

Генерал-лейтенант *Кузнецов*

Начальник штаба полковник *Геруа*

[Горлицкая операция: сборник документов.... С. 130]

23 апреля (6 мая) 1915 г.

ФРИШТАК. КОМАНДИРУ X[-го] КОРПУСА

Только что проехал по дороге Стришов, Ржешув; на всем переходе путь занят вашими отходящими частями и обозами. Ваша артиллерия 31-й и 61-й дивизий получила приказание от вас отходить на Ржешув, как будто все решили, что они не могут драться, и поставили себе целью только уходить подальше от противника. Ваши обозы унизаны одиночными людьми, среди коих много вооруженных. На пути я приказал командиру дивизиона 61-й артиллерийской бригады сформировать две исправные батареи и двинуться обратно во Фриштак. Верните немедленно годные орудия 31-й артиллерийской бригады к своей пехоте, отберите немедленно из обоза всех лишних людей и присоедини-

те их к отряду генерала Кузнецова. Я твердо верю в энергию последнего и передайте ему мою уверенность, что он свято исполнит возложенную на него важную задачу по прикрытию нашего центра и флангов соседних корпусов. Необходимо в эту решительную минуту всем нам подбодриться, влить бодрость в своих подчиненных и проникнуться сознанием долга присяги, обязывающего их исполнить возложенную задачу или умереть, но не отходить ни на шаг далее. У генералов Кузнецова и Симанского набирается до 10 тыс[яч] бойцов; это огромная сила, которая, если вы подбодрите и вольтете в нее уверенность в себя, выполнит, несомненно, возложенную на нее важнейшую задачу. Если ваш начальник штаба утомлен и нервничает, устраните его, и я вам дам бодрого и смелого помощника. 1982. Генерал *Радко-Димитриев*.

[Горлицкая операция: сборник документов.... С. 166]

24 апреля (7 мая) 1915 г. 11 час. 55 мин. утра
НАЧАЛЬНИКУ ШТАБА 3-й АРМИИ

В 8 час. 10 мин. утра генерал Кузнецов доложил мне по телефону, что к рассвету его пехота левым флангом заняла фронт от выс. 266, что западнее д. Опацонка, включительно; высланная к югу, к стороне Апшеронского полка, связь не была установлена, как теперь оказалось, потому, что апшеронцы свой правый фланг ограничили занятием выс. 404 на главном гребне, почему образовался значительный разрыв. Чтобы несколько его заполнить, была выслана рота к выс. 232, которая стала по обе стороны шоссе, дальше для заполнения промежутка поставлены были остатки 31-й дивизии; Клеце и часть шоссе занимались к югу как передовой пункт; для усиления частей, занявших место разрыва, были посланы два эскадрона от генерала Володченко; артиллерия 61-й дивизии стала в районе к югу от Опацонка; к этому же времени успели выставить на позиции Донской конный дивизион, посланный мною сегодня ночью; на этом же участке находились 2 мортиры и 4 орудия 31-й бригады. Промежуток, от Бржостек до выс. 266 включительно, занят Троицко-Сергиевским полком в составе 2800 человек. От Бржостека до Завадка включительно занимает позицию 16-я кавалерийская дивизия; далее до Яворжед — 3-я Донская дивизия. Начавшийся с рассветом обстрел нашей позиции легкой артиллерией противника под конец развился около 5 час. 30 мин. утра в переход его в атаку на наши окопы. Встреченные огнем и контратаками с юго-западной стороны Бржостека, австрийцы были отброшены, оставив нам 8 офицеров и 500 нижних чинов пленных и несколько пулеметов. Особенно сильный напор был на Клеце, но окончился для нас удачно.

На фронте 16-й кавалерийской дивизии шла лишь обычная артиллерийская и ружейная перестрелка. Сильное накапливание обнаружилось в охват левого фланга генерала князя Долгорукова, которому послана туда рота на поддержку. Приняты меры для подкрепления пехотой князя Долгорукова в более крупном размере. При первых донесениях генерала Кузнецова о начавшихся у него атаках значительными силами мною был послан под начальством генерала Синайского мой последний резерв, остатки 61-й дивизии в числе 1789 штыков, предназначавшийся для занятия позиций в тылу на пути к Стришов. Всего у генерала Кузнецова имеется пехоты: 31-я дивизия — 1070 штыков, 61-я дивизия — 1789 и полки: Балтийский — 500, Костромской — 400, Хогинский — 1700, Солигаличский — 2850, Острожский — 100, Ставучанский — 2000, Троицко-Сергиевский — 2 800, Шемахинский — в числе нескольких десятков, всего около 10 400 штыков. Из этого числа теперь есть уже потери, и высланы поддержки 16-й и 3-й Донской дивизиям. Телеграфного имущества ни в дивизиях, ни в полках почти нет. 6052. Генерал-лейтенант *Протопопов*.

[Горлицкая операция: сборник документов.... С. 186]

25 апреля (8 мая) 1915 г. 2 часа 25 мин. ночи

ГЕНЕРАЛ-МАЙОРАМ СИМАНСКОМУ, САВВИЧУ, ВОЛОДЧЕНКО, КНЯЗЮ ДОЛГОРУКОВУ И КОМАНДИРУ 52-го СТРЕЛКОВОГО ПОЛКА

Командующий армией на завтра, 26 апреля, приказал всем корпусам закрепить свое положение на занятых ими участках и во что бы то ни стало удерживаться до прибытия подкрепления. Коннице не уклоняться от пехотного боя и задерживать противника впереди, а затем и на линии пехотных позиций.

Приказываю:

1. Правый боевой участок генерал-майора Симанского, части 61-й дивизии и все те, которые к 9 час. вечера 25 апреля находились на участке генерал-майора Федяя, — упорно удерживать позицию, занятую в данное время генералом Федяем.

2. Левый участок генерал-майора Саввича, части 31-й дивизии и все те, которые к 9 час. вечера 25 апреля находились на этом участке, — упорно удерживать позицию от левого фланга правого участка до Велеполе включительно.

3. Ввиду недостаточных средств связи боевые действия правого и левого участков объединяются в лице генерала Симанского.

4. Корпусному резерву — 52-й Сибирский стрелковый полк — быть у Шкодна.

5. Коннице генерал-майора Володченко, 16-й кавалерийской дивизии и 3-й Донской казачьей дивизии с 4-м Донским дивизионом продолжать разведку противника. В случае его наступления кавалерии отойти: 16-й дивизии — за левый фланг, а 3-й Донской — за правый, и в случае упорного боя дивизиям спешиться и составить сильные резервы левого и правого боевых участков. 6082. Генерал-лейтенант *Протопопов*.

[Горлицкая операция: сборник документов.... С. 217]

26 апреля (9 мая) 1915 г. 10 час. 05 мин. дня
СТАВКА. ГЕНЕРАЛУ ЯНУШКЕВИЧУ

Сообщаю по приказанию главнокомандующего копию телеграммы из 3-й армии:

«Насколько определилось положение армии сегодня, к 6 час. вечера, доношу, что правый фланг армии, 9 и 10-й корпуса, занимает свое положение прочно и ничего угрожающего против них не представляется. Удар неприятеля направился на три левофланговых корпуса армии: 3-й Кавказский, 24-й и 12-й корпуса, причем 3-й Кавказский корпус не выдержал натиска и отходит и, вероятно, вынужден будет занять линию Велеполе, Стришов, Лутча; 24-й и 12-й корпуса пока держатся на своих позициях, хотя положение их тяжелое, особенно 24-го корпуса.

Для упрочения положения армии командующий армией приказал 21-му корпусу, в духе еще вчера отданного приказа, стремительно атаковать под покровом ночи в направлении на фронт Ясенув, Беско, согласно плану, разработанному командиром корпуса. Правая колонна в составе 44-й дивизии направлена от Юровце на Яжмира; левая колонна в составе 33-й дивизии — от Писаровце на Беско, Риманув; 3-я стрелковая дивизия составляет резерв, следующий за левой колонной.

Такое решение является, конечно, смелым, но при данном положении вещей на фронте армии — единственным, которое позволит при успехе армии сохранить в общем ныне занимаемую линию. При неуспехе атаки или при затяжном характере ее придется войскам 21-го корпуса занять участок между смежными флангами 12-го и 24-го корпусов, примерно по линии Веско, Бржошов; при этом направление всего фронта армии определится линией Шущин, Радомысль, Велеполе, Стришов, Лутча, Бржошов, Беско, Буковско, южная оконечность хребта Буковица, у высоты 706. Считаю долгом предупредить, что ввиду перемещения 21-го корпуса с левого фланга 12-го корпуса на его правый фланг неизбежно перекрещивание корпусных дорог 12-го

и 21-го корпусов, которое может быть исправлено в течение очень продолжительного времени. 1396. *Добропольский*. 5931. *Драгомиров*. [Горлицкая операция: сборник документов.... С. 220]

27 апреля (10 мая) 1915 г. 2 час. 30 мин. дня
КОМАНДИРУ X[-го] КОРПУСА

После того как мой (31-й пех[отной] дивизии) левый фланг (участок генерала Веневитинова) оказался совершенно обнаженным, противник стал наседать от выс. 439, на которой он окончательно утвердился, на части Дунайского и 52-го Сибирского полков, которые перед этим произвели ряд энергичных контратак и взяли в плен одного офицера и до 50 нижних чинов. Приходилось принимать меры дня обеспечения левого фланга. Кроме батальона сибирцев, туда двинута сотня казаков, а дунайцы несколько откинули свой левый фланг.

Несмотря на все стремления связаться с бывшим соседом, Доррийским полком, найти этот полк не удалось. Условия эти вынудили генерала Веневитинова принять меры к увозу батарей и постепенно, шаг за шагом, к отходу, имея в виду прикрытие нашей тыловой дороги. Выдвинутый из корпусного резерва батальон сибирцев запоздал с прибытием; средств восстановить положение не было. Между тем начался нажим и на остальной фронт дивизии.

Будь наш фланг обеспечен, возможно было бы новой контратакой на левом фланге вернуть потерянное. Но влево была по-прежнему пустота, а противник, естественно, стремился выйти на наш путь отступления. Обстановка эта вынудила меня приступить к выполнению первого из отданных мне приказаний, а именно — в случае невозможности удержать занимаемый нами фронт занять новую линию фронта — 286, надпись Вышнева. На фронте 409, 285, что к западу от лесистого массива 499, оставлен арьергард без артиллерии. Удерживается также район Навсе, где в 1 час дня были обнаружены части 3-го Кавказского корпуса.

В настоящее время я устраиваю отходящие части моего участка на позиции у Вышнева. О предполагавшемся наступлении 3-го Кавказского корпуса никаких сведений не имею. Генерал-майор *Саввич*.

[Горлицкая операция: сборник документов.... С. 233–234]

Стратегия альтруизма

Когда в 1924 году исполнилось 10-летие объявления войны, получившей впоследствии название Великой, иностранная печать обошла молчанием участие в ней Русской армии. Тогда забыли о полезной трехлетней ее работе и помнили только один день, в котором Россия была ни при чем — день заключения Брест-Литовского мира...

Прошло еще 15 лет. Наши бывшие союзники празднуют, а мы, увы, оплакиваем эту четвертьвековую годовщину. За эти годы историческая память расширилась и прояснилась. Возможно, и на этот раз иностранцы не скажут или скажут вяло о роли русского фронта в решении, достигнутом на западе; несомненно, однако, что эта роль, если и не подчеркивается, то и не отрицается.

Подчеркнуть бесспорные факты — зависит от нас. Итак, пробежим мысленно по этапам тяжкого пути Русской армии в 1914–1917 годах. Пути альтруизма и самопожертвования, столько трагически приведших к крестному пути самой России.

Кампания 1914 года открылась 3 августа* стремительным нападением Германии на Бельгию и Францию. Это наступление дало быстрые и угрожающие результаты. Спротивление маленькой Бельгийской армии (всего около 100 т[ысяч] чел[овек]) было смято двумя германскими армиями, составлявшими лишь около $\frac{1}{4}$ всех сил, развернутых немцами против Бельгии и Франции. Общая численность этих сил достигала 1 350 000 бойцов (34 корпуса, сведенных в 8 армий). Франция могла противопоставить им только 800 000 бойцов (6 армий), а Англия — и того меньше — всего около 50 000. Несмотря на героические усилия обороняющегося, германское вторжение развивалось с чрезвычайной быстротой, и ровно через месяц немцы, прорвав оборонительную линию французов, подошли к самому Парижу. Они заняли за это время во Франции территорию, равную по пространству Бельгии, и отстояли от столицы на какие-нибудь 20 километров.

Положение было трагическим. Французский Главнокомандующий маршал Жоффр** вышел, однако, из тяжелой обстановки с че-

* Все числа по новому стилю. — *Прим. авт.*

** **Жоффр Жозеф** (1852–1931) — французский военачальник. Главнокомандующий французской армией в 1914–1916 гг.

стью: ловким маневром свежих сил, собранных против правого фланга наступавших немцев, он сумел охватить и разбить этот фланг. Маневр решил дело. Германцы потерпели поражение и были отброшены на несколько переходов назад. Столица была спасена. Маневр Жоффра оказался возможным потому, что он посредством вывода с пассивного фронта части сил образовал две новые армии (VI и IX-я). А вывод сил с фронта сделался возможным потому, что смелое и успешное **вторжение русской армии в Восточную Пруссию**, произведенное во второй половине августа, заставило немцев снять с французского фронта и отправить против России два корпуса*.

Сочетание этих действий во всей их совокупности дало Франции знаменитую Марнскую победу. Значение победы было громадно: она остановила немцев и в самом начале разрушила план германского Генерального штаба: молниеносным ударом разгромить французскую армию и затем **всеми** силами обрушиться на Россию, чтобы покончить и с Русской армией.

Утратив на Марне (между 6 и 12 сентября) наступательную инициативу, немцы, однако, успевают задержаться на р. Эне. Бой на этой реке, непосредственно следующий за маневром на Марне (12—30 сентября), заставил германцев бросить южный берег реки, удержание которого было бы важно для возобновления наступления в будущем. Последняя вспышка германской активности на англо-бельго-французском фронте — атаки позиций на Изере (на территории Бельгии — севернее города Ипра и под Ипром между 25 октября и 15 ноября); атаки отбиты; дружные усилия союзников сохранили «кусочек» Бельгии и вместе с тем поставили точку на германском наступлении. Немцы **окончательно переходят на этом фронте к обороне** и не только **тактически**, но и **стратегически**, вплоть до февраля 1916 года, т. е. — на целые **15 месяцев!**..

Если тактическая приостановка наступления была вызвана победой союзников на Западном фронте, то стратегический переход немцев к обороне на этом фронте был вызван исключительно совершившейся с сентября по декабрь блестящей победой Русской армии над австро-венгерской. Почти вся Галиция была завоевана Русскими; завязывался кровавый бой за выход из Карпат на Венгерскую равнину

* Кроме того, немцы были вынуждены оставить до конца сентября четыре корпуса в Бельгии. Однако эти силы нельзя считать выключенными с фронта, так как наличие их непосредственно обеспечивало наступление. — *Прим. авт.*

В действительности переброшена была еще одна кавалерийская дивизия. Причины этого маневра кроются не только в опасении быстрого продвижения русских войск Северо-Западного фронта, но и в эйфории после успешного Приграничного сражения, которое охватило немецкие штабы. — *Прим. ред.*

ну; в западной Польше германцы вели бои с переменным успехом, обнаруживавшим, что в лице Русской армии немцы, более готовые к войне, имеют достойного и опасного противника. Что же касается соотношения с австрийской армией, то наше превосходство над ней стало несомненным. Неоднократно разбитые австрийские армии были расшатаны морально, и только хорошо налаженное снабжение оружием и боевыми припасами, и чувство, что германцы за спиной, поддерживали боеспособность этих армий.

Не будь такой обстановки на Восточном фронте войны, германцы могли бы после боев на Марне, Эне и Изере, отдохнув и оправившись, вновь атаковать союзников превосходящими числом и техникой силами. И если в 1916 году союзникам после 15-месячной подготовки стоило громадных усилий, чтобы отбить атаки немцев, то какие усилия понадобились бы спустя 4–5 месяцев после осенних боев 1914 года? Ведь в эти месяцы знаменитая программа «des canons, des munitions»* была лишь в зачатке своего выполнения и еще не могла принести тех плодов, которые с таким блеском показали себя на техническом экзамене под Верденом в 1916 году.

Таким образом, **стратегический** переход немцев к обороне на англо-французском фронте, переход, обусловивший 15-месячную подготовку союзников к грядущему техническому поединку сторон, **был вызван действиями Русской армии.**

Действия эти без всякого преувеличения могут быть названы героическими: достаточно вспомнить, что Русская армия, в смысле технического оборудования, вооружения и снабжения снарядами, была в количественном смысле буквально **нищей** по сравнению со своими союзниками и противниками. Но движимая собственным долгом и чувством воинской совести своих вождей, она шла вперед и безропотно устилала своими телами поля сражений. Русская армия висла на проволоке, кровью своей пехоты и кавалерии добывая то, что на Западном фронте добывалось зачастую одним огнем артиллерии.

Переходя к обороне на англо-французском фронте, германцы постепенно, начиная с октября 1914 года, сосредоточивают свои силы в двух направлениях на Восточном фронте: в Польше и в Восточной Пруссии, чтобы парализовать угрозу Пруссии и Силезии, и в Галиции, чтобы усилить австрийскую армию и дать ей возможность перейти в решительное контрнаступление**.

* «Пушки и вооружение» (*фр.*)

** Припомним, что немцы именно в это время пробовали предложить России отдельный мир. Так было важно отвязаться от Восточного фронта. — *Прим. авт.*

С октября 1914 года по май 1915 года на Русском фронте появляется **37 германских дивизий, перевезенных с Западного фронта**. Кроме того, немцы делают новые формирования: против России появляются **5 заново сформированных германских дивизий**. Всего же германские силы на Русском фронте усилены на **42 дивизии**.

1 и 2 мая 1915 года соединенные австро-германские силы тяжёлым молотом своей подновленной и еще невиданной на Восточном театре техники обрушиваются на буквально безоружный наш заслон в Галиции, прикрывавший справа Карпатскую операцию. Начинается беспремерный по напряжению откат Русской армии, захватывающий все больший и больший фронт, и развернувшийся к осени 1915 года на протяжении 1300 километров. Защищая каждый шаг чуть не голыми руками, ведя оборону главным образом на штыковых контратаках, Русская армия сдерживала напор превосходных и освежаемых резервами сил противника, но сама таяла не по дням, а по часам.

В какой степени сопротивление Русской армии притягивало силы противника, показывает то обстоятельство, что в течение мая и июня немцы вынуждены были **перевести с Западного фронта еще 6 пехотных и 2 кавалерийских дивизии**, и, кроме того, сформировать на месте **7 новых дивизий**. Перевозки и формирования продолжались и далее — в июне и августе.

В общем, с прежде переброшенными и сформированными германскими дивизиями составилось 75 дивизий, из них 11 кавалерийских, появившихся на русском фронте в связи с организованным немцами ударом. Из этих дивизий не менее **43 пехотных и 2 конных сняты с англо-французского фронта**.

Пять тягчайших месяцев неравной борьбы, выпавшей на долю России в 1915 году, несомненно подорвали ее силы; припомнив же, в каком зачаточном состоянии была техническая обстановка Русской армии в начале войны вообще, и громадную утрату технического имущества и вооружения (особенно — ружей) в течение летней отступательной операции, мы смело можем сказать, что Россия подняла **непосильную ношу и надорвалась**. Она сделала это сознательно, исключительно во имя взаимной выручки, и имеет право гордиться проявленным самопожертвованием; в самом деле, пожелай России вести войну **посильно** — она ограничилась бы обороной своих границ (вначале) и получила бы возможность сосредоточить свое внимание на доведении армии в техническом отношении до уровня своих врагов*. При

* Несомненно, это мифология белой эмиграции. В действительности, Россия ориентировалась на относительно быструю, наступательную кампанию, стремясь использовать в свою пользу ситуацию, когда основные силы

этих условиях Германия была бы свободна в своих решениях и едва ли можно сомневаться, что все ее усилия были бы направлены против Западного фронта.

Ни одна из армий не была в 1914 году готова к тому расходу снарядов, который потребовался в течение войны. Но Франция и Англия с их промышленностью могли надеяться заготовить громадные запасы и орудий, и снарядов — лишь было бы время. Это время наши союзники и получили. Россия не могла быстро мобилизовать свою жалкую промышленность и не получила времени, так как знаменитый удар в Галиции последовал через полгода после начала нашего наступления. Не будучи в состоянии сами справиться с задачей пополнения снарядов, мы заключили с Францией конвенцию, по которой она обязалась доставить нам к маю 1915 года (то есть к месяцу, оказавшемуся столь критическому) полмиллиона снарядов. Но мы получили только 2000 легких артиллерийских патронов!.. В дальнейшие месяцы, в самый разгар снарядного голода, нам доставили... 55 тысяч снарядов вместо 650 000 обещанных. Телеграмма великого князя Николая Николаевича* Жоффру, нарисовавшая наше положение, не помогла.

Англия, благодаря энергичному настоянию лорда Китченера**, ассигновала нам в мае 1915 года 12 000 000 снарядов, которые должны были быть доставлены в течение двух лет. Но фактически к началу 1916 года мы получили всего 45 000 снарядов; а за все намеченное время немного более ¼ обещанного числа (3,5 млн вместо 12).

Но Россия пренебрегла расчетами своей неготовности. Русское командование широким стратегическим жестом, отвечавшим общей обстановке, начало войну, не ожидая окончания мобилизации; затем приняла на себя всю тяжесть второго, после Бельгии и Марны, удара Германии — как естественное последствие решительно веденной нами атаки в течение первых семи месяцев войны.

Повторяю: кампании 1914–1915 годов подорвали наши силы. В общих интересах это было нужно. Но это условие надлежит учитывать в дальнейшей оценке событий.

Для союзников 1915 год прошел спокойно. За все время ими было предпринято два частных наступления — в Артуа в мае и июне,

Германии были направлены против Франции. Стремление к наступательной стратегии на протяжении всей войны отличали особенности стратегического мышления Ставки. — *Прим. ред.*

* **Николай Николаевич Романов (младший)** (1856–1929) — великий князь, в 1914–1915 гг. Верховный Главнокомандующий русской армией.

** **Китченер Герберт** (1850–1916) — военный министр Великобритании в 1914–1916 гг.

и в Шампани (конец сентября — начало октября). Обе эти операции, из которых первая была произведена англичанами, а вторая — французами, по своим размерам не могли преследовать значительных целей. Эти операции имели смысл ложных атак для привлечения внимания неприятеля, чтобы сократить переброски сил на Русский фронт.

Вместе с тем эти операции явились как бы репетициями или маленьким воспроизведением будущих решительных боев на Западном фронте, обрисовав «позиционно-артиллерийский» метод ведения боев при наличии широко налаженной техники (артиллерии, авиации и механической тяги в тылу). Время и все внутренние силы Франции и Англии и были использованы в 1915 году на то, чтобы предстать перед врагом в ближайшем решительном сражении во всеоружии техники. Кроме того, Англия успела сосредоточить на континенте миллионную армию, увеличив численность своих кадров в 17 раз.

Между тем Германия*, отбросив Русских к Западной Двине и в Полесье и почти совершенно вытеснив нас из Галиции, начиная с осени 1915 года приступила к обратным перевозкам сил на Западный фронт. Готовилась на начало 1916 года **третий** удар Германии — на этот раз вновь на англо-французском фронте. Зимой же Германия решила использовать для **вспомогательных** операций на Балканах и раздавить маленькую, слабую Сербию, однако, успешно отражавшую до той поры австрийцев.

Поэтому снятые с Русского фронта 24 дивизии разошлись поровну между Балканским и Французским фронтами.

Однако к 1 марта 1916 года германцы, покончив с Сербией, успевают перенести весь центр тяжести сосредоточения на Западный фронт.

Чтобы уяснить себе весь цикл перебросок Германии за период с начала войны и до 1 марта 1916 года и характер сосредоточения сил противника на различных фронтах, привожу таблицу, изображающую в **дивизиях** группировку в 4 типичных периода: при открытии военных действий (**первый** удар Германии), после Марнско-Энской операции (ликвидация первого удара), в разгар **второго** удара Германии (июль 1915 года на Русском фронте) и, наконец, — к 1 марта 1916 года перед третьим ударом Германии (начало марта 1916 года на Французском фронте)**.

* Во всем моем изложении я считаю только с Германией как руководящей силой во всей «центральной» коалиции. — *Прим. авт.*

** П. — пехот[ных], К — кавал[ерийских], А.-Т. — австро-турецкий. — *Прим. авт.*

Таблица

	Англо-Фр[анцузский] фр[онт]		Русский европ[ейский] фр[онт]		
	Дивизий		Дивизий		
	Герм[анские] п. к.	Всего	Герм[анские] п. к.	А. - Т. п. к.	Всего
I. 1914 г. При открытии воен[ных] дейст[вий] Бельг[ийская], Марн[ская] опер[ации] — к августу	83 (10)	93	13 (2)	37 (11)	63
II. После Марнско-Энской опер[ации] — к декабрю	81 (7)	88	40 (5)	37 (11)	93
III. 1915 г. Летняя опер[ация] на Русск[ом] фр[онте] — июль	83 (1)	84	77 (13)	46 (11)	137
IV. 1916 г. Верденская опер[ация] — 1 марта	105 (1)	106	51 (13)	39 (11)	119

Эти цифры показывают, что германцы в период самых больших перевозок на Восточном фронте, и притом наиболее испытанных войск (в том числе — гвардии), усиливших число дивизий на нем (не считая 12 дивизий, сформированных на месте) **на 63**, принимали меры к тому, чтобы замещать на англо-французском фронте снятые части другими; действительно, число дивизий на этом фронте хотя и уменьшается, но незначительно (вместо 93 — 84), во всяком случае, во много раз уступая числу единиц, фактически переброшенных с Запада на Восток. Немцы достигали этого «фокусом» формирования **новых** дивизий посредством выделения четвертых полков из оставшихся дивизий и сведения их по три в дивизии новых номеров. Очевидно, что это не влияло на увеличение числа бойцов, которое с увозом на наш фронт не менее чем 45 дивизий, должно было уменьшиться тысяч на 400–450. Французы же вводились в заблуждение, что все бывшие против них части остались на месте.

Что касается до цифр таблицы, относящихся к Русскому европейскому фронту, то они ясно выражают, как в 1915 году центр тяжести группировки германских сил был перенесен с Запада на Восток, а затем — в начале 1916 года, ко времени Вердена — сосредоточение это было существенно ослаблено!

Собрав свои главные силы вновь на англо-французском фронте, Германия обрушилась всей тяжестью их на Верден, прикрывавший

путь к Парижу с востока. Отчаянное по напряжению атаки и обороны сражение длилось с передышками целых 9 месяцев — с конца февраля до середины декабря. Бои эти ни в какой степени не походили на живые, маневренные бои Марнского периода или многочисленные бои, веденные в 1914 году Русской армией в Галиции и Польше. Задачей немцев было во что бы то ни стало прорвать линию фортов Вердена и открытой силой овладеть крепостью. Задача обороны сводилась к тому, чтобы не пустить противника вглубь своего расположения. И вот мы наблюдаем грандиознейшее состязание **техники**: инженерной — крепости позиций, силы огня тяжелой артиллерии, сочетание различных калибров артиллерии, воздушной разведки и корректирования артиллерийского огня, наконец — технического оборудования и работы тыла.

Франция выдержала испытание блестяще. Всему миру стало очевидным, что она не потеряла **ни одного дня, ни одного часа** из того времени, которое было предоставлено ей «*préparation retrospective*»* в техническом отношении.

Вслед за тысячами снарядов всех калибров, выпускаемых немцами по французским укреплениям, десятками тысяч шли на отчаянные штурмы люди — и гибли под огнем французской артиллерии. Два-три важных потерянных пункта были постепенно возвращены. В воздухе была одержана полная победа: французская авиация буквально вымела «бошей» в воздухе и этим ослепила германскую артиллерию. В тылу посредством точно рассчитанного подвоза на автомобилях непрерывною лентой тянувшегося к Вердену и от него была разрешена трудная задача артиллерийского питания армии в относительно бездорожном районе (одно магистральное шоссе).

Для отвлечения сил немцев от Вердена, положение которого оставалось тревожным до октября, на северном театре англо-французами — как раз на месте спайки двух армий — было предпринято июльское наступление, вылившееся в длительную Соммскую операцию.

Несколько ранее и с той же целью оттянуть германские силы от Вердена вновь перешла в решительное наступление Русская армия на южном участке своего фронта. Русская армия ко времени этого наступления еще далеко не оправилась от удара, нанесенного ей в 1915 году.

Можно сказать, что армия едва-едва передохнула, пополнилась и подтянулась. Что же касается вооружения и технического снабжения, то сделанного в этом отношении — к лету 1916 года — хватило лишь на то, чтобы «залатать» дыры; в ничтожной степени увеличить численность тяжелой артиллерии и несколько наладить артилле-

* «Подготовка заранее» (фр.)

рийское снабжение. Все достигнутое было игрушками сравнительно с теми, что требовалось для широких операций и что было подготовлено нашими союзниками для себя за 15 месяцев оперативной переделки.

Действия, как показала война, выливались в форму **прорывов** укрепленных линий противника. Вся суть, весь центр тяжести этих действий лежали на артиллерийской подготовке и в организации воздушного корректирования огня. Для этого у нас **не было настоящих средств**; мы были крайне бедны тяжелыми калибрами, а про авиацию можно сказать, что мы не имели ее вовсе. Боевые наставления и расчеты расхода снарядов, составленные по опыту боев в Шампани и в Артуа, могли вызвать у нас только горькую улыбку. Невозможность воспроизвести артиллерийскую подготовку по типу запада у нас дополнялась уверенностью, что пехота беззаветно сделает свое дело в случае, если ее атака и не будет подготовлена в совершенстве. Во всяком случае, мы по степени своей готовности, сравнительно с Германией и нашими союзниками, были в 1916 году в таком же относительном положении, как и в 1914 году. Как и тогда, мы, несмотря на некоторое улучшение, оказались далеко позади в техническом оборудовании армии. За этот недостаток приходилось расплачиваться людьми.

Однако долг союзника Россия ставила выше других, эгоистических, соображений. Поэтому еще с февраля 1916 года, когда был выработан общий план наступления против центральных держав, наша армия стала готовиться к прорыву на одном из участков фронта. Когда же Германцы предупредили атакой и, обрушившись на Верден, вырвали наступательную инициативу из рук держав Согласия, Россия самоотверженно исполнила желание союзников и атаковала. Этого требовало тяжелое положение французов под Верденом, а также критическое положение Италии, разбитой австро-германцами в мае.

Оба вспомогательных наступления в течение лета 1916 года — Соммское на Западном фронте и т. н. «Брусиловское» — были весьма успешны, не только оттянув силы противника от выбранного им пункта удара, но и нанося ему чувствительное поражение. Значение Русской операции было особенно важно, так как оно предупредило разгром Италии.

В частности, Русское наступление еще раз вывело австрийскую армию из строя и на ее поддержку германцы спешно двинули свои дивизии. С этих пор австрийцы на Русском фронте всегда действовали вперемешку с германцами, вкрапленными или в виде целых дивизий или в виде более мелких единиц. Эта опека несомненно отнимала у Германцев силы, которые могли бы быть использованы как резервы. Кроме того, германское командование перебросило на русский фронт 3—4 турецких дивизии.

В какой степени русское наступление облегчило положение на западе, показывает подсчет перевезенных на русский театр за это время германских дивизий, за летние месяцы доставлено на восток **свыше 24 пех[отных] и 7 кавалерийских**. Иначе говоря, мы заставили противника вернуть на Восточный фронт то число дивизий, которое он снял с него после удара 1915 года.

К этому нужно прибавить, что расходование резервов вынуждало германцев напрягаться в смысле создания **новых** дивизий, истощая людские запасы страны.

Результат Соммского наступления выразился еще в том, что германцы, не будучи в состоянии оборонять новую, чрезвычайно выгнувшуюся линию, отвели в 1917 году свои силы для сокращения фронта на подготовительную линию позади, отдав значительную территорию.

Как наступление на Сомме, так и Брусиловское наступление, захватившее громадный фронт от Полесья до Буковины, были остановлены истощением средств и наступательной энергии (явление — нормальное в современной войне), первое — после двух боев, второе — после четырех боев, оба — в октябре.

Оба наступления являются блестящими операциями, которые по достигнутому результату могут служить образцом стратегических демонстраций.

Верден, русское наступление, Сомма создали к концу 1916 года благоприятную общую обстановку. Можно было признать, что поражение немцев под Верденом, достигнутое при помощи дружных, согласованных действий французов, англичан и русских, имело решительное значение. **Становилось очевидным, что англо-французы переросли в техническом отношении немцев и что в последних была подорвана вера в собственные силы.** Наоборот, в Англии и Франции укрепилась уверенность в себе — как это бывает после испытания, выдержанного с исключительным блеском в исключительно трудных условиях. Русская армия, одержавшая ряд побед, несмотря на бросающуюся в глаза бедность своих боевых средств, справедливо гордилась своими успехами. Настроение в армии было твердое. Она нуждалась только в отдыхе и в более интенсивном техническом усилении.

К сожалению, совершенно неожиданно, Россия была вовлечена, уже зимою того же 1916 года в новые операции, вызванные выступлением Румынии (в августе) и необходимости спасти ее армию, потерпевшую жестокое поражение в октябре и в ноябре.

Выступление Румынии и все последовавшее затем нарушили общую выгодную обстановку. Румынская армия вовсе не была готова для ведения большой войны в современной обстановке. Тяготая к стратегическому и самостоятельному наступлению в Трансильванию, она, несмотря на свою неопытность и слабость, предприняла это наступле-

ние; сначала были одержаны эфемерные успехи против отступавшего кордона противника. Но затем — как только румыны встретились с германским командованием и германскими войсками — началось гибельное отступление, отдавшее всю Валахию противникам, и поставившее остатки румынских армий в катастрофическое положение.

Россия, которая еще в конце лета послала свои войска в Добруджу, а осенью активными действиями сдерживала в Буковине неприятеля, готового обрушиться против румын, теперь должна была принять на себя разбитую румынскую армию и дать ей возможность оправиться.

Помощь России опоздала так же, как год тому назад опоздала помощь союзников Сербии, успевших только посадить сербов на суда и перевезти их в Корфу. Разница заключалась, однако, в том, что катастрофа с Румынией, как и ее выступление, не могли быть учтены заранее. К тому же русские войска до глубокой осени еще вели бои; ликвидировалась летняя операция. Слаборазвитая сеть железных дорог (всего две колеи вдоль фронта) не позволяла быстро перебросить войска в достаточном количестве для активной, решительной помощи, то есть для контратаки. Поневоле сосредоточение в Молдавии шло медленно и по частям. Вводить дивизии в дело тотчас же по их прибытии, не выжидая их сосредоточения, значило погубить все дело; не только эти дивизии, посылаемые пакетами, не смогли бы отбросить германцев, но были бы потеряны и для пассивной обороны границ Молдавии. Оставалось устраиваться на ней, чтобы пропустить через оборонительную линию часть потерявших боевую силу румынских войск и задержать на этой линии — совместно с остальными румынскими войсками — дальнейшее наступление германцев. Это альтруистическое задание и было выполнено с успехом.

Правда, выступление Румынии отвлекло значительную часть сил противника. Но произошло это тогда, когда у Германии уже были развязаны рук: Верденская операция была ею **явно** проиграна и подходила к концу.

Немцы, для «компенсации» понесенных в 1916 году тяжелых неудач, имели возможность позволить себе роскошь в конце года новых перевозок в сторону Румынии с целью нанести ей отдельное поражение.

С другой стороны, выступление Румынии в рядах союзников не улучшало положения и для будущего, так как она оказалась не в состоянии **самостоятельно** удерживать свой фронт и потребовала нашей помощи.

В результате — образование для России целого нового фронта — Румынского, что составило лишних 500 километров. Вместо сосредоточения сил, о котором думало Русское командование, получилась растяжка. Помимо поддержки Румынии, Россия должна была теперь прикрывать подступы на крайний юг страны.

В 1917 году державы Согласия должны были одновременно перейти в наступление — на Западном и Восточном фронтах, чтобы использовать победы 1916 года и удержать выхваченную у Германии на главных фронтах инициативу действий. На Россию возлагались большие надежды, так как к весне 1917 года она собственными средствами и усилиями и с помощью союзников должна была быть, если не во всеоружии техники, то во всяком случае удовлетворительно обеспеченной — главным — снарядами и тяжелой артиллерией; в значительном лучшем виде должна была предстать и авиация. Некоторые существенные изменения в способах пополнения армии людьми и их подготовки к бою обещали укрепление качества армии.

Но в последних числах февраля в России вспыхнула революция и смешала все карты. Несмотря на искреннее, но безграмотное желание новых деятелей «продолжать войну до победного конца», совмещение этого лозунга с рядом мер, в первые же дни революции подорвавшими боеспособность армии, оказалось невыполнимым. Революция, как бурный поток, несущийся с тыла, прорвала плотину между ним и действовавшим фронтом; новые идеи, возвещенные знаменитым приказом № 1, все шире и шире вливались в армию. Озадаченная солдатская масса вначале, в силу инерции, сохраняла дисциплину и внешность послушного оружия командования. Но уже через месяц сумбур, посеянный в головах не только солдат, но и части командного состава, стал проявляться в самых диких формах нарушения дисциплины. Началась глупая, злобная, бессмысленная борьба солдатской массы со своим офицером; командный состав был взят под подозрение, несмотря на то, что раньше масса шла без колебаний за своим офицером и что за три года войны офицер успел доказать свою связь с солдатом. Для лучшей части русского офицерства открылась первая страница унижений и страданий.

С громадными усилиями, путем всевозможных компромиссов, командному составу все же удалось в первые три месяца (март — май) не только удержать армию от полного развала, но и подготовить ее к обещанному союзникам наступлению. По сравнению с прежними русскими операциями, если прежде мы, приступая к ним, не сомневались в духе войск и встречали главные затруднения в **материальной** подготовке победы, то на этот раз все было наоборот. Материальная сторона впервые могла быть признана разрешенной. В духе же не было уверенности никакой. Пехота, предназначенная для атаки, буквально «навинчивалась» пропагандой наступления в течение ближайших недель и дней перед атакой. Очевидно, такого искусственно созданного настроения могло хватить ненадолго. За подъемом после первой реализации его наступал мгновенный упадок духа, усталость и апатия. А навстречу им, обходя все полубарьерчики, неслась ядовитая пропаганда большевизма и сознательного пораженчества.

В результате удачно было начатое наступление, имевшее конечную целью овладеть Львовом и увенчавшееся видным успехом на флангах атакованного фронта (XI и VII армии) быстро выдохлось. Противник использовал это обстоятельство. Во второй половине июля (19-го) немцы, введя в дело свои резервы и подкрепив сбитый австрийский фланг, сами перешли в наступление. Русские линии были прорваны под Тарнополем. При первом неуспехе разложение армии сказалось немедленно. Отступление превратилось в бегство. Неприятель, отбросив нас на широком фронте из Галиции к нашей государственной границе, далее не развивал преследования. Зато он предпринял прорыв русского фронта на севере, под Ригой и овладел устьем Двины. Удар отразился на войсках этого участка в совершенно тех же формах, что и на юге.

Сентябрь 1917 года был последним оперативным месяцем на восточном русском фронте. Как бы то ни было мы с напряжением нового рода, борясь с революционным развалом, продолжали удерживать против себя значительные силы коалиции, а своим «истерическим» навинченным летним наступлением вызвали ряд перебросок у противника и отвлекли его на время от запада.

Пока в таком порядке шли, с перебойми, дела на Европейском театре войны, на Малоазиатском переживался сплошной триумф русского оружия. С конца 1914 года и по весну 1917 года мы приковали к себе с меньшими силами, скромно удаленными на этот второстепенный театр, почти **всю Турецкую армию**. Мало этого, здесь с особую яркостью было высказано торжество духа русских войск, побеждавшего все материальные препятствия и давшего военной истории величавые образцы военного искусства. Здесь армии не впадали в позиционный паралич и показали миру блестящие примеры маневренной войны. Саракамыш, Ефратская операция (июнь 1915 года), Азапкейский маневр (дек[абрь] 1915 года), зимний штурм Эрзерума в янв[аре] 1916 года, Эрзинджано-Харпутская операция летом 1916 года, живо напоминают Суворовскую школу.

Полководчество Юденича* существенно помогло и Британской армии, действовавшей в Месопотамии, привлекая главные силы турок к русскому участку.

В общем, беря всю войну на русском фронте в целом, мы без малейшей натяжки можем требовать внимания и справедливой оценки

* Юденич Николай Николаевич (1862–1933) — русской военачальник. В 1915–1917 гг. главнокомандующий Кавказской армией. Последний кавалер ордена Св. Георгия 2-й ст.

относительно услуг, которые были оказаны русской армией в деле достижения окончательной победы Франции и Англии.

Наши союзники считали русский фронт вспомогательным. Они, однако, недооценили важность этого вспоможения, запаздывали с укреплением технической мощи России и не стеснялись истощать ее силы и человеческий материал. Один Китченер, наконец, восстал против этой формулы, но было уже поздно, а сам Китченер погиб.

Считали и немцы, что главное решение может состояться только на Западном франко-германском фронте (записки Людендорфа*).

Удалось ли полностью достигнуть этого решения — вопрос, на который сейчас, в 25-летие начала войны, можно ответить без запинки.

* Людендорф Эрих (1865–1937) — немецкий военачальник, ближайший помощник (обычно в должности начальника штаба) генерала П. фон Гинденбурга.

Генерал-майор Борис Владимирович Геруа

Вниманию читателей предлагается некролог, написанный на смерть Б. В. Геруа полковником А. Г. Конном и опубликованный в журнале «Измайловская старина» (№ 30).

Род[ился] 9 янв[аря] 1871 года.

В лице генерала Бориса Владимировича Геруа «Измайловское объединение» понесло, несомненно, крайне тяжелую утрату. Ген[ерал] Геруа является одним из главных вдохновителей покойного редактора и издателя «Измайловской старины» полк[овника] А. Я. фон Бретцель*.

К сожалению, недостаток времени не позволяет автору этой краткой биографии остановиться подробно на жизни и деятельности ген[ерала] Геруа. Этот безусловно выдающийся и талантливый военачальник, несомненно, занял бы весьма ответственный пост, если бы революция не оборвала его карьеру.

Воспитанник I-го Кад[етского] и Пажеского корпусов, Б[орис] В[ладимирович] был выпущен из камер-пажей в л[ейб]-гв[ардии] Егерский полк. Поступив в 1901 году в Николаевскую академию Ген[ерального] штаба, Б[орис] В[ладимирович] окончил ее в 1904 году по I-му разряду с премией имени ген[ерала] Леонтьева за лучшую тему по стратегии. Едва окончив Академию, Б[орис] В[ладимирович] принял участие в Русско-японской войне и в июне 1905 года был переведен в Ген[еральный] штаб с производством в капитаны.

Его заслуги во время войны были отмечены боевыми орденами Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость», Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом и Св. Станислава 2-й ст. с мечами.

Военная служба Б[ориса] В[ладимировича] протекала успешно и разнообразно, как на строевых должностях, так и на должностях, позволявших Б[орису] В[ладимировичу], уча других самому пополнять свои познания, внимательно следя за развитием военного дела и его постановкой в других странах. Как выдающийся офицер

* **Брецьель А. Я.** (?—1940) — полковник лейб-гвардии Измайловского полка, в эмиграции находился в Египте. Выпускал журнал «Измайловская старина».

Ген[ерального] штаба, Б[орис] В[ладимирович] получил предложение занять должность военного агента в Румынии. Однако Б[орис] В[ладимирович] предпочел профессорскую кафедру в Никол[аевской] военной академии и после блестящей защиты представленной им диссертации был в феврале 1912 года назначен экстраординарным профессором этой же академии. Произведены в этом же году в полковники, Б[орис] В[ладимирович] в марте 1913 года был назначен ординарным профессором той же академии и награжден орденом Св. Владимира 4-й ст.

Русско-японская война заставила пересмотреть многое как в тактике, так и в методах обучения войск, и Б[орис] В[ладимирович] широко использовал опыт, накопившийся у него за время пребывания на войне. Назначенный летом 1914 года начальником штаба сбора пулеметных команд Гвард[ейского] корпуса, Б[орис] В[ладимирович] умело проводил в жизнь новые, основные на опыте войны взгляды на пулеметы и их употребление в бою. Выводы, вынесенные во время этого сбора, были запечатлены в подробном отчете. За эту свою деятельность Б[орис] В[ладимирович] удостоился награждения орденом Св. Владимира 3-й степени.

На войне 1914 года Б[орис] В[ладимирович] с 23-го сент[ября] 1914 года командовал 123-м пех[отным] Козловским полк[ом], приняв участие в боях на Юго-Запад[ном] фронте, и получил за бой под Перемышлем Георгиевское оружие. В воспоминаниях офицеров этого полка Б[орис] В[ладимирович] представляется начальником требовательным к подчиненным, но не забывавшим никогда, что подчиненные его — живые люди — и не требовавшим никогда невозможного от них. Благодушное уважение и любовь всех чинов полка были для него вполне заслуженной наградой. Когда в апреле 1915 года Б[орис] В[ладимирович] получил одновременно два предложения — занять должность ген[ерал]-квартирмейстера штаба 3-й армии или же получить в командование л[ейб]-гв[ардии] Изм[айловский] полк — Б[орис] В[ладимирович] без колебаний предпочел должность командира л[ейб]-гв[ардии] Изм[айловского] полка.

Мне не приходится останавливаться на деятельности Б[ориса] В[ладимировича] в этой должности, так как она всесторонне освещена в воспоминаниях офицеров л[ейб]-гв[ардии] Изм[айловского] полка, помещенных в «Измайловской старине». Произведенный в ген[ерал]-майоры с утверждением в должности командира л[ейб]-гв[ардии] Изм[айловского] полка, Б[орис] В[ладимирович] оставался в этой должности до 14-го июня 1916 года, когда был назначен ген[ерал]-квартирмейстером штаба войск Гвардии. Разразившаяся революция и общий развал заставили Б[ориса] В[ладимировича] покинуть родину, в 1919 году он перешел пешком границу Финляндии.

Приняв участие в Белом движении сначала в должности помощника ген[ерала] Головина, начальника специальной миссии в Париже, а затем в качестве начальника этой миссии, Б[орис] В[ладимирович] с осени 1920 года ушел в частную жизнь.

Талантливый художник-любитель, он не задумался поступить в Лондоне в школу живописи в Челси и, окончив эту школу в 1924 году, был приглашен преподавателем в эту же школу. Но занятия живописью не мешали Б[орису] В[ладимировичу] принимать живейшее участие в жизни Изм[айловского] объедин[ения] и посылать ценный материал в «Изм[айловскую] ст[арину]», которую он всячески поддерживал. И слова его последнего приказа — «верьте, что я отныне Ваш не только по мундиру, но и всем своим существом, всем сердцем» — не были красивой фразой: они были воплощены Б[орисом] В[ладимировичем] в жизнь.

К глубочайшему прискорбию не только его сослуживцев и подчиненных, но и всех, кому приходилось встречаться с Б[орисом] В[ладимировичем] на одном из разнообразных поприщ, жизнь Б[ориса] В[ладимировича] оборвалась тогда, когда он был еще в полном расцвете своих сил.

Примечания

- 1 Пахомов Д. К 200-летию полтавского боя // Нива. 1909. № 26. С. 467. — *Прим. ред.*
- 2 Гэфнер О. В. Праздничная культура военных русской армии (вторая половина XIX — начало XX вв.) // Вестник Омского университета. 2009. № 3. С. 77–87. — *Прим. ред.*
- 3 Тоштендаль Р. Полтава: сражение, история и символ // Свободная мысль. 2009. № 7. С. 139–152. — *Прим. ред.*
- 4 Колосова Е. Двухсотлетие // Родина. 2009. № 7. С. 109–112. — *Прим. ред.*
- 5 Якименко Н. А. Указ. соч. С. 188. — *Прим. ред.*
- 6 Якименко Н. А. Памятники Полтавской битвы // Вопросы истории. 1984. № 7. С. 188. — *Прим. ред.*
- 7 См.: Нива. 1909. № 26. С. 471. — *Прим. ред.*
- 8 Кузнецов В. «Было дело под Полтавой» // Родина. 2009. № 7. С. 106. — *Прим. ред.*
- 9 Будберг А. П. Вооруженные силы Российской Империи в исполнении общесоюзных задач и обязанностей во время войны 1914–1917 гг. // Вестник Общества российских ветеранов Великой войны, № 158/9. Сан-Франциско, 1939. 57 с. — *Прим. ред.*

- 10 См.: *Дементьев И. О.* Черчилль о Гумбиннене: к истории одной цитаты // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2011. № 12. С. 93–99. (Гуманитарные и общественные науки). — *Прим. ред.*
- 11 Доклад генерал-квартирмейстера 8 сентября и начальника полевого Штаба 12 сентября // Русско-японская война 1904–1905 гг. Т. IV. Раб. Военно-Исторической Комиссии. Спб, 1910. С. 395–397. — *Прим. авт.*
- 12 Там же. С. 36, 46, 395, 397. — *Прим. авт.*
- 13 Телеграмма Командующего армией Наместнику от 19 сентября // Русско-японская война.... С. 36. — *Прим. авт.*
- 14 Русско-японская война.... Т. IV. С. 404. Приложение № 20. — *Прим. авт.*
- 15 Русско-японская война.... Т. IV. С. 410–413. Приказания от 22 сентября. — *Прим. авт.*
- 16 Приказание начальнику Западного отряда 22 сентября, № 9898 // Русско-японская война.... Т. IV. С. 412. — *Прим. авт.*
- 17 Русско-японская война.... Т. IV. С. 81. — *Прим. авт.*
- 18 Русско-японская война.... Т. IV. С. 81. — *Прим. авт.*
- 19 Русско-японская война.... Т. IV. С. 116–117. — *Прим. авт.*
- 20 Русско-японская война.... Т. IV. С. 117–118. — *Прим. авт.*
- 21 Русско-японская война.... Т. IV. С. 124. — *Прим. авт.*
- 22 Русско-японская война.... Т. IV. С. 154. — *Прим. авт.*
- 23 Русско-японская война.... Т. IV. С. 132. — *Прим. авт.*

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Адариди К. М. 17
Александр Михайлович (великий князь) 87
Александр I 57, 136, 450, 456
Александр II 85, 96, 111, 114, 123, 124, 132, 136, 138, 454
Александр III 64, 65, 69, 70, 78, 82, 85–87, 89, 97, 106, 110, 114, 123, 124, 128, 142, 147, 237, 239, 374
Александра Федоровна (императрица) 65, 79, 105, 141
Александров Л. К. 14
Алексеев Е. И. 172
Алексеев М. В. 34, 35, 156, 157, 164, 262, 265–269, 271–274, 324, 325, 341, 375, 381, 383, 393, 394, 407
Алексеев М. П. 37, 378, 379, 381–383, 386, 394, 397, 398, 400, 401
Альфтан В. А. 25
Андогский А. И. 48, 262, 263, 437
Андрей Владимирович (великий князь) 352
Антипов В. В. 355, 394
Арпсгофен А. В. 68, 87
Багратион П. И. 179, 380
Баженов 55
Байов А. К. 32, 160, 161, 230, 242, 246, 249, 252, 253, 331
Баланин Д. В. 219, 224, 226, 227, 401
Балуев П. С. 44, 393, 394, 400, 409, 427, 428, 431
Баранов П. М. 23
Барковский 288
Баскаков В. И. 161–164, 254
Баташев Н. М. 25
Багог С. А. 436
Бекер-паша 114
Безобразов В. М. 5, 32, 33, 37, 38, 292, 331, 337, 338, 349, 350, 353–359, 360, 361, 363–366, 368, 370–372, 374–379, 384, 385, 388, 407
Белобородов 211, 212
Белозеров И. В. 332
Белоусов И. М. 13
Беляев М. А. 170
Бем-Ермоли (Бем-Эрмоли) Э. фон 25, 408
Бенедский 181
Бенкендорф П. К. 78
Беннигсен Л. Л. 121, 481, 487
Берх Н. А. 14
Бильдерлинг А. А. 452, 459
Блонский 188
Бобриков Г. И. 116
Бобриков Н. И. 116, 121
Бобрикова О. Н. 117
Бобринский Г. А. 269
Бобровский 74, 79, 81, 87
Божко Ф. 420, 421
Бонч-Бруевич М. Д. 27, 244, 249–253, 259
Борис Владимирович (великий князь) 183, 369
Борисов В. 272, 273
Брант Е. 150
Бреслер В. П. 13
Бретцель А. Я. фон 220, 319, 335, 515
Брусилов А. А. 21, 22, 37, 41, 42, 356, 364–366, 371, 375, 387, 391, 395, 407, 421, 424, 428, 431
Брюллово А. П. 454
Буадефр Р. де 249
Будберг А. П. 444
Буковский А. П. 334
Бунин А. Н. 103
Бунин Н. Н. 136, 139, 147
Бурман В. 62, 71
Вавенко К. И. 63, 92, 166
Вальтер Р. Ф. 400
Ванновский П. С. 70, 84, 86
Васильев С. И. 284, 285, 614
Васильев Ф. И. 318, 319
Васильковский А. С. 85
Васмундт Г. Р. 12, 13, 107–109, 113, 114, 116, 121–123
Вахрушев 199
Ваверн Б. В. 304, 305, 308, 409, 493
Веневитинов Г. И. 500
Веселаго А. А. 87, 261
Винекен А. Г. 38, 184, 185, 187, 198, 199, 201, 225, 231, 394, 396–398
Винклер А. фон 423, 426
Вирановский Г. Н. 25
Витковский 166, 167
Витте С. Ю. 84, 200
Вишневецкий 493
Владимир Александрович (великий князь) 12, 108, 116, 118, 119, 121, 123, 129
Водарь 245
Воеводский Н. С. 364
Володченко Н. Г. 29, 30, 496, 497, 499
Волсобурн 263
Волчановский И. Я. 181
Волчанский 30
Воронов А. А. 261
Воронцов-Дашков И. И. 78, 81, 155
Врангель П. Н. 16
Вяземская 333
Вязьмитинов В. Е. 13
Гавриил Константинович (великий князь) 352
Гальвас 314
Гамбургер И. А. 454
Гангбелов А. С. 64
Ганжа 228
Ганин А. В. 47

- Гарновский П. П.** 151
 Гваренги 55
 Гейсман П. А. 161, 162, 164, 254
 Генрих Прусский 484
 Георгий Михайлович (великий князь) 105
 Гернграсс А. А. 241
 Героа (Геру) К. 8
 Герау А. В. 5, 33, 47, 48
 Герау А. К. 8, 56, 57
 Герау В. А. 8
 Герау Н. А. 57, 63
 Герау О. В. 58, 199
Гескет Б. С. 337
 Гильхен Э. В. 244, 318
 Гинденбург П. фон 35, 390, 514
 Гиссер Г. 401—403
 Гитлер А. 407
 Глазов В. Г. 154, 435
Голеевский Н. Л. 201
 Голицына 78, 84
Головин Н. Н. 18, 246, 248—252, 258, 517
 Гольтгоер К. А. 332, 334
 Горбатовский В. Н. 228, 378
 Горемыкин И. Г. 235
 Гостилов Т. 104, 105, 260
 Греков П. И. 292
Гриппенберг О.-Ф. К. 116, 191, 192
 Гудима В. З. 102, 103, 116, 132
 Гурко В. И. 37, 38, 49, 261, 366, 378—396, 398—400, 402, 412
 Гурко И. В. 114, 136, 221, 222, 390
 Гутор А. Е. 40, 43, 44, 400—402, 404, 406, 407, 410—412, 421, 427, 428
 Гучков А. И. 39, 399, 405
 Гушин С. Е. 231, 233, 238
 Данилов Н. А. 171, 179, 232, 266
Данилов Ю. Н. 189, 232, 233, 273, 321, 325, 327
 Данильченко П. В. 394
 Дегай 77, 78
 Деламот 55
 Дембовский Л. М. 459, 460, 467, 470
 Деникин А. И. 13, 22, 25, 231, 262, 428, 429, 432, 434, 435
 Дзержинский Ф. Э. 93
 Дзичканец 3-й 119, 120
 Дидеро 55
Дитерихс М. К. 5, 272
 Дитерихс Ф. К. 10, 65—70, 72
 Дмитрий Константинович (великий князь) 85
 Добржиаловский 271
 Добrorольский С. К. 244, 500
 Довяковский 138
 Долгоруков А. Н. 30, 32, 78, 447, 498
 Долуханов Х. М. 98, 138
 Доманевский В. Н. 33, 353—357, 368
 Дорохов Н. Н. 332
 Дорошкевич А. В. 13
Драгомиров В. М. 32, 206, 324, 325, 375, 500
 Драгомиров М. И. 149, 161, 214, 215, 221—223, 250
Дросси П. И. 304, 305, 493
 Друцкий 261
 Духонин Н. Н. 43, 219—221, 229, 364, 365, 404, 411, 421
 Духонина Н. В. 220
 Евсюков Н. Ф. 321, 323, 490, 491
 Егорьев В. Н. 237, 238
 Екатерина II 86, 121
 Елизавета Федоровна (великая княгиня) 79
 Елизаров Н. С. 13
 Енгальчев П. Н. 251, 252, 256, 264
 Енчевич 181
 Епанчин Н. А. 16, 17, 38, 215—218, 224, 444
 Ершов 235
 Есимонтовский А. В. 333
 Жерардт К. К. 65
Жилинский Я. Г. 241, 249, 252, 268
Жоффри Ж. 501, 502, 505
 Зайончковский А. М. 37, 260
 Зальца А. Е. 267
 Замбрицкий 380, 381
 Запольский Н. В. 14
 Запольский (полковник) 180
Зарубаев Н. П. 200, 470, 471, 473, 483
 Зарубаев (подпоручик) 491, 492
 Зейфарг А. А. 166
 Золотарев А. М. 254
 Зубковский А. А. 180
 Иванов Н. И. 265, 270, 271, 273, 274, 321, 324, 325, 433
 Игнатьев Н. Н. 33, 345, 349, 353, 355—358, 361, 362, 364, 368, 370, 378, 379, 383, 384
 Игнатьев Н. П. 361
 Игнатьев П. Н. 65, 75
 Ирманов В. А. 30
 Исаев И. К. 24
 Казанович Б. К. 275, 301, 309, 491, 492
Каледин А. М. 233, 366, 368, 371, 377, 385, 386
 Калишев А. И. 305—307, 309, 314, 493, 494
 Каменский В. А. 261, 430
 Каменский С. Н. (граф) 263, 436
 Кардашенко 275, 318
 Карлштадт Н. Ф. 9, 60—62, 413
 Карцев А. П. 17, 205, 206, 214, 217
 Каульбарс А. В. 180
 Квитницкий Л. В. 13
 Квицинский Б. И. 260
 Квятковский М. 210, 211
Келен А. С. 445, 452, 454, 455
 Келлер Ф. А. 38, 168
Келлер Ф. Э. 10, 65, 67, 68

Келчевский (Кельчевский) А. К. 259

Кельберер 493
 Керенский А. Ф. 41, 44, 47, 201, 262, 393, 396, 405, 407, 413–416, 419–421, 423, 427–431, 433–437
 Керсновский А. А. 38, 412, 417, 423
 Кирей 411, 416
 Кирпичев 65
 Кирсанов 105
 Киселевский Н. М. 353
Китцнер Г. 505, 514
Клембовский В. Н. 364, 365, 431
 Кобозева А. А. 57
 Козаков В. Г. 13
 Козеко 346
 Кокоринов 55
 Колчак А. В. 273
 Колобакин Б. М. 157–160, 164, 242–244, 246, 255, 258, 259, 263, 264
 Кондзеровский П. К. 104, 370
 Кононович-Горбацкий 209, 212
 Константин Константинович (великий князь) 34, 85, 352
 Корнилов Л. Г. 25, 41, 43, 44, 157, 231, 262, 321, 386, 409, 420, 427, 428, 430–435
 Короткевич Н. Н. 181
 Косаговский А. П. 135, 137–139
 Кочетков 211
 Кременецкий 314
 Круглевский В. А. 332
 Крыленко Н. В. 404, 406, 415
Крымов А. М. 200, 201, 432, 433
 Ксения Александровна (великая княгиня) 87
 Кугушев И. И. 261
 Кузнецов П. А. 30, 31, 181, 291, 301, 309, 317–319, 328, 443, 491, 492, 494, 495–498
Кузнецов С. А. 187, 199, 261
 Куликовский Н. А. 265
Куракин А. Б. 455
 Куроки Т. 174, 178, 195–197, 460, 469, 476, 478
 Куропаткин А. Н. 15, 20, 84, 116, 152, 172–175, 177–180, 182, 184, 186, 189–195, 197–199, 201, 244, 317, 401, 457, 461–463, 466, 468, 483–486
 Кутепов А. П. 231, 233
Лармессен Н. 451
 Лебедев Д. К. 13
 Лебедев П. П. 265
Левенгаупт А. Л. 456
 Левизов Н. И. 13
 Леер Г. А. 15, 149, 150, 152, 154, 156, 244, 447
 Ленин В. И. 404
 Леонтьев А. Н. 13, 160, 161, 515
 Леонтьев М. Н. 236
 Леопольд Баварский 423

Лечицкий П. А. 348, 395, 402, 408
Леш Л. 22, 32, 338, 353, 366, 368, 400
 Линда 180
 Линевиц Н. П. 190, 191, 195, 197–199, 400
Лисаневич М. И. 84
Лобанов-Ростовский Я. И. 450
 Логинова О. Н. 185
 Лосенко 55
 Лукомский А. С. 16, 17, 171, 214–218, 224, 266, 434
 Любавин Г. П. 472
Людендорф Э. 35, 233, 390, 514
 Ляпунов А. М. 296, 314
 Маврин А. А. 217, 219, 223, 224
 Мазиров 30
 Мазуров 314, 328
 Макаров 147
 Макензен А. фон 26, 35, 276, 310, 319, 321, 325, 334
 Маковский К. Е. 99, 277
Мальцев И. С. 107
 Мария Александровна (графиня) 68
 Мария Павловна (великая княгиня) 109
 Мария Федоровна (императрица-мать) 86, 128
 Марков С. Д. 180
Марков С. Л. 5, 13, 231, 262, 265, 432, 434
 Маркодеев П. А. 13
Мартен П.-Д. (мл.) 451, 455
 Мартсон Ф. В. 17, 205, 215
 Мартынов Е. И. 136
Марушевский В. В. 201
Марченко М. К. 234, 235
 Маслов 143
 Масловский Д. Ф. 150, 155
 Матвеев М. Л. 24
 Матвеев (прапорщик) 266, 271
 Махров Н. С. 13
 Медем М. 397
 Менгден Г. Г. 88
 Менжинский Р. И. 11, 92, 93
Миллер Е. К. 231, 233
 Милютин Н. А. 153, 246, 272
 Михаил Александрович (великий князь) 13
 Михаил Михайлович (великий князь) 105, 106
 Михаил Николаевич (великий князь) 80, 105, 142
 Михаил Павлович (великий князь) 56, 57, 118, 119
 Михайлов 181
 Михневич Н. П. 152, 154, 155, 243
 Мищенко П. И. 471
Моисеенко Н. Н. 364
 Молчанов С. М. 490
Монкевиц Н. А. 233
 Монфор Е. О. 13
 Моровицкий К. А. 13
 Морозов 315

- Москов П. А.** 137, **150**
 Муссолини Б. 407
 Муфель Н. В. 346
 Мышлаевский А. З. 150, 155–157, 164, 241
 Мюллер Н. А. 181
 Мюрат И. 179, 355, 488
 Мясоедов 215
 Наполеон Бонапарт 8, 19, 110, 121, 134, 157, 161, 173, 194, 243, 272, 405, 414, 480–489
 Нарышкин 81
 Нахичеванский Х. 38, 397
 Недригайлов 314
 Никифоров 493
 Николай Михайлович (великий князь) 377
Николай Николаевич (великий князь) 81, 85, 118, 260, 273, 301, 321, 341, 395, **505**
 Николай I 6, 8, 56, 57, 77, 110, 119, 447, 454, 455
Николай I Черногорский 237, 239
 Николай II 75, 86, 89, 111, 124, 128, 153, 219, 294, 302, 442
 Никонов 450
 Новицкий Е. Ф. 120, 223
 Новицкий Ф. Ф. 370
 Новоселов В. Г. 9, 59–61
 Носович П. И. 60
 Ностиц Г. И. 33, 332, 354
Нотбек В. В. фон 218, 338, 341, 346, 352
 Нуждин 107
 Оболенский Б. 261, 334
 Оболенский Н. Н. 114–116
 Обручев (штабс-капитан) 374
 Обручев Н. Н. 374
 Огородников Ф. Е. 435, 436
 Окунев 91
 Олохов В. А. 338, 355
 Ольга Александровна (великая княгиня) 265
Орановский В. А. 36, **190,** 191, 198
 Орлов Н. А. 134–136, 157, 173, 174
 Осипов 266, 267, 271
 Остен-Сакен В. 184, 198
 Павел Александрович (великий князь) 85, 117, 118, 350
 Павел I 71, 125
 Павловский И. Фр. 445, 452
Палицын Ф. Ф. 225–**228,** 233, 236, 241, 273,
 Пахомов Д. 441
 Пелино М. Ю. 58
 Пелисье 69
 Перейма И. Л. 181
 Перский 34
 Петерс В. Н. 261
 Петр I Великий 55, 56, 78, 112, 131, 150, 155, 230, 235, 441, 442, 445–448, 450–452, 454–456
 Петр III 125
 Петровская 229
 Пионтковский И. Н. 13
 Пищухин 396
 Подладчиков 347
Половцев (Половцов) П. А. 13, **201**
 Полтавцев В. Н. 13
 Порац-Кошиц Е. А. 181
 Пороховский 333
Потапов Н. М. 237, **238,** 239
 Потехин А. Ф. 87–89
Потоцкий С. Н. 231
Преженцов Я. Б. **115,** 121
 Притвиц 143
 Протопопов Н. И. 293, 329, 498, 499
 Прохоров С. Д. 13
 Пузыревский А. К. 222
 Пургасов А. А. 24, 29, 288, 293, 314, 328
 Пустовойтенко М. С. 266, 269, 272, 273, 370
 Пушкин (вестовой) 265, 289
Пьянов-Куркин В. П. 28, 29, 305, 314, **315,** 492, 494
 Радкевич Е. А. 36
 Радко-Дмитриев Р. Д. 20, 22, 27, 32, 238, 270, 274, 276, 297, 324, 325, 331, 338, 497
 Разумов 314
 Раух Г. О. 37
 Ревшин А. П. 13
 Рейнтал Р. 147
 Ренненкампф П. К. фон 39, 459–461, 465–467, 469–472, 478
 Рерберг П. Ф. 146
 Рерберг Ф. П. 428 (в тексте ошибочно указан как Петр Федорович)
 Рерберг Ф. Ф. 428, 430, 435
 Риттих П. А. 148
 Робертс Ф. 149
 Родзянко П. П. 376
 Родионов И. А. (писатель) 271
 Романовский Ю. Д. (Г. Д.) 401–403
 Ростовцев М. 76
 Ростовцев Ф. И. 14
 Ротштейн Н. В. 261
 Руденок 455
Рузский Н. В. **219,** 395
 Рузский (подполковник) 380
 Рыбин 284, 290, 291, 314
 Рытов 490
 Рябиков 245
 Рязанцев 284, 314, 328
 Саввич А. С. 23, 28, 30, 31, 213, 278–280, 282, 285, 286, 306, 309, 312, 314, 315, 317–319, 328–331, 358, 491, 492, 498, 500
Савинков Б. В. **429,** 433
 Савченко-Мащенко Л. И. 13
Самойло А. А. 226, 231, **232**
 Самокиш Н. С. 184

- Самсонов А. В. 39, 268, 465–467, 472, 473, 478
 Сапфирский 184, 199
 Сахаров (священник) 333
 Сахаров В. В. 187, 199, 200, 203
 Сахаров В. В. (генерал) 173, 401, 491
 Сект Х. фон 26
 Селенин 90, 92
 Селивачев В. И. 43, 44, 263, 412, 413, 416, 425, 427, 437
 Селиков 493
 Семенов Н. Г. 13
 Сергей Александрович (великий князь) 429
 Сивачев 144
 Симанский П. Н. 31, 497, 498
 Синайский 498
Симоно Ш. 451
 Скалой В. Г. 231, 245
 Скалон Н. Н. 341
 Скобелев М. Д. 15, 174
Скобельцын С. П. 340
 Сокира-Яхонтов В. Н. 13
 Соллогуб Н. В. 262, 263, 363, 381, 427, 430, 432, 434, 436, 437
 Софонов Я. В. 14
 Стааль Н. Ф. фон 16, 210, 213, 214
 Старов 55
 Стефан Г. Ф. 152
Стогов Н. Н. 233
 Строганова 84
 Суворов А. С. 55, 153, 223, 291
 Судиенко И. С. 450, 451
 Суханевич 493
Сухомлинов В. А. 146, 171, **215**, 223, 226–229, 239, 241, 242, 249, 250, 252, 253, 302
 Сухотин Н. И. 15, 152–154
 Телешов (Телешев) М. Н. 317, 318, 492
 Теребилов 68
 Тихай 186, 188
 Тихонович П. А. 136, 147
 Тишин 143
 Томон Т. де 456
Тон К. А. 454
 Троцкий Л. Д. 433
 Трубецкой 97
 Тюменев С. А. 205, 206, 216
 Фалькенгейн (Фалькенхайн, Фалькенгайн) Э. фон 390
 Фальконет 55
 Фердинанд (царь Болгарии) 236, 237
 Федяй Л. В. 498
 Фичев И. 237, 238
 Флоров 62
 Флуг В. Е. 36
 Фомин Б. В. 352, 430
 Фош Ф. 225, 246, 258
 Франц Иосиф 237
 Фридрих Брауншвейгский 484, 486
 Фридрих II Великий 19, 352, 480, 482–489
 Харкевич В. И. 178, 190
 Хитрово Ю. М. 370
 Хламов П. 493
Хольмсен И. А. 117, 235, **236**, 239
Хомутов Б. 340
 Цецович (Цицович) А. А. 279
 Пуриков А. А. 25
 Чебыкин А. Н. 394
 Чеглов М. П. 14
 Чекмарев А. И. 11, 12, 96, 97, 107, 140, 182
 Чемерзин Б. А. 136
 Черемисинова Н. К. 148
 Чернавин В. В. 13
 Черчилль У. 444
 Четков В. М. 14
 Чехов (унтер-офицер) 211
 Чученталер Х. фон 24
 Шалберов 104
Шарлемань А. И. 450
 Шарнгорст К. В. 166, 167
 Шевцов И. Н. 13
 Шиллинг Н. Н. 270
 Шипов П. Д. 277, 278, 289, 291–293
 Шмеман А. Д. 6
 Шмеман Д. 6
 Шмидт 32
 Шмит 144
 Шпилев 181
 Штакельберг Г. К. 192, 459, 468, 469, 477, 484
 Штубендорф А. О. фон 13, 166, 219
Шуберский А. Н. 14, 65, 68, 76, 79, 81–83, 86, 87, 161, **187**, 199, 200, 203
 Шувалов П. П. 11, 12, 95–97, 107
 Щербатский 87
 Щербачев Д. Г. 18, 48, 245, 248, 249, 251, 258, 348, 391
 Щербинский С. И. 183
Эверт А. Е. 198, 267, 268, 395
Эль Греко (Доменикос Теотокопулос) 412
 Энвальд Е. В. 24, 301, 302, 312, 489–491
 Энвер-паша 155
 Энгельгардт Б. А. 66, 332
Эрдели И. Г. 43, 44, 407, **408**, 411, 413–415, 417–421, 423, 427, 428, 434, 436
Юденич Н. Н. 6, 155, 228, **513**
Юнаков Н. Л. 251, 254, **258**
 Юргенсон В. М. 63, 64
 Яблочкин В. А. 260
 Якимович А. А. 13
 Якубовский И. И. 240
 Янушевский Г. Е. 181
 Янушкевич Н. Н. 170, 171, 251, 273, 341
 Яхонтов 229

ОГЛАВЛЕНИЕ

А. Н. Алекаев
ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ
5

К. А. Пахалюк
СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ
РУССКОГО ОФИЦЕРА Б. В. ГЕРУА
7

Примечания
50

Часть первая
ГЕНЕРАЛ ГЕРУА
ВОСПОМИНАНИЯ О МОЕЙ ЖИЗНИ
55

Вступление
55

ПЕРВЫЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС
59

ПАЖЕСКИЙ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА КОРПУС
63

ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ЕГЕРСКИЙ ПОЛК
94

ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ
148

В ГЕНЕРАЛЬНОМ ШТАБЕ
168

ЯПОНСКАЯ ВОЙНА	172
СЛУЖБА ПО ГЕНЕРАЛЬНОМУ ШТАБУ В КИЕВЕ	203
КОМАНДОВАНИЕ РОТОЙ В 168-М ПЕХОТНОМ МИРГОРОДСКОМ ПОЛКУ	207
ВОЗВРАЩЕНИЕ В ШТАБ 42-Й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ	214
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА В ПЕТЕРБУРГЕ	230
НИКОЛАЕВСКАЯ ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ. ПРОФЕССУРА	245
КОМАНДОВАНИЕ БАТАЛЬОНОМ В ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ЕГЕРСКОМ ПОЛКУ	259
ОПЯТЬ В АКАДЕМИИ	261
В ШТАБЕ ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА	264
КОМАНДОВАНИЕ 123-М ПЕХОТНЫМ КОЗЛОВСКИМ ПОЛКОМ	274
НАЧАЛЬНИК ШТАБА 31-Й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ	316
КОМАНДОВАНИЕ ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ИЗМАЙЛОВСКИМ ПОЛКОМ	331

ГЕНЕРАЛ-КВАРТИРМЕЙСТЕРСТВО В ШТАБЕ
ОСОБОЙ АРМИИ
353

НАЧАЛЬНИК ШТАБА 11-Й АРМИИ
400

Часть вторая
МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ
439

КРАТКИЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ
ДЛЯ ОЗНАКОМЛЕНИЯ С ПОЛТАВСКИМ ПОЛЕМ
СРАЖЕНИЯ И ИСТОРИЧЕСКИМИ ПАМЯТНИКАМИ
г. ПОЛТАВЫ, ОТНОсяЩИМИСЯ К БОЮ
445

Б. В. Геруа
МАНЕВР КАК СРЕДСТВО ДОСТИЖЕНИЯ
ЦЕЛИ БОЯ. ОТРЫВКИ
457

БОИ ПОД ГОРЛИЦЕЙ. ДОКУМЕНТЫ
495

Б. В. Геруа
СТРАТЕГИЯ АЛЬТРУИЗМА
501

А. Г. Конн
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР БОРИС ВЛАДИМИРОВИЧ ГЕРУА
515

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ
519

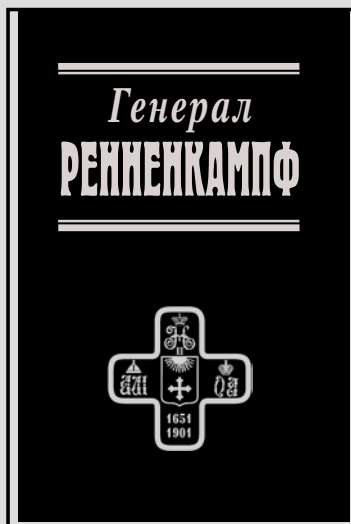
ГЕНЕРАЛ РЕННЕНКАМПФ

сост., ред., прим. и коммент. Р. Г. Гагкуев

Десятая книга серии «Белые воины» рассказывает об одном из самых известных военачальников русской армии начала XX века — П. К. Ренненкампфе. Участие в Китайском походе, Русско-японской войне, громкая победа у Гумбиннена в начале Первой мировой войны сделали его популярным в обществе.

Однако уже осенью 1914 года его отрешили от командования, а в следующем году было начато следствие, выявившее ряд нелицеприятных фактов. Виновен ли в поражениях своей армии генерал Ренненкампф? Имеют ли реальную основу выдвинутые против него обвинения?

Многие архивные документы публикуются впервые. Книга иллюстрирована редкими фотографиями из архивов и частных коллекций. Многочисленные статьи, документы и воспоминания на страницах этого издания дополнены материалами современных исследователей, посвященными различным сторонам деятельности генерала Ренненкампфа.



*Согласно Федеральному закону
от 29.12.2010 № 436-ФЗ 16+*

Серия «Белые войны»

Научно-популярное издание

Генерал Геруа

Редактор — *М. Е. Ганова*

Художественное оформление — *Е. Г. Клодт, А. А. Базилевич*

Верстка — *А. А. Базилевич*

ООО «Содружество “Посев”».

127051, Москва, ул. Неглинная, 27/2/26, стр. 1, пом. 96.

Тел./факс: (495) 625-9248, 625-8138, e-mail: posevru@gmail.com

Формат 60×90 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 1300 экз.

Отпечатано в АО «ИПК “Чувашия”»

428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13

ISBN 978-5-906569-15-8



9 785906 569158